Н. И. МИЛЮТЕНКО

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

И КРЕЩЕНИЕ РУСИ

БИБЛИОТЕКА ХРИСТИАНСКОЙ МЫСЛИ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(Пушкинский Дом)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет

издательство
олега абышко

исследования

Πίστει νοοῦμεν...

Верою разумеваем...

Евр. 11, 3

Серия основана в 2002 г.

Н. И. МИЛЮТЕНКО

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И КРЕЩЕНИЕ РУСИ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Научный редактор *Г. М. Прохоров*

Научное издание

издательство
олега абышко

Санкт-Петербург
2008

УДК 281.93
ББК 86.372.24
М60

Милютенко Н. И.

М60 Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Науч. ред. Г. М. Прохоров. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. — 576 с. : ил. — (Серия «Библиотека христианской мысли. Исследования»).

ISBN 978-5-903525-17-1

Монография посвящена истории окончательного утверждения христианства на Руси усилиями св. равноап. князя Владимира. Его деятельность отразилась не только в русских, но и в европейских, византийских и ближневосточных источниках, написанных его младшими современниками. В книге рассмотрена биография св. Владимира и история христианского просвещения Руси, начиная с эпохи Константинопольского патриарха Фотия. К исследованию привлечены все возможные источники, в том числе скандинавские саги.

Вокруг крещения и образа святого князя с самого начала складывались легенды, зафиксированные и в русской, и в европейской традициях. Большое внимание уделено истории сложения летописного рассказа о правлении святого князя. История св. Владимира всегда привлекала внимание исследователей, но произведения о крещении Руси и св. Владимире были изучены гораздо хуже циклов житий других русских святых. До сих пор не было издания, включающего все основные произведения о крестителе Руси. В книге собраны наиболее значимые с исторической и литературной точек зрения памятники, в том числе впервые после 1888 г. полностью опубликован текст древнейшей службы.

Для всех интересующихся историей древней Руси и становлением Русской Церкви.

На обложке книги воспроизведен образ св. равноап. князя Владимира работы Христины Прохоровой, написанный для иконостаса церкви Владимирского скита Валаамского монастыря

Рецензенты: доктор исторических наук, проф. *А. В. Майоров* (СПбГУ);
кандидат филологических наук, ст. н. с. *И. А. Лобакова* (ИРЛИ РАН)

ISBN 978-5-903525-17-1

© «Издательство Олега Абышко» (СПб.), 2008
© Н. И. Милютенко, 2008

Введение*

Крещение Руси и принятие православия по Восточному обряду предопределило развитие культуры и историю страны от раннего Средневековья вплоть до настоящего времени. Литература, архитектура, изобразительное искусство, даже особенности городского быта и повседневные обычаи определялись христианским мироощущением.

Особенностью Руси эпохи принятия христианства было положение контактной зоны. Археологические открытия прошлого века на территории России, в Северной Европе, в Подунавье и в Польше, публикации и изучение арабских исторических и географических сочинений позволили оценить ситуацию, в которой произошло крещение Руси, иначе, чем это делалось в XIX — первой половине XX в. Выяснилось, что у скандинавов, торговавших и селившихся на территории современной Европейской России, самые тесные контакты в VIII–X вв. складывались со странами Арабского халифата.[1] Принятие Волжской Болгарией ислама в начале X в. вплотную приблизило его распространение к границам Руси. В VIII в. государственной религией Хазарского каганата стал иудаизм, а полиэтничная иудейская община Киева достоверно существовала в X в.[2] С IX в. Русь совер-

* Отдельные разделы работы написаны при финансовой поддержке Гранта РГНФ 06–04–00307а и стипендии Норвежского Университетского центра в Санкт-Петербурге (1998 г.).

[1] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 113–218.

[2] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. / Научн. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. Изд. 2-е., испр. и доп. М., 2003.

шала набеги на Византию, а в 867 г. Константинопольский патриарх св. Фотий пишет о крещении русов. Продолжатель Феофана сообщает об основании у них епархии. О торговых связях Руси с империей франков в IX–X вв. свидетельствует Баварский географ и Раффельштеттенский таможенный устав. Княгиня Ольга, приняв крещение от Восточной Римской империи (Византии), в Западной просила епископа у императора Оттона I.[1]

Св. Владимир действительно стоял перед выбором, какое именно исповедание единого Бога, Творца неба и земли, он должен принять для своей страны. Второй вопрос состоял в том, с какой империей быть в союзе, Восточной или Западной? В основном нашем источнике, русских летописях XI в., эта ситуация отразилась в рассказе о выборе веры князем Владимиром в легендарном облике. Сами статьи 6494–6496 (986–988) гг. содержат напластования из нескольких летописных сводов, и в окончательном виде этот текст сложился только к концу XI в. Тем не менее он зачастую привлекается исследователями как цельное повествование. Явный литературно-фольклорный характер рассказа заставлял искать для него различные образцы от гипотетического предания о крещении князя Бориса-Михаила Болгарского или князя русов в 867 г. до реально сохранившегося рассказа о принятии хазарским царем Буланом иудаизма.[2]

С деятельностью св. Владимира связано начало русской письменности и русской литературы. В Новгородской I летописи и в «Повести

[1] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 7–51, 59–100; *Он же.* Древняя Русь... С. 71–112, 263–308.

[2] *Шахматов А. А.* Один из источников летописного сказания о крещении Владимира//Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1904. С. 68–74; *Львов А. С.* Исследование Речи Философа//Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 300–350; *Лебедев Лев, прот.* К вопросу о происхождении «Поучения Философа князю Владимиру» в тексте «Повести временных лет»//Герменевтика древнерусской литературы X–XIV вв. М., 1991. Сб. 3. С. 104–122; *Архипов А. А.* К изучению сюжета о выборе веры «Повести временных лет» и «еврейско-хазарская переписка»//Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. P. 20–43.

временных лет» в составе рассказа о крещении Руси под 6496 (988) г. есть сообщение: «И посълавъ, (Владимир) нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти на учение книжное». Летописец пишет, что матери плакали по ним, как по мертвым, потому что люди были еще язычниками. Очевидно, князь хотел подготовить из числа «нарочитой чади» священников и диаконов, но это означало исключение из общинной жизни, и такая судьба совершенно не радовала «нарочитую чадь». Не вполне ясно, кто же были учителя этих детей. Крещение Руси произошло как раз в разгар войны Византии с Болгарией, которую император Василий, шурин Владимира, на первом этапе вел очень неудачно. Однако, возможно, что какая-то часть болгарских священников, то ли бывших в плену в Константинополе еще со времен Иоанна Цимисхия, то ли выступивших против тогдашнего царя Самуила (976–1014), прибыла в Киев.[1] Они и могли преподать «учение книжное» на языке, хорошо понятном для носителей всех восточнославянских диалектов.

Все русские писатели XI в., о которых есть хоть какие-то биографические сведения, были монахами или священниками. Сфера применения письменности была гораздо шире. Например, из археологических слоев Новгорода конца X в. мы уже имеем образцы деловой письменности — надписи на деревянных цилиндрах, которыми запечатывали мехи с собранной данью.[2] Вероятно, появление грамотных людей в княжеской дружине относится к периоду еще до крещения, но повсеместным это явление становится только после принятия христианства и, как следствие, славянской книжной культуры. О широком проникновении письменности в городской обиход во второй половине XI в.

[1] Библиографию вопроса см.: *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma//Proceedings of the International Congress, Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine/HUS. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 214–261; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 301–302, 306–314.

[2] *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Надписи на цилиндрах//*Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. С. 120–137.

свидетельствуют берестяные грамоты, найденные теперь почти во всех древнерусских городах, где есть физические условия для их сохранения в земле. Благодаря систематическим раскопкам в Новгороде мы можем представить себе весь путь освоения письменности: от традиционных восковых дощечек, на которых переписывались псалмы, до изобретения собственного массового материала для письма — обработанной бересты.[1] Между обыденной грамотностью и литературной деятельностью лежит определенный рубеж. Между крещением Руси и появлением первого достоверно известного русского писателя, митрополита Киевского Илариона,[2] прошло 40 лет.

Как мы увидим дальше, первые произведения, посвященные Владимиру и крещению Руси, появились еще при его жизни. На следы их существования исследователи уже указывали.[3]

История крещения Руси и, соответственно, биография св. Владимира привлекали неизменное внимание исследователей, особенно в период подготовки к празднованию 1000-летия крещения Руси. На этом фоне удивительно невнимание к литературным произведениям, ему посвященным. Исключение составляет летописный рассказ, но это всего лишь часть богатой литературой традиции, сложившейся вокруг имени крестителя Руси.

Определенную роль в невнимательном отношении к памятникам, посвященным св. Владимиру, сыграло предположение, что его канонизация относится к XIII в., причем, скорее ко второй его половине.[4]

---

[1] *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси//ВЯ. 2001. № 5. С. 3–25.

[2] *Молдован А. А.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Киев, 1984; Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона//БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 26–61.

[3] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 438–439; *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореви. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи//Russian Linguistics. 2001. № 25. P. 159–161, 176, note 26, 165–166.

[4] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1904. Т. 1. Ч. 2. С. 185–186; *Vodoff V.* Pourquoi le prince Volodimer Svjatoclavich n'a-t-il pas été canonisé?//Proceedings of the Intern. Congr. Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine/HUS. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 446–451.

Соответственно и все тексты получали позднюю датировку. Единственным исключением был фрагмент из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха, посвященный биографии князя. Он явно был написан до того, как в летописание вошла так называемая Корсунская легенда о крещении Владимира в Крыму (1070-е — 1090-е гг.).[1] Но даже первую часть сочинения, собственно похвалу, где говорилось о крещении Руси, относили к XIII в. При этом тот факт, что в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, написанном несомненно до 1051 г., Владимир называется блаженным, т. е. святым, никто не отрицал. По мысли М. Д. Приселкова, Ярослав готовил канонизацию своего отца, но в ней ему отказали в Византии.[2]

И сочинения Илариона, и другие оригинальные произведения в большинстве посвящены крещению Руси и ее первым святым. Житийная традиция, рассказывающая о св. Владимире, столь же богата и многообразна, как и цикл, посвященный его сыновьям, свв. Борису и Глебу, но изучена значительно хуже.

Из XIII в. происходят два древнейших списка Проложного жития св. Владимира. Полный был выполнен в Болгарии в середине века.[3] В отрывке Пролога XIII в. (ГИМ. Щук. 97) из текста Жития сохранился только один лист. В болгарском списке (РНБ, ОР, Q. п. 1. 63) воспроизведен текст из 2-й редакции Пролога. Он расходится с вариантом из 1-й редакции (РНБ, ОР, F. п. 1. 47) в указании, какой храм был построен на месте крещения киевлян: церковь двух свв. мучеников Гурова или св. Петра. Это указывает на длительность существования рукописной традиции до XIII в. Следовательно, Проложное житие святого князя появилось самое позднее в конце XII в. (см.: Гл. 3. 2).

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 13–28.

[2] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 106–115.

[3] *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q. п. 1. 63)//Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308. Там же публикация текстов и библиография вопроса.

Есть прямое указание на существование жития св. Владимира в XII в. Сохранился список Студийского устава XII в., который был разделен на две части (РНБ, ОР, Соф. 1136 и Курский краеведческий музей, № 20959). Судя по тому, что в хранящейся в РНБ части служба свв. Борису и Глебу заново приписана на нижних полях почерком XIV в., соответствующий фрагмент кодекса пропал довольно рано. Теперь он хранится в Курске. В службе свв. Борису и Глебу XII в. есть помета: «чтетсѧ житиѥ кнѧзѧ Володимира, и томь ѥсть моучниѥ с(вя)тою Бориса и Глѣба». Службы Владимиру в Уставе нет. Текст, содержащий жития свв. Владимира, Бориса и Глеба, тоже неизвестен, но, если уставщик на него ссылается, то такой список имелся в библиотеке. Это могла быть «Память и похвала» Иакова Мниха, где помимо вставной статьи о княгине Ольге был рассказ о Борисе и Глебе. Возможно и то, что это была отдельная рукопись, содержавшая жития некоторых русских святых. В отличие от своих сыновей, Владимир в Уставе не назван святым. Возможно, это отражает реальный этап становления общерусского почитания князя в первой половине — середине XII в. А. С. Хорошев полагает, что он был канонизован еще в XI в.[1]

В Русской церкви эпохи раннего Средневековья, как и в Византийской, не было установленной процедуры канонизации. Местное почитание святого складывалось постепенно. О его общецерковном признании можно судить по службам, житиям, минеям и упоминаниям в месяцесловах Евангелий и Апостолов. Так как все русские рукописи Нового Завета в XI — начале XII вв. были списаны с болгарских оригиналов, то они не отражают практику Киевской митрополии. Первым памятником, куда вошли русские праздники, был месяцеслов Евангелия-апракос Мстислава Великого начала XII в. Освящение Софийского собора в Киеве митрополитом Ефремом (около 1054–1062) упоминается под 4 ноября, а память свв. Борису и Глебу под 24 июля.[2]

---

[1] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XIV вв.). М., 1986. С. 48.

[2] Апракос Мстислава Великого. Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. С. 234.

Как видно из истории создания преп. Нестором жития св. Феодосия Печерского, работа агиографа зачастую предшествовала официальному прославлению святого. Нестор закончил свою работу до 1088 г., когда умер игумен Никон, а мощи святого были извлечены из земли и помещены в храме только в 1091 г. Повеление занести Феодосия в Синодик, согласно «Повести временных лет», князь Святополк Изяславич дал только в 1108 г. Первой половиной XII в. датируются древнейшие списки службы св. Феодосию. Самые ранние списки службы св. Владимиру (стихиры и канон) датируются серединой — второй половиной XIV в. (РНБ, ОР, Соф. 382, 386).[1] Но от XIV — начала XV в. сохранилось такое количество вариантов, что это заставляет предполагать их появление не во второй половине XIII в., а в XI–XII вв.[2] Служба св. Владимиру практически не изучена.

Владимир, единственный из всех русских князей и святых домонгольского периода, стал настоящим фольклорным героем. Под именем Владимира Красное Солнышко он является одним из главных персонажей былинного эпоса. При этом св. Владимир совершенно не фигурирует в духовных стихах. Церковная традиция XVI–XVII вв., как и былины о Владимире Красное Солнышко, должна стать предметом отдельных научных изысканий.

Хронологические рамки данного исследования ограничены периодом от эпохи жизни самого святого князя до создания в 1414 г. сборника Матвея Кусова, известного в науке как «Мусин-Пушкинский». Как будет показано дальше, это не начало, а завершение процесса формирования ядра Владимирского цикла. На этом создание новых произведений, посвященных крестителю Руси, не остановилось, и они будут указаны в Главе 6, посвященной истории рукописной традиции.

Отсутствие сводной публикации всех произведений, посвященных св. Владимиру, создает большие трудности для исследователя. История изучения и публикации житий начинается с преосв. Мака-

[1] РНБ, ОР, Соф. 382. СК-2. Прил. 1. С. 589. Ср. датировку XIII–XIV вв.: СК. № 434.

[2] *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 67–73. Ср.: *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира//Странник. 1888. Май-август. С. 197–238.

рия.[1] Все известные ему произведения собрал А. И. Соболевский.[2] Сводка списков житий и служб (без разделения на редакции) была выполнена Н. К. Никольским.[3] Следующее комплексное исследование было предпринято Н. И. Серебрянским.[4] Исчерпывающую работу, посвященную этому вопросу, готовил А. А. Шахматов. Книга прошла две корректуры, но из-за Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны так и осталась незавершенной. В обеих корректурах отсутствует окончание текста, либо не дописанное самим ученым, либо утерянное впоследствии.[5] А. А. Шахматов выделил виды и редакции Проложного жития (6 видов); 2 редакции Краткого вида Обычного жития и 6 редакций Распространенного вида Обычного жития. Судя по другим его публикациям, он выделял также Житие особого состава (иначе — Легендарное).

Первым этапом должна быть систематизация известных памятников, которая и предлагается в Главе 3. В основу была положена схема А. А. Шахматова из его неоконченной книги. Кроме того, учитывались данные последних исследований Похвальных слов св. Владимиру.

В этой книге издаются: «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха, Проложное житие 1-го и 2-го вида, Краткий вид Обычного жития и 4-я редакция Распространенного вида, Особое житие, две редакции службы по древнейшим спискам. В Приложениях сведены данные об известных списках произведений Владимирского цикла.

---

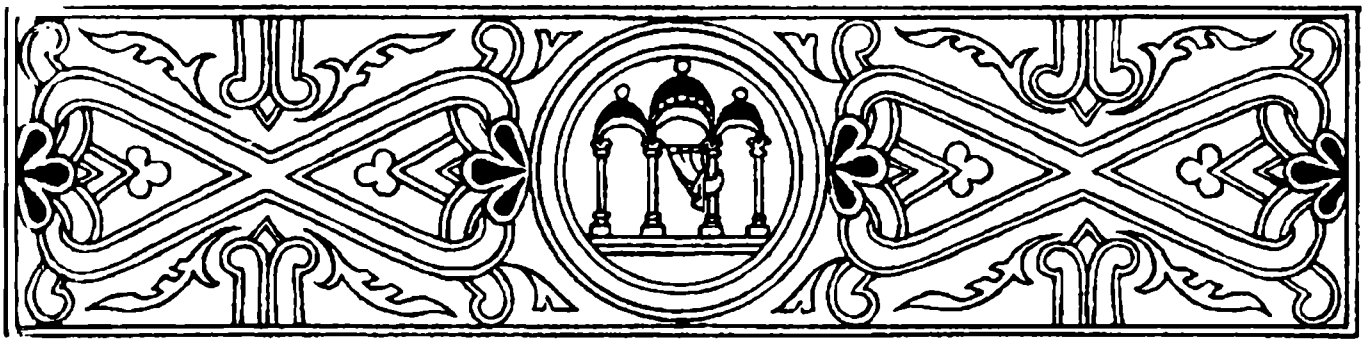
[1] *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника русской духовной литературы XI в.//ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 302–369; *Он же.* История Русской Церкви. Изд. 2-е. СПб., 1868. Т. 1. С. 255–263.

[2] *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому//Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси/Под ред. А. И. Соболевского//ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 21–35.

[3] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 230–236.

[1] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 43–81; тексты: с. 14–26 (втор. паг.).

[5] Архив РАН. Ф. 154 (А. А. Шахматова). Оп. 1, № 112. В дальнейшем предполагается издание неоконченного исследования А. А. Шахматова с комментариями и дополнениями из других его работ.



Глава 1

Древнейшие произведения о св. Владимире

1. Этапы сложения летописного рассказа о князе Владимире

Полная биография св. Владимира есть только в летописях. Все жития князя за исключением двух поздних, составленных в XVI–XVII вв., рассказывают только о принятии христианства и строительстве первого каменного храма Руси, церкви св. Богородицы в Киеве. Их составители использовали источники, отличавшиеся от летописного рассказа, но они никогда не касались жизни св. Владимира до того момента, как он стал задумываться о поисках истинной веры. Настоящее житие в полном смысле этого слова появляется только в Степенной книге, составленной в середине XVI в. В XVII в. на основе украинской Густынской летописи было написано другое житие св. Владимира, названное А. И. Соболевским Южнорусским (о житиях см.: Гл. 3. 6).

В основе подавляющего большинства древнерусских летописей лежит «Повесть временных лет». Ее составил, как написано в заглавии по Ипатьевской редакции 1118 г., «черноризець Федосьего манастыря Печерьскаго» в Киеве. В заглавии по Лаврентьевско-Троицкой редакции этих слов нет, зато в приписке к статье 1110 г. сказано, что в 6624 (1116) г. «игуменъ Силивестръ святаго Михаила написа

книгы си Лѣтописець». Иными словами, книгу переписал настоятель Михайловского Выдубицкого монастыря, основанного князем Всеволодом Ярославичем (1030–1093, князь Киевский с 1078). Интересно, что в Радзивиловской летописи, которая относится к Лаврентьевско-Троицкой редакции, но была правлена по Ипатьевской, есть и указание на авторство монаха Киево-Печерского монастыря в заглавии, и приписка Сильвестра.

Весь текст «Повести временных лет» свидетельствует о том, что летопись велась в Киево-Печерском монастыре.[1] Начиная со статьи 6559 (1051) г., где кратко рассказана история его возникновения, и до 6604 (1096) г. включительно летописец постоянно говорит о монастыре как о «нашем». Исключительное внимание к обители проявляется даже в статье 6618 г., к которой и сделал приписку Сильвестр. Здесь говорится о явлении 11 февраля (по январскому стилю 1111 г.) огненного столпа над монастырем и гробом св. Феодосия Печерского. В Ипатьевской редакции «Повести временных лет» на этом текст не обрывается, и из продолжения ясно, что видение предвещало победу над половцами 27 марта 1111 г. Об этом событии кратко пишет и сам Сильвестр в своем продолжении к «Повести временных лет». Так как он сам применяет ультрамартовский стиль (год начинается с 1 марта, но на полгода раньше византийского сентябрьского), то его рассказ датирован 6620 г. (1111 январским). Выдубицкий монастырь в «Повести временных лет» только упоминается вскользь, первое известие — закладка церкви св. Михаила в 6578 (1070) г.

На этом основании все исследователи вслед за А. А. Шахматовым признают, что летописание вели именно в Печерском монастыре. Однако не все соглашались с предложенной им гипотезой о трех редакциях «Повести временных лет».[2] В рукописях до нас дошли две.

[1] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. I–LXXX; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 42–43.

[2] *Мюллер Л.* «Третья редакция» «Повести временных лет» // *Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 165–182 (впервые опубл. в 1967 г.); *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 49–52; Die Nestorchronik // Forum Slavi-

Редакция 1118 г. сохранилась в составе Киевской летописи конца XII в. Вместе с Галицко-Волынской летописью конца XIII в. они образуют один текст — Ипатьевскую летопись (названа по основному списку). Редакция 1116 г. через посредство летописца Переяславля Южного, где Сильвестр был епископом в 1118–1123 гг., легла в основу летописания Владимиро-Суздальской Руси XII в. Именно эта линия продолжается в Тверском и Московском великокняжеском летописании, старшие списки которого представлены Лаврентьевской (1377 г.) и сгоревшей Троицкой (1408 г.)[1] летописями.

Дискуссионным является вопрос, был ли создателем «Повести временных лет» монах Нестор. Его имя есть только в Хлебниковском списке Ипатьевской редакции 1560-х гг. и в копиях, сделанных с него в XVII–XVIII вв.[2] В самом Ипатьевском списке 1420-х гг. «черноризець Федосьего манастыря» остается безымянным. А. А. Шахматов, безусловно, считал создателем «Повести временных лет» Нестора.[3]

В начале Новгородской 1 летописи младшего извода (далее: Н1 мл.) помещен текст, отличающийся от «Повести временных лет». А. А. Шахматов показал, что он представляет предшествующий этап развития киевского летописания, и дал ему условное название Начальный свод (далее: НС). Исследователь датировал его создание временем около 1093 г. Впоследствии М. Х. Алешковский обнаружил, что начиная с 1091 г. в «Повести временных лет» идут современные приписки, и ее непосредственный предшественник заканчивался

cum. München. 2001. Bd. 56. *Müller L.* Handbuch zur Nestorchronik. Bd. IV. S. VII–VIII, XX–XXVI; *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.

[1] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950.

[2] Новейшее исследование о списках и редакциях Ипатьевской летописи: *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. С. F–N.

[3] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. XVIII–XXI, LXVII–LXXVII; *Алешковский М. Х.* Указ. соч. *Зиборов В. К.* О летописи Нестора. СПб., 1995.

1090 г.[1] НС читается в Н1 мл. от самого начала до рассказа о смерти Владимира и убиении его сыновей свв. Бориса и Глеба под 6523 (1015) г. включительно. С 6524 (1016) г. в Н1 мл. начинается последовательное воспроизведение Новгородского свода 1078 г. До этого в тексте встречались лишь отдельные новгородские известия. С середины статьи 6524 (1016) г. начинается пергаменная рукопись XIII в. Новгородской 1 летописи старшего извода (далее: Н1 ст.). По сравнению с Н1 мл. Новгородский свод 1078 г. передан здесь в сильном сокращении.

Текст, близкий «Повести временных лет», опять воспроизводится в Н1 мл. со статьи 6553 (1045) г. Знаменательно, что известие о закладке в Новгороде Софийского собора помещено здесь в редакции «Повести временных лет», а не Н1 ст. Объем известий все увеличивается, и с 1055 г. киевский летописец воспроизводится практически без пропусков, пока текст не обрывается на середине статьи 1074 г. Только включения редких новгородских известий отличают его от «Повести временных лет», и А. А. Гиппиус поставил вопрос, не обратился ли на этом участке новгородский сводчик непосредственно к «Повести временных лет».[2] Начиная с пустого 6583 (1075) г. и дальше, Н1 ст. и Н1 мл. одинаково воспроизводят Новгородский свод 1078 г. и его продолжение. Н1 мл. непрерывно велась вплоть до середины XV в.,[3] и время включения в ее текст НС определяется по-разному: началом XII в., началом XIII в. или началом XV в., как полагал одно время А. А. Шахматов.[4]

---

[1] *Шахматов А. А.* О Начальном Киевском летописном своде. Отд. отт. М., 1897; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 197–200, 212–257; *Алешковский М. Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории. М., 1976. Вып. 2. С. 122–135.

[2] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 50–53.

[3] *Гиппиус А. А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 356–360.

[4] *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–265; *Гиппиус А. А.* Указ. соч.

А. А. Шахматов предположил, что НС предшествовали другие летописные своды. Начиная со статьи 6569 (1061) г. в «Повести временных лет» появляются точные даты современных событий. Они сопоставимы с основными событиями в жизни одного из основателей Киево-Печерского монастыря, а с 1076 г. его игумена — Никона. Исследователь предположил, что он и составил новый свод в 1070-е гг.[1] Ему предшествовал, по мысли А. А. Шахматова, Древнейший свод, составленный в 1039 г. при Ярославе Мудром.[2] Так как определение этих сводов, в отличие от НС, не имеет твердой текстологической основы, то оно вызывает наибольшие споры.[3] К этому вопросу мы еще вернемся в Гл. 2.1. Использование в Н1 мл. текста-предшественника «Повести временных лет» обрывается на статье 1015 г., а близкого ей текста — на середине статьи 1074 г. В принципе, возможно и то, что в Новгороде был использован не свод 1091 г., а более ранний, составленный в Киево-Печерском монастыре в 1070-х гг. Никоном.[4]

Рассмотрим подробнее вопрос, почему текст Н1 мл. до 6523 (1015) г. включительно безусловно возводится к киевскому НС, а не к новгородскому летописанию. Для нас он особенно важен, так как напрямую связан с проблемой происхождения летописного рассказа о княжении Владимира.

История Руси от начала и вплоть до рассказа о смерти Игоря в 6453 (945) г. изложена в Н1 мл. с существенными отличиями от «По-

---

С. 42–43; *Шахматов А. А.* О Начальном Киевском... С. 10–22; *Клосс Б. М.* Летопись Новгородская первая//СККДР. Вып. 1. XI — первая половина XIV вв. Ср.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 5–9, 193, 380.

[1] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 420–460. См. также: *Приселков М. Д.* История... С. 31–34; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947. С. 82–93.

[2] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 1–13, 414–420; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 21–29; *Лихачев Д. С.* Там же; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI–XVII вв. М., 1969. С. 34–47.

[3] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 42–45, 52–53; *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971; *Зиборов В. К.* Указ. соч. С. 129–156.

[4] В. К. Зиборов считает, что свод 1070-х гг., использованный в Н1 мл., был составлен Нестором. См.: *Зиборов В. К.* Указ. соч. С. 129–156.

вести временных лет». Вплоть до рассказа о крещении Новгорода в 6497 (989) г. среди них нет новгородских известий. Есть всего три упоминания о княжéнии в Новгороде Рюрика, Олега и Владимира. Основное внимание, как и в «Повести временных лет», уделено полянам и Киеву. Следовательно, в Н1 мл. читается Киевский летописный свод, но иной редакции.

Развитие текста от НС к «Повести временных лет» прекрасно прослеживается, если сравнить ее с Н1 мл.[1] В основе хронологической сетки у Н1 мл. лежит «Хронограф по великому изложению», а у «Повести временных лет» — текст одного из двух его источников — «Хроника» Георгия Амартола.[2] В Хронографе она была соединена с другой византийской «Хроникой», Иоанна Малалы, и сокращена, что и привело к хронологическим ошибкам. В «Повесть временных лет» были включены документальные источники — договоры Руси с греками. На их основании и в результате сверки с полным текстом «Хроники» Георгия Амартола в предшествующий свод были внесены существенные правки. Рассмотрим наиболее важные отличия.

Предисловие Н1 мл. отличается от текста «Повести временных лет», но вопрос, происходит оно из НС или было написано в Новгороде в начале XIII в.,[3] до сих пор не решен окончательно. Дело в том, что летописец обещает довести изложение до византийских императоров «Олекси, Исакья». При этом такое чтение есть только в Троицком списке Н1 мл., в остальных вместо Олексы стоит «до Александра», хотя императора с таким именем вообще не было. А. А. Шахматов

---

[1] *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: Текстологический комментарий//ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26.

[2] *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению//ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 100–130; *Он же.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 46–73.

[3] *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в.//Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 175–181; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия//Из истории русской культуры (Древняя Русь). М., 2000. Т. 1. С. 69–77; *Он же.* Как начиналась Начальная летопись//ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 33–41.

полагал, что речь идет об Алексее I Комнине и его брате севастократоре Исааке. Но взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. связано именно с императорами Алексеем и Исааком Ангелами. Когда-то Алексей сверг своего брата Исаака. Крестоносцы сначала посадили на престол его племянника, тоже Алексея, а потом предательски захватили и сам Константинополь. Повесть о взятии Царьграда читается в Н1 ст. и мл. Но в предисловии рассказывается только об основании и христианском просвещении Киева. О том, кто и когда основал Новгород, не сказано ни слова, хотя летописец и утверждает: «преже Новгороцкая волость, а потомъ Киевская». Наиболее убедительной представляется точка зрения А. А. Гиппиуса — Предисловие в Н1 мл. происходит из НС.[1]

В НС (Н1 мл.) о начале Русской земли рассказывается в статье 6362 (854) г. Этим временем датировано начало правления византийского императора Михаила III. В «Повести временных лет» стоит 6360 (852) г. Об императоре Михаиле русские летописцы знали из «Хроники» Георгия Амартола. Она была закончена в 866 г., но доведена только до известия о воцарении Михаила. При этом в тексте указана не дата 6350 (842) г., а срок его правления ко времени завершения «Хроники»: 24 года и 3 месяца. Далее следует продолжение, написанное Симеоном Логофетом, причем версии разных списков настолько серьезно отличаются, что ставился вопрос о разных авторах или, по крайней мере, редакторах.[2] Обе даты начала правления Михаила были указаны русскими летописцами неправильно, но исходили они из византийских источников.[3] Так как в Н1 мл. под 6362 г. говорится о начале

[1] *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. Сборник к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 60–69. Там же библиография вопроса.

[2] *Каждан А. П.* Хроника Симеона Логофета // ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125–143. К особенностям редакций хроник Георгия Амартола и Симеона Логофета, с которых делался перевод, мы вернемся в Главе 4.

[3] А. А. Шахматов полагал, что 6360 г. получился на основании «Летописца вскоре» патриарха Никифора, а 6362 г. он возводил к некоему хронографу. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 97–98, *Он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 2. С. 62–67. Текст, где

Киева, а Новгород даже не упомянут, нет никаких оснований относить эту статью к творчеству новгородского летописца.

Кий, Щек и Хорив названы в НС современниками Михаила III и его матери. Имя императрицы здесь приведено с ошибкой — не Феодора, а Ирина. Последняя была матерью Константина VI (780–797). Путаница произошла, видимо, потому, что обе были соправительницами своих сыновей, и обе восстанавливали иконопочитание: Ирина в 787 г. на VII Вселенском соборе, а Феодора в 842 г. В правление Михаила с матерью и Кия с братьями произошло нападение Руси на Константинополь. Об этом рассказывается в «Хронике» Георгия Амартола, а в НС этот текст вошел через посредство «Хронографа по великому изложению».[1] Ни в «Хронике» Амартола, ни в «Хронографе» дат не было, соответственно и в НС поход Руси не датирован. Далее летописец пишет: «По сихъ лѣтѣхъ братиа сии изгибоша», и сообщает, что после смерти Кия с братьями поляне были покорены хазарами. Затем у них начали княжить два пришлых варяга, Аскольд и Дир. Во времена Кия с братьями новгородские словене и их соседи кривичи, меря и чудь давали дань варягам, а затем изгнали их и начали воевать между собой. Устав от усобиц, они призвали Рюрика с братьями.

Вокняжение Рюрика в Новгороде, смерть его братьев и его самого, захват Игорем и Олегом Киева и женитьба Игоря на Ольге отнесены к широкому периоду между первым походом Руси на Константинополь после 854 г. и вторым в 920 г. Дата 920 г. вставлена в середину фразы: «И пакы приведе себѣ жену от Плескова именемъ Ольгу, и бѣ мудра и смысленна, от нея же роди ся сынъ Святославъ.

говорилось, что Болгарская земля была крещена на второй год правления Михаила, а перевод книг на славянский язык был осуществлен в 6363 г., исследователь нашел в Полной Хронографической палее. Но в нее указание на перевод в 6353 г. попало из «Сказания о письменах» черноризца Храбра, составленного в X в. Эта ошибка есть во всех списках «Сказания», о ее возможном происхождении из общего с НС источника см.: *Wasilewski T.* Bizancjum i słowiane w IX wieku. Warszawa, 1972. S. 108, 112–113, 220–221.

[1] *Творогов О. В.* Повесть временных лет... С. 103–106, 113. Там же библиография вопроса.

По сих же пакы временех — в лѣто 6428 (920) — посла князь Игорь на Грѣкы вои, "Русь скыдеи 10 тысящь...."» Если удалить из текста лигу, то окажется, что первоначально брак Игоря с Ольгой и рождение Святослава были определены только как непосредственно предшествующие нападению на Византию.

И дата 6428 (920) г., и сам рассказ о неудачном походе Игоря на Царьград, начиная со слов «Русь скыдеи 10 тысящь...», заимствованы в НС из «Хронографа по великому изложению». Начиная с 914 г. продолжатель Георгия Амартола начал давать точные даты современных ему событий. В числе прочего он указывает венчание в 6428 (920) г. на царство Романа Лакапина, тестя императора Константина Багрянородного (913–959), и нападение Руси на Константинополь 5 июня 6449 (941) г. В «Хронографе по великому изложению» весь текст между этими сообщениями был сокращен.[1] В результате поход Игоря попал в 6428 г. Удачный набег Олега на Царьград создатель НС посчитал местью за предыдущее поражение и датировал его 6430 (922) г. Весь 6429 (921) г., по его мнению, ушел на подготовку к новой войне.

Создатель «Повести временных лет» обратился к полному тексту «Хроники» Амартола с продолжением и обнаружил, что помещенный в летописи рассказ о нападении Руси относится к 6449 (941) г.[2] Из текста договоров Руси с Греками летописец выяснил две важных вещи. Во-первых, Олег был не воеводой Игоря, как сказано в НС, а самостоятельным князем, действовавшим от лица всей Руси. Во-вторых, его удачное нападение на Царьград предшествовало походу Игоря, так как договор с императорами-соправителями, Львом VI, его братом Александром и его сыном Константином Багрянородным, был заключен в 6420 (911) г. Договор с Игорем был заключен в 6453 (945) г. от имени Романа Лакапина и его соправителей. Так как ви-

[1] См., например, текст в Троицком хронографе, отразившем «Хронограф по великому изложению»: *Творогов О. В.* Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф//ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 342.

[2] *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола.... Пг., 1920. Т. 1. Текст. С. 576–568. (Далее: Хроника Георгия Амартола.)

зантийский год начинался с 1 сентября, по современному стилю договор датируется периодом с 1 сентября 944 г. по 1 августа 945 г. В декабре 6453 (944) г. Роман Лакапин был лишен власти сыновьями и зятем Константином Багрянородным.

В соответствии с уточненными данными в «Повести временных лет» изменена последовательность событий. Поход князя Олега на Константинополь, не упомянутый в греческих источниках, датирован 6415 (907) г.[1] Само описание нападения на город осталось без изменений. Это единственный русский по происхождению рассказ о войне с Византией в летописании за IX — первую половину X в. Рассказ о походе Игоря был отнесен на свое место под 6449 (941) г. и дополнен по другому греческому источнику — Житию Василия Нового.[2] Под 6420 и 6453 гг. были помещены договоры с Греками.

Основательной переработке подверглась в «Повести временных лет» и предшествующая часть. Был существенно расширен рассказ о славянских племенах,[3] а правление Кия с братьями отнесено к глубокой древности. Перед рассказом об основании ими Киева помещена легенда о благословении этого места на днепровском берегу апостолом Андреем.[4] Этот рассказ противоречит статье 6491 (983) г., где в похвале варягам-мученикам говорится, что «здѣ бо не суть учили апостолы».

Подчинение полян хазарам, по мнению летописца, предшествовало эпохе императора Михаила, начало правления которого он дати-

[1] О возможном упоминании похода см.: *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя//ВВ. 1988. Т. 49. С. 112–118.

[2] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники// ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 69–72; *Творогов О. В.* Повесть временных лет... С. 108–113.

[3] В Н1 мл. нет космографического введения. Вероятнее всего, его написал создатель «Повести временных лет». Существует предположение, что оно уже существовало в НС и было сокращено новгородским редактором. См.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь.... С. 69–80; *Гиппиус А. А.* Указ. соч. С. 71–79.

[4] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет»... С. 349– 341.

рован 852 г.[1] Применив последовательно погодную сетку, летописец приход Рюрика с братьями на Русь и вокняжение Аскольда и Дира в Киеве отнес к 862 г. В отличие от своего предшественника летописец считал их боярами Рюрика и им же приписал первый поход на Царьград. Он датировал его 866 г., но из гомилий св. патр. Фотия (858–867, 877–886), написанных по поводу этого события, мы знаем, что нападение Руси на Константинополь было в 860 г. В одной из византийских хроник (Брюссельской рукописи) эта дата указана. В одном из греческих списков «Хроники» Симеона Логофета сказано, что Русь напала в 10-й год царства Михаила.[2] Его самостоятельное правление началось в 856 г., прибавив 10 лет, мы получаем 866 г. «Повести временных лет».

Смерть Рюрика в «Повести временных лет» датирована 6387 (879) г. На самом деле около 880 г. он только появился на Руси.[3] Приход к власти Олега создатель «Повести временных лет» объяснил малолетством Игоря и соответственно изменил рассказ о захвате Киева (под 6390 г.). Русских известий за этот период у летописца практически не было, и он широко использовал «Хронику» Георгия Амарто-

[1] Почти во всех списках «Хроники» Георгия Амартола с продолжением Симеона Логофета вместо 14 лет совместного правления Михаила с матерью Феодорой по ошибке указано четыре года. Единственная дата — это венчание после убийства Михаила его соправителя Василия в сентябре 6376 (январском 867) г. Отняв от 6376 г. эти 4 года с 11-ю неполными годами единоличного правления и годом с небольшим соправления с Василием, летописец получил 8360 (852) г. вместо 842 г. Ср.: *Wasilewski T.* Bizancium i Słowianie w IX wieku. S. 108, 112–113.

[2] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 7–13, сочинения Фотия и коммент. к ним: с. 23–83; Брюссельская хроника; хроники семейства Симеона Логофета: с. 113–130.

[3] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 173–182; *Zuckerman C.* Deux etapés de la formation de l'ancien etat Russe // Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient // Actes du Colloque International tenu au Collège de France en Octobre 1997. Paris, 2000. P. 106–113.

ла и дополнительные источники. В частности, под 6406 (898) г. он поместил рассказ об изобретении солунскими братьями, свв. Константином-Кириллом († 869) и Мефодием († 885), славянской грамоты.

Дата 6430 (922) г. в НС отнесена к рассказу о походе Олега на Царьград, а дальше опять продолжается цельное повествование без погодной разбивки. Летописец сообщал об отъезде Олега из Киева в Новгород и дальше в город Ладогу. Как сомнительную версию («друзии же сказають») он упоминает о смерти князя от укуса змеи по дороге «за море». Сообщение о существовании в Ладоге могилы Олега могло быть вставлено в текст уже новгородцем. Никакого предания о гибели от своего коня здесь нет. Затем киевский летописец продолжает рассказ об Игоре. Он описывает покорение древлян и уличей, и отмечает, что княжеская дружина не одобряла Игоря, передавшего древлянскую дань воеводе Свенельду.

Здесь летописец обещает дать хронологию событий, о которых уже рассказал: «По сем скажемъ въ преключившихся лѣтехъ сих». Непрерывная погодная сетка начинается с 6431 (923) г., но все года по 6447 (939) включительно — «пустые». 6448 (940) г. датировано уже описанное выше покорение уличей и взятие города Пересечена, к 6450 (942) г. отнесена передача древлянской дани воеводе Свенельду. Под 6453 (945) г. помещен знаменитый рассказ об убийстве древлянами князя Игоря и мести княгини Ольги.

В двух местах, под 6428 г. и после 6430 г., хорошо видно, как хронологическая сетка накладывалась на предшествующий текст, где не было погодной разбивки. Если в первом случае были просто добавлены даты к рассказам об Игоре и Олеге, то во втором случае в НС возникла дублировка. Летописец по второму разу упомянул о покорении уличей и древлян и о передаче даней с них Свенельду.

Создатель «Повести временных лет» датировал смерть Олега осенью того же года, что и заключение договора с византийскими императорами: 6420 (911) г.[1] Он не только поместил в этой статье извест-

[1] Дата в договоре дана по индикту: «Мѣсяца сентября въ 2, индикта 15, в лѣто создания миру 6420». Следовательно, это был еще 911 г.

ную легенду о предсказании Олегу гибели от своего коня, но и написал, что это произошло в Киеве. Так как в НС Олег был назван воеводой Игоря, то ни о каких его делах, кроме похода на Царьград, не рассказывалось. Не ясно, откуда создатель «Повести временных лет» взял информацию о событиях времен правления Олега (879–911). Войну Игоря с древлянами, датированную в НС 6450 (942) г., летописец отнес к 6422 (914) г.

Начиная с рассказа о гибели Игоря в 6453 (945) г., в Н1 мл. и «Повести временных лет» совпадают и тексты летописных статей, и датировки. Так как до этого Н1 мл. следовала НС, то здесь тождество двух летописей следует объяснить тем, что текст НС воспроизведен в «Повести временных лет» почти без изменений. Летописец продолжал вносить правку, но теперь она уже не столь значительна. Полностью сходна история правления св. княгини Ольги, в которой соединены языческие и христианские предания. Единственное дополнение в «Повести временных лет» — легенда о четвертой мести княгини Ольги, сожжении древлянского города Искоростеня.

Совпадает рассказ о походах Святослава Игоревича. Дополнение «Повести временных лет» — сообщение о переговорах с византийским императором Иоанном Цимисхием, которыми закончилась война за обладание Болгарией в 6479 (971) г. Продолжение «Хроники» Амартола закончилось известием о смерти бывшего императора Романа Лакапина в 948 г., и источником дополнения послужил договор, вернее, перемирная грамота, данная Святославом императору Иоанну Цимисхию. Ее текст приводится в летописи, но, видимо, остальной рассказ — плод творчества создателя «Повести временных лет». В частности, в грамоте говорится, что она была дана в Доростоле. Из византийских источников известно, что именно этот город оборонял Святослав.[1] Но в предании, помещенном в НС, говорилось, что князь был осажден в Переяславце на Дунае. Создатель «Повести временных лет» ему доверял, поэтому посчитал Доростол ставкой Цимисхия. При возвращении из болгарского похода Святослав был в 6480 (972) г. убит печенегами, и в Киеве стал править его старший сын Ярополк.

[1] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 68–82.

История прихода Владимира к власти, его правления и крещения Руси в Н1 мл. и «Повести временных лет» совпадает почти полностью, и мы опять можем говорить о тождестве НС и «Повести временных лет». Рассказ о Владимире начинается в статье 6478 (970) г., где говорится о выступлении Святослава в последний поход на Болгарию и разделе земель между его сыновьями. Младшего Владимира позвали к себе на княжение новгородцы. Здесь же сообщается, что он родился не от Святославовой княгини, а от Малуши, ключницы княгини Ольги. В качестве опекуна в Новгород с ним поехал брат его матери Добрыня.

Вскоре Олег Святославич, посаженный отцом в Древлянской земле, убил Люта, сына воеводы Свенельда. В 6485 (977) г. Свенельд подговорил Ярополка напасть на младшего брата. После проигранной битвы Олег пытался укрыться в городе Овруче, но когда все торопились проскочить по мосту, дружинники спихнули юного князя в ров. Сверху на него упали еще люди и кони и задавили князя до смерти. После гибели брата Владимир и его дядя Добрыня бежали из Новгорода «за море».

О дальнейших событиях рассказывается в статье 6488 (980) г. Владимир вернулся с варяжской дружиной, захватил Новгород и объявил войну Ярополку. Затем он посватался к дочери князя Рогволода Полоцкого, Рогнед, но она отказала Владимиру: новгородский князь был сыном ключницы-рабыни, а к ней сватался сам Ярополк. Владимир захватил Полоцк, взял в жены Рогнед и пошел дальше на Киев.

Летописец подробно пишет о Блуде, воеводе Ярополка, предавшем своего князя. Сначала он убедил его бежать из города, а затем, когда Ярополк был осажден уже в Родне, уговорил сдаться Владимиру. Во время переговоров в Киеве князь был убит на Теремном дворе варягами младшего брата. Заканчивается статья 6488 (980) г. рассказами о так называемой «языческой реформе» Владимира, о его многочисленных женах, наложницах и детях.

Под 6489 (981)–6493 (985) гг. летописец пишет о походах Владимира на окрестные славянские племена и болгар. Под 6491 (983) г. помещен рассказ о мучениках за веру, безымянных варягах-христи-

нах. В благодарность за победу над ятвягами было решено в жертву богам принести юношей и девушек. Жребий выпал на сына варяга, но отец отказался его выдать, и они оба были убиты язычниками-киевлянами (подробнее см.: Гл. 3 и 6. 2).

Рассказ о крещении Руси начинается с известия 6494 (986) г. о приходе к Владимиру миссионеров. Первыми были мусульмане из Волжской Болгарии, затем пришли послы от папы римского, а последними были иудеи из разгромленной еще Святославом Хазарии. Никому из них не удалось убедить Владимира в своей правоте. Последним прибыл некий греческий Философ. В диалоге с князем он раскрыл ему значение ветхозаветных и новозаветных событий и разъяснил основные догматы христианской веры (подробнее см.: Гл. 4. 3). Закончив свою речь, Философ показал Владимиру «запону» (завесу), на которой был изображен Страшный суд. Это произвело большое впечатление на князя, и казалось, он должен был креститься, но вместо этого он говорит: «Пожду еще мало». Странное решение Владимира летописец объясняет тем, что князь хотел «испытати о всѣхъ вѣрахъ».

Как полагал А. А. Шахматов, в первоначальном варианте летописного рассказа Владимир, конечно, крестился в Киеве после проповеди Философа. Впоследствии к этому рассказу присоединили другие — об испытании вер и крещении Владимира в Корсуне (Херсонесе Таврическом).[1] Он начинается под 6495 (987) г. с описания совета Владимира и бояр со старцами. Князь решил отправить «мужей добрыхъ и смысленныхъ», чтобы они ознакомились с каждой из религий на месте. Послы едут поочередно в мусульманскую Волжскую Болгарию, в Германию и в Византию. Наибольшее впечатление на них произвела служба в соборе Св. Софии Константинопольской. Выслушав послов по возвращении, князь и бояре решают, что лучше всего «законъ грьчьскыи», тем более, что именно его приняла княги-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 147–157; *Он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 124–125; *Ранчин А. М.* Хроника Георгия Амартола и «Повесть временных лет»: Константин Равноапостольный и князь Владимир Святославич // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 52–98.

ня Ольга, которая была «мудрѣиши всѣхъ человѣкъ». Но вместо того, чтобы начать готовиться к крещению, Владимир задает боярам странный вопрос: «То где крещение приимемъ?» Они отвечают: «Кдѣ ти любо», и далее под 6496 (988) г. следует известный рассказ о походе на Корсунь в Крыму. После взятия города князь, наконец, крестится. По летописной версии основной причиной стало желание Владимира жениться на сестре византийских императоров Василия и Константина.

Как писал А. А. Шахматов, Корсунская легенда о крещении Владимира существовала отдельно и была включена в летопись позднее создания основного текста. Отсюда нелогичности, обрывы в изложении и повторы в НС и «Повести временных лет».[1]

В «Повести временных лет» читаются два отсутствующих в Н1 мл. народных предания о княжении Владимира. Под 6501 г. рассказывается, что поводом к основанию Переяславля (Южного) послужила победа в поединке юноши-кожемяки над печенежским богатырем. Под 6505 г. говорится о хитрых белгородцах, обманувших наивных печенегов. Единственное отличие Н1 мл. от «Повести временных лет», которое можно возвести к местному источнику, — это рассказ о крещении Новгорода, помещенный под 6487 (989) г. Это явно фрагмент из Новгородского свода XI в.

За известием 6504 (996) г. об освящении каменной церкви Богородицы в Киеве и даровании ей десятины помещена история основания церкви Спаса в Василеве. Далее следуют обширная похвала Владимиру и небольшой рассказ о неудачной правовой реформе по византийскому образцу. Ни в «Повести временных лет», ни в Н1 мл. после 996 г. нет фактического материала, кроме известий о смерти жен, сына и внука Владимира. Эту особенность обеих летописей, также восходящую к НС, мы подробно рассмотрим в разделе 3.

Рассказ о смерти Владимира совпадает в обеих летописях, но в Н1 мл. посмертная похвала князю намного короче. Однако здесь читается фрагмент, сохранившийся только в Ипатьевской редакции «Повести временных лет» и пропущенный в Лаврентьевско-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С.133–149.

Троицкой.[1] Видимо, похвала Владимиру в таком виде читалась уже в НС.

Троицкая летопись составлялась при Московском дворе митрополита Киприана (1381–1406) и была завершена к 1408 г. уже после его смерти. При его преемнике Фотии (1408–1430), греке по происхождению, продолжается ведение Общерусского митрополичьего свода. В его основу легла Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи (далее — НК1), завершенная в 1411 г. В ее начальной части был использован Свод 1187 г., где центральнорусская летопись типа Лаврентьевской была соединена с текстом типа Н1 мл.[2] Новгородский свод 1078 г., опиравшийся непосредственно на Киевский Древнейший, в Первой Карамзинской подборке отражен в большем объеме, чем даже в Н1 ст. и мл.[3] Но в интересующей нас части за X в. дополнений очень мало, и они восходят, вероятно, к Своду 1187 г. или к митрополичьему летописанию рубежа XIV–XV вв. Хронологические выкладки в статье 6395 (887) г. летописец дополнил списком митрополий и епископий «Констянтинополского патриарха». В рассказ о крещении Новгорода, заимствованный из Н1 мл., он добавил известие о том, что первого Киевского митрополита Леона Владимир взял у патриарха Фотия (858–867, 877–886). При нем действительно произошло первое крещение Руси, но это было между 860 и 867 гг. К вопросу о происхождении этого дополнения мы вернемся в Гл. 4.1.

---

[1] Краткий текст похвалы, который отмечен в издании А. А. Шахматова, восстановлен им на основе не Н1 мл., а рассказа о убиении свв. Бориса и Глеба из русского Пролога 1-й редакции. См.: *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 41–42; *Он же.* Повесть временных лет. С. 165, 167. Текст пространной статьи см.: *Абрамович Д. И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 90–91; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 404–406.

[2] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 93–160.

[3] *Милютенко Н. И.* Новгородский свод 1078 г. в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 586–606.

По мнению Г. М. Прохорова, Софийская 1 (далее — С1) очень точно отражает текст Общерусского митрополичьего свода. В нем не только увеличилось количество выписок из Лаврентьевской летописи и Н1 мл., но и были привлечены летописи южнорусская, ростовская, возможно, смоленская и внелетописные источники. Вторая подборка Новгородской Карамзинской летописи основывается уже на С1. Она начинается с 6496 (988) г. и содержит за интересующий нас период всего три выписки (6496, 6509, 6519 гг.). Обе подборки были соединены в Новгородской 4 летописи.[1] Традиционно С1 и Новгородскую 4 возводили к общему источнику, Своду 1448 г., и Общерусский митрополичий свод называли (и продолжают называть) Новгородско-Софийским или Сводом 1448 г.[2] По сравнению с «Повестью временных лет» и Н1 мл. в НК1 и С1 есть дополнения, но все они касаются только истории крещения Руси и будут рассмотрены в Гл. 4 и 6.

Так называемая «Особая обработка» Общерусского свода в полном виде отразилась в Московском своде 1479 г., а в кратком — в Типографской и Ермолинской летописях.[3] В интересующей нас части она содержит те же сведения, что и С1. Краткий вид был положен в основу ряда летописей и сводов конца XV — начала XVI вв. Самым значительным из них был Свод 1518 г., отразившийся в Львовской и Софийской 2 летописях, а также в Ростовском своде 1534 г. Ростовский свод 1534 г. воспроизведен в Тверском сборнике, но только до 1255 г., а далее к нему присоединен Тверской летописец.[4]

---

[1] *Прохоров Г. М.* Там же; *Бобров А. Г.* Там же.

[2] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 144–145, 151–160, 366; *Приселков М. Д.* История... С. 142–161; *Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969. С. 248–249, 260–262, 264–266; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–73, 104–121; *Он же.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 15–16.

[3] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 268–274; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 150–161.

[4] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. М., 1902. С. 46–51; *Он же.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 33–48; *Насонов А. Н.* Летописные памятники

Составитель Ростовского свода существенно дополнил свой основной источник, но все его исторические изыскания относятся к истории крещения. Тверской сборник бытовал в Южной Руси, и заимствования из него обнаруживаются в украинской Густынской летописи. Как указали А. А. Шахматов и Б. М. Клосс, по Тверскому сборнику Киевский митрополит Петр Могила правил в 1637 г. Хлебниковский список Ипатьевской летописи (выполнен в 1560 г.).[1]

В 1520–30-е гг. в канцелярии митрополита Даниила, под его непосредственным руководством, был составлен новый грандиозный свод, получивший в науке название Никоновской летописи. В основу был положен не Общерусский митрополичий свод начала XV в., а Симеоновская летопись. В начальной части она воспроизводила с некоторыми дополнениями Троицкую летопись в редакции 1412 г. Некоторые известия Московского свода XV в. и Общерусского митрополичьего, которые не вошли в Симеоновскую летопись, все же есть в Никоновской. Следовательно, митрополит Даниил сознательно отказался от текста митрополичьего свода XV в. При создании летописи привлекали Хронограф 1512 г. и ряд других летописных и внелетописных источников, прежде всего связанных с каноническим правом и церковным землевладением.[2]

В Никоновской летописи есть целая серия уникальных сведений, в том числе о временах Ярополка и Владимира Святославичей. Они касаются природных явлений, побед над печенегами и волжскими болгарами, дипломатических связей с Византией и папским Римом, истории Русской церкви времен Владимира. Бóльшая часть их была составлена летописцем по аналогии с поздними сведениями или даже на основании былин. Об отсутствии у составителя Никоновской лето-

---

Тверского княжества//ИАН СССР. 8-я серия. Л., 1930. № 9. С. 714–721; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 150–170, 174–180, 231; *Он же.* Две истории... С. 17–18.

[1] *Шахматов А. А.* Предисловие//Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. 2. С. X; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1998 г.// Ипатьевская летопись. ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. С. H, L–M.

[2] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 19–96, 134–189.

писи аутентичных источников за X в. свидетельствует, в частности, то, что вслед за Общерусским митрополичьим сводом начала XV в. он по ошибке именует Константинопольского патриарха, при котором крестился Владимир, Фотием. Это тем более странно, что в «Похвале» св. Владимиру и «Поучении на память св. Владимира», сохранившихся в списках 1520-х и 1530-х гг. (см.: Гл. 3. 8), имя патриарха названо правильно — Николай Хрисоверг.[1]

Значительным явлением в истории украинского летописания было появление в начале XVII в. Густынской летописи.[2] В основу легла южнорусская летопись типа Ипатьевской: «Повесть временных лет», Киевская летопись XII–XIII вв. и Галицко-Волынская XIII в., возможно, в отдельных редакциях, отличных от текста Ипатьевской летописи. Среди источников был Тверской сборник. Его окончательное формирование происходит на Украине,[3] но первая часть сборника, Ростовский свод 1534 г., мог быть известен создателю Густынской летописи и в отдельном виде. По крайней мере, тверских известий за XV в. у него нет. Помимо русских летописей составитель использовал польские хроники, опубликованные в XVI в.: М. Меховского, М. Бельского, М. Стрыйковского и М. Кромера.[4] Он постоянно ссылается на Annales ecclesiastici auctore C. Baronio (Ц. Барония), первые тома которых были изданы в Риме в 1587–

[1] *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии // ВЦИ. М., 2006. № 2. С. 5–30. Там же библиография вопроса; публикация текста — с. 31–39.

[2] В ПСРЛ (Т. 40. М., 2003) текст издан по одному списку. Исследование и издание Густынской летописи по всем спискам подготовлено А. П. Толочко (в печати).

[3] Летопись Тверская (*Я. С. Лурье*) // СККДР XIV–XVI вв. Л., 1989. С. 59–61.

[4] *Maciej z Miechova.* Tractatus de duibus Sarmatiis, Asiana et Europiana. Cracoviae, 1517; *Idem.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521; *Bielsky M.* Kronica... Krakow, 1564; *Idem.* Kronika Polska *Marcina Bielskiego* nowo prez J. Bielskiego, syna jego, wydana. Krakow, 1597; *Kromer M.* Kronica. Krakow, 1611; *Kromer M.* De origine et rebus gestes Polonorum. Libri I–III. Basel, 1589; *Stryikowsky M.* Kronika Polska... Dr. w Krolewcu... Krakow, 1582.

1600 гг. (все 12 выпущены к 1607 г.). Все сведения, почерпнутые из дополнительных источников, были совмещены с известиями южнорусских летописей. Так был составлен очень подробный и во многом отличающийся от предшествующих рассказ о княжении св. Владимира и крещении Руси.

История князя Владимира изложена в Н1 мл. (т. е. в НС) и «Повести временных лет» одинаково, но текст неоднороден, и в нем явно прослеживаются разновременные пласты. Рассказ о правлении первых христианских князей, свв. Ольги и ее внука Владимира, несомненно сложился в настоящем виде не позже 1090-х гг. Однако, из житий и похвальных слов выясняется, что помимо летописной, существовали и другие точки зрения на то, как развивались события во времена крещения Руси.

2. Равноапостольный князь в «Слове о Законе и Благодати... и похвале кагану нашему Владимиру» митрополита Илариона

Особенностью древнерусской литературы XI в. является то, что, даже зная имена авторов, мы ничего или почти ничего не знаем о них самих. Первый русский писатель, известный нам, — это современник Ярослава Мудрого, митрополит Иларион. Его биографию можно восстановить только по короткому сообщению «Повести временных лет» о поставлении в митрополиты в 1051 г. и его собственной записи, приложенной к Символу веры. О прежней жизни Илариона только летописное сказание «Чего ради прозва ся Печерьскыи манастырь» под тем же 1051 г. сообщает, что он был пресвитер, «мужь благъ, и книженъ и постникъ». В отличие от своих предшественников-греков, Иларион был «русинъ». Именно так он определен во всех летописях, воспроизводящих Лаврентьевско-Троицкую редакцию «Повести временных лет» (о летописях см.: Гл. 3.1). Как следует из его записи, Иларион был поставлен собором епископов, и это обычно трактуется как конфликт между Ярославом и Константинополь-

ским патриархатом.[1] Его предстоятелем тогда был Михаил Керулярий (1043–1058), более всего известный тем, что в его время произошел окончательный раскол между Восточной и Западной церквями (1054 г.).

До поставления Иларион несомненно написал «Слово о законе и благодати... и похвалу кагану нашему Владимиру» и, возможно, «Послание к брату столпнику». Несомненно, Илариону принадлежит «Молитва», очень популярная в древнерусской письменности.[2] Высокий богословский уровень его произведений, знание греческих сочинений, которые не были переведены на славянский язык, позволяют предположить, что он учился в Византии.

В Церковном уставе Ярослава сказано что Иларион, уже в качестве митрополита, принимал участие в его составлении.[3] Иларионом был освящен храм св. Георгия, небесного покровителя Ярослава. Об этом мы знаем из Проложного чтения на 26 ноября (этот праздник больше известен под названием Юрьев день). Что сталось с Иларионом после смерти Ярослава 20 февраля 1054 г., не известно. Его преемником был грек Ефрем, сведения о котором также скудны. Он упоминается только в Н1 мл. в связи с судом над Новгородским епископом Лукой-Жидятой, учиненным в 1055 г. Ему принадлежит написанное на греческом антилатинское сочинение. Сохранившаяся печать свидетельствует, что Ефрем носил высокий византийский титул проедра.[4] М. Д. Приселков полагал, что Иларион постригся в

---

[1] Обзор точек зрения см.: *Ponne A.* Митрополиты Киевские и всея Руси//*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 449–450.

[2] *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.//Slavia. 1963. Roč. 32. Seš. 2. S. 141–175.

[3] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 110.

[4] *Ponne A.* Указ. соч. С. 451; *Čičurov I.* Ein antilatinischer Tractat des Kiever Metropoliten Ephraim//Fontes minores. Vol. 10. Frankfurt a. Main, 1998. S. 319–356; М. В. Бибиков почему-то посчитал этого Ефрема Переяславским митрополитом. См.: *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: свод византийских свидетельств о Древней Руси. М., 2004. Т. 1 С. 252.

в схиму под именем Никона и стал одним из основателей Киевского Печерского монастыря и, соответственно, был создателем летописного свода 1076 г.[1] Это предположение лишено каких-либо фактических оснований.

В 1051 г., когда Иларион стал митрополитом, ему должно было быть не менее 50 лет. Самому Ярославу тогда было 73. Иларион был настолован собором епископов, но сам выбор исходил от князя. В Н1 мл. и «Повести временных лет» сказано: «Постави Ярославъ Илариона митрополитомь». Едва ли князь выбрал человека намного моложе себя. По возрасту Иларион был одним из младших современников Владимира. Идея его прославления как равноапостольного просветителя Руси появилась во времена Ярослава, при жизни поколения, которое еще помнило крещение и окончание правления Владимира. Как следует из «Слова» Илариона, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и посмертной Похвалы Владимиру из статьи 1015 г. в «Повести временных лет» и предшествовавшем ей НС, многие не до конца верили в святость князя.

Особенность произведения Илариона состоит в том, что он обращается к тем, кто или сам помнил княжение Владимира, или знал о нем по рассказам родителей. Времена крещения еще не превратились в предание, это была живая память о событиях собственной жизни и жизни семьи. Иларион обращается не к «простой чади», а к «прѣизлиха насыштьшем ся сладости книжныа». Ими могли быть только те, кто был отдан в учение самим Владимиром, или следующее сразу за ними поколение. Это были дети, крещенные в 987 — начале 90-х гг., и те, кто родился уже после крещения Руси. Первые образованные русские христиане и книжники были читателями и слушателями Илариона. Именно перед ними он раскрывал сущность христианского подвига князя и смысл его святости.

«Слово о законе и благодати... и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Илариона было первым произведением XI в., в котором была всесторонне представлена тема святости Владимира.

---

[1] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 182–190.

В «Слове» Иларион предстает как тонкий богослов и искусный проповедник, прекрасный знаток Священного Писания и его толкований. Его сочинение занимает особое место в истории русской литературы. Во-первых, это — самое раннее датированное произведение. Во-вторых, в числе прочих рукописей сохранилась одна (XV в.), достаточно точно отражающая протограф XI в., видимо, в авторской редакции.[1] Это богословское произведение посвящено теме Ветхого и Нового Заветов и прихода Руси в христианский мир. Завершается оно «похвалой кагану нашему Владимиру», и эта часть имеет большую ценность как исторический источник.

«Слово» было произнесено еще до того, как Иларион стал в 1051 г. Киевским митрополитом. К жене Ярослава Ирине-Ингигерд он обращается как к ныне живущей, а она умерла в 6558 (1050) г. Следовательно, «Слово» было написано до этой даты. Иларион упоминает как об уже существующих о церкви Благовещения на «Великихъ» (Золотых) воротах и о Софийском соборе («домъ Божий великыи святыя Его Премудрости»). Он обращается к Владимиру: «Въстани, о честная главо, отъ гроба твоего»; «Отъряси сонъ, възведи очи... Въстани, виждь чадо свое Георгиа...», и на этом основании предполагают, что оно было прочитано в Десятинной церкви Богородицы, построенной самим Владимиром в 991–995 гг.[2] Более вероятным представляется, что «Слово» было посвящено празднику освящения нового города, построенного Ярославом, и его главного храма, Софийского

[1] *Müller L.* Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir dem Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstrausgabe... Wiesbaden, 1962; *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество//*Он же.* Понять Россию. Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 88–124; *Розов Н. Н.* Указ. соч.; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. Последнее издание текста с указанием источников и параллелей: *Акентьев К. К.* Слово о законе и благодати Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ, Син. 591 //Византинороссика. СПб, 2005. Т. 3. С. 116–151.

[2] *Мюллер Л.* Киевский митрополит... С. 97–99; *Ужанков А. Н.* Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о законе и благодати»//Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. М., 1994. Ч. 1. С. 90–91.

собора.[1] Это событие Н. Н. Розов относил к 26 марта 1049 г., тогда на этот день, сразу после Благовещения, пришлась Пасха. Остальные исследователи предпочитают 11 мая 1046 г. Предлагалась и датировка 8 сентября неизвестного года, так как в этот день, на Рождество Богородицы, по Уставу Великой Церкви (Св. Софии Константинопольской) было положено чтение из Послания к Галатам апостола Павла (*Гал.* 4, 22–5, 1), которое и комментирует Иларион.[2]

День 11 мая указан в месяцеслове псковского Апостола-апракос 1307 г. (ГИМ, Син. 722). Год обычно не упоминается, здесь он есть и не соответствует ничему: 6460 (952). Больше нигде этой даты нет. В этом же Апостоле есть и обычная память освящения Св. Софии в Киеве 4 ноября.[3] Согласно месяцеслову Мстиславова Евангелия начала XII в., оно было совершено митрополитом Ефремом (1055–1062), т. е. 4 ноября 1061 г.[4] Но в Прологе под этим днем неизменно помещается вместе с датой рассказ о строительной деятельности Ярослава из летописной статьи 1037 г. К нему присоединено известие о его смерти 20 февраля без указания года

[1] *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 55–57; *Розов Н. Н.* Там же. С. 147–148; *Poppe A.* The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 1981. № 7. P. 38–42; *Акентьев К. К.* Мозаики киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византинороссика. СПб., 1995. Т. 1. С. 76–94; *Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 520–551.

[2] *Алексеев А. А.* О времени произнесения Слова о законе и благодати митрополита Илариона // ТОДРЛ. 1999. Т. 51. С. 289–291.

[3] СК-2. № 29. На этом основании высказывалось предположение, что Софийский собор был заложен св. княгиней Ольгой. См.: *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. М., 1988. С. 174 (2-е изд.: М., 1998); *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 88–89.

[4] Апракос Мстислава Великого. Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. С. 234. Ср.: *Рыков Ю. Д., Турилов А. А.* Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ) // ДГ за 1982 г. М., 1984. С. 170–172.

(6562 в летописи). Очевидно, Ефрем освящал собор после завершения всех работ по росписи.[1] В пределах 10–13 мая варьируется дата освящения Софии Константинопольской после окончания больших ремонтных работ в 882 г. и 993/994 г. Переписчик Апостола 1307 г. явно сделал обыкновенную ошибку, указав Киев вместо Константинополя. Видимо, в его протографе город, где была освящена Св. София 11 мая, не указывался, что соответствует константинопольской традиции.

В течение долгого времени богословскому содержанию сочинения Илариона не уделялось должного внимания. Его рассматривали прежде всего как памятник политической и исторической мысли. В СССР это было вызвано атеистической направленностью науки, но даже в зарубежных исследованиях богословие Илариона часто трактовалось как вспомогательное по отношению к исторической составляющей текста. Это выразилось в представлении, что «Похвала кагану нашему Владимиру» является отдельным произведением, и была присоединена к «Слову о законе и благодати» впоследствии, возможно, самим автором.[2] Но ни в одном списке эта часть не имеет отдельного заголовка. Более того, когда в начале XV в. 3-ю редакцию «Слова» вместе с «Памятью и похвалой» Иакова Мниха включили в цикл чтений на память св. Владимира, ее всегда переписывали цели-

[1] Софийский собор — пятинефный шестистолпный храм, обнесенный с трех сторон двумя галереями. В древности двухэтажной была только внутренняя, примыкавшая к хорам. На них вели две лестничные башни. Все здание возводилось одновременно по единому замыслу. См.: *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 178–232. Закончить все работы в интерьере в один прием было невозможно технически. Ко времени смерти Ярослава 20 февраля 1054 г. несомненно были завершены мозаики в алтаре, главном куполе и на предалтарных столбах, а также фрески центрального объема. Роспись в боковых нефах, на хорах, во внутренних галереях и лестничных башнях могла быть завершена позже. См.: *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 163–164.

[2] *Мюллер Л.* Там же; *Дикстра Т.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона как три изначально самостоятельных произведения // Rossica Antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 124–144.

ком (сборник Матвея Кусова 1414 г.). Исключение представляет только цикл по рукописи РНБ, ОР, Сол. 830/940, где текст начинается со слов «Похвалимъ же и мы...» (см.: Гл. 3. 2).

Более распространено представление о едином замысле всего памятника в целом, но и в таком случае политические задачи ставились на первое место.[1] Между тем такое мировоззрение невозможно для образованного монаха XI в., которым был Иларион, и его, действительно, невозможно выявить в написанном им тексте. Здесь мы рассмотрим лишь один аспект его сочинения — крещение Руси и обоснование святости Владимира.[2]

Разделить первую часть «Слова о законе и благодати» и «Похвалу кагану нашему Владимиру» можно только искусственно. Сначала Иларион рассказывает о явлении в мир с Господом нашим Иисусом Христом Благодати, сменившей прежний Закон, данный Моисею. Если бы она не явилась, то мир бы погиб. Иудеи, к которым к первым явился Христос, не приняли Его и впоследствии были рассеяны по странам, а Иерусалим был разрушен римлянами. Апостолы, по слову Христову, проповедовали по всем странам, и язычники, принявшие Христа, получили спасение, а последние из них были на Руси. Иларион восхваляет Господа за просвещение всего мира и своей земли. Никакой границы между хвалой Господу за крещение Руси, которой завершается его толкование Закона и Благодати, и хвалой Его апостолам, с которых начинается собственно «Похвала Владимиру», нет. Апостолы учили во всем мире, а Владимир стал учителем своей страны. Иларион выстраивает четкую последовательность событий и иерархию устройства христианского космоса, где верховенство принадлежит Богу, действующему через Своих апостолов.

Текст, выстроенный Иларионом, соответствует литургическому пространству храма, где соединены воедино ветхозаветная история как прообраз явления Христа, новозаветная и современность, во-

---

[1] *Розов Н. Н.* Указ. соч.; *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 4–38.

[2] *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 106–109. Ученый рассматривал аргументацию Илариона только в свете полемики с греками.

площенная в святых новой истории.[1] В главном куполе непременно изображался Христос Вседержитель в окружении ангелов (Бог Отец тогда не изображался), в простенках барабана помещались ветхозаветные пророки, на парусах — четыре евангелиста. В рукавах креста изображались как ветхозаветные, так и новозаветные сюжеты. В конхе главной апсиды всегда была Богоматерь, ниже — отцы Церкви. В промежуточном ярусе в XI в. стали изображать Евхаристию. На столбах и в нижних ярусах основного пространства и в боковых нефах изображались святые. Самому Ярославу и его семье место в росписи Св. Софии было определено на всех трех стенах западного рукава креста ниже уровня пола хор, напротив мозаик Евхаристии (уровни декора апсиды и основного объема храма не полностью совпадают). В этом же ярусе основного объема изображались события новозаветной истории.

Все исследователи отмечали, что размещение ктиторской фрески в рукаве центрального креста, открытом непосредственно в подкупольное пространство, необычно для Византии. Впрочем, можно указать одну параллель. В небольшой церкви в Каппадокии (т. н. церковь Старой Голубятни) в северной апсидиоли, соответствующей нормальной апсиде жертвенника, изображена императорская семья: Никифор II Фока с Феофано, и еще три персонажа[2] (может быть, законные императоры Василий и Константин). Ктиторская фреска Софии Киевской всегда трактовалось как свидетельство политических притязаний или сакрализации княжеской власти. А. Поппе, отметив, что здесь воплощена идея апостольской миссии княжеской династии, тем не менее главным считал утверждение законности власти Ярослава. Та же проблема существовала и для Никифора Фоки, который в 963 г. захватил власть после смерти императора Романа, оттеснив его сыновей и соправителей Василия и Константина и женившись на его вдове императрице Феофано. М. Б. Свердлов отмечает, что после смерти Святополка у Ярослава уже не было такой необхо-

[1] *Сендерович С.* Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павлианская теология//ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 51–52.

[2] *Жоливе-Леви К.* Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии (867–1056)//ВВ. 1988. Т. 49. С. 153–154, 158, рис. 14–15, 21.

димости. Указав, что ктиторская композиция составляет единое целое с Евхаристией апостолов в апсиде, исследователь трактует это как стремление к освящению «единовластия» Ярослава.[1]

Соотношению Евхаристии апостолов и ктиторской процессии из Софии Киевской есть ближайшая аналогия, не связанная с земным владычеством. Евхаристия в главной апсиде и изображение Христа-священника впервые появились в двух храмах, построенных одновременно на периферии культурной ойкумены Восточной Римской империи — в Софии Охридской и Софии Киевской.[2] В Киеве Христос в образе священника помещен в мозаичном медальоне над предалтарной подпружной аркой,[3] в Охриде — в нише дьяконника. Охрид был резиденцией патриарха Болгарии в последние годы существования Первого царства. Уничтожив его, император Василий Болгаробойца, шурин Владимира, превратил Болгарию в фему Империи и учредил в 1019 г. Охридскую архиепископию.[4] Строителем нового храма был Лев Пафлагонянин (1037–1056), первый грек во главе Болгарской церкви, византийский интеллектуал и прежний хартофилакс Софийского собора в Константинополе. Естественно, он воплощал не болгарские художественные вкусы и политические стремления, а концепции и искания столичного духовенства и монашества.

Совершенно уникальна фреска «Литургия св. Василия Великого» на северной стене вимы[5] церкви Софии Охридской. Здесь изображе-

---

[1] *Poppe A.* Kompozycyja fundacyjna Sofii Kijowskiej//Biuletyn historii sztucki. Warszawa, 1968. R. 30. № 1. S. 3–27; *Свердлов М. Б.* София Киевская как источник информации//ТОДРЛ. 2004. Т. 55. С. 121–133.

[2] *Лидов А. М.* Образ «Христа-архиерея» в иконографической программе Софии Охридской//Византия и Русь. М., 1989 С. 65–66, 81–82; *Он же.* «Христос-священник» в иконографических программах XI–XII вв.//ВВ. 1994. Т. 55. С. 187–192.

[3] *Лазарев В. Н.* Указ. соч. С. 31–32, 89–99.

[4] *Литаврин Г. Г.* Христианство Болгарии в 927–1018 гг.//Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 140–147.

[5] Пространство между восточными столбами, поддерживающими главный купол, и полукруглым выступом апсиды. Здесь находится престол, в небольших храмах иногда с сильным сдвигом непосредственно в апсиду.

ны и миряне, стоящие в притворе. В. М. Лидов полагает, что это — обряд освящения храма, который в данном случае символизировал обновление Охридской епархии.[1] Связь иконографии Софии Киевской и «Слова о законе и благодати» со службой на обновление Константинополя и торжественным освящением города Киева очевидна.[2] Если Лев Охридский поместил в алтарной части мирян как участников обновления церкви, то тем более в Киеве было естественно изобразить княжескую семью в торжественной процессии в обряде обновления города. В отличие от охридской, эта фреска размещалась в той части храма, которая была отведена мирянам, хотя и в одном ярусе с изображением Евхаристии.

К несчастью, западная стена, где был написан сам Ярослав, вероятно, подносящий построенный им храм Христу, рухнула. Сохранились только изображения дочери на южной стене и четырех сыновей князя на северной. При «реставрации» XIX в. они были превращены в мучениц.[3] Голландский художник Я. ван Вестерфельд, побывавший в Киеве в 1651 г., сделал несколько зарисовок Софийского собора.[4] Западная стена уже тогда была в аварийном состоянии. На ней было место для 5–7 фигур, а на рисунке есть только 3: Ингигерд с одной стороны, а Ярослав и св. Владимир в нимбе — с другой. Он изображен не в одежде XI в., как все прочие члены семьи, а в шубе XVII в., в короне, со скипетром и крестом в правой руке и мечом в левой. Большие восстановительные работы в соборе велись по распоряжению Киевского митрополита Петра Могилы (1632–1647),[5] страстного

[1] *Лидов В. М.* Образ «Христа-архиерея»... С. 74–81.

[2] *Акентьев К. К.* Мозаики Киевской Св. Софии... С. 76–90; *Он же.* Слово о законе... С. 120–121.

[3] *Дорофиенко И. П.* О новом исследовании группового портрета семьи Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII вв. М., 1988. С. 135–143.

[4] *Смирнов В. Я.* Рисунки Киева XVII в. по копиям конца XVIII в. // Труды XIII Археологического съезда. М., 1908. Т. 1.

[5] *Рогов А. И.* Петр Могила // Славяне и их соседи. Католицизм и Православие в Средние века. М., 1991. С. 110–120.

почитателя св. Владимира. Очевидно, тогда и появилось это изображение, но, видимо, оно было написано по старой основе. По крайней мере, на ктиторской композиции самого митрополита из восстановленной им церкви Спаса на Берестове (1115–1125) св. Владимир написан иначе.[1]

Тема священства Христа в росписях Софии Киевской раскрывалась как торжество Нового Завета над Ветхим.[2] Евхаристия и ктиторская композиция образовывали кольцевое единство. Так обновленная Русь в лице Владимира и Ярослава с потомством оказывалась прямо включена в контекст мирового движения по воле Божьей от Закона к Благодати.

Просвещение Руси не было бы возможно, если бы Благодать не пришла в мир с Иисусом Христом, но принял ее, а не отверг подобно иудеям, именно Владимир. Как пишет Иларион, он не видел чудес Христа и не слышал Его апостолов. Озарение свыше открыло ему свет Божественного разума. Иларион первым прославляет Владимира как равного апостолам литургическим возгласом: «Радуйся, во владыках апостоле!»[3] К этому обращению в завершающей части «Слова» он подводит слушателя и читателя со свойственным ему ораторским мастерством.

Образ Владимира Иларион выстраивает в двух парадигмах — Господня апостола и праведного царя.[4] Они обе воплощены в образе равноапостольного Константина, но Иларион рассматривает эти темы последовательно, а не ограничивается параллелью со святым императором. Она появится только в завершении, там, где говорится о создании и утверждении Русской церкви. Иларион начинает с того, что все страны хвалят и славят своих апостолов, и призывает Русь восхвалить «нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа

[1] *Высоцкий С. А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989. С. 64–80, 91–97. Там же библиография вопроса.

[2] *Лидов В. М.* «Христос-священник»... С. 188–189.

[3] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 98; Слово о законе и благодати Киевского митрополита Илариона//БЛДР. СПб., 1997. С. 52.

[4] *Сендерович С.* Св. Владимир: к мифопоэзису//ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 303–307.

земли Володимера». Образ князя-воителя, продолжателя дела славных предков, неотделим в «Слове» от просветителя, который постиг истинного Бога.[1] Иларион говорит о Владимире как о мудром правителе еще в язычестве: «И тако ему въ дни свои живущу и землю свою пасущу правдою, мужьствомь же и съмысломь, приде на нь постѣщение Вышняаго, призрѣ на нь всемилостивое око благааго Бога, и въсиа разумъ въ срьдьци его яко разумѣти суету идольскыи льсти и възыскати единого Бога».[2]

Иларион не упоминает о богословских диспутах или посольствах, отправленных в другие страны для ознакомления с верой, о чем подробно написано в летописи. Он не связывает крещение с захватом византийского Херсонеса в Крыму. «Постѣщение Вышняаго» заставляет Владимира «искать Бога». Он «всегда слышал о благоверной Греческой земле», как там чтут Бога. И вот Владимир «въждела срьдьцемь, възгорѣ духомь, яко быти ему христиану и земли его». Параллель с равноапостольным Константином, очевидная для тех, кто знал службу ему,[3] выступает здесь еще скрытно.

Далее Иларион описывает совершенное Владимиром крещение Руси и восклицает: «Тебе же како похвалимъ, о честныи и славныи въ земленыихъ владыкахъ прѣмужьственыи Василие!» Дважды Иларион обращается к Владимиру «блаженичe». Славянское «блаженьныи» (лат. beatus, греч. μακάριος) в раннее Средневековье, в отличие от нашего времени, было синонимом слова «свѧтыи».[4] Иларион обстоятельно мотивирует такое именование евангельскими словами

---

[1] *Рождественская М. В., Рождественская Т. В.* «Сеятель» и «строитель»: династическая пара «отец и сын» в памятниках древнеславянской письменности X–XI вв. // О древней и новой русской литературе. Сб. статей в честь проф. Н. С. Демковой. СПб., 2005. С. 34–36.

[2] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 92; Слово... С. 46.

[3] *Müller L.* Op. cit. S. 162–163; *Акентьев К. К.* Слово о законе... С. 145, прим. *h*.

[4] *Соболевский А. И.* «Память и похвала св. Владимиру» и «Сказание о свв. Борисе и Глебе» // ХЧ. 1890. Ч. 1. С. 791–804. Примеры см.: СНДЯ XI–XIV. Т. 1. Статья «Блаженыи». О значении эпитета у Илариона см.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 58, прим. 2.

Христа, обращенными к апостолу Фоме: «Блажени не видѣвше и вѣровавше» (*Ин.* 20, 29). Свое обращение к Владимиру Иларион предварил цепью риторических вопросов, где восхищался тем, что князь, не видевший Христа, «възыска Его» и стал Его учеником. Далее Иларион развивает эту тему: «Тѣмже съ дръзновениемь и несумненно зовемь ти: о, блаженице, — самому тя Спасу нарекшу». Он подкрепляет свой тезис новой цитатой: «И блаженъ есть, иже не съблазни ся обо Мнѣ» (*Мф.* 11, 6). Далее он пишет о том, что знавшие Закон и пророчества распяли Христа, цари и властители, видевшие чудеса и слышавшие апостольскую проповедь, не уверовали, а Владимир безо всего этого пришел к Христу.[1]

Второй очень важный мотив, который впервые звучит у Илариона, — это милосердие кн. Владимира, который, по слову пророка Даниила, обращенному к царю Навуходоносору, очистил свои грехи многой милостыней. Именно эту тему широко будет развивать Начальный свод и жития св. Владимира. Но для Илариона гораздо значимее другое: грехи князя смыты его духовным подвигом обращения всей страны от идольского заблуждения к истинной вере. Он приводит новые цитаты из Священного Писания для подтверждения своей мысли (*Иак.* 5, 20; *Мф.* 10, 32).[2] Иларион называет Владимира подобным «великому Константину». Деятельность князя вместе с самой княгиней Ольгой сравнима с деяниями императора и его матери св. Елены. Здесь Иларион особо подчеркивает значение не только крещения Руси, но и законодательной деятельности «подобника великааго Коньстантина». Он «съ новыими нашими отци епископы сънимая ся чясто, съ многымъ съмѣрениемь съвѣщаваше ся, како въ человѣцѣхъ сихъ, новопознавшиихъ Господа, законъ уставити». Это первое подтверждение того, что начало русскому церковному законодательству было действительно положено св. Владимиром.

В сочинении Илариона прослеживается еще один пласт — освящение нового христианского города.[3] Нарисовав величественную

---

[1] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 94–95; Слово... С. 46.

[2] Там же. С. 95–96; Слово... С. 48.

[3] *Акентьев К. К.* Слово о законе... С. 120–121.

картину Киева, украшенного Владимиром и Ярославом, его сыном и продолжателем его дела, Иларион переходит к заключительной части. Здесь завершаются темы святости, милосердия и учительства князя. Как видно из полемического выступления Иакова в «Памяти и похвале», с одной стороны, и сетований летописца в статье 1015 г. — с другой, в народном сознании серьезным препятствием для почитания Владимира могло быть отсутствие чудес. Иларион необычно толкует эту проблему. Он называет князя «во владыках апостолом» и перечисляет почти все чудеса, известные по Деяниям апостолов и житиям святых: воскрешения мертвых, выправление согбенных, прозрение слепых и исцеление немых. Именно таковыми были «мертвые душою», «скрюченные от бесовского обмана», «ослепленные незнанием», «немые» язычники. Иларион показывает, что Владимир совершил не посмертные чудеса, а прижизненные, преобразив всю Русь. Эти пассажи начинаются богослужебным возгласом, с которым обращаются к святому: «Радуйся».[1]

Иларион объясняет обращение Владимира божественным внушением, а не действиями людей или стечением обстоятельств. Его взгляд в XI в. разделяли и другие писатели. Иаков Мних в «Памяти и похвале» (ей посвящены следующие два раздела) пишет: «Просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру... и возлюби и человеколюбивыи Богъ, "хотяи всякого человѣка въ разумъ истинымъ приити" (*1 Тим.* 2, 4) и вжада святого крещения». Он довольно подробно рассказывает о жизни князя, но о прибытии миссионеров от магометан, хазарских иудеев, папы римского и, наконец, философа от греков, не пишет. Иаков рассказывает о походе на Херсонес и взятии города, но оно происходит «на третье лѣто по крещении». Обращение Владимира агиограф датирует десятым годом после вокняжения 11 июня 6486 (978) г. и, таким образом, относит крещение к 987 г., а захват Херсонеса к 989 г.

Преп. Нестор Печерский подобно Илариону пишет в своем «Чтении о житии и погублении святых Бориса и Глеба» о том, что апосто-

[1] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 98–99; Слово... С. 52; *Мюллер Л.* Иларион и «Повесть временных лет» // *Он же.* Понять Россию. С. 149–150.

ны не были на Руси, но сам Бог «призри на свою тварь». Далее агиограф вспоминает евангельскую притчу о работниках одиннадцатого часа, с которыми сравнивает Русь. Он пишет о Владимире как о праведном язычнике, которому «Богъ спону нѣкаку створи быти ему христьяну, яко же древле Плакидѣ». Выражение «творити съпону» встречается в Изборнике Святослава 1073 г. (л. 44 об., л. 112 об.). Это является славянским эквивалентом греческого ἐμποδίζω «создать препятствие».[1] Поэтому предполагать, что речь идет о слепоте, которая, по летописи, поразила князя в Корсуне, нельзя. Можно подумать, что Нестор случайно не упоминает о посольствах для «испытания вер» или о взятии Херсонеса, но это не так. Он пишет, что крещение было в 6495 (987) г. Именно эта дата получается по расчетам «Памяти и похвалы» Иакова (подробнее см.: раздел 4). Упомянув о явлении Христа Евстафию Плакиде (это было чудо с оленем на охоте),[2] Нестор пишет: «Тако же и сему Владимеру явление Божие быти ему крьстьяну створи».

Самое замечательное состоит в том, что сам князь действительно рассказывал о своих видениях. В 1008 г. его двор посетил немецкий миссионер св. Бруно Кверфуртский, отправлявшийся к печенегам. В своем письме к королю и будущему императору Генриху II он пишет, что Владимир не хотел его отпускать, так как у князя было видение (visio), и он утверждал, что Бруно будет убит. Когда они все же отправились в путь, то уже на границе своей земли Владимир снова сказал: «Знаю, до третьего часа без пользы, без причины тебе суждено вкусить горькую смерть».[3] Тогда св. Бруно благополучно вернулся и даже способствовал заключению мира св. Владимира с печенегами. Но в следующем году он отправился на проповедь к язычникам пруссам и был ими обезглавлен. Таким образом, видение св. Владимира все же сбылось, хотя он сначала и истолковал его неверно. Пре-

[1] Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.

[2] Житие Евстафия Плакиды//БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. XI–XII века. С. 10–27.

[3] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 46–56.

дание о Божьем явлении князю, которое использовал Нестор, очевидно, показалось сомнительным Илариону и Иакову, и они об этом не упоминают.

В заключение следует вернуться к вопросу об аутентичности произведения Илариона. В свое время Г. М. Барац выдвинул предположение, что текст «Слова о законе и благодати» скомпонован из двух несохранившихся произведений: полемического сочинения св. Константина-Кирилла против иудеев, которое упоминается в его Житии, и Слова о крещении князя Бориса-Михаила Болгарского.[1] Здесь мы подходим к очень важному вопросу: насколько далеко мы можем идти в определении гипотетических текстов как источников реальных памятников. Текстология ставит своей задачей именно восстановление источников. Однако оно должно опираться либо на сравнение реальных текстов, либо на анализ внутренней структуры памятника.

В произведении Илариона нет никаких швов или нарушения смысла, которые бы позволили выделить разнородные по происхождению части. Проверить предположение Г. М. Бараца о заимствовании основной аргументации «Слова о законе и благодати» из сочинения св. Константина-Кирилла невозможно: упомянутый в Житии Константина трактат не сохранился. Противопоставление Ветхого и Нового Заветов, Закона и Благодати, опирается на Послания апостола Павла и в этом смысле вполне традиционно.[2]

Нет ни одного реального славянского или греческого текста, который можно было бы возвести вместе со «Словом» Илариона к утерянному произведению св. Константина-Кирилла. Л. Мюллер предположил, что помимо «Слова» Илариона к нему восходит раздел ветхозаветных пророчеств «о отвержении иудеев и призвании стран» из так называемой Речи Философа.[3] Она составляет бóльшую часть летописного рассказа о приезде к Владимиру греческого проповед-

---

[1] *Барац Г. М.* Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнейшей письменности. Париж, 1927.

[2] *Сендерович С.* Слово о законе ... С. 47–57.

[3] *Müller L.* Op. cit. S. 159; *Мюллер Л.* Иларион и «Повесть временных лет» / / Указ. соч. С. 159 и прим.

ника, «Философа», в 6494 (986) г. (подробнее см.: Гл. 4. 3). Основную часть Речи Философа занимает ветхозаветная и новозаветная история с толкованиями, а среди источников действительно были богословские сочинения.[1] Подборка цитат, как показал А. А. Гиппиус, была вставлена в Речь Философа задним числом. Заключающий ее обмен репликами, который возвращает Философа к прежней нити исторического повествования, содержит новую форму аориста «рекохъ», тогда как в остальном тексте встречаются исключительно древние формы «рѣхъ», «рѣша».[2] Некоторые цитаты встречаются и в сочинении Илариона, но подборка из Речи Философа настолько отличается, что ее целиком вставили в 3-ю редакцию «Слова о законе и благодати», озаглавив «Пророчество». Некоторые тексты, которые Л. Мюллер привел как пример использования общего источника, оказались продублированы, и видно, насколько они разные.

Стих пророка Малахии в Речи Философа (и соответственно в «Пророчестве») читается не в том переводе, что у самого Илариона.[3] Две цитаты из пророка Исаии (*Ис.* 42, 9; 65, 15) действительно идут подряд и в Речи Философа, и у Илариона. Как отметил Л. Мюллер, исходный текст (он читается в паримиях[4]) сокращен по-разному, но говорить о влиянии какого-то цельного сочинения здесь нельзя. У Илариона следом за этими цитатами толкуется явление судье Гедеону (*Суд.* 6, 36–38). В подтверждение Божьего повеления возглавить Израиль он сначала просил послать росу только на овечью шкуру (руно), положенную в поле, а потом оросить всю траву, кроме руна. Иларион традиционно трактует этот сюжет в смысле смены Ветхого Завета, данного сначала только Израилю, Благодатью христианства, просиявшей над всем миром. В Речи Философа об этом знамении говорится не в подборке пророчеств, а в последнем ответе, где по

[1] *Милютенко Н. И.* К вопросу о некоторых источниках Речи Философа//ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 10–17.

[2] *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореви. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи//Russian Linguistics. 2001. № 25. P. 159–161.

[3] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 10–14.

[4] *Акентьев К. К.* Слово... С. 128–129, прим. 80–81 и *υ–ω*.

просьбе Владимира объяснен смысл Воплощения, Распятия и Крещения. Философ вслед за Иринеем Лионским не вполне канонически называет прообразом крещения Всемирный потоп. Как второй прообраз он указывает знамение, данное Гедеону: «Преображение бысть первое водою, якоже и Гедеонъ прообрази по семь». Здесь Философ пересказывает стих, где говорится о руне, оставшемся в последний раз сухим (*Суд.* 6, 38). Явление росы «по вьсеи земли» объясняется как «святое крещение».[1]

В трактовке Ветхого Завета Иларион постоянно обращается к Писаниям апостолов, которые ни разу не цитируются в Речи Философа. Здесь только пересказываются Евангелия. В основе Речи Философа лежит взгляд на историю мира как на борьбу сатаны с Богом, которая завершается Воскресением и победой Христа. Эта мысль прослеживается в «Чтении» Нестора, но у Илариона она отсутствует. В его сочинении ни разу не встречается даже само слово «диаволъ» или «сатана» («сотона»). Он упоминает лишь о «бѣсахъ», которых изгонял Христос и которым служили на Руси до крещения.[2]

Предположение о существовании болгарского Слова о крещении князя Бориса было выдвинуто А. А. Шахматовым на основании той же Речи Философа (подробнее см.: Гл. 4. 3). А. А. Шахматов полагал, что такое сочинение могло появиться только в Болгарии и было приспособлено летописцем к рассказу о крещении Владимира. Сравнение Речи Философа с Толковой Палеей, а также Полной и Краткой Хронографическими Палеями показало, что у них был общий источник. Когда А. А. Шахматов это обнаружил, он отказался от своего прежнего предположения.[3] Г. М. Барац, писавший в 1920-е гг. до публикации неоконченной работы А. А. Шахматова, не знал о его новых выводах.

---

[1] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 10–14; Ср.: Повесть временных лет // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 150.

[2] *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики... С. 257–260; *Молдован А. М.* Указ. соч. Указатель слов и форм списка С-591: с. 203, 208, 227–228.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 152–157; Ср.: *Он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 122–124.

Источником Палей и Речи Философа мог быть греческий компилятивный хронограф.[1] Даже если он был переведен в Болгарии (что вполне вероятно), и там же появилась Речь Философа,[2] Иларион ни в чем с ней не совпадает. Он решительно расходится с летописцем, утверждающим, что на Владимира повлияли богословские диспуты или рассказы о богослужении. Он доказывает, что Бог сам открыл князю истину, и именно в этом смысле он сравнивает его с апостолами.

Иларион первым написал о богоизбранности Владимира, о его величайшей роли в крещении Руси и о его святости. Ту же тему развивает в своей «Памяти и похвале Владимиру» Иаков Мних.

3. Прижизненное сочинение о князе Владимире — источник летописей и «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха

Об Иакове Мнихе мы знаем еще меньше, чем об Иларионе. Его имя упоминается в заглавии и в тексте произведения: «Память и похвала

[1] *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of the Kievan Russian Historiography//Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1–27.

[2] Ряд ученых, считающих Речь Философа цельным произведением, относят ее к более раннему периоду, к творчеству св. Константина-Кирилла, просветителя славян, или его учеников. См.: *Ламанский В. И.* Славянское Житие Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915. С. 176–182; *Лебедев Лев, прот.* К вопросу о происхождении «Поучения Философа князю Владимиру» в тексте «Повести временных лет»//Герменевтика древнерусской литературы X–XIV вв. М., 1991. Сб. 3. С. 104–122; *Трендафилов Х.* Речта на философ в старорускатa Повесть временных лет и полемичните традиции на Кирил-Константин//Старобългарска литература. 1990. Т. 22. С. 34–46; *Trunte H.* «Doctrina Christiana»: Untersuchungen zu Kompilation und Quellen der sogenannten «Rede des Philosophen» in der Altrussichen Chronic//Millennium Russiae Christianae. Köln, 1993. S. 355–394.

князу Рускому Володимиру. Како крестися Володимиръ, и дѣти своя крести, и всю землю Рускую от конца до конца, и како крестися баба Володимирова Олга преже Володимира. Списано Иаковомъ мнихомъ». Ниже автор объясняет, почему решил писать о Владимире, и называет себя: «Тако же и азъ, худыи мних Иаковъ, слышавъ отъ многыхъ о благовѣрнемъ князи Володимери...» Как мы увидим дальше (Гл. 1. 4), «Память и похвала» — это цельное произведение, и нет оснований отрывать первую часть, где указано имя автора, от той, где рассказывается биография князя.

Во вступительной части «Памяти и похвалы» Иаков сообщает, что раньше написал «о святых славных мучениках Борисе и Глебе». Возможно, он был автором первоначальной редакции «Сказания, и страсти, и похвалы святую мученику Бориса и Глѣба» (Анонимного).[1] В настоящее время текст сильно изменен вставками из летописной повести «О убиении Бориса» и статьи 1019 г. об Альтской битве. Между «Сказанием» без вставок и «Памятью и похвалой» есть много общего в стилистике и построении текста.[2] Безусловно, Иакову Мниху могло принадлежать какое-то несохранившееся произведение о свв. Борисе и Глебе. Например, в Студийском уставе по списку XII в. (РНБ, ОР, Соф. 1136 — Курский музей, № 20959) сказано, что на службе свв. братьям следует читать Житие Владимира, «и томь ѥсть моученик с(вя)тою Бориса и Глѣба» (СК. №№ 107, 139). Такой текст в настоящее время неизвестен. Возможно, Иаков был автором какого-то краткого рассказа о «мучении» святых. Любое житие свв. Бориса и Глеба не могло появиться намного раньше первого изнесения их мощей при Ярославе в 1050–1051 г.

Иаков пишет, что он «слышавъ отъ многыхъ о благовѣрнемъ князи Володимери... и мало събравъ от многыя, добродѣтели его написахъ». Он не говорит, что видел своего героя или жил в его время, следовательно, он родился уже после смерти св. Владимира 15 июля 1015 г.

---

[1] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. LXXIV–LXXVI; *Приселков М. Д.* Нестор-летописец. Пг., 1923. С. 46–47, 95.

[2] *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики... С. 49–56, 172–177.

Интерес к личности Иакова возник сразу после появления первой публикации «Памяти и похвалы» (см.: Гл. 3. 2). П. В. Голубовский и М. Д. Приселков[1] отождествляли его с упомянутым в статье 1074 г. «Повести временных лет» пресвитером Иаковом из Печерского монастыря. В рассказе о смерти игумена преп. Феодосия говорится, что он хотел поставить Иакова своим преемником. Печерские монахи отвергли его, так как он постригся не в их монастыре, а пришел вместе с братом Павлом «съ Летьца» (р. Альты). Братия настояла на кандидатуре ученика Феодосия — Стефана (1074–1078). Судя по расположению на Альте, обитель, где постригся Иаков, была построена на предполагаемом месте убийства св. Бориса в 1015 г. и на реальном поле победы Ярослава над Святополком в 1019 г.[2] Разумеется, Феодосий не мог предложить в игумены новопостригшегося монаха. Монастырь был основан не позже первого изнесения мощей при Ярославе в 1050–1051 г., а вероятнее, еще раньше. Необязательно, что он был посвящен памяти свв. Бориса и Глеба. Даже церковь в Вышгороде, где были погребены святые, и где почитались их мощи, при Ярославе сохраняла первоначальное посвящение св. Василию. Князь мог основать обитель в память о победе на Альте где-то после 1036 г., когда умер младший брат Ярослава Мстислав Тмутороканский и Черниговский, и левобережье Днепра было подчинено Киеву.

Предполагаемое альтское происхождение Иакова Мниха объяснило бы, почему он начал с жития свв. Бориса и Глеба. В первоначальной версии «Сказания и страсти» говорилось, что св. Борис был убит на Альте, а в летописной повести «Об убиении Бориса» сказано, что там он был только ранен, а добили его под Киевом. Впоследствии обе версии были механически соединены (сохранившийся до наших дней текст Анонимного сказания). Постриженик Альтского монастыря предпочел историю гибели св. Бориса на Альте. При всей основательности этих предположений безоговорочно отождествить

---

[1] *Голубовский П. В.* Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–1579 гг.//ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 41. Вып. 3. Отд. 2. С. 125–166; *Приселков М. Д.* Нестор-летописец. Пг., 1923. С. 46–47, 95.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 58, 84, 475–476.

Иакова Мниха с «Иаковомь съ Летьца» и их обоих с автором первоначальной редакции «Сказания, и страсти, и похвалы святую мученику Бориса и Глѣба» нельзя.

Иаков Мних в «Памяти и похвале» рассказывает о жизни св. Владимира не так, как летопись. А. А. Шахматов первым убедительно показал, что у него представлена первоначальная версия событий. По его мнению, агиограф опирался на Древнейший свод 1039 г.[1] Этот памятник предшествовал Никоновскому своду 1070-х гг., Начальному своду 1091 г. и «Повести временных лет» (см. раздел 1). Л. В. Черепнин и М. Н. Тихомиров, а впоследствии и Б. А. Рыбаков, полагали, что существовал свод 995 г., составленный при Владимире.[2] А. Н. Насонов писал, что в основу исторического повествования «Памяти и похвалы» легли летописные заметки, составленные при церкви Богородицы Десятинной по случаю ее освящения.[3] О достоверности предположения о существовании свода 995 г. мы сможем судить, рассмотрев подробнее текст «Памяти и похвалы».

А. И. Соболевский и А. А. Шахматов полагали, что первоначально существовало некое Древнее житие, где с опорой на Древнейший свод излагалась биография князя.[4] А. И. Соболевский в 1888 г. назвал Древним житием редакцию «Памяти и похвалы», где отсутствует первая половина текста до вставной Похвалы св. Ольге. Вставка разрывает сравнение св. кн. Владимира со свв. Константином и Еленой. С первой фразы после разрыва «Блаженый же князь Волод-

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 22–28.

[2] *Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // ИЗ. М., 1948. Вып. 25. С. 293–333; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь (Сказания. Былины. Летописи.). М., 1963. С. 159–192.

[3] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 22–34.

[4] *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси / Под ред. А. И. Соболевского // ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 22; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 16–24.

меръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца...» начинается Краткая редакция, так называемое Древнее житие (о списках «Памяти и похвалы» и истории изучения памятника см.: Гл. 3. 2). Некоторые пассажи, прославляющие князя, и его молитвы в этом варианте сокращены. В остальном текст ничем не отличается от соответствующей части «Памяти и похвалы». А. Н. Насонов указал, что по сути — это выборка из полной редакции.[1]

Структуру и художественные особенности произведения Иакова Мниха мы рассмотрим в следующем разделе, а теперь обратимся к событиям, упомянутым в этом тексте.

Рассказав о том, как «Благодать Божия просветила сердце князю Русскому Владимиру», и он принял крещение сам и крестил всю Русь, Иаков описывает дела его христианского благочестия. Он сравнивает свв. Владимира и Ольгу со свв. Константином и Еленой, и именно в этот пассаж помещена вставная Похвала св. Ольге.[2] Описание того, как св. Владимир праздновал «праздники Господни», продолжается после разрыва. Затем агиограф рассуждает о том, почему отсутствие совершенных Владимиром чудес не может свидетельствовать против его святости. О том же, но иначе, уже писал Иларион. Далее автор приводит молитву Владимира и рассказывает о его многих милостынях и милосердии. В отдельных списках так называемого Древнего жития молитвы нет. Следующий отрывок уже читается во всех списках:

«Тако же пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божия просвѣщаше сердце его и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхуся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: радимичѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи, и ятвягы взя, и сребрныя болгары побѣди, и

[1] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 28. А. А. Шахматов полагал, что отдельные списки происходят от первоначальной редакции Древнего жития помимо «Памяти и похвалы». См.: Архив РАН. Ф. 154 (А. А. Шахматова). Оп. 1. № 112. 2-я корректура книги «Жития князя Владимира» (далее: Корректура). С. 57–58.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 16–17; «Память и похвала»... С. 182.

на козары шедъ, побѣди я и дань на нихъ положи. Умысли же и на греческыи градъ Корсунь и сице моляше ся князь Володимеръ Богу...».

Далее следует молитва Владимира, в которой он просит дать ему взять Корсунь (Херсон в Крыму, античный Херсонес), чтобы привести в свою землю людей-христиан и священников. За ней следует сообщение о том, как Владимир посватался к сестре византийских императоров, чтобы «укрепиться в законе христианском», и получил ее в жены. Исходя из этого текста, логично предположить, что все перечисленные походы Владимир совершил уже христианином. Но как выясняется дальше, это относится только к захвату Херсонеса.

Затем агиограф описывает кончину Владимира и приводит его предсмертную молитву. В так называемом Древнем житии ее нет, и текст начинается сразу с сообщения о том, что князь прожил христианином 28 лет. Здесь рассказывается о событиях, произошедших после крещения:

«По святомъ крещении поживе блаженыи князь Володимеръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещении къ порогамъ ходи, на третье Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи, в девятое лѣто десятину от имения своего блаженый христолюбивый князь Володимеръ вда церкови святѣи Богородицѣ».

Если читатель не знаком с летописью, он даже не поймет, к какому периоду жизни Владимира относятся его походы на языческие племена. Естественно, что их нельзя поместить в те два года, которые отделяют крещение от взятия Корсуня. И действительно, здесь говорится только о не известном по летописи походе к порогам. Из летописи видно, что покорение окрестных племен происходило до крещения, но летописец в этот же ряд поместил и взятие Херсонеса. Как мы увидим дальше, он сделал это не случайно, хотя поход в Тавриду был все-таки после крещения.

Сообщив о даровании десятины церкви Богородицы, агиограф снова упоминает о милосердии Владимира, его добрых делах и сразу переходит к истории его прихода к власти:

«И Богъ поможе ему, и сѣде в Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава князя печенѣзѣ убиша, а

Ярополкъ сѣде в Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава. И Олегъ, идыи съ вои у Вруча града, ся обломи мостъ съ вои, и угнетоша Олга в гребли. А Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486 (978). Крести же ся князь Володимеръ в десятое лѣто по убиении брата своего Ярополка, и кааше ся и плакаше блаженый князь Володимеръ всего того, елико створи въ поганьствѣ, не зная Бога. Познавъ же Бога истиннаго, творца небу и земли, покаявся всего и отврьжеся дьавола и бѣсовъ, и всеа службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостынею. Успе съ миромъ мѣсяца июля в 15 дьнь, въ лѣто 6523 (1015) о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемь».

Структура текста показывает, что факты биографии князя не интересовали автора сами по себе. Он откуда-то почерпнул их в готовом виде и сгруппировал по своему усмотрению и исходя из своего замысла.

Рассмотрим вначале хронологию памятника. А. А. Шахматов, а впоследствии и А. Поппе показали, что в НС, а вслед за ним и в «Повести временных лет», представлены неправильные датировки событий.[1]

Согласно Иакову, Владимир сел в Киеве 11 июня 6486 (978) г., а не в 6488 (980) г., как в НС и «Повести временных лет». А. А. Шахматов считал, что год вокняжения (6486) указан на основании письменного источника, но день 11 июня вычислен искусственно. А. В. Назаренко полагает, что это — день гибели Ярополка.[2] О. М. Рапов полагает, что Ярополк был убит не до вокняжения Владимира, а через год, и на этом основании подтверждает правильность летописной датировки крещения 988 г.[3] М. Б. Свердлов считает, что изначально речь шла о вокняжении не в Киеве, а в Новгороде, куда

---

[1] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 23–25; *Poppe A.* The Political Background of the Baptism of Rus' / / Dumbarton Oaks Papers. 1976. Vol. 30. P. 197–244. Сокращенный русский вариант: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.) / / Как была крещена Русь. М., 1988. С. 240–286.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 378–379.

[3] *Рапов О. М.* Указ. соч. С. 239–241. Ссылки на 1-е изд.: М., 1988.

Владимир, ранее бежавший «за море», вернулся в 978 г.[1] Но едва ли это событие было так важно. Владимир сел в Новгороде еще при жизни своего отца Святослава, и покидал город на короткое время после начавшейся распри старших братьев. Возвращение было лишь промежуточным этапом в борьбе за власть: князю предстояли поход на Полоцк, война с Ярополком и захват Киева. Об этом Иаков не упоминает, сразу переходя к убийству старшего брата. Он пишет, что гибель Ярополка предшествовала вокняжению Владимира, а не наоборот. Только после его смерти Владимир мог считаться полноправным князем Киевским. Недаром и год крещения отсчитывается Иаковом от убийства Ярополка, хотя указан только день вокняжения.

В перечне княжений из статьи 6360 (852) г. «Повести временных лет» сказано, что Владимир правил 37 лет, что дает 978 г., а не 980 г., как в летописи. А. А. Шахматов придавал этому большое значение, но в этой статье и срок княжения Ярослава определен в 40 лет — с превышением как минимум на год. Владимир скончался 15 июля 1015 г., Ярослав первый раз захватил власть в 1016 г., окончательно в 1019 г., а умер 19 или 20 февраля 6562 (1054) г. Эта дата сохранилась не только в летописи, но и в современной записи, сделанной на стене Софии Киевской.[2] Ярослав правил неполных 39 лет, даже если считать с момента смерти его отца, а не со времени вокняжения в Киеве. Интересно, что в «Сказании чудес святых мучеников Бориса

[1] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 243–244.

[2] *Рыбаков Б. А.* Запись о смерти Ярослав Мудрого//СА. 1959. № 4. С. 245–249; *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 39–41. Попытку передатировать запись 6560 (1052) г. см.: *Зиборов В. К.* Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого// Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. Вып. 11. С. 80–94. Как любезно сообщила Т. В. Рождественская, изучение надписи in situ показывает, что никаких оснований читать цифру **К** (20) как **ІЗ** (17), на чем строится аргументация В. К. Зиборова, нет. О том, что речь идет о воскресении Федоровой (первой) недели Великого поста см.: *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей//*Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 268–269.

и Глеба» княжение Ярослава определено правильно в 38 лет.[1] Составителя перечня ввела в заблуждение погодная разбивка, сделанная составителем НС. Дело в том, что в Византии Новый год начинался 1 сентября, а на Руси на полгода позже — с 1 марта. В «Повести временных лет» вокняжение Изяслава Ярославича датировано не тем же 6562 г., а 6563 (1055) г. Следовательно, летописец посчитал кончину Ярослава по мартовскому стилю (19 февраля 1055 г.). Из соотношения числа и дня (19 февраля суббота или 20 февраля воскресенье Федоровой недели Великого поста) видно, что на самом деле в записи о кончине князя был употреблен церковный сентябрьский стиль. Ошибка летописца привела к тому, что он увеличил срок княжения Ярослава на один год.

При всей путанице, внесенной в НС из-за неправильно понятой даты смерти Ярослава, его возраст полностью согласуется со сведениями Иакова. В НС и «Повести временных лет» сказано, что ему было 76 лет (полных или неполных). Это указывает на 978–979 г. рождения, если считать по византийскому сентябрьскому или современному январскому году. Из летописи известно, что мать Ярослава, полоцкая княжна Рогнед (Рагнхильд), стала женой Владимира до захвата Киева, а старшим ребенком от этого брака был Изяслав. Следовательно, Киев действительно был захвачен в 978 г.

Все даты в хронологии Иакова увязаны между собой и не противоречат иностранным источникам. День вокняжения Владимира служит точкой отсчета для остальных датировок. Иаков пишет, что Владимир крестился на десятый год после убийства (987 г.), Корсунь взял на третий год после крещения (989 г.), а прожил после крещения 28 лет. Дату крещения 6495 (987) г. дает Нестор в «Чтении». Срок христианской жизни определен в 28 лет в «Сказании, и страсти, и похвале святых мучеников Бориса и Глеба». Иаков особо подчеркивает, что Владимир был христианином, когда захватил Корсунь-Херсонес, и выдвигает благочестивую мотивировку его похода.

---

[1] Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971. С. 62; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 324.

Взятие Херсона (античного Херсонеса) русскими войсками упомянуто у современника событий византийского историка Льва Диакона и датируется точно летом 989 г.[1] В этом году было несколько аномальных явлений природы. Лев считал, что на захват города указали огненные столбы (последствие извержения вулкана), а явившаяся затем комета предвещала осеннее землетрясение в Константинополе. Об огненных столбах пишет современник, арабский хронист Яхъя Антиохийский, в 1014/15–1031 гг. как раз работавший над последней редакцией своего труда. На основании его свидетельств исследователь и публикатор труда Яхъи, В. Р. Розен, а затем В. Г. Васильевский датировали взятие города периодом между 7 апреля (появление столбов) и 27 июля (появление кометы) 989 г.[2] А. Поппе предположил, что взятие Корсуня было актом помощи византийским императорам Василию и Константину. На 987–989 гг. приходился грандиозный мятеж полководцев Варды Склира и Варды Фоки, и Владимир согласился послать императорам войска в обмен на руку их сестры, царевны Анны.[3]

Для удобства сведем все события княжения Владимира в «Памяти и похвале» и в летописи в таблицу. В квадратных скобках даны даты, указанные Иаковом описательно.

«Память и похвала»	НС — «Повесть временных лет»
	6478 (970). Раздел княжений Святославом
	6479 (971). Поход на Болгарию и поражение
[**971**]. Гибель Святослава	**6480 (972).** Гибель Святослава.

[1] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 90–91 и прим. к ним.

[2] *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1885. С. 09–018, 194–198, 217–219; *Васильевский В. Г.* К истории 976–986 гг. // *Он же.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. С. 98–106.

[3] *Poppe A.* Op. cit. P. 221–224, 238–239.

Вокняжение Ярополка	**6481 (973).** Вокняжение Ярополка
	6483 (975). Ссора Олега и Люта
Гибель Олега Святославича	**6485 (977).** Гибель Олега Святославича
11 июня 6486 (978). Убийство Ярополка, вокняжение Владимира на 8-й год после смерти Святослава	**6488 (980).** Захват Полоцка. Война с Ярополком, убийство Ярополка, вокняжение Владимира
Нет Поход на радимичей	**6489 (981).** Поход на Польшу, захват Червенских городов. Поход на вятичей (Под **6492** г.)
Поход на вятичей	**6490 (982).** Второй поход на вятичей
Поход на ятвягов	**6491 (983).** Поход на ятвягов. Мученичество варягов
(Выше)	**6492 (984).** Поход на радимичей
Поход на Серебряных болгар	**6493 (985).** Поход на болгар
Поход на хазар	Нет
	6494 (986). Приход миссионеров
[**987**]. Крещение в 10-й год после убийства Ярополка	**6495 (987).** Посольства с «испытанием службы»
[**988**]. Поход к порогам на 2-й год после крещения	**6496 (988).** Поход на Корсунь. Крещение. Свадьба
[**989**]. Поход на Корсунь на 3-й год. Свадьба	(Под **988** г.)
[**990**]. Закладка церкви Богородицы на 4-й год	**6497 (989)** — Радзвиловская; **6498 (990)** — остальные. Закладка церкви Богородицы
Нет	**6498 (990)** — Радзвиловская; **6499 (991)** — Лаврентьевская;
	6500 (992) — Ипатьевская, Новгородская 1. Закладка Белгорода
Нет	**6499 (991)** — Радзвиловская; **6500 (992)** — Лаврентьевская;

	6501 (993) — Ипатьевская, Новгородская 1. Поход на хорватов
[**991**]. Закладка Переяславля на 5-й год	Закладка Переяславля (в Новгородской 1 нет)
[**995**]. Дарование десятины на 9-й год	**6504 (996).** Дарование десятины
Нет	**6505 (997).** Повесть о белгородском киселе (только в «Повести временных лет»)
Нет	**6508 (1000)**. Смерть Малфрид и Рогнед
Нет	**6509 (1001)**. Смерть Изяслава Владимировича
Нет	**6511 (1003)**. Смерть Всеслава Изяславича
Нет	**6515 (1007)**. Перенесение святых в церковь Богородицы
Нет	**6519 (1011)**. Смерть царицы Анны
Нет	**6522 (1014)**. Мятеж Ярослава
15 июля 6523 (1015). Смерть Владимира	**6523 (1015) 15 июля**. Смерть Владимира

Вокняжение Владимира.

Иаков не упоминает о войне Ярополка с Олегом, о которой рассказывается в летописи. В его изложении гибель князя выглядит несчастным случаем: «И Олегъ, идыи съ вои у Вруча града, ся обломи мостъ съ вои, и угнетоша Олга в гребли». Но в летописи Олег не просто переезжал с воинами мост через городской ров, а спасался бегством после проигранной старшему брату битвы. Ярополк, таким образом, оказывался косвенным виновником гибели Олега. То ли агиограф неудачно сократил свой источник, то ли там действительно об этом не говорилось.

Иаков пишет, что 11 июня 6486 (978) г. приходилось на восьмой год после гибели Святослава. Тогда получается, что печенеги убили его в 971 г., а не в 6480 (972) г., как сказано в летописи. Болгарская война Святослава, которую он начал как союзник Византии, а закон-

чил как соперник Империи на Дунае, завершилась в июле 6479 (971) г. Дата известна из текста договора, помещенного в «Повести временных лет», и принята большинством историков.[1] По летописи Святослав погиб весной, когда возвращался с зимовки на побережье Черного моря на Русь. По русскому летоисчислению, начинавшемуся с 1 марта, это был уже 6480 (972) г. 971 г. мог получиться, только если историк считал, что Святослав погиб осенью-зимой того же года, когда заключил мир. Такая датировка следует, между прочим, из «Истории» Льва Диакона.[2] Но более вероятно, что источник Иакова знал, что Ярополк правил восемь лет: так сказано в перечне русских князей от Олега до Святополка Изяславича из статьи 6360 г. «Повести временных лет». Источник Иакова всегда считал неполные годы, поэтому и здесь обозначен восьмой год, т. е. полных семь лет и еще сколько-то.[3]

Дата 11 июня 978 г. есть только у Иакова. В НС и «Повести временных лет» вокняжение Владимира датировано 980 г. Очевидно, дата получена путем простого прибавления к 972 г. восьми лет. В этой статье рассказывается также о захвате Полоцка и осаде сначала Киева, а потом Родня.

Походы 979–984 гг.

Иаков не датирует первые походы, и, очевидно, дат не было в его источнике. Летописец НС распределил их по годам исходя из своей датировки вокняжения Владимира 980 г.

Иаков не упоминает захват Перемышля и Червенских городов, согласно летописи принадлежавших Польше. Оснований сомневаться в достоверности летописного известия нет. Судя по всему, поход действительно состоялся сразу после захвата власти.[4]

---

[1] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М., 1991. С. 178–198; *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 14–35, 54–57.

[2] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 83.

[3] Другое объяснение см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь.... С. 376–377. А. А. Шахматов почему-то посчитал «восьмое лѣто» 6778 г. См.: *Он же.* Разыскания... С. 132–133.

[4] *Назаренко А. В.* Древняя Русь.... С. 393–409; *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 10–13. Там же библиография вопроса.

В летописи указано два похода на вятичей, один в тот же год, что и на Червенскую землю, а другой на следующий. Вятичи, бывшие хазарские данники, были подчинены еще Святославом, но после его гибели и во время распри его сыновей вышли из повиновения. У Иакова первым указан поход Владимира на радимичей. В летописи он отнесен ко времени после окончания войн с вятичами и даже с ятвягами (984 г.). Радимичи были ближайшими соседями вятичей, и, возможно, самый первый поход Владимира был направлен именно против них. Перестановки, сделанные летописцем, могли быть вызваны тем, что он вставлял известие о захвате Червенских городов, которого в источнике Иакова не было.

Поход на ятвягов согласно летописи состоялся в 983 г. В НС и «Повести временных лет» помещен рассказ о жертвоприношении в честь победы, для которого был назначен сын варяга-христианина (подробнее в следующей главе). Иаков об этом не упоминает.

Походы на болгар и на хазар.

Поход на болгар в летописях есть под 6493 (985) г., зато нет упоминания о походе на хазар. Так как 987 г. в «Памяти и похвале» занят крещением, а между этим событием и взятием Херсонеса упомянут только поход к порогам, то войны с болгарами и хазарами можно отнести соответственно к 985 и 986 гг.

В летописной статье 6493 (985) г. не сказано, на каких болгар ходил Владимир, дунайских или волжских. В «Памяти и похвале» они названы «Серебряными»,[1] что указывает на волжских. Так они определены в рассказе Киевской (Ипатьевской) летописи о походе Всеволода Юрьевича Владимирского на Волгу в 1182 г.: «...сами же поидоша в землю Болгарьскую к великому городу Серьбреныхъ болгар». Вместе с Всеволодом ходил Владимир, сын киевского князя Святослава. Несмотря на конкретное указание Иакова, направление похода 985 г., как и достоверность сообщения о хазарах вызвали и вызывают

[1] Чтение «сербяны болгары», которое привлекают для доказательства дунайского направления похода, есть только в списке РГБ, ОР, МДА Фунд. 198 (XVI в.). Во входящем в ту же группу списке РНБ, ОР, Сол. 518 (1494 г.) читается общее «сребрены».

большие споры. Если Владимир ходил на Волгу, то две войны, упомянутые в «Памяти и похвале», теснейшим образом связаны друг с другом.

В современной русской традиции волжских тюрок именуют в византийской и арабской огласовке «булгарами», а дунайских славян и русской — «болгарами». Но в византийских источниках такой разницы нет. Константин Багрянородный, который вообще не упоминает о Волжской Болгарии, называет Дунайскую исключительно Βουλγαρία.[1] «Булгар» на Волге и «бурджан» на Дунае различают только арабские географы,[2] да и то не всегда. Например, Ибн Хаукаль, побывавший на Каспии в конце 960-х гг., решил, что в это время русы разгромили волжских булгар, хотя на самом деле до него дошла информация о походе Святослава на булгар дунайских.[3] В древнерусских текстах оба народа называются исключительно «болгары».[4]

В византийских источниках известны также «Черные булгары». Их дважды упоминает Константин Багрянородный. В одном случае он пишет, что они могут воевать с хазарами, в другом он отмечает, что росы по Днепру могут продвигаться «в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию».[5] В договоре Игоря с Византией 6453 (944) г., включенном в «Повесть временных лет», Русь обязуется не давать черным болгарам нападать на «Корсуньскую страну» (Херсонскую фему). Черная Болгария локализуется по-разному, от Приазовья до Приднепровья. А. В. Гадло предположил, что это — часть Первого Болгарского царства, и черные болгары обитали между Днестром и Прутом.[6]

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.

[2] *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 69, 113.

[3] *Калинина Т. М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времени Святослава // ДГ за 1975 г. М., 1976. С. 96.

[4] Деление на волжских «булгар» и дунайских «болгар» невозможно в современных европейских языках, сохранивших традиционную огласовку на «u» в названии республики Болгария: Bulgaria (англ.), Bulgarie (франц.), Bulgarien (нем.).

[5] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 52–53, 174–175 и прим. к ним.

[6] *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 176–194.

Наоборот, А. П. Новосельцев считает, что они обитали в Приазовье, и именно на черных болгар был направлен поход Владимира.[1]

Название «Серебряные болгары» связано с существовавшим в IX–X вв., но к середине XI в. почти полностью прекратившимся транзитом арабского серебра в Северную Европу. Волжский торговый путь связывал страны Арабского халифата с Балтийским морем, и по нему шел основной импорт серебряных дирхемов различной чеканки на Русь и далее в Скандинавию и славянское Поморье.[2] Во времена похода Владимира уже наметился существенный спад восточной торговли, но Волжская Болгария все еще была Серебряной, что и отразилось в географической номенклатуре Иакова Мниха. На эпоху Ярослава Владимировича приходится последняя, трагически закончившаяся попытка варягов прорваться на Восток — поход Ингвара-путешественника.[3] Маршрут поездок в страны Арабского халифата в «Повести временных лет» обозначен: «Ис того же лѣса потечеть Волга на въстокъ и вътечеть седьмьюдесятъ жьрелъ в море Хвалииское (Каспийское). Тѣм же изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы (Хорезм), и на въстокъ доити въ жребии Симовъ (страны халифата)». Но значение восточной торговли неуклонно падало в течение второй половины X в. В конце X в. свою роль сыграл развал державы Саманидов в Средней Азии, а в середине XI в. вторжение турок-сельджуков в Иран и во владения Византии. Свое былое значение сохранял только «путь из Ѫваряг в Греки», и название Серебряные болгары постепенно уходило в прошлое.[4]

---

[1] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 227.

[2] Литература огромна. См.: *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956; *Моця А. П., Халиков А. Х.* Булгар — Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997; *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

[3] *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре-путешественнике. М., 2002. С. 152–168.

[4] О происхождении названия на позднем материале см.: *Добродомов И. Г.* О названии «серебряные болгары» // ДГ за 1992–1994 гг. М., 1994. С. 149–154.

Цель похода Владимира определена как «болгары низовскиа» в поздних Никоновской и Воскресенской летописях 1530 г. и 1540-х гг. Но ни в Софийской 1 летописи по списку Царского (1508 г.), непосредственном источнике Воскресенской летописи,[1] ни в Московском своде конца XV в., использовавшем много дополнительных источников, этого нет. Определение «низовскиа» впервые появилось в Хронографе 1512 г., одном из источников Никоновской, где было развито редактором.[2] Опираться на него в доказательстве гипотезы о волжском походе, как это делал Б. Д. Греков,[3] нельзя.

М. Д. Приселков вслед за А. А. Шахматовым считал известия о походе на «Серебряных» (волжских) болгар и хазар ошибкой составителя компиляции, и придерживался версии о дунайском направлении похода.[4] В. В. Мавродин и А. В. Гадло полагали, что Владимир вмешался в болгарско-византийскую войну, возможно, на стороне Империи, но вскоре заключил мир с болгарским царем Самуилом. Это позволило болгарам в следующем 986 г. наголову разбить византийского императора Василия II.[5] Первым это предположил В. Н. Татищев. Сославшись на Иоакимовскую летопись, он пишет, что Владимир воевал с болгарским царем Симеоном, победил его, заключил с ним мир и принял от него крещение.[6] Симеон скончался в 927 г., и большинство сторонников этой точки зрения, распространенной в современной болгарской науке, полагает, что речь идет о царе Самуиле (ок. 983–1016). Татищев очень часто пользовался ссылкой на Иоакимовскую летопись, когда ему нужно было подкрепить свои

[1] *Клосс Б. М.* Список Царского Софийской 1 летописи и его отношение к Воскресенской летописи//Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 25–37.

[2] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 160–187; *Клосс Б. М.* Никоновский свод... С. 44, 100–101, 166–177.

[3] *Греков Б. Д.* Волжская Болгария в IX–X вв.//Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 13–14.

[4] *Приселков М. Д.* Очерки.... С. 23–25; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 21, 175.

[5] *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 302–303; *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 155.

[6] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. 1. С. 112.

гипотезы.[1] Ни в каких других источниках о крещении Руси болгарами не говорится.[2]

Ни в одной из византийских хроник нет известий об участии Руси в болгарско-византийской войне 985–986 гг. на чьей-либо стороне. Об этом не пишет и участник неудачного похода на Болгарию в 986 г. Лев Диакон.[3] Нет таких сведений и у младшего современника событий, армянского историка Степана Асохика. Он рассказывает об этой войне в связи с участием в ней армянского отряда, который и спас императора Василия после проигранной битвы. Именно Степанос сообщает о крещении Руси в результате брака русского царя с сестрой императора, и едва ли он упустил важную информацию о русах.[4]

Только Яхъя Антиохийский вскользь упоминает о враждебности Руси и Византии перед заключением договора Владимира и Василия в конце 987 — начале 988 г. Однако в подробном рассказе о болгарско-византийской войне 986 г., принципиально отличающемся от византийских хроник, Яхъя ничего не говорит об участии в ней Руси или о заключении союза с Болгарией. Это тем более важно, что о дунайском походе Святослава он тоже рассказывает и при этом утверждает, что между русами и императором Никифором перед заключением союза была война.[5] Возможно, Яхъя вообще считал Русь

---

[1] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев. 2005. С. 196–247.

[2] *Poppe A.* Op. cit. P. 205–206; *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma // Proceedings of the International Congress, Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / HUS. 1988 / 1989. Vol. XII / XIII. P. 223–224.

[3] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 89–90. Иногда в смысле упоминания о русах трактуют его слова, что он едва не стал «добычей скифского меча». Так как в предыдущей книге IX Лев очень подробно описал победу императора Иоанна Цимисхия над Святославом в 971 г., о новом приходе Руси в Болгарию он должен был бы сообщать, но этого нет.

[4] Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию / Пер. Н. Эмин. М., 1864. С. 200–201.

[5] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 20–21, 23, 175–191, 194–196. Сам В. Р. Розен предполагал, что посольство от болгар-магометан, упомянутое в летописи

и Восточную Римскую империю врагами до брака «царя русов» с сестрой «царя греков».

Как свидетельство союза русских и болгар привлекалось стихотворение (скорее политический памфлет) Иоанна Геометра.[1] Он иронизирует над фракийцами, заключившими союз со скифами (русами), и дальше обрушивается на болгар, называя их собственным именем. Соседи именовали византийцев «греками», но сами они воспринимали это как унижение, так как считали себя «ромеями» (римлянами). Интересно, что в стихотворении, написанном на поражение императора Василия от болгар в 986 г., он называет византийцев «авсониями».[2] Логично предположить, что «фракийцы» — язвительный намек на византийцев, относящийся к событиям 987–989 гг. Самому существованию Империи тогда угрожало восстание Варды Склира и Варды Фоки. Императоры получили помощь от Владимира, но в обмен на войска пришлось отдать «северному варвару» в жены свою сестру (подробнее ниже).[3]

Как один из аргументов в пользу дунайского направления похода приводилось то, что союзники Владимира торки шли берегом на конях, а войско шло в ладьях. Но огузы (узы — торки летописи) тогда только недавно вышли на Волгу от степей между Аралом и Каспием. Пространство от Дона до Дуная занимали печенеги.[4] Владимир, шедший в ладьях, подвергался их нападениям только при проходе через

под 987 г., прибыло на самом деле от Самуила, и Владимир стал его союзником (с. 219, прим. а).

[1] *Мавродин В. В.* Там же; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 424–432.

[2] *Ioannes Geometra* / /PG. T. 106. Col. 219. Русский перевод см.: *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 135.

[3] *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1909–1912. Т. 2. С. 115–124; *Poppe A.* Political Background... P. 213–217.

[4] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 36/37–44/45, 154/155–158/159, 170/171–172/173 и прим. к ним. Существует предположение, что границей между печенегами и Болгарией был Днепр, а степи за Днепром и за Днестром были только местом летовок. Но поход на ладьях мог быть осуществлен только летом, и огузы неминуемо столкнулись бы с печенегами на обоих берегах Днепра.

Днепровские пороги, а затем мог свободно плыть к устью Дуная по Черному морю. После разгрома Хазарии при Святославе путь от Волги до низовьев Дона огузам был открыт, но дальше союзники русского князя вступали на печенежскую территорию. Весьма сомнительно, чтобы печенеги свободно пропустили огузов на Болгарию — ведь при удачном раскладе они могли бы занять их кочевья. Дунайский поход в том виде, как он описан в статье 6493 (985) г., был бы войной не с Дунайской Болгарией, а с печенегами, чем в действительности и являлись все позднейшие совместные походы русских князей и торков.

Гипотеза о дунайском направлении похода постепенно сдает позиции[1] по мере накопления новых данных по истории и археологии Волжской Болгарии и Хазарии.[2] К проблеме хазарского похода мы еще вернемся.

Рассмотрим еще раз, что сказано в НС и «Повести временных лет» о болгарах. Первое упоминание в НС под 6475 (967) г. связано со Святославом, и здесь уточнено направление его похода: «на Дунаи на Болгары». В «Повести временных лет» есть ряд известий о Болгарии, заимствованных из Продолжения «Хроники» Георгия Амартола и, как полагал А. А. Шахматов, какого-то болгарского летописца. Это сообщения: о походе на Болгарию и ее крещении Михаилом в 6366 (858) г.; крещении ее Василием I в 6377 (869) г.; о болгарско-венгерской войне в 6410 (902) г.; о войнах царя Симеона с Византией в 6422 (914) и 6437 (929) гг.; о его войне с хорватами и смерти в 6450 (942) г. Последние две даты проставлены неверно: Симеон скончался в 927 г. После рассказа о гибели Святослава никакие болгары в НС и «Повести временных лет» не упоминаются вплоть до известия о походе Владимира в 6493 (985) г.

Связать летописную статью 6493 г. с походом на Дунай очень сложно. Во-первых, в летописи переяславцы, т. е. болгары, обвиня-

[1] *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 391–392; *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси//Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 70–71.

[2] *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 8; *Халиков А. Х.* Волжская Булгария и Русь//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 8–10.

ются в том, что они подучили печенегов напасть на Святослава, возвращавшегося с огромной добычей и небольшим войском. Поход на этих болгар выглядел бы как месть за гибель отца, но ничего подобного в тексте нет. Во-вторых, болгары представлены как неизвестный противник. Увидев, что колодники в сапогах, дядя Владимира Добрыня предлагает поискать себе в данники лапотников, и Владимир заключает с болгарами вечный мир. Если это старые, хорошо знакомые еще отцу Владимира враги, то реакция Добрыни непонятна. Он явно оценивает совершенно нового противника.

Известие о заключении договора основано на устном источнике. А. А. Шахматов предполагал в нем новгородское предание о Добрыне, но сейчас ясно, что это не так. Как показали многолетние археологические раскопки, в средневековом Новгороде носили исключительно кожаную обувь. Вплоть до слоев конца XV в. не было найдено ни одного экземпляра лаптей. Следовательно, для новгородца сапоги были единственно возможной обувью, а никак не показателем благосостояния или уровня культуры. Рассказ основан на киевском дружинном предании.

И, наконец, самое главное: даже в летописи есть определение болгар. Разбивка на погодные статьи появилась не раньше 1070-х гг.[1] Если же мы уберем дату 6494 г., то увидим, что рассказ о походе на болгар предваряет историю миссионерской проповеди в Киеве представителей различных конфессий: «И рѣша болгаре: "Толи не будеть мира межи нами, елико же камень начнеть плавати, а хмель грязнути". И прииде Володимиръ Киеву. <Въ лѣто 6494.> Приидоша болгаре вѣры Бохмиче, глаголюще яко: "Ты князь еси мудръ и смысленъ..."» Из текста ясно, что мусульманство князю проповедовали именно те болгары, которых он только что разбил. Обе статьи читаются в таком виде уже в НС, где, в отличие от «Повести временных лет», не упоминалось о том, что какая-то Болгария была крещена в 958 или 969 г.

---

[1] *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 460–491; *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 87.

Попытку обратить князя в свою веру предпринимают и другие незадачливые противники Владимира. «Жидове козарстіи» приходят к нему, когда узнают о его отказе мусульманским и латинским миссионерам. Так как в Киеве X в. была значительная еврейская община,[1] летописцу незачем было специально выводить откуда-то иудейских проповедников и тем более представлять их хазарами. Очевидно, в источнике летописца все же говорилось о хазарской войне.

Взгляд на направление болгарского похода во многом связан с тем, как оценивается известие о походе на хазар. М. И. Артамонов полагал, что борьба с Хазарией не была закончена Святославом, и только последние походы Владимира окончательно разрушили ее и позволили контролировать устье Волги.[2]

А. П. Новосельцев, признавая реальность похода на болгар (по его мнению, «черных» приазовских), скептически относится к сообщению Иакова Мниха о войне с хазарами. Однако предложенная им хронология событий идеально ложится на рассказ «Памяти и похвалы». Хазарский каганат был разгромлен в результате походов Святослава 965 и 968–969 гг. Его место постепенно начали занимать волжские болгары. Тогда хазары обратились за помощью к ширваншаху Мухаммеду и с его помощью после 981 г. вернулись в свою землю. Мухаммед продвигался на север вдоль побережья Каспийского моря с целью захватить Дербент, что ему и удалось на короткое время в 988 г. Но до этого, в 987 г. помощь эмиру Дербента в борьбе с внутренними врагами оказывали русы, прибывшие на восемнадцати судах. К тому времени они снова контролировали устье Волги.[3]

---

[1] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. / Науч. ред., послесл. и ком. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. Изд. 2-е, испр. и доп.: М., 2003. С. 5–36.

[2] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 426–436; 2-е изд. СПб., 2002. См. также: *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986. С. 71. В своей последней книге она не касается этого вопроса: *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим. 2000. См. также: *Ващенко Э. Д.* «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. СПб., 2006.

[3] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 220–231; см. также: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. X–XI вв. М., 1963. С. 67–68.

Согласно Иакову, в 978 г. закончилась междоусобица. За этим последовала серия походов на Польшу и ятвягов. Владимиру пришлось заново покорять вятичей, подчиненных Киеву еще его отцом. Именно в это время хазарам с помощью ширван-шаха удалось вернуться на свои земли. Закончив дела на западном направлении, Владимир пошел на болгар, а затем снова обрушился на хазар. Так как 987 г. отмечен как год его крещения, то эти события произошли в 985–986 гг. В 987 г. русы, очевидно, из заново захваченных хазарских городов в устье Волги, оказали помощь врагам ширван-шаха в Дербенте. В 990-е гг. Хорезм все же изгнал из низовий Волги и русов, и их союзников огузов (торков), но хазарам пришлось принять ислам. Хазария просуществовала в устье Волги еще некоторое время, а память о ней жила вплоть до середины XII в.[1]

А. В. Гадло, считавший, что Владимир ходил на дунайских болгар, предположил, что поход на хазар на самом деле был направлен только на захват Тмутороканя. Оттуда и пришла в 987 г. помощь Маймуну, эмиру Дербента. На вопросе, каким образом русы прошли из Азовского моря в устье Волги, занятое врагом Маймуна, ширваншахом Мухаммедом б. Ахмадом, исследователь не останавливается.[2] Тмуторокань действительно могла быть одной из целей хазарского похода Владимира. Все указывает на то, что она была взята еще Святославом в походе 965 г.,[3] но в начале 980-х гг. ее могли потерять так же, как низовья Волги.

Если принять тезис о волжской направленности войн Владимира, становится понятно и то, почему Иаков Мних поместил поход на Корсунь в этот же ряд, хотя прекрасно знал, что он состоялся после крещения. Целью князя было укрепление позиций Руси на Черно-

---

[1] М. И. Артамонов считал, что Владимир изгонял из низовьев Волги хорезмийцев: *Он же*. Указ. соч. С. 433–436. О топониме «Хазария» в XI – XII вв. см.: *Коновалова И. Г.* Указ. соч. С. 189–191.

[2] *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 247 –250. Текст Ибн Хаукаля, рассказывающего о возвращении хазар на Волгу с помощью ширван-шаха, был опубликован с комментарием в 1976 г.: *Калинина Т. М.* Указ. соч. С. 75–90.

[3] *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 166 (прим. 443), 220, 226–227; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. С. 106–107.

морском побережье. Как уже говорилось выше, существует предположение, что Владимир взял Корсунь как союзник императоров. Но одно не мешает другому. Под предлогом помощи будущему шурину русский князь вполне мог заняться решением собственных проблем. Результат известен — Тмуторокань еще сто лет оставалась русским владением.

Крещение.

Источник Иакова помещает крещение в десятый год после убийства Ярополка 11 июня 6486 (978) г. Если он применял византийский сентябрьский год, то это период 1 сентября 986 г. — 31 августа 987 г. Если отсчет велся только по годам правления Владимира, то это период с июня 987 г. по июнь 988 г. В древнерусском летописании времен НС было в ходу местное летоисчисление с 1 марта. Византийские сентябрьские датировки церковных событий встречаются во времена Ярослава. Как уже было сказано, день его смерти, Федоровская суббота первой недели Великого поста 6562 г., указан по сентябрьскому стилю и в летописи, и в современной записи о смерти князя на стене Софии Киевской (20 февраля 6562 г., воскресенье Федоровой недели). Традиция считать по годам правления императоров тоже восходит к Византии. Видимо, это и вызывало у летописцев сложности в точном определении года крещения. Дата 6495 (987) г. встречается, как уже говорилось, в «Чтении» Нестора.

Иаков не пишет, что Владимир скончался «въ 28-е лѣто по крещении». Он предваряет перечень событий, совершившихся на «другое... третье... четвертое... лѣто» после крещения, сообщением о том, что князь «поживе... 28 лѣтъ». Это определение принципиально отличается от всех хронологических привязок в «Памяти и похвале» и, следовательно, принадлежит самому Иакову, а не его источнику. Он посчитал от кончины князя 15 июля 1015 г. до даты крещения полных 28 лет, имея в виду 6495 (987) г., вероятнее всего — сентябрьский.[1]

[1] А. А. Шахматов считал, что определение в 28 лет, как и рассказ о взятии Корсуня, попали в «Память и похвалу» из особого источника, который знал также составитель «Слова о томъ како крестися Володимиръ възмя Корсунь». См.: *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 21, 41. Но 28 лет

А. Поппе предлагает считать стиль «Памяти и похвалы» мартовским и датирует крещение Владимира 1 января (память св. Василия Кесарийского) 6495 (988) г., а киевлян — летом следующего 6496 (988) г. Так же полагает и В. Водоф, считая, что это произошло на Троицу 27 мая.[1] К этому вопросу мы вернемся в Главе 4.

Поход к порогам на следующий год после крещения (в 988 г.) А. Поппе считает торжественной встречей багрянородной невесты.[2] Высказывалось предположение, что Владимир сопровождал войско, которое отправлял на помощь Василию против восставшего Варды Фоки. А. Поппе справедливо возражает, что 6 000 воинов не нуждались в защите Владимира. Это действительно так, зато близлежащие города и села нуждались в том, чтобы их защитили от этого войска, а сделать это мог только сам князь.

Поход на Корсунь и свадьба Владимира.

Корсунь Владимир взял в 989 г. Как показывают многолетние археологические исследования, город не был разрушен или сожжен. Нет свидетельств о прекращении деловой активности.[3] Согласно Накову, тогда же совершилось бракосочетание с Анной, сестрой византийских императоров Василия и Константина. В «Памяти и похвале» Владимир посылает к ним, «прося у нихъ сестры оженити ся, дабы ся болма на христианский законъ наставилъ». Как прямо сказано у современника событий Яхъи Антиохийского, а также у византийского хрониста Иоанна Скилицы (его «Хроника» доведена до 1057 г.),

---

упоминаются также в «Сказании, и страсти, и похвале свв. мученикам Борису и Глебу». Рассказы о корсунских событиях в «Памяти и похвале» и «Слове» сближает только порядок упоминания императоров: «Константинъ и Василий» вместо правильного Василий и Константин.

[1] *Poppe A.* The Political Background... P. 240–242; *Vodoff V.* Naissance de la Chrétienté Russe. Fayard, 1988. P. 79.

[2] *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире//ВВ. 1953. Т. 7. С. 204; *Poppe A.* Ibidem.

[3] *Беляев С. А.* Поход князя Владимира на Корсунь. (Его последствия для Херсонеса)//ВВ. 1990. Т. 51. С. 153–164; *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города//Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 90–91.

руку царевны Владимир получил за военную помощь, оказанную Василию и Константину в борьбе с мятежными военачальниками[1] (подробнее см.: Гл. 3. 3). Византийские источники молчат о крещении Руси, Яхъя же считал его условием брака. А. Поппе полагает, что брак был заключен в Киеве после крещения Владимира, но до взятия Херсонеса — летом 988 г.[2] Представляется, что в Корсуне все же должно было произойти значительное событие, оставившее по себе долгую память. Именно оно дало толчок к возникновению предания о крещении Владимира в Корсуне. Таким событием могло быть только бракосочетание с багрянородной невестой.[3]

Основание Десятинной церкви Богородицы.

Отличие летописного повествования 989–995 гг. — это отсутствие точной хронологии. В НС и в Ипатьевской редакции «Повести временных лет» основание Десятинной отнесено к 6499 (991) г., а в Лаврентьевско-Троицкой редакции — к 6497 (989) г. В самой Лаврентьевской летописи в трех статьях подряд идут сплошь ошибки в датах, вызванные, очевидно, ветхостью протографа 1305 г., который в 1377 г. скопировал монах Лаврентий. В летописной статье рассказывается не только о закладке, но и об окончании строительства и украшении храма. Продолжение помещено под 6504 (996) г., где говорится о даровании церкви Богородицы десятины.

Основание Белгорода и Переяславля.

Закладка Белгорода, о которой в НС и в Ипатьевской редакции «Повести временных лет» говорится под 6500 (992) г., а в Лаврентьевско-Троицкой под 6498 (990) г., Иаковом не упомянута. Это можно было бы принять за случайный пропуск в протографе «Памяти и похвалы», если бы не отсутствие в НС (Н1 мл.) известия об основании Переяславля. В «Повести временных лет» оно помещено вслед за сообщением о походе на хорватов. Датировка хорватской войны совпадет в НС и Ипатьевской редакции (993 г.) и отличается от Лав-

---

[1] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 23–24 и прим. к ним; *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 336.

[2] *Poppe A.* Op. cit. P. 221–224, 238–239; *Vodoff V.* Ibidem.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 142–144, 470–473.

рентьевско-Троицкой (991 г.). Сообщение об основании Переяславля включено в явно фольклорный рассказ о борьбе юноши кожемяки с печенежским богатырем. Можно было бы предположить, что он весь вставлен создателем «Повести временных лет», но об основании Переяславля Иаков пишет, а о хорватской войне не упоминает.

А. А. Шахматов предположил, что Иаков самостоятельно переправил Белгород на Переяславль.[1] Но могло быть и так, что в разных списках упоминались разные города, заложенные Владимиром. В заключение летописной статьи 988 г., рассказывающей о крещении, сообщается о том, что князь построил множество городов (т. е. укреплений) на южных рубежах Руси. В этот оборонительный пояс входили и Белгород с Переяславлем. Они оба существовали до 990-х гг. В Белгороде был еще один двор Владимира, где жили его наложницы, а Переяславль упоминается в связи с походом Олега 907 г. Таким образом, речь шла не об основании городов, а о строительстве новых укреплений. Белгород впоследствии был местом пребывания епископа, викария митрополита всея Руси, а Переяславль стал центром крупнейшего княжества и епископии, возведенной в ранг митрополии при внуке Владимира, князе Всеволоде Ярославиче.[2]

Не ясно, почему Иаков не упоминает о хорватской войне, в достоверности которой никто не сомневается (см.: Гл. 6. 3). Ее направление и задачи совпадали с целями похода для захвата Перемышля и Червена сразу после вокняжения. Он тоже не упомянут Иаковом. В его списке могли быть лакуны, которых не было у летописца, но более вероятно сознательное нежелание упоминать о соперничестве с поляками за эти земли.

Дарование десятины церкви Богородицы.

Источник Иакова относил это известие к 995 г., а все летописи — к 996 г. День освящения Десятинной церкви, 12 мая, известен из русского Пролога 1-й редакции. Сказание полностью основано на летописных статьях о закладке храма и даровании ему десятины. Так как

---

[1] Там же. С. 27–28.

[2] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 35–37, 56–62.

Десятинная церковь просуществовала вплоть до татаро-монгольского нашествия, то в правильности даты не приходится сомневаться.

12 мая приходилось на воскресенье в 995 г., и А. А. Шахматов полагал, что храм освящался в год, указанный в «Памяти и похвале». Выбор даты явно был связан с двумя константинопольскими праздниками: обновления города 11 мая (при Константине Великом) и освящения Софии 13 мая 994 г. после восстановления купола, поврежденного землетрясением 26 октября 989 г.[1] Освящение собора не обязательно сопровождалось дарованием грамоты (к этому документу мы еще вернемся в Гл. 4. 1). Либо она была дана год спустя, либо сдвиг возник в летописи из-за того, что на год подвинулась дата крещения: с 6495 г. на 6496 г.

События после 995–996 гг.

Выделение этой рубрики условно, так как в «Памяти и похвале» далее упомянута только смерть Владимира 15 июля 1015 г., а в летописях нет ни одного конкретного известия, кроме сообщений, связанных с повседневной жизнью Десятинной церкви. В НС и «Повести временных лет» за рассказом о даровании десятины следует предание об основании церкви Спаса Преображения в селе Василеве. Оно принадлежит несомненно Древнейшему своду, так как храм упоминается как получающий десятину вместе с церковью Богородицы в Уставе Владимира.[2] Предание о церкви Спаса продолжает похвала Владимиру. Рассказав о щедрости и милосердии князя, летописец пишет, что он жил в мире со всеми соседними князьями: Болеславом Польским, Стефаном Венгерским и Андрихом (Олдрихом) Чешским. Последний захватил власть только в 1012 г., свергнув брата Яромира, а правил до 1034 г. Современником Владимира его мог считать только составитель Древнейшего свода. За похвалой следовал короткий рассказ о неудачной попытке ввести византийское законодательство (подробнее в Гл. 6).

Очевидно, похвала завершала описание правления Владимира в Древнейшем своде. Единственным документальным источником для последующего периода были записи из Десятинной церкви. А. А. Шах-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 25; *Акентьев К. К.* Указ. соч. С. 80–81.

[2] Древнерусские княжеские уставы... С. 15, 18–19, 23, 30, 37, 43, 46, 54, 70, 73, 76.

матов полагал, что они были сделаны на надгробиях или в княжеском помяннике. А. А. Гиппиус предположил, что это были примитивные анналы.[1] Вероятнее всего, это были надписи-граффити. Традиция записывать на стенах храма известия о кончинах, погребениях и вообще знаменательных событиях известна и в Византии, и в Болгарии.[2] Так в летопись попали сообщения не только о смерти Анны в 1011 г., но и кончинах некой Малфрид и бывшей жены Владимира Рогнед (6508), его сына Изяслава (6510) и внука Всеслава (6511) в Полоцке, а также о перенесении их останков в Десятинную церковь (6515).

Последовательное изложение начинается в НС и «Повести временных лет» только с известий 1014 г. об отказе Ярослава платить дань от Новгорода Киеву и смерти Владимира в 1015 г. Последние события княжения Владимира — заговор Святополка и война с Болеславом Польским, известны только благодаря немецкому хронисту Титмару Мерзебургскому. В скандинавских сагах упоминается нападение на город Ладогу норвежского ярла Эйрика около 995 г. (см.: Гл. 6. 3, 7. 2). Титмар Мерзебургский, рассказывая о событиях 1018 г., упоминает вдову Владимира. Возможно, что от последнего брака, заключенного после смерти Анны, родились Станислав и Судислав или Мария, будущая жена Казимира Восстановителя, внука короля Болеслава Польского. Однако в польской традиции она считается единственным ребенком багрянородной Анны (подробнее см.: Гл. 6. 2).

Рассказ о неудавшейся правовой реформе, возможно, был присоединен кем-то из составителей позднейших сводов. Создатель «Повести временных лет» дополнил легендарный ряд под 6505 (997) г. историей о хитрости белгородцев, которых осаждали печенеги. Опустив в колодцы кадки с медом и мучной болтушкой, они убедили кочевников, что их кормит сама земля.

В Древнейшем своде большая похвала Владимиру помещалась сразу за известием о даровании десятины церкви Богородицы. Из-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 161–162; *Гиппиус А. А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 30–31.

[2] *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов. СПб., 1992. С. 10–23.

вестие о его смерти в статье 1015 г. сопровождалось только описанием погребения и кратким упоминанием о заслугах князя как крестителя Руси.[1] Это было возможно только в том случае, если историей Десятинной церкви заканчивался какой-то письменный источник летописца. Если бы он собирал материал сам в 1030-е гг., то не допустил бы образования лакуны объемом в 20 лет. Так как в Древнейшем своде еще не было погодной разбивки,[2] она была незаметна.

Предположение Л. В. Черепнина и М. Н. Тихомирова о полноценном своде X в. как источнике Древнейшего приходится оставить. Исключительно из легенд, христианских и языческих, составлена история св. княгини Ольги. Проложное житие содержит даже больше ошибок, чем летописи (см.: Гл. 3. 2). Княжение Святослава в летописях рассказано исключительно по преданиям, причем прожившим достаточно большой срок в устном виде. Рассказчики не знали, что князь был в Болгарии осажден в Доростоле, а не в Переяславце. Сложно предположить, что во времена Владимира, пусть даже и в 995 г., не помнили, где были последние бои его отца. Все это говорит в пользу того, что источник Древнейшего свода рассказывал только о Владимире. Жизнеописание заканчивалось 995 г. и, как предположил А. Н. Насонов, было написано по случаю освящения Десятинной церкви. Вероятнее всего, это была часть энкомия, посвященного Владимиру.

4. Композиция и замысел «Памяти и похвалы» Иакова Мниха

За исключением Н. И. Серебрянского,[3] исследователи, касавшиеся истории «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, видели в ней ком-

[1] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире//ХЧ. 1902. № 7. Июль; *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 41–42.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 460–491; *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет...» С. 87.

[3] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 44–49.

пиляцию из похвалы св. Владимиру, похвалы св. Ольге и Древнего жития св. Владимира.[1] Еще А. А. Шахматов указал на вставной характер похвалы святой княгине: она разрывает сравнение свв. Владимира и Ольги со свв. Константином и Еленой. Весь текст «Памяти и похвалы» Иакова Мниха пронизывает сложная система повторов. Исследователь объяснял их тем, что здесь слиты два произведения, «одно из которых написано под влиянием другого», а разделить их достаточно сложно. При этом, вслед за А. И. Соболевским, он предлагал считать биографические сведения частью некоего житийного произведения.[2] Наша задача — исследовать стиль Иакова и определить цель его сочинения.

Иаков начинает с небольшого вступления, в котором называет свое имя и объясняет, чему посвящено его произведение. Назвав свое имя, Иаков пишет: «слышавъ отъ многыхъ о благовѣрнемь князи Володимери всея Рускиа земля, о сыну Святославлѣ, и мало събравъ отъ многыя, добродѣтели его написахъ, и о сыну его, реку же, святою славную мученику Бориса и Глѣба, како просвѣти благодать Божиа сердце князя рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву, и възлюби и человѣколюбивыи Богъ, "хотяи спасти всякого человѣка и въ разумъ истиньныи приити" (*Тим.* 2, 4), и вжада святого крещения. "Яко же жадаеть елень на источникы водныя" (*Пс.* 41, 2), тако вжада благовѣрныи князь Володимер святого крещения. И Богъ сътвори хотѣние его».

Вступление не только не отделено от основного текста, но, наоборот, связано с ним настолько тесно, что невозможно провести границу. Иаков, говоря о содержании своего произведения, упоминает не только о добродетелях Владимира, но и о его отце Святославе и сыновьях, свв. мучениках Борисе и Глебе. Далее он расширяет сведения о роде Владимира, указав, что он «внук Игорев». Иаков, как и Иларион, пишет о том, что сам Господь просветил Владимира, а затем трижды повторяет, что он «возжаждал святого крещения». Далее он

[1] *Бугославский С. А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 138–140.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 18–19; *Он же.* Корректура... С. 14–21, 44–47, 57–58.

пишет, что Бог «сътвори хотѣние его», а на эти слова нанизывает еще три цитаты: «Волю боящихъ ся его сътворить, и молитву ихъ устышить, и спасеть я» (*Пс.* 144, 19); «Просите, и приимете, ищите, и обрящите...» (*Мф.* 7, 7–8; *Лк.* 11, 9–10); «Иже вѣру иметь и крестить ся, и спасенъ будеть...» (*Мк.* 16, 16). Когда Владимир «взыска спасения», он узнал, что его бабушка, княгиня Ольга, приняла крещение в Царьграде. Теперь Иаков в четвертый раз пишет о том, что «разгоряше ся Святымь Духомь сердце его, хотя святаго крещения», и второй раз о том, что Бог «просвѣти сердце князю Рускыя земля Володимеру».

В конце этого огромного пассажа впервые появляется мысль, которую Иаков будет развивать во второй части своего произведения. Бог знает подлинное желание сердца и «провидит доброту» Владимира еще тогда, когда он является язычником, потому и «просвещает» его.[1] Особенности стиля Иакова прекрасно видны уже здесь. Текст развивается как серия повторов, где одна тема переплетается с другой и с третьей, при этом они объединены однокоренными существительными и глаголами и перемежаются обильными цитатами из Ветхого и Нового Заветов. Ниже мы увидим, как такой же огромный период был разорван вставкой Похвалы княгине Ольге.

Итак, сначала Бог просветил Владимира, а затем он сам стал искать спасения и по Божьей воле обрел его в святом крещении. Теперь Иаков приступает к доказательству святости князя. Сначала он описывает, как Владимир крестился сам и крестил весь свой дом и всю Русь. Здесь он в третий раз упоминает о том, что «дар Божий осенил его, благодать Святого Духа осенила сердце его». Только теперь следствием этого было не крещение, а стремление держать «веру твердую, непоколебимую». Дела веры выражаются в том, что князь попрал языческих богов-бесов Перуна и Хорса, разрушил идолов и воздвиг каменную церковь Пресвятой Богородицы, дал ей десятину и построил в других городах храмы. Развивая эту мысль, он пишет, что Владимир всю Русь отторг от диавола и привел к истинному свету.

Отсюда Иаков начинает обоснование святости Владимира. Он приводит текст, основанный на книге пророка Иеремии: «Изводяи отъ

[1] Эта особенность впервые отмечена еще в 1888 г.: *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. Июнь. С. 398.

нечестия нечестиваго, акы уста Моя еси» (*Иер.* 15, 19), и говорит, что Владимир, который привел людей от диавольского обмана к истине, был «как уста Божия». Описав ликование на небесах, Иаков опирается на *Лк.* 15, 7, 10: «Колика бываеть радость на небесах о едином(ъ) грѣшницѣ кающемься». Он делает вывод, что дело Владимира, приведшего «бесчисленные души» к Богу, достойно особой похвалы.

Далее Иаков обращается к князю исключительно как к «блаженному». В большинстве рукописей первое обращение к Владимиру как к святому выделено киноварным или чернильным инициалом: «О, блаженый и треблаженый княже Володимере, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче, мъзда твоя многа зѣло предъ Богомъ». Я. Н. Щапов в справочной статье о «Памяти и похвале» считает первую часть собственно похвалой, а вторую, от слов «О блаженный» до начала обоснования святости, несмотря на отсутствие чудес, «риторическим обращением к Владимиру».[1] На самом деле здесь автор продолжает развивать тезис о святости князя, постулированный выше. В подтверждение своей мысли Иаков приводит псалтырную цитату (*Пс.* 93, 12): «Блаженъ человѣкъ, его же Ты накажеши, Господи...». Если до этого он называл Владимира исключительно «благоверный», то начиная с этого места он постоянно именует его «блаженный».

Третий раз провозгласив, что Владимир сам бросил служить диаволу и своих людей научил служить Богу, Иаков приводит новую цитату: «Иже сътворить и научить, великъ наречеть ся въ царствии небѣснемь» (*Мф.* 5, 19). После этого он называет блаженного Владимира «апостолом среди князей», потому что он «всю землю Русскую привел к Богу святым крещением». Теперь «новоизбранные люди Русской земли» хвалят «Владыку Христа со Отцом и Святым Духом», как дети при Входе Господнем в Иерусалим.

Сама система аргументации, привлечение соответствующим образом истолкованных цитат из Священного Писания, заимствована Иаковом у Илариона. Чье бы произведение не появилось раньше, авторы явно знали друг о друге: невероятно, чтобы они случайно выбрали совершенно разные цитаты. Иларион привлек: «Не видилъ еси

[1] *Щапов Я. Н.* «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха // Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 181–183.

Христа...» (*Рим.* 10, 14); «Блажени не видѣвше и вѣроваше» (*Ин.* 20, 29); «Блаженъ есть иже не съблазниться о мнѣ» (*Мф.* 11, 6); «Блажени милостивии... помиловани будуть» (*Мф.* 5, 7); «Обративыи грѣшника... прокрыеть множьство грѣховъ» (*Иак.* 5, 20); «Иже исповѣсть мя предъ человѣкы...» (*Мф.* 10, 32). Иаков, как мы видим, обратился к другим текстам. Если Иларион особо выделял то, что Владимир не был историческим учеником Христа, но стал Его подлинным последователем подобно апостолам, то Иаков развивает только мысль об исключительной роли князя как учителя Руси.

Описав торжество христианской Руси, Иаков приступает к сравнению блаженного Владимира со св. Константином Великим.[1] О св. Константине автор говорит, что он просветил святым крещением весь мир. Как всегда дважды, Иаков пишет о разрушении языческих храмов и поставлении церквей: «...и святымъ крещениемъ просвѣти весь мир... *И разруши храмы идолския съ лжеименными богы*, и святыа же церкви по всеи вселеннѣи постави... С блаженою и богомудрою матерью своею святою Еленою *и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бещисленое множество*, **и требища бѣсовьская потреби, и храмы идольския разруши, и *церквами украси*** всю вселеную и ***грады***, и заповѣда **въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣнии и молитвами, и праздникы праздновати** на славу и на хвалу Богу».

Когда Иаков описывал уничтожение язычества и крещение Руси, он дважды написал о Владимире: «Крести же и всю землю Рускую от конца до конца, и *поганьскыя боги*, паче же бѣсы, Перуна и Хърса, и ины многы *попра, и съкруши идолы*, и отверже всю безбожную лесть. ...*и грады вся украси святыми церквами*. ...и прииде от тмы диаволя на свѣтъ *съ чады своими, приде къ Богу, крещение приимъ*, и всю землю Рускую исторже изъ устъ диаволь и къ Богу приведе...» Выделенные курсивом тексты соотносятся друг с другом. В срав-

[1] О значении этого сравнения в византийской и древнерусской богословской мысли см. редакторское примечание К. К. Акентьева к книге: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Древней Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 508–509, прим. 6.

нении Владимира с Константином Иаков обращается к уже разработанным им темам. Говоря об обращении князя в христианство, он уже писал о том, что «святой царице Елене блаженной» подражала княгиня Ольга, получившая ее имя в крещении. Упоминание о том, что св. Константин действовал вместе с «чадами», явно появилось в связи с упоминанием о «чадах» Владимира в описании его деяний. Здесь Иаков объединяет все темы, и в четвертый раз говорит о крещении Руси.

Второй период, рассказывающий об уничтожении язычества свв. Константином и Еленой, с одной стороны, сближается с тем, что уже было сказано раньше о просветительской деятельности Владимира, а с другой — задает образец для четвертого периода, посвященного крещению Руси: «Тако же и блаженый князь Володимеръ створи с бабою своею Олгой. Блаженый же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестив ся самъ, и чада своя и всю землю Рускую крести отъ конца до конца, **храмы идольскыя и требища** всюду раскопа и посѣче, и идолы сокруши, и всю землю Рускую и **грады** честными **церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣниемъ и молитвами, и празноваше** свѣтло **празники** господьскыя». Выделенное жирным шрифтом дословно совпадает с описанием деятельности свв. Константина и Елены.

Здесь ощущается некоторая шероховатость в упоминании княгини Ольги, хотя сам по себе повтор типичен для Иакова, ср.: «...и вжада святого крещения. "Яко же жадаеть елень на источникы водныя" (*Пс.* 41, 2), тако вжада благовѣрныи князь Володимеръ святого крещения...» В подавляющем большинстве списков «Памяти и похвалы» между первым и вторым упоминанием о св. Ольге вставлена Похвала княгине. Этот текст разрывает сравнение Владимира с Константином. В списке РНБ, ОР, Сол. 518/537 (1494 г.) Похвала св. Ольге начинается точно с такого же киноварного украшенного инициала, как и сам текст «Памяти и похвалы», а заголовок ничем не отличается от заголовка сочинения Иакова. Продолжение со слов «Блаженый же князь Володимеръ...» начинается обычной киноварной буквой, как и прочие разделы текста, что соответствует современным абзацам. Судя по копии Ермолаева (см.: Гл. 3. 2), именно так

был оформлен текст в Сборнике Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинском). В списке 1470 г. РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.) 637 составитель сборника не только повторил эту особенность оформления, но и пошел дальше. Он проставил на поле против заголовка «Похвала княгине Ольгѣ, како крести ся и добрѣ поживе по заповѣди Господни» новый номер главы — 48. Это сделано чисто механически, так как дальше речь идет опять о Владимире. Следовательно, еще в XV в. Похвала св. Ольге выделялась в тексте как самостоятельная часть.

Как писал С. А. Бугославский, похвала составлена из двух разновременных частей. В первой восхваляется блаженная княгиня Ольга, а во второй рассказывается о том, как ее тело нетленно пребывает в Десятинной церкви. Для тех, кто в это верит, совершается «ино чюдо»: в каменном гробу открывается оконце, и они видят тело. А те, кто не верит в блаженную Ольгу, ничего не видят. Здесь описан «гробъ каменъ малъ», а первоначально Владимир поместил тело первой христианки в роду Рюриковичей в «раку древяну». Так говорится в Проложном житии св. Ольги (о нем см.: Гл. 3. 1–2). Две части были соединены задним числом и вставлены в сочинение Иакова. Н. И. Серебрянский полагал, что это произошло уже в монгольское время, когда мощи были утеряны.[1]

Первая половина Похвалы Ольге могла принадлежать Иакову или быть написана в подражание ему, но она появилась после «Памяти и похвалы Владимиру». В основном тексте Иакова Ольга упоминается трижды, но в отличие от вставной Похвалы ни разу не названа «блаженной». О том, что это самостоятельный памятник, свидетельствует еще один факт. Иаков пишет о свв. Константине и Елене, что они принесли крест из Иерусалима. В Проложном житии св. княгини Ольги обеих редакций (южнославянской и русской) рассказано о реликвии — привезенном ей из Константинополя кресте, который

[1] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 232–233; *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 138–141, 147; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 33–35. Серебрянский почему-то со ссылкой на «Разыскания...» приписал А. А. Шахматову взгляд на Похвалу Ольге как на изначальную часть текста, хотя он как раз здесь доказывает, что это — вставка.

«донынѣ стоить в святѣи Софии в олтарѣ на десной странѣ». Если бы Похвала была, как иногда полагают, органичной частью произведения Иакова,[1] то в ней должно было бы быть упоминание о привезенном ей, подобно св. Елене, кресте.

Со слов «Блаженый же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестив ся самъ...» начинаются отдельные списки третьей части «Памяти и похвалы», так называемое Древнее житие. Здесь Иаков полемизирует с теми, кто сомневается в постулируемой им святости князя из-за отсутствия чудес: «Не дивимъ ся възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти, мнози бо святии праведнѣи не стовриша чюдесъ, но святи суть».

Сначала вслед за Иларионом Иаков развивает тему милосердия блаженного Владимира. Описав выше уничтожение языческих обычаев, он теперь пишет о щедрости князя в Господские праздники. Владимир ставил три трапезы: одну — священническому чину, вторую — своим мужам и боярам, а третью нищим. В этом смысле Иаков сравнивает Владимира со святыми ветхозаветными царями Давидом, Иезекией и Осией и снова с Константином.

Затем Иаков переходит к вопросу, который новым христианам на Руси XI в. казался чрезвычайно важным: почитать ли святым того, чьи мощи не творят чудес? Иларион утверждал, что чудом был сам акт крещения Руси, Иаков строит аргументацию иначе. Во-первых, он говорит, что многие святые не совершали чудес после смерти, и ссылается на авторитет св. Иоанна Златоуста: чудеса могут происходить и от диавольского наваждения. Во-вторых, он пишет, что бывали и лжеапостолы, и лжепророки, и приводит цитату из послания Павла: «Самъ сатана преображаеться въ ангелъ свѣтлъ» (*2 Кор.* 11, 14). Иаков соединяет ее с другими словами апостола: «Плодъ духовный есть любы, радость, тьрпѣние, благовѣрие, благость, кротость и въздьржание, на таковыхъ нѣсть закона» (*Гал.* 5, 22). Апостол Павел имел в виду, что человек, исполняющий дела веры, может и не

[1] См.: *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 200–201. О непосредственном влиянии Ольги на Владимира, которое постулирует исследователь, Иаков не пишет.

следовать предписаниям ветхозаветного Закона. Иаков имеет в виду то, что от князя, сотворившего столько дел веры при жизни, можно и не требовать посмертных чудес, необходимых для начала почитания человека как святого.

Далее Иаков первый раз формулирует тезис о Божественной помощи Владимиру в награду за его любовь к Богу: «Блаженый же князь Володимеръ вс҃мъ сердцемъ и вс҃ю душею Бога възлюби, и запов҃ди его възыска и съхрани, и вся страны бояху ся его и дары ему приношаху». Затем он описывает радость Владимира, живущего в святом крещении, и вкладывает в его уста благодарственную молитву. Здесь впервые звучат мотивы раскаяния князя в совершенных грехах: «Въ тм҃ѣ б҃ѣхъ, диаволу служа и б҃сомъ, но Ты мя святымь крещениемь просв҃ѣти. Акы зв҃ѣрь б҃ѣхъ, многа зла творяхъ въ погань ств҃ѣ и живяхъ акы скотина, нъ Ты мя укроти и наказа своею благодатью». Эта часть завершается очередным сравнением блаженного Владимира с ветхозаветными пророками Авраамом, Иаковом и Моисеем и со святыми царями, Давидом и Константином. В так называемом Древнем житии весь текст, начиная со второй цитаты из ап. Павла и кончая сравнением, отсутствует.

Затем Иаков вторично возвращается к теме милосердия Владимира. Теперь он пишет исключительно о его милости к нищим. Здесь фигурирует и известный по летописи рассказ о том, как он посылал милостыню по домам. В Древнем житии некоторые риторические украшения текста выпущены. Рассказ о щедрости Владимира завершается вторым утверждением о том, что «рука Господня помогаше ему, и поб҃ѣжаше вся врагы своя, и бояху ся его вси». Как уже говорилось в предыдущем разделе, здесь следовало ожидать рассказа о деяниях Владимира-христианина, но нет, Иаков перечисляет походы Владимира-язычника, и лишь война с Корсунем относится к христианскому периоду жизни князя. Захват города, как и последующее сватовство к сестре византийских императоров Василия и Константина, Иаков объясняет стремлениями князя найти учителей веры для своего народа, а самого себя «болма на кристианскии законъ направити».

Корсунь Бог дает Владимиру по его молитве, но, как следует из текста Иакова, рука Господня вела князя уже тогда, когда он был язычни-

ком. Это можно было бы принять за случайную ошибку или неловкое построение, но дальнейшее развитие текста показывает, что такая композиция была выбрана сознательно. Благодаря этому совершенно затуманен вопрос, был Владимир милосерден еще до того, как стал христианином, или только после крещения.[1] Иаков намеренно обращается к истории военных побед князя после рассказа о его милостынях и неизменных упоминаний об исполнении Божьего закона и совершении добрых дел. Именно так он показывал, что сущность души Владимира, понятная в начале только одному Богу («провидя доброту его»), была всегда неизменной. Как мы видели, поход на Корсунь замыкал несколько лет непрерывных усилий, направленных на установление контроля за Черноморским, а возможно, и Каспийским побережьями. Владимир начал их язычником, а закончил христианином, но удача неизменно сопутствовала ему. Это был факт, и Иаков не преминул использовать его в своей системе доказательств.

Была и еще одна причина для такого построения: щедрость и удачливость в бою были непременными атрибутами популярного князя. Но именно они мешали восприятию его как святого, ассоциируясь исключительно с языческими героями. В обыденном сознании подлинным святым был тот, кто пожертвовал жизнью за свои христианские убеждения, тот, кто стал жертвой предателей и нарушителей Божиих законов.[2] Поэтому святость сыновей Владимира, Бориса и Глеба, убитых своим старшим двоюродным братом Святополком, не вызывала сомнений. Традиционный «язык военных побед» (термин Хр. Трендафилова) используется Иаковом в новом христианском контексте.[3] Он переворачивает матрицу традиционного сознания, трактуя несомненную удачливость Владимира как свидетельство его бого-

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 437.

[2] *Folz R.* Zur Frage der heiligen Könige: Heiligkeit und Nachlenben in der Geschichte des burgundischen Königtums / / Deutsches Archiv für Mittelalters. 1958. Bd. 14; *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.

[3] *Рождественская М. В., Рождественская Т. В.* Указ. соч. С. 36–37.

избранности. Заключительное, третье обращение к этой теме становится и заключением всего произведения.

За сообщением о свадьбе Владимира следует рассказ о христианской кончине князя с его предсмертной молитвой (в Древнем житии этот фрагмент отсутствует). Эту часть логично завершают две ветхозаветные цитаты: «Праведныхъ бо души въ руку Божию суть» (*Прем.* 3, 1) и «мзда имъ отъ Господа и строение отъ Вышняго» (*Прем.* 5, 15–16). Далее Иаков сообщает, что блаженный Владимир прожил после крещения 28 лет, и перечисляет его деяния, в том числе и взятие Корсуня. Сказав о даровании десятины церкви Богородицы, агиограф приводит цитату из Евангелия. Ее продолжает текст, где в третий раз показано, как Бог помогал Владимиру еще тогда, когда он был язычником: «"Идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будеть" (*Мф.* 5, 21, *Лк.* 12, 34). Блаженыи же князь Володимеръ имяше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце его бѣ въ царствии небеснѣмъ. И Богъ поможе ему, и сѣде в Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря».

К языческому периоду жизни Владимира относилось дело, которое никак нельзя было назвать добрым, — убийство старшего брата Ярополка. Иаков не пытается обойти этот всем хорошо известный эпизод биографии князя. Но после сообщения о вокняжении Владимира в Киеве следует не рассказ о его языческих победах, согласно хронологии, а сообщение о крещении на десятый год после убийства и описание глубокого раскаяния в грехах, совершенных в язычестве. Эта тема уже была однажды задана Иаковом, когда он первый раз написал о том, что блаженного Владимира, «сохранявшего заповеди Бога», «боялись все страны». Благодаря в молитве Бога, князь говорил о себе, что раньше «служил диаволу и бесам» и был как «зверь» и «скотина». В конце всего произведения Иаков пишет, что блаженный Владимир, познавший истинного Творца и отвергший диавола и бесов, послужил Богу добрыми делами и милостыней.

Странное, изобилующее повторами, нелогичное на первый взгляд построение[1] призвано доказать, что Владимир изначально был избран Богом для крещения Руси. Эту тему Иаков задает в самом начале

[1] *Подскальскии Г.* Указ. соч. С. 202.

своего произведения: «Видя же Богъ хотѣние его, провидя доброту его... Богъ праведенъ, вся предвѣдыи, и просвѣти сердце князю русскому Володимеру прияти святое крещение». Затем фактами биографии князя он доказывает тезис о его избранности. Приход к власти, победы Владимира — все было заранее предопределено Богом.

Трактовка обращения Руси в христианство у Илариона и у Иакова Мниха имеет много общего. Они оба считают решение князя Владимира принять христианство богодухновенным. Об этом писал впоследствии и преп. Нестор Печерский, но он как раз и не называет князя святым. Иаков и Иларион оба показывают своим слушателям и читателям святость князя путем толкования Священного Писания и опровергают тезис о посмертных чудесах как единственном свидетельстве святости.[1] Несмотря на идейную близость, их произведения настолько отличаются, что определить на основании сравнения текстов, какое появилось первым, невозможно.

Мы знаем, что Иаков Мних сначала написал «о святых славных мучениках Борисе и Глебе», а это не могло быть намного раньше первого изнесения их мощей при Ярославе в 1050–1051 гг.[2] Когда Иаков писал «Память и похвалу», версия о крещении Владимира в Корсуне, а не в Киеве до похода в Крым, еще не стала основной. Преп. Нестор Печерский в своем «Чтении о житии и погублении святую Бориса и Глѣба» датирует крещение Руси так же, как источник Иакова — 6495 (987) г. Преп. Нестор расходится с летописцем и сходится с Иаковом, объясняя обращение Владимира в христианство божественным внушением, а не богословскими диспутами и стечением обстоятельств, как это следует из летописи. «Чтение» было написано не раньше 1081 г. и не позже 1088 г., вероятнее всего, в первой половине 1080-х гг.[3] Однако, преп. Нестор нигде не называет крестителя Руси святым.

---

[1] На то, что Иаков доказывает святость Владимира, впервые указал А. И. Соболевский. О формальной близости Иакова к Илариону писал Н. И. Серебрянский. См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 397; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 46–47.

[2] *Милютенко Н. И.* Указ. соч. С. 49–56, 172–177.

[3] *Абрамович Д. И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 18; *Приселков М. Д.* Нестор-летописец. С. 48–49.

Создатель Начального свода 1091 г. закрепил в летописании Корсунскую легенду о крещении Владимира. У него же прослеживается противоречие в оценке князя. Как указал Н. К. Никольский, в конце посмертной похвалы Владимиру из статьи 1015 г. говорится о почитании его как святого. Выше, в сообщении о погребении князь назван, как и у Иакова, «блаженным». Между этими краткими пассажами неожиданно обнаруживаются сетования летописца на отсутствие должного почитания Владимира. Он укоряет современников: «Да аще быхомъ имѣли потъщание и мольбы приносили Богу за нь въ дьнь преставления его, видя бы Богъ тъщание наше къ нему, прославилъ бы и. Намъ бо достоить за нь Бога молити, понеже тѣмь Бога познахомъ». Так как летописец призывает молиться за Владимира, его явно не почитают святым. Из этого текста видно и основное препятствие для народного почитания — отсутствие чудес. Об этом условии писал и Иаков, указывая на его ложность. Статья 1015 г. в неизменном виде вошла в «Повесть временных лет». Списки службы св. Владимиру от XII в. не сохранились, тогда как стихиры и кондаки свв. Борису и Глебу и даже св. Феодосию, скончавшемуся в 1074 г., дошли до нас в списках, начиная с конца XI — начала XII в.[1] Видимо, почитание св. Владимира в конце XI в. не имело широкого распространения. В русском Прологе, который формируется в конце XII в., житие князя уже обязательно включается (см.: Гл. 3. 2).

Иаков, подобно Илариону, страстно и убедительно пишет о святости Владимира. «Слово о законе и благодати» Иларион писал до 1050–1051 гг., когда умерла жена Ярослава Ингигерд-Ирина, и он сам стал митрополитом Руси. Иаков работал после прославления свв. Бориса и Глеба в 1050/51 г., но до того, как окончательно возобладала Корсунская версия крещения князя Владимира. Поэтому отнести его творчество к эпохе возникновения Проложного жития, в котором также говорится о крещении в Корсуне, нельзя. Следовательно, Иаков писал позже Илариона, но до конца 1080-х гг., когда Корсунская легенда была канонизирована летописцем.

[1] *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 111–112.

5. Возможные фрагменты прижизненного сочинения о Владимире в Древнейшем своде и памятниках XI в.

Можно ли выделить из текста Иакова те фрагменты, которые непосредственно заимствованы из его общего с Древнейшим сводом источника?

Во-первых, к нему нужно возвести перечисление деяний князя после и до крещения, завершающее «Память и похвалу». Иакову здесь принадлежит только указание на то, что Владимир прожил после крещения 28 лет. Как уже говорилось в разделе 4, оно сделано в другой системе расчетов. Иаков вычислил, сколько лет прошло от крещения до смерти князя, а не в какой год (второй, третий, десятый) после крещения или вокняжения это произошло. Он переставил группы событий местами, чтобы доказать свой постулат о Божией помощи Владимиру во все годы его жизни. Завершающее описание покаяния князя, необходимое для сочинения Иакова, принадлежит ему самому.

Во-вторых, с большей долей предположения к источнику Иакова можно возвести весь отрывок, начинающийся благодарственной молитвой Владимира и заканчивающийся предсмертной. В этом фрагменте князь всего один раз назван «блаженным», а мы видели, как последовательно Иаков развивает тему святости Владимира. Этот отрывок, как не принадлежащий Иакову, выделял А. А. Шахматов. С. А. Бугославский считал, что вся третья часть была написана другим человеком, который «стремится оправдать святость равноапостольного князя, чего нет у неизвестного Иакова, автора 1-й части».[1] На самом деле вся первая часть, где его авторство несомненно, именно этому и посвящена.

Во фрагмент помимо молитв входят: совпадающий с летописью сюжет о милостыни князя, рассказы о его языческих походах, о взятии Корсуня уже христианином и о болезни и смерти во время напа-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 19–21; *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 140.

дения печенегов. То, что Владимир не называется «блаженным» в первом доказательстве его богоизбранности, в рассказе о языческих походах естественно, но в описании его смерти логично было бы увидеть именно этот эпитет. За пределами отрывка, как раз там, где перечислены основные события жизни князя и после, и до крещения, он снова называется блаженным. Этого нет только в сообщении об убийстве Ярополка и вокняжении Владимира в Киеве, что понятно. Но уже в следующей фразе это именование восстанавливается: «Крести же ся князь Володимеръ в десятое лѣто по убиении брата своего Ярополка, и каашеся и плакаше блаженый князь Володимеръ всего того, елико створи въ поганьствѣ, не зная Бога».

И здесь возникает еще один серьезный вопрос: обращался Иаков только к прижизненному энкомию Владимиру или еще и к Древнейшему своду? В летописи сохранились две молитвы Владимира: о крещеных киевлянах и о Десятинной церкви. В указанном фрагменте «Памяти и похвалы» читаются три: благодарственная за крещение, о даровании победы над Корсунем и предсмертная. Предсмертная молитва не могла входить в текст, законченный в 995 г. перед освящением Десятинной церкви. Кроме того, в сообщении о смерти князя из этого фрагмента упоминается о нападении печенегов во время его последней болезни. Это может указывать на обращение непосредственно к Древнейшему своду, как и полагал А. А. Шахматов. В Краткой редакции весь фрагмент, начиная с упоминания о смерти князя до его молитвы включительно, отсутствует. Но против предположения о непосредственном заимствовании этого текста есть и ряд возражений.

Отдельным заголовком, подобным заголовку всего текста и похвалы Ольге, и украшенным инициалом выделена в трех старших списках только молитва. В Ег. 637 она еще и обозначена как новая глава, а в остальных списках всегда имеет собственное заглавие. Следовательно, сообщение о смерти «благовѣрнаго князя Володимера» и очередное сравнение его с княгиней Ольгой все же принадлежит Иакову, а вставкой является только сама молитва. Откуда она может быть заимствована?

Создатель Древнейшего свода не был чужд жанра молитвословия. Помимо двух упомянутых молитв Владимира он вставил две молитвы

в свой рассказ об убиении Бориса и Глеба, который впоследствии послужил основой для Пролога и «Сказания, и страсти, и похвалы».[1] Но молитвы из «Памяти и похвалы Владимиру» отличает от сочинений летописца непременное развернутое упоминание Св. Троицы — Отца и Сына, и Святого Духа. Это характерно для всего текста Иакова. В благодарственной и предсмертной молитвах Владимира из «Памяти и похвалы» развивается тема покаяния князя за совершенные грехи. В летописи этой темы нет, а она, как мы видели, становится главной в заключительной части всего произведения. Молитва явно вставлена в уже написанный текст, но кто и когда это сделал, сказать сложно. Во всяком случае, она взята не из Древнейшего свода.

В прижизненной похвале Владимиру, составленной в честь освящения Десятинной церкви, обязательно должны были рассказать о его славных деяниях до и после крещения, о его милосердии. В летописи похвала Владимиру, помещенная в статье 996 г., содержит описание его милостей. Сравнение фрагмента «Памяти и похвалы» с летописным опять показывает разный подход к источнику. Летописец, рассказав о храмовых праздниках Преображения в Василеве и Успения Богородицы (видимо, Десятинной) в Киеве, описывает щедрость Владимира. В начале он помещает собрание новозаветных и ветхозаветных цитат, предварив его словами: «Слышавъ бо единою Евангелие чьтомо». Затем следует рассказ о том, как Владимир не только кормил нищих и больных на своем дворе, но и по всему городу приказал возить еду и питье на возах. Текст написан в характерном для летописи стиле, с включением прямой речи. Дальше летописец помещает дружинный рассказ о щедрости князя со знаменитыми словами Владимира: «Серебромь и златъмь не имамь налѣсти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато». Если в первом рассказе щедрость Владимира происходила от услышанного им Священного Писания, то во втором она объяснена княжеским обычаем.

Первый рассказ «Памяти и похвалы» о милостынях князя посвящен празднованию «праздниковъ Господьскыхъ». Иаков не поместил

[1] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного... С. 277–279; *Милютенко Н. И.* Указ. соч. С. 166–170.

здесь ни одной цитаты, упомянув только о трех трапезах: для митрополита с епископами и клириками, для нищих и убогих и для самого князя с боярами и мужами. Во втором рассказе о милости князя небольшое сообщение о том, как немощным и старым посылали еду и питье по домам, расширено многочисленными риторическими украшениями. Бóльшая часть периода была выпущена не только в так называемом Древнем житии, но и в списке РНБ, ОР, Сол. 830.

Возможно, что группа цитат, сохранившихся в летописи, и сам сюжет о милости восходят к древнейшему сочинению о Владимире. Это предположение было впервые высказано А. В. Назаренко на основании анализа сочинений Илариона, немецкого хрониста Титмара Мерзебургского и летописи. Правда, исследователь полагает, что этот источник был устным. Информатор Титмара был из отряда саксонцев, входившего в войско польского короля Болеслава. В 1018 г. он вмешался в войну своего зятя Святополка Ярополчича с Ярославом Владимировичем и 14 августа захватил Киев. Титмар достаточно подробно написал о Владимире в 72–74 главках книги VII, причем полученные осенью 1018 г. сведения он приписал к уже готовому тексту.[1] Хронист скончался 1 декабря 1018 г., и потому его сведения представляют особую ценность.

В главках 72–73 VII книги Титмар дал сугубо отрицательную характеристику Владимира, что вполне понятно, так как сведения происходили из окружения Болеслава, тестя Святополка. Хотя он и был усыновлен Владимиром, на самом деле был сыном убитого им Ярополка (см.: Гл. 2. 2), и сам был причастен к убийству своих двоюродных братьев, свв. Бориса и Глеба. Владимир представлен «жестоким распутником», наносившим обиды «слабым данайцам (грекам)». Так как об этом говорится после изобилующего ошибками сообщения о браке Владимира и греческой принцессы, большинство исследова-

[1] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 135–136, 140–141 и прим. к ним; *Он же.* Древняя Русь... С. 437–450, 466–470. Другой перевод известий Титмара и иную хронологию работы над текстом см.: *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 66, 75–79.

телей видит здесь намеки на захват Херсонеса. Далее Титмар рассказывает о женитьбе сына Владимира (на самом деле Святополка Ярополчича) на дочери Болеслава и о судьбе приехавшего с ней на Русь епископа Рейнберна.

В главке 74, написанной уже со слов побывавшего в Киеве саксонца, Титмар опять упоминает о похотливости князя, но тут же пишет, что он «смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни».[1] Как указал А. В. Назаренко, здесь ощущается явное влияние киевской традиции, оправдывавшей князя, но логика изложения у Титмара нарушена. Подобно летописцу и Илариону, хронист пишет, что на князя повлияли услышанные им тексты Священного Писания, но те, что он приводит, отличаются и от летописи, и от Илариона. Это аллюзия на *Лк.* 12, 35 («Услыхав от своих проповедников о горящем светильнике...») и цитата из *Лк.* 11, 41 («Подавайте милостыню... тогда все у вас будет чисто»).[2] Непосредственно эти тексты не встречаются в русских сочинениях, но они теснейшим образом связаны с теми, которые там приведены.

Говоря о том, что Владимир неправильно понял завет Христа о препоясывании бедер, и упомянув затем о «горящем светильнике», Титмар имел в виду стих *Лк.* 12, 35. В предшествующих 33 и 34 стихах как раз говорится о милостыни: «Продадите имѣния ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища неветшающа, съкровище неоскудѣемо на небесѣхъ, идеже тать не приближаеть ся, ни моль растлѣваеть. Да будуть чресла ваша препоясана, и свѣтилници ваши горящи» (*Лк.* 12, 33–35). В набор цитат вошел только первый стих *Лк.* 12, 33. Полностью приведен параллельный текст *Мф.* 6, 19–20: «Не съкрываите собѣ съкровище на земли, идеже тыля тылить и татие подкопывають. Нъ съкрываите собѣ съкровище на небесѣхъ, идеже не тыля тылить, ни татие крадуть». Продолжение цитаты (*Мф.* 6, 21) обнаруживается у Иакова между двумя рассказами о деяниях св. Владимира, после сообщения о десятине: «Идѣже есть съкрови-

[1] *Свердлов М. Б.* Там же; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 141.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 436–431.

ще ваше, ту и сердце ваше будеть». В следующем стихе, не встречающемся у русских авторов, речь тоже идет о светильнике, но в ином контексте, чем у евангелиста Луки: «Свѣтильникъ тѣлу есть око. Аще будеть око твое просто, все тѣло твое свѣтло будеть» (*Мф.* 6, 22). Создается впечатление, что Титмар, летописец и Иаков знали один и тот же текст, содержавший пространное цитирование из Евангелия.

Еще интереснее ситуация с цитатой из *Лк.* 11, 41, приведенной Титмаром. Как параллельное место и источник к ней комментаторами Библии указывается текст из пророка Даниила. Именно его и привел Иларион: «Слышалъ бо бѣ глаголъ, глаголаныи Данииломъ къ Навуходоносору: "Съвѣтъ мои да будеть ти годѣ, царю Науходоносоре, грѣхы твоа милостинями оцѣсти и неправды твоа щедротами нищихъ" (*Дан.* 4, 24)». Не исключено, что Иларион намеренно заменил евангельский стих на его ветхозаветную параллель.

Разумеется, такие совпадения не могут быть случайными, и такое количество цитат не может происходить из устного предания. Видимо, все эти тексты входили в прижизненную похвалу Владимиру. Саксонцу из войска Болеслава ее могли пересказать в Десятинной церкви, которую он, как видно из текста Титмара, посетил. Хронист называет ее церковью св. Климента, и там действительно хранились его мощи, вывезенные Владимиром из Херсонеса. Кроме того, он указывает, что саркофаги князя и его супруги стояли посередине храма. Возможно и то, что повествование об освящении церкви Богородицы было представлено Болеславу в числе документов, подтверждающих ее право получать десятину. Конечно, информатор Титмара не вез в Германию какие-то сочинения и едва ли специально запоминал их. Все цитаты, кроме Даниила, были на слуху, и услышав что-то приблизительно похожее, Мерзебургский епископ легко восстановил весь текст, хотя по пересказу, конечно, нельзя было понять, Матфей это или Лука.

А. В. Назаренко указал, что о горящем светильнике (в прямом, а не переносном смысле) упоминается в обширном цитировании из *Притч.* (31, 10–28. 30–31) в статье 980 г. В этой части речь идет о языческих женах и наложницах Владимира, т. е. о том самом распутстве, которое упоминает Титмар. Но «злым женам» посвящена

одна маленькая подборка (*Притч.* 5, 3–6), а огромная выписка рассказывает о «доброй жене», которая засветло поднимает служанок, раздает им работу и сама прядет и шьет красивые одежды своему мужу и себе (поэтому и горит ее светильник). Очевидно, эта часть текста была связана с царевной Анной, которой первоначально приписывалась большая роль в обращении Руси и нравственном изменении самого Владимира. Следы этого представления сохранились отчасти даже в Корсунской легенде, и об этом прямо пишут современники Титмар и Яхъя Антиохийский.[1] Тексты, посвященные злым и добрым женам, продолжают сравнение самого Владимира с женолюбцем Соломоном. При этом летописец подчеркивает, что Владимир спасся, а пророк погиб (был отвержен Богом). В Библии говорится, что это произошло из-за его служения идолам и божествам своих многочисленных иноземных жен (*3 Цар.* 11, 1–13).[2] Подбор цитат позволяет сделать логический вывод: Владимир избег участи Соломона, строителя первого Храма, благодаря избранной им «доброй жене».

Вероятнее всего, цитаты попали в Древнейший свод из того же источника — прижизненной похвалы Владимиру, где восхвалялась и его багрянородная супруга. Когда противопоставление развратных язычниц добродетельной христианке исчезло, выписка из *Книги Притч* повисла в воздухе.[3] Кажется странным, что она вообще вошла в летописный свод, составленный при Ярославе, сыне одной из этих «любодѣиць». Но, судя по Титмару и Яхъе, представление об Анне как о героической миссионерке было настолько общепринятым в первой половине XI в., что никому не пришло в голову его корректировать. А. В. Никитенко прослеживает последовательное прославление Анны даже во фресках придела Иоакима и Анны в Софии

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 438–439, 445; *Он же.* Немецкие латиноязычные... С. 135, 140; *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 24.

[2] *Hanak W. H.* Vladimir I: The New Solomon // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 104–105, 113–114.

[3] О нелогичности текста статьи в ее нынешнем виде см.: *Алексеев А. А.* «Невѣгласъ», или Похвала невежеству // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 82–83.

Киевской.[1] Едва ли Ярослав действительно хотел увековечить память своей мачехи, но образцом такой системы декора могли быть иконы первого Софийского собора. Сгоревший в 1017 г., он был построен еще св. Владимиром и восстановлен Ярославом.[2]

Исследователи спорят, восходит ли образ Владимира-блудника к Корсунской легенде, как считал А. А. Шахматов, или к древнейшей устной или агиографической традиции. Дело, конечно, было не в традиции, а в реальной биографии Владимира. В эпоху, когда были еще живы или недавно скончались дети от его многочисленных языческих и двух христианских браков, было бессмысленно молчать об этом. Летопись называет двенадцать сыновей князя, а Титмар сообщает, что в августе 1018 г., когда Болеслав и Святополк вошли в Киев, там была мачеха Ярослава и девять его сестер. При этом Титмар полагал, что у Владимира было три сына, считая Святополка, а на самом деле в 1015 г. были достоверно живы восемь. Свв. Борис и Глеб, Святослав и Святополк погибли в 1015–1020 гг. В 1036 г., когда создавался Древнейший свод, скончались Станислав, князь Смоленский,[3] и Мстислав Черниговский, сын Чехини. Судислав, княживший в Пскове, в том же году был посажен в заключение. Станислав, Судислав и Позвизд не названы в перечне детей от языческих жен в статье 980 г. Царица Анна умерла в 1011 г., и мачеха Ярослава, упомянутая Титмаром, могла быть последней женой Владимира и матерью кого-то из этих сыновей. Сложнее ситуация со свв. Борисом и Глебом. Во всех источниках они названы сыновьями Болгарыни. В Древнейшем своде, как видно из проложного сказания и летописи, их возраст не был указан. Но в «Сказании, и страсти, и похвале», а также в «Чтении» Нестора утверждается, что в 1015 г. св. Глеб был еще очень мо-

[1] *Никитенко А. В.* К иконографической программе однофигурных фресок Софийского собора в Киеве // ВВ. 1987. Т. 48. С. 103–107; *Он же.* Программа однофигурных фресок Софийского собора в Киеве и ее идейные источники // ВВ. 1988. Т. 49. С. 173–180.

[2] О первом соборе Св. Софии времен св. Владимира см.: *Poppe A.* The Building... P. 16–24.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 89–90, прим. 2; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 167.

лод. Следовательно, Болгарыня родила его уже после 989 г., но до смерти Анны в 1011 г.

Возникает вопрос, почему Иаков, упомянувший даже об убийстве Ярополка (о чем Титмар, кстати, не пишет), никак не пытается оправдать женолюбие Владимира. Видимо, именно этот аспект биографии князя в те времена меньше всего мешал восприятию его как святого.

Разводы и конкубинат были обыденными явлениями в жизни германской и славянской знати. И хотя и Восточная, и Западная церкви боролись с этим злом, оно оставалось нормой жизни. Разница была в том, что западные хронисты упоминали обо всех браках своих государей и рождении внебрачных детей, а русские летописцы умалчивали о таких нехристианских поступках. Ярослав, женившийся на юной Ирине-Ингигерд в 1019 г. в сорокалетнем возрасте, внебрачных детей не имел. Но уже его второй сын Изяслав помимо Ярополка, родившегося от внучки Болеслава Польского княгини Гертруды, имел от наложницы еще двух сыновей, Мстислава и Святополка. Об этих семейных обстоятельствах мы знаем только потому, что сохранились молитвенник Гертруды и надпись-граффити Олисавы, матери Святополка, сделанная ее священником на стене Софии Киевской. В молитвах за сына Ярополка, в крещении Петра, Гертруда называет его единственным (unicus filius meus), а Олисава именует себя «Святополча мати».[1] Святополк родился в 1050 г., когда Гертруда, вышедшая замуж около 1040 г., по-прежнему была законной женой Изяслава. Об одном из сыновей самого Святополка, Мстиславе, в «Повести временных лет» под 1097 г. прямо сказано, что он «бѣ ему отъ наложницѣ».

Традиции семейной жизни меньше всего подвержены изменениям. Как следует из церковного Устава Ярослава, в XI в. еще сохранялись многочисленные формы языческого брака (многоженство, левират, умыкание). Статьи Русской правды о наследстве свидетель-

[1] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. № 27; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 567–571. Издание миниатюр: *Смирнова Э. С.* Миниатюры XI в. в Кодексе Гертруды (псалтири архиепископа Эгберта из Трира), Чивидале, Национальный археологический музей, cod. CXXXVI // ДРИ. Искусство рукописной книги: Византия — Древняя Русь. СПб., 2004. С. 73–108.

ствуют, что и позже нормой было сожительство хозяина с домашними рабынями.[1] В сообщении летописной статьи 980 г. о том, что Владимир «бѣ приводя къ собѣ мужьскы жены, и дѣвицѣ растьляя», судя по всему, говорится о языческих ритуальных игрищах. Церковный Устав Ярослава свидетельствует, что в них принимали участие и замужние женщины. Если муж был против такого поведения, он мог потребовать развода. В канонических ответах митрополит Иоанн (1076–1089) по-прежнему требует покончить с многоженством.[2] То, что было блудом с точки зрения монаха, в обыденном представлении людей XI в. было обычаем. Канонизации Олафа Норвежского не помешало то, что у него при законной жене был внебрачный сын Магнус. Но св. Олафу, в отличие от св. Владимира, как это ни парадоксально звучит, «повезло» со смертью. Он не только крестил Норвегию — он был изгнан из страны и пал в битве с мятежными подданными в 1030 г. Здесь не было религиозной подоплеки, но этого и не требовалось в случаях с королями-мучениками. Кроме того, Олаф прославился чудесами исцеления и при жизни, и после смерти.[3]

Святой государь в германских и славянских странах периода принятия христианства должен был стать жертвой. Не обязательно его убивали враги христианства. В большинстве случаев он погибал от руки своих родичей или подданных. Он противопоставлялся им как подлинный исполнитель воли Божией, доказывающий своей смертью верность Христу. Добровольная жертва или вынужденная, было не столь важно. Ревностное распространение христианства и благочестие не воспринимались как свидетельство святости, и в этом был определенный смысл. Кто из земных владык может, в самом деле, похвастаться исполнением всех заповедей Христа?

---

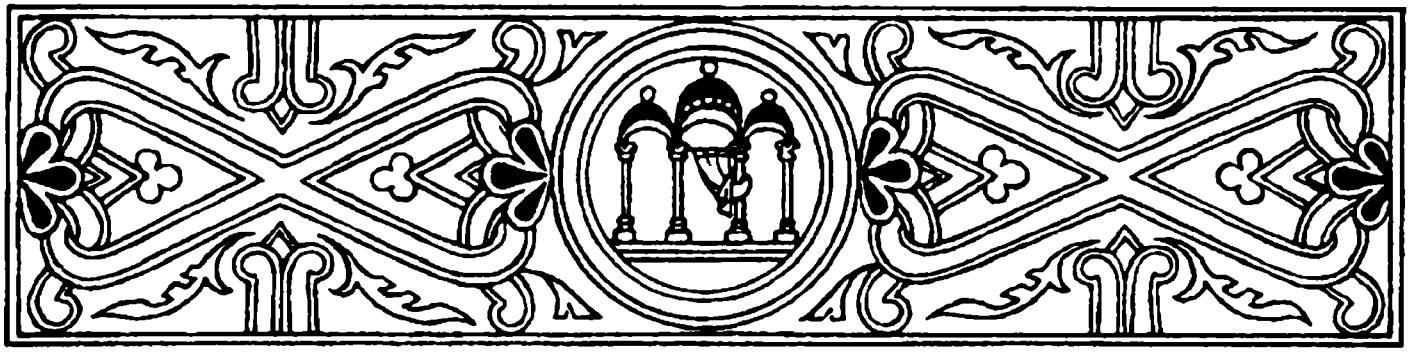
[1] Древнерусские княжеские уставы. С. 85–135; Русская правда // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 512.

[2] Ответы митрополита Иоанна // Сборник памятников по истории церковного права. Сост. В. Н. Бенешевич. СПб., 1915. С. 110, 114, 119–120.

[3] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. Л., 1980. 2-е изд., репринт: М., 1995. С. 364, 367–375; Acta sancti Olavi // Monumenta historica Norvegiae. Kristiania, 1880; *Мельникова Е. А.* Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56 (81). С. 92–106.

Во время смертельной болезни Владимира не только печенеги напали на Русь, но и его сын Ярослав поднял мятеж в Новгороде. Если бы Владимир успел выступить против сына и пусть бы не погиб в бою, но хотя бы умер в военном стане, признание святости в народе было бы всеобщим. Как прекрасно звучало бы сравнение с царем Давидом, против которого восстал его сын Авессалом! Но последняя болезнь стала последней прижизненной удачей Владимира. Против Ярослава были отправлены Борис и Святополк, которые разбили его наголову, в то время как сам князь-отец мирно скончался в Берестове.[1] Бог хранил блаженного Владимира до самого конца его жизни, но именно это стало его самой большой неудачей в посмертной истории. Это представление и пытался исправить Иаков, доказывая, что неизменное Божие покровительство вернее всего свидетельствует о святости.

[1] *Милютенко Н. И.* Указ. соч. С. 84–88.



Глава 2

Биография св. Владимира от рождения до поисков веры

1. Основные источники

Биография св. Владимира до крещения известна только из летописей. В этой части «Повесть временных лет» и Начальный свод (далее: НС), отразившийся в Новгородской 1 летописи младшего извода (далее: Н1 мл.), полностью совпадают. О соотношении двух памятников начального русского летописания подробно написано в Гл. 1. 1.

Особый памятник представляет собой Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в 1216 г. Первая часть, заканчивающаяся 1110 г., была значительно переделана по сравнению с Владимирским сводом 1205 г. (Радзивиловская летопись), на котором основан Летописец.[1] Практически каждая статья содержит уникальные сведения, а особое внимание уделено свв. Ольге и Владимиру и распространению христианства на Руси. Существенно отличается текст Речи Философа, обращенной к Владимиру-язычнику (статья 6494 г.). В «Повесть временных лет» вставлены Церковные уставы св. Влади-

[1] *Прохоров Г. М.* Радзивиловский список Владимирской летописи по 1206 г. и этапы Владимирского летописания / / ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 70–72; *Милютенко Н. И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 г. (Радзивиловская летопись) / / ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 36–58.

мира и Ярослава в особой редакции. Летописец сам написал Сказание о свв. Борисе и Глебе, которое поместил под 6523 (1015) г.[1]

Как уже говорилось в Гл. 1. 1, Общерусский митрополичий свод, доведенный до 1418 г., сохранился в составе Софийской 1 летописи (далее: С1).[2] Традиционно С1 и восходящую к ней Новгородскую 4 возводили к общему источнику, Своду 1448 г., и Общерусский митрополичий свод называли (и продолжают называть) Новгородско-Софийским или Сводом 1448 г. Все дополнения С1 и ее основного источника, Первой подборки Новгородской Карамзинской летописи, по отношению к «Повести временных лет» и Н1 мл. относятся к истории крещения Руси, а не к языческому периоду жизни св. Владимира.

«Особая обработка» Общерусского митрополичьего свода в полном виде отразилась в Московском своде 1479 г., а в кратком — в Ермолинской летописи.[3] В интересующей нас части она содержит те же сведения, что и С1. Краткий вид «особой обработки» лег в основу ряда летописей и сводов конца XV — начала XVI в. Самым значительным из них был Свод 1518 г., отразившийся в Львовской и Софийской 2 летописях, а также в Ростовском своде 1534 г. Ростовский свод 1534 г. воспроизведен в Тверском сборнике, но только до 1255 г., а далее к нему присоединен Тверской летописец.[4] Составитель Ростовского сво-

---

[1] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 28–48; *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники// ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 129; *Милютенко Н. И.* Переяславское сказание о Борисе и Глебе// ТОДРЛ. 1993. Т. 47. С. 66–81

[2] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания// ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 93–160.

[3] *Насонов А. Н.* История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969. С. 268–274; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 150–161.

[4] *Шахматов А. А.* Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. М., 1902. С. 46–51; *Он же.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С. 33–48; *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества// ИАН СССР. 8-я серия. Л., 1930. № 9. С. 714–721; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи... С. 150–170, 174–180, 231.

да существенно дополнил свой основной источник, но все его исторические изыскания относятся к истории крещения.

В 1520–1530-е гг. под руководством Московского митрополита Даниила было предпринято составление нового летописного свода, названного исследователями Никоновской летописью. В основу был положен не Общерусский митрополичий свод начала XV в., а Симеоновская летопись, воспроизводившая Троицкую летопись 1408 г. Среди дополнительных источников были Хронограф 1512 г., Московский свод 1479 г. с продолжением, местные летописцы, памятники права, прежде всего канонического.[1] В Никоновской летописи есть и уникальные известия, которых больше нигде нет.

В части, рассказывающей о Ярополке и Владимире, дополнительные известия строятся по одной схеме: победа над печенегами или приход их на службу к князю, посольства из Византии и из папского Рима. Порядок известий может меняться. Кроме того, летописец сообщает о природных явлениях, об устройстве епархий после крещения и о миссионерстве при Владимире. Эти известия мы рассмотрим в Гл. 6. К периоду до крещения относятся дополнения в статьях 6486–6487 (978–979) гг., отнесенные ко временам Ярополка. Как указал Б. М. Клосс, они были дописаны на полях Хронографического списка Новгородской 5 летописи, непосредственного источника протографической рукописи Никоновской. Но этот список, по его же наблюдениям, был выполнен и дополнен в той же митрополичьей канцелярии и в те же годы, когда шла работа над новым сводом. Как уже было сказано в Гл. 1. 1, в Никоновской сохранилось ошибочное именование патриарха, при котором крестился Владимир, Фотием. Оно заимствовано из Общерусского митрополичьего свода начала XV в.

Как справедливо отметила София Сеник, не ясно, зачем было добавлять в летопись, в целом настроенную против латинян, известия о постоянных контактах с папой римским (обмен посольствами отмечен четыре раза).[2] Вероятно, здесь был какой-то отдельный источ-

[1] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 19–96, 134–189.

[2] *Senyk S. A* History of the Church in Ukraine. Vol. 1. To the End of the Thirteenth Century/ /Orientalia Christiana Analecta. 243. Roma, 1993. P. 303–305.

ник, толкующий о связях с Римом. Остальные известия были скомпонованы на основе летописных известий за XI –XII вв. и современных митрополиту Даниилу былин (рассказы о печенегах).

В исследованиях часто цитируется Воскресенская летопись, составленная в 1542–1544 гг. В интересующей нас части она опирается на Московский свод XV в., но встречаются и отдельные известия из Никоновской летописи.

Некоторые важные дополнения содержатся в «Польской истории» Яна Длугоша. Часть, рассказывающую о начале Польского и Русского государств, он писал и редактировал в 1459–1480 гг. Как полагал А. А. Шахматов, здесь отразился Древнейший свод.[1] В Главе I у Длугоша почти нет дат, так как их сложно восстановить для польской истории X в. Рассказ о начале Руси ближе всего к НС. Самое значительное отличие — отсутствие даже упоминаний о правлении Олега, хотя бы в качестве воеводы, и о походах его самого и Игоря на греков. Я. Длугош иногда сокращал тексты оригинала, но едва ли он убрал именно эти известия. История гибели Святослава у него изложена также с небольшими отличиями, но рассказ о правлении самого Владимира отличается от русских летописей только сокращениями.

Таким образом, основным источником по истории св. Владимира до крещения остаются НС и «Повесть временных лет».

2. Св. Владимир от рождения до захвата Киева

Ни в одном источнике не указан год рождения св. Владимира. Это обычное явление для средневековых хроник и летописей. В лучшем случае указывается возраст на время смерти, но и в статье 1015 г., и в житиях об этом не говорится. Только в Летописце Переяславля-

[1] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 11–16; текст с. 79–80, перевод с. 225–226; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 352–356, 364–365; *Наливайко Р. А.* О русских известиях «Annales Poloniae» Яна Длугоша / / Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2003. С. 48–60.

Суздальского сказано, что Владимиру было 73 года. В этом случае годом его рождения оказывается 942 г. Откуда составитель взял сведения о возрасте Владимира, не ясно.

Вычислить реальный год рождения св. Владимира можно исходя из возраста Святослава. Осенью 6453 (944 или 945) г., когда был убит его отец Игорь, князь был настолько мал, что править стала его мать княгиня Ольга, будущая первая христианка в княжеском роду (крестилась около 955 г.). Летописный рассказ о ее походе в Древлянскую землю, где подчеркивается, что князь был еще ребенком, можно поставить под сомнение. Однако о том, что она была самостоятельной правительницей, свидетельствуют ее иностранные современники. Ольгу как государыню принимал император Константин Багрянородный во время ее приезда в Константинополь в 946 или 957 г.[1] Продолжатель Регинона Прюмского под 959 г. пишет, что она обратилась к императору Оттону II с просьбой прислать на Русь епископа. Хронист называет ее «Еленой, королевой ругов». Епископа Адальберта, отправленного в 961 г., постигла неудача: он был ограблен и изгнан.[2] Хронист называет действия королевы обманом, но нисколько не сомневался в ее праве выступать от имени всей Руси. Следовательно, в 946–961 гг. все считали ее законной правительницей. Не принял Адальберта, скорее всего, повзрослевший Святослав. Как сказано в летописи, он был убежденным язычником. В таком случае изгнание иерарха, призванного св. Ольгой, означало окончание ее правления.

В этой связи очень интересен вариант, который приводит в своей «Польской истории» Ян Длугош. Он вообще не упоминает об Олеге, ни в качестве воеводы, ни в качестве князя. Сразу за сообщением о

[1] О двух датировках поездки св. Ольги и датах ее крещения: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 154–213, перевод известия Константина с. 360–364; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 217–310.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. Л., 1989. С. 108–113; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 106–108 и коммент. к ним; *Он же.* Древняя Русь....С. 286–308, 314–330.

призвании трех братьев — Рюрика, Сениуса и Трувора — следует рассказ о захвате Игорем Киева и убийстве Аскольда и Дира. Как кара за это расценивается убийство его самого древлянами. Я. Длугош, как и НС и «Повесть временных лет», рассказывает о сватовстве древлянского князя к вдове убитого и о мести княгини Ольги, в том числе о ее походе в Древлянскую землю. Этот текст, судя по всему, сокращен. Далее сообщается, что Святослав, возмужав, снова отомстил древлянам. В русских летописях этого известия нет, если, конечно, не интерпретировать так статью 946 г. о втором, совместном походе Ольги и Святослава на древлян. При всех отличиях источника Длугоша, он, как и другие русские летописи, утверждал, что за смерть Игоря сначала мстила его вдова. Эти данные свидетельствуют, что Святослав родился около 940 г. В Ипатьевской редакции «Повести временных лет» указан 6450 (942) г., но похоже, что это — тоже результат вычисления.

Такому расчету противоречат два русских источника, что и смущает исследователей. В Проложном житии св. Ольги сказано, что ей было 75 лет, когда она умерла (см.: Гл. 3. 2). В НС и «Повести временных лет», как и во вставной Похвале св. Ольге из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха, смерть княгини датирована 969 г. Следовательно, она родилась в 894/895 г. Выше агиограф утверждает, что Святослав стал править сразу после смерти своего отца. Эти уточнения понадобились агиографу, чтобы объяснить, почему княгиня-христианка, известная своим сильным характером, не смогла крестить Русь, и даже ее собственный сын остался язычником. В Проложном житии есть и другие ошибки. Император, при котором Ольга ездила в Константинополь, назван Иоанном Цимисхием (так и в НС), а патриарх — Фотием. На самом деле русскую княгиню принимал Константин VII Багрянородный (903–959). Цимисхий правил в 969–976 гг. и был противником Святослава в войнах за Болгарию. Так как имя императора, с которым сражался Святослав, в НС в отличие от «Повести временных лет» не названо, то эта ошибка возникла еще в устном предании о крещении св. Ольги. Св. Фотий был патриархом в 858–867 и 877–886 гг. При нем действительно крестилась Русь, но это было в 867 г. (подробнее см.: Гл. 4. 1).

В «Повести временных лет» брак Ольги и Игоря отнесен к 903 г. Очевидно, исходя из этих данных В. Н. Татищев датировал рождение Святослава 920 г., сославшись, как всегда, на Иоакимовскую летопись. В Гл. 1. 1 уже говорилось, как возникла датировка замужества Ольги. НС упоминает об этом в недатированной части непосредственно перед сообщением о походе Игоря на Царьград. В этом месте в текст были вставлены неправильная дата 920 г. и выписка из «Хронографа по великому изложению» о походе Руси. В «Повести временных лет» ошибка была исправлена: поход Игоря помещен под 941 г., а поход Олега — перед ним под 907 г. В результате известие о браке Ольги отодвинулось еще дальше назад и было датировано 903 г.

Все источники, кроме Проложного жития св. Ольги, подтверждают, что именно она правила сразу после смерти Игоря. Следовательно, Святослав был совсем ребенком, когда в 944/945 г. его отец был убит. Предположение О. М. Рапова, что Ольга оттеснила взрослого сына и захватила власть благодаря тому, что стала христианкой,[1] противоречит реальной обстановке на Руси, которая тогда была почти сплошь языческой. Дружина жила за счет военной добычи и нуждалась в князе-предводителе. Она никогда бы не оставила во главе государства женщину при наличии взрослого мужчины. Единственным аргументом в пользу Ольги было то, что она сохраняла власть для своего малолетнего сына. В какой-то мере это было выгодно и воеводам покойного Игоря, упомянутым в летописи Свенельду и Асмуду, которые могли свободно влиять на положение дел. 961 г., когда был изгнан призванный св. Ольгой епископ Адальберт, можно считать началом самостоятельного правления Святослава.

Если Святослав родился около 940 г., то первые дети у него могли появиться в 955–960 гг. В 970 г. он посадил всех своих трех сыновей на княжение, а в 976–978 гг. они все уже участвовали лично в битвах. Как мы знаем из летописей XI–XII вв., первое посажение на княжение могло быть в возрасте 8–10 лет. Летописец не сообщает нам, кто была княгиня Святослава. Вероятно, его старшие сыновья, Яро-

[1] *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. М., 1988. С. 174 (2-е изд. — М., 1998).

полк и Олег, родились от одной матери. Тот же неутомимый В. Н. Татищев предположил, что она была венгеркой. В статье 6478 (970) г. летописец рассказывает о распределении Святославом княжений перед вторым болгарским походом. О матери Владимира летописец пишет достаточно подробно: «Володимеръ бо бѣ отъ Малушѣ, ключьницѣ Ольжины. Сестра же бѣ Добрынѣ, отьць же бѣ има Малъкъ Любьчанинъ». Вместе со своим дядей по матери Добрыней Владимир был отправлен княжить в Новгород. В дальнейшем, в статье 980 г., рассказывая о сватовстве Владимира к полоцкой княжне Рогнед, летописец сообщит, что князя презрительно называли «робичичь», т. е. сын рабы. Так как Добрыня был явно свободным человеком, да и летописец называет имя его отца, то логично предположить, что и Малуша была изначально свободной, и только потом стала рабой.

Д. И. Прозоровский первым «облагородил» происхождение Владимира, предположив, что Малк Любечанин — это сосланный в Любеч древлянский князь Мал.[1] А. А. Шахматов придумал совершенно фантастическую генеалогию Владимира, выводившую его от воеводы Свенельда. На основании того, что Я. Длугош называет древлянского князя, убийцу Игоря и незадачливого жениха Ольги, Нискиной, а не Малом, он предположил, что на самом деле Игоря убил Мистиша Свенельдич. Малуша была его дочерью, и звали ее Малфред.[2] О смерти этой дамы упоминается в НС и «Повести временных лет» под 6508 (1000) г., а Длугош вообще ничего не пишет о происхождении Владимира. А. А. Шахматов полагал, что летописцы в НС и «Повести временных лет» хотели обелить Свенельда, поэтому убийцами князя Игоря сделали древлян. В летописи сказано, что князь сначала отдал право сбора дани Свенельду, а потом собрал ее по второму разу. Но зачем было превращать внучку знаменитого воеводы

---

[1] *Прозоровский Д. И.* О родстве св. Владимира по матери / / Зап. Император. АН. 1864. Т. 5. Ч. 1. С. 17–26; *Членов А. М.* Древлянське похождення князя Володіміра / / УДЖ. 1970. № 9. С. 5–11. Более осторожно: *Шрамм Г.* Роль города Коростеня в ранней истории Руси. Этимологические походы к историческим проблемам / / ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 261–262.

[2] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 340–378.

в дочь безвестного любечского горожанина, А. А. Шахматов не объяснил. Если уж летописец заменил сына Свенельда на природного древлянского князя, то можно было бы оставить без изменения родство матери Владимира. Еще меньше логики в предположении, что какой-то летописец в XI в. решил замолчать ее княжеское происхождение.

В X–XI вв. для того чтобы свободная девушка стала рабыней, она вовсе не обязательно должна была переживать такие драматические события, как война и плен. В 110-й статье Русской правды Пространной редакции («О холопстве») перечислены три вида «обелного» (полного) холопства: «А се третьее холопство: тивуньство без ряду (без договора) или привяжеть ключь к собѣ без ряду, с рядомь ли (с договором), то како ся будеть рядилъ, на том же стоить».[1] В Краткой правде, закрепившей законодательство Ярослава Владимировича Мудрого и его сыновей, этой статьи еще нет. Пространная Правда появилась в самом начале XII в. при Владимире Мономахе. Одной из ее задач было упорядочить и ограничить полное закабаление свободных неимущих людей. Тиун (управляющий) и ключник ставились из челяди, т. е. из лично зависимых людей. Согласно 110-й статье, человек, занявший эту должность, мог остаться лично свободным, если он заключил договор. Если этот случай особо оговаривается, значит, обычно он становился рабом. Таким образом, Малуша, став ключницей княгини, добровольно отдала себя в рабство.

Этот, казалось бы, странный поступок был мотивирован тем, что княжеские тиуны и ключники, распоряжаясь имуществом и хозяйством, обладали большой властью и социальным весом. Например, в приемах при византийском дворе вместе с княгиней Ольгой участвовали шесть «архонтисс, ее родственниц», ее «женщины» (очевидно, боярыни) и восемнадцать «отборных служанок», которые в описании второго приема прямо названы «рабынями». Они составляли не просто штат прислуги княгини, а управляли ее имуществом.[2] Если любой свободный мужчина и даже изгой или пленник могли сделать

[1] Русская правда (Пространная редакция)/ /БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 514–515.

[2] *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 360–362.

карьеру в княжеской дружине, то обычная девушка не могла надеяться выйти замуж за боярина. Заняв малопочетную, но связанную с реальной властью должность, она становилась намного выше прочих женщин своего социального круга.

В язычестве, как, впрочем, и в исламе, домашние рабыни всегда считались наложницами главы семьи. Так как это был Святослав, то ничего предосудительного в его связи с ключницей княгини-матери не было. В скандинавском обществе существовало представление и об обратной зависимости — любая наложница считалась рабыней жены. Это было настолько развито даже после крещения, что Астрид, законная жена норвежского конунга Олава Святого, называла мать своего пасынка Магнуса своей служанкой только потому, что та была любовницей ее мужа. И это было в то время, когда Олав уже давно погиб, а Магнус правил сам.[1] В поздних житиях св. Ольги и в Никоновской летописи под 6478 (970) г. говорилось, что она рассердилась и выслала Малушу в свою весь Будитино под Псковом (ныне деревня Будник),[2] где и родился Владимир. Конечно, княгиня могла не одобрять своего сына и имела полное право отправить свою ключницу туда, куда считала нужным. Св. Ольга сама была родом из Пскова, там и в XI в. сохранялись кое-какие мемориальные предметы, связанные с княгиней. Согласно НС и «Повести временных лет», это были ее сани. Предание о том, что св. Владимир родился в Ольгином селе, могло существовать в Пскове с древнейших времен.

Возможно и то, что Малуша изначально была ключницей не в Киеве, а в княгининой веси Будитине. В некотором смысле это предположение подтверждается сообщением Константина Багрянородного о том, что Святослав княжил в Немогарде. Как бы ни трактовать это название, Новгород или Невогард — город Ладога на Волхове[3] — он сидел ближе к Пскову, чем к Киеву.

---

[1] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. Л., 1980. 2-е изд., репринтное: М., 1995. С. 382.

[2] *Александров А. А.* Во времена княгини Ольги. Псков, 2001. С. 81–95.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 44/45, прим. с. 310.

Хотя будущий креститель Руси и был сыном ключницы, он с самого начала получил княжеское имя, не менее славное, чем имена его братьев. Такое наречение показывает, что Святослав с самого начала включил Владимира в число наследников земель и власти наравне со старшими братьями.[1] Вопреки распространенному в последнее время мнению, это имя в XI–XII в. звучало не Володимѣръ, а Володимиръ. Именно так оно написано в выходной записи Остромирова Евангелия 1056 г., в граффити Софии Киевской, в грамоте Юрьеву монастырю, данной князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, около 1130 г. На монетах, чеканенных самим св. Владимиром, встречается неполногласная форма: «Владимиръ на столѣ». Последний формант его имени означал «миръ». Именно как «власть мира (покоя)» — «potestas pacis» переводит имя Vlodemir современник князя немецкий хронист Титмар Мерзебургский. Возможно, постоянные сравнения Владимира с Соломоном, чье имя произведено от «шалом» (мир), навеяны славянским именем князя.[2]

Вопрос о том, когда крестилась св. Ольга, имеет значение и для решения вопроса, была ли мать св. Владимира христианкой. Можно не сомневаться, что вся челядь княгини была вынуждена креститься независимо от своего желания. Если вслед за Г. Г. Литавриным принять раннюю дату поездки в Константинополь и крещения — 946 г., то и Малуша была христианкой, когда родился Владимир. Но если св. Ольга крестилась в 957 г.,[3] то ключница могла остаться и некрещеной, особенно если служила в дальней псковской веси.

---

[1] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVII вв. М., 2006. Об этой же практике на скандинавском материале см.: *Успенский Ф. Б.* Имя и власть. М., 2001. С. 32–44.

[2] *Сендерович С. С.* Владимир: к мифопоэзису/ /ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 300–313; *Титмар Мерзебургский/ / Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 62, 66; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 136, 141.

[3] Библиографию вопроса и аргументацию см.: *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 154–213; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 281–291; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 237–239.

Сам Владимир несомненно оставался язычником. Относительно его братьев Ярополка и Олега такой уверенности нет, хотя летопись об этом умалчивает. «Повесть временных лет» сообщает, что при Ярославе Владимировиче в 1044 г.: «Выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крьстиша кости ею, и положиша я въ цьркъви святыя Богородица». Посмертное крещение было против церковных правил. Правда, это событие приходится на разгар конфликта с Византией, начавшегося с неудачного нападения на Константинополь в 1043 г. Можно предположить, что в отсутствие митрополита Феопемпта князь проявил самоуправство, но, вероятнее, он просто заявил, что его дяди были крещены своей бабкой княгиней Ольгой. Обряд, который летописец, уверенный в язычестве Ярополка и Олега, принял за крещение, был обычным омовением костей при перезахоронении, традиционным для Греческой церкви.[1]

Оценить в полной мере и историю прихода Владимира к власти в Киеве, и его первые деяния нельзя вне результатов княжения его отца Святослава.

В течение правления св. Ольги не было войн. Святослав начал с похода на вятичей, хазарских данников, а в 965 г. пошел на саму Хазарию. В предыдущей главе говорилось о значении «серебряного пути», шедшего из исламских стран по Волге к скандинавам и славянам Балтики.[2] Однако ни на раннем этапе (конец VIII–IX вв.), ни в середине X в. он не затрагивал ни Киев, ни Чернигов. Летописные вятичи и часть северян (в летописи не упомянуты), сидевших в Посеймье, продолжали аккумулировать значительные количества серебра. Все они были данниками хазар и продолжали эксплуатировать старый маршрут, возникший еще до захвата Олегом Киева. Он шел с верховьев Волги через Оку на Сейм, но до Десны и Чернигова

[1] *Мусин А. Е.* Погребальный обряд Древней Руси. (Письменные источники и археологические реалии)//Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 117.

[2] *Noonan T.* Why Dirhams First Reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Early Islamic Trade with Eastern Europe// Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. P. 151–282.

никогда не доходил. Серебро поступало не из Хазарии по Дону, а из Волжской Болгарии по Оке.[1] Эта ситуация очень точно отражена в летописном ответе вятичей Святославу: «Козарам по щьлягу отъ рала (плуга) даем». Нумизматы давно пришли к выводу, что «щьлягъ», который вятичи платили хазарам, это — шекель, еврейско-хазарское соответствие дирхему. По сравнению с немалым благосостоянием вятичей дань была более чем умеренная.

В силу объективных причин (ослабление власти Саманидов в Средней Азии, истощение серебряных рудников) экспорт дирхемов на Русь и дальше к скандинавам и поморским славянам неуклонно падал с середины X в.[2] Соответственно падали и доходы княжеского дома от пошлин. Естественно, что первым желанием Святослава было увеличить приток серебра. Едва ли Хазария казалась ему серьезным препятствием в этом деле. С 900-х гг. торговый путь из стран халифата шел в обход Хазарии через прикаспийские степи сразу в Волжскую Болгарию. Но и болгары так же, как вятичи, платили хазарам дань, только в большем объеме. Во многом ради того, чтобы избавиться от нее, они приняли ислам. По просьбе царя болгар в 921 г. прибыло посольство халифа, двигавшееся из Багдада по обычному пути купеческих караванов: с берегов Тигра в Иран, дальше через Бухару (столицу Саманидов) в Джурджан (Ургенч) на Амударье и вокруг Каспия на Среднюю Волгу. Подробно описывая и ситуацию в Болгарии, и виденных им русских купцов, секретарь посольства Ибн Фадлан не пишет, что они были данниками хазар.[3] Участие самой Хазарии в мировой торговле было

---

[1] *Кропоткин В. К.* К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111–117; *Щавелев С. П.* Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 144–149.

[2] *Noonan T. S.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. P. 875–900// Hikuin. 1985, № 11. P. 41–50; *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в.// Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

[3] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. О подчинении Киева хазарам до 930-х гг.

более чем скромным. По крайней мере еврейские купцы-радониты в 960-х гг. еще не посещали Хазарию, хотя там правили их единоверцы.[1] Создается впечатление, что только походы Святослава открыли путь из Западной Европы на Восток через Киев.

Существует большая полемика по вопросу, был ли направлен поход Святослава только против хазарских владений на Дону и Северном Кавказе — летописных ясов и касогов. В статье 6473 (965) г. упомянут только захват Белой Вежи (Саркела) на Дону. Арабские географы, в частности современник событий Ибн Хаукаль, сообщают о более внушительных успехах. В 968/969 г. русы изгнали хазар, а их столицу Итиль на нижней Волге разрушили.[2] Но согласно византийским источникам, в это время Святослав находился уже в Дунайской Болгарии, куда отправился воевать как союзник Империи.[3] А. П. Новосельцев, как и Т. М. Калинина, пришел к выводу, что после похода Святослава 965 г. был еще один, в 968–969 гг., который и положил конец могуществу каганата. Его могли возглавлять воеводы князя или даже он сам, так как в 969 г. вернулся на Русь.[4] Другие исследователи считают, что был один поход 965 г.[5]

Согласно летописи, вятичей Святослав покорил окончательно только после победы над хазарами, а Волжскую Болгарию его поход

пишет С. Франклин: *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси (750–1200). СПб., 2000. С. 15–110.

[1] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1967. Т. 2. С. 85–87; *Петрухин В. Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 130–131.

[2] *Калинина Т. М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времени Святослава // ДГ за 1975 г. М., 1976. С. 90–101.

[3] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 43–45 и прим. к ним; *Иоанн Скилица.* Синопсис историй // Там же. С. 121–122.

[4] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 220, 226–227.

[5] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М., 1991. С. 106–107; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских источников о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 87.

не затронул. Судя по всему, Святослав захватил Тмуторокань, ранее принадлежавший хазарам,[1] а возможно, и их крымское владение на противоположному берегу пролива — Керчь (Боспор). Византийский хронист Лев Диакон, описывая войну на Дунае, сообщает, что в 970 г. император Иоанн Цимисхий предлагал Святославу из захваченной Болгарии вернуться «в свои области и к Киммерийскому Боспору».[2]

Восточная Римская империя тогда вела войну на два фронта: с арабами на Ближнем Востоке и с Первым Болгарским царством на Балканах. Император Никифор Фока предложил Святославу напасть на болгар, что тот с готовностью и сделал. Очевидно, можно доверять летописной датировке выступления на Дунай в 967 г. Святославу действительно удалось захватить бóльшую часть страны, и он вовсе не собирался ее покидать, как требовал Никифор, однако ему пришлось это сделать. В 968 г., согласно летописи (возможно, в начале 969 г.), князь с частью войска вернулся в Киев, так как на столицу напали печенеги. Именно здесь впервые упоминаются его сыновья, Ярополк, Олег и Владимир, которые вместе с бабушкой св. Ольгой были в городе. Еще до прихода Святослава осаду с Киева снял воевода Претич, подошедший с левого берега Днепра. Летописец ничего не говорит относительно того, откуда он прибыл, и возникает вопрос: а не из хазарского ли похода он вернулся? Вскоре подошел сам Святослав, печенеги были разбиты и отогнаны в степь.

В 969 г., 11 июля согласно ее житиям, умерла св. Ольга. Святослав решил возвращаться в Болгарию. Ситуация в целом была удачной, так как болгарский царь Петр умер в разгар направленного против него восстания, а император Никифор был убит Иоанном Цимисхием, узурпировавшем власть. В начале 970 г. Святослав уже был на Балканах, так как по свидетельству византийских источников, в это время император Иоанн Цимисхий вел с ним переговоры об уходе его войск из Болгарии. Раздел княжений между сыновьями и возвращение на Дунай следует относить к концу 969 или к самому

[1] *Новосельцев А. П.* Там же.

[2] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 56.

началу 970 г.[1] Ярополк получил Киев, Олег — Древлянскую землю, а Владимир — Новгород.

Лично-родовым знаком св. Владимира, как свидетельствуют монеты, чеканенные им после крещения, был трезубец.[2] До этого все старшие князья со времен Рюрика пользовались двузубцем. Он впервые появляется в граффито на половинке дирхема из клада, сокрытого после 903/904 г. в Полоцкой земле (современной Беларуси). На другой стороне монеты процарапан стяг. Из 1904 монет клада 906 чеканены Аббасидами в халифате, и только 500 Саманидами Средней Азии, а 350 — вообще подражания.[3] Следовательно, клад относится ко временам Олега, к периоду, когда только формировался окружной путь через Среднюю Азию. С тех пор двузубец неизменно присутствует на граффити на дирхемах, бытовых предметах и подвесках, пока не появляется собственный знак Владимира. С. В. Белецкий полагает, что он был дан младшему сыну самим Святославом. Трезубец встречается не только на монетах из кладов конца 970-х гг. На костяной подвеске из Новгорода он сначала сочетался с традиционным двузубцем на оборотной стороне. Затем его переделали во второй трезубец, очевидно, во время конфликта с Ярополком.[4] Таким образом, Владимир изначально был противопоставлен своим братьям.

Со времен летописца XI в. второй Болгарский поход рассматривают сквозь призму последующего поражения от Византии и гибели Святослава в битве с печенегами. Но логика Святослава была понятна. Объем восточной торговли неуклонно падал, и, как показали походы, дело было вовсе не в Хазарии. Черноморское направление вы-

---

[1] Там же. С. 56–57 и прим. Обзор точек зрения на хронологию вопроса см.: *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 128–130.

[2] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 38–41; *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. СПб., 1995. С. 107–108, 192–198.

[3] *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменок Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Л., 1991. С. 22, рис. 28 (стяг) и 33 (двузубец).

[4] *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. СПб., 2000. С. 11–19, 40–54. Там же библиография вопроса.

ходило на первый план, а ключевым пунктом здесь, конечно, было нижнее течение Дуная, где сходились речные и сухопутные пути. Князь охарактеризовал его совершенно правильно, хотя летописец и отнес его речь к условному «Переяславцу на Дунае». «Ту вся благая съходять ся: отъ Грькъ паволокы, злато, вино и овощеви разноличнии, ис Чехъ и из Угоръ сьребро и комони, изъ Руси же скора, и воскъ, и медъ, и челядь (рабы)». Говоря современным языком, Святослав искал новые рынки сбыта.[1]

В 969 г. обстановка была крайне благоприятна. Восстание Комитопулов против царя Петра охватило всю Западную Болгарию. Святославу удалось заключить союз с венграми и частью печенегов.[2] Если князь действительно выступил в поход весной 970 г., как сказано в летописи, то он наверняка знал, что его союзник император Никифор Фока в декабре 969 г. был убит своим племянником Иоанном Цимисхием. Никифор сам был узурпатором, а законными государями были малолетние Василий и Константин. Можно было предполагать длительную смуту в Империи. Она действительно началась, но Святослав недооценил политические и полководческие таланты Цимисхия. Он сразу же венчался на царство, в течение года подавил все мятежи и ранней весной 971 г. выступил против русского войска. Очень скоро Цимисхий занял все города, захваченные Святославом, и осадил его самого в Доростоле на Дунае. В летописи этот город назван Переяславцем, но едва ли его так называла русская дружина. Скорее всего это контаминация с Преславой, столицей Болгарии, которой действительно владел Святослав.

После серии кровопролитных боев Святослав и Цимисхий пошли на переговоры и в июле заключили договор. Его текст помещен в «Повести временных лет» под 971 г. В целом он был благоприятен для Руси, так как Святослав уступал только свои завоевания в Болгарии. Он повторял обязательство своего отца Игоря не нападать на «Корсуньскую власть» (Херсонскую фему), но ни о Боспоре Кимме-

[1] Интерпретацию речи князя как библейского заимствования см.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет. М., 2004. С. 163–168.

[2] *Сахаров А. Н.* Указ. соч. С. 141–178.

рийском (Керчи), ни о Тмуторокане речь не шла. Вероятно, потому, что во времена, когда была основана Херсонская фема, эти города уже принадлежали Хазарии. Святослав получил продовольствие, возможно, и денежные выплаты за помощь Империи в 967–968 гг., а также сохранил всю боевую добычу, отпустив только пленников. В последнем вопросе русские и византийские источники единодушны, но когда дело доходит до причин гибели князя, начинаются серьезные расхождения.

Лев Диакон просто сообщает, что на обратном пути войско Святослава уничтожили печенеги, а сам он был убит. Иоанн Скилица говорит, что князь просил Иоанна Цимисхия договориться с печенегами о безопасном проходе. К ним был отправлен посол, епископ Феофил Евхаитский, но он договорился только о мире для Византии, а обеспечить безопасность Святослава не сумел (или не имел таких распоряжений).[1]

Согласно русским летописям, воевода Свенельд предложил Святославу обходить Днепровские пороги по степи, но князь отказался и продолжил плаванье на ладьях. Переяславцы с Дуная предупредили печенегов о том, что он идет с большой добычей и «маломь дружины». Святослав не смог пройти пороги, заранее занятые печенегами, и остался зимовать в Белобережьи (на Черном море). Разразился сильнейший голод, и в конце зимы или ранней весной Святослав все же попытался прорваться через пороги. Здесь его и убил печенежский хан Куря. Из черепа князя по древнему тюркскому обычаю сделали чашу. Я. Длугош резко расходится с русскими и византийскими источниками. Он пишет, что печенеги были предупреждены «per nonnulos Ruthenos et Kyowensis» — «некоторыми русскими и киевлянами».[2]

На Руси была следующая расстановка сил. В Киеве сидел Ярополк. Как указывал А. А. Шахматов, согласно НС воеводой Ярополка был Блуд. В Древлянской земле — второй брат Олег. В Новгороде по просьбе новгородцев был посажен Владимир, и вместе с ним отпра-

[1] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 82, 132.

[2] *Щавелева Н. И.* Указ. соч. С. 82, 229.

вился брат его матери Добрыня. И в НС, и в «Повести временных лет» под 6480 (972) г. сказано, что Свенельд вернулся к Ярополку. Почему он бросил своего князя, чего делать не имел права, не объясняется.

В летописной статье Свенельд определен как «воевода отень», т. е. это — человек Игоря, тот самый, кто послужил косвенной причиной его гибели. В таком случае воеводе было около шестидесяти. Древляне и уличи были покорены им до похода 941 г. на Царьград. Даже если допустить, что этот поход был уже после поражения на Черном море, то и тогда мы не можем отнести его к периоду позже 944 г. Самое позднее осенью 945 г. (византийского 6454) Игорь был убит, когда собирал дань с древлян вместо Свенельда по второму разу. Даже если Свенельд был очень талантлив и удачлив, едва ли его поставили во главе княжеского войска в 20 лет. Но его участие в войнах Святослава вовсе не выдумка летописца. Лев Диакон пишет, что обороной Преславы от Цимисхия руководил Сфенкел. После поражения он ушел к Сфендославу в Доростол, где и был убит в бою.[1] На самом деле Свенельда только ранили, так как в июле 971 г. он подписал договор с Византией вместе со Святославом. Очень ранние и длительные военные карьеры в истории известны. Например, Гильому по прозвищу Маршал (ок. 1145–1219), маршалу Англии, было под 70 лет, когда он в 1217 г. выиграл бой под Линкольном, где лично водил рыцарей в атаку.

Возвращение Свенельда, которого никто не ждал, должно было обострить ситуацию в Киеве независимо от того, пришел он по воле Святослава или по своей собственной. То, что печенегов кто-то предупредил о маршруте русского войска, не вызывало сомнения у летописцев. Они только не знали, кто это был. Одно дополнение Длугоша — о том, что Святослава взяли живым, — можно отнести на счет его непонимания русского текста. Но хронист не мог перепутать переяславцев с киевлянами. Очевидно, в его источнике вина действительно возлагалась на окружение Ярополка.

[1] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 71–72, 76. Обзор точек зрения на происхождение этого имени у Льва см.: *Рыдзевская Е. А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи/ /*Она же.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв./ДГ за 1978 г. М., 1978. С. 206.

НС и «Повесть временных лет» молчат о правлении Ярополка вплоть до его конфликта с Олегом Древлянским. Саксонский анналист Ламперт Херсфельдский сообщает, что на Пасху 973 г. в Кведлинбург на имперский съезд к Оттону I (936–973) прибыли в числе прочих послы из Руси. Само по себе это известие выглядит вполне достоверным[1] и не более сомнительным, чем прибытие послов от болгар. Болгария была после ухода Святослава уничтожена как самостоятельное государство. Последний царь Борис после взятия Преславы сменил русский плен на византийский, и во время триумфа Иоанна Цимисхия был торжественно лишен знаков царской власти.[2] Если послы были от мятежников-Комитопулов, то почему их принимали наравне с официальными? Это тем более странно, что невесткой Оттона I, супругой его сына Оттона II, была племянница Цимисхия. Однако болгарские послы и у Титмара Мерзебургского упомянуты, а русские нет. Это заставляет с некоторым скепсисом относиться к известию.[3]

А. В. Назаренко полагает, что существовал союз Ярополка и императора Оттона II (973–983), который в 977 г. вылился в участие русского князя в войне Германии против чешского князя Болеслава II.[4] Такое развитие ситуации вполне вероятно, хотя все свидетельства, за исключением известия о прибытии послов в 973 г. — косвенные. Исследователь считает, что в это же время сложился союз Болеслава с Олегом и Владимиром, младшими братьями Ярополка, выразившийся в их браках с чешками. «Чехиня» в летописи названа первой женой Владимира и матерью его старшего сына Вышеслава. Легендарная генеалогия знатного чешского рода Жеротинов, зафиксированная в XVI–XVII вв., называет их родоначальником сына Колги

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 339, 360–361. Там же перевод известия.

[2] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 82–83; *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / Rec. Thurn I. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 310.

[3] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 162–167.

[4] *Назаренко А. В.* Русь и Германия в 70-е гг. X в. // Russia Medieavalis. 1987. Т. 6, Ч. 1. С. 38–89; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ за 1991 г. М., 1994. С. 99–131; *Он же.* Древняя Русь... С. 356–371.

Святославича, племянника Ярополка и Владимира. Он был отправлен отцом в Чехию из опасений перед старшим братом.[1] Это не свидетельствует прямо о существовании какого-то союза Олега Древлянского и Болеслава. В то время Краковская земля и Малая Польша были чешскими землями. Червенские города и хорваты были подчинены только Владимиром в начале его княжения.[2] Таким образом Древлянская земля на юге вплотную подходила к владениям чешских князей, и было естественно выслать туда сына при угрозе со стороны старшего брата.

Относительно чехини Владимира все обстоит еще сложнее. Чехи были крещены еще св. Мефодием в начале 880-х гг. Брак сестры Болеслава II Чешского Дубровки с польским князем Мешко привел к крещению Польши в 966 г. Тем не менее, Чехия и в конце X в. оставалась слабо христианизированной страной,[3] следовательно, для убежденного язычника Владимира можно было без труда найти язычницу-жену. Если брак был заключен по воле Болеслава, то логичнее предполагать ее знатное происхождение, тогда она была христианкой. Летопись упоминает и «другую чехиню», мать Святослава и Мстислава. На возможность того, что эти две жены Владимира были христианками, уже обращали внимание, но едва ли это могло повлиять на его собственное обращение.[4]

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 368–369. Там же библиография вопроса.

[2] А. В. Назаренко полагает, что это успел сделать Ярополк в конце своего правления, но при всех обстоятельствах это не могло произойти раньше чешско-немецкой войны 977 г.

[3] *Флоря Б. Н.* Христианство в Древнепольском и Древнечешском государствах // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 190–198, 206–207.

[4] *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / HUS. 1988 / 1989. Vol. 12 / 13. P. 232–233, note 110. Там же библиография вопроса.

Составитель Никоновской летописи попытался восполнить пробел в известиях. Под 6486 (978) г. он сообщил о победе Ярополка над печенегами. В следующей статье под 6487 (979) г. читается уже типичный для Никоновской комплекс дополнительных известий: приход печенежского князя Илдея на службу к Ярополку, посольство от греческого царя и от папы римского. Далее описаны аномальные природные явления. Обычно к этим известиям относятся осторожно, так как здесь же сказано, что князь печенегов Илдей «би челомъ въ службу». Этот оборот, заимствованный из приказной лексики XVI в., обычно характеризует приход на службу Московскому князю татарских князей. Рассказывая о правлении Владимира, составитель Никоновской опять постоянно добавляет сведения о службе ему печенежских князей и о послах из Рима. Можно допустить, что печерские монахи в XI в. убрали известия о дружеских отношениях с папой, но зачем было умалять военные успехи Владимира? Согласно НС и «Повести временных лет», князь в это время, наоборот, с большим трудом сдерживал натиск кочевников. Как уже говорилось в разделе 1, реальный источник может лежать только в основе сообщения о посольстве из Рима. Все остальное — предположения летописца.

6483 (975) г. летопись датирует начало конфликта Ярополка с Олегом Древлянским. Конечно, его причина лежала не в союзе древлянского князя с чешским. Столкновение было неизбежно из-за самого раздела княжений, сделанного Святославом.[1] Киев контролировал только южную часть «пути из Варяг в Греки», а выход на него с Балтики принадлежал Новгороду. Он же контролировал всю северную часть Балтийско-Волжского пути, по которому поступало серебро. Сухопутный торговый путь, который вел из Европы через Прагу в Киев, проходил по Древлянской земле Олега. Из-за раздела непосредственно Ярополку остались только незначительные поступления с вятичей и контроль за южным отрезком пути в Византию. Греческая торговля, судя по всему, тогда еще не сравнялась по объему с восточной. В результате благосостояние Ярополка всецело зависело от его братьев.

[1] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 237–239.

Вопрос в том, считали ли Владимир и Олег себя посадниками старшего брата или самостоятельными князьями.[1] Города должны были присылать в Киев часть своих доходов, и не малую. В НС и «Повести временных лет» говорится, что в 1014 г. Ярослав собирал в Новгороде 3000 гривен, и должен был 2000 отдавать в Киев, и так делали все посадники до него. С одной стороны, у Олега и Владимира и местного боярства мог возникнуть соблазн избавиться от киевских выплат. С другой, Ярополк сам мог пожелать аккумулировать все в своих руках, как это было у его отца.

Летописец утверждает, что причиной конфликта послужило убийство Олегом Люта, сына воеводы Свенельда. Во время охоты тот столкнулся с князем, а Олег, узнав, кто перед ним, убил его. Свенельд уговорил Ярополка пойти походом на брата, чтобы занять его волость, а на самом деле «хотя отмьстити сыну своему». А. А. Шахматов указал на вставной характер этого эпизода.[2] Правда, он предполагал, что Мистиша Свенельдич по прозвищу Лютый на самом деле убил князя Игоря, а весь эпизод был вставлен, чтобы оправдать Свенельда. Конечно, целью вставки было оправдание Ярополка, а вовсе не старого воеводы.

В 6485 (977) г. Ярополк пошел на Олега и разбил его. Пытаясь быстрее проскочить в город Овруч по узкому мосту, собственные дружинники в суматохе спихнули князя в ров. Олег задохнулся под тяжестью упавших на него людей и лошадей. Захватив Овруч, Ярополк приказал искать брата, и только после указаний одного древлянина его останки извлекли из рва. После этих событий Владимир с Добрыней бежали «за море», но вскоре вернулись, чтобы продолжить борьбу. Мы уже видели, что в «Памяти и похвале» Иакова говорится иначе: «И Олегъ, идыи съ вои у Вруча града, ся обломи мостъ съ вои». Сложно сказать, молчал о войне с Ярополком источник Иакова или он неудачно сократил текст. Интересно, что летопись даже не упоминает о том, что мост проломился, наоборот, князя столкнули с моста в ров.

[1] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси X — первой половине XI в. М., 1977. С. 30–33.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 234, 242, 354–373. Ср.: *Свердлов М. Б.* Там же.

Изложение Длугоша тоже отличается от НС и «Повести временных лет», но совсем иначе. Он утверждает, что Ярополк, стремясь к «большей власти и превосходству», пошел войной на брата Олега и убил его. Непониманием древнерусского оригинала и сокращением текста можно объяснить сообщение о том, что Олег был убит, а не погиб случайно при бегстве, и утверждение, что Владимир — «старший по рождению». Но в источнике Длугоша, несомненно, не было той попытки обелить Ярополка, переложив часть вины на Свенельда, которую мы обнаруживаем в НС и «Повести временных лет». Длугош не упоминает и о кратковременном отъезде Владимира за море, переходя сразу к походу на Ярополка, но это, скорее всего, сокращение.

Как же обстояло все на самом деле? Возможно, мост под дружинниками Олега и проломился случайно. Но Ярополк тут же захватил его землю, а его приближенным с малолетним сыном пришлось бежать в Чехию. Даже если киевский князь вторгся в Древлянскую землю после гибели брата, совпадение было подозрительным. Ситуация представлялась Владимиру и его дяде Добрыне настолько опасной, что они не стали дожидаться прихода очередных варягов, а сами бежали за море.

Принято считать, что князь с Добрыней были в Скандинавии, но они вполне могли отправиться к поморским славянам-язычникам. Топография кладов арабского серебра показывает, что они были одними из основных поставщиков главного товара — рабов — на рынки халифата. Славяне (венды скандинавских и немецких источников) на Западе непосредственно граничили с Данией. Видимо, в устье Одера на острове Волин располагался Йомсборг скандинавских саг, Юмна Адама Бременского. В 1070-е гг. он называл ее славянским городом,[1] а в сагах этническая принадлежность жителей Йомсборга не обозначена. Его обитатели, считавшиеся самыми свирепыми и сильными воинами на Балтике, называются просто йомсвикингами.[2] Владимир мог набрать дружину именно там. Там же он мог и жениться первый раз на

[1] *Adami* Gesta Hamburgensis ecclesiae. Lib. II, cap. 23, 26; Lib. III, cap. 20 // MGH. Hannoverae, 1846. T. 7. P. 312, 315, 376.

[2] *Снорри Стурлусон.* Сага об Олаве сыне Трюггви // *Он же.* Круг земной. С. 119–125, 158–159; Jomsvikingasagan eller historia om ... Stocholm, 1815; Jomsvikingasaga og Knytlinga. Kjöbenhavn, 1829.

славянке, которую летописец назвал чехиней. Вернувшись в Новгород, он арестовал посадников своего брата и отправил их в Киев с объявлением войны.

11 июня 978 г. Ярополк был уже убит, а Владимир вокняжился в Киеве. Достоверность этой даты мы подробно разбирали в Гл. 1. 3. До похода на Киев Владимир успел захватить Полоцк. Следовательно, возвращение Владимира, захват Полоцка и Киева произошли до июня 978 г. В НС и «Повести временных лет» они отнесены к одному 6488 (980) г., что, конечно, невозможно. Мы уже говорили, что в 978/979 гг. родился Ярослав, второй сын от брака Владимира с полоцкой княжной, следовательно, поход на Полоцк был не позже 977 г. А. А. Шахматов отнес его вообще ко времени сразу после вокняжения Владимира в Новгороде. А. В. Назаренко полагает, что он состоялся в 976 г. еще до бегства за море, так как Ярополк никогда бы не отправился в 977 г. на войну в Чехию, если бы знал о возвращении Владимира.[1] Но, во-первых, если бы Ярополк всегда правильно оценивал обстановку, то он бы не был убит. Во-вторых, именно на Рогволода Полоцкого он и мог понадеяться, отправляясь в поход.

Согласно летописи, «Бѣ бо Рогъволодъ перешелъ изъ заморья». Имена у него и у его дочери, действительно, скандинавские: Рогъволодъ — Rögnvaldr, Рогънѣдъ — Ragnhildr. Скандинавы и в XII в. постоянно проживали в Полоцкой земле, причем сохраняя свою культуру, что было для них большой редкостью.[2] Через Западную Двину, на которой стоит Полоцк, проходило второе ответвление пути с Балтийского моря на Днепр и Волгу. Вероятно, Рогволод захватил город во время общего ослабления княжеской власти после гибели Святослава. В таком случае, он отбирал у новгородского князя часть доходов от восточной и византийской торговли.[3] Вероятно и то, что меж-

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 173–176, 248–251; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 370–372.

[2] *Дучиц Л. В., Мельникова Е. А.* Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) // ДГ за 1980 г. М., 1982. С. 185–216; *Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 102–104.

[3] *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 240.

ду двумя городами давно шла борьба за сбор даней на окружающих территориях,[1] и попытка Полоцка стать независимым была последней каплей. Перенос похода на Западную Двину ко времени до бегства из Новгорода кажется сомнительным еще по одной причине. Если у новгородского князя было достаточно сил, чтобы захватить Полоцк с его немалой варяжской дружиной, зачем было бежать за море от одних слухов о враждебности старшего брата?

Сев снова в Новгороде, Владимир отправил к Рогволоду послов с просьбой отдать в жены дочь Рогнед. Но гордая княжна ответила: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Скорее всего, дело было не в том, что Владимир был сыном ключницы, а в том, что Ярополк гарантировал неприкосновенность Полоцка. Нарушая напрямую интересы новгородского князя, Рогволод не мог надеяться на такую же снисходительность с его стороны. Возможно, полоцкий князь действовал по моральным соображениям: заключив еще раньше договор с Ярополком, он не хотел предавать союзника.

В летописи сказано, что Владимир для похода на Полоцк собрал «вои многы: варягы, словѣне, и чюдь, и кривичи». Это сообщение стоит в середине описания захвата Полоцка. Сам состав войска не вызывает никаких сомнений. У Владимира действительно были варяги и новгородцы-словене, вполне вероятно присутствие чуди — финно-угров. Кривичи жили не только в Полоцке, но и в Смоленске, и в Пскове, который и позже подчинялся Новгороду. Подбор войска свидетельствует, что Владимир планировал двигаться дальше на Киев. Оставлять в тылу Полоцк, где сидел союзник Ярополка, было нельзя.

Сохранились два рассказа о взятии Полоцка. Один в НС и «Повести временных лет» под 980 г., а другой под 1128 г. в летописях Лаврентьевско-Троицкой группы. В НС сказано кратко: «В се же время хотяху вести Рогънѣдъ за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его дъва, и дщерь его Рогънѣдъ поя женѣ». В Лаврентьевской он гораздо больше и охватывает несколь-

[1] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966. С. 238–239; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Русского государства. М., 1951. С. 145–147; *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб., 1992. С. 132–135.

ко лет. Когда Владимир был еще «детьскъ», его дядя Добрыня сватал у Роговолода дочь. Далее следует фрагмент близкий, но не совпадающий с НС и «Повестью временных лет»: диалог Рогволода с дочерью, ее гордый ответ и краткое сообщение об их происхождении. На этом сходство заканчивается.

Далее говорится, что Добрыня пошел на Полоцк, взял город и захватил самого Рогволода с женой и дочерью (сыновья не упомянуты). Он назвал княжну «робичица и повелѣ Володимеру быти с нею предъ отьцемь ея и матерью». Ее отец и мать были убиты, а она стала женой Владимира и родила Изяслава. Остальные дети не упомянуты, и, как мы увидим, не случайно. Владимир взял себе других жен, и оскорбленная княгиня решила отомстить за своих убитых родичей. Ночью она попыталась зарезать Владимира ножом, но он проснулся. Князь хотел было убить жену, но пока он ходил за оружием, она дала меч своему сыну Изяславу. Ребенок сказал, как научила его мать: «Отче, еда единъ мниши ся ходя?» Тогда Владимир отказался от своего намерения. Он созвал бояр, и они посоветовали князю восстановить отчину жены. Рассказ заканчивается словами: «И отътолѣ мечь възимаютть Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукомъ».

В летописях Лаврентьевско-Троицкой группы история Рогволода появляется в связи с полоцкими известиями. В 1128 г. умер князь Борис Всеславич, а в следующем 1129 г. киевский князь Мстислав, сын Владимира Всеволодовича Мономаха, сослал всех полоцких князей в Царьград. История происхождения княжества появилась не сама по себе, а для того, чтобы объяснить беспрецедентный поступок Мстислава. Рассказ из статьи 1128 г., по мнению А. А. Шахматова, был основан на былине о Рогнед, но он считал его первичным, так как здесь действует дядя Владимира Добрыня. Ученый возводил текст к Новгородскому летописанию XI в. через Новгородский свод 1167 г. и Полихрон XIV в., который он считал источником Лаврентьевской летописи. Как показал М. Д. Приселков, Лаврентьевская (Владимиро-Суздальская) и Ипатьевская (Киевская) летописи не имеют общего источника за XIII–XIV вв. Их сходство объясняется в первую очередь использованием во Владимире при Андрее Боголюбском (1154–

1175) летописца Переяславля Русского (Южного).[1] В конце XII в. владимирские и киевские летописцы еще раз сверяли и перепроверяли свои тексты.[2] Статья 1128 г. относится к летописанию Переяславля, который тогда принадлежал Ярополку Владимировичу, младшему брату Мстислава и будущему (1133–1139) князю Киевскому.

Переяславский летописец воспроизводит позднюю версию. Названо только имя Рогволода, а вместо реального имени княжны введено эпическое Гориславa; упомянут только ее старший сын Изяслав, родоначальник местной княжеской ветви. Ярослав был вторым сыном Рогнед и Владимира, следовательно, тоже Рогволодовым внуком. Именно потому, что Рогнед была прародительницей всех русских князей, в НС и «Повести временных лет» ей уделено столько внимания.

Фольклорный характер рассказа Владимиро-Суздальской летописи никогда не вызывал сомнения, как и его близость исландским сагам.[3] Однако, параллель между местью Рогнед и местью скандинавских героинь обусловлена не сходством эпических мотивов, а сходством законодательства, которое включало кровную месть. Правда, ни в каких сохранившихся юридических текстах не говорится о мести женщин. В областных скандинавских законах упоминается только право на получение выкупа в том случае, если не было других прямых родственников мужчин. Тем не менее в сагах постоянно рассказывается о мщении женщин за убитых отцов или братьев, в большинстве случаев неудачном. Это отражает представления о кровной мести как священном долге, распространявшемся на весь кровнородственный круг.[4]

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 173–176, 248–251; *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XVI вв. Л., 1940. 2-е изд.: СПб., 1996. С. 59–61, 64–78.

[2] *Насонов А. Н.* История... С. 179–184, 226–245; *Прохоров Г. М.* Указ. соч. С. 63–70.

[3] *Соколов Б. М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (германо-русские отношения в области эпоса) // Уч. зап. Саратовского гос. университета. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 96–100; *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 209–217; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Указ. соч. С. 335–354.

[4] *Никольский С. Л.* О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 160–168.

Другой мотив, сватовства и свадьбы Владимира, связан с очень древними сакральными представлениями. А. А. Шахматов, как и его предшественники, видел здесь отражение былины, что-то похожее на предание о Дунае Ивановиче, который вместе с Добрыней сватал невесту для Владимира.[1] Но, как указал В. Я. Пропп, добывание невесты Владимиру — не основной сюжет былины. Главный конфликт завязывается вокруг женитьбы самого Дуная на девице-богатырке и гибели их обоих. Сватовство князя нужно только для того, чтобы отправить героя к королю, которому он некогда служил и чью дочь-богатырку соблазнил.[2] Других былин, рассказывающих о добывании невесты князю Владимиру, нет, хотя есть песни о женитьбе самого Добрыни (Добрыня и Маринка, Добрыня на свадьбе своей жены). Вообще же проводить параллели между летописными преданиями и былинами нужно очень осторожно: они сложились в крестьянской среде столетия спустя и с большим искажением отражают древние эпические сюжеты. Исторические имена Владимира, Добрыни и Ильи Муромца соединены с преданиями, которые, возможно, возникли намного раньше эпохи реальных исторических героев. Сложность интерпретации этих сюжетов видна на примере былины о Михаиле Потыке: существуют три прекрасных, убедительных и совершенно разных трактовки.[3]

В рассказе Переяславского летописца отразились древнейшие представления о взятии города как захвате женщины. Они были свойственны всем европейским народам эпохи Средневековья. Отсюда происходит такое понятие, как девственная крепость — крепость, которая никогда не была взята штурмом. О полоцком князе Всеславе, правнуке Рогнед, которого киевляне на семь месяцев посадили князем в 1068–1069 гг., в «Слове о полку Игореве» сказано: «...връже

---

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 61–63, 121–123.

[2] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М, 1958; 2-е изд.: М., 1999. С. 136–155.

[3] Там же. С. 111–128; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 393–411; *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Драма древней семьи. СПб., 1993.

Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу. Тъи клюками подперся о кони, и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго». В основе таких представлений могло лежать воспоминание о тех временах, когда власть переходила в материнском роду, а не в отцовском. Реликты этих взглядов отразились и в волшебных сказках, где герой становится наследником старого царя, победив его и женившись на его дочери, причем иногда против ее воли.[1] Но для составителя летописца Переяславля Русского эта древняя сакральная, магическая основа уже потеряна. Насилие воспринимается не как утверждение своей власти в покоренном городе, а как месть жениха за оскорбление. Само предание сложилось еще в XI в. и бытовало, судя по всему, в Полоцкой земле (см. Гл. 5. 3). Символический облик, приданный рассказу (переход княжества в чужой род и возвращение в свой род благодаря дочери-мстительнице), не позволяет расценить его как надежный исторический источник.

Взяв Полоцк, Владимир двинулся на Киев. Согласно летописи, он договорился с воеводой Ярополка Блудом, пообещав ему место Добрыни («имѣти тя начну въ отца мѣсто своего»). Когда Владимир осадил город, Блуд постоянно пересылался с ним, собираясь убить своего князя. Имя воеводы-предателя кажется поздним домыслом, но это не обязательно выдумка летописца. В то время у скандинавов были в ходу уничижительные или просто бранные прозвища. Их давали с целью обмануть беду. Например, воспитатель матери норвежского конунга Олава Трюггвасона был Торольв Вшивая Борода (см. Гл. 7. 2). Все списки Толковых пророков повторяют запись писца, работавшего над копией для новгородского князя Владимира Ярославича в 1047 г. Это был «попъ Упирь Лихыи».[2] Конечно, у него было и христианское имя, но он его не назвал. Воевода Ярополка вполне мог иметь прозвище Блуд, только оно не отвело от него беду, а, наоборот, накликало.

Блуд убедил Ярополка, что все горожане перешли на сторону Владимира, и уговорил его бежать из Киева. Ярополк был осажден в го-

---

[1] *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л., 1986. С. 299–299, 325–341

[2] *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 281.

роде Родне при впадении Роси в Днепр. Летописец пишет, что чудовищный голод запомнился поговоркой: «Бѣда акы въ Роднѣ». Тогда Блуд уговорил Ярополка сдаться Владимиру. Если Владимир выступил в поход из Полоцка ранней весной 978 г., то в мае он вполне мог осадить Ярополка. Судя по сообщению летописца, оборона Киева благодаря усилиям Блуда была недолгой. В Родне весной продовольствия, естественно, не было. Зимние запасы уже съели, а все, что могла дать земля, было за городскими валами. Теперь Ярополк был вынужден сдаться, хотя один из его дружинников, Варяжко, советовал ему бежать к печенегам.

При всей логичности в этом рассказе есть одна странность. Согласно летописи, Владимир ждал брата, войдя на «дворъ Теремной отень» — все происходило в Киеве. До этого Теремной двор упоминается в связи с местью княгини Ольги древлянам. Летописец здесь же дает топографические сведения: двор, названный так по каменному терему, находился «внѣ града», т. е. вне линии укреплений времен св. Ольги. Он располагался «идеже есть нынѣ дворъ Демествковъ (регента хора) за святою Богородицею надъ горою». На месте построенной Владимиром Десятинной церкви при Ольге и Святославе был курганный могильник.[1] Слова «за Богородицею» указывают любое направление по отношению к храму кроме западного — перед главным фасадом. Теремной двор мог располагаться на краю плато над Крещатицкой долиной или над днепровским обрывом.[2] То, что Владимир назначил встречу не в самом городе, где у Ярополка оставались сторонники, естественно. Но Родень находится в 150 км от Киева, и логичнее было вызвать старшего брата в свой лагерь, а не ждать, когда он приедет в Киев. Конечно, это мог быть «жест доброй воли» с целью усыпить подозрения Ярополка. Но все могло быть иначе. Бегства в Родень не было, а бывший киевский князь пришел сдаваться Владимиру на Теремной двор, расположенный сразу за городскими валами.

[1] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 98–105, 138–212; М.; Л., 1961. Т. 2. С. 36–59.

[2] Из-за больших перепланировок в этом месте в конце XIX–XX в. все современные локализации спорны.

На Теремном дворе Ярополка ждала засада. Основным участником был опять Блуд. Как только Ярополк вошел в двери, воевода закрыл их и не дал войти людям своего князя. Два варяга ударили его мечами под мышки и убили на месте. О дальнейшей судьбе Блуда летописец ничего не рассказывает, но, судя по всему, он, как это было в обычае в ту эпоху, в награду за предательство получил смерть.

Сразу после установления своей власти Владимир соорудил новые языческие капища в Киеве и Новгороде. В. Н. Татищев первым предположил (со ссылкой на Иоакимовскую летопись), что причина конфликта братьев была в терпимости Ярополка к христианам. Впоследствии эта точка зрения имела немало сторонников.[1] А. В. Назаренко полагает, что Ярополк, будучи союзником Оттона II, собирался креститься и жениться на его родственнице, дочери графа Куно, он же Баварский герцог Конрад. Императорское посольство прибыло в Киев в конце 977 — начале 978 г. до начала войны с Владимиром. Ярополк успел креститься и получил имя Петр, сохранившееся в посвящении церкви на Киевском Подоле, которая упоминается во 2-м виде Проложного жития св. Владимира. Отражение преданий о деятельности немецких миссионеров 980-х гг. А. В. Назаренко видит в рассказе итальянского епископа и кардинала Петра Дамиани о мученичестве св. Бруно-Бонифация. Оно отнесено не к **Пруссии**, где он погиб в 1009 г., а к **Руси**, которую св. Бруно посетил в 1008 г.[2] Конечно же, тот факт, что у Ярополка летом 978 г. была беременная жена, расстриженная греческая монахиня, не может служить аргументом против этого предположения. Славянская знать и после крещения продолжала смотреть на брак с прежних, языческих позиций. Существеннее другое — ни один источник не упоминает о том, что Ярополк был христианин.

В Никоновской летописи сказано, что за год до столкновения с Владимиром к Ярополку приходили послы греческого царя и от папы римского. Но даже в Никоновской летописи ничего не говорится о

---

[1] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. СПб., 1994. Т. 1. С. 111–112; *Рапов О. М.* Указ. соч. С. 193–205. Там же библиография вопроса.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 340–363, 371–389.

религиозной миссии греческого и римского посольств. Считается, что летописец выпустил эти сведения, чтобы не умалить роль Владимира в деле крещения Руси. Но Ярополк не был первым христианином в княжеском роду — первой была св. княгиня Ольга. Христианский храм св. Илии был в Киеве на Подоле еще во времена Игоря. Судя по рассказу летописца, в 945 г. он был затоплен. Прослойки стерильного песка и глины свидетельствуют, что Подол в результате колебательных движений земной коры периодически затапливался на несколько лет. Когда вода уходила, жители возвращались на старые места.[1] До 961 г. храм был наверняка возобновлен св. Ольгой, и Ярополк не мог бы считаться его основателем. Подольская церковь св. Петра была посвящена «первому ходатаю нашего спасения», но из этого не следует, что там поминали Ярополка.

С точки зрения повествования о крещении логично было перевести конфликт в религиозную плоскость. Св. Владимир до крещения представлен в летописи страстным почитателем веры отцов, подлинным языческим героем и гонителем христиан. Если бы его война с Ярополком была вызвана «тьщаниемь ко идоламъ», литературный образ Владимира только бы выиграл. Но летописец придерживается известной ему исторической правды: братья бились за власть, а не за веру. Следовательно, даже если Ярополк и крестился, на Руси это было известно очень узкому кругу людей и вскоре было окончательно забыто.

3. Первые девять лет правления

В той же статье 6488 (980) г. летописец сообщает нам, что сразу после захвата власти Владимир столкнулся с варягами, которые хотели получить выкуп с киевлян по две гривны с человека. Видимо, князь обещал отдать Киев на разграбление, но так как Блуд договорился с Владимиром о сдаче, князь не мог выполнить свое обещание. Из дальнейшего довольно сбивчивого рассказа следует, что князь

[1] *Сагайдак М. А.* Давньокиївський поділ. Київ, 1991. С. 52–55, 62–64.

просил варягов подождать месяц. Так ничего и не получив, они решили плыть в Константинополь. «Мужи добры, и смыслены, и храбъры» возглавили княжеские дружины по городам, а остальные отправились в Византию. Согласно летописи, Владимир предупредил императора, чтобы он не держал варягов в одном месте, «оли то створять ти зъло, яко и сьде». Но ни о каких столкновениях киевлян со скандинавами летописец не рассказывает. Существуют две основные интерпретации этого рассказа. А. А. Шахматов видел здесь перенос реальных событий времен захвата Киева Ярославом Владимировичем в 1016 г. Е. А. Рыдзевская полагала, что здесь отразилось скандинавское предание о том, как Владимир обманул своих наемников и не заплатил им.[1] Вероятно, устное предание в очередной раз объясняет неизвестные ему причины реальных событий. В данном случае речь шла об отправке варягов на службу к императору.

А. В. Назаренко полагает, что вместе с варягами выехало в Константинополь и посольство от императора Оттона II. Кекавмен Катакалон, византийский писатель и военный деятель второй половины XI в., упоминает о прибытии родственника Оттона в четвертый год правления Василия II.[2] После смерти отца соправителями малолетних законных императоров были сначала Никифор Фока, а потом Иоанн Цимисхий. Только с его смертью в 976 г. началось правление Василия, который тут же столкнулся с очередными мятежами знати. Ему были нужны любые войска, и он с радостью принял и племянника Оттона, и варягов от Владимира.

Сев в Киеве, Владимир женился на беременной вдове своего брата. Она была греческой монахиней, видимо, пленницей-рабыней. От этого брака родился Святополк, которого летопись называет «сыном двух отцов», а сам он считал себя сыном Ярополка. На его монетах был изображен не трезубец Владимира, а древний двузубец Рюри-

[1] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 480–485; *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 217–222. См. также: *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 226.

[2] Советы и рассказы Кекавмена. Пер. с греч., вступ. ст. и комм. Г. Г. Литаврина. 2-е изд. СПб., 2002. С. 280–283, 584–585; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 380–382.

ковичей. Единственным новшеством было изображение креста на левом отроге.[1] Женитьба была вызвана не похотливостью князя, а желанием избежать кровной мести в близкородственном кругу. Женившись на вдове убитого, Владимир предлагал самого себя в возмещение. Это довольно частый сюжет в скандинавских сагах,[2] и обычно, так же как в случае с Рогнед, возмещение отвергается. Монахиня-гречанка не пыталась мстить князю, зато Святополк расплатился сполна, убив своих двоюродных братьев свв. Бориса и Глеба.

Главным деянием Владимира той поры было обновление языческих капищ. В Киеве были поставлены идолы «Перуна деревяна, а голова его серебряна, а усъ золотъ, и Хоръса, и Дажбога, и Стрибога, и Сьмаргла, и Мокошь». В Новгороде, где Владимир посадил Добрыню, был поставлен идол Перуна. Существует огромная литература по данному вопросу: что означало установление идолов, какие это были боги, как были устроены святилища в Новгороде и Киеве.[3] Из летописного перечня не вызывают сомнений только Перун (молния) и Хорос (круг) — солнце. В «Повести временных лет» в статье 6622 (1114) г. Дажбог назван солнцем. Но это отождествление входит в выписку из «Хроники» Иоанна Малалы, переведенной еще в Болгарии.[4] Функция Даж-

---

[1] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 163–169; *Сотникова М. П.* Указ. соч. С. 192–193; *Белецкий С. В.* Указ. соч. С. 19–31.

[2] *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 36–37, 140–142.

[3] *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. 2-е изд. М., 2003; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 53–79; *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987; *Толстой Н. И.* Язычество древних славян// Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 145–165; *Топоров В. Н.* Боги древних славян// Там же. С. 166–174; *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999; *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия// Из истории русской культуры (Древняя Русь). М., 2000. Т. 1. С. 235–261; *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

[4] Повесть временных лет// БЛДР. 1997. Т. 1. С. 310, прим., 523–524. Ср.: *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 464.

бога у восточных славян могла не совпадать с южнославянской. Среди богов не упомянут Волос-Велес — покровитель скота, а следовательно, и богатства,[1] которым клялись Игорь и Святослав наравне с Перуном. В Обычном житии св. Владимира XIV в. говорится, что идола Волоса сбросили в Почайну. На этом основании предполагают, что у него было отдельное капище на Подоле. Возможно, составитель НС упустил Волоса случайно: текста договоров Игоря и Святослава он еще не знал, а у киевлян языческий бог богатства был забыт.

Большую дискуссию вызывает вопрос, где были расположены капища, построенные Владимиром. О киевском сказано, что оно было «на холме вне двора Теремного». Мы уже говорили, что точно локализовать этот двор сейчас невозможно. На месте капища после крещения была построена церковь св. Василия. В Киевской (Ипатьевской) летописи под 1184 г. отмечено освящение «на Велицѣмь дворѣ» каменной церкви св. Василия, построенной князем Святославом Всеволодовичем, а под 1198 г. церкви св. Василия, построенной новым Киевским князем Рюриком Ростиславичем «на Новомь дворѣ». Перед исследователем сразу встают вопросы: Великий двор — это расширенный Теремной? Как соотносятся Великий и Новый дворы? Каменный храм св. Василия был разрушен во время монгольского нашествия и восстановлен митрополитом Петром Могилой в XVII в. Он стоял на Трехсвятительской улице и был разобран в 1930-е гг. Если он действительно маркирует капище, то оно располагалось практически над днепровским обрывом. Но уже у киевских краеведов XIX–XX вв. возник вопрос, не помещалось ли оно на месте Андреевской церкви, построенной К. Растрелли?[2]

Раскопками 1975 г. на Владимирской улице за дворцом X в., фасад которого выходил на площадь перед Десятинной церковью, было обнаружено сооружение, интерпретированное как капище. Найденные в заполнении ровиков кирпичи и фрагменты с фресковой росписью трактовались как остатки христианского храма, построенного св. Ольгой и разрушенного Святославом.[3] В настоящее время такая интерпрета-

[1] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 417–421.

[2] Библиографию вопроса см.: *Каргер М. К.* Указ. соч. С. 267–273; *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Київа. Київ, 1985.

[3] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 428–433.

ция вызывает законные сомнения, как и «жертвенные ямы». Известно несколько случаев, когда обыкновенные помойные ямы, заполненные золой и кухонным мусором, принимали за остатки языческих приношений. Близ этого места располагалась ротонда XII в.,[1] а раскопками 1977 г. здесь были обнаружены остатки большого деревянного сооружения, которое интерпретируется как деревянная церковь св. Василия.[2]

О новгородском идоле сказано: «Добрыня... постави Перуна кумиръ надъ рѣкою Волховомь». У самого истока Волхова, напротив Городища, которое и есть Новгород времен Рюрика и Игоря,[3] расположено урочище Перынь. Отождествление этого места с капищем Владимира впервые фиксируется у дипломата С. Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг., и рядом ученых принимается и сейчас. Однако, остатки языческих сооружений на Перыни больше всего похожи на снесенные при строительстве монастыря и каменного храма Богородицы (1293 г.) погребальные сопки. Такие места почитались как священные, но они формировались столетиями.[4] Святилище Перуна отождествляют в современном Новгороде со Славнинским холмом, где впоследствии была церковь Илии пророка, или культовым местом с огромным дубом близ перекрестка Великой и Холопьей улиц.[5] При

[1] Интерпретацию этого сооружения как «терема княгини Ольги» можно считать окончательно оставленной. См.: *Иоаннисян О. М.* Древнерусское зодчество и романская архитектура // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Вып. 2. М., 1987. С. 115.

[2] *Боровський Я.* Дерев'яні храми святого Василія у Києві та Вишгороді // А сє єго сребро. Київ., 2002. С. 113–115.

[3] *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

[4] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 261–263; ср.: *Конецкий В. Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. СПб., Псков, 1995. Вып. 1. С. 80–85; *Васильев М. А.* Была ли Перынь местом капища Перуна при князе Владимире? // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 34–36, 49–52. Там же библиография вопроса.

[5] *Янин В. Л.* Таинственное средневековье // У древних стен, у Ильменьозера. М., 1980. С. 353; *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 3–14.

всей убедительности этих предположений, они, как и отмечают авторы, связаны со святилищами до-Владимирова времени, так как расположены на значительном расстоянии от реки Волхов.

Капище Владимира могло помещаться на месте, где после крещения была поставлена дубовая церковь Св. Софии. Согласно указанию Н1 мл. под 6557 (1049) г., она стояла в Детинце там, где в 1167 г. была построена церковь свв. Бориса и Глеба. Это место, открытое раскопками М. К. Каргера, находится в русле древнего ручья, засыпанного в 1116 г. при строительстве укреплений Новгорода «болѣи перваго». Именно из-за водотока в XVII в. рухнули и церковь, и расположенная рядом башня Детинца. Каменный собор Св. Софии, стоящий и поныне, был заложен в 1045 г. к северу от ручья на высоком холме. Здесь укрепления были построены, согласно Н1 мл., в 1044 г. внуком св. Владимира Владимиром Ярославичем. К востоку от Софии располагался храм свв. Иоакима и Анны, по преданию, построенный первым Новгородским епископом Иоакимом (см. Гл. 6. 1). Видимо, он был разобран в начале XII в., потому уже в 1108 г. в Новгородской 1 летописи упоминается придел свв. Иоакима и Анны в Софийском соборе. И правый берег у самого устья ручья, и высокий холм над Волховом одинаково подходят для Владимирова капища.

В действиях Владимира обычно видят попытку трансформировать язычество и приспособить его к новым условиям. Иногда пишут о показном благочестии князя, пришедшего к власти как глава языческой партии.[1] Более правильной представляется другая постановка вопроса — Владимир искал истину о Боге и мироздании. На Севере язычество традиционно было наиболее сильным — последнее выступление волхва было в Новгороде в 1071 г. Именно здесь прошла юность Владимира, и для него естественно было сначала обратиться к языческой вере отцов.

Первый поход Владимира после вокняжения летопись датирует 981 г. Но он сел в Киеве в 978 г. (см.: Гл. 1. 3), и поход мог состояться в 979 г.: «Иде Володимиръ къ ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червен и ины городы, иже суть до сего дне подъ Русью». Этого известия

[1] *Фроянов И. Я.* Указ. соч. С. 137–143; *Рапов О. М.* Русская церковь... С. 209–213.

нет в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, и на этом основании А. А. Шахматов считал его выдуманным.[1] Однако здесь не все так просто. С одной стороны, Перемышль и Червен граничат с Малой Польшей, которая принадлежала тогда чешскому князю. Вместе с Краковской землей они были захвачены польским князем Мешко Старым позже, видимо, после 983 г., но до 992 г, когда он умер. В грамоте Пражскому диоцезу 1080-х гг. приводятся его границы, определенные в 973 г. Там восточные пределы определены водоразделом Западного Буга и Стыри, притока Припяти. Даже если вслед за Л. В. Войтовичем видеть здесь Стрый, южный приток Днестра, то и тогда получается меридиональная линия к востоку за Перемышлем (совр. Пшемысл в Польше) и Червеном. А. В. Назаренко полагает, что Червенские города были отняты Ярополком еще у Чехии, а окончательно закреплены Владимиром. В 979 г. германский император Оттон II ходил войной (не очень удачно) на каких-то славян, вероятнее всего, на польского князя. Тогда союзная акция Владимира была бы очень своевременной.[2]

В. Д. Королюк полагал, что поход был направлен против племен хорватов (Перемышль) и дулебов (Червен), но это вызывает большие сомнения. По мнению В. В. Седова, дулебы — название более крупного племенного объединения, давшего впоследствии начало волынянам, древлянам и отчасти дреговичам. Их археологические культуры почти неразделимы. Хорватов он локализует только по Днестру.[3] Высказывается предположение, что Перемышль и Червенские города были хорватскими княжествами и подчинялись не Чехии, хотя и граничили с ней, а Венгрии. Возможно, что непосредственно перед походом Владимира они были захвачены Польшей.[4]

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 461–462.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 393–411 (там же библиография вопроса); *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 10–13; *Войтович Л. В.* Восточное Прикарпатье во второй половине 1 тыс. н. э. // Rossica antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 17–26.

[3] *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 74–100; *Седов В. В.* Указ соч. С. 90–94, 123–129.

[4] *Войтович Л. В.* Указ. соч. С. 25–26, 35–38; *Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв. // Rossica antiqua. СПб., 2006.

Память о походе Владимира на Польшу как значительном событии сохранялась в Галицкой Руси, куда вошли впоследствии Червенские города, и в XIII в. Как пример он упоминается под 1227 г. в Галицко-Волынской (Ипатьевская) летописи. О войнах с Чехией не только ничего не сказано, но наоборот, под 1254 г. летописец Даниила Галицкого подчеркивает, что до его князя «ни Святославъ Хоробрыи, ни Володимеръ Святыи» не ходили на Чехию. Можно предположить, что поход на Польшу и только что захваченные ею Червенские города был после 995 г. и потому не вошел в источник Иакова. Однако, в «Памяти и похвале» Иакова помимо сведений о первой польской войне отсутствует еще и сообщение о походе на хорватов в 992 г. Общепризнанным является мнение, что именно этот поход помешал польскому князю Болеславу, сыну и наследнику Мешко, прийти на помощь Оттону III в войне с лютичами.[1] Скорее всего, поход Владимира на ляхов через тогдашнюю чешскую территорию состоялся все-таки в 979 г. Либо источник Иакова, либо он сам намеренно выпустил все сведения о столкновениях с Польшей.

Вероятно, именно поход на Червенские города принес Владимиру очередную жену — «вторую чехиню».[2] Ее сыновьями были Мстислав, князь Тмуторокани, и Святослав, княживший у древлян.

Далее следуют известия о походах на вятичей и родственных им радимичей. И те и другие отложились от Киева. Видимо, это произошло после гибели Святослава. В НС и «Повести временных лет» упомянуты два похода один за другим. Святославу тоже пришлось ходить на них дважды. В «Памяти и похвале» поход на радимичей предшествует

Т. 1. С. 297–308. О локализации хорватов X в. см.: *Майоров А. В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

[1] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 110–115 (Хильдесхеймские анналы).

[2] Л. В. Войтович здесь противоречит сам себе: он считает, что летописец называет чехинями двух хорватских княжон (*Войтович Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Львів, 2000. С. 122–123), но предполагает подчинение Перемышля и Червена венграм до захвата Польшей.

походу на вятичей, в летописи он указан после похода на ятвягов. Более правильной представляется последовательность в источнике Иакова — радимичи были западными соседями вятичей и непосредственно соприкасались с полянами и северянами. Рассказ о походе на радимичей дополнен колоритными подробностями о воеводе Волчьем Хвосте, который разбил их на реке Пищане (правый приток Сожа). Его имя было хорошо известно. В новгородском рассказе о Любечской битве Ярослава Владимировича со Святополком Ярополчичем в 1016 г. так назван киевский воевода. Конечно, к тому времени настоящего Волчьего Хвоста уже не было в живых, потому в киевском рассказе, сохранившемся в НС и «Повести временных лет», это имя и не упоминается. Зато новгородцы считали, что именно он выкрикивал оскорбления: и сами они плотники, и князь у них хромой.

Следующий удар был нанесен в 983 г. по ятвягам. Это балтское племя на юге граничило с польскими мазовшанами, с бужанами (волынянами) и дреговичами, а на севере — с пруссами и литовцами. Ятвяги легко могли быть включены как в Русское, так и в Польское государство. Последнее совершенно не устраивало Владимира. Поход был успешен, но летописца больше интересует рассказ о столкновении с христианами, в которое вылилось традиционное победное жертвоприношение.

Практика человеческих жертв была хорошо известна у всех славян-язычников, но летописец по понятным причинам не заостряет на ней внимания. Здесь он обращается к этой теме, исключительно чтобы рассказать о первых известных мучениках за веру. Варяг, не названный в летописи по имени, пришел из Византии (отъ Грекъ) и жил в Киеве. По случаю победы было решено устроить торжественное жертвоприношение. Для этого метали жребий на отрока и девицу, и жребий выпал на сына варяга. Отец отказался его выдавать, заявив, что у киевлян не боги, а обычное дерево. Тогда киевляне вломились на двор и убили их обоих. Летописец пишет, что варяг с сыном стояли на сенях, которые под ними и подрубили. Читатель должен подумать, что варяг не сопротивлялся. Представить, что викинг спокойно стоял и ждал, когда его убьют, довольно сложно. Кроме того, если бы он не сопротивлялся, то его сына просто притащили бы в

капище и принесли в жертву. Добровольность в этом деле была совершенно необязательна. Варяг дрался, и дрался настолько хорошо, что пришлось подрубить столбы крыльца, чтобы убить его.

Воспоминания о том, что дело обстояло именно так, в Киеве жили довольно долго. В Проложном чтении о мученичестве двух варягов, составленном в конце XII в., названо имя только младшего, Иоанн. Имя старшего, Феодор, добавляется только в поздних списках XVI–XVII вв., да и то не во всех. Составитель Проложного чтения опирался не на НС и «Повесть временных лет», а на Древнейший свод (см. Гл. 3. 2). Описание гибели варягов совпадает с летописным, но агиограф не утверждает, что двор варяга находился на месте, где потом построили Десятинную церковь. Археологические исследования показали, что в X в. здесь был курганный могильник, причем некоторые погребальные камеры оказались непосредственно под фундаментами церкви.[1] Естественно, варяг не мог жить в таком месте.

Существует предположение, что имя старшего варяга сохранилось в названии храма, упомянутого в Проложном житии св. Владимира 1-го вида. Там место крещения киевлян в Почайне (а не в Днепре) определено: «идеже и нынѣ церкви есть святую мученику Турова, и тъи бысть первыи ходатаи нашему спасению». А. В. Марков считал, что это искаженное «Тудор» (болгарское произношение греческого имени Феодор). С. Рожнецкий и А. А. Шахматов видели здесь скандинавское имя «Уттор» (Ottar) или «Туры» (Thor).[2] А. А. Турилов обратил внимание на то, что в Проложном чтении варягам есть отсутствующие в летописи слова: «Бяше нѣкто человѣкъ Божии име-

[1] *Каргер М. К.* Указ. соч. С. 98–105, 138–212; особенно погребения № 108 (с конем), № 109 (срубная гробница под апсидой церкви), № 112 (с рабыней и конем), № 113 (под центральным нефом, в срубной гробнице с конем), № 122 (под центральной апсидой, знатная женщина в богатом уборе). М.; Л., 1961. Т. 2. С. 36–59.

[2] *Марков А. В.* Как звали первых святых мучеников на Руси? //Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 436–439; *Рожнецкий С.* Как назывался первый русский святой мученик? //ИОРЯС. 1914. Т. 19. Вып. 4. С. 94–98; *Шахматов А. А.* Как назывался первый русский св. мученик //ИАН. Сер. 6. 1907. Май. С. 261.

немь, варягъ родомь, пришедъ из Царяграда съ сыномь своимь Иоанномь». Он полагает, что здесь переведено на славянский с греческого имя отца — Феандр (Θεάνδρος). Впоследствии оно дало Феодор.[1] Даже если рассказ первоначально был написан по-гречески, странно, что в заголовке есть только имя Иоанна. На самом деле цитированное А. А. Туриловым чтение есть почти во всех списках Пролога 2-й редакции, куда входит этот текст, а не только в древнейшем фрагменте, скопированном в Синайский палимпсест (о рукописи см. Гл. 3. 3). Зато в ряде списков отсутствует слово «родомь». Видимо, первоначально в тексте было только христианское имя сына, а для имени отца был оставлен пропуск, который так и не был заполнен.

Турова божница, упомянутая в Киевской (Ипатьевской) летописи под 1146 г., могла быть посвящена свв. Борису и Глебу. Развалы плинфы на Борисо-Глебской улице на Подоле показывают, что храм был впервые построен в домонгольский период.[2] Это объясняет двойственное число («святую мученику»), но не объясняет, почему «ходатаем спасения» оказывается один святой. Во 2-м виде Пространного жития вместо Туровой церкви упомянута Петрова, но это не намного проясняет ситуацию. Какого Петра имел в виду писатель XII в., мы не знаем.[3] (Подробнее см.: Гл. 3. 2; 4. 3.)

После походов на запад Владимир обратился к востоку: на Волжскую Болгарию и на хазар. В летописи поход на Болгарию датирован 985 г. В предыдущей главе мы подробно рассматривали его причины и направление. Безусловно, толчком к выступлению послужило то, что хазары с помощью ширван-шаха Мухаммеда вернулись после 981 г. в устье Волги.[4] С другой стороны, болгары, освободившиеся от хазар-

[1] *Турилов А. А.* «Человек Божий именем» (О имени старшего варяга-мученика)//Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество, христианство, Церковь. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

[2] *Петров Н. И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897. С. 5–13; *Сагайдак М. А.* Указ соч. С. 26.

[3] А. В. Назаренко предположил, что это был Ярополк, память которого совершалась в церкви св. Петра. Но текст и в этом случае остается несогласованным. См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 382–385.

[4] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 221–230.

ской зависимости, могли занять более жесткую позицию в вопросе доступа русских купцов на восточные рынки.

Война с Болгарией завершилась заключением взаимовыгодного мира. У Руси не было сил, чтобы подчинить себе такую страну, но и доходы Болгарии зависели от русских купцов, привозивших рабов и драгоценные меха. Только за этим товаром ехали сюда из стран арабского халифата и из Хорезма, а самостоятельно Болгария могла обеспечить только половину этой потребности. Если же речь шла о рабах, то ее возможности были еще меньше.

Результатом этого похода было появление еще одной жены, матери свв. Бориса и Глеба. Исследователи, отстаивающие дунайское направление похода св. Владимира, видят в ней болгарку-христианку, возможно, дочь царя Самуила.[1] Как уже говорилось, ни один из современников болгарско-византийской войны 986 г. не упоминает о каком-либо участии Руси в дунайских делах. Исключительное положение св. Бориса при отцовском дворе было вызвано только отношением его отца, а не происхождением его матери. Имя Борис, действительно, болгарского происхождения, но нужно помнить, что на Дунае и на Волге жили две ветви одного и того же тюркского народа. Дунайские болгары к середине IX в. были полностью славянизированы и приняли христианство. Волжские сохранили свою тюркскую основу и около 920 г. приняли ислам.

Затем Владимир пошел на хазар. В НС и «Повести временных лет» под 9494 (986) г. начинается рассказ о принятии христианства и о хазарской войне ничего не говорится. Но она была необходима, так как следовало выбить хазар и их союзников из волжского устья, а возможно, пришлось отбивать и Таманский полуостров. Судя по тому, что уже в 987 г. на помощь эмиру Дербента Маймуну прибыли

---

[1] Библиографию см.: *Thomson F. J.* Op. cit. P. 232–233, note 110. См. также: *Sciacca F.* The Kiev Cult of Boris and Gleb: The Bulgarian Connections // Proceedings of Symposium on Slavic Cultures: Bulgarian Contributions to Slavic Cultures. Sofia, 1983. P. 58–70. Он видит в ней дочь последнего болгарского царя Бориса, сына Петра, выданную замуж еще при жизни Святослава.

русы на 18 судах,[1] волжское устье опять было под контролем Владимира. Самое близкое место, откуда русы могли добраться до Каспийского моря, был город Тмуторокань. В Болгарском походе союзниками Владимира были торки (огузы), кочевавшие в степях вокруг Каспия и непосредственно граничившие тогда с владениями болгар. Согласно арабским источникам, «турки» потом сидели в устье Волги — Владимир предпочел оставить эту территорию своим союзникам.

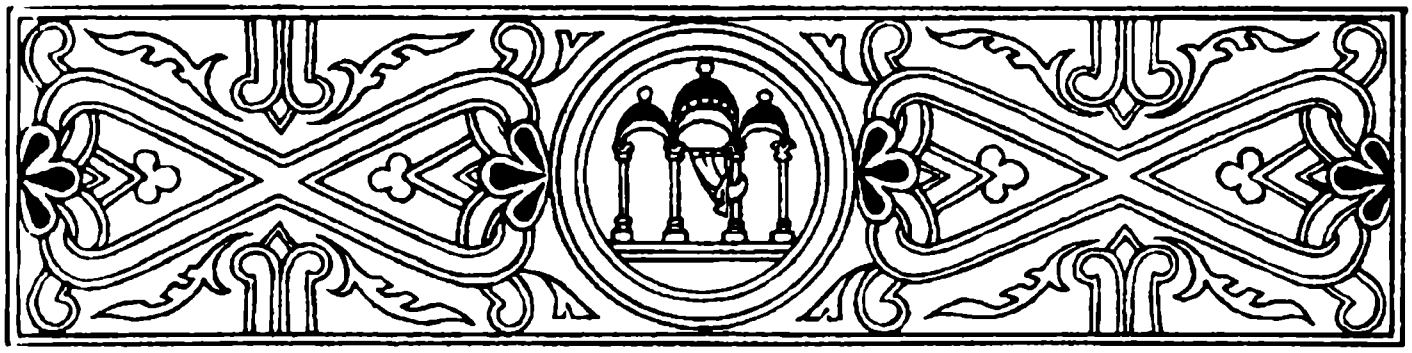
Следующим логическим шагом было установление контроля над торговыми путями Черного моря. Частично он уже существовал, так как Тмуторокань на Таманском полуострове был одним из важнейших портов. О нем пишет, называя Таматархой, Константин Багрянородный (не указывая, кому она принадлежала в его время). Она служит точкой отсчета в периплах, использованных в XII в. географом сицилийского короля Рожера II, арабским ученым ал-Идриси.[2] Но ключевым пунктом северного Причерноморья был Херсонес — средневековый Херсон, древнерусский Корсунь, современный Севастополь. Именно он стал следующей целью св. Владимира.

К сожалению, ни летописцы, ни агиографы не рассказывают нам, как происходили те изменения в душе князя, которые привели его к христианству. «Приде на нь посѣщение вышняго», — пишет митрополит Иларион. «И разгоряше ся Святымь Духомь сердце его, хотя святого крещения», — вторит Иаков Мних. Преп. Нестор в «Чтении о свв. Борисе и Глебе» вспоминает о видении, которое превратило князя Владимира в христианина. «Да егда Богъ въсхотѣ собѣ новы люди избрати, въдъхну въ себе благодать Святого Духа и възбнувъ акы от сна от лютаго идолослужения», — пишет о князе Владимире автор Проложного жития. В летописи представлен рассказ о миссионерской проповеди при дворе князя. Несомненно одно — поиски истинного Бога занимали св. Владимира со времен захвата Киева. Сначала он искал истину в вере отцов, а затем обратился ко Христу.

---

[1] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 67–68.

[2] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 170/171, 174/175, 272/273; *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 161–171.



Глава 3

Развитие житийной традиции о св. Владимире и крещении Руси

1. Особенности житий святого князя

Почитание князя Владимира как святого крестителя Руси стало складываться при жизни первого поколения русских христиан. «Слово о законе и благодати... и похвала кагану нашему Владимиру» было написано будущим митрополитом Иларионом около 1046 г., во всяком случае, до 1051 г. (см.: Гл. 1. 2). Биография князя была хорошо всем известна, и никто не пытался ее подогнать под агиографические клише. Единственным сочинением, в котором она излагалась полностью, была «Память и похвала» Иакова Мниха. Он работал в 1050–70-х гг., и вслед за Иларионом обосновал святость крестителя Руси (Гл. 1. 4).

Уже в эпоху Ярослава Иларионом был сформулирован тезис о том, что главная заслуга св. Владимира, которая перечеркивает все остальные его грехи — это крещение Руси. Соответственно с этим все последующие жития Владимира оказываются рассказами исключительно о крещении. Из всей остальной биографии князя только в Проложном житии упоминается его прежнее «тъщание къ идоломъ по отьчю преданию». Обычное житие св. Владимира и его распрост-

раненные редакции дополняли текст Проложного только подробностями из летописного рассказа о крещении Руси. Даже если использовались иные источники, они все равно относились только к этому сюжету. Судя по рукописям, в XV–XVI вв. в качестве жития в полном смысле слова переписывалась либо целиком «Память и похвала» Иакова Мниха, либо ее вторая часть (после вставки похвалы св. Ольге). Именно здесь перечислены эпизоды биографии св. Владимира, почему первый публикатор отдельных списков этой части, А. И. Соболевский, и назвал ее Древним житием. Как мы видели в Гл. 1. 3, реальным общим источником Иакова Мниха и Древнейшего летописного свода времен Ярослава (1019–1054) было прижизненное сочинение о князе Владимире.

Основная традиция Владимирской агиографии XII–XVII вв. развивалась в рамках рассказа о крещении Руси. В Великих Минеях Четьих (1529–1541) митрополита Макария был помещен цикл чтений на 15 июля, старший список которого (сборник Матвея Кусова, или Мусин-Пушкинский) был выполнен в 1414 г. Цикл был составлен из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и Распространенного жития Владимира 4-го вида (см. раздел 2).

Существует всего два поздних жития св. Владимира, в которые его биография вошла полностью. Одно было написано для Степенной книги начала 1560-х гг. В нем история св. Владимира от рождения и прихода к власти до кончины рассказана по летописи, Проложному и другим житиям (см. раздел 6). В XVII в. на Украине появляется Житие Владимира, в основу которого был положен рассказ Густынской летописи (см. раздел 6).

Самостоятельные редакции жития появляются в XVII в., например в сборниках Вологодской духовной консистории № 3 и Пискаревском (Распространенные жития, раздел 6). В обоих в качестве биографии св. Владимира включают отрывки из «Памяти и похвалы».

2. Рукописная традиция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и цикла чтений на 15 июля по рукописи 1414 г. (сборник Матвея Кусова)

Один из старейших и важнейших памятников Владимирского цикла — «Память и похвала князю русскому Володимиру» Иакова Мниха (см.: Гл. 1. 3–4). Как и «Слово о законе и благодати... и похвала кагану нашему Володимиру» митрополита Илариона, этот текст сохранился в списках не раньше XV в., хотя был написан не позже третьей четверти XI в. Большое значение имеет изложение Иаковом биографии Владимира, так как она отличается от летописной. Вокняжение Владимира датировано не 6488 (980) г., как в летописи, а 11 июня 6486 (978) г., крещение произошло на десятый год после этого события (987 г.), а взятие Корсуня (Херсонеса) — на третий год после крещения (989 г.). От последующей агиографической традиции произведение Иакова Мниха отличается трактовкой обращения князя в христианство. Подобно Илариону, он пишет, что св. Владимир был просвещен самим Богом. Ни о каких диспутах или посольствах он не упоминает.

Начало изучения «Памяти и похвалы» Иакова Мниха было положено преосв. Макарием (Булгаковым). В 1849 г. он опубликовал в журнале «Христианское Чтение» за 1849 г., ч. 2, текст памятника по двум спискам: Сахаровскому XVI в. и утраченному ныне Болотовскому XVII в. Он также впервые выделил три редакции: Полную, Среднюю и Краткую. Средняя отличается отсутствием вставной Похвалы княгине Ольге. Краткая представляет собой вторую половину «Памяти и похвалы» с сокращениями.[1] О «Памяти и похвале» писал

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника русской духовной литературы XI в.// ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 302–369 (С. А. Бугославский предполагал, что это сборник собрания Уварова (ГИМ, Ув. 893).); *Он же.* История Русской Церкви. Изд. 2-е. СПб., 1868. Т. 1. С. 255–263.

также Е. Е. Голубинский, следуя в основном наблюдениям преосв. Макария.[1]

Критическое издание «Памяти и похвалы» в числе других текстов Владимирского цикла впервые подготовил А. И. Соболевский.[2] За основу он принял текст июльского тома Великих Миней Четий по списку ГИМ, Син. 182, около 1553 г. Краткую редакцию «Памяти и похвалы» (определение преосв. Макария) А. И. Соболевский назвал Древним житием, так как именно здесь перечислены основные события жизни св. князя. Точку зрения А. И. Соболевского поддержал Н. К. Никольский, указавший и другие списки «Памяти и похвалы» и т. н. Древнего жития (Краткой редакции).[3]

Публикацию всех памятников, посвященных св. Владимиру, готовил А. А. Шахматов, но, как уже говорилось, его работа осталась незавершенной. Он видел в сохранившихся списках «Памяти и похвалы» соединение подлинного текста Иакова Мниха с первоначальным Древним житием. Сначала он считал, что разделить их практически невозможно, но при подготовке издания все же предпринял реконструкцию первоначального вида обоих памятников. Компиляция, по мнению А. А. Шахматова, была сделана новгородским книжником начала XV в. Матвеем Кусовым, составителем Мусин-Пушкинского сборника 1414 г.[4]

В 1925 г. «Память и похвала» была опубликована С. А. Бугославским по списку «Минеи новым чудотворцамъ» 1494 г. (РНБ, ОР, Сол. 518/537) с разночтениями. Ученый также полагал, что это —

---

[1] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. 2-е изд. М., 1900. Т. 1. Ч. 1. С. 208–214.

[2] *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси / Под ред. А. И. Соболевского // ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 21–35.

[3] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 230–239.

[4] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 14–21; Архив РАН. Ф. 154 (А. А. Шахматова). Оп. 1, № 112, 2-я корректура книги «Жития князя Владимира». С. 44–77. Далее: Корректура...

компиляция, состоящая из произведения Иакова Мниха, вставной Похвалы св. Ольге и Древнего жития.[1]

Г. Подскальски и Я. Н. Щапов рассматривают «Память и похвалу» Иакова Мниха как компиляцию, сохранившуюся в двух редакциях: первоначальной пространной и позднейшей краткой.[2]

Композиция и идейное содержание «Памяти и похвалы» рассмотрены в Гл. 1. 4. Как мы видели, разделить текст Иакова Мниха на отдельные части невозможно. Сущность святости князя как крестителя Руси раскрывается до вставки Похвалы св. Ольге, т. е. в части, несомненно принадлежащей Иакову. Затем агиограф развивает эту тему уже с привлечением биографических материалов (Древнее житие, по определению А. И. Соболевского).

За исключением списка РНБ, ОР, Пог. 829, Полная редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха встречается в составе особого цикла чтений св. Владимиру на 15 июля. Древнейшая известная рукопись цикла — небольшая книга, видимо, 55 лл., написанная в 1414 г. под наблюдением новгородского книжника Матвея Кусова. Впоследствии она принадлежала гр. А. И. Мусину-Пушкину и, к сожалению, погибла в 1812 г. Сохранились две копии — одна, снятая непосредственно с рукописи (Ермолаевская, РНБ ОР, F. 1. 295), и копия с Ермолаевской (БАН, 24. 4. 41). Последняя была опубликована Вс. И. Срезневским.[3] Ермолаевская копия была выправлена по рукописи. В частности, были проставлены йотированные «а» (ꙗ), сначала переданные как обычные «а», уточнены случаи использования ѥ. В обоих случаях к обычным «а» и «е» добавлялся сверху хвост.

В сборник 1414 г. входили: «Память и похвала» Иакова Мниха; «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (3-я редакция,

---

[1] *Бугославский С. А.* К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру//ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 105–159.

[2] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 198–202; *Щапов Я. Н.* Память и похвала Иакова Мниха//Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 181–183.

[3] *Срезневский Вс. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. по копии начала XIX в. СПб., 1893.

по определению А. М. Молдована[1]); служба (две стихиры и три тропаря св. Владимиру, канон свв. Кирику и Улите с кондаком и икосом св. Владимиру после 6-й песни); 4-я редакция Распространенного вида жития св. Владимира (по определению А. А. Шахматова) и житие свв. Кирика и Улиты. Все произведения предназначены для чтения 15 июля, в день памяти свв. Кирика и Улиты и св. Владимира.

Произведения о св. Владимире, собранные Матвеем Кусовым (Мусин-Пушкинский сборник), получили наибольшую известность среди исследователей, так как этот цикл включил под 15 июля в свои Великие Минеи Четьи митрополит Макарий (1482–1563). Цикл представлен во всех трех рукописях июльского тома: РНБ, ОР, Соф. 1323 (1538 г.), ГИМ, Син. 996 (1546), Син. 182 (около 1553 г.). Отдельные списки «Памяти и похвалы» известны только с XVII в., а 4-й вид Распространенного жития самостоятельно вообще не встречается. Оба текста неоднократно публиковались вместе.[2] 3-я редакция «Слова о законе и благодати» отдельно представлена только фрагментами. В первоначальный авторский текст Илариона здесь входят две вставки: «Слово о Христе и Адаме» и «Пророчества», благодаря которым он уверенно идентифицируется как отрывок 3-й редакции.[3] Ввиду важности сборника рассмотрим подробнее его состав и историю создания.

Судя по сохранившимся описаниям и копиям, сборник представлял собой рукопись в четверку. На выходной миниатюре были изображены св. Владимир со свв. Борисом и Глебом. На факсимиле, снятом А. Н. Олениным, сыновья св. Владимира выглядят детьми.[4] Это

---

[1] *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Киев, 1984. С. 10–18, 24 –25.

[2] *Срезневский Вс. И.* Указ. соч. С. 74–80; *Макарий (Булгаков), митр.* Указ. соч. С. 255–263; *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку / / Краткие сообщения Института славяноведения. 1963. Вып. 37. С. 66–75.

[3] *Молдован А. М.* Там же, текст: с. 184–196.

[4] *Срезневский Вс. И.* Указ. соч. С. 1–3, табл. 1.

отличает сборник от сохранившихся новгородских фресок и икон XIV в., где свв. Борис и Глеб всегда взрослые юноши.[1]

В записи писца, помещенной после текста на последнем листе, А. И. Ермолаев отметил целый ряд правок. Во-первых, в дате «въ лѣто 6922» цифра «Ц» (900) была поправлена на «Щ», как полагал копиист, чтобы превратить ее в «Ѱ», т. е. 700. Тогда бы дата выглядела как 6722. Во-вторых, имя владыки было переправлено в «Антона». В копии А. И. Ермолаева это обозначено как работа новейшей руки (подчеркнуто точками и заключено в скобки). Судя по таким выражениям, как «приписано гораздо новейшею рукою» (л. 13), «приписка новейшей руки в сравнении с рукописью» (л. 29), Ермолаев имел в виду только то, что рукопись правилась позже времени создания. Это могло быть сделано в XVI–XVII вв. (о правке в сборнике см. ниже). В-третьих, подновлено название церкви, для которой сборник был изготовлен («Володимиру»), и вся последняя строка. Ермолаев обозначал такие случаи на протяжении всего текста точками под словом (в воспроизведении: курсив). Видимо, такая правка была сделана почерком, близким времени создания рукописи. В-четвертых, перед именем Матвея Кусова было удалено несколько слов (показано запятыми). В-пятых, в указание «Сеи зимы» была внесена правка: «*о* зимѣ». А. И. Ермолаев в примечании указал, что она сделана «тою же рукою».

Текст записи выглядит следующим образом:

В лѣто 6(7)22 *на*писана бысть/книга си. къ святому *Володимиру* церкви/благословениемъ владыцѣ (Антона), повелѣние/мь Сидора Кюприянова...../.... Матфѣя Кусова. А хто сю книгу/украдеть, да будеть проклят.

---

[1] *Лившиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода XIV–XV вв. М., 1987. Табл. 88–89 (церковь Успения на Волотовом поле), 267 (церковь Феодора Стратилата, изображены вместе со св. Владимиром, братья чуть ниже, но их отец стоит на возвышении), с. 507 (церковь Спаса на Ковалеве). В Волотове свв. Борис и Глеб изображены в диадемах, а в церкви Архангела Михаила из Сковородского монастыря (начало XV в.) они без шапок, а возможно, и без диадем (Там же. Табл. 377).

Сеи *о* зимѣ мѣсяця ноября въ 17 постри/жеся владыка (Антон)ъ въ скиму, и масло/мъ мазася в манастыри на Де/ревяници, по сем днии, а посадникъ / *Кирило Дмитрѣевич преставися.*

Такое количество исправлений в выходной записи настораживает. В остальном сборнике на страницу приходится самое большее три-четыре разновременных правки, а есть страницы вообще без них. О заказчике Сидоре Киприанове ничего не известно, а вот Матвей Михайлович Кусов знаменит как книжник, имевший отношение к ведению владычного летописания во времена составления Новгородской 4 летописи. Текст летописной записи, продолжающей приписку, рассказывает о двух событиях 1414 г.: пострижении в схиму владыки Иоанна (1386–1415) и смерти посадника Кирилла Дмитриевича. Именно она послужила источником статьи 6922 (1414) г. Н1 мл. и Новгородской 4 летописей.[1]

На месте соскобленного восстанавливается слово «изысканиемь» по аналогии с другими записями на книгах, изготовленных «изысканиемь Матфѣя Кусова»: на Каннонике 1411 г. (РНБ, ОР, Соф. 399) и Паримийнике 1413 г. (РНБ, ОР, Соф. 53). Однако, все не так просто с последней рукописью: сам кодекс датируется XIII в., а запись сделана на отдельном листе, приклеенном изнутри к переплету.[2] Так как два сборника были изготовлены «повелением владыки Иоанна», был сделан вывод, что и в сборнике 1414 г. первоначально упоминался именно он.[3] А. И. Ермолаев полагал, что имя владыки переправлено «новейшею рукою», а название церкви было поправлено до этого. Антоний был Новгородским архиепископом в 1211–1219 и 1225–1228 гг. Надвратный храм св. Владимира в Новгородском кремле был поставлен архиепископом Давидом в 1311 г. Изменение даты сборника и отнесение текста ко временам владыки Антония могло быть

[1] *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 80–84, 168–181.

[2] СК. № 372.

[3] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания/ /ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 193; *Бобров А. Г.* Там же.

связано с тем, что 20 января 1415 г. Иоанн окончательно оставил кафедру. В пользу такого предположения, казалось, говорит и то, что в записи о пострижении в схиму имя владыки тоже изменено на «Антонъ». Иоанн скончался в Деревяницком монастыре 24 июня 1417 г.

Однако в 1413 г. к Паримийнику Соф. 53 конца XIII в. приделали новый переплет и написали, что вся книга была переписана дьяком Василием «повелѣньемь владыцѣ Иоана, а изисканьемь Матфѣя Кусова». В записи тоже есть летописное сообщение о современном событии: чуде от иконы Богородицы в Можайске. Сборник 1414 г. мог действительно происходить из XIII в., а запись подделываться дважды: когда Сидору Киприанову отдавали заказанную им книгу, и вторично, после ухода с кафедры Иоанна. Так как сам кодекс не сохранился, проверить это предположение невозможно. Правильнее говорить, что сборник Матвея Кусова был изготовлен не позже 1414 г.

Б. М. Клосс предположил, что житие свв. Кирика и Улиты было написано известным писателем рубежа XIV–XV вв. Епифанием Премудрым по заказу новгородского архимандрита Варлаама.[1] Однако агиограф сообщает, что этот текст сочинил вместо жития, написанного ранее манихеями или другими еретиками. В греческом оригинале, указанном публикатором сборника Вс. И. Срезневским, имя автора названо: Иконийский епископ Феодор.[2] Таким образом, к Епифанию Премудрому ни житие свв. Кирика и Улиты, ни сам сборник 1414 г. никакого отношения не имеют.

А. М. Молдован выделил в составе 3-й редакции «Слова» Илариона несколько групп списков, восходящих к отдельным протографам. Этому делению соответствуют не только определенные разночтения в тексте «Памяти и похвалы», но и сама композиция цикла. В сборнике Матвея Кусова (Мусин-Пушкинском) был использован дефектный список «Слова» Илариона, подобный тому, из которого были выписаны отдельные фрагменты. В процессе переписки текст правили не по полному списку 3-й редакции, а по 2-й редакции. Лакуну, тем не менее, не восполнили. Уже в готовую рукопись позднее вне-

[1] *Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 133.

[2] *Срезневский Вс. И.* Указ. соч. С. 9–10.

сли правку по какому-то исправному списку 3-й редакции («новейшая рука», по определению Ермолаева). Во всех остальных списках цикла текст «Слова» Илариона восходит к исправному оригиналу 3-й редакции.[1]

Индивидуальность сборника Матвея Кусова состоит в наличии службы на 15 июля и жития свв. Кирика и Улиты. В списках РНБ, ОР, Сол. 518/537 (1494 г.) и РГБ, ОР, МДА, Фунд. 198 (XVI в.) сохраняется та же последовательность произведений (Иаков, Иларион, Распространенное житие), но нет службы и жития свв. Кирика и Улиты.

Сборник Сол. 518/537 назван «Минея новым чудотворцам». Он был переписан в 1494 г. по распоряжению Соловецкого игумена Досифея в Вологде, и принадлежит к старейшему ядру монастырской библиотеки. Не вполне понятно указание на Вологду. Н. Н. Розов полагал, что там с Соловецкой рукописи снимали копию.[2] С. А. Бугославский отмечал особую близость «Минеи новым чудотворцам» к рукописи 1414 г. Вторым источником был Сильвестровский сборник XIV в. (РГАДА, Тип. 53 (159/2)), из которого было взято «Сказание, и страсть, и похвала свв. муч. Борису и Глебу», «Сказание чудес» и «Чтение» Нестора.[3] В первой части «Минеи» собраны службы. Св. Владимиру положены стихиры, тропарь и канон. Они не совпадают с тем, что читается в сборнике 1414 г. Служба соответствует минеям сер. XIV в. РНБ, ОР, Соф. 382 (лл. 67–71 об.) и Соф. 386 (лл. 144–152).[4] Отличий всего два: есть уникальный тропарь, неизвестный по ранним редакциям, и отсутствует славник «Начальника благочестия и проповѣдника вѣрѣ...». В Соф. 382 он относится к стихирам на стиховне, а в Соф. 386 к стихирам на хвалитех (см. раздел 9). Очевидно, что в «Минею новым чудотворцам» служба переписывалась с более древнего оригинала.

---

[1] *Молдован А. М.* Указ. соч. С. 157.

[2] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 358; *Розов Н. Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей//ТОДРЛ. Л., 1962. Т. 18. С. 302.

[3] *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 131, прим. 1.

[4] СК. № 454. Исправление датировки см.: СК-2. Прил. 1. С. 589.

Во всех остальных списках цикла «Слово» Илариона перемещено в конец, так что 4-й вид Распространенного жития следует сразу за «Памятью и похвалой»: РНБ, ОР, Сол. 830/940 и Соф. 1424, РГАДА, ф. 187 № 41 (далее: Арх.)[1] и РГБ, ОР, ф. 209 (Овч.), № 539 (все XVI в.). Объединение А. М. Молдованом в одну группу списков «Слова» Илариона Сол. 830/940 и Овч. 539 оказывается верным и для «Памяти и похвалы» Иакова. Ее текст отличается индивидуальными чтениями от Соф. 1424 и РГАДА, ф. 187 № 41 (Арх.), из Соф. 1424 исключена вставная «Похвала св. Ольге».

Естественно, что все три списка Великих Миней Четий (РНБ, Соф. 1323, 1538 г.; ГИМ, Син. 996, 1546 г.; Син. 182, около 1553 г.) восходят к одному протографу. В Соф. 1323 сначала на лл. 114–114 об. читаются проложные статьи на 15 июля, в том числе жития свв. Кирика и Улиты, св. муч. Авдия и св. Владимира — 3-й вид Проложного жития (см. раздел 4). Затем на лл. 116–124 об. помещен цикл из сборника 1414 г. в следующем порядке: житие свв. Кирика и Улиты (11 начальных строк приписаны в конце левого столбца л. 115 об., правый столбец пустой); «Память и похвала» Иакова Мниха (лл. 116 об. — 118 об.); 4-й вид Распространенного жития (лл. 118 об. — 120); «Слово» Илариона 3-й редакции (лл. 120–124 об.). На лл. 125–125 об. читается другая редакция жития свв. Кирика и Улиты.

Известны три списка цикла, где нет «Слова» Илариона. Это Сахаровский и Болотовский, опубликованные преосв. Макарием, и РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637 1470-х гг., опубликованный А. А. Зиминым.[2] Однако на этом основании их нельзя объединить в одну редакцию. В Болотовском, как и в Соф. 1424, нет вставной «Похвалы св. Ольге» и, судя по публикации преосв. Макария, есть все те характерные особенности, которые позволяют выделить Соф. 1424 и Арх. в отдельную группу.[3]

---

[1] Описание см.: *Пушкарев Л. М.* Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства // ТОДРЛ. 1975. Т. 13. С. 550. Не указано житие св. Владимира после «Памяти и похвалы».

[2] *Зимин А. А.* Там же.

[3] *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 135.

Очевидно, Болотовский восходит непосредственно к протографу Соф. 1424. Сахаровский сборник во всем сближается с Сол. 518/537, в нем читаются «Сказание, и страсть, и похвала святую мученику Бориса и Глѣба» и «Сказание чудес» в той же редакции, что и в Сол. 518/537. Отличается только порядок следования памятников: сначала помещены «Память и похвала» вместе с Распространенным житием 4-го вида, а затем Борисоглебские тексты.[1]

Во всех случаях «Слово» Илариона из подборки исключили составители сборников.

Отдельный список «Памяти и похвалы» (РНБ, ОР, Пог. 829) восходит к тому же протографу, что и «Минея новым чудотворцам» (Сол. 518/537). Здесь похвала св. Ольге изъята из текста «Памяти и похвалы Владимиру» и помещена отдельно перед ней. Это соответствует хронологии праздников: память св. Ольги отмечается 11 июля.

К. К. Акентьев высказал мнение, что разделение на редакции «Слова» Илариона, предложенное Л. Мюллером и А. М. Молдованом, во многом условно, так как традиция, в общем, едина и редакционные различия минимальны.[2] То же можно отнести и к «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха, а в еще большей степени к 4-му виду Распространенного жития из сборника Матвея Кусова.

Протограф житийной части «Минеи новым чудотворцам» 1494 г. (Сол. 518/537) сыграл большую роль в истории русской литературы XVI в. «Чтение» Нестора, дополненное кратким рассказом о чудесах, вошло в майский том Великих Миней Четьих митр. Макария под 2-м числом. «Сказание, и страсть, и похвала свв. муч. Борису и Глебу» вместе с циклом на 15 июля включено в июльский том этого же собрания.

Краткая редакция «Памяти и похвалы», по определению преосв. Макария, или **Древнее житие**, как его назвал А. И. Соболевский, представляет собой половину полного текста памятника. Эта часть начинается со слов: «Блаженый же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника... С. 255–263.

[2] *Акентьев К. К.* «Слово о законе и благодати»... С. 116–117.

крести от конца до конца...». В полном тексте она следует за вставной похвалой св. Ольге, и редактор выделил ее чисто механически. От соответствующей части «Памяти и похвалы» т. н. Древнее житие отличается только сокращениями. Представляется более правильным определение преосв. Макария: Краткая редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха.

Сначала А. А. Шахматов соглашался в целом с точкой зрения А. И. Соболевского на Древнее житие.[1] Впоследствии реальные списки текста, указанные А. И. Соболевским и Н. К. Никольским, он считал краткой редакцией Древнего жития, восходящей к первоначальной полной редакции независимо от «Памяти и похвалы». По его мнению, это объясняло присутствие в тексте некоторых исправных чтений, утерянных в «Памяти и похвале», а с другой стороны, нарушение хронологической последовательности.[2] В Краткой редакции, как и в полной, сначала перечислены все языческие походы и рассказано о взятии Корсуня, затем перечислены события после крещения, включая поход на Корсунь на третий год, а затем рассказано о событиях от смерти Святослава до убийства Ярополка и захвата Киева.

Текст озаглавлен «Житие благовѣрного князя Владимира, нареченного в святом крещении Василия, крестившего Русскую землю». Все списки читаются в Торжественниках или житийных сборниках XVI в. (РГБ, ОР, ф. 256 (Рум.), № 434 и ф. 304 (Тр.), № 792, 1572 г.,[3] РНБ, ОР, F. 1. 257,[4] Соф. 1419, Пог. 949). Ни А. А. Шахматов, ни Н. К. Никольский не отметили, что Краткая редакция (Древнее житие) всегда соединена со 2-й редакций Проложного жития 2-го вида. Оно озаглавлено «Похвала благовѣрному князю Владимиру», хотя никакой особой похвалы в нем нет (см. раздел 4). Список РНБ, ОР,

---

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906. Отд. отт. СПб., 1906. С. 27–28, 30–32.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 14–21; *Он же.* Корректура... С. 57–58.

[3] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 25–27.

[4] Два последних в разночтениях к «Памяти и похвале»: *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 148–153.

Соф. 1529, 1520-е гг. (л. 65–67), не имеет конца, соответственно отсутствует и Проложное житие. Следует отметить, что все известные списки Краткой редакции (XVI в.) младше, чем рукописи «Памяти и похвалы» (три относятся к 1414–1494 гг.).

В некоторых исследованиях название «Древнее житие» ошибочно переносится на 4-ю редакцию Распространенного вида жития (раздел 6), которая в большинстве списков цикла следует непосредственно за произведением Иакова Мниха. А. С. Усачев, сравнивая житие из Степенной книги, «Память и похвалу» и Древнее житие, указал два списка жития св. Владимира, не отметив, что рукопись РГБ, ОР, ф. 256 (Рум.), № 436 содержит Обычное житие.[1]

3. Два старших вида Проложного жития св. князя Владимира

Самые древние памятники в сохранившейся рукописной традиции о св. Владимире — Проложные жития. А. А. Шахматов выделил 4 вида (далее ПрЖ-1, -2, -3, -4), а также Распространенное проложное житие и Печатное (1654 г.).[2] Первые два сохранились в списках XIII в. Издания (без разделения на виды или редакции) были осуществлены А. И. Соболевским и Н. И. Серебрянским.[3]

---

[1] *Усачев А. С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 254, прим. 199. С рукописью РГБ, ОР, ф. 138, № 16 мне ознакомиться не удалось. Список Рум. 436 указан А. А. Шахматовым: *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 24.

[2] Первоначально он выделил шесть видов, см.: *Шахматов А. А.* Как назывался первый русский св. мученик // ИАН. Сер. 6. 1907. Май. С. 261–264. Впоследствии в неоконченной публикации текстов Владимирского цикла (далее: Корректура) он выделил в отдельные разделы «Распространенное проложное житие» и «Печатное проложное житие». См. *Шахматов А. А.* Корректура... С. 60–66, 41–43.

[3] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 24–28; *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 14–16.

Заглавие в подавляющем большинстве списков ПрЖ-1: «Успение блаженаго и великаго князя Володимира, крестившаго всю Рускую землю». Оно читается уже в древнейшем списке XIII в. РНБ ОР, Q. п. 1. 63 — фрагменте т. н. Синайского палимпсеста.[1] В списке ПрЖ-2 из Пролога архаической традиции (РНБ ОР, F. п. 1. 47, сер. XIV в., см. ниже) заглавие короче: «Святаго князя Володимира, крестившаго всю Рускую землю». Та же разница в заголовках ПрЖ-1 и ПрЖ-2 прослеживается и в остальных списках XIV–XVI вв. Иногда, впрочем, может быть повторено заглавие ПрЖ-1, как, например в списке Пролога 1383 г. (РГАДА, Тип. 172 (367)).

Начала ПрЖ-1 и ПрЖ-2 отличаются (см. Табл. 1), а окончания одинаковы: « ...и наслѣявъ святыми книгами, от нихъ же жнуть русьстии сынове полезныя рукояти покаяния. Друзии же ядять нескудну пищю въ Царствии Небеснѣмь, ея же трапезы сподобим ся и мы недостоинии, кающе ся о своихъ съгрѣшениихъ».

Текстологические отличия между ПрЖ-1 и ПрЖ-2 помимо заглавия и начала тоже невелики. Они все приведены в Табл. 1.

Табл. 1

Проложное житие 1	Проложное житие 2
Успение блаженаго и великаго князя Володимира, крестившаго всю Рускую землю.	Святаго князя Володимира, крестившаго всю Рускую землю.
Сь убо Володимиръ бѣ сынъ Святославль отъ племене варяжьска...	Сьбысть сынъ Святославль от племене варяжьска князь Володимиръ...
възбну яко отъ сна	възбнувъ яко отъ сна

[1] А. А. Шахматов его не указал, как и его предшественники, хотя рукопись была введена в научный оборот в 1867 г. Издано: *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q. п. 1. 63)//Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб., 2005. С. 292–294; публикация текстов: с. 300–305.

идеже нынѣ церковь святую мученику Турова	идеже нынѣ цьркы есть Петрова
Боже, створивыи небо и землю	нет
тебе, княже Володимере	тебе, Володимере
радуися, блаженый Володимере	радуися, Володимере
истерзавъ льстное тьрние изъ Руси	растерзавъ льстное тьрние и раздрушивъ

Большинство отличий на уровне обычных разночтений, но между ними есть одно значимое. В ПрЖ, в отличие от летописи, сказано, что киевляне были крещены не в Днепре, а в Почайне. Это небольшая река, пересекающая Киевский Подол и впадающая в Днепр. В устье Почайны, очевидно, располагался порт. В ПрЖ-1 говорится, что на месте крещения теперь стоит «церковь двух святых мучеников Турова», а в ПрЖ-2 она названа церковью Петра. О подольском храме мы будем говорить подробно в Гл. 4. 3.

В ПрЖ сохранена мотивировка похода на Корсунь (Херсонес Таврический, византийский Херсон), совпадающая с «Памятью и похвалой Владимиру» Иакова Мниха: «Сице да створю, поиду въ землю ихъ, и плѣню градъ ихъ, и обрящу учителя». В источнике Иакова Мниха говорилось, что князь крестился за два года до похода на Корсунь — в 6495 (987) г. В дальнейшем ПрЖ расходится с Иаковом и в соответствии с летописью утверждает, что Владимир крестился в Корсуне после захвата города. Рассказ о переговорах князя с императорами представляет собой не выписку из летописной статьи 6496 (988) г., а фрагмент первоначальной Корсунской легенды (см.: Гл. 4. 3). Именно ее впоследствии соединил летописец с первоначальным киевским рассказом о крещении горожан.

При всей близости рассказа о крещении киевлян из ПрЖ к летописному, в нем есть два характерных отличия, свидетельствующих о его древности. Во-первых, горожан крестят в Почайне, а не Днепре. Во-вторых, это совершают не «корсуньские и цесарицины попы», а никак не определенные в тексте «прозвутеры». Судя по всему, в Древнейшем своде также рассказывалось о крещении Владимира и киевлян до

похода на Корсунь. Соответственно в нем не могли принимать участие корсунцы или священники из свиты византийской царевны Анны, невесты Владимира (см.: Гл. 4. 4). В ПрЖ есть и летописная молитва князя, которую он читает за «новых людей». В ПрЖ-2 нет самого обращения к Богу: «Боже, сътворивый небо и землю». В ПрЖ-1 оно есть в большинстве списков, но отсутствует в древнейшем Q. п. 1. 63 (XIII в.).

Далее следует сообщение о повелении Владимира строить церкви по всем городам, совпадающее с известием из статьи 6496 (988) г. К нему присоединено упоминание о Десятинной церкви: «...а самъ созда церковь святую Богородицю, удививъ».

В отличие от «Слова о законе и благодати» Илариона и «Памяти и похвалы», в ПрЖ не говорится о милосердии и щедрости Владимира. Только в известии о его кончине и погребении, сходном с летописным, сказано, что князя оплакивали «сироты яко помощника, нищии и вдовицы яко печалника и кърмителя».

В Древнейшем своде той большой посмертной похвалы Владимиру, которая сейчас читается вслед за известием о его кончине в статье 6523 (1015) г., еще не было. Первоначальная похвала крестителю Руси помещалась за известием о даровании десятины Киевской церкви Богородицы и сохранилась в статье 996 г. (см.: Гл. 1. 3). Начало похвалы в ПрЖ основано на «Слове о законе и благодати» Илариона — это призыв восхвалить Владимира, как другие земли славят своих учителей. Перечень апостолов отличается от написанного у Илариона:

Табл. 2

Иларион	Проложное житие
Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула, има же вѣроваша въ Исуса Христа Сына Божиа, Асиа, и Ефесъ, и Пафмъ Иоанна Богословьца, Индиа Фому, Египетъ Марка...	Хвалить убо Римьская земля Петра и Павла, Асия Богословьца Иоанна, Египетьская Марка, Антиохийская Луку, Гречьская Андрея...

Как указал Г. Подскальски, в житии видна идея пентархии — пяти великих патриархатов. Отсутствует только Иерусалим, место которого заняла Малая Азия.[1] Остальные патриархаты это Рим, Александрия Египетская, Антиохия (во второй половине XI в. обе у мусульман) и Константинополь. Апостол Иоанн благовестил в Малой Азии, Апокалипсис написал на о. Патмос, а скончался в Ефесе, но епископами там были сначала апостол Тимофей, а затем Гай. Отсутствие у Илариона упоминания об апостоле Андрее не случайно. Как указал А. Поппе, древнерусский писатель унаследовал скептическое отношение Константинопольских патриархов Фотия и Игнатия к преданию о проповеди апостола в Греции и у скифов. Оба они в полемике с римскими папами связывают основание кафедры Византия именно с Иоанном Богословом, так как первоначально будущий Константинополь входил в провинцию Малая Азия, а его епископ подчинялся Гераклее Понтийской вплоть до IV Вселенского собора 451 г.[2] Иларион, который перечислил земли, где благовестили апостолы, был, конечно, точнее. По их примеру и Русь празднует память св. Владимира «яко Господня апостола молебными пѣсньми». Эти слова ПрЖ свидетельствуют о существовании церковной службы. Затем агиограф славит Владимира как отца свв. Бориса и Глеба.

Заключительная часть похвалы не имеет ничего общего с летописными хвалами Владимиру в статьях 996 г. или 1015 г. Она близка похвале Ярославу из статьи 1037 г., которая была написана вскоре после смерти князя вместо прежней краткой похвалы Древнейшего свода. Первоначальный вариант сохранился в Первой подборке Новгородской Карамзинской и во всех летописях, отразивших Общерусский митрополичий свод в редакции начала XV в. (Софийской 1, Новгородской 4, Московском своде XV в. и др.).[3] Так как в статье 988 г. расска-

[1] *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 205. Он рассматривает Обычное житие перед Проложным, хотя и считает вероятным создание сначала текста для Пролога, а потом уже жития.

[2] *Poppe A.* Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / HUS. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 498–499.

[3] *Милютенко Н. И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // Rossica Antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 156–169.

ывается о начале книжного учения при св. Владимире, то похвала из ПрЖ не выглядит анахронизмом.

Табл. 3

Проложное житие	Похвала Ярославу
Радуйся, дѣлателю вѣры Христовы, истерзавъ льстное терние изъ Руси, **възоравъ крещеньемь всю Русьскую землю** и насеявъ ю святыми книгами, от нихъ же *жнють* русьстии сынове полезныя рукояти покаяния, **друзии же едять нескудну пищю** въ царствии небеснѣмь.	Яко же бо се нѣкто землю разореть, другыи же насѣеть, **ини** же *пожинають*, и **ядять пищю бескудьну**. Тако и сь: отьць бсего Володимеръ **землю възоравъ** умякчи, рекъше **крещениемь** правѣтивъ, сь же (Ярослав) насѣя книжными словесы сьрдьца вѣрьныихъ людии, а мы *пожинаемъ*, учение приемлюще книжное.

Рассмотрим рукописную традицию Проложного жития, что поможет установить точнее время ее возникновения. Впоследствии, за редким исключением, ПрЖ-2 и ПрЖ-1 входили в 1-ю и 2-ю редакции Пролога только в строго определенном окружении, и для выяснения истории текста следует рассмотреть этот своеобразный конвой подробнее.

ПрЖ-1, как уже было сказано, сохранилось в Синайском палимпсесте XIII в. Фрагмент Q. п. 1. 63 представляет собой выписку из русского Пролога 2-й редакции, и мы подробно рассмотрим его ниже. ПрЖ-2 входит в Пролог 1-й редакции. Ранее старшим списком считался отрывок РНБ ОР, F. п. 1. 47,[1] который относили к XIII в. Теперь этот список датируют серединой XIV в. на основе графико-орфографических особенностей текста.[2] Рукопись чрезвычайно интересна оформлением инициалов: «М», «О» и «Ф» украшены грубоватыми, но выразительными мужскими личинами. Встречаются и типичные плетенки, заканчивающиеся изображениями человеческих голов в остроконечных шапках.

[1] Издано с разночтениями по ГИМ, Син. 240: БЛДР. 1999. Т. 2. С. 402–405.

[2] СК. № 294. Ср.: СК-2, Прил. 1. С. 577.

Переместив Пролог F. п. 1. 47 в XIV в., А. В. Турилов счел возможным датировать небольшой отрывок Пролога ГИМ, Щук. 97 первой половиной XIII в. Этот список был впервые указан Н. К. Никольским. В рукописи сохранился один лист с текстом из Проложного жития Владимира.[1] Фрагмент не содержит характерных чтений, по которым его можно было бы отнести к определенному виду. Несмотря на изменения датировок, количество списков ПрЖ, выполненных в XIII в., осталось неизменным — два. Это заставляет сомневаться в гипотезе о причислении Владимира к лику святых только во второй половине XIII в.

Итак, все полные списки и большие фрагменты пергаменных Прологов 1-й редакции на мартовскую половину года относятся к началу XIV–XV в.[2] Среди майских и июльских чтений неизменно есть второе Перенесение мощей свв. Бориса и Глеба 2 мая (1115 г.), Успение Феодосия 3 мая (1073 г.), Перенесение мощей св. Николая Мирликийского 9 мая, Освящение церкви Богородицы Десятинной в Киеве 12 мая 996 г.,[3] первое Перенесение мощей свв. Бориса и Глеба 20 мая (1072) г., Перенесение мощей Феодосия 31 мая (1091 г.), Успение св. Владимира 15 июля, Мучение свв. Бориса и Глеба 24 июля. В некоторых списках встречается под 15 апреля память праправнуку св. Владимира,

[1] *Никольский Н. К.* Указ. соч. С. 244; СК-2. Прил. 2. С. 653.

[2] Например, РГАДА, Тип. 177 (372), нач. XIV в.; Тип. 173 (368), перв. пол. XIV в. (ПрЖ-2 издано в разночтениях к Тип. 172 (367): *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 28–30); Тип. 174 (363) перв. пол. XIV в.; Тип. 168 (363), сер. XIV в.; Тип. 171 (366), сер. XIV в.; Тип. 169 (364) (издано в разночтениях к Син. 240: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 14–16); Тип. 170 (365), Тип. 178 (373), все втор. пол XIV в.; Тип. 172 (367), 1383 г. (ПрЖ-2 издано: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 28–30); ГИМ, Син. 240, 1400 г. (издано: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 14–16). См.: Кат. РГАДА XI–XIV. №№ 132, 134–138, 141, 140, 54; *Протасьева.* № 901.

[3] Издано по двум спискам нач. XIV в. РГАДА, Тип. 173 (368), Тип. 179 (374): *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 2004. С. 437. Он пишет о двух редакциях памяти, но из публикации видно, что тексты отличаются только заглавиями.

Мстиславу Владимировичу (1076–1133),[1] который впоследствии никогда не почитался святым.

Во всех Прологах 1-й редакции читается в день успения св. Владимира ПрЖ-2. Под 24 июля помещено Сказание о мучении свв. Бориса и Глеба, основанное не на Начальном своде или «Повести временных лет», а на предшествовавшем им Древнейшем своде.[2] Характерной особенностью 1-й редакции является обязательное наличие отдельных сказаний о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба 2 мая в 1115 г. и 20 мая в 1072 г.,[3] а также двух чтений св. Феодосию: Успение 3 мая (1073 г.) и Перенесение его мощей 31 или 30 мая (1091 г.). Статьи о перенесении мощей святых князей составлены по «Сказанию чудес» и летописным статьям 1072 и 1115 гг. Успение Феодосия составлено по житию, написанному преп. Нестором,[4] а рассказ о перенесении мощей — по статье 1091 г. «Повести временных лет».

Рукопись F. п. 1. 47 входит в небольшую группу Прологов 1-й редакции, сохранивших древнюю черту византийских Синаксарей: тропари праздников и богослужебные указания.[5] Это рукописи РНБ ОР, Соф. 1324 (без русских памятей, конца XII в.),[6] знаменитый Лобков-

[1] РГАДА, Тип. 177 (372), нач. XIV в.; Тип. 172 (367), 1383 г. Издано: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 48. Здесь же разночтения по сербским Прологам, о которых речь пойдет ниже.

[2] *Никольский Н. К.* Указ. соч. С. 227–279. Издано: *Абрамович Д. И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 90–91; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 404–406.

[3] Опубликованы: *Абрамович Д. И.* Жития... С. 106 (по спискам: Тип. 173 (368), Тип. 168 (363), Тип. 169 (364), Тип. 172 (367), Син. 240); С. 104 (Тип. 173 (368), Тип. 168 (363), Син. 240, Тип. 174 (369) и Тип. 167 (361)).

[4] Житие Феодосия // БЛДР. СПб., 1997. С. 353–433.

[5] *Давыдова С. А.* Византийский Синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 67–68; *Она же.* Древнерусский пролог и византийский синаксарь // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 173–183.

[6] СК. № 162; *Фет Е. А.* О Софийском Прологе конца XII — начала XIII в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск. 1977. С. 78–92.

ский пролог ГИМ, Хлуд. 187 (1262 г.)[1] и Соф. 1325 (XIV в.)[2] — все тома на сентябрьскую половину году. Пролог на мартовскую половину года, БАН, 4. 9. 31 (Финляндские отрывки, XIII в.),[3] сохранился только в небольшом отрывке, памятей русским святым под этими днями нет. Богослужебные указания в Прологах есть только для византийских, точнее, константинопольских праздников. Таким образом, хотя F. п. 1. 47 относится к середине XIV в., он все равно является представителем архаической традиции.

Из русских праздников в Прологе F. п. 1. 47 есть Успение Феодосия, игумена Печерского, 3 мая (1073 г.), перенесение мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари 9 мая 1087 г. и перенесение мощей свв. Бориса и Глеба 20 мая (1072 г.). Так как в Восточной церкви перенесение мощей св. Николая праздновали только на Руси, соответственно здесь же был написан и текст. В Прологе утеряны не только начало и конец (кодекс начинается с 17 марта, а заканчивается 22 июля), но и отдельные листы в середине.[4] Отсутствуют и те, на которых должны были быть написаны памяти перенесения мощей свв. Бориса и Глеба 2 мая (между лл. 25 и 26 совр. пагин.), освящения церкви Богородицы 12 мая (между лл. 33 и 34), перенесения мощей св. Феодосия 31 мая (между лл. 66 и 67). Сохранившиеся память Феодосию 3 мая и особенно статья о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба под 20 мая свидетельствуют, что перед нами фрагмент типичного Пролога 1-й редакции. Так как список F. п. 1. 47 относится к архаической традиции, особенно важно, что здесь уже есть память св. Владимиру.

---

[1] СК. № 177; СК-2. Прил. 1. С. 568.

[2] *Абрамович Д. И.* Описание. Вып. 2. С. 219–251. В числе богослужебных указаний есть тропарь празднику Покрова Богородицы 1 октября.

[3] Пергаменные рукописи БАН СССР/Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1975. С. 58–62; СК. № 296.

[4] Между 8 и 15 лл. совр. пагинации вложена тетрадь с днями 17–24 марта (лл. 9–14 совр. пагинации, листов, соответствующих 25 марта — началу 31 марта, тоже нет); отсутствуют листы между 11 и 12 (20 апреля); 25 и 26 (конец 30 апреля — начало 3 мая, Успение Феодосия) совр. пагинации и др. В СК не учтены все утери листов и наличие памяти свв. Борису и Глебу 20 мая.

Рассмотрим вкратце тома Пролога 1-й редакции на сентябрьское полугодие. Им повезло больше, от XIII в. сохранились не дефектные фрагменты кодексов, а два целых экземпляра — уже упомянутый Лобковский пролог 1262 г. и рукопись РГАДА, Тип. 156 (349).[1] В ней отсутствуют только первые дни сентября и последний месяц (февраль). Лобковский пролог был переписан в Новгороде пономарем Тимофеем, владычным нотарием. Интересно, что он же переписал для уже упомянутого Пролога конца XII в. Соф. 1324 приложение — учительные слова, в числе которых были поучения св. Климента Охридского.[2] В Лобковском прологе читается память св. Глеба, который был убит 5 сентября. Этот же текст читается во всех сентябрьских Прологах 1-й редакции XIV–XVII вв. при условии, что сохранились начальные листы.[3] Так как Пролог Соф. 1324 начинается с середины 23 сентября (обрывается 28 февраля), нельзя исключить того, что здесь все же была память св. Глебу. Первые листы кодекса пропали, видимо, уже после того, как пономарь Тимофей написал для этой книги учительную часть. Иногда под 5 сентября читается только заглавие памяти (Соф. 1325, XIV в.), так как под 24 июля неизменно помещался текст Сказания о мучении обоих братьев.

Остальные русские памяти в сентябрьских томах Пролога 1-й редакции распределяются крайне непоследовательно. В Прологе XIII в. Тип. 156 (349), который начинается с 6 сентября, есть лишь упоминания об освящении киевских церквей Св. Софии 4 ноября и св. Георгия 26 ноября. Как свидетельствует месяцеслов Евангелия Апракос, написанного по повелению Мстислава Владимировича в начале XII в., 4 ноября Св. София была освящена митрополитом Ефремом (около 1055 — около 1065).[4] Тем не менее в Прологах неизменно помеща-

[1] Кат. РГАДА XI–XIV. № 39.

[2] *Фет Е. А.* Там же; *Гиппиус А. А.* Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике сер. XIII в. // Инф. бюллетень МНИР. М., 1991. Вып. 25. С. 59–86.

[3] Например, РГАДА, Тип. 163 (356), 1356 г. и др. Издан: *Абрамович Д. И.* Жития... С. 100–102.

[4] Апракос Мстислава Великого. Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. С. 234.

ется фрагмент похвалы Ярославу Мудрому из статьи 1037 г. «Повести временных лет», посвященный строительной деятельности князя. Проложное чтение даже заканчивается известием о его смерти 20 февраля (1054 г.). Киевский храм св. Георгия, небесного покровителя Ярослава, был освящен 26 ноября при митрополите Иларионе (1051 — около 1055). Неизвестно, была ли эта память в Лобковском прологе, так как здесь нет листов за 7–27 ноября. Память освящения Св. Софии 4 ноября здесь точно отсутствует. Один из старших списков сказания на 26 ноября представлен в Прологе 1313 г. (ГИМ, Син. 239),[1] а сказания на 4 ноября — в упомянутом Прологе XIV в. Соф. 1325. К сожалению, в этой рукописи выпала тетрадь, содержавшая памяти на 20 ноября — 9 декабря (между лл. 54 и 55 совр. пагинации), и было ли здесь чтение на 26 ноября, неизвестно.

Из поздних святых в сентябрьском томе 1-й редакции появляются памяти Варлааму Хутынскому († 1191 г.) и Михаилу Черниговскому (убит в 1246 г.). В ранних списках XIII–XIV вв. этих житий нет.

Древнейшие списки Пролога 2-й редакции датируются началом — первой половиной XIV в. Сентябрьские тома снова представлены полными списками,[2] а мартовские — дефектными.[3] С конца XIV в. сохранились двухтомные рукописи на оба полугодия: Спасо-Прилуцкий пролог РНБ, ОР, ПДА, А 1/264, 1–2; ГИМ, Син. 248 (начала XV в.) и Усп. № 3, 1406 г. (оба тома написаны по заказу Феодота Прусанова для церкви Бориса и Глеба, но разными писцами и, возможно, в разное время).[4] Среди прологов 2-й редакции тоже есть два, следующие архаической константинопольской традиции помещать вначале

[1] Сказания о гибели св. Глеба здесь нет. *Протасьева*. № 904.

[2] Например, РНБ ОР, Пог. 59, нач. XIV в (с миниатюрами); ГИМ, Син. 247, втор пол. XIV в. (с выходной миниатюрой); РГАДА, Тип. 153 (347), втор. пол. XIV в. См.: Кат. Пог. № 59; *Протасьева*. № 905; Кат. РГАДА XI–XIV. № 128.

[3] ГИМ, Син. 245 (март-май), Син. 246 (обрывается 1 июня), оба второй пол. XIV в. *Протасьева*. №№ 899–900.

[4] *Протасьева*. №. 906; Описание перг. рук. ГИМ. С. 211. В Усп. № 3 помещено не ПрЖ-1, а ПрЖ-3 (см. раздел 4).

тропари и богослужебные указания. Это том на сентябрьское полугодие ГИМ, Син. 247 (XIV в.) и отрывок РГАДА, Тип. 167(362) (второй половины XIV в.).[1] От последнего сохранились чтения на январь, февраль, март, но богослужебные указания есть только в мартовской части.

2-я редакция Пролога значительно превышает по объему 1-ю, она активно пополнялась все новыми русскими и славянскими памятями. Почти все русские тексты из 1-й редакции были заменены. Особенно заметна переработка майских и июльских памятей событий X–XI вв., так как эта группа текстов неизменно присутствует во всех списках Пролога 1-й редакции.

Во 2-й редакции читается новая память мучения свв. Бориса и Глеба 24 июля, тот же автор написал и отдельную память Глебу под 5 сентября. Характерная особенность обоих текстов — упоминание о пребывании мощей св. Глеба сначала в храме в Смоленске и о перенесении их в Вышгород после победы Ярослава над Святополком.[2] Эта версия была известна еще преп. Нестору, который писал в «Чтении» (1078–1081), что люди Ярослава, посланные искать мощи Глеба, ничего не нашли, а обнаружили их смольняне. Интересно, что эта проложная статья содержит самое раннее упоминание о княжении в Смоленске одного из младших сыновей Владимира, Станислава. Вместо двух рассказов о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба был написан один. Очевидно, это связано с тем, что теперь праздновали только 2 мая. Текст получился неудачным: начав с описания событий 1072 г., автор объединил два рассказа о раке Глеба. В результате получилось, что 2 мая 1115 г. мощи переносили давно почившие Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи.[3] Под 27 июня появился рассказ об исцелении свв. Борисом и Глебом в Турове больного монаха, бывшего епископского повара Мартина.[4]

---

[1] *Давыдова С. А.* Древнерусский пролог... С. 174; *Протасьева.* № 905; Кат. РГАДА, XI–XIV вв. № 125.

[2] Издано: *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 97–99, 102.

[3] Там же. С. 95.

[4] Там же. С. 199 (по списку ГИМ, Усп. 3, 1406 г.).

В 1-й редакции было два сказания о преп. Феодосии: Успение 3 мая и Перенесение мощей 31 мая. Во 2-й редакции память обоих событий помещена под 3 мая. На основе тех же источников, «Жития Феодосия» преп. Нестора и летописной статьи 1091 г., был написан совершенно новый текст. Под тем же числом, после рассказа о свв. Тимофее и Марте, помещено «Слово от жития Феодосия», составленное также по Нестору. Память освящения церкви Богородицы Десятинной в Киеве в 995 г. была исключена, зато добавили под 7 мая память преп. Антония, основателя Печерского монастыря, которой в 1-й редакции не было.

Во 2-й редакции появились две новых памяти за июль: св. княгини Ольги и варягов-мучеников, 11 и 12 числа. Среди всех списков 1-й редакции только в Прологе РГАДА, Тип. 173 (368), первой половины XIV в., есть житие св. Ольги.[1] Очевидно, оно было специально внесено из какого-то списка 2-й редакции. Житие варягов настолько близко летописному тексту, что можно было бы говорить, что оно на нем и основано, если бы не одна особенность. В Прологе нет ошибочного сообщения о том, что на месте гибели варягов была построена церковь Богородицы Десятинной. На самом деле здесь был языческий курганный могильник X в. Житие восходит явно к тексту, предшествовавшему Начальному своду и «Повести временных лет».

Житие св. Ольги расходится с летописью еще серьезнее. Здесь утверждается, что сразу после смерти Игоря правила не св. Ольга, а сам Святослав. Следовательно, он был не ребенком, а взрослым человеком. В соответствии с этим сказано, что княгиня прожила 75 лет (она умерла в 969 г.). В преданиях о св. Ольге не говорилось, кто был императором, когда она ездила в Царьград в 957 г. В Начальном своде, в Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет» и в Прологе сказано, что это был Иоанн Цимисхий (969–976), на самом деле противник Святослава в войне за обладание Болгарией. В Начальном своде это имя вообще не упоминается, в «Повесть временных лет» оно вошло в тексте договора Святослава с императором. Видимо, в преданиях о Святославе Цимисхий упоминался, и отсюда

[1] Издано: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 7–8.

его имя попало в рассказ о путешествии св. Ольги. Современником княгини был Константин VIII Багрянородный (913–959). Из его сочинения «О церемониях византийского двора» мы достоверно знаем, что она ездила в Константинополь и действительно была тогда главой государства.[1] Имя Константина внесли только в последнюю редакцию «Повести временных лет» (Ипатьевскую).

Упоминание в Проложном житии Цимисхия можно объяснить влиянием летописи, но ошибочное известие о том, что Ольгу крестил патриарх Фотий, уникально.[2] Мы подробно рассмотрим его в Гл. 4. 1. Агиограф пишет только о деревянной раке, в которую извлеченные из могилы останки княгини были помещены Владимиром, и не упоминает о каменной. Она описана в поздней похвале св. Ольге, вставленной в «Память и похвалу Владимиру» Иакова Мниха (Гл. 2. 3). Вероятно, в каменную раку мощи княгини были перенесены в связи с ее прославлением как святой, а незадолго до этого было написано и житие.[3]

Составитель Пролога 2-й редакции дважды соединил вместе памяти разных дней, одну память (освящения церкви Богородицы) убрал совсем, зато добавил одно дополнительное чтение преп. Феодосию на 3 мая и внес четыре новых памяти: преп. Антония, игумена Печерского, исцеления Мартина-мниха, св. Ольги и варяговмучеников. Единственный текст, который остался почти без изменений — это память св. Владимиру, что само по себе заслуживает внимания.

Три жития из Пролога 2-й редакции, св. княгини Ольги, варяговмучеников и св. Владимира, вошли в сборник смешанного состава — Синайский палимпсест XIII в. Это среднеболгарская рукопись, на-

---

[1] Полемику о поездке св. Ольги и времени ее крещения см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 217–310; *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 154–213.

[2] Упоминание Фотия впервые отмечено: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 31–32; текст: с. 7 (втор. паг.).

[3] Н. И. Серебрянский относил его к послемонгольскому времени, но это предположение опровергается наличием списка сер. XIII в.

писанная на пергамене, с которого были смыты теперь не читаемые тексты: греческий (РНБ ОР, Греч. 70), глаголический (Q. п. 1. 64) и кириллический русского извода (Q. п. 1. 63). Изначально сборник включал апокрифы, слова свв. отцов и жития.[1] То, что русские жития скопированы из Пролога, не вызывает сомнений, сохранились даже даты и характерные заголовки.[2] Между сказаниями о русских святых (Q. п. 1. 63) и Чудом св. Николы об Агриковом сыне Василии (Q. п. 1. 64) было переписано «Слово о мудрости душевной» (начало на последнем листе Q. п. 1. 63). Часть сборника по-прежнему хранится на Синае в монастыре св. Екатерины.[3] Чудо св. Николы было переведено с греческого и известно в многочисленных русских списках, древнейший: РНБ ОР, F. п. 1. 46, XII в.

Памяти свв. Ольги, варягов-мучеников и Владимира в Прологе идут практически подряд: 11, 12 и 15 июля. В Синайском палимпсесте нет мучения свв. Бориса и Глеба 24 июля. Но в протографе сказание о них могло помещаться не под 24 июля, днем мученичества, а под днем перенесения мощей 2 мая. Например, в Успенском сборнике XII–XIII вв. «Сказание, и страсть, и похвала святою мученику Бориса и Глеба» вместе со «Сказанием чудес» помещены под 2 мая, а за ними под 3 мая следует житие преп. Феодосия, написанное преп. Нестором.[4] Кроме того, Синайский палимпсест разделен на части, и нельзя быть уверенным, что памяти Борису и Глебу вообще не было в сборнике.

Пролог 1-й редакции сохранился в рукописях XIII в., но, как видно из выписок в Синайском палимпсесте, в это время бытовала уже и 2-я редакция. Две редакции русского Пролога были впервые выде-

---

[1] *Загребин В. М.* О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая/ /Из истории рукописных и старопечатных собраний. Л., 1979. С. 66–72; *Он же.* Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006. С. 215–231.

[2] *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Указ. соч. С. 292–294.

[3] СК. № 166, 304–305; СК-2. Приложение 1. С. 567.

[4] Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпов. М., 1971.

лены архиеп. Сергием,[1] и до сих пор все придерживаются этого деления, хотя взгляды на их соотношение менялись. Как следует из работ Е. А. Фет и С. А. Давыдовой, Прологи архаической традиции можно разделить на две группы. Первую составляют те, которые сохранили первичное деление на две части: житийную и учительную. Это — Соф. 1324 (конца XII в.) и Прологи 1-й редакции XIV в. РГАДА, Тип. 171 (366) на мартовское полугодие и ГИМ, Ув. 83 на сентябрьское. Соф. 1324 занимает уникальное положение: учительная часть была специально дописана в 1250-х гг. пономарем Тимофеем, а в житийной имеются тропари и богослужебные указания.

Вторая группа Прологов, с тропарями и богослужебными указаниями, включает тома XIII–XIV вв. обеих редакций на сентябрьское и мартовское полугодия. Она представлена списками: Соф. 1324; Прологи 1-й редакции: Лобковский, F. п. 1. 47, Соф. 1325, БАН 4. 9. 31; 2-й редакции: Син. 247 и Тип. 167 (362). Богослужебные указания и тропари относятся только к византийским праздникам. При этом они не совпадают, разнятся и подборы памятей восточных святых. Это говорит об обращении к различным греческим Синаксарям и уставам в качестве источника.[2] Группы майских и июльских русских чтений в 1-й и во 2-й редакции Пролога всегда отличаются. Как мы видели, они не развивают одна другую, а как будто существуют параллельно.

Периодизацию редакций Пролога можно сделать только на основе анализа всех русских и славянских текстов, а не только тех, которые относятся к истории XI в. Однако некоторые важные для данного исследования выводы можно сделать и на этом этапе. Е. А. Фет предположила, что на самом деле 2-я редакция хронологически предшествовала 1-й. Составление 2-й редакции она связала с деятельностью выдающегося писателя преп. Кирилла Туровского. На самом деле некоторые проложные чтения послужили источником для этого выдающегося церковного писателя.[3] О тесной связи составителя 2-й редакции

[1] *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Владимир. 1901.

[2] *Давыдова С. А.* Византийский синаксарь... С. 67–68.

[3] *Фет Е. А.* Пролог//СККДР XI–XIV вв. С. 378–379. Ср.: *Со Сон Джонг.* Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи

с Туровом свидетельствуют тексты тех сказаний, которых нет в 1-й редакции.

В дополнительном чтении на 3 мая, «Слове от жития Феодосия», рассказывается в числе прочего о его отношениях с тогдашним киевским князем Изяславом Ярославичем. Автор не упоминает об их разногласиях, а пишет только о молении Феодосия за князя и упоминает о его потомках: «Въ время же его бысть благочестивыи, христолюбивыи князь Изяславъ, отечь Святополчь, дѣдъ Ярославль, прадѣдъ благовѣрнаго нищелюбьца и милостиваго князя Георгия». Юрий Ярославич, князь Туровский, последний раз упоминается в Киевской (Ипатьевской) летописи XII в. под 1167 г. в связи с браком его дочери Малфрид и Всеволода, сына Ярослава Изяславича Луцкого. Под следующим годом князь Туровский Иван Юрьевич определен уже как внук Ярослава Святополчича. Возможно, его отец Юрий Ярославич уже умер. Второй его сын, Ярослав Пинский, упоминается под 1183 г. как участник похода на половцев. За дружинников этого Ярослава принимает свв. Бориса и Глеба больной монах Мартин, которого они исцеляют в Турове (чтение на 27 июня). Это позволяет немного уточнить время работы над 2-й редакцией. Она должна была начаться не позже конца 1160-х гг., когда Юрий Туровский еще был жив.

Помимо туровских дополнений во 2-й редакции есть и смоленские. Это известия о пребывании мощей св. Глеба в этом городе до переноса в Вышгород, вставленные в чтения под 24 июля и 5 сентября. Кроме того, во 2-ю редакцию был внесен целый ряд местных Владимирских праздников. Это памяти святителям Леонтию и Исаие Ростовским, а также празднование 1 августа победы Андрея Боголюбского в 1164 г. над болгарами (Спасо-Прилуцкий пролог). Таким образом, можно говорить о собирании в рамках этой редакции местных традиций благочестия.

Память св. Владимиру присутствует неизменно в обеих редакциях Пролога, притом в разных видах. На этом основании можно с уверенностью утверждать, что официальное почитание крестителя Руси

(Пролог как источник произведений Кирилла Туровского): Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2002.

как святого начинается не позже 1160-х гг. Временем составления Пролога, последней четвертью XII в., датирует составление ПрЖ и Б. М. Клосс.[1]

Сказание о свв. Борисе и Глебе из Пролога 1-й редакции основано на Древнейшем своде. Во 2-й редакции Пролога к нему же восходит сказание о варягах-мучениках (см.: Гл. 2. 3). Можно было бы предположить, что и в случае с ПрЖ агиограф воспользовался Древнейшим сводом для рассказа о крещении киевлян. Но в нем он еще не мог найти Корсунскую легенду. Как мы увидим дальше (Гл. 4. 3), в ПрЖ она вошла в первоначальном варианте, отличном от того, что читается в Начальном своде и «Повести временных лет». Если предположение о составлении ПрЖ в 1160-е гг. верно, то почему агиограф взял за образец похвалу Ярославу и ничего не заимствовал из обширной похвалы Владимиру под 1015 г.? На этот вопрос можно дать два ответа. Во-первых, автор проложных житий сознательно не использовал поздние летописные варианты. Это видно по сказаниям о свв. Борисе и Глебе в 1-й редакции и о варягах-мучениках во 2-й редакции. Они оба составлены по Древнейшему своду 1030-х гг. Во-вторых, и это более вероятно, он мог использовать целиком или с небольшими сокращениями появившееся во второй половине XI в. житие св. Владимира.

В ПрЖ-2 из 1-й редакции Пролога Владимир именуется «блаженным» только в заголовке, но не в тексте. В ПрЖ-1 из Пролога 2-й редакции он так поименован один раз в похвале (в заголовке назван святым). Но в обоих, ПрЖ-1 и ПрЖ-2, одинаково упоминаются молебные песни, которыми празднуют его память. Служба св. Владимиру могла появиться в XI в.,[2] хотя его культ не пользовался тогда широкой популярностью.

Свидетельством позднего включения памяти Владимира в Прологи считалось то, что ее нет в южнославянских Синаксарях. Рассмотрим подробнее состав русских памятей.

---

[1] *Клосс Б. М.* Жития князя Владимира//Письменные памятники... С. 199–201.

[2] *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 67–73.

Память св. Глеба 5 сентября из Пролога 1-й редакции была переписана в сербских годовых Прологах: ГИМ, Ув. 70 (XIII — начало XIV в.) и ГИМ, Хлуд. 189 (XIV в.),[1] а также в болгарском Тырновском прологе 1339 г. (РНБ ОР, Пог. 58). Житие в южнославянских списках имеет ряд отличий. Глеб ехал увидеть не своего брата Бориса, а гроб своего отца; в тексте сохранились пропущенные в Лобковском и других Прологах указания на то, что тело бросили между двумя колодами, а Ярослав узнал об этом от пастухов («Божественнымь проявлениемь отъ пасущихъ»). Для Ув. 70 были написаны особые статьи на 2 мая (перенесение мощей свв. Бориса и Глеба) и 24 июля (их мучение).[2] В Тырновском прологе под 2 мая только указано заглавие «Страсть святою мученику Рускую царю Бориса и Глѣба». В Хлуд. 189 память 2 мая не вошла, а под 24 июля читается текст, характерный для сербских Прологов РГБ ОР, ф. 256 (Рум.), № 319 (XIV в.) и Лесневского 1330 г. (Белград, САНУ, бр. 53).[3] В русских Прологах он не встречается.

В Хлуд. 189, Рум. 319, Лесневском и Тырновском прологах есть память св. княгини Ольги. Редакция отличается от русской,[4] но, возможно, составлена на ее основе. Под 15 апреля встречается память праправнука Владимира Мстислава Владимировича Великого (Ув. 70, Хлуд. 189, Рум. 319, Лесневский), который, как уже говорилось, потом не почитался святым.[5]

---

[1] Издано: *Абрамович Д. И.* Жития... С. 101–102.

[2] *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 104, 100; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 163 (24 июля).

[3] *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 99–100; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 164.

[4] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 6–7.

[5] *Павлова Р.* Культ святого великого князя Мстислава у южных славян (Материалы) // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2003. С. 76–94. Все русские жития из Лесневского пролога см.: *Ламанский В. И.* О некоторых славянорусских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. СПб., 1864. С. 111–113.

В южнославянских Прологах есть также память преп. Феодосию Печерскому, которая отличается от обеих известных в древнерусской письменности редакций.[1]

Источник южнославянских прологов определить довольно сложно. Чтения св. Глебу 5 сентября и Мстиславу происходят из 1-й редакции. Память св. Ольге читается во 2-й редакции, память св. Владимиру неизменно входила в обе, но именно ее нет. Видимо, в основу общего источника южнославянских Прологов лег какой-то особый список времен активного формирования текста 2-й редакции. Случайно в нем отсутствовала память св. Владимира или была изъята намеренно, выяснить невозможно.

4. Младшие виды и редакции Проложного жития

ПрЖ-2 дало начало целой группе переработок, которые встречаются не только в поздних списках Пролога 2-й редакции, но и в минеях и сборниках.[2]

Вторая редакция ПрЖ-2 встречается в составе особой подборки после Краткой редакции «Памяти и похвалы» (так называемого Древнего жития) Иакова Мниха: РГБ, ОР, ф. 256 (Рум.), № 434 и ф. 304 (Тр.), № 792 (1572 г.), РНБ, ОР, F. 1. 257, Пог. 949 и Соф. 1419.[3]

Заглавие: «Похвала благовѣрному князю Владимеру, нарѣченному во святомъ крещении Василию».

Начало: «Сеи бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжьска...».

Конец: «...ея же трапезы сподобимся и мы, недостойнии кающеся о съгрѣшенияхъ своихъ».

---

[1] Издано: *Сперанский М. Н.* Житие преп. Феодосия Печерского // ЧОИДР. 1913. Кн. 1. С. 55–71. См. также: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 17–20.

[2] *Шахматов А. А.* Корректура... С. 21–30.

[3] ПрЖ-2 2-й редакции по списку Тр. 792 издано в вариантах: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 14–16.

Отличается небольшими добавлениями: после «обрящу учителя» добавлено «да иже могущаго ми исповѣдати о истиннѣи вѣрѣ», «священници» вместо «прозвутеры»; «украсивъ сребромъ и златомъ» вместо «удививъ» о церкви Богородицы; известия о том, что св. Владимир прожил 28 лет после крещения.

Третья редакция ПрЖ-2 известна в одном списке РГБ ОР, ф. 310 (Унд.), № 1306. Ее выделение представляется сомнительным, так как она отличается очень незначительно.

ПрЖ-3 А. А. Шахматов назвал переработку ПрЖ-1. Она встречается в ряде списков Пролога 2-й редакции.

Старший список: упомянутый двухтомный Пролог начала XV в., мартовское полугодие, ГИМ, Усп. № 3, 1406 г.[1] Кроме того, этот текст был включен в Великие Минеи Четьи митрополита Макария. См., например: РНБ, ОР, Соф. 1323, лл. 113–113 об.

Заглавие: «Успение блаженнаго и великаго князя Владиммира, крестившаго землю Рускую».

Начало: «Вълодимеръ благочестивыи бысть сынъ Святославль от племене варяжьска...».

Окончание: «...ея же трапезы сподобимся и мы, грѣшнии и недостойнии кающеся о съгрѣшенияхъ своихъ».

Другие характерные отличия: название церкви на месте крещения убрано совсем, а вместо этого написано: «И тъ благочестивыи князь Володимеръ, иже бысть первыи ходатаи нашему спасению»; о повелении ставить церкви сказано: «...посылая прозвитеры, крестящи люди во имя Отца и Сына и Святаго Духа», о церкви Богородицы уточнено, что ее поставили «на горах».

[1] Издано в разночтениях: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 14–16. Текст по списку Пролога XVI в. РНБ ОР. F. 1. 495: *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Указ. соч. С. 303–308, под строкой.

Распространенное проложное житие было так названо А. И. Соболевским.[1] Н. И. Серебрянский назвал его «Легендарно-проложным». К обычному тексту ПрЖ-2 добавлены фрагменты из особого рассказа о взятии Корсуня, который в более полном виде сохранился в составе Особого (Легендарного) жития из Плигинского сборника (см. раздел 7).

Распространенное проложное житие было опубликовано А. И. Соболевским по списку XV в. РГБ, ОР, ф. 256 (Рум.), № 435. А. А. Шахматов указал еще два списка: РГБ, ОР, ф. 113 (Волок.), № 654 и ГИМ, Син. 639 (оба XVI в.).[2]

В основу положено ПрЖ-2: сохранились характерные чтения: «церковь Петрова»; «растерзавъ льстное тьрние». Списки Рум. 435 и Син. 639 ближе к тексту ПрЖ-2.

Текст ПрЖ-2 был дополнен историей дочери Корсунского князя, совпадающей в целом с рассказом Особого жития. За сообщением о постройке церкви Богородицы помещена выписка из летописной статьи 996 г. (в списке Вол. 654 отсутствует). Создатель этой редакции добавил сообщение, что Владимир после крещения прожил 28 лет. Оно может происходить из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха или из «Сказания, и страсти, и похвалы святую мученику Бориса и Глеба».

ПрЖ-4, непосредственный источник текста в печатном Прологе 1654 г., появляется в XVII в. Было известно А. А. Шахматову в единственном списке РНБ, ОР, F. I. 262.[3]

Заглавие: «Успение великаго князя Владимира Киевскаго, крестившаго всю землю Рускую».

Начало: «Сеи великий царь Владимир бяше сынъ Святославль отъ племенѣ Варяжьска...».

---

[1] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 30–32.

[2] Там же. С. 33–34; *Шахматов А. А.* Корректура... С. 62–66. Волоколамский список отдельно опубликован в книге: *Карпов А. Ю.* Указ. соч. С. 435–437. Шифр указан Вол. № 652, но все особенности сходны с подготовленным А. А. Шахматовым к печати № 654.

[3] *Шахматов А. А.* Корректура... С. 37–40.

Конец: «...и мы грѣшнии, недостинии, каящеся о своихъ съгрѣшенияхъ».

Отличается новыми чтениями: о прозрении св. Владимира сказано: «отпадоша якоже чешуя от очию» (это добавление есть также в 3-м Распространенном (Чудовском) виде жития); церковь на месте крещения названа «святую мученику Бориса и Глѣба».

5. Обычное житие св. Владимира

Так называемое Обычное житие Владимира очень близко ПрЖ. Название впервые дано А. И. Соболевским, опубликовавшим текст памятника по списку РГБ, ОР, ф. 228 (Писк.), № 142, бывш. Румянц. муз. 577 (Торжественник XV в.). И он, и Н. К. Никольский полагали, что Обычное житие было источником ПрЖ.[1] А. А. Шахматов и Н. И. Серебрянский, наоборот, считали первичным ПрЖ.[2] Н. И. Серебрянский называл Обычное житие «Летописно-проложным».

А. И. Соболевский, Н. К. Никольский и Н. И. Серебрянский выделяли краткую (первую) редакцию Обычного жития, первоначальную по отношению к распространенной (второй), прежде всего к тексту из сборника, написанного «изысканием Матвея Кусова» в Новгороде в 1414 г. (о сборнике см. раздел 2; о житии из этого сборника см. раздел 6). У Н. К. Никольского она сначала названа «редакцией Б, разновидностью а», но потом он называет ее исключительно «редакцией А, разновидностью а». «Редакцией Б» названо житие из сборника 1414 г.[3] А. А. Шахматов также писал о кратком и о распростра-

[1] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 9–12, 24–28; *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка... С. 239–242.

[2] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 27–28, 30–32; *Он же.* Корректура... С. 1; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 59–61.

[3] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире//ХЧ. 1902. Т. 2. Ч. 1, июль. С. 89–106; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 59–62.

ненном видах Обычного жития (всего он выделил шесть редакций Распространенного вида).[1]

Г. Подскальски, суммируя данные о житиях св. Владимира, сначала рассматривает «Анонимное *Житие* в своей пространной редакции». Как видно из содержания, он имеет в виду текст из сборника Матвея Кусова. Далее он разбирает «Краткую редакцию» и указывает в скобках второе название — «Обычное житие».[2]

В справочнике «Письменные памятники...» (статья была написана Б. М. Клоссом) указаны краткая и распространенная редакции Обычного жития. Единственный пример последней — текст из сборника Матвея Кусова.[3]

Для удобства впредь мы будем отдельно рассматривать Обычное житие св. Владимира (далее: ЖВ) и его переработки — Распространенные жития св. Владимира (далее: РасЖВ).

Продолжая наблюдения А. И. Соболевского, А. А. Шахматов выделил две редакции ЖВ и указал ряд новых списков. Разница между ними невелика. У Н. К. Никольского рукописи краткого вида Обычного жития указаны вперемежку с распространенным, хотя именно он привел доказательства его вторичности (см. раздел 6).[4]

Заглавие ЖВ значительно варьируется от списка к списку. Оно может быть названо «Память», «Слово» или традиционно как ПрЖ-1 «Успение». Владимир может быть назван «святыи», «благоверныи», «равноапостоломъ». В большинстве списков заглавие заканчивается словами «нареченнаго в святемь крещении Василья».

Начало ЖВ повторяет ПрЖ-2: «Сь бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжска князь Володимиръ». (Ср. в ПрЖ-1: «Сь убо Володимиръ бѣ сынъ Святославль отъ племени Варяжьска».)

---

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 24–26, 30–33; *Он же.* Корректура... С. 78–92.

[2] *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 202–205.

[3] *Клосс Б. М.* Жития св. Владимира // Письменные памятники... С. 199–201.

[4] *Шахматов А. А.* Корректура... С. 87–92; *Никольский Н. К.* Материалы... С 252–252.

Конец ЖВ представляет собой переработку последних фраз из литургического обращения к св. Владимиру в ПрЖ. Здесь текст заканчивается: «...**възоравъ крещениемь всю землю и наставъ святыми книгами, от нихъ же** жнуть русьстии сынове полезныя рукояти покаяния. Друзии же ядять нескудну пищю въ Царствии Небеснѣмь, ея же трапезы сподобим ся и мы недостоинии, кающеся о своихъ съгрѣшениихъ». В ЖВ читается: «...**възоравъ крещениемь всю землю и наставъ святыми книгами, отъ нихъ же** насыщаються вѣрнии и приемлють царство небесное о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава...».

Частично совпадая с ПрЖ, ЖВ многое самостоятельно заимствует из летописи и, кроме того, приводит отсутствующие в других источниках существенные подробности. Из ПрЖ выписано начало, где говорится о почитании Владимиром идолов, а затем о его поисках новой веры по «вдохновению благодати Святого Духа». На этом полное тождество заканчивается. ПрЖ лишь упоминает о том, что Владимир «посла къ всемъ языкамъ, испытая законъ ихъ, како вѣрують», а в ЖВ читается заимствованный из летописи подробный отчет послов Владимира о поездке в Волжскую Болгарию, Германию и Царьград. Предшествующий летописный рассказ о пребывании в Царьграде в ЖВ сильно сокращен и переработан, зато добавлено, что послы провели там восемь дней.

В ЖВ представлен не первоначальный вариант летописного текста. В Начальном своде и «Повести временных лет» послы Владимира именуются «мужи», «мужи добры и смысленны», «послании нами мужи». В ЖВ они — «слуги». Такая замена могла быть произведена только тогда, когда понятие о княжеских мужах ушло из повседневной жизни. А. И Соболевский отметил дальше замену «дружины» «боярами», перевод устаревшего «рѣнь» в рассказе о низвержении идола Перуна словами «берегъ» и «гора». По его мнению, это указывает на XIV в.[1]

В ЖВ, как и в ПрЖ, есть мотивировка похода на Корсунь, совпадающая с «Памятью и похвалой», хотя помещена она в другое место. В ПрЖ князь, узнав о греческой вере, решает: «Сице да сътворю, по-

[1] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 11.

иду въ землю ихъ, и пленю грады ихъ, и обрящу ту учителя». В ЖВ эта фраза вставлена в заимствованный из летописи рассказ о походе: «Умысли бо в собѣ: "Попленю градъ ихъ, и обрящу учителя"». Отдельные фрагменты рассказа о корсунских событиях, где летопись сочетается с ПрЖ, хорошо показывают, какой текст был первичен.

В ЖВ сказано, что Владимир осаждал Корсунь шесть месяцев, а крестился в церкви св. Иакова. В память этого события была поставлена церковь св. Василия. Во всех редакциях «Повести временных лет» и в Начальном своде (в составе Новгородской 1 летописи младшего извода) эти храмы имеют разные посвящения. Сроки осады ни одна летопись не называет. Церковь св. Василия упоминается в Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет» в качестве храма, где князь крестился. В Начальном своде говорится о церкви св. Василиска. Кому был посвящен построенный в Корсуне храм, в этих летописях не сказано. Церковь св. Иакова упомянута в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи, а оттуда эти сведения перешли в Общерусский митрополичий свод (Софийскую 1 летопись) и все производные от него тексты. Но эта подборка была завершена в 1411 г., когда ЖВ уже существовало, и скорее оно повлияло на летопись, а не наоборот.

В ПрЖ сказано, что по приходе в Киев Владимир уничтожил идолов Перуна, Хорса, Дажьбога и Мокоши. Иаков Мних в «Памяти и похвале» упоминает только Перуна и Хорса, летопись рассказывает об одном Перуне, а ЖВ сообщает еще и о судьбе идола Волоса, которого сбросили в Почайну. В ЖВ, как и в ПрЖ, говорится о крещении в Почайне, но храм, построенный на этом месте, вообще не упоминается. Сам рассказ о крещении выписан из летописи.

Далее из летописной статьи 991 г. выписан рассказ о строительстве церкви Богородицы. О милосердии св. Владимира говорится приблизительно так же, как и в летописной статье 996 г. Сообщение о смерти князя и заключение выписаны полностью из ПрЖ-2.

А. А. Шахматов полагал, что ЖВ основывалось, кроме ПрЖ и летописи, на каком-то особом источнике, откуда агиограф заимствовал сообщения о сроке пребывания русского посольства в Константинополе (восемь дней), о продолжительности осады Корсуня (шесть месяцев), о крещении Владимира в церкви св. Иакова, а не св. Василия, и об идоле

Волоса.[1] Этот источник был неизвестен составителю ПрЖ. Все сообщения об идолах он заимствовал из рассказа о вокняжении Владимира. Если бы в его распоряжении был источник ЖВ, то он бы выписал и известие о Волосе, ведь агиограф специально интересовался этим вопросом.

А. И. Соболевский датировал модернизацию летописных фрагментов в составе ЖВ временем не раньше XIV в. Вероятно, составление ЖВ было вызвано повсеместным установлением почитания св. Владимира. Это произошло не позже 1311 г., когда в Новгородском кремле на воротах был построен первый известный нам храм св. Владимира. Видимо, ЖВ было написано на основе ПрЖ-2 в начале XIV в.

6. Распространенные жития св. Владимира

ЖВ стало в конце XIV–XV вв. основой для целой серии переработок. Их распространение в рукописной традиции и степень известности среди средневековых редакторов и современных исследователей совершенно различны. Всего А. А. Шахматов выделил шесть редакций распространенного вида. Каждая серьезно отличается от других, поэтому, следуя классификации А. А. Шахматова, в дальнейшем указываются отдельно 1-й Распространенный вид ЖВ, 2-й Распространенный вид ЖВ и т. д.: РасЖВ-1, -2, -3, -4, -5, -6 (все тексты имеются в Корректуре). Корректура обрывается на последнем тексте; таким образом, рассмотрены остались не все известные к тому времени редакции.

РасЖВ-1 по списку РГБ, ОР, ф. 310 (Унд.), № 643. Как раннюю переработку ЖВ текст указал А. А. Шахматов. Начало соответствует ЖВ до слов «крестите мя» в обращении к присланным в Корсунь священникам. Далее следует без изменений текст ПрЖ-2. Н. И. Серебрянский считал ее обыкновенным ПрЖ.[2]

---

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 27–29.

[2] *Он же.* Корректура... С. 109–113; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 14–16.

Заглавие: «Память благовѣрнаго князя Владимера, нарѣченнаго во святомъ крещении Василия».

Начало: «Сеи бысть сынъ Святославль отъ плѣмени Варяжьска князь Владимеръ».

Конец: «...Ея же трапезы сподобимся и мы недостиныи, кающеся о съгрѣшении о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава и держава нынѣ и присно и во вѣкы вѣковъ».

Характерные чтения восходят к ПрЖ-2.

РасЖВ-2 А. А. Шахматов назвал переработку, известную в списках ГИМ, Муз. 207, л. 115–119 (кон. XV в.)[1] и БАН Литвы, ОР, № 105/109 (XVI в.) И он, и Н. И. Серебрянский считали ее очень ранней. Н. И. Серебрянский назвал ее южнорусской, так как текст ЖВ правился и дополнялся по Ипатьевской редакции «Повести временных лет».

Заглавие: «Мѣсяца июля в 15 день. Память благовѣрнаго и князя Владимира, нареченнаго въ святомъ крещении Василиа. Благослови, отче».

Начало: «Сьи бысть сынъ Святославль отъ племене Варяжска князь Владимиръ...».

Конец: «...и наставъ святыми книгами, отъ нихъ же насыщаються вѣрнии и приемлють царство небесное о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава».

РасЖВ-3 А. А. Шахматов назвал **Чудовскую** редакцию, на важность которой он указал еще в 1908 г. Н. И. Серебрянский назвал ее **Западнорусской**, так как она входила в сборник белорусского происхождения (ГИМ, Чуд. 62/264, сер. XVI в.). Н. К. Никольский указал ее как «редакцию А, разновидность б» жития св. Владимира.[2] Текст был издан единственный раз в 1889 г.[3]

---

[1] Издано: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 17–21.

[2] *Никольский Н. К.* Указ. соч. С. 239, 242; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 33–36; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 63–64.

[3] *Попов А. Н.* Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым/Под ред. М. Н. Сперанского. М., 1889. № XIX. С. 33–41.

Заглавие: «Житие благовѣрнаго князя Владимера».

Начало: «Блаженыи се князь Владимиръ бысть сынъ Святославль от племене Варяжьска...».

Конец: «...и наставъ ю божественными книгами, отъ нихъ же насыщаються вѣрнии и приемлють царство небесное о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава, честь и покланяние с Безначальнымъ Отцомъ со Пресвятымъ Благымъ Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣкы вѣковъ. Аминь».

Редактор распространил и дополнил текст ЖВ своими соображениями, которые иногда выделял словами «спроста рещи». Среди добавлений есть характерные, противопоставляющие текст всем остальным редакциям. В рассказе об исцелении Владимира в Корсуне сказано: «отпадоша же отъ очию его, яко и чешюя». Н. И. Серебрянский указал, что это цитата из рассказа о прозрении апостола Павла (*Деян.* 9: 17).[1] Анастас назван епископом в сообщениях о возвращении из Корсуня и об освящении Десятинной церкви, которая определена как Успенская. Холм, на котором стоял идол Перуна, и где Владимир построил церковь св. Василия, назван «гора рекомая Ликофросъ». Последнему определению А. А. Шахматов придавал большое значение, считая, что оно появилось в среде греческого клира Десятинной церкви. С. П. Шестаков показал, что это действительно греческое слово, искаженное Λυκείου θρόνος или ὄρος, где «Ликейский» — эпитет Аполлона, перенесенный на Перуна, и все вместе означало «Ликейская (Аполлонова) гора». Но Н. И. Серебрянский считал, что это скорее претензии на ученость русского книжника, чем реальное именование идола греческими клириками. Определение Перуна как Аполлона встречается в «Слове о том, како крестися Володимеръ возмя Корсунь» (см. раздел 8). Впрочем, в Московском распространенном ЖВ «Аполосъ» вставлено вместо «Велесъ» в рассказе о свержении его идола в Почайну.

РасЖВ-4 — житие из сборника Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинского, о рукописях см. раздел 2). А. А. Шахматов опре-

[1] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 63.

делил его как 4-й вид Распространенного жития св. Владимира. Этот текст насчитывает наибольшее количество списков по сравнению с остальными видами Распространенного жития. РасЖВ-4 встречается только в составе цикла из рукописи Матвея Кусова: «Памятью и похвалой» Иакова Мниха и «Словом о законе и благодати» Илариона 3-й редакции. Всего известно (по рукописям и изданиям) 13 списков цикла на 15 июля, из них 3 (Сахаровский, Болотовский и РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637) неполные — без «Слова» Илариона. О рукописях и изданиях см. раздел 2.

В исследованиях и справочниках этот текст встречается под разными названиями. Распространенной или Пространной редакцией Обычного жития оно названо А. И. Соболевским (без указания других распространенных редакций), а Н. К. Никольским — «редакцией Б» или «второй редакцией».[1] Г. Подскальски называет этот текст «Анонимное *Житие* в своей пространной редакции».[2] В справочнике же «Письменные памятники...» оно указано как единственный пример Распространенной редакции Обычного жития.[3]

РасЖВ-4 может встретиться в исследованиях под названиями: «Житие Владимира» Иакова, Иаковлево житие, Древнее житие. В таких случаях ссылка обычно дается на издания Вс. И. Срезневского, преосв. Макария и А. А. Зимина (два последних сделаны по рукописям, где отсутствует «Слово» Илариона).[4] Такая путаница вызвана, во-первых, тем, что в РасЖВ-4 вместо традиционного начала, совпадающего с ПрЖ, читается начало «Сказания, и страсти, и похвалы свв. муч. Борису и Глебу».[5] В XIX в., основываясь на свидетельстве Иакова Мниха, что он написал какое-то житие свв. Бориса и Глеба,

---

[1] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 9–12; *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках... С. 89–106; *Он же.* Материалы для повременного списка... С. 239–242; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 24–25.

[2] *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 202–205.

[3] *Клосс Б. М.* Жития св. Владимира / / Письменные памятники... С. 200.

[4] *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника ... С. 302–369; *Он же.* История... С. 264–268; *Срезневский Вс. И.* Указ. соч.; *Зимин А. А.* Указ. соч.

[5] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках... С. 102–103, 106.

ему приписывали «Сказание и страсть» и называли его «Иаковлевым сказанием» о свв. Борисе и Глебе (сейчас обычно называют Анонимным). Во-вторых, РасЖВ-4 не только имеет общее со «Сказанием и страстью» начало, но и во всех списках цикла на 15 июля, кроме сборника 1414 г. и непосредственно связанных с ним Сол. 518/537 и МДА 198, переписывается вслед за «Памятью и похвалой». Поэтому его иногда тоже приписывали Иакову Мниху. Н. И. Серебрянский называл житие из рукописи 1414 г. «псевдо-Иаковлевым».[1] Так как в списках РНБ, ОР, Соф. 1424 и в зависимом от него Болотовском, по которому и издавал житие преосв. Макарий, оно озаглавлено «Испытание блаженаго князя Владимера», иногда текст встречается под названием «Испытание».

Заглавие: «Житие блаженаго Владимера».

Начало: «Сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтъ...».

Конец: «...да вси вкупѣ возможете Господа умолити с помощью силы креста честнаго и съ молитвами Пречистыя Богородица Госпожа нашея и съ всѣми святыми».

В основе РасЖВ-4 лежит текст ЖВ, дополненный по различным источникам. Вступительная фраза, как уже было сказано, заимствована из «Сказания, и страсти, и похвалы...» свв. Борису и Глебу (Анонимного). Затем следует рассказ ЖВ об изучении службы, взятии Корсуня и сватовстве к Анне от слов «Ходиша же слугы его в болгары, и в немци...» до слов «...и приидоша въ Корсунь». Здесь в текст внесено второе изменение. Вместо сообщения о том, что у Владимира разболелись глаза, просто сказано: «А Володимеръ разболѣся». Дальше опять продолжается текст ЖВ, составленный из ПрЖ и летописи. Весь рассказ о крещении самого князя в Корсуне, крещении киевлян и строительстве киевской церкви Богородицы совпадает с ЖВ от слов «Епископъ же съ попы корсуньскыми...» до слов «И многы створи добродѣтели».

Составитель РасЖВ-4 намеренно убрал упоминание о слепоте, поразившей князя, хотя оно имеется во всех житиях и летописи. И в описание крещения Владимира в Корсуне тоже внесено изменение:

[1] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 59–62.

«...и абие цѣлъ бѣ отъ язвы». Упоминание о «неисцѣлныя болѣзни», а не о слепоте, впервые появляется в рассказе о крещении из преамбулы Устава Владимира Волынской редакции.[1] В отличие от всех прочих, эта редакция открывается большим рассказом о принятии Владимиром христианства. Все списки восходят к Волынской Кормчей 1286 г. Вероятно, она тоже была источником РасЖВ-4. И на редактора Устава, и на агиографа несомненно повлиял рассказ о крещении равноап. Константина, с которым постоянно сравнивали князя.[2]

За словами: «И многы створи добродѣтели» в ЖВ следует совпадающее с ПрЖ сообщение о смерти князя и похвала ему. В РасЖВ-4 рассказ о смерти Владимира выписан из летописи от слов: «Умре же на Берестовѣмь...» до слов: «...и плакашеся по немь боляре, аки заступника, убозии яко кормителя».

Обычную похвалу Владимиру из ПрЖ в РасЖВ-4, по наблюдениям Н. К. Никольского, заменяет окончание Сказания о русской грамоте. Полный текст Сказания о русской грамоте встречается только в особой компиляции, известной как в составе Прибавления к Полной Хронографической Палее,[3] так и в отдельных списках, озаглавленных иногда «Прение съ жиды» (см.: Гл. 5. 5). В Сказании по редакции Прибавления к Палее самый конец отсутствует, зато в списках «Прения съ жиды» есть весь текст, заимствованный в РасЖВ-4.

Первый фрагмент, заимствованный из Сказания, начинается словами: «Оле чюдо! яко вторый Иерусалимъ на земли явися Киевъ...», а заканчивается «И бысть вторый Констянтинъ в Руской земли Володимеръ». Далее в Сказании о русской грамоте следует молитва, обращенная к «святым цесарям Константину и Владимиру». Здесь компилятор прервал выписку и опять перешел на летопись. Похвалу из статьи 1015 г. он берет от начала: «Се есть новыи Констянтинъ великаго

[1] Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 69–70.

[2] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 70, прим. 2. Ср.: *Истрин В. М.* Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола.... Пг., 1920. Т. 1. Текст. С. 352.

[3] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 127–129.

Рима, иже крестися самъ...» до слов: «Мнози бо праведнии, творяще по правдѣ, погибають» (здесь кончается похвала в Новгородской 1 летописи младшего извода), а затем от слов: «Дивно есть се» до конца: «...неизреченную радость, юже буди улучити всѣмъ христианомъ». В тексте есть сокращение, но нет ни пропуска, характерного для Лаврентьевско-Троицкой редакции, ни лакуны, присутствующей в Новгородской 1 летописи младшего извода. Таким образом, РасЖВ-4 здесь оказывается ближе всего к Ипатьевской редакции «Повести временных лет». Затем помещается заключительная молитва из Сказания о русской грамоте от обращения: «О святая царя Констянтине и Володимере» до конца: «... и съ молитвами пречистыя Богородица Госпожа нашея и съ всеми святыми».

Две похвалы соединены в РасЖВ-4 крайне небрежно. В Сказании о русской грамоте сообщалось о смерти Владимира и его погребении. Таким образом, в РасЖВ-4 дважды говорится о смерти князя. Сказание изобилует ошибками, одной из них является утверждение, что Владимир прожил после крещения 33 года. Вместе с остальным текстом оно перешло в житие. Компилятор сохранил сетования летописца на то, что Владимира недостаточно почитают, и призыв молиться за него. Так как текст озаглавлен «Житие блаженаго Владимира» и содержит обращенную к нему молитву, этот фрагмент выглядит анахронизмом.

Автор Сказания о русской грамоте, видимо, действительно был греком, писавшим в конце XIV в. (см.: Гл. 5. 5). До того, как был открыт источник, из которого создатель РасЖВ-4 выписал эту похвалу, выдвигалось предположение, что грек написал все житие из сборника 1414 г. На самом же деле это — полный текст ЖВ, в котором заменены начальный фрагмент, сообщение о смерти св. Владимира и похвала ему. В рассказе ЖВ о крещении в Корсуне изменено известие о болезни Владимира — это не слепота, а язва.

РасЖВ-4 появилось не позже 1414 г., когда была написана рукопись Матвея Кусова. Так как ЖВ появилось не раньше середины XIV в., то этим же временем можно датировать и РасЖВ-4. Сетования на непризнания святости Владимира были заимствованы компилятором механически из летописи и не могут быть использованы как датирующее свидетельство.

РасЖВ-5. РГБ ОР, ф. 173. IV. (МДА, Волог.), № 3, лл. 667–680. Рукопись датируется 1660–1670 гг.[1]

А. А Шахматов писал, что РасЖВ-5 представляет собой особую компиляцию, составленную из «Памяти и похвалы» и РасЖВ-4 (вторая корректура его исследования здесь отличается от первой). Заголовки обоих сочинений сохранены. Воспроизведение текста «Памяти и похвалы» завершается вставной похвалой св. Ольге.[2] Далее следует со своим заглавием РасЖВ-4 вплоть до слов: «И даде все имъ, еже бѣ взялъ въ Корсуни, и кресты, и отъ всего своего имѣниа десятое вда тои церкви. Бѣ бо вельми милостивъ». Затем присоединена вторая часть «Памяти и похвалы», начиная со слов: «и поставляше три трапезы». Она обрывается на сообщении о смерти Владимира.

Заглавие: «Памяти и похвалы» Иакова Мниха.

Начало: «Паулъ святыи апостолъ и церковныи учитель...».

Заглавие внутри текста: «Житие благовѣрнаго князя Владимера».

Начало жития внутри текста: «Сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтъ...».

Конец: «И тако добрѣ поживе благовѣрныи князь Владимиръ и сконча житие свое въ православнѣи вѣрѣ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, и со благовѣрною княгинею Олгою. И та бо шедши ко Царюграду и приия святое крещение и много сотворивъ добра предъ Богомъ въ житии семъ».

РасЖВ-6 было названо Н. И. Серебрянским **Пискаревским** (РГБ, ОР, ф. 228 (Писк.), № 124, XVI в.). Его вариант — житие из Милютинской минеи (ГИМ, Син. 807),[3] которое Н. К. Никольский определил как «редакцию В» жития св. Владимира.[4] Обнаружился и второй список РасЖВ-6: БАН, ОР, 31. 6. 26 (XVI в.), л. 357–365.

---

[1] Описание сборника см.: *Чой Ч. Х.* О вновь найденном списке «Слова о князьях»//Книжные центры Древней Руси. СПб., 2007 (в печати).

[2] Эта часть издана: *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 133–134.

[3] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 60; *Шахматов А. А.* Корректура... С. 158–169.

[4] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка... С. 240.

РасЖВ-6 является искусной компиляцией из ЖВ, «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и РасЖВ-4 с добавлениями из ПрЖ-2. Начало и конец соответствуют ЖВ.

Заглавие: «Житие блаженаго князя Владимера...».

Начало: «Сеи бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжьска князь Владимеръ...».

Конец: «...от нихъ же ныне женуть вѣрнии сыны пользныя рукояти покаяния, и друзии уже ядять нескудную пищу в Царствии небеснѣмъ ея же трапезы сподобимся и мы недостоинии, кающеся о своихъ съгрѣшениихъ».

Текст ЖВ следует вплоть до напоминания бояр князю о крещении св. Ольги. Далее вставлен фрагмент из Иакова Мниха: «То слышавъ, князь Владимиръ... разгарашеся святымъ Духом сердце его, желая святого крещения». Следовательно, основой переделки была не Краткая редакция, а полный текст Иакова. Следующая фраза, мотивировка корсунского похода, заимствована полностью из ПрЖ-2 (в ЖВ и РасЖВ-4 она по-разному сокращена). Рассказ о взятии Корсуня заимствован из РасЖВ-4, но к нему сделаны дополнения из ПрЖ-2 (переговоры с императорами, слова Анны, исцеление не только от язвы, но и от слепоты). Рассказ о свержении идолов взят из ЖВ, а история крещения киевлян — из ПрЖ-2, включая указание на церковь Петра.

Далее помещен большой фрагмент «Памяти и похвалы» от слов: «Блаженыи же князь Володимеръ...» до слов: «...и побѣжаа вся врагы своа и бояхуся его вси» (включая рассказ о милостыне). В тексте есть сокращения, но они не совпадают с Краткой редакцией. Фрагмент о церкви Богородицы взят целиком из РасЖВ-4. Описание же кончины св. Владимира выписано из «Памяти и похвалы» от слов: «И многи створи добродѣтели...» до слов: «По святомъ крещении поживе блаженый Владимиръ 28 лѣт». Рассказ о погребении князя и заключение взяты из ЖВ, но сделанный его составителем пропуск восполнен по ПрЖ-2.

Московским распространенным житием Н. И. Серебрянский назвал изданный им текст из сборника РГБ, ОР, ф. 178 (Муз.), № 3154,

начала XVII в.[1] Это переработка ЖВ, направленная на приспособление текста к идеям Московской Руси XVI в. Материалом для дополнений служила летопись. В отличие от ЖВ, текст заканчивается описанием погребения св. князя. За житием в рукописи следует «Похвала» св. Владимиру (см. раздел 8).

Заглавие: «Успение благовѣрнаго и великаго князя и равноапостольнаго Владимира, нареченнаго в святомь крещении Василия, крестившаго всю Росийскую землю».

Начало: «Сей бысть князь Владимиръ, сынъ Свѣтославль, от племени варяжска...».

Конец: «И потомъ разыдошася въ домы своя, славяще Господа Бога».

Житие из Степенной книги[2] и его источники подробно рассмотрены А. В. Усачевым. Текст был создан в 1560-е гг. вместе со всеми прочими статьями памятника. А. В. Сиренов полагает, что изначально митрополит Макарий задумал создание только житий свв. Ольги и Владимира, из которых впоследствии вырос текст Степенной книги.[3] В отличие от остальных памятников, это произведение является житием в полном смысле этого слова — оно рассказывает о св. Владимире от самого рождения до смерти. Основными источниками жития, как и прочих статей Степенной книги, были Никоновская и Воскресенская летописи. Кроме того, были использованы «Слово о законе и благодати» Илариона, «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха, ПрЖ и «Поучение на память... св. Владимира» (см. раздел 8), житие св. Климента, папы римского, из Великих Миней Четьих митрополита Макария и житие св. Леонтия

[1] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 64–65; текст: с. 21–26.

[2] Книга степенная царского родословия// ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 218–340.

[3] *Сиренов А. В.* Житие князя Владимира и составление Степенной книги// Археографический ежегодник за 2001. М., 2002. С. 83–94. Здесь же обзор литературы о Степенной книге.

Ростовского поздней редакции.[1] Однако А. С. Усачев ошибается, когда возводит к ПрЖ указание на осаду Корсуня в течение шести месяцев. Его нет ни в одной из редакций ПрЖ, оно появляется только в ЖВ. Сноска на издание Н. И. Серебрянского относится к РасЖВ-2 (см. выше).[2]

Южнорусское житие (Украинское) было так названо А. И. Соболевским.[3] Текст был издан им по списку РГБ, ОР, ф. 37 (Большак.), № 23 с разночтениями по РНБ ОР, Сол. 1063/1172. Впоследствии были указаны еще списки: ЦНБ Украины, ОР, собр. Киево-Соф. № 278/129, № 279/130;[4] собр. Киево-Печерск. № 370/155, разночтения из которого изданы С. А. Бугославским. Фундаментальное исследование памятника было предпринято В. Н. Перетцом, продолжившим работу А. А. Шахматова, известную ему по Корректуре и рукописи. Он выделил две редакции **Пространного** украинского жития, восходящие к одному архетипу: Лаврскую (первичную) и вторую (в нее помимо неисправного Большаковского и Соловецкого списков входит текст, изданный в 1670 г.). **Переработка** Пространного жития читается в Киево-Софийских сборниках.[5]

Пространное украинское житие.

Начало: «Благословенъ Богъ Отец Господа нашего Исусъ Христа, отецъ щедротамъ, которыи вс҃мъ чловѣ҃комъ...».

Начало Лаврск.: «Сей святый и великий князь Володимеръ сын был Святославов...».

---

[1] *Усачев А. С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 8. С. 222–226, 244–286, 303–308, 318–323. Там же библиография вопроса.

[2] Там же. С. 279, прим. 278.

[3] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 32–45.

[4] Изданы: *Владимиров П. В.* // Киевская старина. 1889. Февраль. Прил. С. 11–20; *Бугославский С. А.* Указ. соч. С. 155–158.

[5] *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. II // СОРЯС. 1926. Т. 101. № 2; Отд. изд.: М.; Л., 1962. С. 32–63, тексты: с. 78–116.

Конец: « ...з великою честью и жалемъ всѣхъ, яко отца и хожатая спасения на честь въ святой Троици единому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, которому надлежитъ всякая слава и поклонъ и нынѣ и завжды и въ вѣки вѣкомъ. Аминь».

Текст основан на Густынской летописи. Отсюда взяты сведения: о нескольких крещениях Руси; о том, что патриархом во времена Владимира был Николай Хрисоверг; рассказ о языческих богах, отличающийся от «Повести временных лет»; о пострижении Рогнеды в монахини (читается в списке Киево-Печерск. № 370/155); о епископах, посланных патриархом Сергием; об основании Владимира-на-Клязьме и об Авраамии Ростовском; о смерти дочери царя Василия, которая якобы была женой венецианского дожа (по списку Киево-Печерск. № 370/155). Рассказы о Рогнеде и об основании Владимира-на-Клязьме были заимствованы в Густынскую летопись из Тверского сборника, вернее, из входившего в него Ростовского свода 1534 г. (см.: Гл. 1.1).

Влияние ПрЖ видно в указании на крещение в Почайне (в Густынской летописи — в Днепре). Сам агиограф добавил предание о том, что ручей, текущий по Крещатицкой долине, назван так по месту крещения сыновей св. Владимира.

Вторым источником, указанным В. Н. Перетцом, был «Патерикон» Сильвестра Коссова 1635 г. Еще в большей степени он был использован в Переработке жития из Киево-Софийских сборников.

Переработка Пространного украинского жития.

Начало: «Поневаж чотыри повѣсти о крещению Руси в кройниках а лѣтописцах...».

Конец: «...з которих жнут сынове росийские ужиточныи рукояти покаяния, от которих теж уживають неоскудный покарм в царствии небесном, которого и нас вместити рачь Христе Боже наш, яко Тобе належить всякая слава...».

Из приведенного материала видно, что на XVI–XVII вв. приходится пик развития Владимирской агиографии. Один из таких текстов был обнаружен в конволюте XVII в. Соф. 1504 из ОР РНБ (см. Приложение 4).

7. Особое (Легендарное) житие

А. А. Шахматовым этот памятник впервые был назван «Житие особого состава». Как основной список он указал Плигинский сборник (БАН, 21. 5. 20, лл. 431 об. — 434 об.), а как переделку — текст из летописца XVII в. РНБ, ОР, Q. XVII. 72 (см.: Гл. 5. 2), известный еще раньше.[1] Н. И. Серебрянский назвал Особое житие «Плигинской переделкой Легендарно-проложного жития».[2] В справочнике «Письменные памятники...» оно названо Легендарным.[3] Крайне неудачное название дал Г. Подскальски: «Успение Владимира».[4] Это общее заглавие всех списков ПрЖ-1 и ряда списков ЖВ.

В отличие от перечисленных выше распространенных редакций ЖВ, Особое (Легендарное) житие кладет в основу сагу о варяге Ижьберне, который помог Владимиру взять Корсунь (см.: Гл. 5. 3). Рассказ о крещении Владимира в Корсуне и крещении киевлян опирается на летопись, но отличается оригинальностью. Местами автор очень вольно обращается со своим источником. Так, он приписывает Владимиру не 12 сыновей, а 12 жен. При крещении князь исцеляется не только от слепоты, но и от «струпия». Последний мотив, как указал Н. И. Серебрянский, навеян рассказом о крещении царя Константина.[5] В Киев св. Владимира сопровождает митрополит Ларион (Иларион, современник его сына Ярослава). Следом за Киевом князь «Залѣскую землю крести, и Владимерскую, и Суздальскую, и Переславль, и Муром». Это дополнение, как кажется, может указать на то, что Особое житие появилось во Владимиро-Суздальской земле. Далее агиограф сообщает, что Анна была матерью свв. Бориса и Глеба.

Сага об Ижьберне сложилась приблизительно в начале XII в. в Полоцкой земле. Не ясно, послужило ли основой для уже упомяну-

---

[1] *Халанский Г. М.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. Август. С. 287–326; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 44–57.

[2] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 66.

[3] *Клосс Б. М.* Жития св. Владимира // Письменные памятники... С. 200.

[4] *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 206.

[5] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 70, прим. 2.

того Распространенного ПрЖ Особое житие или его источник, сага об Ижьберне. Общая часть двух памятников ограничивается только историей дочери Корсунского князя. Ничего из новопридуманных подробностей крещения Киева и Владимирской земли в Распространенном ПрЖ нет. Не упоминается также и о рождении у Анны сыновей, свв. Бориса и Глеба. Вероятно, составитель ПрЖ и автор Особого (Легендарного) жития пользовались одним источником, но поразному его переработали.

8. Похвальные слова

«Слово о томъ, како крестися Володимиръ возмя Корсунь» впервые было исследовано и опубликовано Н. К. Никольским.[1]

Заглавие: «Слово о томъ, како крестися Володимиръ возмя Корсунь».

Начало: «В лѣто 6495 созва Володимеръ боляры своя и старци градския и рече имъ...».

Конец: «...вздати комуждо противу дѣломъ неиздреченную радость, юже буди улучити всѣмъ християномъ, и мнѣ, грѣшному Феодосию. Богу же нашему слава в вѣки вѣкомъ». (Иногда имя Феодосия отсутствует.)

Н. К. Никольский полагал, что это и есть источник летописного рассказа о крещении св. Владимира в Корсуне.[2] А. А. Шахматов, наоборот, считал, что это — переделка текста статей 6495 (985), 6496 (988), 6499 (991) и 6504 (996) гг., сделанная редактором Киево-Печерского патерика Феодосием. Он доказывал, что рассказ в Патерике полностью составлен по летописи, а не является его источником. «Слово о томь, како крестися Ольга, княгини русская» из Патерика

[1] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках... С. 93–94; *Он же.* Материалы для повременного списка... С. 36–40. Издано: *Он же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № 4 // СОРЯС. 1907. Т. 82. С. 1–21.

[2] *Никольский Н. К.* Там же; см. также: *Карпов А. Ю.* Указ. соч. С. 182–184.

также составлено по летописи.[1] Об этом говорит, в частности, то, что в тексте полностью сохранена речь Святослава, который говорит о своем желании сесть в Переяславце на Дунае. За «Словом о томъ, како крестися Володимиръ» следует новая выписка из летописи (6559 г.): «Слово о томъ, отъ чего прозвася Печерскыи манастырь».

В целом «Слово о томъ, како крестися Володимиръ» производит впечатление большей литературной законченности. Из него убраны почти все вставки, мешающие развитию повествования. Но А. А. Шахматов указал, что нелогичности летописного рассказа исправлены в «Слове» не все. Например, история «испытания законов» послами Владимира также искусственно соединена с рассказом о взятии Корсуня, как в летописи. «Символ веры» Михаила Синкелла и сказание о семи Вселенских соборах, вставленные в качестве наставления Владимиру (см.: Гл. 4. 6), исключены из текста, но вводная фраза осталась. Сообщение о строительстве Владимиром в Корсуни церкви на холме убрано как нарушающее логику повествования. Зато остальные вставки о корсунских достопримечательностях, связанных с князем и царевной Анной, остались. Только похвала Владимиру читается в первоначальной редакции. Но Феодосий мог ее позаимствовать и из чтения свв. Борису и Глебу по Прологу 1-й редакции — оно основано на Древнейшем своде.

Н. К. Никольский, считавший «Слово» источником «Повести временных лет», датировал его серединой XI в. Так как доказать безусловно его первичность по отношению к летописи невозможно, то более корректно относить его ко времени работы Феодосия. Так как древнейший пергаменный список относится к началу XV в., то и его редакция Патерика появилась не позже этого времени.[2]

А. А. Шахматов особо выделял текст из сборника РНБ ОР, Пог. 1559, XVII в. Он имеет заголовок: «Успение блаженаго князя Владимиера, нареченнаго во святомъ крещении Василии». Исследователь считал, что этот список, несмотря на явные поновления в тексте, луч-

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 12–15, 36–44.

[2] О датировке серединой XV в. см.: *Поп Р.* Древнейший отрывок послания Симона к Поликарпу // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 93–100.

ше отражает первоначальную редакцию Феодосия. Впоследствии она была еще раз правлена по «Повести временных лет», в результате чего появилась редакция, представленная в Патериках. Однако дополнения, указанные А. А. Шахматовым, могли быть сделаны и неким редактором, так как большинство из них, как указано у исследователя, читаются и в других памятниках Владимирского цикла. Уникальным является только именование Перуна Аполлоном в рассказе о свержении идола в Днепр.

«Похвала» св. Владимиру представляет собой переработку 2-й редакции «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона с дополнениями по летописи и Прологу. Впервые текст был опубликован А. И. Соболевским по самому позднему списку РНБ, ОР, Пог. 1563.[1] Исследование связи «Похвалы» со «Словом» Илариона было предпринято Н. Н. Розовым и А. М. Молдованом (по его определению — Житие-похвала).[2] Полное исследование текста и публикация по старшему списку 1520-х гг. (РГБ, ОР, ф. 304. (Тр.), № 678) с разночтениями по двум другим осуществлены А. С. Усачевым. «Похвалу» он датирует временем не раньше второй половины XV в., а вероятнее, началом XVI в., но не позже 1520 г.[3]

Заглавие: «О крещении Русскиа земля и от житиа въкратце и похвала иже в святыих равнаго апостолом и благовернаго великого князя Владимира, нареченнаго в святемь крещении Василья, крестившаго всю Русскую землю».

Начало совпадает со «Словом о законе и благодати» Илариона: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ...».

---

[1] *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 58–65.

[2] *Розов Н. Н.* Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 50–52; *Молдован А. М.* К истории составления Троицкой Минеи № 678 (значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // Записки ОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 50–75.

[3] *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии // ВЦИ. М., 2006. № 2. С. 5–30, там же библиография вопроса; публикация текста: с. 31–39.

Конец — это обращение к св. Владимиру из ПрЖ-1. С ним совпадает чтение «истерзавъ лестное теръние», в ПрЖ-2 — «растерзавъ и раздрушивъ». Изменено только общее ПрЖ-1 и -2 «рукояти покаяния» на «класы», а также добавлено славословие в конце (совпадающий с ПрЖ-1 текст выделен нами жирным шрифтом). «...**и наслѣявъ книгами** Божественаго писания, **отнихъ же жнуть русьстии сынове полезныя** класы **покаяния, и друзии иже ядять нескудну пищю въ Царствии Небеснѣмь, ея же трапезы сподобимся и мы** грѣшнии и **недостоинии, кающеся о своихъ съгрѣшениихъ**, славяще Отца и сына и Святого Духа ныне и присно и в вѣкы вѣковъ. Аминь».

Как полагает А. С. Усачев, было некое житие св. Владимира особого состава, которое послужило источником «Похвалы», а также «Поучения на память» (см. ниже). Общий план соединения «Слова» Илариона с проложными, летописными и оригинальными источниками в двух памятниках совпадает, но между ними есть существенные отличия.

Следом за выпиской из Илариона следует цепь похвальных обращений к Владимиру. Это оригинальный текст, возможно, из упомянутого жития. Сообщив затем о рождении св. Владимира от Святослава Игоревича, составитель «Похвалы» пишет о его бабушке св. Ольге. Как показал А. С. Усачев, среди его источников было Проложное житие св. княгини (именно там по всем спискам, начиная с XIII в., говорится о крещении ее патриархом Фотием, а не только в Псковской редакции, как указал А. Ю. Карпов). Из летописи составитель памятника заимствовал часть похвалы св. Ольге и рассказ о деятельности Святослава, дополненный также по Хронографу 1512 г. Вместо летописного рассказа о начале княжения Владимира и испытании божественной службы помещен соответствующий фрагмент «Слова» Илариона: «...и възрастъ, и укрепевъ от детския младости, паче же възмужавъ крепостию...».

Рассказ о крещении в Корсуне соединяет летописные данные, фрагменты «Слова» Илариона и дополнительный источник, из которого позаимствовано именование царя Василия «Порфирогенит» (Багрянородный) и правильное имя патриарха, современника Владимира — Никола Хрисовергис (Николай Хрисоверг).

На летописи основаны существенно переработанные рассказы о крещении киевлян и просвещении Руси. Полностью автору XVI в. принадлежит описание смерти св. Владимира. Завершает его произведение отрывок из «Слова» Илариона (сравнение с Константином Великим и похвала Ярославу Владимировичу), похвала св. Владимиру как второму Павлу, написанная автором XVI в., и заключительное обращение к нему из ПрЖ-1.

«Поучение на память» св. Владимира появилось, по мнению А. С. Усачева, в том же XVI в. и восходит к одному с «Похвалой» источнику. В свою очередь, «Поучение» было использовано при составлении жития св. Владимира в Степенной книге. Текст известен в единственном списке РГБ, ОР, ф. 113 (Волок.), № 659 1530-х гг.[1]

Заглавие: «Поучение на память иже во святыхъ равнаго апостоломъ благовѣрнаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василиа, крестившаго всю Рускую землю. Житие и похвала въкратце».

Начало совпадает с «Похвалой», т. е. это отрывок «Слова» Илариона: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ...».

Окончание: (молитва к Господу в день св. Владимира) «...и всякыи възраст помилуи, посети, съхрани и съблюди выше всякаго находа и злобы борющихъ и нападающихъ на нас видимыя и невидимыя врагы. Даже о тебе, Цари нашемь и Бозѣ, веселящеся прославляемъ Тя, подателя всемъ благымъ, с безначялнымъ Ти Оцемъ и с Пречистымъ, и Благымъ, и Животворящимъ Духомъ Твоимъ ныне и присно и в вѣкы вѣком. Аминь».

«Поучение» отличается от «Похвалы» некоторой стилистической правкой и сокращениями, а иногда, может быть, и более точным следованием оригиналу. В частности, нет изменения «рукояти покаяния» на «класы покаяния». Оставлено без изменения прозвище патриарха «Охрисовергис» (ошибочно был присоединен артикль). То, что это не случайная описка в единственной рукописи, показывает точно такое же воспроизведение его имени в житии св. Владимира по Степенной

[1] *Усачев А. С.* Там же. Текст: с. 39–44.

книге, основанном на «Поучении» (см. выше). Описание смерти св. Владимира несколько сокращено. Далее отсутствует фрагмент из «Слова» Илариона и сильно сокращена оригинальная похвала св. Владимиру. За похвалой из ПрЖ-1 следует новая вариация на темы «Слова» Илариона («Похвалимъ же и мы по силѣ...»), которая начинает молитву к Господу. В ней автор просит милости к Руси и «мирного царствия» «великому князю» молитвами «свѣтильника и наставника нашего Владимира». Эта молитва и завершает все «Поучение».

9. Службы св. Владимиру

Службы св. Владимиру изучены хуже всего и должны быть самостоятельным предметом монографического исследования. В этом разделе представлены только самые общие выводы об эволюции и существующих редакциях службы. Начало изучения Владимирской гимнографии было положено М. Славнитским, выделившим три редакции службы. Он полагал, что канонизация, и, следовательно, 1-я редакция относятся к XIII в.[1]

Самые ранние списки службы датируются серединой — второй половиной XIV в. Это РНБ, ОР, Соф. 382,[2] Соф. 386; РГБ, ОР, ф. 113 (Волок.), № 3 (стихира «Придѣте, стецѣмъ ся вьси» с нотацией).[3] Дополнительную сложность для исследователя создает то, что на XIV в. как раз приходится переход со Студийского устава на Иерусалимский, и это тоже отражается на составе службы. Когда праздник св. Владимира входил в церковный обиход, уже существовал перевод византийской службы свв. Кирику и Улите, память которых празд-

[1] *Славнитский М.* Указ. соч. С. 197–224.

[2] Ранее датировалась XIII в., см.: СК. № 454. Исправление датировки см.: СК-2. Прил. 1. С. 589. Издана: *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира / / Странник. 1888. Май–август. С. 225–233; *Серегина Н. С.* Указ. соч. С. 305–311 (частично).

[3] Факсимиле см.: *Металлов В. М.* Русская семиография. М., 1912. Табл. XXII; Текст и совр. нотация: *Серегина Н. С.* Указ. соч. С. 248–249, 304.

нуется 15 июля. Стихиры и канон св. Владимиру постепенно вытесняли песнопения уже существующей службы, очень долго сосуществуя с ними. Например, в упомянутом выше списке Соф. 386 конца XIV в. полная служба свв. Кирику и Улите совмещена со службой св. Владимиру, аналогичной списку Соф. 382. В сборнике Матвея Кусова 1414 г. помещены две стихиры, «Придѣте, стецѣмъ ся вьси» и «Апостоломъ ревнителя...», три тропаря св. Владимиру и канон свв. Кирику и Улите, где кондак и икос после 6-й песни также посвящены св. Владимиру. Все семь песнопений не совпадают со службой в списках Соф. 382 и Соф. 386.

Праздник св. Владимира постепенно перемещался в разряд главных праздников года, и это отразилось в гимнографии. Торжественная служба по Иерусалимскому уставу включает: на вечерне стихиры на «Господи, воззвах»; стихиры на литии; стихиры на стиховне; тропарь; на утрени тропари и седальны по стихологии и по полиелеи, стихиру по 50-м Псалме, канон с кондаком и икосом, светилен, стихиры на хвалитех. В 1-й (старшей) редакции службы св. Владимиру нет стихир на хвалитех, седальнов, указаний на паримийные и евангельские чтения. М. Славнитский пишет, что в списках XVI в. эти дополнения появились под влиянием 2-й редакции, датированной им XV в.

1-я редакция представлена, по М. Славнитскому, 16 списками: РНБ, ОР, Соф. 382 (датирован XIII в.) и еще 15 списков: Соф. 386 (XIV в.), Соф. 209, 362–364 (XV в.), Соф. 365, 368, 401, 410–411, 414, КБ 354/611, 453/710, 456/713, ПДА, А1/8 (XVI в.). М. Славнитский ограничил свое исследование Кирилло-Белозерским и Софийским собраниями Публичной библиотеки (РНБ). Не учтена «Минея новым чудотворцам» 1494 г. РНБ ОР, Сол. 518/537. Точная аналогия списку Соф. 382 читается в Минее на июнь-июль РГБ, ОР, ф. 304 (Тр.), № 570 (XVI в.). В июльской Минее Тр. 571 (XVI в.) помещена служба свв. Кирику, Улите и Владимиру, совпадающая с Соф. 386.

В службе 1-й редакции были стихиры на «Господи, воззвах», канон. В качестве дополнений по большинству списков М. Славнитский указал: тропарь «Уподобивыи ся купьцу....», светилен «Тихое пристанище, просвѣтителю земли Русьтѣи...», самогласен «Начальника благочестия и пропровѣдника вѣрѣ...». Это не верно, так как само-

гласен поется в Соф. 382 на стиховне, а в Соф. 386 это славник стихир свв. Кирику и Улите на хвалитех. В Соф. 386 есть и светилен, он же повторен в «Минее новым чудотворцам» 1494 г. (РНБ, ОР, Сол. 518/537) и многих других. Тропарь гласа 4-го «Уподобивыися купьцу....» есть в Сборнике 1414 г. М. А. Момина в рукописном примечании, приложенном к Трефологию Соф. 386, указывает, что для рукописей, переходных со Студийского устава на Иерусалимский, характерны пропуски тропарей.

Особые варианты службы 1-й редакции отмечены М. Славнитским в списках КБ 453/710, 456/713, Соф. 401, Соф. 410–411.

В КБ 456/713 тропарь «Правовѣрию наставниче...», кондак и икос из канона отмечены им как особые, но впервые они встречаются в Сборнике Матвея Кусова 1414 г. М. Славнитский указывает, что в списке КБ 453/710 этот кондак помещен как седален. В нем же добавлены особые стихиры на хвалитех, которые были использованы в опубликованной ученым 3-й редакции службы в качестве стихир на «Господи, воззвах» (см. далее).

Служба свв. Кирику, Улите и Владимиру из Минеи XVI в. Соф. 401, разобранная М. Славнитским, впервые встречается в оставшемся ему неизвестным списке РГБ, ОР, ф. 304 (Тр.), № 577, XV в. Особые стихиры на стиховне и славник из этой службы помещены в нотированном Кирилло-Белозерском стихираре (РНБ, ОР, КБ 586/843) в качестве стихир на литии на лл. 670–671, о чем ученый также не знал. Они переписаны дважды. Один раз с нотацией, второй раз с разбивкой на 5, 6, 7 и 8 гласы. Эти стихиры вошли в службу 2-й редакции по Минее 1611 г. КБ 391/648, что указано М. Славнитским ниже на с. 215. Светилен «Свѣтилиници просвѣтивше вселенную...» есть во 2-й редакции службы.

Упомянутая стихира «Придите, стецѣмся вси» из Волоколамского стихираря XIV в. поется как славник стихир на «Господи, воззвах». И она, и первый тропарь «Уподобивыися купцу...» есть в сборнике Матвея Кусова 1414 г. «Иной тропарь» («Вторый ты бысть Констянтин словомъ и дѣломъ...») является вариацией на тему стиха, поставленного в службе 2-й редакции как начальная стихира на «Господи, воззвах». Близкий, но не тождественный им обеим текст помещен в Кирилло-

Белозерском стихираре среди тропарей на л. 653 об. Стихиры на хвалитех поются свв. Кирику и Улите, а славником служит вторая стихира из сборника 1414 г. «Апостоломъ ревнителя...». Интересной особенностью этой службы является указание на т. н. исторические паримии свв. Борису и Глебу в качестве чтения на вечерни.

В рукописях Троице-Сергиевой лавры обнаружился особый вид службы свв. Кирику, Улите и Владимиру, производный от 1-й редакции. Это списки РГБ, ОР, ф. 304 (Тр.), № 568 (1514 г.), 569, 579, 583 (все XVI в.), 585 (нач. XVII в.), 578 (песнопения св. Владимиру выписаны в тетрадь, пришитую в конце рукописи XV в.). В службу входят обычные стихиры на «Господи, воззвах» 1-й редакции, где славник положен свв. Кирику и Улите. В качестве единственной стихиры на стиховне помещена «Придѣте, стецѣмся вси...», а славник опять взят из службы свв. Кирику и Улите. Тропарь им указан ссылкой, а тропарь св. Владимиру «Вторый ты бысть Констянтин...» дан полностью. Он точно совпадает с текстом первой стихиры на «Господи, воззвах» из 2-й редакции, но имеет характерную ошибку: «во единьстве» вместо «во елиньстве» (в язычестве).

Канон отличается от 1-й редакции тем, что кондак и икос св. Владимиру поется после 3-й песни, а после 6-й — только свв. Кирику и Улите. В 9-й песне есть добавочный тропарь, отсутствующий в основных списках, в том числе в Тр. 570 и 571. Светилен св. Владимиру «Днесь вѣрнии ликовствуемъ...» отличается от 1-й и 2-й редакций.

Три стихиры на хвалитех посвящены свв. Борису и Глебу, причем в службах им они не встречаются. Славник «Апостоломъ ревнителя...» во всех списках дан с характерной ошибкой «Ангеломъ ревнителя...». Второй славник посвящен свв. Кирику и Улите. Одной из отличительных особенностей этой службы являются тропари не только Богородичны, но и посвященные Св. Кресту.

В обоих вариантах службы 1-й редакции канон, стихиры «Придѣте, стецѣмся вси...» и «Апостоломъ ревнителя...», тропарь «Уподобивыися купцу...» известны из служб по рукописям XIV в. и не позже 1414 г. Гимнографами добавлены стихиры на стиховне или на хвалитех и светильны.

Служба свв. Кирику, Улите и Владимиру по спискам Соф. 410–411 содержит ряд оригинальных песнопений. Это стихиры на хвалитех и

седальны св. Владимиру по стихологии и по полиелеи, которых вообще нет в 1-й редакции, так как первоначально они не были положены свв. Кирику и Улите.

2-я редакция, по М. Славнитскому, появилась не раньше XV в. и вошла в печатные Минеи с XVII в. Она включает помимо полного текста службы 1-й редакции второй канон, новые стихиры на «Господи, воззвах», на хвалитех и седальны по стихологии и по полиелеи. Стихиры на «Господи, воззвах» 1-й редакции поются теперь на стиховне. Кондак и икос берутся из второго канона, светильном служит «Свѣтилиници просвѣтившe вселенную...». 2-я редакция представлена списками (все РНБ, ОР): КБ 442/669 (XV в., переходный), Соф. 367, 407, КБ 327/584, 346/603, 359/616, 389/646, 448/705, 449/706, ПДА А II/7 (XVI в.), КБ 391/648 (Минея 1611 г.), 463/720, 794/1051, Соф. 408 (XVII в.).

Особое внимание М. Славнитский уделяет списку КБ 442/669 (л. 237 об. — 246 об.), так как он является переходным. Ученый отмечает, что он во всем сходен со списком, опубликованным Е. Е. Голубинским (РГБ, ОР, ф. 304 (Тр.), № 613).[1] Идентичен им и Тр. 614. Здесь переписаны стихиры на «Господи, воззвах» 1-й и 2-й редакции («Ины стихиры») с общим славником «Придете, стецѣмся вси...». Первая стихира на стиховне — «Апостоломъ ревнителя...» с ошибочным чтением Троицких миней «ангеломъ», остальные оригинальные со славником «Вторыи ты бысть Констянтинъ...». Тропарь поется «Уподобивыися купцу...». К канону 1-й редакции присоединен новый, светилен и седальны не вошли во 2-ю редакцию службы. Стихиры на хвалитех являются переработкой Борисоглебских стихир из Троицких миней, которые остались неизвестными М. Славнитскому. В славнике «Апостоломъ ревнителя...» на этот раз исправлено ошибочное чтение «ангеломъ».

Второй переходный список, КБ 449/706, близок первому, но имеет ряд отличий, которые характерны и для Минеи 1611 г. (КБ 391/648). На с. 214–215 М. Славнитский перечислил особенные песнопения из этой службы. Кроме того, на с. 215 перечислены дополнения Минеи 1611 г., в том числе и стихиры из минеи Соф. 401.

[1] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. 1-е изд. М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 442–443.

На основании КБ 442/699 М. Славнитский отмечает две стадии развития службы. Первые два списка показывают, что сначала служба 1-й редакции просто помещается первой, а к ней приписываются новые песнопения. Затем в XV в. появляется 2-я редакция, вошедшая в печатные Минеи. Это уже служба одного из главных праздников года. Группу новых стихир на «Господи, воззвах» открывает текст «Вторыи ты бысть Констянтинъ...», прежние поются на стиховне со славником 1-й редакции «Начальника благочестия...». Стихира «Апостоломъ ревнителя...» поется по 50-м Псалме на утрене, сохранен тропарь «Уподобивыися купьцу....». Добавлены седальны, второй канон, новые стихиры на хвалитех и на литии. Положены особые паримии и Евангелия.

3-й редакцией М. Славнитский назвал единственный список РНБ ОР, КБ 375/632 XVI в. Весь канон совершенно оригинален.[1] Последнее песнопение в 3-й редакции «Яко началнику крещения...» читается в «Минее новым чудотворцам» Сол. 518/537 в качестве единственного тропаря перед каноном.

Н. К. Никольский датировал службу св. Владимиру XI в. Он полагал, что слова, сказанные о Владимире в похвале ему в летописной статье 1015 г. «Сего бо память держат Русьские люди, поминающе святое крещение», свидетельствуют о существовании почитания.[2] По мнению Н. К. Никольского, память св. Владимира уже праздновалась, когда канон св. Ольге был написан Кириллом-мнихом. Его ученый отождествил со св. Кириллом Туровским († до 1182 г.).[3] Н. К. Никольский приводит мнение М. Славнитского о существовании трех редакций службы, но списки перечисляет без разделения на редакции.

Н. С. Серегина считает, что служба появилась еще в XI в. Во втором тропаре 9-й песни канона из 1-й редакции службы сказано: «Придете вси, снидете ся къ честьнеи церкви святого Володимера, нареченаго Василия, преблаженаго великаго князя, угодника Христова преславного». Н. С. Серегина пишет, что речь идет о церкви св. Васи-

---

[1] Издан: *Славитский М.* Указ. соч. С. 233–237.

[2] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка... С. 444–445, списки: с. 445–449.

[3] *Он же.* Материалы для истории... № 12. С. 88–94.

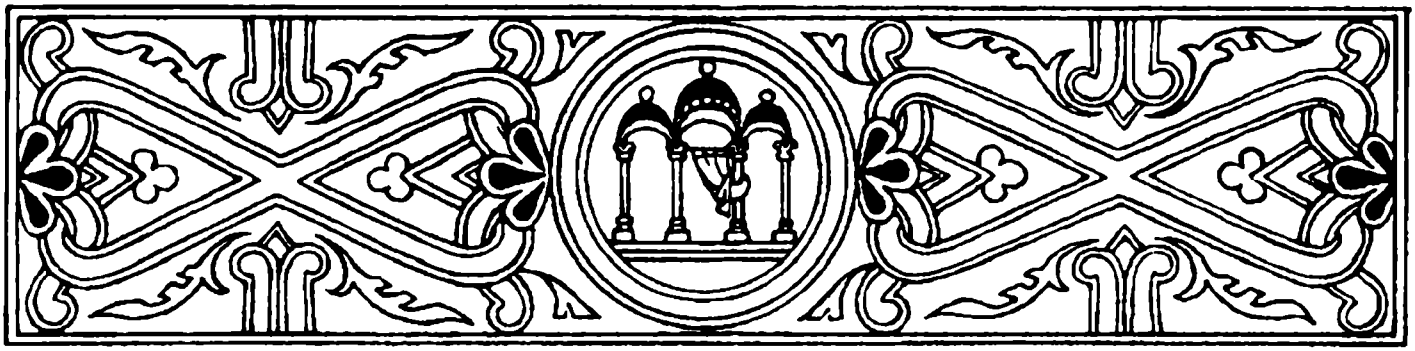
лия в Киеве, следовательно, текст появился до разгрома Киева монголами в 1240 г. 2-ю редакцию службы она связывает с событиями 1170-х, 1190-х гг. в Суздальской земле: победа Всеволода Юрьевича над племянниками Ростиславичами 15 июля в день памяти св. Владимира способствовала созданию новой службы.[1]

Однако 15 июля 1200 г., когда епископ Иоанн заложил во Владимире Успенский собор Княгинина монастыря, в местной княжеской летописи по всем спискам, в том числе Лаврентьевскому 1377 г., отмечена только память свв. Кирика и Улиты. При этом разнообразие песнопений по спискам XIV — начала XV вв. свидетельствует о длительном бытовании службы. Не будет ошибкой указать в качестве верхнего предела составления службы конец XII в., когда в Пролог было внесено чтение св. Владимиру. Отдельные песнопения могут относиться к XI в., и даже к первой его половине, но вычленить их из общей массы текстов по спискам XIV–XV вв. не представляется возможным.

В заключение отметим, что собрание большинства стихир и тропарей с нотацией представлено в Стихираре РНБ ОР, КБ 586/843 (XVI в.). В печатной Минее можно прочесть практически все песнопения 1-й и 2-й редакций, однако даже в современных изданиях имеются разночтения на уровне слов.[2]

[1] *Серегина Н. С.* Указ. соч. С. 74–80.

[2] Служба св. равноап. Владимиру. М., 1888.



Глава 4

Крещение Руси: летопись, Проложное и Обычное жития св. Владимира

1. Когда Русь была впервые крещена?

Русское Проложное житие св. княгини Ольги († 969 г.) утверждает, что она была крещена патриархом Фотием (858–867, 877–886). Так как этот текст сохранился в списке XIII в. (см.: Гл. 3. 3), житие св. Ольги оказывается одним из первых русских памятников, где, пусть и с неверной атрибуцией, упоминается о крещении в IX в. Если считать, что ядро 2-й редакции Пролога сложилось в конце XII в., то это время можно считать верхним пределом появления русского жития св. Ольги.

В Церковном уставе Владимира говорится, что Фотием был крещен он сам, и у патриарха князь взял первого митрополита. В разных списках Устава называются имена то Леона, то Михаила. Старшая редакция Устава, Оленинская, появилась в XII в. Один из изводов Оленинской редакции, Архивный, был использован вместе с Уставом Ярослава Владимировича при редактировании первой части Летописца Переяславля-Суздальского в 1216 г. (список XV в.). В XIII в. складываются Синодальная и Волынская редакции, образующие одну группу. Все списки Волынской редакции (конца XV–XVII вв.) вос-

ходят к несохранившейся Кормчей 1286 г., изготовленной при князе Владимире Васильковиче. Старший список Синодальной, датируемый XIV в., читается в дополнительной тетради, подшитой к Новгородской кормчей 1280 г.[1] В начальной части Волынской редакции подробно рассказывается не только о строительстве церкви Богородицы в Киеве и даровании ей десятины, но и о крещении Владимира.[2] К проблеме, насколько точно здесь отражен первоначальный текст грамоты, мы вернемся в разделах 3 и 4.

Ссылку на грамоту, данную Десятинной церкви, обязательно включают все редакции Устава, но здесь уже присоединено упоминание о церкви Спаса, заложенной в Василеве после 995 г. (см.: Гл. 1. 4). Иными словами, подлинные тексты грамоты о десятине и Устава князя Владимира сохранились только в составе поздних переработок XII–XIII вв. (см. стемму Я. Н. Щапова).

Патриарх Фотий и митрополит Леон действуют также в житии св. Леонтия Ростовского в редакции конца XIV в.[3] Следующее упоминание о патриархе Фотии и митрополите Леоне как современниках Владимира содержится в непосредственном источнике Общерусского митрополичьего свода начала XV в. — Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи, завершенной в 1411 г. Из митрополичьего свода (Софийская 1 летопись, см.: Гл. 1. 1)[4] это сообщение вошло во все русское летописание последующего времени. Создатель Первой подборки проявил большой интерес к истории Русской церкви: в статье 6395 (887) г. вместе с перечнями князей он поместил список митрополий «Констянтинополского (sic!) патриарха» и «архиепископов под Констянтинуполь». Очень важно, что пере-

[1] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 28–48; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подготовил Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 21–37, ср.: С. 13–16, 18–21.

[2] Древнерусские княжеские уставы... С. 69–70.

[3] *Семенченко Н. В.* Из истории русской литературы XIV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 140–152, там же публикация текста.

[4] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 93–160.

водчик не употребил традиционное русское «Царьградъ», следовательно, перевод делался в митрополичьей канцелярии специально для летописи. В списке митрополий на своем месте между Помпиуполем и Аланией стоит «Росия». Обратившись к документам Константинопольской патриархии, неизвестный русский историк пошел по тому же пути, что и современные исследователи. Однако выявить, при каком патриархе была учреждена Русская митрополия, ему не удалось.

В перечне митрополитов, помещенном перед основным текстом Новгородской 1 летописи младшего извода (далее: Н1 мл.) по Комиссионному списку, названы и Леон, и Михаил. Перечень из статьи 6496 (988) г. основного текста, написанный при создании Новгородского свода 1167 г.,[1] составлен по «Повести временных лет». Он начинается с Феопемпта, первого митрополита, упомянутого в тексте под 1039 г. В нем отсутствует не только Иоанн I, известный только по памятникам Борисо-Глебского цикла, но и Ефрем (после 1054 — около 1065). Последний упомянут под 1055 г. в самой Н1 мл. в связи с его судом над Новгородским епископом Лукой Жидятой.

Имена митрополитов Михаила и Леона, скорее всего — ученая фикция XII–XIII вв.[2] В летописный рассказ о крещении Владимира была включена в качестве наставления в вере переработка Символа веры Михаила Синкелла (760–846). Этот текст есть в Изборнике Святослава 1073 г., переведенном еще при болгарском царе Симеоне (893–927), но в летописи использован другой перевод, изобилующий ошибками.[3] В Никоновской летописи говорится о сирийском

---

[1] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи//НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 56–57.

[2] *Poppe A.* Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσία Πρεσθλάβας: quand ou et par qui-a-t-il été écrit//Byzantion. 1965. T. 35. P. 504–527; *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 115–132.

[3] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире//ХЧ. 1902. № 7. С. 89–100; *Он же.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 16.

происхождении Михаила, что прямо указывает на синкелла Иерусалимского патриарха (подробнее — в разделе 5). Митрополит Переяславский Леон (1070-е гг.) был автором грекоязычного сочинения против латинского обряда причащения опресноками (гостиями). Антилатинская полемика, хотя и в более резкой форме, присутствует в наставлении Владимиру. Видимо, поэтому летописцы считали современниками крещения Руси то одного, то другого писателя.[1] Авторы остальных антилатинских сочинений, Ефрем (около 1055–1061), Георгий (1061–1073), Иоанн II (1077–1089), были известны по летописям как Киевские митрополиты. Ко временам Ярослава Владимировича (1016–1018, 1019–1054) относились Феопемпт, Иоанн I и Иларион. Поэтому Леон и Михаил были приписаны к эпохе Владимира.

Каким же путем возникло ошибочное соотнесение деятельности патриарха св. Фотия, который действительно пытался просветить Русь, с правлением первых князей-христиан из рода Рюриковичей?

Во всех византийских хрониках сохранилось недатированное известие о нападении Руси на Константинополь в правление императора Михаила III (842–867). Из двух гомилий патриарха Фотия известно, что это было в 860 г. В Окружном послании 867 г. он сообщал уже о крещении Руси, но патриарх, конечно, выдавал желаемое за действительное.[2] Судя по всему, Фотий развернул активную миссионерскую деятельность от хазарских степей до славянских земель. Большую роль в ней играли создатели славянской азбуки свв. Кирилл

[1] Есть предположение, что Михаил и Леон — реальные иерархи, посланные на Русь при свв. Фотии и Игнатии (IX в.) либо при Владимире. Обзор точек зрения см.: *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / HUS. 1988 / 1989. Vol. XII / XIII. P. 219–229; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII вв. М., 1988. С. 280–288; *Толочко П.* Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Київ, 1996. С. 95–99.

[2] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 7–13; сочинения Фотия: с. 23–83.

и Мефодий.[1] О крещении русов после нападения на Константинополь писал и Продолжатель Феофана, трудившийся во времена самостоятельного правления Константина Багрянородного (945–959). Он рассказал и о крещении болгарского князя Бориса, которое, по его мнению, относилось ко времени малолетства императора Михаила и его совместного правления с матерью Феодорой.[2] Из сохранившихся документов следует, что переговоры о крещении были начаты уже в годы его самодержавия в 863 г. В «Хронике» Симеона Логофета (см.: Гл. 1. 1) крещение Болгарии правильно связано с деятельностью самого Михаила.

О Болгарии того времени мы знаем гораздо больше, чем о Руси. Приняв христианство, Борис затеял долгие переговоры с патриархом Фотием и с папой римским Николаем I (858–867). Князь хотел добиться автокефалии своей Церкви, но на это не были согласны ни папа, ни патриарх. Спор о каноническом подчинении новокрещенной Болгарии в числе прочего привел к первому расколу между Западной и Восточной церквями в 867 г. В конце этого года император Михаил был убит своим фаворитом и соправителем Василием Македонянином. Став единовластным императором, Василий с помощью нового папы римского Адриана II (867–872) тут же избавился от Фотия. Это было вполне законно, так как его предшественник патриарх Игнатий (оскопленный сын свергнутого в 813 г. императора Михаила I Рангаве) был с нарушением всех правил сведен с престола и отправлен в ссылку. Собор в Константинополе в 869/870 г. воссоединил Восточную и Западную церкви и восстановил Игнатия на престоле. Однако он так повел дело, что в 870 г. Болгария снова оказалась в ве́дении Константинопольского патриархата, тем более что этого хотел сам царь Борис-Михаил. Св. Игнатий рукоположил для Болгарии епископа Стефана.[3]

---

[1] *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 143–169.

[2] *Продолжатель Феофана.* СПб., 1992. С. 72–73, 84.

[3] *Литаврин Г. Г.* Введение христианства в Болгарии // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 41–56.

В жизнеописании Василия I Македонянина, написанном по распоряжению и при непосредственном участии его внука императора Константина Багрянородного[1] и включенном в Продолжение Феофана, говорится, что болгары были не тверды в вере. Автор пишет, что они были окончательно обращены благодаря упорству нового императора Василия, но о реальных обстоятельствах ничего не сообщает. Здесь же говорится о том, что Игнатий рукоположил нового архиепископа для Руси, а Василий с помощью щедрых подарков склонил русов принять его. Автор описывает чудо с Евангелием: по требованию язычников архиепископ испытал силу слова Божия, бросив его в огонь. Священная книга не сгорела, и варвары приступили к крещению.[2]

Высказывалось предположение, что Фотий и Игнатий крестили некую Приазовскую Русь.[3] В основном эти гипотезы были вызваны к жизни тем, что в русских летописях ничего не говорилось о Руси до прихода Рюрика. Из Бертинских анналов мы знаем, что уже в 839 г. послы «кагана народа Рос», возвращавшиеся от императора Феофила, отца Михаила, появились при дворе императора Священной Римской империи Людовика Благочестивого. Они оказались «свеонами» (шведами),[4] и это серьезно обеспокоило императора: северные земли постоянно грабили викинги, поднимавшиеся по рекам до Парижа и Гамбурга. В 815–842 гг. русы напали на Амастриду на южном побережье Черного моря, но это упоминание есть только в житии св. Георгия Амастридского.[5] В это время в Византии уже постоянно жили

[1] *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана»//ВВ. 1961. Т. 19. С. 83–90; *Любарский Я. Н.* Сочинение Продолжателя Феофана//*Продолжатель Феофана*. С. 244–249.

[2] *Продолжатель Феофана*. С. 142–143.

[3] Библиографию вопроса см.: *Кузенков П. В.* Указ. соч. С. 82–83.

[4] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. М.; Л., 1989. Вып. 1. IX — первая половина XII в. С. 9–11.

[5] *Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского//*Он же*. Труды. 1915. Т. 3. С. 64–68. О датировке и библиографию вопроса см.: *Treadgold W.*

скандинавы.[1] Например, Евдокия, любовница императора Михаила III и жена императора Василия Македонянина, была дочерью некоего Ингера.

Данные археологии показывают, что с конца VIII в. существовал Волжско-Балтийский путь, по которому в страны арабского Востока через Каспийское море везли с Севера рабов и меха, а в обратном направлении ввозили серебро.[2] Тогда в Поволховье, в Поволжье и в верховьях Днепра обосновались первые группы скандинавов-русов. В эту эпоху возникли крупные протогородские центры: в середине VIII в. Ладога близ впадения Волхова в Ладожское озеро, а в самом начале IX в. Гнездово на Днепре близ Смоленска и Тимерево близ Ярославля на Волге.[3] Если не Киев, который в середине IX в. еще не был значительным поселением, то Гнездово вполне могло быть тем центром, откуда был организован поход Руси на Константинополь в 860 г.[4]

В 860-е гг. всю экономическую зону Балтийско-Волжского пути охватывают военные столкновения. Период нестабильности, по данным археологии и нумизматики, продолжался приблизительно до 880 г., когда и появился на Руси Рюрик, отец Игоря. Рассказ Началь-

---

Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Proceedings... P. 132–144.

[1] Возможно, что тавроскифы в охране императора Михаила III, упомянутые византийским историком Иосифом Генезием в его «Книге царей», — это русы. См.: *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: свод византийских источников по истории Древней Руси. М., 2004. Т. 1. С. 54.

[2] *Noonan T.* Why Dirhams First Reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Early Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. № 4. P. 151–282.

[3] Смоленск и Гнездово. М., 1991; *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Древняя столица Руси. СПб., 2003; *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. СПб., 2003; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2000. С. 12–37, 100–102.

[4] С. Франклин (*Франклин С., Шепард Д.* Указ. соч. С. 80–99) предположил, что местом, откуда был спланирован поход, было Новгородское городище, но это неверно, так как оно только возникает около 860 г. Ср.: *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 147–169.

ного свода об изгнании варягов и междоусобице, предшествовавших его призванию — воспоминание об этих событиях.[1] Но с приходом в Поволховье Рюрика кризис не был преодолен, так как с 875 г. почти полностью прекратилось поступление арабского серебра через Хазарию в Восточную Европу. В этой ситуации «путь из Варяг в Греки» приобретал все большее значение. Торговля с Арабским халифатом восстановилась только при Олеге где-то около 900 г. Теперь серебряные дирхемы поступали из Саманидской Средней Азии по караванному пути. Он начинался в городе Джурджане (Ургенче) в Хорезме и через степи, где кочевали огузы (узы или торки русских летописей), приводил в обход Каспийского моря в Волжскую Болгарию.[2]

Эти драматические события остались неизвестны летописцам: о подлинной жизни «дорюриковой Руси» уцелели лишь отрывочные предания. Летописцы отсчитывали русскую историю от первого упоминания в византийских исторических сочинениях, т. е. от того же похода 860 г. На славянский язык переведены были «Хроника» Георгия Амартола с продолжением, написанным Симеоном Логофетом.[3] Хотя Георгий закончил работу в 866 г., он не успел описать правление Михаила, а Симеон был ярым ненавистником патриарха Фотия. В Окружном послании 867 г. Фотий пишет, что уже послал на Русь

---

[1] *Zuckerman C.* Deux etapes de la formation de l'ancien etat Russe//Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient//Actes de Colloque International tenu au Collège de France en Octobre 1997. Paris, 2000. P. 106–113; *Милютенко Н. И.* Старая Ладога и Санкт-Петербург. Точка отсчета истории города. VII Царскосельские чтения. Международная научно-практическая конференция. СПб., 2003. Т. 1. С. 31–43.

[2] *Noonan T. S.* The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. P. 875–900//Hikuin. 1985. № 11. P. 41–50; *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в.//Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313. Маршрут подробно описан секретарем халифского посольства в Волжскую Болгарию Ахмедом Ибн Фадланом: *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

[3] *Каждан А. П.* Хроника Симеона Логофета//ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125–143.

епископа. Согласно жизнеописанию императора Василия, архиепископ был отправлен патриархом Игнатием. Симеон мог бы упомянуть об этом, но он написал только об окончательном крещении Болгарии Василием. Видимо, дело было в том, что хронист закончил свою работу в 948 г., а как раз в 941 г. было очередное нападение Руси на Константинополь. Для Симеона было ясно, что русы в массе своей оставались язычниками и врагами Империи. Таким образом, русские летописцы узнали только о походе Руси на Царьград (рассказ вошел в Начальный свод и «Повесть временных лет»), но остались в полном неведении относительно крещения Руси.

У императора Константина, составителя жизнеописания своего деда Василия, был другой взгляд на ситуацию. В своем сочинении «О церемониях» он подробно перечисляет личный и технический состав византийского флота в трех морских экспедициях: против арабов Крита в 909 (или 911) г., в Лангобардию в 935 г. и опять против Крита в 949 (или 956) г. Из его данных следует, что начиная с 910-х гг. в императорском подразделении флота постоянно находился отряд русов численностью от 400 до 700 человек. В списках на 935 г. и 949 г. они уже значатся на своих кораблях.[1] В Начальном своде и «Повести временных лет» сказано, что многие варяги были христианами, а при заключении договора Игоря в 945 г. они клялись в церкви св. Илии. Возможно, здесь речь идет о дворцовой церкви в Константинополе,[2] но одноименный храм был и в Киеве. В сообщении 6453 (945) г. «Повести временных лет» указано его точное местоположение: «яже есть надъ Ручаемь, коньць Пасынъчѣ бесѣды» (на Подоле, см.: Гл. 3. 3). В этой связи император мог считать Русь христианской, а отдельных язычников — обычными отступниками. Понятно и то, почему он, рассказывая в том же сочинении «О церемониях»

[1] *Constantinus Porphyrogenitus*. De ceremonii aulae byzantinae. Bonnae, 1829. P. 651, 654, 660, 664, 667, 674. Впервые были указаны Ю. А. Кулаковским: *Кулаковский Ю. А.* «Стратегика» императора Никифора // Записки Императорской АН. Историко-филологическое отд. (Сер. 8). 1908. Т. 8. № 9. С. 34, прим. 1.

[2] *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики // ВВ. 1995. Т. 56. С. 90, прим. 95.

о приеме княгини Ольги, не упомянул, что она крестилась только по приезде в Константинополь.

Владимир крестился при императорах Василии II и Константине. Византийские историки, описывающие их правление, не упоминают о крещении Руси. Современник событий Лев Диакон не пишет даже об участии русов в подавлении мятежа полководцев Варды Фоки и Варды Склира в 988–989 гг.[1] Иоанн Скилица, историк второй половины XI в., в своем «Синопсисе истории» (доведен до 1057 г.) упоминает о крещении Ольги в Константинополе. Он рассказывает, что Василий II получил военную помощь благодаря тому, что женил Владимира на своей сестре (подробнее см. раздел 4), но тоже не говорит о крещении Руси. Его современник Михаил Пселл упоминает, что у Василия в войске был «отряд отборных тавроскифов».[2]

Упорное нежелание писать о крещении Руси понятно. Лев Диакон начал свое повествование там, где закончил Продолжатель Феофана, а Михаил Пселл продолжил «Историю» Льва Диакона. Скилица, хотя и описывал период, начиная с 811 г., самостоятельно, но также использовал Продолжателя Феофана и, возможно, общий источник этого автора и Симеона Логофета.[3] Так как все три хрониста знали о крещении Руси во времена патриархов Фотия и Игнатия, они предпочитали не вспоминать о том, что, несмотря на более чем столетние усилия, Русь оставалась языческой. Так как все последующие историки в той или иной мере пользовались их сочинениями, крещение Владимира выпало из истории Византии.

Разумеется, и патриарх Николай Хрисоверг (979–991), крестивший «архонта росов», и первый митрополит знали о том, что́ предпринималось Фотием и Игнатием для просвещения Руси. Судя по сохранившемуся тексту Устава Владимира, в преамбуле грамоты, данной

---

[1] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 68–82.

[2] *Ioannis Scylytzae* Synopsis Historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini, Novi Eboraci, 1973. P. 240, 336; *Михаил Пселл.* Хронография. М., 1978. С. 9–11.

[3] *Каждан А. П.* Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // ВВ. 1962. Т. 20. С. 108–110; *Любарский Я. Н.* Указ. соч. С. 227–235.

Десятинной церкви, говорилось об учреждении Русской епископии при Фотии. Правда, он был поставлен в патриархи с нарушением правил, и его действия можно было бы считать неканоническими, но они были тут же подтверждены законным патриархом Игнатием.

Была определенная необходимость напомнить о каноническом подчинении Руси Константинополю. В 959 г. недавно крестившаяся Ольга попросила императора Западной Римской империи Оттона I прислать епископа, что и было сделано в 961 г. Поступок княгини был вызван, видимо, конфликтом с императором Константином Багрянородным, который возник во время ее поездки в столицу Империи.[1] Сын Константина император Роман II (959–963) воспринял это крайне болезненно, хотя язычники-русы тут же изгнали своего пастыря Адальберта. В 968 г. он был поставлен на вновь образованную Магдебургскую архиепископию, целью которой и было обращение славян в христианство.[2] Преамбула грамоты Владимира подтверждала, что Русский диоцез был учрежден Константинопольской патриархией еще при Фотии, т. е. почти за сто лет до незаконного рукоположения римским папой епископа на чужой канонической территории.

Судя по тому, что в летописной статье об освящении Десятинной церкви митрополит не упоминается, в 995 г. его еще не было на Руси.[3] В грамоте о десятине, данной церкви в 995 г., не мог быть упомянут и Константинопольский патриарх, потому что его тогда не было. Николай Хрисоверг умер в 991 г., а Сисиний был поставлен только в 996 г. В оригинале грамоты Владимира говорилось, очевидно, об уста-

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. М., 1982. С. 81–93; *Он же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 154–213; текст: с. 360–364.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 108–113; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 106–108 и коммент. к ним; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 286–308, 314–330.

[3] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 23–30.

новлении патриархом Фотием Русской епископии, но не называлось имя первого епископа. В тексте церковного Устава Владимира русский иерарх неизменно титулуется митрополитом, при этом в разных редакциях и даже в разных изводах одной и той же редакции называются разные имена. Эти факты говорят о том, что ко времени создания текста Устава в XII в. подлинная грамота Владимира Десятинной церкви сохранялась уже не в первоначальном виде. В 995 г. она была написана, вероятнее всего, на греческом языке. В разное время и для разных нужд могли сделать разные переводы, отсюда и такие большие разночтения. Очевидно, переводчики еще и толковали «темные места». Так епископ превратился в митрополита, а Фотий стал современником Владимира.

Из Проложного жития св. Ольги следует, что эта точка зрения возобладала не сразу. Княгиня была первой известной христианкой, и появилось предположение, что Фотий крестил именно ее. Л. Мюллер отмечает, что в летописном рассказе о крещении св. Ольги нет никакой информации, которая бы не вытекала из языческого предания о ней.[1] Проложное житие, наоборот, существенно отличается от летописи. Согласно ему, после смерти Игоря сразу стал править Святослав. В Главе 2 уже говорилось, что прав был летописец: княгиня была регентшей при малолетнем сыне. Житие объясняло, почему властная и воинственная Ольга не ввела на Руси христианство: княжила не она, а ее взрослый сын. С летописным преданием агиограф тоже был знаком. Рассказав о кресте, привезенном св. Ольгой из Константинополя и хранящемся в Софийском соборе, он пишет, что она «обхожаше всю Рускую землю, дани и урокы легкы уставляющи». Как уже говорилось, основная группа житий Пролога 2-й редакции складывалась в 1160-е гг. — одновременно с церковным Уставом Владимира. Житие св. Ольги представляет одну из фаз становления взглядов на историю крещения Руси.

Смешение крещения русов при Василии I Македонянине с крещением Владимира при его потомке Василии II есть и в одном визан-

[1] *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» о крещении Ольги // *Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 43–59.

тийском памятнике. Он называется «Точный рассказ, как крестился русский народ» и сохранился в двух рукописях XV в. Полный текст памятника был впервые опубликован В. Регелем еще в 1891 г., перевод — Е. Е. Голубинским, но заново внимание к нему было привлечено в работах П. В. Кузенкова и С. А. Иванова.[1] В «Точном рассказе» очень близко к летописи говорится о том, как мужи Владимира (он назван по имени) ездили в Рим и Константинополь смотреть церковную службу. Их принял сам император Василий Македонянин, а служил, как и по летописи, патриарх. Чудо во время литургии произвело большое впечатление на росов, и князь, выслушав своих послов, решил креститься (см. раздел 3). Тогда он просит у императора архиерея, которого к нему и отправляют.

К этому рассказу присоединена краткая история создания славянской азбуки, приуроченная к Руси. Как спутник св. Кирилла, вместо Мефодия ошибочно назван Афанасий, зато перечислены славянские названия всех 35 букв. За этим текстом следует фрагмент из Продолжателя Феофана о том, как князь заставил епископа бросить Евангелие в огонь. Как указывает П. В. Кузенков, здесь предание о крещении Владимира соединено с историей византийского миссионерства IX в.: поездкой свв. Кирилла и Мефодия при Михаиле III и Фотии в Моравию и учреждением Василием Македонянином епископства в Руси. К вопросу о датировке «Точного рассказа» и его связи с русскими источниками мы еще вернемся в Гл. 4. 5.

Для русских летописцев существенными были как твердая уверенность в отсутствии прочного христианства на Руси до Владимира, так и молчание Продолжателя Георгия Амартола. Создатель «Повести временных лет» интересовался только дипломатическими документами княжеского архива: в летопись включены три договора с Византией, но нет ни Русской правды, ни церковных Уставов, ни дарственных грамот его собственному Печерскому монастырю. Таким

[1] *Regel W.* Analecta Byzantino-Rossica. Petropoli, 1891. P. 44–51; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 248–252. Фрагменты в новом русском переводе: *Кузенков П. В.* Указ. соч. С. 140–149. См. также: *Иванов С. А.* Указ соч. С. 216–217, 233–234.

образом, известие о крещении Руси при патриархе Фотии ускользнуло от летописца.

Благодаря переводу в XIV в. южными славянами «Хроники» Иоанна Зонары, использовавшего Продолжателя Феофана, а в конце XV в. Окружного послания Фотия,[1] русские летописцы узнали о крещении Руси до Владимира. Составитель Хронографа 1512 г. пользовался сокращенной переработкой Зонары, так называемым «Паралипоменом», где читались рассказы о нападении русов на Константинополь при Михаиле и об их крещении при Василии I. Выписки составителя Хронографа 1512 г. перешли в Никоновскую летопись. Там история правления Аскольда, ходившего на Царьград, была существенно расширена, вероятно, домыслами летописца.[2] Рассказ о крещении русов из Хронографа 1512 г. был озаглавлен «О князи рустемъ». В Никоновской же летописи прибавлено «Осколдѣ», из чего следует, что летописец считал его первым князем-христианином. Гипотеза русских историков XVI в. о крещении Аскольда получила большую популярность начиная с В. Н. Татищева. Особенно много об этом писали во второй половине XX в., когда Аскольд стал представляться как глава мощного славянского государства в Поднепровье середины IX в. При этом реальная история сложения рассказа о походе Руси на Царьград и первом крещении просто игнорируется.[3]

В украинской Густынской летописи, составленной в самом начале XVII в., учтены не только летописи и польские хроники, но и большин-

---

[1] *Буланин Д. М.* Окружное послание Константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI–XVII вв.//Старобългаристика. 1988. Т. 5. Вып. 2. С. 35–54.

[2] *Творогов О. В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир?//Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 157–177, 186–187.

[3] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 162–173; *Брайчевский М. Ю.* Неизвестное письмо патриарха Фотия киевскому кагану Аскольду и митрополиту Михаилу Сирину//ВВ. 1986. Т. 47. С. 31–38; *Он же.* Утвердження християнства на Русі. Київ, 1988; Основания регионалистики/Вас. А. Булкин, А. С. Герд, Г. С. Лебедев, В. Н. Седых. СПб., 1999. С. 192–199.

ство напечатанных к тому времени греческих и латинских источников. Анонимный летописец постоянно ссылается на Цезаря Барония: Annales ecclesiastici auctore C. Baronio, первые тома которых были изданы в Риме в 1587–1600 гг. (все 12 выпущены к 1607 г.). Летописец насчитал пять крещений, о которых рассказывает в статье 6494 (986) г. Первое было от апостола Андрея. О его путешествии по Днепру говорится в «Повести временных лет», но о крещении там ничего не сказано. Летописец ссылается здесь на Тертуллиана и Барония, считая сарматов предками восточных славян. Второе — это крещение болгар и проповедь свв. Кирилла и Мефодия в Моравии. Третье крещение было при патриархе Фотии и императоре Василии I. Четвертое — это крещение св. Ольги, а «пятое и конечьное» было при Владимире.

Далее летописец сообщает, что патриарх «Никола Хрисоферхъ» прислал к Владимиру проповедовать «Кирила Философа». Первым митрополитом, который пришел на Русь из Корсуня вместе с князем, назван Михаил. Под 989 г. упомянуто, что Владимир взял у патриарха Сергия епископов Иоакима Корсунянина, Феодора и Фому (об источнике этих сведений см.: Гл. 6. 1). Сергий действительно был современником св. Владимира, но патриархом был в 1001–1019 гг. Под 992 г. сказано, что после смерти Михаила по просьбе Владимира патриарх Евстафий (1019–1025) прислал ему митрополита Леона. Эти сведения были использованы в Южнорусском (по определению А. И. Соболевского) распространенном житии св. Владимира XVII в. (см.: Гл. 3. 6).

Настоящее имя патриарха, при котором крестился св. Владимир — Николай Хрисоверг, упоминается только в трех русских текстах XVI в. Сначала в «Похвале» князю Владимиру (названа так А. И. Соболевским) и «Поучении на память иже во святыхъ... князя Владимира»,[1] где первым митрополитом назван Леон. «Поучение» было одним из источников жития св. Владимира из Степенной книги (см.: Гл. 3. 6).

---

[1] *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому//Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси/Под ред. А. И. Соболевского//ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 58–65; *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии//ВЦИ. М., 2006. № 2. С. 5–6, 13, 18–19, 33, 41.

Агиограф постарался совместить обе точки зрения. Современниками князя названы сначала Фотий, приславший митрополита Михаила, а затем «Никола Охрисовергис», приславший Леонтия.

2. Исторический контекст крещения Руси св. Владимиром

Реальные обстоятельства крещения Руси, судя по сохранившимся летописным и житийным текстам, игнорировал даже составитель Древнейшего свода. О тяжелой внутриполитической ситуации в Византии не говорит ни один летописец. Лишь слабый отголосок событий 987–989 гг. виден в вымышленных обстоятельствах Корсунского сватовства к сестре императоров. М. Д. Приселков, а затем А. Поппе подробно писали о том, что крещение Руси при Владимире было тесно связано с положением дел в Восточной Римской империи.[1] В чем же причина умолчания русских источников?

В статьях 6494 (986) и 6495 (987) гг. «Повести временных лет» и предшествовавшего ей Начального свода (читается в Новгородской 1 летописи младшего извода) сохранились два не связанных друг с другом рассказа. Один говорил о проповеди мусульман, католиков, иудеев и греков, другой — об «испытании службы» этих народов по распоряжению самого князя. На последнем этапе формирования летописного текста под 6496 (988) г. была присоединена легенда о крещении Владимира в Корсуне после захвата города. Вопрос о составе и истории формирования комплекса летописных статей, посвященных крещению Руси, мы рассмотрим в следующем разделе. Как уже говорилось в Главе 1, на самом деле князь крестился в Киеве за два года до похода на Херсонес. Фрагменты первоначального рассказа об этом событии из Древнейшего свода 1030–40-х гг. сохранились и в переделанном позднее летописном тексте.

---

[1] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 26–35; *Poppe A.* The Political Background of the Baptism of Rus' // *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. P. 197–244.

В первом произведении, трактующем крещение Руси, в «Слове о законе и благодати» 1040-х гг., митрополит Иларион написал, что блаж. Владимир постиг смысл христианской веры божественным, чудесным образом. Так же утверждал Иаков Мних в «Памяти и похвале князю Владимиру», а в «Чтении о житии и погублении блаж. страстотерпцев Бориса и Глеба» преп. Нестор (1081–1088) приписывал обращение князя видению. Как мы видели, рассказы Владимира о своих видениях засвидетельствованы его современником св. Бруно Кверфуртским (см.: Гл. 1. 2).[1] В источнике Иакова Мниха крещение относилось к десятому году после 11 июня 6486 (978) г., т. е. к 987 г. Дата 6495 (987) г. прямо называется преп. Нестором в «Чтении». Взятие Херсонеса, согласно Иакову Мниху и современнику событий Льву Диакону, было в 989 г.[2] (к вопросу о хронологии Корсунского похода мы вернемся в следующей главе). Блаж. Владимир взял город, чтобы, по словам Иакова и Проложного жития, привести учителей веры для своего народа. Ни один из ранних авторов в отличие от летописца не связывает крещение с богословскими диспутами или изучением богослужебных обрядов.

Оба летописных рассказа, о проповеди миссионеров под 6494 (986) г. и об «испытании службы» под 6495 (987) г., на самом деле отражают интенсивный обмен посольствами в 983–988 гг. Возможно, не все они были связаны с религиозными делами, но позднейшая благочестивая легенда связала их исключительно с обращением Руси.

В «Повести временных лет» и Начальном своде под 6494 (986) г. рассказано о приходе миссионеров к Владимиру. Первыми были проповедники от болгар-мусульман. О войне с Болгарией и о заключении мира было сказано выше, и это посольство носит явно религиозный характер. Если учесть давние торговые связи Руси и Волжской

---

[1] *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 48, 50.

[2] Перенесение Д. Д. Оболенским вслед за О. М. Раповым взятия Херсонеса на период после 25 октября 990 (6498) г. не имеет основания ни в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, ни в «Истории» Льва Диакона. См.: *Оболенский Д. Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55. С. 53–61.

Болгарии, то в желании обратить в свою веру ближайшего соседа и торгового партнера нет ничего удивительного. Походы времен Святослава, отца Владимира, избавили болгар от подчинения хазарам, исповедовавших иудаизм, а сам князь с 986 г. контролировал устье Волги (Гл. 1. 3, Гл. 2. 2–3). В рассказе о том, как княжии мужи ездили смотреть службу каждого народа, из статьи 6495 (987) г. говорится, что сначала они отправились к болгарам. Но те сами только в начале X в. приняли ислам и едва ли были особенно сведущи в богословии.

Арабский врач ал-Марвази (около 1120 г.) в своем естественнонаучном сочинении традиционный рассказ предшественников-географов о воинственности русов дополнил историей их перехода в ислам. В Хорезм прибыло посольство от их царя, титул которого (а не имя!) звучит как «Буладмир». Согласно ал-Марвизи, русы были уже не язычниками, а христианами (с 912 г.), и разочаровались в своей вере из-за ее миролюбия. Естественно, что в арабском предании русы, ознакомившись с исламом, приняли его.[1] В Начальном своде и «Повести временных лет», наоборот, устами послов и греческого проповедника дана резко отрицательная характеристика мусульманского вероисповедания и богослужения. И в арабском, и в русском рассказах посольство имело исключительно религиозную задачу,[2] но у него были, конечно, и политические. Связи Руси с Хорезмом установились в X в., когда здесь прошел торговый путь из Волжской Болгарии в страны арабского Востока в обход приволжских владений Хазарии. Владимир одно время подчинил себе земли в устье Волги и изгнал хазар. Но в начале 990-х гг. эмир Хорезма Мамун Ибн Мухаммед, освободившись от власти среднеазиатских Саманидов, захватил

[1] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 83–84 (о наследовании русами мечей), 106–107; *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi*. On China, the Turks and India. Arabic Text with English Transl. and comm. by V. Minorsky. London, 1942. P. 36.

[2] *Новосельцев А. П.* Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 68–70; *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 295.

дельту. Он установил сюзеренитет над остатками каганата и заставил хазар принять ислам.[1]

В свете этих событий становится понятным и упомянутый в летописи приход к Владимиру хазарских проповедников иудаизма.[2] После разгрома каганата в 968–969 гг. хазарам удалось вернуться благодаря помощи ширван-шаха Мухаммеда, и вероятно, тогда впервые встал вопрос о переходе в ислам. Арабские ученые писали, что Мамун Ибн Мухаммед в 990-х гг. изгонял из хазарских земель «турок». Следовательно, Владимир отдал низовья Волги своим союзникам огузам (торкам).[3] Очевидно, целью хазарского посольства было не столько обращение князя в иудаизм, сколько возвращение хазар в свою землю.[4] У них в течение долгого времени было двоевластие, которое закончилось тем, что «бек» (царь) окончательно оттеснил от власти кагана. Возможно, за Владимиром были готовы признать и этот титул, самовольно присвоенный князьями русов еще в 830-е гг.[5]

---

[1] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 221–230.

[2] Об особенностях хазарского иудаизма см.: *Лурье В. М.* Рец. на кн.: *Brook K. A.* The Jews of Khazaria. Northvale — New Jersey — Jerusalem. 1999//Христианский Востокъ. СПб.; М., 2001. Т. 2 (VIII). Новая серия. С. 436–439.

[3] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство... С. 222.

[4] А. Кёстлер полагает, что хазарское государство, исповедующее иудаизм, продолжало существовать вплоть до XIII в. При этом он ссылается на известие о мятеже в Боспоре Георгия Цулы в 1016 г., считая его самостоятельным правителем и не упоминая о его печати, где указан его титул византийского чиновника: *Koestler A.* The Thirteenth Tribe. London, 1976. Рус. пер.: *Кёстлер А.* Тринадцатое колено. СПб., 2001. С. 130–182. Ср.: *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города//Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 118–119; *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 215.

[5] Текст Бертинских анналов о «хакане» «народа Рос» см.: *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 9–10, комм. на с. 11–14. Библиография вопроса: *Петрухин В. Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии//ДГ 1999. М., 2001. С. 127–142.

Принятие князем иудаизма давало возможность для восстановления могущества Хазарского государства, в чем Владимир совершенно не был заинтересован. Сыграли роль и постоянные поражения, которые терпели хазары от него самого и его отца. По представлениям язычников, это было явным знаком Божественного гнева. Когда Владимир узнал, что и сами иудеи были лишены священного города Иерусалима, ни о каком принятии их веры не могло быть и речи: «Аще бы Богъ любилъ васъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прияти».

Исследователи в той или иной мере склоняются к мысли, что утверждение о христианской власти в Иерусалиме попало в летопись после взятия его крестоносцами в 1099 г.[1] Но когда греческий Философ, пришедший после всех миссионеров, объясняет князю причины рассеяния евреев, он говорит о покорении их земли римлянами. Следовательно, в летописи подразумевается последующее торжество христианства в Империи.[2] О том, что до арабского завоевания Иерусалим принадлежал Восточной Римской империи, летописец знал из византийской хронографии. Во времена создания Древнейшего свода 1030–40-х гг. были достигнуты серьезные успехи в борьбе с арабами. В X в. халифат распался на отдельные владения, и уже во второй половине века Византии удалось вернуть Крит, Родос и Антиохию. Император Иоанн Цимисхий в рейде 975 г. дошел практически до Иерусалима. В начале XI в. единственным соперником Византии в Северной Месопотамии и Сирии был Египет, где правила династия Фатимидов.[3] Как мы увидим дальше, русских летописцев XI в. мало интересовала современная жизнь Империи. Но реальная

---

[1] *Toločko P.* Volodimer Svjatoslavič's Choice of Religion: Fact of Fiction? // Proceedings... P. 825–826.

[2] *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 74.

[3] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 86–88; *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1885. С. 59, 62; *Матвеев А. С.* Военное дело арабов // *Никифор II Фока.* Стратегикон. СПб., 2005. С. 183.

надежда на скорое возвращение Иерусалима вполне могла отразиться в их сочинениях как свершившийся факт.

Согласно летописной статье 986 г., после мусульман к Владимиру пришли посланцы папы римского: «По семъ же приидоша немьци отъ Рима, глаголюще, яко: "Приидохомъ послани от папежа"». Свой отказ принять их веру князь объясняет тем, что «отьци наши сего не прияли суть». Видимо, здесь Владимир вспоминает о неудачной попытке учредить в Киеве католическую епископию во главе с Адальбертом, будущим Магдебургским митрополитом. Как сказано у Продолжателя Регинона, по просьбе княгини Ольги он был рукоположен в 961 г., но сразу же изгнан из Руси, видимо, повзрослевшим Святославом.[1] Интересно, что сам этот эпизод никак не отражен в русских летописях или житиях.

Как указывает А. В. Назаренко, союз Руси и Германской империи существовал весь период правления Оттона II (973–983). Обмен посольствами, о котором идет речь в летописи, по его мнению, был осуществлен накануне смерти императора в 983 г. Оттон искал тогда союзника в борьбе с Василием II. В 982 г. он отправился на войну с арабами, захватившими владения Византии на юге Италии. Хотя поход был направлен против врагов Восточной Римской империи, он неминуемо должен был обострить отношения с Василием II. Римскими папами тогда были Бенедикт VII (974–983) и Иоанн XIV (983–984), оба ставленники Оттона.[2] Вполне вероятно, что император попытался обратить «короля Руси», как называли тогда киевских князей, в христианство.

После смерти отца Оттон III (980–1002, император с 983) остался ребенком, и правила его мать императрица Феофано, племянница покойного византийского императора Иоанна Цимисхия. В 985 г. на папском престоле утвердился Иоанн XV (985–996). Ситуация первых лет правления Оттона III была слишком сложной, чтобы Феофано могла озаботиться крещением Руси. Обмен посольствами для

---

[1] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 106–108; *Он же.* Древняя Русь... С. 286–308.

[2] *Он же.* Древняя Русь... С. 420–423.

подтверждения прежнего союза, безусловно, должен был состояться. О поездке «мужей» Владимира в Германию (а не в Рим) сообщается в статье следующего 6495 (987) г.

Последним, согласно летописи, приезжает Философ, которого «прислаша грьци». В тексте не сказано, что его послали цари или патриарх. Его безымянность и откровенно литературный характер его проповеди (о Речи Философа см. подробно в следующем разделе) заставляют предположить, что это не воспоминание о конкретном историческом эпизоде, а собирательный образ византийского проповедника. Эпохой подъема византийского миссионерства была первая половина — середина X в. Оно началось еще в IX в., в эпоху Михаила III и Василия I, когда были крещены Русь и Болгария и протекала деятельность свв. Кирилла и Мефодия в Моравии. Однако в отношении Руси в X в. был очевиден определенный скептицизм.[1] Константин Багрянородный написал о крещении русов при императоре Михаиле и патриархе Фотии, но когда крестилась княгиня Ольга, он по непонятным причинам не послал с ней на Русь архиерея. К венграм, которые тогда тоже приняли христианство, он епископа, тем не менее, отправил.[2] Русская княгиня была вынуждена просить епископа в Западной Римской империи. Г. Г. Литаврин полагает, что христианскую проповедь на Руси вели в это время болгары. Едва ли такая инициатива могла сохраниться в эпоху после войн Святослава, когда языческая Русь, пытавшаяся захватить Болгарию, стала ее врагом.[3]

Восточную Римскую империю после смерти Романа II в 963 г. сотрясали постоянные мятежи знати и восстания окраинных земель. Но императоры-узурпаторы Никифор Фока и Иоанн Цимисхий добились впечатляющих успехов в борьбе с мусульманами, и это могло оживить в монашеской среде миссионерские чаяния. Двойственность

[1] *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 171–172, 212–215.

[2] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 239–240; *Кузнецова А. М.* Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия//Христианство в странах... С. 342–345. Там же библиография вопроса.

[3] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария... С. 306–317; *Он же.* Византия и славяне. С. 400–402.

отношения Византии к просвещению Руси отразилась и в двух вариантах рассказа о знакомстве с православной верой. С одной стороны, это проповедь Философа, которого «прислали греки», никак не определенные в тексте. С другой — инициатива самого князя, который захотел узнать обо всех верах. В Проложном и Обычном житиях св. Владимира он действует по Божьему вдохновению. В летописи князь предпринимает свои изыскания под влиянием миссионеров, но эта причинно-следственная связь, как мы увидим дальше, возникла из-за того, что летописец соединил два разных предания.

Решение вопроса, насколько принятие христианства Русью связано с политической обстановкой в Византии 987–989 гг., зависит от хронологии крещения и гражданской войны в Империи.

В Гл. 1. 3 уже говорилось, что в «Памяти и похвале» крещение 6495 г. могло быть датировано по византийскому сентябрьскому летоисчислению (что более вероятно) или по русскому мартовскому. В первом случае оно бы пришлось на 1 сентября 986 г. — 31 августа 987 г., во втором на 1 марта 987 г. — 29 февраля 988 г. В обоих случаях это десятый год после 11 июня 6486 (978) г., когда был убит Ярополк, а Владимир стал князем Киевским. Если же мы будем считать годы княжения, то это окажется период с 11 июня 987 г. по 11 июня 988 г. Тогда взятие Херсонеса летом 989 г. все равно придется на третий год после крещения.

Правление Василия II и Константина VIII было полно драматических событий и почти постоянного смертельного риска для юных императоров. В 963 г., когда умер их отец Роман II, старшему, Василию, было пять лет, а его брату три года. Их сестра Анна, будущая жена Владимира, родилась за два дня до смерти отца, 13 марта 963 г.[1] В том же году власть захватил полководец Никифор Фока, венчавшийся на царство как соправитель. Он и его брат Лев прославились победами над арабами. Императрица Феофано, которую подозревали в отравлении мужа, стала женой Никифора. Она же в 969 г. способ-

[1] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 254; перевод см.: *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 114–117. См. также: *Шрайнер П.* Miscelanea Byzantino-russica//ВВ. 1991. Т. 52. С. 157.

ствовала его убийству Иоанном Цимисхием, но на этот раз она не стала супругой нового императора, а была сослана.

Убийство императора Никифора стало формальным предлогом для разрыва Святославом союза с Византией и вызвало восстание Варды Фоки, сына Льва Фоки. Русский князь, вторгшийся в Болгарию по просьбе прежнего императора, теперь попытался сделать ее своим владением и даже нападал на земли Византии. После венчания на царство Иоанн Цимисхий подавил мятеж, в 971 г. разгромил Святослава и легко присоединил бóльшую часть Болгарии. В 976 г. он умер, по догадкам современников, отравленный паракимоменом Василием, незаконным сыном императора Романа I Лакапина. Покойному императору Роману II всесильный евнух приходился дядей, а Василию и Константину — двоюродным дедом.

Смерть Цимисхия вызвала очередное выступление мятежного военачальника, на этот раз Варды Склира, родича и соперника Варды Фоки. В 979 г. Фока, которого вернули из ссылки, разгромил Склира, и тот бежал к арабам в Багдад. В Болгарии с новой силой вспыхнуло восстание четырех братьев Комитопулов, которые впервые возглавили мятежную знать еще при жизни царя Петра в 969 г. Теперь из Константинополя бежали сыновья Петра: Борис, лишенный Цимисхием царского титула, и оскопленный по его приказу Роман. Бывший царь был убит при загадочных обстоятельствах, а скопец Роман благополучно прибыл на родину. В 986 г. Василий II отправился в свой первый самостоятельный поход против болгар и потерпел сокрушительное поражение. Он не сумел взять Сардику (Софию), а при возвращении войско было разбито Комитопулом Самуилом. В этой войне участвовал и хронист Лев Диакон.[1]

Узнав о поражении Василия, арабы выпустили Варду Склира. В январе 987 г. он уже занял приграничные территории Византии. Отправленный против него Варда Фока обманом захватил Склира в плен, но осенью сам провозгласил себя императором и дошел до Хрисополя. Перед началом восстания Фока был доместиком схол Востока, т. е. главнокомандующим войсками азиатской части Империи.

[1] *Лев Диакон*. Указ. соч. С. 89–90.

Вместе со своими союзниками в армянских фемах он теперь контролировал всю Малую Азию, Средиземноморское и Черноморское побережья от Лаодикеи до Трапезунда. Под властью законных императоров оставались только европейские фемы, которым реально угрожали болгары Комитопула Самуила.

В этом безнадежном положении Василий и обратился за помощью к Владимиру. Византийские хронисты второй половины XI в. Михаил Пселл и Иоанн Скилица сообщают, что в битве при Хрисополе (988 г.) участвовал отборный отряд русских. Скилица вскользь упоминает о заключении в это время брака Владимира и Анны. Младший современник событий, арабский христианский историк Яхъя Антиохийский, сообщает, что посольство к царю русов отправилось после начала мятежа Фоки в 987 г. Не называя имен, он утверждает, что условием брачного договора было крещение Руси.[1]

Едва ли Василий предложил северному варвару руку своей сестры до того, как положение обострилось до предела. По Скилице, Фока провозгласил себя императором 15 августа 987 г., по Яхъе — 14 сентября, но в Византии это был уже следующий 6496 г. В. Р. Розен на основании показаний Яхъи полагал, что переговоры состоялись только после того, как войска Варды Фоки дошли до Хрисополя. Это было в конце 987 г., следовательно, посольство попало в Киев весной 988 г., а вернулось, во всяком случае, после 4 апреля 988 г. Хрисовул, изданный в этот день, проникнут таким отчаянием, которое едва ли владело бы императором, если бы уже прибыл варяжский корпус.[2] В этом случае крещение Владимира (самое позднее в феврале 988 г. — 6495 г. по мартовскому стилю) никак не было связано с помощью императору и женитьбой на его сестре.

А. Поппе полагает, что Василий II отправил посольство к Владимиру с просьбой о помощи еще летом 987 г., как только узнал о пере-

[1] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 336; перевод см.: *Бибиков М. В.* Указ. соч. С. 66; *Михаил Пселл.* Хронография. Пер. с греч., вступ. ст. и комм. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 10; *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 20–24.

[2] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 197–198; *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире//ВВ. 1953. Т. 7. С. 204. Отрывок текста см.: *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 166, прим. 3.

говорах Фоки с мятежником Склиром. Другой аргумент исследователя — французский король Гуго Капет, предполагавший посватать Анну за своего сына Роберта, отказался от своих планов в январе 988 г. Летоисчисление в «Памяти и похвале» он считает мартовским и крещение Владимира относит к 1 января 988 г. (6495 мартовского). Крещение киевлян и женитьба на Анне произошли летом 988 г.[1]

Можно привести еще один аргумент в пользу ранней отправки посольства. Яхъя Антиохийский утверждает, что еще в 986 г. Василий раскрыл заговор, во главе которого стоял всесильный паракимомен Василий. Михаил Пселл относит его высылку к позднейшему периоду, ко времени после победы над Вардой Фокой у Авидоса 13 апреля 989 г. Но, вероятно, заговор реально существовал. По крайней мере, летом 986 г. был наказан полководец Лев Мелиссин,[2] будущий участник мятежа Варды Фоки, а сам Варда понижен в должности с доместика схол Востока до дуки и правителя Антиохии.[3] В такой ситуации Василий не мог ему доверять.

Если посольство императора отправилось в путь летом 987 г., то оно могло тогда же достигнуть основных соглашений относительно военной помощи и брака Анны и Владимира. Но если в «Памяти и похвале» применен сентябрьский год, то скорее всего, князь был уже христианином. Возможен, конечно, и другой вариант: Владимир, уже давно думавший о принятии христианства, крестился летом 987 г., как только получил заманчивое предложение от императора.

Предположение о том, что в 987 г. было оглашение, а впоследствии в Корсуне состоялось крещение, впервые было высказано Ж.-П. Арриньоном в его диссертации и в той или иной степени поддержано о. М. Арранцем и Д. Д. Оболенским.[4] Необходимость в этой гипотезе

---

[1] *Poppe A.* Op. cit. P. 232–235, 239–241. Так же считает и В. Водов: *Vodoff V.* Naissance de la Chrétienté Russe. Fayard, 1988. P. 79.

[2] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 330–331.

[3] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 20, 172–174. Датировка посольства 986 г. после болгарского поражения см.: *Васильевский В. Г.* К истории 976–986 гг.// Труды. СПб., 1908. Т. 2. Вып. 1. С. 87–88.

[4] *Arranz M.* A propos du baptême du prince Vladimir //La Christianisation de la Russie ancienne. 988–1988: un millénaire. UNESCI. 1989. P. 81–98; Пе-

возникает только в том случае, если вслед за летописцем соединять рассказы середины XI в. о миссионерах и «испытании службы» с позднейшими легендами о Десятинной церкви. Они не искажали совершенно действительность, но присоединяли подробности, которые в корне меняли суть дела. В рассказ о варягах-христианах, убитых при Владимире-язычнике, добавили всего одну деталь — Десятинная была построена на месте их дома. Так основание церкви оказывалось положенным на крови мучеников. При этом еще во времена Ярослава дружина должна была помнить, что на этом месте были могильные насыпи их отцов и дедов. В рассказе о походе на Корсунь изменилось самое главное — князь крестился именно в этом городе. Таким образом храм, заложенный через три года после крещения, был связан с первопричиной этого важнейшего события в истории Руси.

Видимо, Владимир все же принял христианство в 6495 сентябрьском (986/987) г., еще до того, как Василий попал в безвыходное положение. В этом случае князь так же мог получить крестильное имя Василий в честь императора: Константинополь не мог оставаться в стороне от такого знаменательного события, как крещение архонта росов. Вероятно, рассказ об «испытании службы» опирается не только на воспоминания о посольствах в Хорезм и в Германию. Если Владимир собирался креститься, то он должен был просить священника, наставников в вере, богослужебные книги и утварь. За этим князь и отправил посольство, «въдохнувъ въ себе благодать Святаго Духа», как сказано в Проложном житии. Так как помощь императору никак не была связана с крещением, то в русских источниках и не сохранились воспоминания о ней.

Так как Владимир крестился незадолго до начала переговоров, то могло сложиться впечатление, что именно обращение императора за помощью и сватовство к его сестре были причиной принятия христианства. Так представлено дело у Яхъи Антиохийского и у другого

рев.: *Арранц М. О* крещении князя Владимира//Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993. С. 62; *Оболенский Д. Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения//ВВ. 1994. Т. 55. С. 53–61; *Он же.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 208; *Петрухин В. Я.* Указ. соч. С. 76–79.

арабского историка, Абу Шоджи, писавшего в конце XI в.[1] Об этом же вскользь упоминает армянский историк, современник событий, Степан Таронский Асохик.[2] Знаменательно, что эти сообщения происходят из земель, которые были опорой восстаний Варды Склира и Варды Фоки. Антиохия была центром территории, подчинявшейся ему как доместику схол Востока, и перешла на сторону законных императоров только через полгода после его гибели в Авидосской битве 989 г. Первое восстание Склира поддерживали армянские Багратиды, князья Тарона, а Давид, куропалат Тао, в 988 г. помогал Варде Фоке. Само упоминание о женитьбе русского царя на сестре Василия происходит из рассказа Асохика о том, как император в 1001 г. после смерти Давида явился принять его земли. Князья Тао принесли присягу, но почти все погибли во внезапной стычке с отрядом русов. Разговоры о том, что Василий обещал свою сестру в жены некрещеному варвару, лишь бы спасти трон, циркулировали в кругах, враждебных императору. Византийские источники, «забывающие» о крещении Руси, молчаливо подразумевают, что Василий обращался за помощью к христианину, а не язычнику.

Замужество Анны и без того было в высшей степени скандальным. Ее дед Константин VII специально писал о недопустимости браков дочерей Империи с варварами.[3] Его внучку (может быть, сестру Анны) сватал в 967 г. своему сыну и соправителю Оттону II император Западной Римской империи Оттон I и получил оскорбительный отказ от узурпатора Никифора Фоки.[4] Впоследствии супругой Оттона II стала всего лишь племянница следующего императора-узурпатора, Иоанна Цимисхия. Когда же в 995 г. их сын Оттон III посватал-

[1] *Кримський А., Кезма Н.* Оповідання арабського историка Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь//Збірка на пошану акад. Д. И. Багалія. Київ, 1927. С. 393–395.

[2] Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию/ Пер. Н. Эмин. М., 1864. С. 200–201.

[3] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 58–65.

[4] См., например: *Лиутпранд Кремонский.* Отчет о посольстве в Константинополь//*Он же.* Антаподосис. М., 2006. С. 130–131.

ся к багрянородной племяннице Василия, дочери его брата Константина VIII, ему не ответили прямым отказом, но и не дали согласия. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский, современник Владимира, и двадцать лет спустя описывал брак Владимира как коварный увод чужой невесты язычником.[1]

Возникает вопрос, почему же Василий пошел на такое унизительное замужество сестры, если речь шла только о варяжском корпусе, как полагает большинство исследователей вслед за В. Г. Васильевским.[2] Сами скандинавские конунги не обладали властью, которая бы позволила им запретить викингам наняться, к кому они хотят. Тем более не мог им помешать Владимир — для этого нужно было бы предпринять военную акцию с сомнительным исходом. Единственное, что можно было сделать, это препятствовать передаче соответствующей информации в скандинавские страны. Но и тут император мог выйти из положения, переправив ее с купцами. Некоторый свет на этот вопрос проливают византийские военные руководства X в.[3]

Как уже было сказано выше, русы начали служить в императорском подразделении византийского флота с 909 или 911 г., т. е. сразу после похода Олега. Последняя морская экспедиция, в которой они упоминаются, это захват Крита Никифором Фокой (тогда еще полководцем Романа II) в 960 г.[4] Логично предположить, что это были викинги. Но во второй половине X в. заметно изменение ситуации. В «Стратегике императора Никифора», написанной вскоре после 969 г., росы упоминаются рядом с «дротикометателями» и «другими язычни-

---

[1] *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 61, 66. Немецкий хронист почему-то называет жену Владимира Еленой и невестой Оттона III. Очевидно, в его памяти совместились воспоминания юности обо всех брачных кознях византийского двора. См.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь ... С. 257–261.

[2] *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI–XIII вв. // *Он же.* Труды. Т. 1. С. 176–180.

[3] О византийском войске см.: *McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century / Dumbarton Oaks Studies. Washington, 1995. Vol. 33; *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

[4] *Продолжатель Феофана.* С. 198.

ками». Их задача — прикрывать интервалы в пехотном каре.[1] Трактат посвящен ведению войны с арабами в условиях Ближнего Востока.

В трактате «Об устройстве лагеря», в отличие от первого, посвященном европейскому театру военный действий, «росы» упоминаются многократно. Ю. А. Кулаковский, в 1900 г. посчитавший их «русским гвардейским отрядом», в примечаниях к изданию «Стратегики императора Никифора» в 1908 г. уже воздерживается от такого определения.[2] Трактат «Об устройстве лагеря» был написан вскоре после катастрофы в Болгарии в 986 г. Первый раз автор рассматривает походный порядок. Он пишет: «Пусть император имеет при себе собственных токсотов (лучников), если пожелает; пусть при нем будут также росы и малартии». Кто такие малартии, постоянно упоминающиеся вместе с росами, не ясно: в других текстах о них не говорится. Далее о росах опять сказано как о пехотинцах, которые следуют с императором вместе с лучниками и малартиями. Последний раз автор пишет о «верховых росах» в рекомендациях по ночному штурму вражеского лагеря. В. В. Кучма полагает, что в трактате речь идет о небольшом подразделении (тагме) численностью в 150 человек неясной этнической принадлежности.[3]

В обоих трактатах росы фигурируют вместе с легковооруженными воинами,[4] следовательно, они и сами имеют легкое вооружение. У викинга обязательно были шлем, кольчуга, секира или меч, пусть иногда и плохого качества, и щит. Как вооружение дружинника, часто упоминаются лук и копья, которые в X в. в бою действительно

---

[1] *Никифор II Фока*. Стратегика. СПб., 2005. С. 7 и прим. к ней.

[2] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат по военному делу//ВВ. 1900. Т. 7. Вып. 4. С. 657–659; *Он же*. «Стратегика»... С. 34; 2-е изд.//*Никифор II Фока*. Указ. соч. С. 134. Именно здесь он указал, что В. Г. Васильевский ошибся, посчитав, что до 988 г. росы не служили в Византии.

[3] Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 350, 360, 362, 379; *Кучма В. В.* Об устройстве лагеря. Введение//Там же. С. 274–275.

[4] Два византийских... С. 128–129, прим. 249–250.

метали.[1] Это вооружение никак нельзя назвать легким. Скандинав, отправлявшийся искать удачи в Византию, всегда имел хотя бы меч, шлем и щит.[2] Все это заставляет думать, что среди росов на византийской службе в конце X в. появилось значительное количество славян. Их нанять без согласия Владимира было действительно невозможно.

Асохик утверждает, что у Василия в 1001 г. было 6 000 русов, отправленных своим царем. Не стоит воспринимать это указание буквально. Историк писал, что в 998 г. Давиду для войны с персами армянский царь Гагик дал «6 000 войска», а иверийский (грузинский) царь Гурген «отправил 6 000 отличной конницы».[3] Однако, если русы в 1000 г. сумели победить в стычке дружины князей Тао (Василий и его войско не вмешались в бой), это был большой контингент, и едва ли он состоял из одних варягов. Например, самый большой отряд росов, упомянутый Константином Багрянородным, — это 700 человек в императорском подразделении флота при общей численности его личного состава в 12 000.[4] Безусловно, неправомерно относить сведения о росах на 1001 г. к войне, которая велась в 988–989 гг. Но именно в эти годы Василий особенно остро нуждался в наемниках. Императорское войско было перебито в Болгарии, а все подразделения на Востоке перешли на сторону Варды Фоки. В этих условиях у императора действительно не было выхода.

Почему же реальные причины заключения брака с византийской царевной никак не отразились даже в таком раннем памятнике, как «Память и похвала» Иакова Мниха? Он пишет, что захватив Корсунь уже христианином, князь попросил Анну в жены, чтобы «ся болма на христианский законъ наставити». Судя по всему, все обстоятельства женитьбы Владимира были тщательно завуалированы еще

---

[1] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. Л., 1980. 2-е изд.: М., 1995. С. 164–165.

[2] «Варяжская гвардия» появляется, судя по всему, во второй четверти XI в. Тогда же фиксируется слово «веринг» в скандинавских источниках: *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 403, 653, прим. 11.

[3] Всеобщая история... С. 194, 200–201.

[4] *Constantini Porphyrogeniti* Op. cit. P. 651.

в прижизненной похвале князю и его багрянородной супруге. В Гл. 1. 5 уже говорилось, что даже в летописи, в статье 6488 г., рассказывающей о языческих браках князя Владимира, сохранились фрагменты энкомия Анне как «доброй жене». Неустанный, неусыпный труд жены на благо своего дома, который описан в *Притчах Соломона* (31: 10–29), символизировал заботы царевны о просвещении Руси. О том, что она построила много церквей, писал ее современник Яхъя Антиохийский, а другой, Титмар Мерзебургский, полагал, что она убедила Владимира стать христианином.[1] В Корсунской легенде сохранилось увещевание императоров, обращенное к сестре: «Еда како обратить Богъ Рускую землю в покаяние».

По сути дела, Василий заплатил своей сестрой за помощь северного варвара. Естественно, что обе стороны хотели представить эту сделку как акт добровольного самопожертвования во имя спасения и христианского просвещения целого народа. Анна из жертвы политического расчета превращалась в миссионерку, движимую любовью к истинному Богу и людям. Видимо, она действительно много делала для строительства храмов и обучения священников. В преамбуле Церковного устава Владимира говорится, что, принимая его, князь советовался с супругой. Возможно, библиотека болгарского царя Симеона прибыла в Киев как приданое Анны.[2]

Остатки энкомия Анне — обширная цитата из *Притчей Соломона*, никак не связанная с летописным рассказом о языческих женах Владимира, свидетельствует, что Древнейший свод еще писал о ней. Впоследствии в летописи оставили только описание ее бракосочетания. Политическая подоплека союза с императором Василием отсутствовала всегда. Когда исчезла и религиозная мотивировка, невероятный брак Анны остался без всякого объяснения. Летописец вставил в текст Корсунскую легенду, где «цесарица» представала в сомнительном образе очередного военного трофея Владимира, но и сам акт крещения ставился в зависимость от женитьбы на ней.

---

[1] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 135, 140; *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 24.

[2] *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. // Христианство в странах... С. 453–455.

3. Летописный рассказ о выборе веры

Судя по произведениям, созданным до появления Начального свода в 1091 г., Древнейший свод уже содержал рассказ о крещении Владимира в Киеве. Не вполне ясно, как он был построен.

А. А. Шахматов возводил к Древнейшему своду всю статью 6494 (986) г., содержащую рассказ о прибытии к Владимиру миссионеров и Речь Философа, а также фрагмент статьи 6495 (987) г., где говорится о совещании князя с боярами.[1] Статья 6494 г. начинается с известия о мусульманских проповедниках из Волжской Болгарии. Оно прямо продолжает рассказ о войне с болгарами и заключении мира. Владимиру понравился исламский рай, но он не захотел отказаться от питья вина. Затем пришли немцы из Рима, но Владимир отверг и их, так как «отьци наши сего не прияли суть». Затем пришли иудеи из Хазарии, но Владимир не послушал и их, так как они были лишены Богом Иерусалима.

Наконец, прибывает Философ из Византии. Сначала он кратко характеризует мусульман и католиков и объясняет Владимиру, что иудеи были изгнаны из своей земли за распятие Бога. Князь задает вопрос: «Чьто ради съниде Богъ на землю, и страсть прия?» Ответ ученого грека традиционно называют Речью Философа, но это, скорее, двоесловие. Князь еще трижды задает вопросы, на которые отвечает его собеседник.

Речь Философа можно разделить на четыре части. Первый большой ответ состоит из рассказа о ветхозаветных событиях и из пророчеств о призвании новых народов. Мировая истории в Речи Философа представлена как непрерывная борьба Сатаны с Богом. Подробно излагается содержание книг Бытия и Исход, но здесь многое взято из апокрифов, прежде всего Малого Бытия. Кратко рассказав о судьях Израиля и еще короче о царях Давиде и Соломоне, Философ останавливается на идолопоклонстве, охватившем Израиль во времена Ровоама и Иеровама, наследников Соломона. Милосердный Бог стал

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 140–161.

посылать к Израилю пророков, которые обличали идолослужение, но их убили. Тогда разгневанный Бог послал новых пророков пророцать, что Он отвергнет иудеев и призовет другие страны. Здесь начинается обширная подборка ветхозаветных текстов из книг *Осии, Иеремии, Иезекииля, Малахии, Амоса, Михея, Варуха, Захарии.* Больше всего цитируется *Исаия*, а также *псалмы Давида.*

Выслушав пророчества, Владимир спрашивает, сбылись ли они. Тогда Философ излагает новозаветную историю. Князь снова задает вопрос, теперь уже о смысле Рождества, Распятия и Крещения. Философ в последнем ответе объясняет их в аспекте борьбы с диаволом и толкует Ветхий Завет в прообразовательном смысле. В завершение он говорит о грядущем втором пришествии Христа и показывает Владимиру «запону» (завесу) с изображением Страшного суда. Князь вздыхает: «Добро симъ одесную, горе симъ ошуюю». Философ предлагает креститься, но Владимир вместо ожидаемого согласия отвечает: «Пожду еще мало». Столь странное решение летописец объясняет желанием узнать о «всех верах».

А. А. Шахматов указал, что это — явное нарушение логики повествования, необходимое летописцу, чтобы присоединить рассказ об «испытании вер» и легенду о захвате Корсуня и крещении в этом городе.[1] И действительно, если мы обратимся к Проложному и Обычному житиям, то увидим, что в них речь идет только об этих двух деяниях князя, а о приезде миссионеров не упоминается.

Изначально беседу с Философом продолжал рассказ о совете Владимира с боярами. В летописи он помещен в начале статьи 6495 (987) г. Изложив приближенным и «старцам градским» проповедь ученого грека, князь вспоминал вместе с боярами о принятии своей бабкой Ольгой «греческого закона» и принимал решение креститься. В Начальном своде и «Повести временных лет» связный рассказ разорван описанием поездки послов, изучавших («испытывавших») богослужение различных обрядов, и их отчетом. Первоначально, как полагал А. А. Шахматов, в Древнейшем своде описание крещения

[1] Разыскания... С. 149–151. А. А. Шахматов относил к Древнейшему своду и наставление в вере, преподанное Владимиру, что, как мы увидим, неверно.

Владимира и киевлян продолжал рассказ о взятии Корсуня, женитьбе на Анне и победоносном возвращении в Киев со многими святынями. Некоторые фрагменты первоначального рассказа о крещении сохранились в статье 6496 (988) г.[1]

А. А. Шахматов сначала считал рассказ о крещении Владимира после проповеди греческого Философа переделкой болгарской легенды об обращении в христианство князя Бориса-Михаила. По мере изучения текста Речи Философа взгляд на нее менялся. Ряд параллелей был впервые указан Н. К. Никольским в Толковой, Полной и Краткой хронографических Палеях. Новый свод примеров приведен в последней работе А. А. Шахматова, посвященной «Повести временных лет». Отказавшись от гипотезы о болгарской повести о крещении князя Бориса, он писал, что и Речь Философа, и известие о его прибытии на Русь «сочинено, составлено летописцем».[2] А. С. Львов предположил, что это произведение было написано на греческом и переведено еще в Кирилло-Мефодиевскую эпоху.[3] Некоторые фрагменты ветхозаветной истории находят соответствие в Летописце Еллинском и Римском и в Тихонравовском хронографе. Сравнение с этими памятниками и Палеями показывает, что они не восходят к Речи Философа, а у них был общий источник. С. Франклин полагал, что им был некий компилятивный греческий хронограф. Помимо него автор Речи Философа обращался к различным богословским сочинениям.[4] Таким образом, Речь Философа была составлена с использо-

---

[1] Там же. С. 142–144, 470–473.

[2] *Шахматов А. А.* Один из источников летописного сказания о крещении Владимира//Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1904. С. 68–74; *Он же.* Разыскания... С. 152–157; *Он же.* Повесть временных лет и ее источники//ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 122–124.

[3] *Львов А. С.* Исследование Речи Философа//Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 300–350.

[4] *Franklin S.* Some Apocryphal Sources of the Kievan Russian Historiography//Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1–27; *Милютенко Н. И.* К вопросу о некоторых источниках Речи Философа//ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 10–17.

ванием нескольких хронографических и многочисленных богословских сочинений. Впоследствии, полностью или в отрывках, они были известны на Руси, и к ним снова обращались книжники. Несмотря на эти данные, некоторые исследователи продолжают считать Речь Философа оригинальным болгарским произведением, хотя и не связывают его непосредственно с крещением князя Бориса.[1]

Первоначальная аргументация А. А. Шахматова опиралась на несколько допущений. Византийский хронист, Продолжатель Феофана, рассказывает о монахе-живописце Мефодии, который расписал зал во дворце Бориса сценами Страшного суда, после чего князь решил креститься.[2] В «Повести временных лет» греческий Философ показывает Владимиру «запону» (завесу), изображающую Страшный суд. Прозвище «Философ» носил св. Константин, в монашестве Кирилл, создатель славянской азбуки, а в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (1411 г.) и в восходящих к ней сводах Философ, проповедовавший Владимиру, прямо назван Кириллом.[3] Сказание о славянской грамоте, внесенное в «Повесть временных лет» под 6406 (898) г., утверждает, что он учил болгар. Правда, здесь он упоминается под своим мирским именем Константин, а не монашеским Кирилл. А. А. Шахматов привел свидетельства нескольких поздних источников, в частности так называемого «Успения Кирилла»,[4] о проповеди св.

[1] *Трендафилов Х.* Речта на философ в страроруската Повесть временных лет и полемичните традиции на Кирил-Константин//Старобългарска литература. 1990. Т. 22. С. 34–46; *Trunte H.* «Doctrina Cristiana»: Untersuchungen zu Kompilation und Quellen der sogenannten «Rede des Philosophen» in der Altrussichen Chronic//Millennium Russiae Christianae. Köln, 1993. S. 355–394.

[2] *Продолжатель Феофана.* С. 72–73.

[3] А. А. Шахматов пишет о сводах 1423 г. и 1448 г., источниках Софийской 1 и Новгородской 4 летописей. В настоящее время установлено, что Софийская 1 отражает Общерусский митрополичий свод нач. XV в., а его источником была Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи. Ее соединение со Второй подборкой дало текст Новгородской 4 летописи. См.: Гл. 1. 1.

[4] Текст см.: Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. С. 152–155.

Константина-Кирилла в Болгарии. На этом основании он сделал вывод о существовании болгарского предания об обращении князя Бориса.

Сюжет о «запоне» с картиной Страшного суда не является повторением Продолжателя Феофана. Там говорилось о росписи стен, в которой художник по Божественному наитию изобразил Страшный суд. «Запона» из летописи сочетает в себе сложные символы Ветхого и Нового Заветов: это и завеса Иерусалимского храма, разорвавшаяся в момент крестной смерти Христа, и алтарная завеса христианского храма, раздвигающаяся и задергивающаяся в определенные моменты литургии. На то, что именно эта ассоциация была основной, показывает именование храмовой завесы в рассказе Философа о Распятии Христа «цьркъвьной запоной».[1] Конечно, традиционно Страшный суд не изображался на алтарных завесах и вообще в восточной части храма, его место было на западной стене. На драгоценных восточных тканях, многочисленные фрагменты которых сохранились, часто были вытканы библейские и евангельские сюжеты. Являясь значительной ценностью сама по себе, такая ткань вполне могла использоваться как алтарная завеса, хотя сюжет и не годился для алтаря. Не имел ли русский книжник в виду какой-то конкретный предмет церковного убранства, который благочестивая традиция связывала с обращением Владимира?

Просветительская и переводческая деятельность братьев свв. Кирилла и Мефодия протекала в Великой Моравии. Что касается проповеди в Болгарии, то в их житиях ничего об этом не говорится. Славянскую грамоту туда принесли уже после смерти св. Мефодия в 885 г. его ученики, изгнанные из Моравии. Об обстоятельствах крещения князя Бориса-Михаила мы уже говорили выше. Только «Успение св. Кирилла» рассказывает о крещении им болгар на реке Брегальнице. Памятник появился не раньше середины XII в., и сам просветитель здесь назван болгарином.[2] В действительности древнейшим сочине-

---

[1] *Петрухин В. Я.* Крещение Руси: от язычества к христианству. М., 2006. С. 113–122. Исследователь полагает, что это была шитая икона, специально предназначенная для миссионерских целей.

[2] *Флоря Б. Н.* К вопросу о датировке «Успения Кирилла» // Советское славяноведение. М., 1986. № 6. С. 63–69.

нием, которое упоминает о проповеди св. Константина-Кирилла в Болгарии, является «Повесть временных лет».

Из текста не ясно, о каком времени идет речь. В статье 898 г. сказано: «Констянтинъ же възвративъ ся вспять, иде учити Българска языка, а Мефодии оста в Моравии. Посемь же Коцьлъ князь постави Мефодия епископа въ Панонии». Выше приводились слова папы римского, одобряющего славянские книги. Торжественная служба по ним была совершена в Риме, куда свв. братья прибыли в декабре 867 г., но «Повесть временных лет» не упоминает об этой поездке. Согласно всем источникам, Константин скончался в Риме 14 февраля 869 г., за пятьдесят дней до смерти постригшись в монахи под именем Кирилла. В «Житии св. Мефодия» говорится, что он после кончины брата поехал не назад в Моравию, а в Блатенское княжество к Коцелу. Вскоре он вернулся в Рим, где и был посвящен в епископы Паннонии (Моравия вошла в его диоцез).[1] «Повесть временных лет» не сообщает о пострижении и смерти Константина и не называет его монашеское имя, Кирилл. Здесь говорится только о его миссии у болгар и рукоположении Мефодия. Получается, что Константин из Моравии уехал в Болгарию, а Мефодий в это время был поставлен князем Коцелом (sic!) в епископы Паннонии. Л. Мюллер указал, что точно такая же формулировка и в Начальном своде, и в «Повести временных лет» применена к поставлению Илариона в митрополиты в 1051 г.[2] Русские летописцы явно игнорировали все канонические особенности процедуры.

В последнем исследовании источников «Повести временных лет» А. А. Шахматов показал, что часть текстов была заимствована в статью 898 г. из «Жития св. Мефодия». Вторым источником, по его мнению, было гипотетическое Сказание о преложении книг, к которому он возводил и фрагмент о расселении славян в Вводной части «Повести временных лет», и само Сказание о славянской грамоте, помещенное под 998 г.[3]

---

[1] Житие Константина-Кирилла // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 60–62; Житие Мефодия // Там же. С. 72–74.

[2] *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира // *Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 60–70.

[3] *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 80–92.

Не все, однако, ясно с тем местом, которое беседе с Философом отводилось в Древнейшем своде. Она занимает очень большой объем и уводит очень далеко от темы — обращение Владимира в истинную веру. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что Владимир передает боярам окончание разговора не так, как оно записано в статье 6494 г. Философ говорил только о воздаянии после Страшного суда и о необходимости креститься, чтобы быть вместе с праведниками. По словам князя, греки «...и другый свѣтъ повѣдають быти. Да аще къто, дѣти, вѣруеть въ нашю вѣру, то пакы умьръ, въстанеть, и не умирати ему въ вѣкы. Аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ въ огни горѣти». А. А. Шахматов предположил, что составитель Начального свода сократил окончание беседы из Древнейшего.

Но могло быть иначе. Первоначально рассказ о греческом Философе содержал только критику мусульманства, католицизма и иудаизма, сюжет с «запоной» и рассказ о том свете, который сохранился в передаче Владимира в статье 6495 г. Летописец мог расширить эпизод с проповедью Философа, чтобы показать мировой контекст, в который включалась Русь после крещения. Можно определить время, когда это могло быть сделано. С. Франклин указал, что в статье 1072 г. есть два прямых заимствования из Малого Бытия: сюжет о жребиях сыновей Ноя и апокрифический рассказ о гибели Исава от руки его брата Иакова. Составитель Речи Философа использовал тот же хронограф, опиравшийся на Малое Бытие.[1] Вся эта часть летописи была написана Печерским игуменом Никоном, который вполне мог составить и Речь Философа. По мнению А. А. Шахматова, Корсунской легенды в Никоновском своде 1070-х гг. еще не было.[2] В пользу такой точки зрения свидетельствует и то, что преп. Нестор, писавший «Чтение о свв. Борисе и Глебе» в начале 1080-х гг., также не знает еще Корсунской легенды. С другой стороны, он обнаруживает явное знакомство с Речью Философа.[3]

Проложное житие св. Владимира (далее: ПрЖ) пишет о том, что Владимир по Божественному вдохновению послал ко всем народам,

---

[1] *Franklin S.* Op. cit. P. 20.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 429–431.

[3] *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики... С. 257–259.

«испытая законъ ихъ, како вѣрують», а приход проповедников даже не упоминается. Так как ПрЖ здесь опирается на древнейшую традицию, возникает вопрос: не содержал ли Древнейший свод рассказ о посольствах, а не Речь Философа? Такое предположение уже выдвигалось на основании лингвистического анализа текста «Повести временных лет». А. А. Гиппиус полагает, что в Древнейшем своде Владимир отправлял послов, узнав от миссионеров о различных вероисповеданиях.[1] Но, вопреки его мнению, история «испытания службы» не связана с летописным рассказом о приезде проповедников.

Как отмечал А. А. Шахматов, история посольств, отправленных Владимиром, противоречит предшествующему рассказу. На совещании с боярами, которое исследователь относил к первоначальному тексту Древнейшего свода, князь рассказывает о «законе» каждого из приходивших проповедников. Это естественно, так как об этом он с ними и говорил. Но бояре предлагают: «Испытаи когождо службу ихъ, и кто како служить Богу». Только мужи, отправившиеся к мусульманам в Болгарию, получают наказ: «Испытаите вѣру ихъ и службу». Во всех остальных случаях речь идет только о богослужении, и очень подробно описано константинопольское. В отчете послов опять говорится только о службе, но бояре предлагают князю принять «греческыи законъ» по примеру своей бабки княгини Ольги.[2] А. А. Гиппиус отмечает, что ответ бояр был вставлен в текст задним числом.

Летописцы различали «законъ» (*вероисповедание*, см.: СДЯ XI–XIV), «вѣру» и «службу» (церковную), судя по тому, что все три

---

[1] *Гиппиус А. А.* Рекоша дружина Игореви. К лингво-текстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. № 25. P. 159–161, 176, note 26, 165–166; *Он же.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 2006. С. 25–26.

[2] А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев полагали, что первичным был агиографический рассказ об Ольге, Л. Мюллер считает таким дружинное предание о сватовстве императора: *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 108–118; *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет» // Повесть временных лет. М., Л., 1950. Т. 2. С. 306–307; *Мюллер Л.* Рассказ «Повести временных лет» 955 г. о крещении Ольги // *Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 46–49.

слова употреблены в разных местах в соответствующих контекстах. Слова «вѣра» и служба встречаются постоянно, слово «законъ» реже, но в очень характерных случаях. О славянах в Вводной части «Повести временных лет» сказано: «Имѣяхуть бо обычая своя и законы отьць своихъ и предания». Здесь и далее в рассказе о язычниках, как и в выписке из «Хроники» Георгия Амартола, это слово употреблено в значении, совпадающем с современным — свод правил, установлений. Но в заключение летописец пишет: «Но мы же, христиане... законъ имамъ одинъ, "елико въ Христа крьстихомъ ся, въ Христа облекохомъ ся"». Рассказ о том, как княжии мужи ездили смотреть службу каждого народа (а не изучать веру или закон), существовал отдельно.

Предание о княжих мужах, ездивших изучать службу, было известно и в Византии. Это уже упомянутый «Точный рассказ, как крестился русский народ». П. Шрайнер полагал, что греческий рассказ послужил основой для летописи, и с этой точкой зрения в целом согласен М. В. Бибиков. С. А. Иванов датирует это сочинение XIII в.,[1] но вероятнее всего, «Точный рассказ» появился не раньше XIV в. Титул μεγάς ῥήξ по отношению к великим князьям Руси фиксируется в официальных документах только с этого времени[2] (см.: Гл. 5. 5).

«Точный рассказ» состоит из трех памятников: русского об испытании службы князем Владимиром, сильно искаженного рассказа о создании славянской грамоты свв. Кириллом и Мефодием (в тексте Афанасием) и заимствованной у Продолжателя Феофана истории Евангелия, брошенного в огонь. Сюжета с приходом проповедников нет. Автор сообщает, что во времена русского царя Владимира (Βλαντιμίρος) среди народа были распространены вероисповедания евреев, персов, сирийцев и агарян. Упоминание об иудаизме и мусульманстве (агарянах) соответствует действительности. Манихеи (персы) и сирийцы-монофизиты — это малоазийские и палестинские

[1] *Regel W.* Op. cit.; *Шрайнер П.* Указ. соч. С. 156–157; *Бибиков М. В.* Указ. соч. С. 64. Текст см.: *Кузенков П. В.* Указ. соч. С. 140–149; *Иванов С. А.* Указ соч. С. 216–217, 233–234.

[2] РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. С. 26, 30, 37, 47, 65, 97, 101, 110 (втор. паг.).

еретики, которые не имеют к Руси никакого отношения. Недоумевающий по поводу такого разнообразия великий князь (μεγάς ῥήξ) призывает своих приближенных и расспрашивает их о вере. Они советуют ему выбрать из них кого-нибудь и отправить в Рим и Константинополь, потому что только там можно узнать истину.

Сначала четыре мужа отправляются в Рим и по приезде дают восхищенную характеристику увиденному. Но приближенные советуют князю не принимать сразу христианство из Рима, а отправить посольство в Константинополь. Там его принимает император Василий I Македонянин (при котором было крещение Руси в IX в.). Описание литургии в соборе Св. Софии намного полнее и интереснее, чем в летописи. Вернувшиеся в Киев послы вспоминают: «И не свѣмы, на небеси ли есмы были, или на землѣ, нѣсть бо на землѣ такого вида или красоты такоя». В греческом тексте они видят во время Великого входа в храме ангелов, поющих «Свят, свят, свят» (ср. в Херувимской: «Иже Херувимы тайно образующе и животворящей Троицѣ Трисвятую пѣснь припѣвающе, всякое нынѣ житеиское отложимъ попечение...»). В греческом рассказе есть одна несообразность. Автор утверждает, что это было не то на праздник св. Иоанна Златоуста (27 и 30 января, 13 ноября), не то в Успение (15 августа). На вопрос послов, что они видели, византийцы отвечают: «...ангелы нисходят с небес и служат литургию с нашими священниками». Это соответствует песнопению Великого входа во время литургии Преждеосвященных даров: «Нынѣ силы небесные съ нами невидимо служат...». Но эта литургия служится только в Великий Пост. Греческого автора интересовала выразительность, а не историческая точность.

В обоих рассказах служит сам патриарх, но по имени назван только император. Услышав от послов о виденном, Владимир отправляет в Константинополь просьбу прислать священников. Император посылает к нему еще и ученых мужей, Кирилла и Афанасия (т. е. Мефодия), которые составляют для Руси азбуку. Из-за соединения русского предания с фрагментом византийской хроники в «Точном рассказе» нарушается логика повествования. Решив принять крещение и сам попросив епископа, князь тем не менее заставляет его подвергнуть Евангелие испытанию огнем. Смешение двух крещений Руси, при

Василии I Македонянине и при его праправнуке Василии II Болгаробойце, характерно и для Устава Владимира.

Таким образом, и рассказ о приезде миссионеров, и история «испытания службы» существовали отдельно, хотя оба относятся к древнейшему периоду русской письменности. Не ясно, какой из них был в летописи времен Ярослава, и что именно мог добавить Никон помимо Речи Философа. Преп. Нестор в «Чтении», так же как и Иларион и Иаков Мних, не упоминает ни о диспутах, ни о посольствах, а приписывает обращение Владимира самому Богу через некое видение. А ведь он писал как раз во времена составления в его родном Печерском монастыре свода 1070-х гг.

Летописный рассказ заканчивается совершенно неожиданно. Выслушав восхищенный отчет о службе в Великой церкви и воспоминания бояр о крещении княгини Ольги, Владимир не выражает желания принять истинную веру. Вместо этого он задает вопрос: «То кде крещение приимемъ?» Бояре отвечают: «Кдѣ ти любо». Этот странный диалог вставлен летописцем, чтобы присоединить рассказ о походе на Корсунь и крещении Владимира в этом городе. В Обычном житии, где версия ПрЖ соединена с летописным «испытанием службы»,[1] князь не спрашивает, где креститься, а восклицает: «Воля Господня да будеть!» Таким образом, Корсунская легенда оказывается никак не соединенной с рассказом о выборе веры.

ПрЖ представляет первый этап включения Корсунской легенды в предшествующую традицию. Оно еще следует «Слову о законе и благодати» Илариона и «Памяти и похвале Владимиру» Иакова Мниха в трактовке поступков князя. Владимир «въдохну въ себѣ благодать Святого Духа, и възбну, яко отъ сна, от лютого идолослужения, и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ, како вѣрують. И увѣдевъ святую вѣру грьчьскую, яко свѣщу на свѣтилѣ, и рече в себѣ: "Сице да сътворю, поиду въ землю ихъ, и пленю грады ихъ, и обрящу

[1] Повествование о путешествии послов сильно сокращено; в рассказе о пребывании в Константинополе есть уникальная подробность: посольство провело там восемь дней. Текст «осовременен»: мужи стали слугами, дружина превратилась в бояр. См.: *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 11.

ту учителя"». Но, захватив Корсунь, Владимир уже не вспоминает о своем благочестивом намерении. Он требует в замужество сестру императора и мотивирует свое желание не стремлением совершенствоваться в христианской вере (он ведь еще язычник), а угрозой сделать с Константинополем то же, что и с Корсунем. Перед нами явное противоречие, и возникло оно в результате соединения двух взаимоисключающих версий: крещения Владимира в Киеве и крещения в Корсуне.

А. А. Шахматов считал, что Владимир женился на сестре византийских императоров Анне только после взятия Херсонеса. Как уже говорилось в Главе 2, это представляется наиболее вероятным, но А. Поппе и Л. Мюллер полагают, что брак был заключен до похода в Крым. А. Поппе не пытался восстановить первоначальный вид киевской повести о крещении Владимира. Л. Мюллер возвел к ней сохранившиеся в статье 6496 (988) г. рассказы о переговорах князя с императорами Василием и Константином о браке и о крещении, о приезде священников, крещении князя и его свадьбе с Анной.[1]

В летописи обращение Владимира к императорам из Киевской легенды, как указал Л. Мюллер, не сохранилось, зато сохранился ответ Владимира и сообщение об отправке к нему невесты. В реконструкции Л. Мюллера присутствуют оба повтора, читающихся в летописи. На требование Владимира отдать ему в жены сестру императоры дважды отвечают, что князь должен креститься, а он дважды отвечает, что согласен. Два фрагмента совпадают с ПрЖ:

Проложное житие	Начальный свод — «Повесть временных лет»
Он же отвѣща: «Нѣсть сдѣ таковаго обычая, **крьстьяномъ даяти за поганыя. Аще ли ся крьстиши, то и се получишь**, и вящьша сего, **царство небесное**».	И се слышавъша, цѣсаря быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить **хрьстьяномъ за поганыя даяти. Аще ли ся крестиши, то и се получиши, и царство небьсное** приимеши, и съ нами

[1] *Мюллер Л.* Указ. соч. С. 60–70.

	единовѣренъ будеши. Аще ли сего не хощеши сътворити, не можевѣ дати сестры своея за тя».
	Си слышавъ, Володимиръ рече посланнымъ отъ цѣсарю: «Глаголите цѣсарема тако, яко азъ крещу ся, яко испытахъ преже сихъ дьнии законъ вашь...» И си слышавша цѣсаря, рада быста, и умолиста сестру свою именемь Анну. И посласта к Володимеру, глаголюще: «Крьсти ся, тогъда послевѣ сестру свою къ тобѣ».
И рече Володимиръ: «Тако створю. **Пришедше** *отъ тебе съ царицею*, **крьстять мя**».	**И рече Володимиръ: «Пришедше** *съ сестрою вашею*, **крьстять мя**».
	И послушаста цѣсаря, и посласта сестру свою, и сановъникы некыя, и прозвутеры.

Тексты ПрЖ производят впечатление сокращения летописного рассказа, но это не так. Здесь Владимир ведет переговоры только с одним императором, причем не названным по имени. И у Иакова, и в летописи действуют оба брата-соправителя, Василий и Константин. В ПрЖ нет даже имени «царицы», Анна. Первое требование императоров креститься в летописи совпадает с ответом императора в ПрЖ, но параллели первому летописному ответу Владимира в ПрЖ нет. С житием совпадает второй летописный ответ князя на второе требование императоров креститься. Следовательно, вопреки мнению Л. Мюллера, не весь летописный диалог Владимира с Василием и Константином, ведущийся через послов, заимствован из Киевской легенды.

Судя по ПрЖ, к Корсунской легенде восходят заявление императоров о невозможности отдать христианку замуж за язычника и предложение князя принять крещение от сопровождающих невесту.

В Киевской легенде, как пишет Л. Мюллер, должно было быть какое-то более мягкое, чем сохранившееся в Корсунской, обращение Владимира со сватовством. Императоры выдвинули встречное требование: «Крьсти ся, тогъда послевѣ сестру свою къ тобѣ». Князь ответил, что он уже узнал о христианской вере и готов креститься: «Испытахъ преже сихъ дьнии законъ вашь, и есть ми любъ, и вѣра ваша, и служение». Здесь можно видеть ссылку или на рассказы посланных Владимиром мужей, или на беседу с Философом. Судя по сохранившимся фрагментам, в Киевской легенде Владимир, решив креститься, просил себе в жены сестру императоров и получал согласие. Поход на Корсунь или не упоминался вообще, или имел то же благочестивое объяснение, что и у Иакова, и в ПрЖ. В таком контексте сватовство князя к сестре Василия и Константина оставалось без мотивировки, но в действительности его самоуверенность опиралась на безнадежное положение Империи в 987–988 гг. Составители Начального свода и ПрЖ ничего об этом не знали и добавили Корсунскую легенду.

О соединении в летописи двух версий крещения, в Киеве и в Корсуне, свидетельствует наличие двух сообщений об отъезде царевны Анны из Византии. За кратким известием о ее отправке (см. Табл.) следует подробный рассказ о том, как братья-императоры уговаривали свою сестру ехать в Русь, и о ее путешествии. Он заимствован из Корсунской легенды.[1]

В летописи и в ПрЖ рассказывается, что у Владимира в Корсуне заболели оба глаза, и прибывшая царица послала сказать ему, что если он не крестится, то не выздоровеет. В отличие от летописи, прозрение князя после крещения в ПрЖ представлено как «чюдо велие». В Обычном житии эта часть повествования представляет собой мозаику из отдельных предложений ПрЖ и летописного рассказа. В Распространенном житии из сборника Матвея Кусова 1414 г. (далее: РасЖВ-4) в отличие от всех остальных редакций сказано, что Владимир «разболѣся», а после крещения «исцѣлѣ отъ язвы».

Об исцелении от «неисцѣлныя болѣзни», а не от слепоты, впервые сказано в Уставе Владимира Волынской редакции. Так как все

[1] *Мюллер Л.* Указ. соч. С. 61–62.

списки восходят к Кормчей 1286 г., то, скорее всего, текст Устава или его источник повлияли и на РасЖВ-4.[1] В преамбуле помещен объемный рассказ о крещении князя. Там говорится об «испытании веры», что соответствует ПрЖ, и о «рассмотрении съ всеми бояры своими о всякомъ законѣ», что совпадает с летописью. Митрополит назван Михаилом, причем автор утверждает, что он был «от всего събора почтенъ лампадою и сакомъ, яко второй патриархъ». О таком высоком статусе предстоятеля Русской церкви упоминается только в этой редакции Устава и зависящей от нее Печерской (там митрополит назван Леоном).

А. В. Назаренко полагает, что история прозрения Владимира принадлежит старейшей традиции его почитания, так как этот мотив есть в «Житии блаж. Ромуальда» Петра Дамиани, епископа Остии. Он, как и другой автор 1030-х гг., ангулемский монах Адемар Шабанский, приписал крещение Руси св. Бруно Кверфуртскому, тому самому, который в 1008 г. был с миссией у печенегов и по дороге посетил двор Владимира. К тому времени князь уже двадцать лет был христианином. Адемар считал, что св. Бруно убили печенеги, но Петр Дамиани написал, что его убил брат короля Руси, оставшийся язычником. Как явствует из собственного письма св. Бруно к германскому королю, а впоследствии императору Генриху II, он благополучно вернулся из печенежской степи к Владимиру, а затем в Германию.[2] Он погиб год спустя во время проповеди балтскому племени пруссов, которые и в XIII в. оставались язычниками. Петр Дамиани пишет, что убийца святого, брат крещеного короля Руси, ослеп, но по молитве христиан прозрел, а его люди очнулись от столбняка, после чего все они крестились.[3]

Однако в достоверно старейшей традиции — у Илариона, Иакова и Нестора — ничего не говорится о слепоте Владимира. Не пишет об этом и немецкий хронист Титмар Мерзебургский, как раз в ноябре 1018 г.

---

[1] Древнерусские княжеские... С. 69–70. Ср.: *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 63, 70.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 49–51.

[3] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 339–356, 435–450. Адемар пишет и о крещении остальных русов греческим епископом.

познакомившийся с традицией киевских клириков[1] (см.: Гл. 1. 4). Более того, этот мотив твердо связан с легендой о крещении в Корсуне и никогда не встречается отдельно от нее. Он мог входить в нее изначально, а мог появиться в составе летописи. В рассказе о взятии Корсуня Владимир обещает креститься в том случае, если городской водопровод окажется в том месте, где его указал предатель корсунянин Анастас. Удачно перекрыв его и захватив в результате город, Владимир не торопится выполнить свое обещание. Вместо этого он посылает к византийским императорам с требованием дать ему их сестру в жены. В летописи, куда вошли и Речь Философа, и рассказ об «испытании службы», Владимир откладывает крещение трижды. В Корсунской легенде слепота становится не только знамением свыше, но и наказанием князю за его колебания.

У В. Н. Татищева крещение Руси описано совершенно не так, как у всех остальных византийских, арабских, европейских и русских писателей. Со ссылкой на Иоакимовскую летопись он утверждает, что Владимир в 985 г. воевал с болгарским царем Симеоном, заключил с ним мир и принял от него крещение. Затем из Константинополя был прислан митрополит Михаил, по происхождению болгарин.[2] Как уже было сказано в Гл. 1. 4, ни в каких источниках об этих событиях не говорится. Татищев часто подкреплял свои гипотезы ссылками на несуществующие тексты,[3] но, видимо, иногда искренне ошибался, полагая, что вычитал изобретенный им факт в какой-то летописи.

Ошибка в имени болгарского царя (Симеон умер в 927 г.) сама по себе ничего не значит. Византийские источники говорят, что старший из Комитопулов Самуил провозгласил себя царем. Яхъя Антиохийский утверждает, что скопец Роман был им вплоть до своей смерти в 997 г., хотя в 991 г. он и попал в плен к императору. Скилица пишет, что Роман, которого он считал правителем Скопли, носил вто-

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 460–462, 467–469.

[2] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1962. Т. 1. С. 112.

[3] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев. 2005. С. 249–287, 504–523.

рое имя Симеон в честь деда.[1] Существенно другое: версия В. Н. Татищева о болгарском происхождении русского христианства не находит никакого подтверждения в источниках.[2]

4. Крещение киевлян

Л. Мюллер, реконструировав рассказ о сватовстве Владимира к сестре императоров, не обращался к проблеме, как было построено повествование о крещении киевлян. Оно сохранилось в двух версиях: в летописи и в житиях св. Владимира. И Л. Мюллер, и А. Поппе полагают, что крещение киевлян последовало сразу за крещением князя. А. Поппе относил его к лету 988 г., но если Владимир принял христианство в 6495 (987) г., то и крещение горожан скорее всего было в том же году. Оба рассказа, летописный и житийный, постоянно привлекаются историками, но без анализа самих текстов.

Предположение о существовании двух повестей о крещении Киева, до похода на Корсунь и после него, следует сразу отбросить. В отличие от рассказа о переговорах с императорами здесь текст ПрЖ является сокращением летописного. Вместо описания свержения Перуна в ПрЖ перечислены идолы, уничтоженные Владимиром. Их перечень есть в рассказе о создании капища в летописной статье 6488 (980) г. Агиограф выше уже обращался к этому известию, когда писал, что Владимир был «первое же идоломъ много тъщание творя». В этом свете очень важны два существенных различия. В летописи киевлян крестят «попы цесарицыны и корсуньские», а в ПрЖ просто «прозвутеры». Согласно ПрЖ, их крестили не в Днепре, а во впадающей в него реке Почайне. Это сообщение вошло и в Обычное житие.

Почайна пересекала весь киевский Подол, и агиограф называет конкретный топографический ориентир: церковь. Но в ПрЖ-2 из 1-й

[1] Яхъя называет Романа «сыном Самуила» и отдельно пишет о Комитополе, «гуляме Романа», болгарского царя. Полагают, что у болгарских царей обязательно было ветхозаветное имя: у Петра — Самуил, у Романа — Симеон. См.: *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 28, 34, 228–331; *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 346.

[2] *Poppe A.* Op. cit. P. 205–206; *Thomson F. J.* Op. cit. P. 223–224.

редакции Пролога это церковь Петра, а в ПрЖ-1 из 2-й редакции — «Турова двух святых мучеников». Несомненные туровские пристрастия составителя 2-й редакции Пролога несколько подрывают предположение А. А. Шахматова о первичности упоминания Туровой церкви в ПрЖ-1. Фраза явно не согласована: «идеже и нынѣ церкви есть святою мученику Турова, и тъи бысть первыи ходатаи нашему спасению». Следовало бы написать «и та быста первая ходатая» (двойственное число). Ряд ученых, в том числе и А. А. Шахматов, полагали, что «Туры» было именем одного из двух варягов-мучеников, отца.[1] В Гл. 2. 4 мы уже говорили о том, почему во всех без исключения списках Пролога 2-й редакции XIII–XVI вв. упоминается только имя младенца Иоанна. Варяг, покорно дающий себя убить, — ситуация невероятная для XI в., и наверняка он защищал своего сына с оружием в руках. Хотя мучениками называли обоих, но первоначально почитали только сына. Лишь в некоторых поздних списках XVI–XVII вв. появляется имя его отца — Феодор. Но и признать чтение «церкви Петрова» первичным, как это предложил А. В. Назаренко,[2] сложно.

Турова божница — реальный Подольский храм, упомянутый в Киевской (Ипатьевской) летописи под 1146 г. Выдвигались различные предположения о происхождении ее названия: от скандинавского имени Тур (не обязательно варяг-мученик); от Турова капища, наконец, от города Турова. Последнее вполне вероятно, так как под 1148 г. Киевская летопись упоминает на Подоле Новгородскую божницу. В отличие от Туровой, ее посвящение хорошо известно: архангелу Михаилу. Вполне вероятно, что туровцы, как и новгородцы, имели на Подоле свой торговый двор с церковью. На Подоле был храм свв. Бориса и Глеба, который можно было кратко назвать «церкви святую мученику». Н. И. Петров, обнаруживший в Синодике упоминание о ее раз-

[1] *Марков А. В.* Как звали первых святых мучеников на Руси?//Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 436–439; *Рожнецкий С.* Как назывался первый русский святой мученик?//ИОРЯС. 1914. Т. 19. Вып. 4. С. 94–98; *Шахматов А. А.* Как назывался... С. 261.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 382–385.

рушении в 1482 г. «Менгли-Гиреевым нашествием», датировал ее XIV в. Судя по развалам плинфы, найденным при раскопках на Борисоглебской улице, она была построена еще в домонгольский период.[1] Храм был восстановлен в XVI в. и просуществовал до 1790 г., когда был упразднен, и его утварь перенесена в церковь Рождества Предтечи.

Вероятнее всего, Турова церковь, посвященная двум мученикам — это и есть Борисоглебский храм на Подоле. Но и предположение А. А. Шахматова о том, что агиограф имел в виду варягов-мучеников, вполне правдоподобно. Ведь их житие, выписанное из Древнейшего свода, читается в той же 2-й редакции Пролога, что и ПрЖ-1 св. Владимира. В таком случае, это название было неофициальным.

Нынешняя Петропавловская церковь на Подоле — это бывший Доминиканский костел, построенный в конце XVI в. и переданный Киевской митрополии в 1691 г.[2] В Киеве домонгольского времени церковь св. Петра была только в Дмитриевском монастыре на Горе. Она тоже была связана с Туровом, так как была построена Ярополком Изяславичем, в крещении Петром, основателем туровской княжеской династии. Там он и был погребен в 1087 г. Его потомки тоже погребались в фамильном Дмитриевском монастыре.

Разумеется, на Подоле мог быть неизвестный по другим источникам храм, посвященный св. Петру, не обязательно первоверховному апостолу. А. В. Назаренко предположил, что в нем отмечали память Ярополка Святославича, убитого Владимиром. Князь, по его мнению, был христианином и носил в крещении имя Петр.[3] Однако нет никаких оснований полагать, что в Киеве существовало какое-то почитание Ярополка, даже в первой половине XI в. По предположению самого А. В. Назаренко, князь крестился в год своей гибели, и вряд ли память об этом сохранилась в Киеве (см.: Гл. 2. 2).

---

[1] *Петров Н. И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897. С. 5–13; *Сагайдак М. А.* Давньокиївський поділ. Київ, 1991. С. 26.

[2] *Петров Н. Н.* Указ. соч. С. 21; *Берлинський М. Ф.* История міста Київа (1800). Київ, 1991. С. 130, 176, 193, 208, 277.

[3] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 382–385.

Можно предположить, что «Турова божница» было неофициальным названием церкви св. Петра, а Борисоглебский храм не имеет к ней никакого отношения. Но всем этим предположениям противоречит другое. Ни варяги-мученики, ни Ярополк, ни даже свв. Борис и Глеб не могли считаться «первыми ходатаями нашему спасению». Первой известной христианкой была св. Ольга. Вероятно, с церковью св. Петра на Подоле было связано какое-то местное христианское предание, которое потом было совершенно забыто. В Прологе 2-й редакции это название было заменено не очень удачно на «Турову церковь двух святых мучеников».

Название церкви из ПрЖ представляло немалую проблему и для древнерусских переписчиков и редакторов. В ПрЖ-3 (древнейший список ГИМ, Усп. №3, 1406 г., Пролог 2-й редакции)[1] его убрали. Дальнейший текст исправили: «И тъи благочестивыи великий князь Володимер, иже **бысть первый ходатаи нашему спасению**...».

В Обычном житии рассказ о возвращении Владимира из Корсуня и крещении киевлян выписан из летописи. Днепр, в соответствии с ПрЖ, заменен на Почайну, но о церкви на месте крещения ничего не говорится. В летописный текст перед описанием свержения Перуна вставлено уникальное сообщение об идоле Волоса, сброшенном в Почайну. В описании капища Владимира из летописной статьи 980 г. он не упоминается, как и вообще в Начальном своде. В Обычном житии не сказано, что у него было святилище на Подоле: «...а Волоса идола, его же скотья именоваху бога, повелѣ въ Почаину въврещи». В «Повести временных лет» клятва «Волосом, скотьим богом» встречается дважды. Один раз в рассказе о заключении Олегом предварительного соглашения с греками в 6415 (907) г., а второй раз — в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием в 971 г. Волос-Велес был покровителем скота, а следовательно, богатства,[2] и в обоих случаях

[1] Текст по списку XVI в. см.: *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q. п. 1. 63)//Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб., 2005. С. 303–308, под строкой.

[2] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 417–421.

он выступает сразу за Перуном. Как бы ни относиться к известию о заключении Олегом предварительного договора в 907 г.,[1] текст грамоты Святослава не вызывает сомнений. Сведения о Волосе, скотьем боге, могут происходить либо из «Повести временных лет», либо из особого рассказа о крещении Руси. В первом случае это ученая реконструкция агиографа, во втором — ценная информация.

А. А. Шахматов полагал, что Обычное житие основывалось кроме ПрЖ и летописи на каком-то особом источнике, откуда агиограф заимствовал сообщения о восьмидневном сроке пребывания русского посольства в Константинополе, о продолжительности осады Корсуня (шесть месяцев), о крещении Владимира в церкви св. Иакова, а не св. Василия, и об идоле Волоса. Св. Василию был посвящен построенный князем корсунский храм.[2] Из всех этих сведений только упоминание о церкви св. Иакова встречается в Первой подборке Новгородской Карамзинской и происходящих от нее летописях (Гл. 2. 1). Как мы видели, в Первой подборке есть еще ряд известий о крещении Руси, которые восходят к внелетописным памятникам о св. Владимире. Сообщение о церкви св. Иакова могли взять либо непосредственно из Обычного жития или даже из РасЖВ-4, либо из этого неизвестного источника. Предположение, что составитель Обычного жития выдумал все уникальные сведения сам, кажется маловероятным. Во всех случаях, где известно происхождение его текстов, он их достаточно точно повторяет, практически не перерабатывая свой источник. Следовательно, перечисленные известия происходят из какого-то особого сказания о крещении или жития Владимира.

Особый источник не был известен составителю ПрЖ. Он перечислил уничтоженных Владимиром идолов: «И пришедъ Киеву, изби вся идолы, Перуна, Хърса, Дажьбога и Мокошь и прочая кумиры». Это как раз те, которые были поставлены им в капище, нет только Стрибога и Смаргла. Если бы в его источнике говорилось о свержении идола Волоса, агиограф хотя бы упомянул его.

---

[1] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 140–160.

[2] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 27–29.

Сообщение о крещении в Почайне представляется наиболее правдоподобным. В отличие от Днепра с его ямами, перемещающимися водоворотами и сильными прибережными течениями, это была небольшая тихая река. Она лучше всего подходила для крещения целых семей с женщинами и маленькими детьми. Во времена язычества поселение на горе занимало небольшую часть плато. Сразу за валами начинался курганный могильник. Владимир существенно расширил площадь Киева, засыпав ров и сровняв курганы. На освободившемся месте была построена Десятинная церковь.[1] Подол и в то время, и позже выполнял функцию торгово-ремесленного посада.[2] Дружина Владимира и его бояре в большинстве своем были вынуждены принять христианство вместе с князем. Их челядь, конечно, была крещена тоже. Таким образом, крестили в основном жителей Подола, и для этой цели лучше всего подходила Почайна.

В 1040-е гг. уже было построено новое кольцо укреплений, увеличившее площадь Киева втрое. Тогда же или чуть позже появились новые концы города: Михайловский, Копырев, Гончары, Кожемяки. Летописец последней четверти XI в. не мог представить, как такое количество народа могло поместиться в Почайне. Так как она впадала в Днепр в черте Подола, то он не очень погрешил против истины, сдвинув место крещения киевлян на несколько сотен метров.

Составитель ПрЖ, как мы видели, пользовался первоначальными вариантами текстов, переработанных в Начальном своде и «Повести временных лет». Корсунскую легенду он присоединял самостоятельно, так же как и сам написал похвалу Владимиру. Среди его источников был Древнейший свод. Так как там говорилось о крещении киевлян сразу после князя, то и не упоминались корсунские или царицыны попы. Обряд совершали простые пресвитеры и не в Днепре, а в Почайне.

---

[1] *Каргер М. К.* Древний Киев. М., Л., 1958. Т. 1. С. 98–105, 138–212; М., Л., 1961. Т. 2. С. 36–59.

[2] *Сагайдак М. А.* Указ. соч. С. 52–55, 62–64.

5. Состав летописной статьи 6496 (988) г.

Летописная статья занимает большой объем, так как в ней соединены несколько источников. История взятия Корсуня представляет цельное повествование, и мы подробно рассмотрим ее в следующей главе. Как мы видели, рассказы о сватовстве Владимира и о крещении киевлян соединяют фрагменты Корсунской и Киевской легенды, как ее назвал Л. Мюллер. Рассказ о крещении князя и его прозрении происходит из Корсунской легенды, а не из древнейшего повествования о Владимире. Здесь же говорится о том, как и где были расположены здания, в которых жили князь и царевна Анна, и церковь, в которой он крестился. В Начальном своде церковь посвящена св. Василиску, в Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет» — св. Василию, в обоих построенный князем храм остается безымянным. По мнению Е. Е. Голубинского, поддержанному А. А. Шахматовым, «св. Василиска» получилось из греч. βασιλική (базилика, т. е. церковь).[1] Начальный свод сохранился в составе Новгородской 1 летописи младшего извода, в Троицком списке которой церковь названа «святого Климента», но сама фраза правлена. Во всех списках Ипатьевской редакции «Повести временных лет» Владимир крестится в Св. Софии, а строит церковь св. Иоанна Предтечи. Во Владимирском своде 1205 г. (Радзивиловской летописи) церковь, где крестился князь, посвящена «святое Богородици». В Обычном житии он построил церковь св. Василия, а крестился в церкви св. Иакова. Вероятно, на честь быть местом крещения св. Владимира, в Херсонесе XI–XIV вв. претендовали многие храмы.

А. А. Шахматов полагал, что Корсунская легенда возникла в Десятинной церкви и была вставлена в Начальный свод.[2] Д. С. Лихачев предположил, что это — местное херсонесское предание. Оно стало известно Никону, впоследствии игумену Печерского монастыря, когда он жил в Тмуторокани и бывал в Херсонесе Таврическом. Когда

---

[1] *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 94–95.

[2] *Он же.* Разыскания... С. 429–431.

он составлял в 1070-х гг. летописный свод, он вставил это предание в текст.[1] Против этого предположения говорит то, что преп. Нестор, который уже в 1080-е гг. трудился над своим «Чтением свв. мученикам Борису и Глебу», ничего не пишет о взятии Корсуня, а крещение датирует 6495 (987) г. Искажения прошлой истории Киева, связанные с Десятинной церковью, относятся к довольно позднему времени. Только когда все забыли, что она выстроена на языческом могильнике, в летопись можно было добавить сообщение о дворе варяга-христианина, якобы располагавшемся на этом месте. Легенда о крещении Владимира в Херсонесе возникла безусловно в Крыму. Судя по ПрЖ, она довольно рано начала конкурировать с древнейшими русскими историческими памятниками, но полное ее торжество может относиться только к последнему десятилетию XI в.

Следом за рассказом о крещении в летописи следует наставление св. Владимиру в вере. Как указал Н. К. Никольский, это переработка «Написания о правой вере» (Символа веры) Михаила Синкелла (760–846).[2] Один из видных защитников иконопочитания, монах лавры св. Саввы, а затем синкелл (секретарь) Иерусалимского патриарха, Михаил прославился как писатель. Он был отправлен к императору-иконоборцу Льву Армянину, чтобы обличить ересь. Лев сослал св. Михаила, а при воцарившихся затем Михаиле II Травле и его сыне и преемнике Феофиле он снова был гоним и мучим. Св. Михаил еще увидел торжество иконопочитания на соборе 843 г. и был синкеллом Константинопольского православного патриарха Мефодия (843–847).[3]

Символ веры св. Михаила Синкелла входил в греческий сборник устойчивого состава, который был переведен в начале X в. при болгарском царе Симеоне. Он сохранился в нескольких копиях, самой известной из которых является роскошный Изборник Святослава

---

[1] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 88–90.

[2] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках... С. 89–100.

[3] Жизнь, деяния и подвиги святого отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима//Византийские легенды. М., 1972. 2-е изд.: М., 1994. 3-е изд.: М., 2005. С. 114–139.

1073 г.[1] Но, как указал Н. К. Никольский, в летописи был использован другой перевод, который никак нельзя назвать удачным. В частности, там сделана грубейшая с точки зрения православного богословия ошибка: о Боге Сыне вместо «единосущный» написано «подобосущный». Из-за этого Символ веры приобрел арианский оттенок,[2] которого, конечно, не было в оригинале. Текст, помещенный в летописи, сохранился в отдельных списках, древнейшим из которых является Троицкий сборник XII–XIII вв. (РГБ ОР, ф. 304 (Тр.), № 12).[3] По мнению Н. К. Никольского, перевод был выполнен на Руси.

Помимо старшей редакции сочинения Михаила Синкелла, представленной в греческом прототипе Изборника, была еще одна, вошедшая в дополнительные статьи Ефремовской кормчей. Здесь расширена история Вселенских соборов, лишь кратко изложенная в Изборнике 1073 г., где нет еще VII собора 787 г.[4] В Троицком сборнике она изложена немного короче, и летописец, видимо, дополнял ее самостоятельно по другим источникам. Один из них отразился в Полной Хронографической палее.[5]

К «Написанию о правой вере» Михаила Синкелла и истории Вселенских соборов присоединен фрагмент антилатинского полемического трактата. Ближе всего к нему «Стязание с латиною» митрополита Георгия (ок. 1065–1076).[6] Философ, когда объяснял Владимиру

---

[1] *Бибиков М. В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996.

[2] Обзор точек зрения по этому поводу см.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 33–34.

[3] *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Написание о правой вѣрѣ // СОРЯС. 1907. Т. 82. С. 21–22.

[4] *Щапов Я. Н.* «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 332–341. Выдвинуто предположение о переводе Ефремовской кормчей на Руси: *Милов Л. В.* О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5. С. 105–124; *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 436–438.

[5] *Павлов А. С.* Критические опыты... С. 9–24.

[6] Там же. С. 191–198.

особенности «римской веры», говорил о ней: «малъмь (немного) съ нами разъвращена». Единственный упрек — это литургия не на квасном хлебе, а на опресноках (гостиях). В статье 988 г. мы видим внушительный список, который мог появиться только после разделения Церквей в 1054 г. По сравнению с сочинением Георгия, в летописи появляется апокрифическая фигура папы Петра Гугнивого, с которого якобы и пошло латинское развращение после VII Вселенского собора. Это первое упоминание об этом персонаже, весьма популярном в позднейших антилатинских сочинениях.[1]

Помимо Георгия в антилатинской полемике XI в. участвовали митрополиты Леон Переяславский, о котором уже шла речь,[2] Ефрем (ок. 1054–1061)[3] и Иоанн II (1077–1089).[4] Их труды сохранились на греческом языке, что и сыграло дурную шутку с последующими древнерусскими историками. Они сочли Михаила Синкелла первым русским митрополитом.

Затем в летописи сказано о возвращении Владимира в Киев. Рассказ о свержении идолов и крещении киевлян вместе с благодарственной молитвой князя восходит, как мы видели, к описанию этого события в Древнейшем своде.

Далее летописец сообщает, что Владимир велел строить церкви на местах, где раньше стояли идолы, и сам поставил церковь св. Василия на капище Перуна. Князь приказал отдавать «детей нарочитой чади» на «учение книжное», т. е. готовить из них клириков. К этому известию несколько искусственно присоединена большая подборка цитат,

---

[1] *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 21–26; *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 25.

[2] *Poppe A.* Le traité... P. 504–527; *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 115–132.

[3] *Čičurov I.* Ein antilatinischer Tractat des Kiever Metropoliten Ephraim // Fontes minores. Vol. 10. Frankfurt a. Main, 1998. S. 319–356; *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Указ соч. С. 439.

[4] Греческий текст: *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 176–177; древнерусский: *Поныpко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. С. 30–36.

посвященная крещению Руси. Возможно, она тоже происходит из какой-то похвалы Владимиру.

После этого летописец пишет о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира. В тексте указывается состояние не только на 988 г., но и на более позднее время — после смерти старшего сына Вышеслава в Новгороде.

Завершает статью сообщение о создании южного оборонительного рубежа и закладке новых городов.

Глава 5

Корсунский поход

1. Хронология восстания Варды Фоки и Корсунской войны

О событиях вплоть до лета 988 г. мы подробно говорили в предыдущей Гл. 4. 2. Здесь обратим внимание только на расстановку сил. Весной 988 г. императоры Василий и Константин оказались в тяжелейшем положении. Предшествовавшие два года были сплошной цепью неудач и поражений. Первое было в войне в Болгарией в 986 г. Войско Василия было уничтожено Комитопулом Самуилом в горных ущельях при возвращении после неудачной осады Сардики (Софии). Тогда же обнаружился заговор, в котором были замешаны дука (правитель) Антиохии Лев Мелиссин и всесильный паракимомен (спальничий) Василий. Расправиться с Мелиссином император не смог, да и паракимомен, если верить Михаилу Пселлу, благополучно сохранял свое положение вплоть до 988 г.[1]

Зимой 987 г. арабы отпустили на свободу давнего мятежника Варду Склира, и он легко захватил ряд крепостей. Против него был от-

---

[1] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 89–90; *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 332: *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1885. С. 19–24; *Михаил Пселл.* Хронография. М., 1978. С. 10.

правлен Варда Фока, который в свое время подавил первый мятеж Склира в 979 г. Яхъя Антиохийский сообщает, что в 986 г. Фока был понижен в должности с доместика схол (главнокомандующего) Востока до дуки Антиохии (на место Льва Мелиссина). В апреле 987 г. ему был возвращен прежний статус, и он отправился против Склира. Фока затеял сложную игру: сначала он вызвал мятежника на переговоры, обещав ему свое содействие, но тут же захватил в плен. Очевидно, в это время император Василий, еще раньше не доверявший доместику, отправил посольство к князю Владимиру с просьбой о помощи. Основные соглашения были достигнуты тогда же: князь обещал императору войско, а император ему сестру в жены.[1]

Владимир крестился в 6495 г. (сентябрь 986 — август 987), вероятнее всего, еще до начала переговоров с Василием летом 987 г. Его крещение никак не было связано с кризисом в Империи. В русских источниках поэтому нет вообще никаких сведений о военной помощи, без которой будущий шурин русского князя никогда бы не сохранил императорскую власть.

15 августа или 14 сентября 987 г. Варда Фока объявил себя императором и начал движение к Константинополю. К началу 988 г. Фока занял Хрисополь, расположенный напротив Константинополя на азиатской стороне Босфора. Лев Мелиссин тем временем осаждал Авидос на азиатском берегу Дарданелл.[2] Так как по своему происхождению Фока был связан с армянской и грузинской знатью, то и фемы по южному берегу Черного моря перешли на его сторону. Узурпатор контролировал всю азиатскую часть Империи, а в европейской самому Константинополю угрожали болгары. К началу 988 г. Василий был императором без государства.

Предполагается, что русское войско не могло прибыть к Василию и Константину раньше 4 апреля 988 г. Изданный под этим числом хрисовул, возвращающий собственность монастырям, говорит: «До настоящего дня никакой, даже самомалейшей удачи мы не встрети-

[1] *Poppe A.* The Political Background of the Baptism of Rus' // Dumbarton Oaks Papers. 1976. V. 30. P. 232–235, 239–241.

[2] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 335–336; *Розен В. Р.* Там же.

ли в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого бы мы не испытали».[1] На самом деле из этого не следует, что у императоров вообще не было войск. Если договор с Владимиром был заключен летом 987 г., то в том же году в Константинополь могло прибыть какое-то количество варягов. Существенно было другое: ни одной победы Василий еще не одержал, а воспоминания о разгроме 986 г. были свежи.

Согласно «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова Мниха на второй (следующий) год после крещения блаж. Владимир совершил поход к Порогам. Хронология агиографа, вернее, его источника, предельно проста (мы уже рассматривали ее в Гл. 1. 3 и в предыдущей). Владимир вокняжился 11 июня 978 г. после убийства брата Ярополка; крестился на десятый год после его убийства — в 987 г.; Корсунь взял на третий год после крещения — в 989 г., следовательно, поход к Порогам был в 988 г.[2] Исследователи обычно объясняют его как встречу багрянородной невесты.[3] Но более вероятно другое: князь сопровождал войско, которое отправлялось к императору.

Армянский хронист Степанос Таронский по прозвищу Асохик писал, что в 1001 г. у Василия было 6 000 росов.[4] Эта цифра, во-первых, представляется завышенной, во-вторых, не обязательно, что их было столько уже в 988 г. Но Владимир несомненно послал очень большой контингент, включавший и варягов, и славян. Удержать такое войско от грабежа было очень сложно. В гораздо более спокойные времена Владимир Мономах (1050–1125) писал сыновьям в Поучении: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не даите пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни въ

[1] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 9–18, 194–198, 217–219; *Васильевский В. Г.* К истории 976–986 гг.//*Он же.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. С. 57–58. Текст см.: *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 166, прим. 3.

[2] *Шахматов А А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 22–28.

[3] *Левченко М. В.* Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире//ВВ. 1953. Т. 7. С. 204; *Poppe A.* Op. cit. P. 240–242.

[4] Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию/ Пер. Н. Эмин. М., 1864. С. 198–201.

житѣхъ, да не кляти васъ начнуть».[1] Удержать своих и чужих дружинников от «пакостей» мог только сам киевский князь. Учитывая сроки навигации на Балтийском море, через которое шли скандинавы осенью 987 г. и весной 988 г., время прибытия основного русского войска можно определить как июнь 988 г.

Первую победу над мятежниками Василий одержал под Хрисополем. Об этой битве сообщают все источники, но даже Яхъя Антиохийский не называет дату. Асохик пишет, что бой был в 437 г. армянской эры, т. е. в период с 24 марта 988 г. по 23 марта 989 г. Большинство исследователей датирует Хрисопольскую битву летом 988 г., и только А. Поппе относит ее к февралю-марту 989 г.[2] Под Хрисополем брат Варды-узурпатора Никифор Фока попал в плен, а фактический командующий войсками, Дельфин, был посажен на кол. Основная же заслуга в победе принадлежала русскому войску, которое император переправил на кораблях через Босфор к лагерю Фоки.

Немалую роль в Хрисопольской победе сыграло и то, что Василию удалось оттянуть часть войск противника на Восток. Согласно Яхъе, после захвата Фокой окрестностей Константинополя Василий отправил морем в Трепезунд магистра Таронита, чтобы он напал на владения армянского союзника Фоки — Давида, куропалата Тао (Тайк на р. Чорох). Таронит успешно высадился и начал движение к Евфрату. Фока был вынужден отправить на помощь Давиду-куропалату иверийские (грузинские) войска во главе со своим сыном Никифором. Если Яхъя не ошибается в том, что во главе императорского отряда был поставлен магистр Таронит, то выбор был не случаен. Он принадлежал к тому же роду Багратидов, что и сам куропалат Давид, только к Таронской ветви. После смерти Ашота Таронского в 966 г. его владения отошли к Византии. Его сыновья неизменно выступали на стороне мятежников, но некоторые из его родственников поддерживали императора. Полководец Василия был разбит, но тут

---

[1] Поучение *Владимира Мономаха* // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 462.

[2] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 336; *Лев Диакон*. Указ. соч. С. 90; *Михаил Пселл*. Указ. соч. С. 10; *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 23–25; Всеобщая история... С. 179; *Poppe A.* Op. cit. P. 235–237.

пришли известия о победе под Хрисополем, и Никифор был вынужден вернуться к отцу. Часть его грузинского войска разошлась.

Таким образом, к весне 989 г. Василию с помощью своего русского союзника удалось выровнять положение. Теперь все зависело от исхода дела под Авидосом, где еще стоял Лев Мелиссин. Варда Фока с оставшимися у него войсками лично двинулся к городу, чтобы взять его штурмом. Но Василий пошел на него вместе с флотом и высадился под Авидосом. Дату решающей битвы дает Яхъя Антиохийский — 13 апреля 989 г. Благодаря ночной атаке на вражеский лагерь[1] и уничтожению вражеского флота Василию удалось добиться перевеса. В решающей битве в разгар боя Фока вдруг рухнул с седла и умер.[2] Это завершило разгром под Авидосом, но не остановило восстания.

В Антиохии оставались сыновья Варды Фоки, Никифор и Лев. Их мать выпустила из заключения Варду Склира, и он опять объявил себя императором. К нему присоединился и Никифор Фока. Михаил Пселл утверждает, что восстание Склира продолжалось несколько лет, но, согласно Яхъе, он сдался Василию 1 октября 989 г. По византийскому летоисчислению это был уже новый 6498 г. Лев Фока сдал Антиохию только 3 ноября 989 г., после того как сторонники законных императоров подняли в городе восстание.[3] Никаких суровых наказаний не последовало. Склиру и Никифору Фоке император не только вернул их владения, но даже и прибавил. Особо упорный в борьбе Лев Фока отделался ссылкой. Василий всегда отличался скорее жестокостью, чем мягкосердечностью, и такая снисходительность к заклятым врагам кажется странной.

Лев Диакон вообще не пишет о продолжении восстания после гибели Варды Фоки. Он единственный из византийских хронистов даже не упоминает о русском отряде в войске императора Василия, зато

---

[1] Ср. рекомендации по ночному штурму в трактате «Об устройстве лагеря», написанном в 986–991 гг. Здесь упоминаются и «верховые росы»: Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 378–380.

[2] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 336–338: *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 90; *Михаил Пселл.* Указ. соч. С. 10–11.

[3] *Михаил Пселл.* Указ. соч. С. 12–14; *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 25–26.

он сообщает о захвате тавроскифами (Русью) Херсона. В. Р. Розен предположил, что именно это событие заставило Василия проявить несвойственное ему милосердие и быстро закончить дело с мятежниками миром.[1]

Из всех византийских памятников, рассказывающих о событиях 987–989 гг., сочинение Льва Диакона представляет наибольший интерес, так как он был их современником. Михаил Пселл родился в 1018 г., а над «Хронографией» работал в 1057–1075 гг. Иоанн Скилица писал в середине XI в., хотя и использовал аутентичные источники. Яхъя переселился в Антиохию только в 1014–1015 гг., когда и смог познакомиться с местными историческими записками, сделанными по горячим следам.[2] Последнее событие, которое описал Лев Диакон, — страшное землетрясение 26 октября 989 г. М. Я. Сюзюмов указал, что пессимистический тон и полное неверие в полководческие и политические способности Василия II были возможны только до 991 г., когда император впервые разгромил болгар. Следовательно, Лев закончил работу в 990–991 гг. Однако в тексте есть и упоминание о восстановлении разрушенного землетрясением Софийского собора, а его освятили 11 (или 13) мая 994 г. М. Я. Сюзюмов полагал, что известие внесено в текст задним числом, когда Лев просматривал свою «Историю». После упрочения власти Василия исчезла всякая надежда на обнародование произведения, где всячески возносились его соправители-узурпаторы, императоры Никифор Фока и Иоанн Цимисхий. Лев Диакон не стал перерабатывать свой труд и оставил его незаконченным.[3]

Бóльшая часть «Истории» Льва Диакона — изложение чужих сочинений, но правление Иоанна Цимисхия описано по живым воспоминаниям и собственным впечатлениям.[4] Рассказ о событиях 976–

[1] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 214.

[2] Там же. С. 17–18, 55–57, 77–91.

[3] *Сюзюмов М. В.* Лев Диакон и его время // *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 149–150.

[4] *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия // ВВ. 1962. Т. 20. С. 122–126.

989 гг. вставлен в самый конец «Истории» перед описанием смерти Цимисхия в январе 976 г. Поводом для этого послужила комета, которая появилась 3 августа 975 г. и передвигалась в северо-восточной части неба. После всех побед Василия над мятежниками, 27 июля 989 г. (дата указана Яхъей),[1] показалась новая комета, указывавшая, по мнению Льва, на новое несчастье — землетрясение.

Первую комету астрологи, по словам Льва, истолковали Иоанну Цимисхию как знак победы над врагами и долголетия. На самом деле она предвещала смерть самого императора, «пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны... страшные землетрясения и почти полное уничтожение ромейской державы — все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий». И Лев начинает излагать весь этот «ход событий» от смерти Цимисхия и восстания Варды Склира в 976 г. до восстания Варды Фоки и его гибели под Авидосом (13 апреля 989 г.). Затем, с нового упоминания о комете, начинается самый интересный для нас рассказ о событиях лета — осени 989 г., где говорится о взятии Херсонеса. При всей недвусмысленности рассказа Льва датировка этого события до сих пор вызывает споры, поэтому приведем текст полностью.

«И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью и в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисянами Веррии. И сверх того звезда появлялась на западе при заходе солнца, восходя по вечерам, она не имела какого-либо постоянного места на небе. Распространяя яркие, видные на далеком расстоянии лучи, она часто передвигалась, показываясь то севернее, то южнее... И случилось как раз то, чего ожидал народ. Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия, страшное землетрясение, какому равного не бывало в те времена, опрокинуло башни Византия, повалило множество домов, которые стали могилами для их обитателей, со-

[1] У Степана Таронского сказано, что комета появилась в августе. См.: Всеобщая история... С. 179. Дата 27 июня, упомянутая у некоторых исследователей, в современных источниках не встречается.

седние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть многим деревенским жителям. Помимо этого оно разрушило и сбросило на землю купол и западный свод Великой церкви».

«Тавроскифами» Лев, как и многие византийские хронисты, постоянно называет Русь. «Мисянами» он именует болгар. Ни взятие ими Веррии, ни захват Херсонеса не упоминаются другими историками.

Как указывают комментаторы Льва Диакона, трудно понять, упоминается в начале отрывка та же комета 975 г., которая предвещала уже случившиеся несчастья, или новая, появившаяся 27 июля 989 г. Подробное описание несомненно относится ко второй комете. В. Р. Розен обратил внимание на то, что Яхъя рассказывает об «огненном столбе», появившемся 7 апреля 989 г. в Каире, где он тогда жил. Исследователь отождествил его с описанными Львом Диаконом «огненными столбами», и на этом основании датировал взятие Херсонеса временем от 7 апреля до 27 июля 989 г. О. М. Рапов справедливо указал, что Яхъя скорее описывает последствия извержения вулкана.[1] Следует отметить, что свечение атмосферы, названное современниками «огненными столбами», могло быть вызвано и извержением вулкана, и приближением кометы.

О. М. Рапов внес некоторую путаницу в хронологию Корсунского похода. В свое время А. И. Соболевский в работе 1888 г. защищал достоверность летописного рассказа о крещении св. Владимира в Корсуне.[2] Сообщение Иакова Мниха о том, что Владимир после крещения «на третье лѣто Корсунь городъ взя», он трактовал как известие об основании города Корсуня на р. Роси. По археологическим данным, он действительно возник в конце X в., но о его основании ничего не сказано. По сравнению с упомянутыми в «Повести временных лет» Переяславлем и Белгородом это был маленький сто-

[1] *Розен В. Р.* Указ. соч. С. 214–215; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. М., 1988. С. 225–227.

[2] *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. № 6, июнь. С. 396–403. См. также: *Брайчевский М. Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. С. 171–189; *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 2004. С. 174–250, 388–403; *Толочко П.* Володимир Святий. Київ, 1996. С. 90–94.

рожевой городок.[1] Впервые он указан в летописях в связи с приходом половцев к Киеву при Глебе Юрьевиче в 1169 г. Работа А. И. Соболевского появилась до анализа летописной статьи 6496 (988) г. Н. К. Никольским и до исследований А. А. Шахматова, который показал, что «Повесть временных лет» — совсем не древнейшая русская летопись.[2] О. М. Рапов отстаивал летописную дату крещения, полагая, что Ярополк был убит в 979 г., через год после вокняжения Владимира 11 июня 978 г. Соединив летописную хронологию (крещение в 988 г.) с последовательностью событий у Иакова Мниха (поход в Крым на третий год после крещения), он получил взятие Корсуня в 990 г. По его мнению, огненные столбы явились после кометы 989 г. и землетрясения 26 октября 989 г.[3]

Лев Диакон не дает основания для такой интерпретации. Очень важные наблюдения над его текстом, учтенные при подготовке последнего перевода, принадлежат Н. М. Богдановой. В первой части приведенного рассказа о комете и огненных столбах все причастия образованы от аориста (глагольная форма прошедшего времени), а во второй части, где речь идет о новой комете, употребляются исключительно причастия настоящего времени. Таким образом, в первой части рассказа речь идет о событиях, предшествовавших появлению новой кометы в июле 989 г. Далее исследовательница пишет, что из текста Льва следует, что огненные столбы «указывали на свершившийся захват Херсона тавроскифами». Таким образом, взятие Херсона и Веррии можно трактовать и как произошедшее до появления столбов[4] (ср. в издании: «знаменовали взятие тавроскифами Херсона»). Следовательно, Херсон был захвачен до 27 июля 989 г., хотя узнали об этом в Константинополе чуть позже. Н. М. Богданова по-

[1] *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996. С. 184.

[2] *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930; *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 1–13.

[3] *Рапов О. М.* Указ. соч. С. 221–241.

[4] *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 44–46.

лагает, что взятие Херсонеса можно трактовать даже как предшествовавшее битвам у Хрисополя и Авидоса и датировать 988 г.[1]

Однако Лев Диакон поместил сообщения о захвате Херсонеса и Веррии после описания побед над Фокой, а не до них. Точно так же он подробно описывает последствия землетрясения 26 октября **после** рассказа о появлении сначала огненных столбов, означавших захват городов, а затем кометы июля–августа 989 г. Ясное и простое повествование не дает оснований переносить взятие Корсуня ни на период до 13 апреля 989 г., ни после 26 октября 989 г.

Крещение с захватом Корсуня объединил и датировал 988 г. составитель Начального свода 1091 г. При этом он знал и о других версиях: «Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъ ся есть в Кыевѣ, инии же рѣша въ Василевѣ». Этими «несведущими» предшественниками оказываются общий источник летописи и «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (см.: Гл. 1. 3) и преп. Нестор Печерский. Во вступительной части его «Чтения о свв. Борисе и Глебе», написанного в начале 1080-х гг., крещение Руси прямо датировано 6495 (987) г. Иаков считал вокняжение Владимира после убийства им Ярополка, а не до него: «А Ярополка убиша въ Киевѣ мужи Володимеровѣ. И сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ въ осмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486». В десятый год после убийства он крестился, а на третий (989 г.) взял Корсунь. Едва ли все ранние источники, включая византийские, могут случайно одинаково ошибаться.

Лев не упоминает о русском отряде, который согласно всем остальным византийским историкам сыграл решающую роль в победах Василия. Если захват Херсонеса произошел после них, то умолчание хрониста понятно: союзник оказался на самом деле врагом. Стихотворение Иоанна Геометра «На болгар» также содержит рез-

[1] Попытка О. М. Рапова оспорить выводы Н. М. Богдановой была неубедительна. Полемику см.: *Рапов О. М.* Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимиром // ВВ. 1988. Т. 49. С. 187–190; *Богданова Н. М.* О значении точного прочтения источника // ВВ. 1988. Т. 49. С. 190–201. О крещении в Корсуне см. также: *Оболенский Д. Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55. С. 53–61.

кую критику союза «фракийцев» (византийцев) со «скифами». Даже в стихотворении «На апостасию», написанном уже после землетрясения и, следовательно, сдачи Склира, Иоанн рисует трагическую картину страны, раздираемой междоусобием и разрушенной стихийным бедствием.[1] В 989–990 гг. союз с Русью казался многим в империи роковой ошибкой, а в самой Руси не осталось даже воспоминаний об оказанной помощи. Это было возможно только в том случае, если обе стороны расценивали захват Херсона как враждебную империи акцию.

Если бы взятие Херсонеса в 988 г. предшествовало заключению союза с Византией, как полагал, например, А. Бертье-Делагард,[2] то и участие русского войска в подавлении восстания нашло бы отражение в летописи. Как уже говорилось (Гл. 1. 5; Гл. 4. 2), реальная политическая основа брака Анны и Владимира была тщательно убрана уже из прижизненных произведений, посвященных князю и его багрянородной супруге. Самой важной причиной было, безусловно, желание придать более или менее пристойный характер этой позорной для императорской семьи сделке. Но был и второй аспект: захват Владимиром Херсонеса, который нанес очередной удар по престижу Василия и Константина. В этой ситуации замужество Анны получило религиозно-миссионерскую окраску, как и само вторжение в Херсонскую фему. Такое решение устраивало обе стороны: царевна выходила замуж за христианина, хотя и несовершенного в вере, и отправлялась утверждать христианство в варварскую страну. Владимир не отнимал земли у союзника и будущего шурина, а действовал исключительно из желания просветить свой народ с помощью «истинных христиан».

В летописи поход на Корсунь вообще не мотивирован. Статья 6495 (987) г., где говорилось о знакомстве выбранных Владимиром му-

[1] Переводы Иоанна Геометра см.: *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1915. Т. 2. С. 117; *Лев Диакон*. Указ. соч. С. 133–134. О трактовке стихотворения см.: *Poppe A.* Op. cit. P. 213–217. Противоположная точка зрения: *Назаренко А. В.* Указ. соч. С. 424–433.

[2] *Бертье-Делагард А.* Как Владимир осаждал Корсунь//ИОРЯС. 1909. Т. 14. С. 285–297.

жей с разными богослужениями, заканчивалась вопросом князя к боярам: «Где примем крещение?» Они отвечали: «Где хочешь», и это можно понять как решение идти брать Корсунь для крещения в этом городе. Но в самом рассказе о взятии города князь обещает креститься в том случае, если водопровод окажется на месте, указанном ему предателем Анастасом. Затем без всякой связи возникает вторая мотивировка крещения: князь (еще язычник) посылает в Царьград сватать сестру императоров. В Особом (Легендарном) житии Владимир с самого начала отправляется в Корсунь добывать невесту, правда, не Анну, а дочь «Корсунского князя». Захватив город, он отдает ее варягу Ижьберну (Жидьберну), которого отправляет сватать себе новую невесту, сестру императоров. Особое житие мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

«Добывание невесты» в том или ином смысле остается основной мотивировкой захвата Корсуня и в научных исследованиях, кроме двух. А. Поппе предположил, что Херсонес отпал от Империи, а Владимир подчинил его своему шурину. А. В. Гадло полагал, что Владимир собирался подчинить себе Южный Крым, и в его первоначальные планы не входило возвращать Херсонес императорам.

2. Письменные источники об осаде Корсуня

Взятие Корсуня только упомянуто у Льва Диакона и в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, а полное описание читается в летописи. В Начальном своде и «Повести временных лет», в отличие от источника Иакова Мниха и Льва Диакона, взятие города датировано 6496 (988) г. Начальный свод 1091 г. сохранился в составе Новгородской 1 летописи младшего извода. Текст статьи 988 г. там и в «Повести временных лет» совпадает, и впредь мы будем называть его просто летописью.

В Проложном житии (далее: ПрЖ) рассказа об осаде нет (см.: Гл. 3. 3; Гл. 4. 3). В Обычном житии (далее: ЖВ) к тексту ПрЖ присоединены выписки из летописной статьи 6495 (987) г. (поездка к другим народам для изучения богослужения) и статьи 6496 (988) г. о взятии Корсуня и крещении. В текст были вставлены сведения из какого-то

дополнительного источника (см.: Гл. 3. 5; Гл. 4. 3–4). Это — сроки пребывания посольства в Царьграде (восемь дней) и осады Херсона (шесть месяцев), известие о крещении Владимира в Корсунской церкви Иакова и сообщение о свержении идола Волоса в Почайну. В Распространенных ЖВ никакой дополнительной информации о взятии Корсуня нет.

Помимо Корсунской легенды, отразившейся в летописи, существовало еще одно предание. Оно сохранилось в составе Распространенного ПрЖ (старший список XV в., см.: Гл. 3. 4), в Особом или Легендарном житии из Плигинского сборника (БАН, 21. 5. 20) и в летописце XVII в. (РНБ, ОР, Q. XVII. 72), который открыл М. Г. Халанский.[1] Публикация Распространенного ПрЖ была предпринята А. И. Соболевским, но научная оценка памятника была сделана А. А. Шахматовым.[2] Он считал, что и проложный текст, и Особое житие отразили первоначальную Корсунскую легенду, которую потом летописец переделал по своему разумению. Похожей точки зрения придерживался Н. И. Серебрянский, писавший о былине о Владимире. М. Д. Приселков считал, что это был греческий памфлет против Владимира.[3] Основные герои этого рассказа — варяги Ижьберн и Олег, и на самом деле в его основе лежит варяжская сага. О других скандинавских рассказах о службе «конунгу Вальдемару» и о крещении Руси мы будем говорить в последней главе.

Н. И. Серебрянский полагал, что первоначальное предание о взятии Корсуня лучше сохранилось в летописце XVII в., но это не так. В сборнике помещены два летописца, интересующий нас — второй.

---

[1] *Халанский Г. М.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. Август. С. 287–326.

[2] *Соболевский А. И.* Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому // Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси / Под ред. А. И. Соболевского // ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 21–35; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 44–125. Публикация Особого жития и рассказа из летописца Q. XVII. 72: с. 46–49.

[3] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 67–79; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси IX–XII вв. СПб., 1913. С. 274–279.

Постоянные ошибки встречаются в его тексте повсеместно. В рассказ о взятии Корсуня вставлен перечень жен Владимира, который противоречит всем остальным источникам: «...а сперва Владимер до святого крещения имѣя три жены словеннскаго роду, а четвертую греческаго роду, а пятую древлянску, имя ей Рогнѣда. А преже сестра Рогнѣдина была за братом Владимеровымъ за Изяславом. И Владимер брата своего уби, а Рогнѣдину сестру, брата своего жену, постриже, и после разстриже, и женися на неи Владимер. И родися от неи окаянныи Святополкъ от двою отцов и от двою братов, иже напослѣдок Святополкъ уби братию свою Бориса и Глѣба. И родися от Владимера от пяти женъ его 12 сыновъ: 1 сынъ Ерославъ от греческия жены, 2 сынъ Изославъ, 3 сынъ Святополкъ, 4 сынъ Вячеславъ, 5 сынъ и 6 от греческия жены Борис и Глѣб, и Всеволод, 8 сынъ Игорь, 9 сынъ Мстиславъ, 10 сынъ Святославъ, 11 Судислав, 12 Позвизд». Здесь полочанка Рогнед названа древлянкой, жена Ярополка оказывается не греческой монахиней, а ее сестрой. Брат Владимира назван Изяславом, хотя на самом деле это было имя старшего сына Владимира и Рогнед. Владимиру приписаны в качестве сыновей два его внука, Вячеслав и Игорь Ярославичи. Два его собственных отпрыска, Вышеслав и Станислав, пропущены совсем.

Внешне рассказ из летописца выглядит более цельным, но эта цельность — результат литературной обработки. Видимо, многое автор писал по памяти. Безусловно был прав А. А. Шахматов, в основу публикации положивший Особое житие из Плигинского сборника. К счастью, многое из того, что рассказывается в летописи и житиях, можно проверить археологическими методами.

3. Ход боевых действий

Почти все исследователи датируют начало похода на Корсунь 988 г. Это безусловно противоречит источнику Иакова Мниха, который относил к этому году поход к Порогам, а не выступление к Корсуню. Одной из причин такого перемещения служит указание ЖВ на шестимесячный срок осады. Сам текст ЖВ сложился только в XIV в. (Гл. 3. 5),

но источник, из которого агиограф заимствовал это сообщение, может быть гораздо старше. Если Корсунь был взят в конце июля, то осада должна была начаться в феврале. Это не согласуется ни с принятыми тогда сроками ведения боевых действий, ни с реальными природными условиями. Зимой Днепр и Волга покрыты льдом, и попасть в Черное море из Руси было невозможно. В Особом (Легендарном) житии к сообщению ЖВ о шести месяцах стояния под Корсунем добавлено новое сообщение. После того, как варяг Ижьберн указал Владимиру, как снабжается город, осада продолжалась еще три месяца. Если сложить все сроки и переместить взятие Корсуня ближе к началу лета, то получатся приемлемые даты: Владимир прибыл под Корсунь поздней осенью 988 г., а через девять месяцев, в июне 989 г. взял его.

В этом раскладе внешне все гладко, кроме одного: предполагается, что войско зимовало под Корсунем. Едва ли кто-нибудь из сторонников этой гипотезы пробовал перезимовать в палатке на Херсонесском мысу. На это можно возразить, что воины нарыли землянок, слепили печки и устроились по тем временам довольно комфортабельно. Известна практика викингских набегов на Западную Европу, когда они, не уходя далеко от ограбленных ими побережий, зимовали на каком-нибудь острове, а весной снова шли в поход. По договору Игоря с греками 944 г. Русь обязуется не «зимовати въ устьи Днепра, Бѣлобережьи, у святаго Елеуфѣрья (о. Березань или Кинбурнская коса)». Из этого следует, что такая практика существовала и очень беспокоила Византию. Но одно дело пережидать зиму, а другое — вести осаду. В этих условиях горожане всегда находятся в лучшем положении. У Владимира не было ни осадных машин, ни какой-то особой техники. Он мог брать город только измором, при этом херсониты постоянно тревожили бы его ослабленное войско вылазками.

В течение зимы Русь могла бы кормиться за счет окрестностей, высылая отряды за продовольствием. Но в этих условиях весной никто бы не посеялся. Времена, когда Таврида всех снабжала зерном, давно прошли. Из-за изменения условий, то ли природных, то ли экономических, Херсонес в X в. существовал исключительно на привоз-

ном зерне и вине.[1] В такой ситуации к началу лета в лагере неминуемо должен был начаться голод. Еще были живы воспоминания о трагической зимовке Святослава в Белобережье в 971/972 г. Как пишет летописец, тогда голод был таким, что конская голова стоила полгривны (100 г. серебра). Весной, а возможно, еще в конце зимы, истощенное русское войско стало легкой добычей печенегов. Едва ли Владимир решил повторить ошибку своего отца.

В то время и у скандинавов, и на Руси не просто отсутствовала воинская дисциплина в современном понимании. Конунг или князь был обязан советоваться с дружиной, продолжать поход или нет. Даже если бы все сложилось достаточно благополучно, например, зимой было много рыбы, дружина могла не согласиться продолжать осаду, потребовать быстро разграбить что-нибудь подходящее и вернуться домой. Могло выйти и хуже — они захотели бы присоединиться к своим товарищам в войске императора Василия. Все это заставляет сильно сомневаться в том, что осада действительно длилась шесть месяцев, если дело закончилось в июле. Можно предположить, что Лев ошибался относительно того, что город был взят до появления кометы. Но и в этом случае Корсунская война должна была идти в течение весны-осени одного года. Следовательно, Владимир появился под Корсунем весной 989 г.

В источниках не уточняются ни маршрут, ни ход движения рати Владимира. В летописной статье 988 г. сказано: «И ста Володимеръ объ онъ полъ града в лимени, въдале стрелище едино». Ясно, что он стал в заливе, следовательно, шел на ладьях. Днепр вскрывается у Киева в первой половине марта, но лед с верховьев проходит до начала апреля. Войско могло прибыть в Крым к концу месяца.

Теоретически у Владимира была возможность начать осаду в феврале. Тмуторокань был у Руси уже в 986 г., в 987 г. отряд русов уже прибыл в Дербент на помощь эмиру Маймуну.[2] Отряды с Таманско-

---

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 274/275.

[2] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1968. С. 68; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 228–229.

го полуострова могли подойти к Корсуню раньше остального войска, другое дело, была ли в этом необходимость. Часто ссылаются на то, что в Средние века на Средиземном море навигация начиналась с июня. Но в войске Владимира мореходами были скандинавы, привыкшие ходить по Балтике и Северной Атлантике, где условия и летом не очень хороши. Следует вспомнить и то, что в том же 989 г. флот Василия пересек Мраморное море в конце марта, а 13 апреля уже был сожжен на стоянках у Авидоса флот Варды Фоки.

В Особом житии сказано, что Владимир собрал «варяги, и словяны, и кривичи, и болгары, и с черными людьми поиде в Корсунь». Так как «черные люди» в домонгольское время неизвестны (тогда говорили «смерды»), то А. А. Шахматов предположил, что здесь речь идет о черных болгарах. Они упоминаются Константином Багрянородным,[1] а также в «Повести временных лет» в договоре Игоря с греками от 944 г. Русский князь принимал на себя обязательство защищать от них «Корсуньскую страну» (Херсонскую фему). А. В. Гадло, который полагал, что у Владимира был мирный договор с Дунайской Болгарией, а Черная Болгария — это часть Дунайской, защищал правильность сообщения Особого жития о «черных людях». В действительности это такая же модернизация текста, как и «словяне» вместо «словене» (племя, основавшее Новгород и жившее в Новгородской земле). А. В. Гадло принадлежит другое интересное предположение: Владимир, отправив войско к Василию весной 988 г., взял подошедшие позже с севера дружины и с ними отправился в Корсунь.[2]

Вопрос, по какую «ту сторону города» был лагерь Владимира, долгое время оставался умозрительным. Херсонес располагается на мысу. С востока он омывается узкой и извилистой Карантинной бухтой (античное название не известно). С северо-западной стороны, на некотором расстоянии от города, в берег врезается глубокая Стрелецкая бухта (тоже новое название). Еще в античности Херсонес был

[1] *Константин Багрянородный*. Указ. соч. С. 52/53, 174/175, прим. с. 335. Там же библиография вопроса.

[2] *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. С. 155–159.

окружен стенами по всему периметру. Так как город выстроен на скале, вырыть нормальный ров, прикрывающий укрепления с напольной стороны, было невозможно. Поэтому впоследствии была построена передовая стена, которая затрудняла подход к самим стенам и особенно к воротам. В настоящее время часть стен с северной и северо-восточной стороны обрушились вместе с обрывом в море.

Одной из неприятных особенностей Крыма было и остается периодическое поднимание и опускание берега. Пониженные участки затопляются, а затем снова поднимаются над уровнем моря. Именно благодаря этому расположенная на острове гробница св. Климента, папы римского, то покрывалась водой, то оказывалась открытой. В середине IX в. ее посчастливилось отыскать, хоть и с немалым трудом, свв. Константину-Кириллу и Мефодию. В интересующее нас время уровень моря был довольно высоким. Глубокая балка, отсекавшая в прошлом юго-восточную часть напольных укреплений со стороны Карантинной бухты, была полностью заболочена. Поэтому располагать лагерь с этой стороны, как одно время считалось, было бессмысленно. Владимир стал в Стрелецкой бухте, откуда был удобный подход к городским стенам.[1] Слова летописца «въдале стрелище едино» обычно переводятся как «на расстоянии перелета стрелы». Но в данном случае следовало опасаться не только стрел, но и византийских метательных машин, установленных на стенах. Они могли бросать как камни, так и сосуды с зажигательной смесью — «греческим огнем».

В летописи сказано, что Владимир приказал «приспу сыпати къ граду». Здесь опять видна хорошая осведомленность древнерусского источника. Как указал А. Бертье-Делагард, князь пытался возвести насыпь, по которой можно было бы подняться на внешнюю стену, и с нее засыпать пространство между двумя стенами. Летописец сообщает, что горожане подкопались под стену (очевидно, внутреннюю) и выбирали землю из насыпи. Создатели поздних редакций Распространенных житий не понимали, о какой «приспе» идет речь. Они ино-

[1] *Беляев С. А.* Поход Владимира на Корсунь (Его последствия для Херсонеса)//ВВ. 1990. Т. 51. С. 162–163.

гда исправляли текст и писали, что Владимир приказал засыпать ров. Как мы теперь знаем, в Корсуне его никогда не было.

Осада подвигалась вяло. И вот некий «мужь именемь Анастасъ корсунянинъ» написал на стреле, где искать под землей городской водопровод. Он был обнаружен еще А. Бертье-Делагардом, который подтвердил этим достоверность летописного рассказа.[1] У ученого были некоторые сомнения относительно того, что в летописи правильно передан текст сообщения: «Кладези, яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавше, переимите воду». В ЖВ, где рассказ о ходе осады тоже выписан из летописи, сообщение Анастаса звучит иначе: «Кладези отъ восточныя стороны града въ градъ по трубамъ сведени». Видеть здесь указание на расположение главной цистерны (объемом около 1500 м^3) вряд ли можно. Дело в том, что Бертье-Делагард помещал лагерь Владимира в Карантинную бухту. Если он был в Стрелецкой, то линия водопровода действительно была к востоку от него (см. карту), на что и указал Анастас.

Перекопав землю, люди Владимира обнаружили водопровод и разрушили его. Через некоторое время город сдался.

В Особом житии все рассказано иначе: «Изъ города вѣсть пусти варяженин именем Ижбернъ. И написавъ на стрелѣ, пусти въ полкъ варягомъ и рече: "Донесите стрѣлу сию князю Владимеру". И написано на стрѣлѣ: "Государю князю Владимеру. Приятель твой Ижбернъ писал к тебѣ, аще стоиши ты съ силою под городом годъ или два, или 3, не возмешь Корсунь. Кораблеицы же приходят путемъ землянымъ с питиемъ и с кормомъ во градъ"». Владимир приказал перекопать земляной путь и, как говорится в Особом житии, через три месяца взял город.

И А. А. Шахматов, и Н. И. Серебрянский считали варяга Ижьберна сугубо легендарной фигурой. Но земляной путь оказался такой же реальностью, как и водопровод. Все, кто бывал на развалинах Херсонеса или хотя бы видел фотографии памятника, помнят о средневековой калитке, сделанной в стене над античными воротами. Две калитки, расположенные одна над другой, ведут и в цитадель. Как

[1] *Бертье-Делагард А.* Указ. соч. С. 269–271.

показали археологические исследования, когда уровень моря поднялся настолько, что затопил балку с южной стороны города, была произведена насыпка грунта. Старые восточные ворота были полностью закрыты, и вместо них в стене была проделана калитка. Такая же новая калитка появилась и над старой, ведшей в античную цитадель. Попасть к ним можно было по узкой земляной дамбе, которая шла через болото, образовавшееся в балке.[1] Так как никому из русских не приходило в голову следить за этим гиблым местом, то по «земляному пути» в город доставляли продовольствие. Разрушив дамбу, князь перекрыл этот канал снабжения города.

Имя «Ижьбернъ» Г. М. Халанский интерпретировал как Skibjorn или Sigbjorn. Но оно транскрибировалось бы на русский язык как Шихберн. Такое имя носил посол Сфандр (Svanheidr) — жены Улеба (Oleifr), подписавшей вместе с другими родственниками Игоря договор с греками 944 г.[2] Ижьберн могло получиться из Ingibjorn. Это довольно редкое имя, например, в «Круге земном» Снорри Стурлусона оно встречается всего один раз. В Распространенном ПрЖ по спискам Рум. 435 и ГИМ, Син. 639 имя варяга передано как «Ждьбернъ». Это уже второй этап русификации. Известно мирское имя Жидята второго Новгородского епископа Луки (1036–1060). Очевидно, агиограф превратил непонятного ему Ижьберна в более привычное для слуха имя. В списке РГБ, ОР, ф. 113 (Волок.), № 654 читается «Жьберн», но сам текст сильно отличается от двух других списков. В Особом житии в качестве посла сначала в Корсунь, а затем к императорам упоминается воевода Олег (Helgi). Исследователи считали, что это имя заимствовано из преданий о князе Олеге, но вероятнее всего оно фигурировало в варяжской саге о взятии Корсуня.

Авторы двух самостоятельных версий взятия Корсуня не знали о рассказах друг друга. Такая же ситуация выявляется в летописных описаниях Любечской битвы 1016 г. Ярослава Владимировича со

---

[1] *Пятышева Н. В.* Земляной путь рассказа о походе Владимира на Корсунь//СА. 1964. № 3. С. 104–114.

[2] *Soloviev A.* L'organisation de l'Etat russe au Xe siècle//Byzance et la formation de l'Etat russe. Variorum reprints. London, 1979. P. 251–252.

Святополком Ярополчичем. В киевской версии, сохранившейся в «Повести временных лет», сказано, что новгородцы решились, наконец, напасть на вражеский лагерь, потому что их обидели насмешки киевлян. В Новгородской 1 летописи младшего извода воспроизведение Начального свода заканчивается 1015 г. Дальше начинается местный летописец, в котором сказано, что у Ярослава в лагере Святополка был «мужь въ приязнь» (ср. «приятеля Ижьберна»). Он и сообщил, что нападать следует в этот вечер. Почему, выясняется опять из киевского рассказа: этой ночью Святополк дал пир дружине.

В предании, сохранившемся в Десятинной церкви, говорилось о корсунянине Анастасе, который указал Владимиру расположение водопровода. Когда в Киеве была построена каменная церковь Богородицы, именно ему князь «вдасть десятину», т. е. назначил экономом. В Новгородской 1 летописи младшего извода в статье 6499 г., где говорится о закладке храма, Анастас назван «иереем». В двух других случаях, в описании осады и в статье 6504 г., где и говорится о даровании десятины, он упоминается только как «корсунянин». Следовательно, в Начальном своде о его «иерействе» не говорилось, это поправка новгородского летописца. В «Повести временных лет» сказано, что впоследствии Анастас предал сына Владимира Ярослава и в 1018 г. был приставлен к вывезенной теперь уже из Киева боевой добыче. На этот раз греку удалось втереться в доверие к польскому князю Болеславу, который захватил стольный город под предлогом помощи своему зятю Святополку.

В варяжской саге о расположении «земляного пути» сообщал Ижьберн, «приятель» русского князя. В значении «друг, сторонник» это слово встречается в речи князя Игоря Ольговича в статье 1145 г. Ипатьевской летописи. Но, памятуя новгородский рассказ о Любечской битве, здесь можно предположить и более узкое значение: «тайный сторонник».

Новгородский и киевский рассказы о Любечской битве были соединены впервые только в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи. Варяжский и корсунский рассказы в древнерусской письменности так никогда и не были сведены. В ПрЖ распространенной редакции был вставлен пересказ истории Ижьберна, но как раз описа-

ние взятия Корсуня пропущено. Из-за того, что оба рассказа существовали параллельно, нельзя понять, что́ перекрыли раньше — водопровод или «земляной путь». Вероятнее всего, попытка наладить снабжение города через Карантинную бухту относится к периоду после разрушения водопровода.

Реальные подробности взятия Корсуня в Особом житии заключены в легендарную оправу. Сюжет «добывания невесты», вторичный в летописи, в житии становится главным. Владимир послал «воеводу своего князя Олега» к корсунскому князю просить дочь в жены. Ему отказали, потому что он был язычником, и Владимир отправился походом на Корсунь. Взяв город, он «князя корсуньсково и со княгинею поимал, а дщерь ихъ к себѣ въ шатер, а князя со княгинею привяза у шатерныя сохи, и съ ихъ дщерию пред ними безаконьство сотвори». После этого Владимир их убил, а их дочь отдал в жены Ижьберну, которого поставил наместником Корсуня. Затем воеводы Олег и Ижьберн отправляются в Царьград сватать Анну, сестру царей Василия и Константина. Сюжет с дочерью Корсунского князя изначально входил в предание, так как в распространенном ПрЖ сказано: «Князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ».

Этот рассказ совпадает с историей женитьбы Владимира на княжне полоцкой Рогнед по версии Владимиро-Суздальского летописания. Она изложена под 6636 (1128) г. во всех летописях этой семьи: Лаврентьевской, Радзивиловской, Троицкой и др. Статья 1128 г. отличается от рассказа «Повести временных лет» под 6488 (980) г., где ничего не говорится о позоре Рогнед (см.: Гл. 2. 2). Суздальская летопись воспроизводит позднюю версию: здесь названо имя полоцкого князя Рогволода, а не самой княжны; упомянут только ее старший сын Изяслав, родоначальник местной княжеской ветви; вся история призвана объяснить, почему «мечь възимають Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукомъ». На самом деле Ярослав был вторым сыном Рогнед и Владимира, следовательно, таким же Рогволодовым внуком, как и полоцкие князья. Именно потому, что Рогнед была прабабкой киевских князей, в «Повести временных лет» ей уделено столько внимания, и она единственная из языческих жен Владимира названа по имени. Но суздальского летописца предание заинтере-

совало только в аспекте происхождения полоцких князей. Сопоставить его с «Повестью временных лет» он не удосужился.

И А. А. Шахматов, и Н. И. Серебрянский считали легенду о сватовстве Владимира произведением народного творчества, «былиной». Учитывая особенности текста и многочисленные искажения действительности, иначе ее рассматривать нельзя. А. А. Шахматов полагал, что сначала появилась легенда о женитьбе на Анне, которая потом была перенесена на Рогнед. Н. И. Серебрянский, наоборот, считал, что первичным был рассказ о полоцкой княжне.[1] Эта точка зрения представляется более правильной. Сакральная символика в предании о взятии Полоцка очевидна. Параллель между захватом города и захватом женщины была традиционной (см.: Гл. 2. 2). В рассказе о взятии Корсуня это явно лишний мотив, и он так же искусственно присоединен к основному повествованию, как и сватовство греческого царя к Ольге в истории ее путешествия в Константинополь. Во главе Корсунской страны (Херсонской фемы) с IX в. стояли исключительно присланные из Константинополя стратиги.[2] Они не обладали наследственной властью, это были не князья, а посадники и воеводы, и насилие над их дочерьми не давало никаких сакральных преимуществ. Даже если бы это был протевон, представитель местной знати,[3] то и он являлся всего лишь одним из многих. Конечно, в народе этого могли и не знать, но Корсунская легенда демонстрирует очень неплохое понимание обстановки. Во всех текстах Владимир сватается к сестре греческих царей не до захвата города, а после. Это свидетельствует о том, что ни в каком предании, кроме Особого жития, отвергнутое сватовство не выставлялось предлогом похода в Тавриду.

Основной герой корсунского эпизода Особого жития — варяг Ижьберн. Если отбросить сюжет об утверждении Владимиром своей власти над Корсунем через насилие над княжной, останется вполне

---

[1] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 60–66; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 76–79.

[2] *Константин Багрянородный.* Там же.

[3] *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / /Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 91.

реальный рассказ. Ингибьёрн помог конунгу Вальдемару захватить город, а в награду за это получил в жены дочь одного из знатных людей и стал ярлом. Как следует из обычных саговых сюжетов, такой союз победителей с побежденными расценивался как заключение мира. В отличие от «лживых саг», цель которых — заинтриговать слушателя и читателя, родовые и королевские саги не содержат намеренного вымысла. Обычно их авторы добросовестно ошибаются. Судя по достоверным подробностям о «земляном пути», история Ингибьёрна относилась по типу к королевским сагам. Каким же образом в нее попала легенда о Рогнед, очень плохо связанная с основным сюжетом?

Полоцк под названием «Палтескья» упоминается в скандинавских источниках так же часто, как Киев. Подавляющее число упоминаний обоих городов происходит из географических сочинений и саг «о древних временах», действие которых относится к эпохе Великого переселения народов. Исторические события в родовых и королевских сагах происходят в основном в Новгороде — Хольмгарде, как его называли скандинавы.[1] Одинаковое с Киевом внимание к Полоцку сначала кажется удивительным. Но дело в том, что через Западную Двину, на которой стоит город, проходило второе ответвление «Пути из Варяг в Греки». С верховьев Двины можно было попасть не только на Днепр, но и на Волгу. В Начальном своде и «Повести временных лет» о Полоцком князе сказано: «Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья». Его имя, как и имя его дочери — Рогнѣдъ, указывает на скандинавское происхождение: Rögnvaldr, Ragnhildr (др.-ск. Ragnheiðr). Полоцк упоминается в исландской саге «О крещении», где говорится о событиях, современных княжению Владимира (см.: Глава 7). Торвальд сын Кодрана, сыгравший большую роль в христианизации Исландии, возвращался из поездки в Иерусалим через Русь. Он скончался недалеко от Полоцка и был похоронен у церкви св. Иоанна Предтечи.[2]

---

[1] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.) М., 2000. С. 16–18.

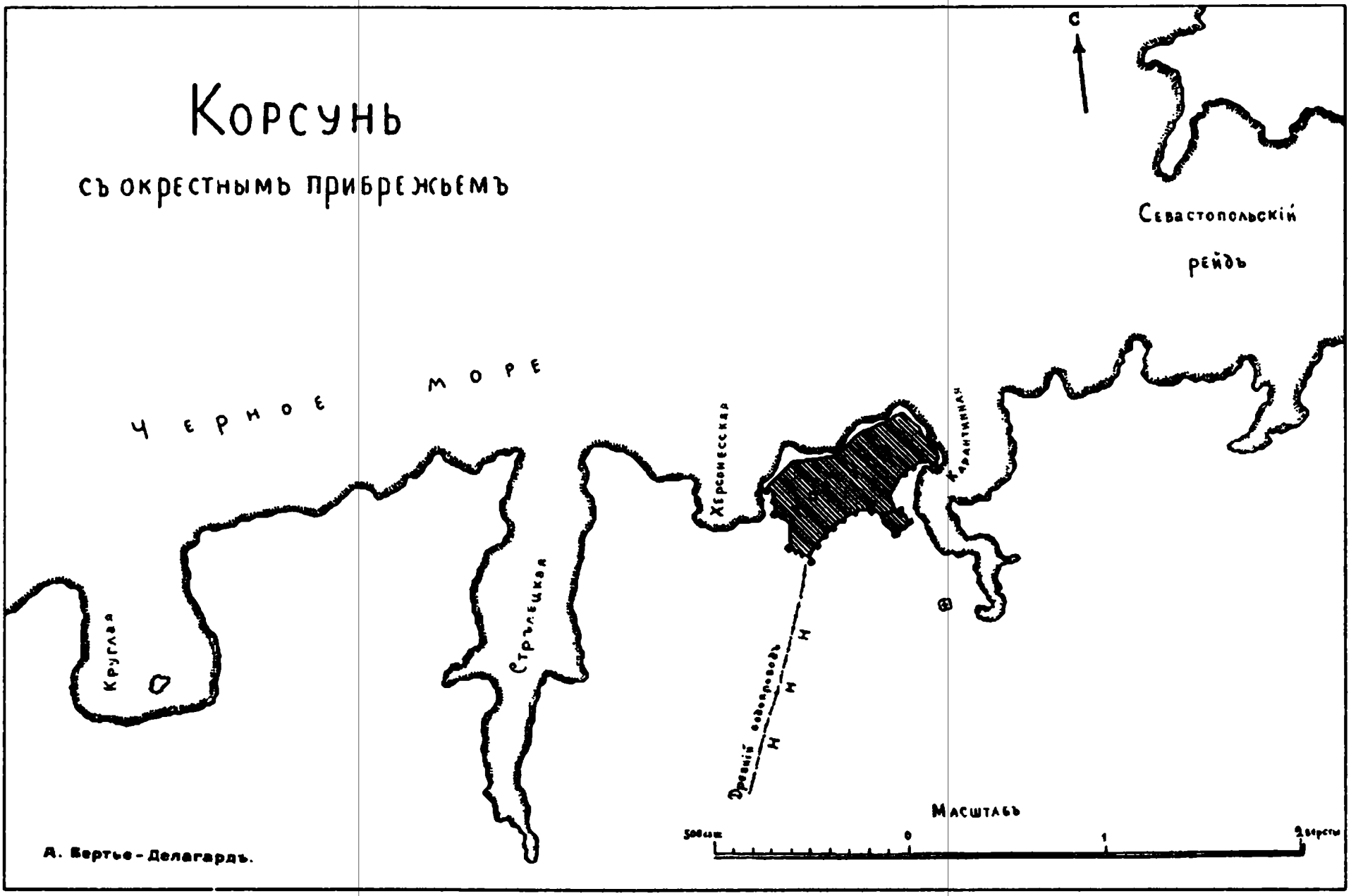
[2] *Глазырина Т. В.* О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Руси в X в.//ДГ за 2002 г. М., 2004. С. 78–94; Рус. перев. см.: *Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 102–104.

Скандинавы продолжали компактно проживать в Полоцкой земле и позже. На городище Масковичи, расположенном на Браславских озерах, было найдено более ста фрагментов костей со знаками бытовой рунической письменности XI–XIII вв.[1] Полоцкая земля лучше всего могла быть той контактной зоной, где предание о варяге Ингибьёрне вобрало в себя мотивы из легенды о Рогнед. Отождествление облегчало и то, что Владимир действительно оставил полоцкую княжну, чтобы жениться на Анне. Как указывал Н. И. Серебрянский, по преданию, зафиксированному в Тверском сборнике (начальная часть представляет собой Ростовский свод 1534 г.), Владимир предложил Рогнед заново выйти замуж. Гордая княгиня отказалась и постриглась в монахини. Корсунская княжна тоже оказывается отвергнута ради нового брака, но в отличие от своего реального прототипа выходит за предложенного ей мужа.

Н. И. Серебрянский считал, что Особое (Легендарное) житие появилось в Северной Руси в результате соединения Корсунской легенды и местных полоцких преданий. По его мнению, воевода Ждьбернъ соединил в себе дядю Владимира Добрыню и грека Анастаса. Учитывая все последние открытия, особенно археологические, эти выводы можно уточнить. Собственно к народному преданию можно отнести только сюжет о сватовстве Владимира к Рогнед, бытовавший в Полоцкой земле. Там же он и соединился с сагой об Ингибьёрне, в основе которой лежал реальный эпизод осады Корсуня — разрушение дамбы (земляного пути), по которой снабжался город. В окончательном виде предание стало дополнительным источником распространенного вида ПрЖ и в полной мере отразилось в Особом (Легендарном) житии. Судя по упоминанию крещения Владимиро-Суздальской и Муромской земель, Особое житие появилось в Северо-Восточной Руси. Составитель летописного сборника XVII в. из РНБ мог пользоваться этим текстом или отдельной записью предания. Никакой избыточной информации, кроме ошибок, в его рассказе нет.

---

[1] *Дучиц Л. В., Мельникова Е. А.* Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) //ДГ за 1980 г. М., 1982. С. 185–216.


Корсунь
съ окрестнымъ прибрежьемъ
С
Севастопольскій
рейдъ
Черное море
Херсонесскій
Карантинная
Стрѣлецкая
Круглая
Древній водопроводъ
Масштабъ
500 саж.
0
1
2 версты
А. Бертье-Делагардъ.

4. Цели Корсунского похода

Отвергнутое сватовство ни в одном древнерусском тексте, кроме Особого жития, не является причиной похода на Корсунь. В представлении людей XI в. война и не нуждалась в дополнительных объяснениях. Князь был обязан ходить в походы, чтобы содержать свою дружину. Если поход был неудачным, то летописец пускался в рассуждения, а стоило ли его предпринимать. Если же все складывалось успешно, то и никаких сомнений в его необходимости не возникало. Единственная сложность с реальными обстоятельствами Корсунской войны была в том, что недавно крестившийся князь захватил христианский город, к тому же принадлежавший его союзнику. Но эта проблема, как видно из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и ПрЖ, была успешно решена. Походу была придана благочестивая мотивировка: князь хотел привести на Русь учителей христианства для народа.

В Корсунской легенде князь был еще язычником, и ни в каких дополнительных объяснениях его действия не нуждались. Нарушение логики возникает исключительно в летописи, где рассказ о походе помещен в середину пространного рассказа о крещении Руси. А. М. Ранчин указывает, что интерпретация похода на Корсунь как завоевания веры принадлежит исследователям, а не летописцу.[1] Корсунская легенда сама по себе очень последовательна: князь отправляется на очередную войну, захватывает греческий город и, преисполнившись гордости, посылает со сватовством к греческим царям. Ему отвечают согласием с единственным условием: он должен креститься.

Исторической основой Корсунской легенды были захват города и пышная свадьба Владимира и Анны. Судя по разноречивым указаниям на разные храмы как на место крещения князя, предание о том, что Владимир принял христианство именно в Корсуне, появилось в Крыму. В конце XI в. клир Десятинной церкви успешно пропаганди-

[1] *Ранчин А. М.* Хроника Георгия Амартола и «Повесть временных лет»: Константин Равноапостольный и князь Владимир Святославич // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 55.

ровал его в Киеве. Тогда же были внесены изменения в рассказ о варягах-христианах. Вопреки действительности утверждалось, что Десятинная была построена на месте их двора. Реальные варяги, конечно, не могли жить посреди могильника (см.: Гл. 2. 3). Почему монах Печерского монастыря, составлявший Начальный свод в 1091 г., так доверял клиру Десятинной церкви, не известно.

Большинство исследователей считают, что Владимир хотел вынудить императоров отдать ему обещанную невесту. Д. Л. Талис предположил, что второй целью похода было уничтожение Херсонеса как города, через который византийцы натравливали печенегов на Русь. А. Поппе считает, что русский князь, уже женатый на Анне, подчинил восставший Херсонес своему шурину. А. В. Гадло полагал, что целью Владимира был захват Южного Крыма.[1] Эта точка зрения, как мы увидим дальше, лучше всего согласуется с действительностью.

Всем этим исследованиям присуща одна общая точка зрения — Херсон был полностью разорен Владимиром. С. А. Беляев на основании собственных многолетних раскопок в Западном районе города и детального анализа археологических открытий прошлого и современности пришел к выводу, что Херсонес не был разрушен. В конце X в. происходит замена больших базилик на маленькие храмы-часовни. На какое-то время запустел только Западный район Херсонеса, но это не было связано с тотальными пожарами или какими-то другими военными событиями. С войной можно связать лишь несколько общих могил и невостребованные клады. При этом сам С. А. Беляев убежден, что Владимир крестился в Корсуне. В пользу правильности такой точки зрения, по его мнению, свидетельствует не только то, что город не был разрушен, но и заново исследованная им «базилика на холме». Она была возведена на месте прежней из материалов, полученных от ее разборки. Базилика стояла на естественном холме, но от нее в направлении к «Западной базилике» шла обширная площадка, покрытая нивелировочной засыпкой толщиной ок. 1 м. Это

[1] *Талис Д. Л.* Из истории русско-корсуньских политических отношений в IX–X вв.//ВВ. 1951. Т. 14. С. 111; *Poppe A.* Op. cit.; *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 161–165.

соответствует сообщению летописи о строительстве князем храма «на горѣ, иже ссыпаше среди града, крадуще приспу».[1] Непрерывная городская жизнь продолжалась в Херсонесе вплоть до конца XIV в.[2]

Это очень важные выводы, но они не противоречат предположению о захвате города князем-христианином. Строительство св. Владимиром храма в городе не обязательно было связано с его крещением. В разных летописях и житиях он назван по-разному. В Начальном своде и Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет» он остается безымянным. Во всех списках Ипатьевской редакции «Повести временных лет» церковь посвящена Иоанну Предтече, а в ЖВ — св. Василию. Либо уверенности в том, как назывался на самом деле храм, не было, либо Владимир построил их несколько. В связи с этим можно высказать предположение, что сейсмическая волна октябрьского землетрясения 989 г. дошла и до Крыма. Следов таких катастрофических последствий, как в Константинополе, не видно, но часть крупных построек могла прийти в аварийное состояние. В качестве архонта св. Владимир мог принять участие в работах по разборке старых храмов и возведению новых.

Захват Херсонеса очень хорошо вписывается в общую направленность военно-политической деятельности св. Владимира во второй половине 980-х гг. С одной стороны, это было продолжение Волжско-Каспийского направления его отца. Владимир сначала пошел на вятичей, бывших данников хазар, когда-то покоренных Святославом. Затем он двинулся на Волжскую Болгарию. Цель этих действий была одна — обеспечить бесперебойную торговлю по Балтийско-Волжскому пути. В то время устье Волги фактически контролировал ширван-шах Мухаммед, который помог разгромленным во времена Свято-

[1] *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 158–163; *Он же.* «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуне, построенная Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1. С. 20–37. Впрочем, он указывает (с. 45, прим. 25), что в засыпке материалы относятся к правлению Василия I, а не Василия II. Так как это перемещенный грунт, судить о времени проведения работ сложно. Ср.: *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко А. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006. С. 301.

[2] *Богданова Н. М.* Указ. соч. С. 92–101, 119–120.

слава хазарам вернуться на прежнее место. Болгары-мусульмане были его единоверцами, и это могло способствовать сложению совершенно нежелательного для Руси альянса. Победа над Волжской Болгарией и заключенный с ней мир способствовали дальнейшим успехам св. Владимира. В следующем году он ходил на хазар, и ему удалось опять поставить под контроль устье Волги. Святослав во время своего похода на Северный Кавказ на ясов и касогов захватил и Таманский полуостров.[1] Если Тмуторокань был во времена Ярополка потерян, то Владимиру пришлось возвращать и этот город. В результате одержанных побед ему удалось полностью установить контроль над всеми ответвлениями Волжского пути (см.: Гл. 2. 4).

Объем восточной торговли неуклонно падал не только из-за военно-политических обстоятельств на Балтийско-Волжском пути, но и в силу внутреннего положения в странах Арабского халифата. Фактически он распался на ряд самостоятельных владений, которые сами продолжали дробиться. Успехи византийских императоров в войнах с арабами и возвращение ими целого ряда территорий было как раз обусловлено этими процессами. К концу 980-х гг. на грани развала была Среднеазиатская держава Саманидов, из которой поступал основной объем серебряных дирхемов.[2] В этих обстоятельствах все больше увеличивалось значение торговых связей с Византией.

В VIII в. все крымские владения Византии, побережье Меотиды (Азовского моря), Таманский полуостров и Зихия к югу от него были под властью хазарского каганата. Херсонес, видимо, никогда не подчинялся хазарам. В 830 г. каган обратился к императору Феофилу с просьбой помочь в строительстве крепости на Дону, того самого Саркела (Белой Вежи), который был впоследствии захвачен Святославом. Тогда же была основана Херсонская фема в Крыму, которую еще называли Климаты.[3] В нее входило и Готское княжество со сто-

---

[1] *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 220, 226–227.

[2] *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в.//Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

[3] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 170–173.

лицей в Доросе (Мангуп). Готская епархия, как и Херсонская, существовала с IV в., и обе сохранялись даже под властью хазар. Восточный Крым, видимо, оставался в составе каганата вплоть до походов Святослава, когда князю, судя по всему, удалось захватить Боспор (хазарский Керц, русский Корчев). Но во времена Иоанна Цимисхия в Боспоре уже упоминается стратиг Империи.[1] На Крымской стороне Керченского пролива утвердилась Византия.

Херсонская фема была объектом интересов русских князей уже в первой половине X в. В договоре Игоря с греками 944 г. есть статья «О Корсуньсцѣи странѣ». Она содержит запрет русским князьям под каким-либо предлогом воевать на территории фемы. В обмен императоры обещают князю военную помощь: «Аще просить вой от насъ князь руский, дамы ему, елико будеть требѣ, и да воюеть». В договоре не сказано, против кого эта помощь оказывается, но ясно, что это могли быть какие-то общие враги, вероятнее всего, хазары.

Поход на Херсонскую фему был логическим завершением военных кампаний св. Владимира на Юге. Херсонес был не просто центром византийских владений на северном берегу Черного моря. Это был ключевой пункт, который контролировал плавание вдоль всего побережья. Недаром в Южной бухте восточнее развалин Херсонеса в XVIII в. был основан Севастополь, база русского флота. Захват Таманского полуострова был важным достижением, но он не давал контроля над Черным морем.

Точная хронология походов Владимира до крещения отсутствует. В Начальном своде и «Повести временных лет» война с Болгарией датирована 985 г. Тогда хазарский поход относится к 986 г. Вероятно, поход на Херсонес планировался тогда же. Крещение Владимира и союз с императорами отложили его, но не изменили намерений князя. То, что Анна не приехала вплоть до весны 989 г., не могло быть предлогом для войны с Империей. Ясно, что в разгар боевых действий с сомнительным исходом было невозможно требовать от-

[1] *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М., 1991. С. 106–107; *Бибиков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских источников о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 87.

правки невесты. Либо Владимир решил округлить свои владения, пока позиции императоров не укрепились, либо передача Херсонеса Руси входила в соглашение с Византией. Императоры были в безнадежном положении и могли пойти даже на такую уступку.

Зная особенности византийской внешней политики и дипломатии, можно предположить, что, согласившись на передачу города, Василий тем не менее предупредил Херсонес о надвигавшейся опасности. Учитывая наличие в городе по крайней мере двух «приятелей» русского князя, можно не сомневаться, что и св. Владимир своевременно узнал о подготовке к осаде. Такое предположение может показаться излишней модернизацией событий, но посмотрим, что писали об организации разведывательной службы в те же годы в самой Империи. «Доместику и пограничным стратигам разрешается иметь катаскопов (соглядатаев. — *Н. М.*) не только среди болгар, но и среди других пограничных народов, обитающих в землях печенегов, и турок (венгров. — *Н. М.*), и росов, чтобы ничто из замышляемого ими не оставалось нам неизвестным. Иногда пленные, захваченные вместе с женами и детьми, принесут больше пользы, чем иные из катаскопов. Связав их обещанием стратигов предоставить им свободу вместе с женами и детьми, их следует направить на разведку, и когда они возвратятся после изучения всего того, что касается их соотечественников, они расскажут только правду».[1] Поневоле возникает вопрос, не был ли и Анастас связан с русским князем с помощью мер, практиковавшихся его соотечественниками.

Если св. Владимир был христианином и собирался присоединить Корсунь к своим владениям, то у него не было никаких оснований разрушать город. Наоборот, он был заинтересован в том, чтобы показать себя милостивым правителем. К сожалению, мы никогда не узнаем, что именно он передал императорам Василию и Константину через своих послов. В результате переговоров какое-то одинаково приемлемое для Руси и Восточной Римской империи соглашение было достигнуто. Судя по тому, что о захвате города сообщает только непосредственный современник события, а последующие хронисты

[1] Об устройстве лагеря//Два византийских военных трактата. СПб., 2002. С. 360–161.

об этом молчат, мир сочли ненарушенным. Багрянородная невеста Владимира отправилась в Херсонес.

Если город был взят в конце июля, то в том же году могла прибыть в Тавриду и Анна. В скорейшем заключении брака теперь были заинтересованы обе стороны. Для Владимира это был вопрос престижа, для императоров опять насущная необходимость. Они не могли отнять у Владимира Херсонес силой. Но после того, как он стал их шурином, можно было представить дело так, что он стал архонтом Херсонеса, полностью подчинявшимся Империи. Похожая ситуация видна на примере уже упоминавшегося Давида Багратуни. В грузинских и армянских источниках он именуется царем Тао-Кларджети (Тайка), а в византийских он титулуется исключительно придворным византийским титулом куропалата.

А. А. Шахматов и М. Д. Приселков полагали, что предатель Анастас стал епископом Киевским. Однако он назван так только в Чудовской (3-й) Распространенной редакции ЖВ и в позднем Московском житии начала XVII в.[1] А. Поппе показал бездоказательность предположения М. Д. Приселкова о подчинении Русской церкви при Владимире Охридской (Болгарской) патриархии или Херсонской архиепископии. Митрополия была основана вскоре после крещения Руси, и на нее был переведен из армянской Севасты митрополит Феофилакт.[2] Польский ученый полагает, что это произошло в 989 г., но более вероятным представляется, что это было после 995 г.[3] В Грамоте о десятине, данной Киевской церкви Богородицы в этом году (текст сохранился в составе Церковного устава Владимира), не упоминаются ни современный Владимиру Константинопольский патри-

[1] *Попов А. Н.* Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым / Под ред. М. Н. Сперанского. М., 1889. № XIX. С. 33–41; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 63–65, 24–25 (втор. паг.),

[2] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 101–102; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 48–55; *Poppe A.* The Original Status of the Old-Russian Church // Acta Polonia Historica. Warsawa, 1979. Vol. 39. P. 14–15, 20–26.

[3] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 23–28.

арх, ни Киевский митрополит. Вместо этого сказано об учреждении Русской епископии при патриархе Фотии (867 г.).[1]

Текст Устава сохранился только в редакции не раньше конца XII в. Редактор сделал Фотия современником Владимира, а в качестве русского митрополита в разных списках называются то Михаил, то Леон (см.: Гл. 4. 1). Молчание грамоты, данной Десятинной церкви, о современном св. Владимиру Константинопольском патриархе соответствует реальности. Патриарший престол в 995 г. был вакантным: Николай Хрисоверг умер в 991 г., а его преемник Сисиний был поставлен только в 996 г. Видимо, и Киевского митрополита тогда еще не было. Не упоминает о нем и летописная статья об освящении Десятинной церкви.

В течение 989–996 гг. Русская церковь должна была как-то управляться. Предположение об участии в управлении Херсонского архиепископа выдвигалось давно. Полемизируя с этой точкой зрения, А. Поппе отмечает, что согласно нотициям Константинопольского патриархата Херсонский архиепископ никогда не имел подчиненных ему суффраганов.[2] Однако из писем патриарха Николая Мистика (901–907, 912–925) видно, что этой архиепископии придавались и миссионерские обязанности.[3] Одной из официальных мотивировок похода на Корсунь была необходимость привести на Русь учителей для народа. Владимир вполне мог настаивать на включении Корсуня в состав своих владений именно как центра христианского просвещения Руси.

В летописях под 988 г. говорится, что св. Владимир вывез из Корсуня иконы, священные сосуды и мощи святых, в том числе св. Климента, папы римского, и его ученика св. Фива. В Новгородской 1 летописи младшего извода под 989 г. сказано, что Владимир привел на Русь митрополита, не названного по имени, и епископов. Именно из херсонитов был первый новгородский владыка, Иоаким Корсунянин.

---

[1] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подг. Я. Н. Щапов М., 1976. С. 69–70.

[2] *Poppe A.* The Original Status... P. 14–17.

[3] *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 182–183.

Согласно перечню епископов, помещенному перед основным текстом Новгородской 1 летописи по Комиссионному списку, Иоаким пробыл им 42 года. В Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи смерть Иоакима датирована 1030 г. Из перечня известно, что какое-то время кафедра оставалась незанятой, а вместо епископа был его ученик Ефрем, учитель новгородских детей, один из которых и стал летописцем.[1] Преемник Иоакима на новгородской кафедре Лука Жидята согласно «Повести временных лет» был рукоположен в 1036 г. Учитывая обычные погрешности в один год при расчете лет, даты поставления и смерти Иоакима можно поместить между 989/990 и 1030/1031 гг.

Херсонский архиепископ не мог иметь суффраганов, но Иоаким не обязательно им был. На первых порах он мог действовать как миссийный епископ на севере Руси. Херсонский архиепископ тогда занимался просвещением Киевской земли и прилегавших к ней территорий. Судя по всему, Анну сопровождал к Владимиру митрополит Феодор Ефесский, но он не остался на Руси, а вернулся в свою епархию.[2]

Летописец сообщает, что Владимир отдал Корсунь «в вено» за Анну в том же году, когда женился. «Память и похвала» Иакова Мниха и ПрЖ вообще не упоминают о судьбе города после крещения. Летописный рассказ, а за ним и ЖВ сообщают, что князь вывез из города многочисленные трофеи. Это были не только священные предметы, но и памятники античной скульптуры. В статье 988 г. упомянуты «мѣдяне 2 капищи и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко иже невѣдуще мнять я мраморяны суща». Церковь Богородицы была заложена в 991 г. после засыпки старого городского рва и сноса валов и курганных насыпей.[3] Владимир мог

[1] *Милютенко Н. И.* Новгородский свод в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи//ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 586–606.

[2] The Correspondence of *Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus*/ Greek Text, transl. and comm. by Vinston M. P.//Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 22. Dumbartom Oaks, Washington (D. C.), 1985. P. 121. Let. № 36.

[3] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 98–105, 138–212; М.; Л., 1961. Т. 2. С. 36–59.

вывезти скульптуры сразу, но мог сделать это гораздо позже, уже тогда, когда план нового Киева был ясен хотя бы в общих чертах.

На первых порах императорам пришлось согласиться с притязаниями Владимира на Корсунь, но продержаться там ему удалось очень недолго. Надписи и печати Херсонеса вообще не отражают этого периода.[1] А. В. Гадло, полагавший, что князь не собирался отдавать Корсунь, не объясняет, почему же он все-таки с ним расстался. Для этого должны были быть очень серьезные причины.

Константин Багрянородный подробно объясняет, как следует использовать против Руси печенегов.[2] В «Повесть временных лет» летописец вставил два предания о войнах с печенегами, которых не было в НС. Это рассказы о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем (992) и о том, как осажденные белгородцы обманули степняков (997). В этих рассказах все кончается торжеством Руси, но сохранилось и другое, подлинное, а не легендарное известие. Это запись о поставлении церкви св. Спаса в Василеве в память спасения князя. Она помещена уже в НС после рассказа об освящении Десятинной церкви. Св. Владимир проиграл печенегам бой под городом, бежал и был вынужден спрятаться под мостом, чтобы не попасть в плен. Это произошло в день Преображения Господня, в честь чего и был построен храм. Рассказ помещен под 996 г. после сообщения об учреждении десятины для церкви Богородицы с весьма приблизительным хронологическим указанием «по сихъ же». Сведения о даровании десятины церкви Спаса есть в грамоте Десятинной церкви, читающейся в Уставе Владимира.[3] Следовательно, это реальное событие, произошедшее вскоре после 995 г. Эти разрозненные свидетельства говорят, что обстановка в печенежских степях резко обострилась. На какое-то время сообщение Киева с Крымом по Днепру могло вообще прерваться.

---

[1] *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983. Библиографию последних крымских научных изданий см.: *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 127, 129–130, 142.

[2] *Константин Багрянородный.* Указ. соч. С. 36–39.

[3] Древнерусские княжеские уставы... С. 15, 18–19, 23, 30, 37, 43, 46, 54, 70, 73, 76.

В начале 990-х гг. произошло и другое событие, которое резко ухудшило положение Руси. Эмир Хорезма Маммун Ибн Мухаммед освободился от власти Саманидов и стал независимым правителем. Очень скоро он помог хазарам вернуться в низовья Волги с условием принятия ими ислама.[1] Теперь возникла прямая угроза русским владениям на Нижнем Дону и на Таманском полуострове. Это был второй выход в Черное море: по Волге и через волок на Дон, а оттуда в Азовское море. О традиционной важности этого маршрута свидетельствует именование Дона «рекой славян», а Керченского пролива «Русской рекой» несколькими поколениями арабских географов.[2] Если бы хазарам с помощью Хорезма удалось вернуть Тмуторокань, то все выходы в Черное море оказались бы блокированы. В этой ситуации логично было полностью примириться с Византией, чтобы противостоять хазарам и мусульманам Хорезма. Очевидно, в середине 990-х гг. Владимир вернул Херсонес под власть Империи, хотя юридически, как уже говорилось, он никогда и не считался вышедшим из ее состава.

В заключение следует сказать несколько слов о возможности связать с событиями X в. рассказ о походе новгородского князя Бравлина на Сурож (Судак) из Жития св. Стефана Сурожского. Впервые его отождествил с походом св. Владимира на Корсунь А. А. Куник.[3] Это предположение продолжают поддерживать некоторые современные исследователи, хотя его раскритиковал первый публикатор текста В. Г. Васильевский.[4] Епископ Стефан Сугдейский (Сурожский)

---

[1] *Новосельцев А. П.* Указ. соч. С. 221–223, 227–231.

[2] *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм. и исслед. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 109, 124; *Бейлис В. М.* Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // ДГ за 1982 г. М., 1984. С. 211–213; *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М, 1999. С. 96–112.

[3] *Куник А. А.* Разыскания о начале Руси. М., 1882. С. 325; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда... С. 121–123.

[4] *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского // *Он же*. Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. CCXL–CCLXIII. А. И. Соболевский полагал, что Владимир «владел не только Тмутороканем и Керчью, но и значительной частью Таврического полуострова» еще до похода на Корсунь:

был защитником иконопочитания во времена императора Льва III Исавра (717–740) и его сына Константина V Копронима (740–775), женатого на дочери хазарского кагана.

Житие св. Стефана сохранилось в греческой краткой редакции и двух пространных: русской и армянской.[1] В русское житие были сделаны вставки из славянского перевода жития св. Иоанна Златоуста, написанного Георгием Александрийским. Заимствования были сделаны также из жития митрополита Петра Московского, сочинения митрополита Киприана. Следовательно, появление русской редакции можно датировать началом XV в.[2] Тем интереснее, что ряд эпизодов и подробностей, отсутствующих в кратком греческом житии, есть в пространном армянском, появившемся не позже 1240-х гг. Судя по различиям, переводы делались с разных видов пространного греческого жития, составленного в Сугдее.[3] До полного исследования армянского текста можно делать только предварительные выводы.

Из сопоставления русской и армянской редакций получается, что св. Стефан скончался около 767 г. Вопреки мнению В. Г. Васильевского, в VII Вселенском соборе 787 г., вероятно, участвовал другой епископ Стефан Сугдейский. Св. Стефану, родившемуся около 697 г., тогда было бы 90 лет, что противоречит указанию армянского жития, согласно которому святой умер в Сугдее в семидесятилетнем возрасте.[4] Эти двадцать лет разницы важны, так как нашествие князя

Соболевский А. И. Два чуда св. Стефана Сурожского//Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира. ОЛДП. 1917. С. 1–10. См. также: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 32–36, там же обзор литературы до 2000 г.

[1] Краткое житие св. Стефана Сурожского//*Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. 72–76; Житие св. Стефана Сурожского//Там же. С. 77–98; Le synaxarie arménien de Ter Israel//Patrologia Orientalia. Paris, 1859. Vol. 30. P. 865–875.

[2] *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского// Указ. соч. С. CCXL–CCLXIII.

[3] *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 121–127.

[4] Там же. С. 126–127.

Бравлина было при непосредственном преемнике св. Стефана епископе Филарете. Таким образом, оно датируется не началом IX в., как полагал В. Г. Васильевский, а 770-ми или первой половиной 780-х гг. В рассказе о посмертных чудесах святого в армянской редакции нашествие каких-то врагов тоже упоминается, но текст в этом месте сильно испорчен.[1]

Еще В. Г. Васильевский предположил, что в греческом тексте упоминались «скифы» или «тавроскифы». Так византийские авторы часто называли русь, что было хорошо известно русским книжникам. Во введении в «Повесть временных лет» сказано, что уличей и тиверцев, живших по Днестру, греки называли «Великая Скифь». Новгород мог появиться в тексте из-за буквального перевода названия таврического города Неаполя Скифского. Князь Бравлин был язычником, который «поплени от Корсуня до Корчева» и наконец захватил Сурож. Он хотел ограбить раку святого, и тут свершилось второе посмертное чудо: Бравлин был жестоко им наказан. Припадок эпилепсии агиограф описывает с большим знанием дела: «И в томъ часѣ разболѣся, обратися лицо его назадъ, и лежа, пѣны точаше». Раскаявшись, языческий князь принял христианство и исцелился.[2]

В. Г. Васильевский предположил, что на Сугдею напали какие-то черноморские или днепровские русы, которых он отождествлял с готскими племенами. По мнению исследователя, их следует отличать от крымских готов, исповедовавших христианство.[3] Скифами греки называли всех «северных варваров». Агиограф мог назвать так любых врагов, даже хазар, но их нападение маловероятно только потому, что Сугдея тоже была под властью каганата. Характерно, что хотя в житии рассказывается о том, как Стефан крестил язычников, там ни разу не употреблен этникон «хазары». В армянской версии, правда, говорится, что Ирина, жена византийского императора Констан-

---

[1] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 4, прим. 3.

[2] Житие... С. 95–96.

[3] *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. CCLXXXI–CCLXXXIII.

тина Копронима, была дочерью хазарского царя Вирхора. Но уже в русской редакции она названа «Феодора, керченского царя, дщи». Керчь (Боспор) действительно была под властью хазар, но императрица была дочерью самого кагана, а не местного правителя.[1] Так как далее в обоих житиях сказано, что она лично знала св. Стефана, то переименование хазарского царя в керченского произошло в одной из греческих редакций, а не в русском переводе.

В русском житии говорится об исцелении «царици корсунскиа». В одном списке (РГБ, ОР, ф. 173 (МДА) № 90) она названа Анной, в двух других (РГБ, ОР, ф. 256 (Рум), №№ 434 и 435) просто «царицей» или «иной царицей».[2] По дороге из Корсуня в Керчь она заболела на Черной Воде (р. Карасу) и исцелилась по молитве к св. Стефану. Это рассказ помещен после описания нападения на Сурож и крещения врагов.

Существенно, что русскому переводчику не пришло в голову отождествить Бравлина и некую царицу со св. Владимиром и его багрянородной супругой. Вполне вероятно, что в греческом оригинале на предания о войне конца VIII в. наложились воспоминания о войнах св. Владимира. Но этого слишком мало, чтобы житие св. Стефана Сурожского могло считаться источником по истории похода Руси на Корсунь.

---

[1] О. Прицак считает, что хазарского кагана могли называть в Византии «Боспорским царем»: *Pritsak O.* At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West//Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / Harvard Ukranian Studies. 1988/ 1989. V. 12/13. P. 100–101, там же библиография вопроса. О. Прицак по смелости предположений далеко обогнал агиографа XV в., сделав князя Бравлина участником Бравельского боя между легендарными конунгами Дании и Норвегии Харальдом Зубом Битвы и Хрингом (о бое см.: Гл. 7. 1).

[2] Житие... С. 96–97.

5. Сказание о русской грамоте или Корсунская легенда-2?

Сказание о русской грамоте было, как показал Н. К. Никольский, одним из источников 4-й Распространенной редакции ЖВ из сборника Матвея Кусова (Мусин-Пушкинского).[1] Сказание напрямую связано с историей Корсуня, так как его автор утверждает, что крещение в этом городе было предопределено тем, что когда-то св. Константин-Кирилл научился здесь «русской грамоте» у некого «русина». Затем он научил этой грамоте «мораву, ляхы и чехы и прочия языкы». Затем и Владимир крестился в Корсуне: «Идеже книгы обрѣтоша, ту и крещение обрѣтоша. Рускымъ гласомъ писана быша книгы, сице Руси крещение обрѣтеся».

Известие о русских книгах основано на сообщении Жития св. Константина-Кирилла о посещении им Херсонеса во время миссионерской поездки в Хазарию. «Обрѣте же ту Еваньгѣлье и Псалтырь, руськы письмены писано и чьловѣка обрѣтъ, глаголюща тою беседою».[2] Существует большая литература о том, что это были за «русские письмена». Житие Константина-Кирилла цитируется уже в рассказе о перенесении им вместе с братом Мефодием мощей св. Климента в Рим (так называемая Итальянская легенда). Следовательно, оно появилось до 882 г., когда епископ Гаудерих написал свое сочинение. Итальянская легенда упоминает лишь о том, что Константин изучал в Херсоне хазарский язык. Славянское житие, наоборот, упоминает о еврейском, самарянском и загадочном «русском». Сейчас наиболее достоверным считается предположение, что это — искаженное «сурьскыи», т. е. «сирийский».[3]

---

[1] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // ХЧ. 1902. Т. 214. Ч. 1. Июль. С. 89–106.

[2] Житие Константина-Кирилла // БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. С. 36; *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. 2-е изд.: СПб., 2004. С. 149.

[3] Обзор точек зрения см.: *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 222–227.

Гипотезу о том, что св. Константин-Кирилл познакомился с переводом Библии на готский язык, выполненном епископом Вульфиллой в IV в., первым высказал В. Г. Васильевский.[1] В настоящее время эта точка зрения, которую одно время защищал Ф. Дворник, почти всеми оставлена, и, как представляется, совершенно напрасно. Первоначально в тексте жития, как и предполагал В. Г. Васильевский, должно было стоять «скифский язык». О том, что так называли готов, а потом часто неправильно определяли, какие именно это «скифы», свидетельствует история проложного жития свв. мучеников-готов Инны, Риммы и Пинны.

Свв. Инна, Римма и Пинна пострадали в IV в., возможно, во времена первого гонения на готских христиан.[2] В Менологии Василия II о них было сказано, что они были «ἐγένοντο ἀπὸ Σκυθίας ἐκ τοῦ βορείου μέρους». На славянский язык это было переведено как «отъ Скифия Сѣверьскыя страны». Хотя создатель греческого Менология знал жития св. Саввы Готского и св. Никиты Готского, современников трех мучеников, он назвал Инну, Римму и Пинну учениками апостола Андрея. В Византии он считался просветителем скифов. Еще дальше пошел В. И. Ламанский, опубликовавший славянский перевод проложного жития свв. мучеников по списку Лесневского пролога 1330 г. Он решил, что «Северная Скифия» — это страна славян, живших на территории современной Украины.[3] Очевидно, похожая ошибка была сделана на раннем этапе формирования жития св. Константина-Кирилла. Редактор или переписчик поняли «скифский» как «русский». В полемике со сторонниками церковного «триязычия» Константин упоминает о готской письменности, познакомиться с которой, как отмечает Б. Н. Флоря, он мог именно в Крыму.[4]

---

[1] *Васильевский В. Г.* Указ. соч. С. CCLXXXII; *Добродомов И. Г., Кривко Р. Н.* Русские письмена в «Житии Константина-Кирилла» / / Восточная Европа в древности и Средневековье. XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002. С. 67–68.

[2] *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003. С. 117–126. Там же библиография вопроса.

[3] PG. T. 117. Col. 269–272; *Ламанский В. И.* О некоторых славянорусских рукописях в Белграде, Загребе и Вене... СПб., 1864. С. 110–111.

[4] Житие Константина-Кирилла. С. 56; *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 263.

Н. К. Никольский полагал, что св. Константин-Кирилл действительно познакомился где-то, вероятно, в Константинополе, с миссионерской глаголической азбукой, созданной в начале IX в. для проповеди среди славян. Она называлась «русской», потому что так именовали славян, живших на Дунае.[1] О том, что глаголица была создана задолго до св. Константина-Кирилла, писал Г. М. Прохоров.[2]

Создатель Сказания о русской грамоте воспринял сообщение жития св. Константина-Кирилла буквально — письмо было создано неким русином по божественному вдохновению. Полный текст Сказания сохранился только в составе своеобразной компиляции, посвященной созданию славянской азбуки и крещению Руси. Она входила в так называемое Прибавление к Полной Хронографической Палее,[3] в сборники смешанного состава, а два списка известны по Толковой Псалтири. Все части компиляции всегда рассматривались порознь: особое внимание привлекала «Азбучная молитва» Константина Преславского[4] и фрагменты из жития св. Константина-Кирилла, которые рассматривал Дж. Дзиффер. К. М. Куев выявил все списки компиляции, но, к сожалению, он не всегда указывает, что здесь «Азбучная молитва» находится именно в ее составе. Сказанию о русской грамоте посвящена работа В. М. Живова, однако он рассматривает только первую часть текста, которая часто переписывалась отдельно.[5] Компиляция в целом ни разу не была предметом исследования.

---

[1] *Никольский Н. К.* К вопросу о русских письменах // ИАН по русскому языку и словесности. Л., 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 6–23, 35–37; *Он же.* Повесть временных лет... С. 78–83, 96–102.

[2] *Прохоров Г. М.* Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199.

[3] *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 127–129; Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. Комментарий и исследование О. В. Творогова. СПб., 2001. С. 133–141, 151, 201.

[4] *Куев К. М.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.

[5] *Живов В. М.* Slavia Christiana // *Он же.* Разыскания в истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 116–169. Там же исчерпывающая библиография вопроса.

Компиляция встречается в двух видах: в «Прибавлении» и в Толковых Псалтирях. В сборники могут включаться разные виды, в одном из них (РНБ, ОР, О. XVII. 40) переписаны сразу оба. В Толковых Псалтирях (РНБ, ОР, Пог. 101; БАН, Арх. Д. 24) и ряде сборников (РНБ, ОР, О. XVII. 40, F. 111 (собр. Вяземского), ГИМ, Ув. 16) компиляция озаглавлена: «Прение Кирила Философа съ жиды».

В «Прибавлении» текст начинается словами: «В лѣто 6303 (sic!) Констянтина Философа. Нарицаемый Кирилъ створи грамоту словеньскым языкомь, называемую литицю, въ дни Михаила царя гречьскаго и въ дни князя Рюрика Новгородцкаго, его же сыномь Рускаа земля прииде /о землю Гречьскую/». В «Прении съ жиды» нет даты 6363 г., указанной в цитированном дальше сочинении «О письменах» Черноризца Храбра. За выпиской из Черноризца Храбра в компиляции следует «Азбучная молитва» Константина Преславского. Составитель приписал ее св. Константину-Кириллу. В старших списках Полной Хронографической Палеи (ГИМ, Син. 210, 1477 г. и РГБ, Рум. № 453, 1494 г.) сохранились следы создания текста: «Молитва» разрывает выписку из Черноризца Храбра, затем повторяются последние слова выписки «по семь Дионисии», а за ними следуют конечные буквы полной славянской азбуки. Только в Палее 1494 г. сохранилась гаплография: «...въ дни князя Рюрика Новгородцкаго, его же сыномь Руска земля преиде о грамоту Греческую. "Грамоту створиша 7 мужь...."». Изначально упоминался поход Игоря Рюриковича на «землю Греческую», но так как выписка из Черноризца Храбра начиналась со слов «Греческую грамоту», писец сделал ошибку. Во всех прочих списках слова «о грамоту» выпущены.

После «Азбучной молитвы» написано: «Потомъ же маломъ днемъ (лѣтомъ) минувшемъ въ дни благовѣрнаго князя Володимира, сына Святославля, внука Игорева и Ольжина, положьшея прьвое начало крещенниа в земли Рускои, а правнука Рюрикова в лѣто». В Толковых Псалтирях и некоторых других списках стоит дата 6495.

Далее без всякого перехода словами: «Въпроси же Философа логофетъ царевъ...» начинается серия выписок из жития св. Константина-Кирилла. Компилятор взял все диспуты: с иконоборцем, с сарацинами, с хазарами и с «латиной». Их завершает известие о смерти

Кирилла, выписанное из жития: «Въ лѣто 6477 (969) преставися Кирилъ учитель словенску языку мѣсяца февраля 14 день, бывь лѣтъ 42, и многы просвѣтивъ учениемъ божественнымъ къ Господу отъиде и положенъ бысть в Римѣ въ церкви святого Климента».

Далее начинается Сказание о русской грамоте. Возможно, создателю компиляции принадлежат две переходные фразы: «Се же буди вѣдомо всѣми языкы и всѣми людьми, яко Рускыи языкъ ниоткуду же прия вѣры сия святыя, и грамота руская никымъ же явлена, нъ тъкъмо самѣмь Богомь Вседержителемь Отцемь, и Сыномь и Святымь Духомь. Володимеру Святыи Духъ вдохну вѣру прияти, и крещение отъ грекъ и прочии нарядъ церковныи». Затем начинается рассказ о «русской грамоте». Она была явлена Самим Богом некоему русину в Корсуни, а от него научился и Константин Философ. Затем, не упоминая о его брате св. Мефодии, автор пишет, что Константин Философ «научи Мораву, и Ляхы, и Чехы, и прочия языкы». Затем он отправился в Рим, где принял монашество под именем Кирилл и скончался.

Настораживает полное незнание автором обстоятельств просвещения славян. Во-первых, он приписал св. Константину-Кириллу крещение Польши в IX в., хотя хорошо известно, что оно было сто лет спустя. В «Повести временных лет» в соответствии с источниками говорится только о его просвещении мораван и чехов. Во-вторых, у него даже не упомянуто, что св. Мефодий был епископом Паннонии и Моравии. Наконец, отсутствие славянской письменности в современных ему Моравии, Чехии и Польше автор объяснил разрушительной деятельностью св. Войтеха-Адальберта (983–997), епископа Пражского. В. М. Живов убедительно показал, что это обвинение совершенно безосновательно.[1] Автор даже не упоминает о существовании славянской грамоты в других славянских странах, в Болгарии и Сербии.

Столь же неосведомленным автор показал себя в рассказе о крещении Руси. Он пишет: «По Михаилѣ быша цари мнози, и потомъ бысть царь Романъ. И при томъ крестися рускыи царь Володимеръ

[1] *Живов В. М.* Указ. соч. С. 124–132.

въ градѣ Корсуни». Во всех произведениях указывается, что императорами были Василий и Константин. Затем автор объясняет значимость того, что крещение совершилось в Корсуне, где ранее обрели священные книги, написанные «русским гласом». Это событие сравнивается ни мало ни много с явлением Закона Моисею на горе Синай. Владимир более славен, чем Моисей, так как тот не вошел в Иерусалимскую землю, а Владимир принес в Русскую землю «вѣру, и крещение, и грамоту, и книгы обретеныа, Еуангелие, Апостолъ...». Далее Киев объявляется вторым Иерусалимом, а 43 дня жизни Моисея после передачи Израилю Закона сравниваются с 33 годами жизни Владимира после крещения. В этом случае годом крещения оказывается 982/983, что опять противоречит всем источникам. После сообщения о смерти Владимира следует сравнение его с Константином и молитва, обращенная к двум «святым царям». Она написана от первого лица, и автор в своей «грамотице» просит их помогать своим «сродникам» и людям «греческим и русским». В списках Прибавления к Палее конец молитвы утерян, но в «Прении съ жиды» он всегда читается.

В 4-ю редакцию Распространенного жития св. Владимира вошло все окончание Сказания, начиная со слов: «Оле чюдо! Яко второи Иерусалимъ на земли явися Киевъ...». Оказалось заимствованным и сообщение о 33-х годах, которые прожил князь после крещения, и обращение к святым царям Василию и Константину от первого лица. Выписка из Сказания разбита на две части вставкой большого отрывка из летописной похвалы Владимиру в статье 1015 г. «Повести временных лет». Таким образом, в этой редакции дважды сообщается о смерти князя.

Непосредственные источники Сказания о русской грамоте до сих пор не выявлены, за исключением упоминания о «русских письменах» в житии св. Константина-Кирилла. Автор развил его в целый рассказ о некоем «русине», который до крещения Руси был христианином и которому Бог явил русскую грамоту. Из Начального свода, сохранившегося в составе Новгородской 1 летописи младшего извода, происходит ошибочное именование матери императора Михаила III Ириной, а не Феодорой. Происхождение всех остальных «уникальных сведений» не известно. Что-то можно объяснить элементарными

ошибками, как срок жизни св. Владимира после крещения, но откуда автор позаимствовал свою теорию относительно св. Войтеха-Адальберта, не известно.

Эпизоды деятельности св. Константина-Кирилла в компиляции постоянно увязываются с событиями русской истории, следовательно, ее составил один человек по единому плану. За исключением Сказания о русской грамоте все его источники — памятники IX–X вв., посвященные истории славянского просвещения. Так как во всех других случаях он соединял чужие тексты, то логично предположить, что и Сказание о русской грамоте он откуда-то позаимствовал в готовом виде.

Сказание, где говорилось, что Константин Философ нашел азбуку готовой в Корсуне, а не изобрел сам, противоречило остальным источникам компилятора. Во вступлении к компиляции и в выписке из Черноризца Храбра Константин Философ восхваляется именно за свое изобретение. В сочиненном компилятором вступлении к прениям с «латиной» он снова пишет, что «Констянтинъ Философъ сию грамоту створи и предасть ю Моравѣ, Чехомъ, Ляхомъ и прочимъ языкомъ, потомъ Руси». Этой фразой он пытается согласовать версию Сказания с тем, что он нашел в других памятниках и выписал для своей работы.

Так как фрагменты Сказания стали известны сначала по 4-й редакции Распространенного жития св. Владимира, то авторство жития стали приписывать некоему греку.[1] Х. Голдблатт и Р. Пиккио, наоборот, писали о «русоцентризме» или «Владимироцентризме» Сказания.[2] Однако автор молит святых царей: «люди избавляита от всякия

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* Три памятника русской духовной литературы XI в.//ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 313–314; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. 2-е изд. М., 1900. Т. 1. Ч. 1. С. 133, 224–226.

[2] *Goldblatt H.* On «rus'skymi pismeny» in the *Vita Constantini* and Rus'ian Religious Patriotism//Studia Slavica Mediaevalia et Humanistica Ricardo Picchio dedicata. Rome, 1986. Vol. 1. P. 311–328; *Picchio R.* From Boris to Volodimer: Some Remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom//Proceedings... P. 210–213.

бѣды грьческия и руския, и о мнѣ грѣшнемъ помолитася к Богу». Так обратиться, действительно, мог только грек, а не русский.

Сказание о русской грамоте сопоставимо с другим, несомненно греческим сочинением: «Точным рассказом о том, как крестилась Русь» (см.: Гл. 4. 5). Его автор также связал создание славянской азбуки с Русью, и также наделал ошибок. Он, правда, не отнял у св. Константина-Кирилла его изобретения, зато сделал его современником св. Владимира. Вместо брата Мефодия его спутником по поездке на Русь назван Афанасий. Автор приводит названия всех букв славянского алфавита, изобретенного мудрыми греками для русских варваров.[1] При всей разнице трактовки оба греческих рассказа сходны в том, что они связывают создание азбуки исключительно с Русью и решительно игнорируют ее бытование у других славянских народов. В Сказании о русской грамоте создается впечатление, что после уничтожения Войтехом-Адальбертом славянской письменности в Моравии, Чехии и Польше она сохранилась только на Руси.

Так как фрагменты Сказания вошли в текст, переписанный, самое позднее, в 1414 г., то оно должно было быть написано раньше. В. М. Живов начальную часть Сказания датировал XII в., но он отделил ее от рассказа о крещении Руси. В принципе такой датировке не противоречит и весь текст в целом. Память св. Владимиру появляется в Прологе в 1160-е гг., а царями русские князья постоянно называются в южнославянской письменности. С. А. Иванов отнес «Точный рассказ» к XIII в. Но здесь русский князь назван «μέγασ ῥήξ».[2] «Ῥήξ» (король, титул ниже императора) вместо прежнего «ἄρχων» (князь) появляется в титулатуре Литовских и Московских великих князей только в XIV в.[3] Следовательно, «Точный рассказ» был написан в XIV в. Не позже этого времени появилось и Сказание о русской грамоте. Болгарскую и сербскую книжность его автор игнорировал сознательно, так как эти Церкви имели своих патриархов и не подчинялись Кон-

---

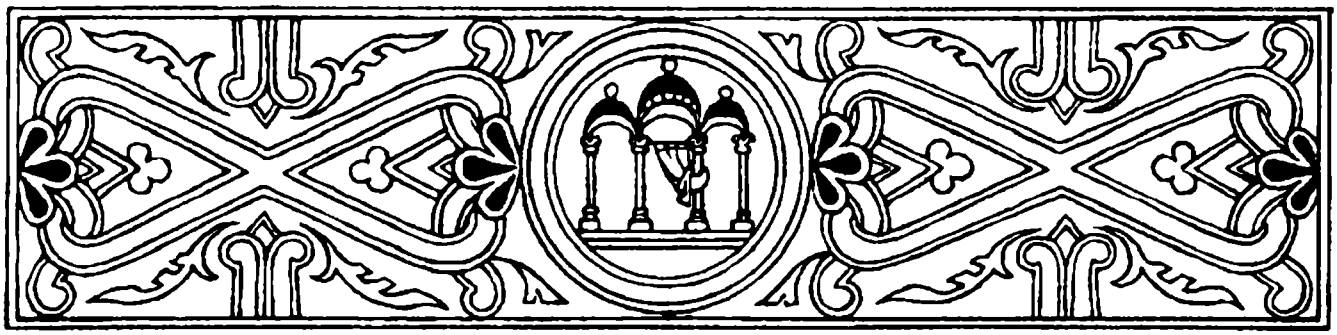
[1] *Кузенков П. В.* Указ. соч. С. 140–146; *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 233–234.

[2] *Regel W.* Analecta Byzantino-Rossica. Petropoli, 1891. P. 44–51

[3] РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. С. 26, 30, 37, 47, 65, 97, 101, 110 (втор. паг.).

стантинополю. Если бы дело было в разгроме этих стран турками в 1389 и 1396 гг., то недавние трагические события были бы упомянуты. Греческому автору было безразлично, кто именно изобрел славянскую азбуку, но важно то, что она была связана именно с Русью, остававшейся в составе Константинопольского патриархата.

Вероятнее всего, текст переводился с греческого на русский и подвергся некоторой редактуре. Правка могла быть внесена и составителем компиляции. Однако он сознательно не стал устранять основное противоречие между своими славянскими источниками и Сказанием о русской грамоте. Одной из причин такого внимания явно было то, что местом создания славянской письменности объявлялся Корсунь, где потом крестился Владимир. Для создателя компиляции это были бесконечно ценные сведения. Русь оказывалась наученной самим Богом через откровение подобно народу Израиля. Св. Константин-Кирилл сам был учеником русина, жившего в Корсуне, и передавал другим народам славянскую грамоту, данную изначально Руси. В этом смысле и св. Владимир оказывался пророком подобно Моисею, но более славным, потому что принес своему народу не Ветхий Закон, а Евангелие и тем ввел его в Царство Небесное.



Глава 6

Церковь и государство при св. Владимире

1. Распространение христианства: первые десятилетия Русской церкви

Мы уже неоднократно обращались к истории Русской церкви времен св. Владимира в предыдущих главах и здесь подведем итоги. Крещение самого св. Владимира состоялось в Киеве в 987 г., а в 989 г. был взят Херсонес в Крыму, и это крайняя дата бракосочетания русского князя и багрянородной Анны. Эта хронология, предложенная в «Памяти и похвале» Иакова Мниха и отраженная в «Чтении о свв. Борисе и Глебе» Нестора, совпадает с данными византийских источников (см.: Гл. 1. 3). Она отличается от датировок Начального свода, сохранившегося в составе Новгородской 1 летописи младшего извода до статьи 6523 (1015) г. включительно, и «Повести временных лет». Там взятие Херсонеса предшествует крещению, и оба события отнесены к 988 г. В тексте летописной статьи 6496 (988) г. говорится о корсунских священниках, приведенных на Русь (см.: Гл. 3. 2; Гл. 4. 4). В рассказе о крещении киевлян они упоминаются вместе с «попами царициными».

В Новгородской 1 летописи младшего извода (далее: Н1 мл.) под 989 г. сказано, что Владимир привел на Русь митрополита, не названного по имени, и епископов, из которых поименован только Иоаким Корсунянин, поставленный в Новгород. Эта статья, рассказы-

вающая о местных событиях, отсутствует в «Повести временных лет» и относится не к предшествующему ей киевскому Начальному своду (далее: НС), а к местному Новгородскому. Хронологическая сетка была наложена на первоначальный текст Новгородского свода XI в. задним числом (см. библиографию вопроса в Гл. 1. 1), и дата 989 г. не обозначает реального времени поставления митрополита для Руси.

«Повесть временных лет» проявляет удивительное равнодушие к истории Русской митрополии. Первым упоминается Феопемпт, освятивший в 1039 г. Десятинную церковь. Он известен и по византийским источникам, так как был вызван для участия в патриаршем синоде 1039 г.[1] Следующее известие относится уже к Илариону, поставленному в 1051 г. (см.: Гл. 1. 1). Смерть ни того, ни другого не указана в летописи. Оба были современниками князя Ярослава Владимировича (1019–1054), и упоминания о них происходят из древнейшего летописания, которое велось, судя по обилию военных подробностей, при княжеском дворе.[2]

Последующие своды составлялись уже в Киевском Печерском монастыре, насельники которого не очень интересовались даже современными им митрополитами. Преемник Илариона, Ефрем, в «Повести временных лет» даже не упомянут. Он назван только в Н1 мл. в связи с его судом над Новгородским епископом Лукой Жидятой в 1055 г. Между тем Ефрем известен и по собственному трактату, написанному на греческом, и из сообщения в Месяцеслове Евангелия Мстислава Великого (начала XII в.) об освящении им Софии Киевской 4 ноября 1061 г.[3] Именно эта дата закрепилась в церковном ка-

---

[1] *Поппе А.* Митрополиты Киевские и всея Руси//*Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 192–193; *Ficcker G.* Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexos Studites. Kiel, 1946. S. 42.

[2] *Милютенко Н. И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)//Rossica Antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 156–169.

[3] Апракос Мстислава Великого. Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. С. 234; *Čičurov I.* Ein antilatinischer Tractat des Kiever Metropoliten Ephraim//Fontes minores. Vol. 10. Frankfurt a. Main, 1998. S. 319–356; *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Христианская литература у славян в середине X — середине XI в.//Христианство в странах Восточной,

лендаре, хотя уже при Иларионе основные работы в храме были завершены, и в нем служили. Следующий митрополит, Георгий, в летописи упоминается только в связи с перенесением мощей свв. Бориса и Глеба в новый храм в 1072 г. Из упоминания в сочинении писателя XI в. Григория Философа видно, что он прибыл на Русь в 1062 г.[1] Дата его смерти неизвестна.

Хотя невнимательность «Повести временных лет» к митрополитам очевидна, из факта отсутствия известий о них до 1039 г. делали далеко идущие выводы. А. А. Шахматов полагал, что Феопемпт был первым, и митрополия была установлена только в 1037 г.[2] М. Д. Приселков считал, что Русь при Владимире входила в Болгарскую патриархию. Теория была основана на совпадении имен последнего патриарха и первого архиепископа Охридского Иоанна (1017–1037) и русского митрополита Иоанна, переносившего при Ярославе мощи свв. Бориса и Глеба. Его имя известно только из произведений Борисо-Глебского цикла. До Иоанна епископом Киевским в юрисдикции Болгарского патриархата, по мнению исследователя, был Анастас Корсунянин. Эта точка зрения продолжала пользоваться поддержкой в течение всего XX в.,[3] хотя она противоречит истории отношений Византии и Руси.[4]

Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 439.

[1] *Рыков Ю. Д., Турилов А. А.* Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ)//ДГ за 1982 г. М., 1984. С. 170–172.

[2] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 400–420.

[3] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913. С. 35–55; *Николаев В.* Славяно-българският фактор в християнизацията на Киевская Русия. София, 1949; Библиографию вопроса см.: *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma//Proceedings of the International Congress, Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine/HUS. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 214–261.

[4] *Poppe A.* Op. cit. P. 11–14; Обзор всех точек зрения см.: *Vodoff V.* Naissance de la Chrétienté Russe. Fayard, 1988. P. 82–83.

Патриарший престол Болгарии был перенесен из Преславы в Охриду во время войн императора Василия II с Самуилом Комитопулом, впоследствии царем Болгарии (991–1014). Из «Хроники» Иоанна Скилицы известно, что в течение всего этого периода русы по-прежнему сражались в императорском войске. Не было никакого смысла поддерживать своего шурина и одновременно быть в церковной юрисдикции его врага.[1]

Предположение о присоединении Руси к Херсонской архиепископии теперь отвергнуто, так как согласно нотициям Константинопольского патриархата у нее никогда не было епископов-суффраганов.[2] Гипотеза о подчинении Руси Антиохийскому патриархату, вновь получившая развитие в последнее время,[3] не меняет сути дела. Антиохию в 969 г. вернули в состав Империи, и она так же зависела от императора, как Константинополь. Василий II в 989 г. отправил Антиохийского патриарха Агапия в ссылку в наказание за поддержку мятежников, а в 996 г. сместил окончательно и поставил на его место Иоанна, хартофилакса Софии Константинопольской.[4]

А. Поппе показал, что согласно нотициям Константинопольского патриархата митрополия была основана вскоре после крещения Руси в период с 976 по 997 г.[5] В «Церковной истории» Никифора Каллиста (около 1317 г.) упоминается о переводе во времена Василия II митрополита Феофилакта из Севасты в Россию.[6] Никифор приводит этот случай в числе целого ряда примеров перевода церковных иерархов, в том числе упоминая и перемещение Агапия на Антиохийскую пат-

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 355–401.

[2] *Poppe A.* The Original Status of the Old-Russian church // Acta Polonia Historica. Warsawa, 1979. Vol. 39. P. 14–17. Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. Variorum Reprints. London, 1982.

[3] *Ульянов О. Г.* Рождение царства Русского // Вертикаль власти. Май 2003. М., 2003. С. 52–56.

[4] *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1885. С. 26, 33–34.

[5] *Poppe A.* Op. cit. P. 20–26.

[6] *Nicephorus Callistus Xantropulus.* Ecclesiasticae historia // PG. T. 146. Col. 1196.

архию с епископии Халеба (Алеппо). Вообще такие переходы запрещались церковными канонами и допускались только в исключительных случаях. Сохранилось византийское сочинение «О перемещениях», в двух списках памятника (ГИМ, Син. 336 и Bibliotheca Vaticana, Cod. Vat. 1455) также упоминается о переходе митрополита Феофилакта.[1] Единственной хронологической привязкой в текстах служит указание на правление Василия II, скончавшегося в 1025 г. Известно, что в 997 г. митрополитом армянской Севасты стал Феодор, автор несохранившегося исторического сочинения. Феофилакт мог быть и его предшественником, и его преемником.[2]

А. Поппе считает наиболее вероятным, что Феофилакт был предшественником Феодора, и отождествляет его с анонимным митрополитом Севасты, о котором писал младший современник событий, армянский историк Степанос Таронский по прозвищу Асохик. Митрополит Севасты отличался большой жестокостью по отношению к священникам Армянской церкви, так как с точки зрения ортодоксального христианства они были еретиками. Он также написал несколько полемических посланий армянскому католикосу. В период с марта 986 г. по март 987 г. (435 г. армянской эры) безымянный митрополит был отправлен в Болгарию с рискованным дипломатическим поручением: привезти подложную сестру Василия в качестве невесты для кого-то из Болгарского правящего дома. Так как Роман из рода царей-потомков болгарских ханов был кастратом, то это мог быть только кто-то из сыновей Комитопулов — Самуила или Аарона. Обман раскрылся, и митрополит был сожжен.[3] Армянский отряд принимал участие в неудачном походе на Болгарию летом 986 г. Согласно Асохику, именно он спас Василия II при отступлении из засады, в которую войско ромеев попало в горном ущелье. Историю о митрополите

---

[1] ГИМ, Син. 366. Текст записи см.: *Владимир, архим.* Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894. С. 140; По обоим спискам: *Poppe A.* Op. cit. P. 29.

[2] Историю изучения вопроса см.: *Poppe A.* Op. cit. P. 26–31.

[3] Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию / Пер. Н. Эмин. М., 1864. С. 175–176: *Poppe A.* Op. cit. P. 39.

явно привезли в Армению с места событий, другое дело, происходила она из более или менее информированного источника или из солдатских слухов. При любых обстоятельствах, в Севасту этот митрополит больше не вернулся. По мнению А. Поппе, здесь в искаженном виде сохранились воспоминания о поездке Феофилакта с невестой для Владимира на Русь. Однако, упоминая о браке сестры Василия с царем русов и его крещении, Асохик ни словом не обмолвился об участии митрополита Севасты в этом деле.[1] Если Анну действительно, как полагает М. Винстон, сопровождал митрополит Феодор Ефесский, то поставление Феофилакта в 987–989 гг. отпадает. О Феодоре русским источникам ничего не известно, но впоследствии он находился в своей епархии, как видно из письма к нему митрополита Льва.[2]

Установление митрополии А. Поппе датирует 989 г., но Я. Н. Щапов приводит убедительные свидетельства в пользу того, что это произошло после 995 г. Ни летописная, ни проложная статьи об освящении Десятинной церкви не говорят о ней. В грамоте о десятине, данной киевской церкви Богородицы в этом году (текст сохранился в составе Церковного устава Владимира), также не упоминается Киевский митрополит.[3] В Уставе не упоминается современный св. Владимиру Константинопольский патриарх, потому что на момент дарования грамоты в 995 г. кафедра все еще была вдовствующей. Николай Хрисоверг умер в 991 г., а следующий патриарх, Сисиний, был поставлен только в 996 г.

В первоначальном тексте грамоты упоминалось об учреждении Русской епископии при патриархе Фотии (858–867, 877–886) (см.: Гл. 4. 1). В 988 г. это имело большое значение, так как в 961 г. импера-

[1] Там же. С. 200–201.

[2] The Correspondence of *Leo, Metropolitan of Synada and syncellus* / Greek text, transl. and comm. by M. P. Vinston // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 22. Dumbarton Oaks. Washington (D. C.), 1985. P. 121. Let. № 36.

[3] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 23–28.

тор Западной Римской империи Оттон I по просьбе княгини св. Ольги послал на Русь епископа Адальберта. Епископ был вскоре изгнан,[1] но вопросы приоритета в обращении Руси в христианство всегда играли большое значение в отношениях Восточной и Западной церквей. Имя патриарха Николая Хрисоверга, при котором в действительности крестился св. Владимир, впервые появляется в сочинениях 1520-х и 1530-х гг. Это «Похвала» князю Владимиру и «Поучение на память иже во святыхъ... князя Владимира», видимо, основанные на одном и том же особом житии князя. «Поучение» было одним из источников жития св. Владимира из Степенной книги 1560-х гг.[2] (см.: Гл. 3. 6). В Степенной автор совместил традиционный взгляд и новые знания. Он написал, что сначала Фотий прислал митрополита Михаила, а после его смерти патриарх «Никола Охрисовергис» отправил на Русь Леона. В Никоновской летописи 1530-х гг., составленной под непосредственным руководством митрополита Московского Даниила, эти сведения никак не отразились. В украинской Густынской летописи XVII в. (см.: Гл. 1. 1), составитель которой был знаком с «Церковной историей» Ц. Бария (1587–1607),[3] сказано, что «Никола Хрисоферхъ» прислал к Владимиру в 986 г. проповедовать «Кирилла Философа».

Может показаться, что тезису об учреждении митрополии после 995 г. противоречит известие о рукоположении в 989/990 г. Новгородского епископа Иоакима Корсунянина. О нем рассказывается в статье 989 г. из Н1 мл. В перечне новгородских владык, помещенном перед основным текстом Н1 мл. по Комиссионному списку, сказано

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000. С. 154–213; *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 108–113; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 106–108 и комм. к ним; *Он же.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001.С. 286–308, 314–330.

[2] *Усачев А. С.* Из истории русской средневековой агиографии//ВЦИ М., 2006. № 2. С. 5–6, 13, 18–19, 33, 41; *Он же.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси//Средневековая Русь. М., 2006 Вып. 10. С. 210–340.

[3] Annales ecclesiastici auctore *C. Baronio*. Roma, 1587–1607. Vol. I–XII

что он был епископом 42 года. В Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи смерть владыки датирована 1030 г. Из перечня известно, что какое-то время кафедра оставалась незанятой, а вместо епископа был его ученик Ефрем. Он был учителем новгородских детей, один из которых и стал летописцем, оставившим запись о своем наставнике.[1] Преемник Иоакима на новгородской кафедре Лука Жидята согласно «Повести временных лет» был рукоположен в 1036 г. Учитывая обычные погрешности в год при расчете лет, даты поставления и смерти Иоакима можно поместить между 989/990–1030/1031 гг. Новгородского епископа в 989/990 г. нужно было рукоположить, а Херсонский архиепископ не мог иметь суффраганов.

Уже при патриархе Николае Мистике (901–907, 912–925) Херсонской архиепископии придавались миссионерские обязанности.[2] Если Анну действительно сопровождал митрополит Ефесский Феодор, то он мог рукоположить епископа для Новгорода. В таком случае Херсонский архиепископ мог действовать как миссийный в Южной Руси, а Иоаким, как его собрат, на севере. На первых порах такая ситуация должна была вполне устраивать св. Владимира, который пытался включить Корсунь в состав своих владений в качестве центра христианского просвещения Руси. Херсонес пришлось очень скоро вернуть, и стране теперь был нужен самостоятельный митрополит. Вероятнее всего, им стал после 995 г., но до 997 г., Феофилакт, бывший митрополит Севасты.

Русские летописцы не интересовались реальной историей русской митрополии. Показательно, что единственно надежно засвидетельствованное имя, Феофилакт, вообще не упоминается. Устав Владимира, в котором цитируется грамота, данная Десятинной церкви, дошел до нас только в редакциях не старше конца XII в.[3] Первое кре-

---

[1] *Милютенко Н. И.* Новгородский свод в составе первой подборки Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. 2007. Т. 58. С. 586–606.

[2] *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 182–183.

[3] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 28–48; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подготовил Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 21–37, ср.: С. 13–16, 18–21.

щение Руси, состоявшееся при патриархе Фотии, там ошибочно отождествлено с эпохой Владимира. Та же ошибка характерна и для греческого памятника, «Точного рассказа, как крестился русский народ» (написан, видимо, в XIV в., сохранился в двух рукописях XV в., см.: Гл. 4. 1, 4).[1] Эта точка зрения возобладала не сразу. В Пространном житии св. Ольги, написанном в последней четверти XII в., говорилось, что ее крестил именно патриарх Фотий.

Ошибка редактора XII в., работавшего над текстом Устава Владимира, перешла в XIV–XV вв. в жития и летописи. Патриарх Фотий отправляет на Русь митрополита и епископов в житии св. Леонтия Ростовского по редакции конца XIV в.[2] Он же упоминается в статье 6497 (989) г. в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи (завершена в 1411 г.), которая послужила непосредственном источником Общерусского митрополичьего свода начала XV в. (Софийская 1 летопись, см.: Гл. 1. 2).[3] Отсюда имя Фотия как современника св. Владимира перешло во все памятники русского летописания последующего времени. Даже после того, как в XV в. были введены в оборот «Паралипомен» Зонары и окружное послание самого Фотия, его продолжали называть современником св. Владимира. Видимо, в нем видели тезку современника Владимира — крестителя Руси. Митрополит Даниил явно считал ошибочными сведения о Николае Хрисоверге: он оставил в Никоновской летописи имя Фотия.

---

[1] *Regel W.* Analecta Byzantino-Rossica. Petropoli, 1891. P. 44–51; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 248–252. Фрагменты в новом русском переводе: *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 140–149; *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. С. 216–217, 233–234.

[2] *Семенченко Г. В.* Из истории русской литературы XIV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 140–152, там же публикация текста.

[3] *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 93–160.

В разных списках Устава Владимира в качестве митрополита, присланного Фотием, называются то Леон, то Михаил (см.: Гл. 4. 1).[1] В житии св. Леонтия Ростовского XIV в., в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи, а за ней и в Софийской 1 летописи (Общерусском митрополичьем своде начала XV в.) первым митрополитом, присланным патриархом Фотием, назван Леон. В перечне, помещенном перед основным текстом Н1 мл. по Комиссионному списку, упомянуты и Леон, и Михаил. В Церковном уставе Владимира, помещенном в том же списке после основного текста Н1 мл., назван только Леон.

В Никоновской летописи под 988 г. первым митрополитом назван Михаил, причем дана даже его краткая характеристика. В 992 г. отмечены его кончина и прибытие митрополита Леона от патриарха Фотия. Сложно сказать, знал ли составитель Густынской летописи начала XVII в. житие св. Владимира из Степенной книги. Но он пошел по тому же пути, когда попытался согласовать традиционные представления о русских митрополитах со сведениями о Константинопольских патриархах, почерпнутыми в «Церковной истории» Цезаря Барония. В Густынской летописи сказано, что из Корсуня пришел вместе с Владимиром митрополит Михаил. Философа на проповедь в 986 г. послал Николай, а в 988 г. Сергий II (1001–1019) отправил Михаила. В 992 г. после смерти митрополита патриарх Евстафий (1019–1025) прислал Леона. Эти сведения и были использованы в Южнорусском (по определению А. И. Соболевского) распространенном житии св. Владимира XVII в. (см.: Гл. 3. 6).

Как уже говорилось в Гл. 4. 4, имя Михаила было заимствовано из «Написания о правой вере» (Символа веры) св. Михаила Синкелла (760–846), а Леон был Переяславским митрополитом, автором антилатинского трактата 1070-х гг. об опресноках (гостиях).[2] О том,

[1] Существует предположение, что Михаил и Леон — реальные иерархи, посланные на Русь в IX в. при патриархах Фотии и Игнатии. См.: *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution... P. 219 –229; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII вв. М., 1988. С. 280–288.

[2] *Poppe A.* Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσία Πρεσθλάβας: quand ou et par qui-a-t-il été écrit // Byzantion. 1965. T. 35. P. 504–

что в Переяславле была одно время митрополия, упомянуто в «Повести временных лет» под 1089 г., и средневековый автор мог сделать вывод, что она помещалась там до 1037 г. «Написание о правой вере» входило в греческий сборник устойчивого состава, а в болгарском переводе было известно по рукописи Изборника Святослава 1073 г. В статье 6496 (988) г. НС и «Повести временных лет» оно вложено в уста безымянного Корсунского епископа в качестве наставления св. Владимиру. Летописный перевод отличается от болгарского в худшую сторону и, возможно, был выполнен на Руси.[1] К «Написанию о правой вере» Михаила Синкелла и истории Вселенских соборов в летописи присоединен фрагмент антилатинского трактата. Михаилу Синкеллу в греческой традиции также приписывалось анонимное полемическое сочинение, в славянском переводе известное под названием «Испов҃дание въкратц҃ сложено».[2] Обнаружив, что автором наставления в вере был Михаил, а некий нигде больше не упомянутый митрополит Лев (Леон) обличал латинян, средневековые книжники решили, что они были современниками Владимира.

Митрополит Иоанн упоминается в русских источниках только в связи с изнесением мощей свв. Бориса и Глеба при Ярославе Владимировиче в построенный им пятиглавый деревянный храм. В перечне митрополитов из статьи 6496 (988) г. основного текста Н1 мл. Иоанн не упомянут. Перечень был составлен при создании Новгородского свода 1167 г.[3] по «Повести временных лет» и начинается с Феопемпта. В нем пропущен не только Иоанн I, но и преемник Илари-

527; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia; *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 115–132.

[1] *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках... С. 89–100; *Он же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности № 5. Написание о правой в҃р҃т҃//СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 21–22.

[2] *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 136–146; *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 74–76, 80–81.

[3] *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи//НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 56–57.

она Ефрем (около 1054–1062), упомянутый в самой Н1 мл. под 1055 г. В перечне, предшествующем основному тексту Н1 мл. по Комиссионному списку, Иоанн уже есть. Он помещен сразу после первых легендарных митрополитов Михаила и Леона. В Никоновской летописи 1530-х гг. Иоанну под 6516 (1008) г. приписано строительство церкви Воздвижения креста Господня в Переяславле.

Так как митрополит Иоанн иногда титулуется и архиепископом, А. Поппе полагает, что он действительно был преемником Феофилакта в 1018–1030-х гг. Однако из «Сказания чудес свв. Бориса и Глеба» следует другая датировка изнесения мощей и, следовательно, предстоятельства Иоанна. Там сказано, что Изяслав Ярославич начал строить новый деревянный одноглавый храм, когда церкви его отца Ярослава «минуло 20 лет». Перенесение мощей состоялось 20 мая 1072 г. Отпадает 1052 г., так как в период с 1 сентября 1050 г. по 31 августа 1051 г. (в 6559 сентябрьском году) митрополитом уже стал Иларион. Следовательно, храм Ярослава был построен в 1050 г. Приписываемую Иоанну I печать В. Лоран раньше датировал рубежом X–XI вв., но теперь, как отмечает и сам А. Поппе, ее относят к середине XI в.[1] Следовательно, Иоанн мог быть митрополитом между Феопемптом и Иларионом, в 1040-х гг. и до лета 1050 г. включительно.

В Начальном своде и в «Повести временных лет» говорилось только о крещении киевлян. Рассказ об этом событии из летописной статьи 6496 (988) г., Проложного и Обычного житий св. Владимира мы уже подробно рассматривали в Гл. 4. 4. Как уже говорилось, город крестили до похода на Корсунь, самое позднее летом 988 г., хотя вероятнее всего это было летом 987 г.

Во всех новгородских летописях сохранились рассказы о просветительской деятельности епископа Иоакима Корсунянина. Н1 мл. описывает под 989 г. его приход в Новгород и свержение Перуна. Идол был сброшен в Волхов, а на следующее утро его нашел на берегу горшечник-пидеблянин и столкнул обратно в реку. Чуть больше подробностей содержит Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи. Там сказано, что Перун, когда плыл под Великим мос-

[1] *Поппе А.* О зарождении... С. 55–56.

том, забросил на него свою палицу. С тех пор пошел обычай биться на мосту на «утеху бѣсомъ». Летописец имеет в виду зимние бои «стенка на стенку», которые происходили на мосту, но вряд ли он существовал уже в X в. Первоначально город помещался у самого истока Волхова из озера Ильмень, это место уже в Средние века называли Городищем. Свою современную территорию Новгород стал осваивать только в 960-х гг.,[1] и едва ли тогда уже была необходимость в постоянном мосте.

В перечне епископов, помещенном после основного текста Н1 мл., и в Первой подборке Новгородской Карамзинской рассказано об учительной деятельности Иоакима. В перечне отмечено, что он «бѣ въ иепископьствѣ лѣта 42, и бѣ въ него мѣсто ученикъ его Ефремъ, иже насъ учяше». В Первой подборке в сообщении о смерти владыки под 6538 (1030) г. сказано, что Ярослав Владимирович: «...приде к Новуграду. И събра от старостъ и от попов дѣтии 300 учити книгамъ. И преставися архиепископ Акимъ. И бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учяше». И перечень, и Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи использовали Новгородский свод 1078 г., в котором сохранилась запись одного из учеников Ефрема. На том же источнике основана «Роспись новгородских владык» конца XVII в. Из ее текста следует, что учить новгородских детей начали совсем не в последний год жизни Иоакима.

«Роспись» начинается с известия о крещении в 6497 г. Новгорода,[2] но рассказывает не об уничтожении идолов, а о просветительской деятельности владыки: «И прииде к Новугороду епископ Иоаким. И бѣ в епископьи лѣтъ 42. И бѣ въ него мѣсто ученикъ его Ефремъ, и благословенъ бысть епископомъ Иокимомъ, иже ны учити, понеже Руская земля внове крестися, и чтобы мужи и жены вѣру крестьянскую твердо дръжали, а поганскую вѣру забыли». Известия о смерти владыки нет ни в этой статье, ни под 6538 г. В Новгородском своде XI в., очевидно, был достаточно подробный рассказ о трудах первого Новгородского епископа. В перечень владык вошло известие о смер-

[1] *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 191–199.

[2] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 130–131.

ти Иоакима и небольшая заметка о Ефреме, к ученикам которого принадлежал и один из новгородских летописцев XI в. В более полном виде она отразилась в «Росписи новгородских владык». Рассказ о строительной деятельности Иоакима помещен в «Летописце новгородском церквам Божиим», и мы рассмотрим его дальше.

Крестителем Новгорода местное летописание называет Иоакима, но, как мы увидим, сохранились и фрагменты предания о крещении до Корсунского похода. В. Н. Татищев передал рассказ о крещении Новгорода, отличный от летописного.[1] Как всегда у него, здесь есть и анахронизмы (киевский тысяцкий Путята, живший на рубеже XI–XII вв.), и собственные домыслы историка (новгородский тысяцкий Угоняй). В татищевском рассказе не действует епископ Иоаким, крещение людей и разрушение идолов — дело Добрыни. Этому известию можно доверять. Едва ли св. Владимир, крестившийся самое позднее в январе мартовского 6495 (988) г., оттянул крещение новгородцев до возвращения из Корсунского похода. Известие В. Н. Татищева о военных столкновениях и тотальном пожаре на стороне «града» (будущего Детинца на Софийской стороне) полностью подтвердилось археологическими исследованиями. Застройка на месте пожара в Неревском и Людином концах появилась в 989–990 гг.[2]

Иоаким был поставлен не раньше августа 989 г. и не мог сопровождать Добрыню в его благочестивом походе. Последующая традиция епископского летописания приписала все заслуги исключительно владыке, но и крещение Добрыни не было забыто. Интересно, что в Никоновской летописи Новгород крестит в 990 г. митрополит Михаил с безымянными шестью епископами, Добрыней и Анастасом Корсунянином. Поставление Иоакима Корсунянина и остальных епископов приписано митрополиту Леону в 992 г.

---

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1962. Т. 1. С. 112–113.

[2] *Янин В. Л.* День десятого века // Знание — сила. 1983. № 3. С. 15–18; *Он же.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 14–56. См. также: *Азбелев С. Н.* К изучению Иоакимовской летописи // НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 18–20. Другая точка зрения: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. М.; Киев, 2005. С. 196–245, 224–226.

В рассказе Татищева упоминается также церковь Преображения, стоявшая в Новгороде еще до крещения и разрушенная язычниками во время похода Добрыни. Впоследствии она была восстановлена. В. Л. Янин локализует ее на месте каменного храма Спаса на Розваже улице, построенного в 1421 г.[1] Неподалеку, там, где впоследствии проложили Холопью и Великую улицы, в X в. располагалась обширная пустая площадка. Здесь были обнаружены ритуальное жертвоприношение (девять деревянных ковшей и два куска воска, аккуратно уложенные в засыпанную яму) и пень от огромного дуба, срубленного в конце X в. Видимо, это языческое капище. В 989 г. на этом участке возвели неординарное деревянное сооружение, которое можно интерпретировать как церковь.[2]

Следы уничтожения обширной общественной постройки, видимо, языческого святилища или места ритуальных пиршеств, обнаружены в Старой Ладоге под Петербургом. Постройка располагалась не близ крепостного мыса, а на противоположном берегу реки Ладожки, где с 840-х гг. начинается интенсивная застройка и освоение участка. Постройка существовала в 940–986 гг., а затем была разрушена. С этого места происходят замечательные археологические находки скандинавских культовых вещей, в том числе подвеска с рунической надписью.[3]

История христианизации остальных русских земель известна исключительно по поздним источникам, в основном житиям местных святых и преданиям об основании городов и монастырей. Первое дополнительное известие появляется в Софийской 1 летописи — Общерусском митрополичьем своде начала XV в. (см.: Гл. 2. 1). Оно помещено после основного текста статьи 6496 (988) г. и сообщает о строительстве в «Смоленской земле» города Владимира и церкви

---

[1] *Янин В. Л.* Указ. соч. С. 18.

[2] *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 3–14.

[3] *Петренко В. П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 92, 105–109, 111–112; *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 189–200.

Богородицы. Смоленская земля была исправлена на «Суздальскую землю» в младшем изводе Софийской 1, а также в «особой обработке» Митрополичьего свода и восходящих к ней летописях: Московском своде XV в., Ермолинской, Типографской и в Своде 1518 г. — источнике Ростовского свода 1534 г. (Тверской сборник) и Львовской летописи. Во Второй подборке Новгородской Карамзинской летописи, источнике Новгородской 4, «Смоленскую землю» переправили на родную «Словенскую», т. е. Новгородскую. В той же статье составитель Общерусского свода приписал св. Владимиру строительство церкви св. Георгия и установление праздника 26 ноября (Юрьев день), хотя из «Повести временных лет» и Пролога было прекрасно известно, что храм был построен Ярославом Владимировичем, а освящен митрополитом Иларионом.

Предполагается, что в первоначальном тексте речь шла о Владимире Волынском. Как мне сообщила О. Н. Новикова, такое известие действительно обнаруживается в выписках знаменитого книжника Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина и в подборке летописных сведений в одном из сборников Троицкого собрания РГБ.

Житие св. Авраамия Ростовского, к которому отсылают любознательных читателей составители Ростовского свода 1534 г. и Густынской летописи XVII в., было написано не раньше XIV в. В основу легло, видимо, сказание об основании Богоявленского монастыря на месте капища Волоса-Велеса.[1]

Из остальных текстов, анализируемых О. М. Раповым в качестве источников по истории христианизации Северо-Восточной Руси, интерес представляет только сказание об основании Ярославля. Там говорится об уничтожении языческого святилища Ярославом Мудрым, но было это при жизни его отца или в период самостоятельного правления, не ясно.[2] О. М. Рапов привлек в качестве источника по крещению Муромской земли житие св. князя Константи-

[1] *Буланина Т. В.* Житие Авраамия Ростовского // СККДР XIV–XVI. Ч. 1. С. 237–239.

[2] *Рапов О. М.* Указ. соч. С. 311–348; *Дубов И. В.* Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 61–101.

на Муромского. Но оно было написано только после его канонизации в 1547 г.[1]

Самый сложный вопрос — какие епископии появились при св. Владимире. Среди первых епископий Русской церкви несомненно была Новгородская. Как мы уже видели, можно доверять дате ее учреждения в 989 г.

В нотициях Константинопольского патриархата XII в. первенствующей среди епископских кафедр Руси назван Белгород (село Белгородка под Киевом). Епископ Белгородский был викарием митрополита, и эта епархия должна была появиться одновременно с учреждением митрополии.[2] Его функции были гораздо более разнообразными и более ответственными, чем у обычного епископа, чтобы видеть в нем просто главу местной Церкви при Древлянском князе, как это делает О. М. Рапов.[3] Впоследствии Белгород никогда не был княжеским городом. Центром западных от Киева земель при Ярославе Владимировиче, его сыне Изяславе и внуке Святополке Изяславиче был Туров, расположенный на границе земель древлян и дреговичей. После выделения в XII в. Турово-Пинского княжества, центром бывшей Древлянской земли стал Овруч, где княжил Рюрик Ростиславич. Согласно Киевской (Ипатьевской) летописи, его отец Ростислав уступил Белгород в 1163 г. Владимиро-Волынскому князю Мстиславу Изяславичу. Во время борьбы Смоленских Ростиславичей за Киев с Черниговскими Ольговичами Белгород, также как и Вышгород, был их опорой. Разделив в 1180 г. Русскую землю со Святославом Черниговским, Рюрик Ростиславич вернулся в Овруч. В Никоновской летописи под 992 г. среди епископов, поставленных митрополитом Леоном, назван Никита Белгородский, но его имя за-

---

[1] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 237–247; *Руди Т. Р.* Похвальное слово князю Константину Муромскому//ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 301–336. Там же библиография вопроса.

[2] *Poppe A.* L'organisation diocésaine de la Russe aux 11–12 siècles// Byzantion. 1970. Vol. 40. Bruxelles, 1971. P. 172–174. Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь... С. 34–37.

[3] *Рапов О. М.* Указ. соч. С. 369–373.

имствовано из статьи 1072 г. «Повести временных лет». Там он упомянут как участник перенесения мощей свв. Бориса и Глеба.

В статье 988 г., рассказывающей о взятии Корсуня и крещении св. Владимира, говорится о распределении столов между его сыновьями. Нужно учитывать, что эта дата условна, и на самом деле раздел мог состояться в начале 990-х гг. Сразу после крещения Вышеслав, сын чехини, сел в Новгороде; старший сын Рогнед Изяслав — в Полоцке; Святополк Ярополчич, усыновленный Владимиром, владел Туровским княжеством, непосредственно граничившим с Киевской землей; второй сын Рогнед Ярослав сел в Ростове. Логично предположить, что в этих городах еще при жизни св. Владимира тоже были учреждены и епископии.[1]

В поздних Туровских грамотах XIV в. сказано, что епархия была учреждена в 6513 (1005) г. и первым епископом был Фома.[2] Туровская волость в X в. была намного обширнее Турово-Пинского княжества конца XII в. В нее кроме земли дреговичей и Погорынья несомненно входили Древлянская земля и, очевидно, Волынь.[3] Существовала насущная необходимость учредить там епископию. Полоцкая кафедра не упоминается вплоть до начала XII в. Я. Н. Щапов предполагает, что она появилась при Владимире, но более вероятно ее создание во времена Всеслава Брячеславича после 1044 г.[4]

Сложнее всего ситуация с Ростовской епископией. Лаврентьевская (Ростово-Суздальская) и Ипатьевская (Киевская) летописи сообщают, что в 1160 г. в Ростове сгорела деревянная церковь Богородицы, названная «дивной и великой». В Ростовском своде 1534 г., сохранившемся в составе Тверского сборника, сказано, что она про-

---

[1] В Никоновской летописи имена и кафедры епископов, якобы поставленных в 992 г. митрополитом Леоном, выписаны из упоминаний в «Повести временных лет» за XI в.

[2] *Щапов Я. Н.* Государство и церковь... С. 42–43.

[3] *Милютенко Н. И.* Древлянская земля в X–XI вв. (по летописным материалам)//Старожитності Південної Русі. Матеріали III іст.-археологич. семінару «Чернігів и його округа в IX–XIII ст.». Чернігів. 1993. С. 44–45.

[4] *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 39; *Poppe A.* Op. cit. P. 184–189.

стояла 168 лет, следовательно, была построена в 992 г. В этом памятнике наряду с подлинными уникальными сведениями есть обыкновенные ошибки, но указанную дату строительства церкви нет оснований подвергать сомнению.

Иначе обстоит дело с сообщением об основании епископии в Ростове во времена св. Владимира. Такое утверждение появляется впервые в послании Владимирского епископа Симона (1214–1226) монаху Поликарпу. Симон был настолован после разделения в 1214 г. надвое прежде единой Ростово-Суздальской епархии. Поликарп добивался рукоположения на одну из вакантных в 1224 г. епископских кафедр. Переписка и сочинения двух постриженików Печерского монастыря легли в основу Киево-Печерского патерика. Симон называет святителя Леонтия Ростовского мучеником, третьим по счету после варягов. В качестве источника этих сведений он указывает «Житие св. Антония Печерского»: «От того, брате, Печерьскаго монастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша, якоже от самого Христа... Пръвый — Леонтий, епископ Ростовъскый, великий святитель, его же Богъ прослави нетлѣниемь. И се бысть пръвый престолникъ, его же невѣрнии много мучивше и бивше, — и се третий гражанинъ бысть Рускаго мира, съ онема варягома вѣнчася от Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита, и самъ челъ еси в "Житии святаго Антониа", яко от того постриженъ бысть, тако священства сподобленъ».[1]

«Житие св. Антония» не сохранилось и известно только по ссылкам на него в Патерике.[2] Здесь основание обители было отнесено ко временам св. Владимира. В сказании «Чего ради прозва ся Печерьскыи мнастырь» из «Повести временных лет» сказано, что Антоний поселился в пещере, где до поставления в митрополиты в 1051 г. под-

[1] Киево-Печерский патерик. Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу печерскому. Слово 14//БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. С. 302.

[2] Киево-Печерский патерик//Там же. С. 316; *Артамонов Ю. А.* Проблема реконструкции древнейшего жития Антония Печерского//Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 5–81.

визался в благочестии Иларион. Следовательно, начало монастырю было положено не раньше эпохи Ярослава Владимировича. Автор летописного сказания сообщает о себе, что его постриг игумен Феодосий (1068–1074), и его сведениям следует доверять больше.[1]

В житиях св. Леонтия не говорится о его мученичестве. В «Слове об обретении» мощей святителя из Пролога 2-й редакции, наоборот, рассказывается о том, как он укротил язычников. Здесь нет никаких указаний на время святительства св. Леонтия, зато упомянуты два его предшественника, Феодор и Иларион, изгнанные ростовцами. Эта редакция возникла еще во времена Андрея Боголюбского, т. е. до 1174 г., и окончательно сложилась при предшественнике Симона, последнем епископе единой Ростово-Суздальской епархии Иоанне (1190–1213).[2] Ситуация, изложенная в Проложном чтении св. Леонтию, сопоставима с описанным в «Повести временных лет» восстанием волхвов в Суздальской земле в 1071 г. Там тоже ничего не сказано об убийстве епископа, его присутствие в Ростове вообще не упоминается. Я. Н. Щапов, доверяя сообщению Симона Владимирского о мученичестве Леонтия, полагает, что он был поставлен после восстания и убит впоследствии.[3] Представляется, что следует больше доверять Проложному чтению: епископ сумел справиться с пришедшей его убивать толпой и впоследствии благополучно скончался на своей кафедре. Мученичество св. Леонтия — такой же вымысел создателя «Жития св. Антония», как и основание Печерского монастыря при св. Владимире и пострижение в нем митрополита Илариона.

Упомянутых в Прологе епископов Феодора и Илариона, бросивших епархию, нет никаких оснований считать современниками св. Влади-

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 257–262; о полемике по поводу содержания памятника: *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 367.

[2] Публикацию по спискам Пролога XIV в. ГИМ, Син. 246 и РНБ, ОР, ПДА А 1/264, 2 см.: *Семенченко Г. В.* Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского//ТОДРЛ. Л, 1989. Т. 42. С. 246–247.

[3] *Воронин Н. Н.* Житие Леонтия Ростовского и русско-византийские отношения второй половины XII в.//ВВ. 1963. Вып. 23. С. 30; *Poppe A.* Op. cit. P. 193–197; *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 46–47.

мира. Подробно о них написано впервые в редакции «Жития св. Леонтия», появившейся в XIV в. Здесь Проложное слово «Об обретении» заменено обширным рассказом о жизни св. Леонтия в Константинополе и его служении в Ростове. Феодор Ростовский назван в числе первых епископов при св. Владимире. Св. Леонтий после изгнания Илариона был рукоположен в Константинополе самим патриархом Фотием.[1]

О поставлении епископа Феодора Ростовского говорится в статье 992 г. Никоновской летописи. Здесь же назван епископ Владимирский, но речь идет не о Владимире-на-Клязьме, а о Владимире Волынском. Имя епископа, Стефан, заимствовано из статьи 1091 г. «Повести временных лет». Имена двух других, Никиты Белгородского и Неофита Черниговского, взяты из статьи 1072 г. Владимир Волынский был основан крестителем Руси, но кафедра там появилась, видимо, только в конце XI в.[2] В Густынской же летописи под 989 г. сказано, что патриарх Сергий II (1001–1019) прислал на Русь вместе с Иоакимом Корсунянином епископов Феодора и Фому, поставленных во Владимир и Ростов.

В статье 988 г. НС и «Повести временных лет» летописец сообщает, что Владимир «повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояше кумиры». Лучше всего известно церковное строительство в Киеве и Киевской земле.

После уничтожения языческого капища Перуна св. Владимир построил на этом месте деревянную церковь св. Василия в честь своего небесного покровителя. Насколько ее местоположение совпадало с каменной церковью св. Василия, построенной в XII в., не известно. Память об этом храме, восстановленном митрополитом Петром Могилой в 1650-х гг. и разрушенном в 1930-е, сохраняется и ныне в названии Трехсвятительской улицы. После крещения была увеличена территория укрепленного города, при этом древний ров засыпан, вал срыт. Тогда Перунов холм, раньше расположенный «внѣ двора Теремного»,

---

[1] *Семенченко Г. В.* Из истории русской... С. 140–152, там же публикация текста жития.

[2] *Poppe A.* Op. cit. P. 189–192; *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 39–40.

т. е. вне городских стен, оказался внутри нового города. На месте курганного могильника была заложена в 991 г. каменная церковь Богородицы Десятинной. Могилы, расположенные под церковью, явно относятся к языческим,[1] но на периферии могильника современными раскопками вскрыты погребения, которые можно интерпретировать как христианские. Возможно, что сама св. княгиня Ольга была погребена на месте, где потом воздвигли храм.[2] В докладе, прочитанном в мае 2007 г. на конференции в Государственном Эрмитаже, руководитель археологического исследования Десятинной церкви О. М. Иоаннисян сообщил, что изначально под апсидами был заложен глубокий котлован, захватывавший и срубную гробницу под будущей южной апсидой. В процессе строительства от ее включения в состав храма отказались. Согласно Прологу, тело княгини было перенесено св. Владимиром в Десятинную церковь, которая была освящена в 995 г. Св. Владимир вывез из Корсуня иконы, священные сосуды и мощи святых, в том числе св. Климента, папы римского, и его ученика св. Фива. Все эти святыни были помещены в церкви Богородицы. Предание утверждает, что и Софийскому собору в Новгороде была уделена часть «Корсунской» утвари. Однако никаких предметов, которые можно было бы связать с византийскими древностями X в., в Новгороде нет.[3]

Третьим достоверно построенным св. Владимиром в Киеве храмом был Софийский. В «Повести временных лет» под 6525 (1017) г. говорится о возвращении Ярослава откуда-то в Киев и пожаре церквей в городе, а в Н1 мл. и Н1 старшего извода сказано о закладке Софийского собора в этом году. В 32-й главке VIII книги Титмар Мерзебургский пишет о захвате Киева 14 августа 1018 г. польским королем Болеславом, тестем Святополка Ярополчича. Ярослав, который до этого был князем Киевским, проиграл битву на Буге и бежал в

[1] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 98–105, 138–212; М.; Л., 1961. Т. 2. С. 36–59.

[2] *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия//Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. Древняя Русь. С. 254.

[3] Возможно, что-то все-таки оставалось и было вывезено в Москву при Иване Грозном.

Новгород. Святополка и Болеслава Польского приветствовал «архиепископ» возле «монастыря св. Софии». Титмар пишет, что Киев в предыдущем (1017) году пострадал от большого пожара, тогда сгорел и монастырь.[1] Очевидно, к лету 1018 г. храм был восстановлен. Вероятнее всего, он был деревянным, и не обязательно стоял на том же месте, что и нынешний каменный собор. Судя по тому, что он назван монастырем, он имел собственную ограду и, вероятно, изначально являлся митрополичьим, тогда как Десятинная церковь была княжеской.[2]

В житиях свв. Бориса и Глеба сказано, что после убийства в июле 1015 г. св. Борис был погребен в Вышгороде у церкви св. Василия. Вышгород, расположенный недалеко от Киева, впервые упоминается в летописи под 946 г. как город княгини Ольги. Нет никаких сомнений, что и этот храм, соименный небесному покровителю св. Владимира, был построен им.

Освящение церкви Богородицы помещено в НС и «Повести временных лет» под 996 г. Здесь сообщается о даровании десятины на содержание церкви и о строительстве в Василеве (Василькове под Киевом) церкви Спаса в честь спасения князя от печенегов в день Преображения. Судя по всему, город был так назван после крещения Владимира и, возможно, основания церкви св. Василия. Таким образом, достоверно известно о строительстве князем пяти храмов в Киеве и ближайших окрестностях. На самом деле их, конечно, было больше. Например, в епископском Белгороде обязательно должен был быть храм.

Деревянный Софийский собор в Новгороде стоял не там, где сейчас находится величественный каменный храм 1045–1051 гг. В сообщении Н1 мл. о том, как в 6557 (1049) г. сгорел первый собор, указано и его местоположение. Летописец отметил, что он был в конце

---

[1] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 63, 68–69; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 466–472 (Там же историография вопроса); *Он же.* Немецкие латиноязычные... С. 134–143, комм.: С. 157–160.

[2] *Poppe A.* The Building of the Church of St Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 1981. № 7. P. 15–66; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia.

Епископской улицы, где Сотко Сытинич «ныне» поставил каменную церковь свв. Бориса и Глеба. Согласно летописи, она была завершена в 1167 г. Теперь на этом месте стоит небольшая церковь Андрея Стратилата XVII в. В древности здесь протекал ручей, включенный внутрь стен Детинца только в 1116 г., когда были построены новые укрепления Новгорода «болѣи перваго». Под ними летописец подразумевает Детинец, заложенный князем Владимиром Ярославичем в 1044 г. Судя по расположению фундаментов Борисо-Глебской церкви, древний Софийский собор стоял на правом берегу ручья близ его впадения в Волхов.

В «Летописце новгородском церквам Божиим» говорится о строительстве Иоакимом каменной церкви свв. Иоакима и Анны, в которой служили до завершения Софийского собора. Она была расположена не возле древней деревянной церкви Св. Софии, а к востоку от современной каменной, заложенной в 1045 г. Предание о том, что церковь свв. Иоакима и Анны была тоже каменной, возникло, видимо, из-за стоявшей на этом месте в XVI в. «каменной полатки».[1] Посвящение патронам самого епископа и багрянородной княгини как нельзя лучше подходило для первого христианского храма города. Конечно, он был деревянным. К 1108 г., когда погребли епископа св. Никиту, его уже не было. Согласно Новгородской 1 летописи, владыку положили «въ святѣи Софии, въ предѣлѣ святую праведнику Акима и Анны». Следовательно, престол был тогда уже перенесен в Софийский собор.

В обеспечение первого каменного храма в Киеве, а затем и митрополии была учреждена десятина от всех княжеских доходов. Заведование десятиной было поручено тому самому корсунянину Анастасу, который предал свой город. Я. Н. Щапов полагает, что в церковь Богородицы первоначально стекались поступления со всей Руси, откуда и происходит ее название. Анализу этого института посвящено немало работ.[2] Во времена создания Новгородского свода 1167 г.,

[1] Новгородские летописи. С. 173–174; *Янин В. Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 173–174.

[2] *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 29–32, 76–86; обзор литературы см.: *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси // Христианство в странах... С. 92–100.

отразившегося в Н1 мл., эта функция храма была совершенно забыта. Летописец не понимал и того, почему десятиной заведовал светский человек, и в статье об освящении церкви Богородицы превратил Анастаса в «иерея». Большинство исследователей сходится в том, что идея десятины, заложенная еще в Ветхом Завете, была установлена на Руси по аналогии с хорошо известными традициями Европы, в том числе славянских Великой Моравии и Чехии.

Церковный устав Владимира, который регламентировал епископские суды и определял категории подсудного ему населения, сохранился только в редакциях не раньше конца XII в. Все же они позволяют представить юрисдикцию Церкви конца X в.[1] Как указывает Я. Н. Щапов, в митрополичьи и епископские суды были включены те сферы общественной жизни, которые еще не вошли в круг ответственности княжеской власти. Прежде всего это была сфера брачно-семейных отношений.

В статье 988 г. летописец сообщает о том, что Владимир начал забирать у «нарочитои чади дѣти и даяти на учение книжное». Матери плакали по ним, как по мертвым, так как их дети выходили из общины и должны были стать клириками. Это воспринималось как несчастье, а не как почетное служение князю или общине. Даже позже, в середине XI в. родители запрещали своим детям становиться монахами. Об этом пишет преп. Нестор в житии св. Феодосия, рассказывая о приходе святого в монастырь и о пострижении Варлаама, сына боярина Иоанна.[2] К поколению первых русских книжников, несомненно, принадлежал митрополит Иларион, написавший в 1046 г. «Слово о законе и благодати». Из их числа происходил составитель Древнейшего свода 1030-х гг.

Самый загадочный вопрос: кто же были учителя «детей нарочитой чади»? В летописи говорится только о прибытии «корсунских и царицыных (константинопольских) попов», которые, разумеется, были

---

[1] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы... С. 28–48; Древнерусские княжеские уставы... С. 21–37, ср.: С. 13–16, 18–21.

[2] *Петрухин В. Я.* Крещение Руси: от язычества к христианству. М., 2006. С. 147–148.

греками. В более подробных сведениях о епископе Иоакиме Корсунянине упомянут его ученик Ефрем, которому было поручено обучение новгородских детей. Хотя о его происхождении ничего не сказано, но учил он явно не по-гречески.

Р. Пиккио предположил, что славянская церковная письменность распространилась на Руси еще в середине X в., в эпоху Игоря и св. Ольги. Он основывается на подложной булле папы Иоанна XIII (967–972), адресованной якобы Болеславу II Чешскому. При этом исследователь не указывает, что этот текст известен только из «Хроники» Козьмы Пражского († 1125). О подложности буллы уже писали.[1] Но есть еще один важный момент. В передаче Козьмы, папа римский предостерегает Болеслава против «обряда или секты болгарского или русского». Но именно Иоанн XIII в 967 г. по просьбе императора Оттона I учредил Магдебургскую архиепископию для просвещения славян. Во главе был поставлен Адальберт, в 961 г. отправленный в качестве епископа на Русь (см.: Гл. 4. 1). Перевод с кафедры на кафедру был неканоническим, потому в современных источниках очень подробно говорится о его изгнании. Сохранилась и подлинная булла Иоанна XIII Адальберту, где говорится, что он был послан к язычникам, но нет ни слова о какой-то «секте русского народа».[2] Козьма Пражский писал после разделения Восточной и Западной церквей в 1054 г. и в эпоху, когда Русской Православной церкви было уже более ста лет. Не удивительно, что он сконструировал ситуацию, исходя из реалий своего времени.

О раннем распространении славянской грамоты в Новгороде свидетельствуют найденные в 2000 г. церы — деревянные таблички с воском. Находка относится к первым десятилетиям XI в., к эпохе св. Владимира и первым годам княжения Ярослава. Тогда в Новгороде еще не был изобретен самый массовый материал для письма — обра-

[1] *Picchio R.* From Boris to Volodimer: Some remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom//Proceedings... P. 204–205. Ср.: *Живов В. М.* Slavia Christiana//*Он же.* Разыскания в истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 140–141.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 314–330, особенно: С. 326.

ботанная береста, и новгородцы следовали идущей от античности византийской традиции письма на восковых табличках. На воске цер были записаны псалмы, а на самом дереве видны следы записей апокрифических текстов.[1] Т. В. Рождественская указала, что графика и орфография цер ближе всего к древнейшим записям на камнях и стенах храмов и скальных монастырей северо-восточной Болгарии. Самим оригиналом, откуда переписывались псалмы, по ее мнению, была болгарская рукопись Псалтири. Присутствие в Киеве болгарских книжников подтверждается тем, что на монетах, чеканенных св. Владимиром, его имя дается в южнославянской огласовке «Владиміръ», а не русской «Володимиръ».

То, что в XI в. в Киеве находилась царская библиотека из древней столицы Первого Болгарского царства Преславы, неоспоримо. Среди рукописей было достаточное количество парадных экземпляров, богато украшенных миниатюрами, до наших дней дошли копии очень немногих. В 1056 г. было переписано Евангелие для новгородского посадника Остромира. В 1073 г. была скопирована роскошная рукопись Изборника Святослава. К XII в. относится копия Учительного Евангелия с портретом князя Бориса-Михаила. Можно предположить, что далеко не всегда миниатюры воспроизводились при копировании. В XI в. были переписаны 12 Слов Григория Богослова.[2] В 1047 г. поп Упырь Лихой скопировал для новгородского князя Владимира Ярославича пророческие книги Библии с толкованиями. Хотя «Толковые пророки» сохранились только в копиях XV в., приписка всегда воспроизводилась, откуда мы и знаем о времени изготовления протографа. Существуют две гипотезы происхождения библиотеки: либо она была захвачена в Преславе Святославом и подарена матери, княгине Ольге, либо это — трофей 971 г. Иоанна Цимисхия, привезенный на Русь как приданое царевны Анны.[3]

---

[1] *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси//Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25.

[2] СК. №№ 3–4, 33, 118.

[3] Обзор точек зрения см.: *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 453–455.

А. А. Турилов здесь же указывает, что следы связей Западной Болгарии с Русью времен правления царя Самуила и св. Владимира не прослеживаются ни на уровне заимствования литературных памятников, ни как культы святых. Это очень важное наблюдение, так как именно Западная Болгария (сюда входит и часть современной республики Македония, в том числе Охрид) была оплотом царя Самуила Комитопула, до самой своей смерти в 1014 г. сопротивлявшегося императору Василию Болгаробойце. Восточная Болгария была покорена Иоанном Цимисхием, и неизвестно, полностью ли она была освобождена Самуилом к 985 г. Г. Г. Литаврин, указывая на союз св. Владимира и его шурина императора Василия в войне с Болгарией, отмечает, что была возможна и прямая передача Великоморавского наследия через Чехию. И действительно, мы находим в русском пантеоне XI в. чешских святых князя Вячеслава и княгиню Людмилу, чрезвычайно популярного у западных славян св. Вита, не включенного в месяцеслов Восточной церкви.[1]

Одним из возражений против участия болгарских клириков в образовании на Руси считается широкое распространение в их среде богомильской ереси. Никаких следов ее бытования на Руси, по мнению Ж.-П. Ариньона, нет.[2] Однако В. Я. Петрухин отметил, что речь волхвов в летописной статье 6579 (1071) г., где рассказывается о восстании в Суздальской земле, скорее воспроизводит богомильские воззрения, чем языческие верования. Волхв говорит, что Бог и диавол спорили, кому из них создавать человека. В результате Бог создал душу, а диавол — тело. Это типичные дуалистические представления, характерные для богомильства.[3] Безусловно, следует учитывать, что летописец не обязательно воспроизводит подлинную речь волхвов или хотя бы те идеи, которые они проповедовали. Монах Печерского монастыря вполне мог придать языческому мировоззрению облик христианской ереси, но важно, что он знал эти еретические

[1] *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. С. 300–309.

[2] *Arrignon J-P.* La Rus' entre la Bulgarie et l'Empire byzantine: de la fin du Xe au début du XIIe siècle//Proceedings... P. 705–709.

[3] *Петрухин В. Я.* Древняя Русь... С. 315–321.

идеи. С другой стороны, если бы они совсем были не знакомы его читателям, то не было бы и смысла говорить, что волхвы это проповедовали. Таким образом, гипотеза о присутствии на Руси во времена Владимира болгарских учителей находит еще одно подтверждение.

Видимо, состав болгарских клириков был довольно пестрым. Частично это могли быть пленники еще со времен первой войны Иоанна Цимисхия. Среди них могли быть и те, кто ушел из Болгарии после пленения и гибели последнего законного царя Романа и захвата власти Самуилом.[1] Это произошло как раз в 991–997 гг. Если это было духовенство, не согласное с новым болгарским царем, то понятно отсутствие на Руси даже следов пропагандируемых им культов св. Иоанна Рыльского или св. царя Петра.

2. Род Рюриковичей при св. Владимире

Первый рассказ о семье Владимира-язычника содержится в статье 980 г. НС и «Повести временных лет», рассказывающей о его вокняжении в Киеве. Здесь перечислены пять жен с детьми: «Чехиня» — мать Вышеслава; Рогнед — мать Изяслава, Ярослава, Мстислава, Всеволода и двух дочерей; «Грекиня», вдова Ярополка — мать Святополка; «другая Чехиня» — мать Святослава и Мстислава; «Болгарыня» — мать Бориса и Глеба. Первоначально здесь было противопоставление царевны Анны языческим женам князя, хотя можно предположить, что какая-то из них и была христианкой.

В статье 988 г., рассказывающей о крещении Руси, перечислены уже не 9 сыновей, а 12 в порядке старшинства: «Бѣ бо у него сыновъ 12. Вышеславъ, Изяславъ, Святопълкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ». Здесь появились новые имена Станислава, Судислава и Позвизда. Их матери не названы, и сами они не упомянуты в статье 980 г., где говорится о языческих женах и наложницах князя. Статья была составлена задним числом.

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. С. 301–302, 306–314.

Проблема происхождения первой чехини подробно рассмотрена в Гл. 2. 2. А. В. Назаренко полагает, что она была действительно из Чехии. Брак был заключен в противовес немецко-русскому союзу Ярополка, направленному против чешского князя Болеслава.[1] Несколько сомнительным представляется женитьба язычника на христианке (чехи были крещены св. Мефодием), но просвещение Чехии еще не было столь глубоким, чтобы это стало совершенно невозможным. В научной литературе еще не рассматривался другой возможный вариант происхождения жены Владимира. Он мог жениться на славянке из Балтийского Поморья во время своего бегства «за море» перед войной с Ярополком. Видимо, именно она под именем Аллогии действует в Саге об Олаве сыне Трюггви (см.: Гл. 7. 2).

История женитьбы св. Владимира на Рогнед Полоцкой и вдове Ярополка, расстриженной греческой монахине, подробно изложена в Гл. 2. 2. Эти браки относятся к 977 и 978 гг. Ярослав, как следует из известия о его смерти в феврале 1054 г. в возрасте 76 лет, родился в 978/979 г. Святополк, который на самом деле был сыном Ярополка, родился в том же 978 г. или в самом начале 979 г. В перечне сыновей св. Владимира по старшинству из статьи 988 г. он помещен перед Ярославом.

Вероятно, поход на Червенские города в 979 г. принес св. Владимиру третью жену — «вторую Чехиню». Ее сыновьями были Мстислав, князь Тмуторокани, и Святослав, княживший у древлян. Исследователи уже обращали внимание на возможность того, что эти две жены Владимира могли быть христианками.[2] Это вероятнее всего по отношению ко второй чехине. Л. В. Войтович предположил, что на самом деле она, как и первая чехиня, была дочерью хорватского князя, покоренного св. Владимиром.[3] Ученый полагает, что Червенские

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 368–369. Там же библиография вопроса.

[2] *Thomson F. J.* The Bulgarian Contribution... P. 232–233, note 110. Там же библиография вопроса.

[3] *Войтович Л. В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст). Львів, 2000. С. 122–123.

города относились именно к Хорватии, а ее подчинение было завершено только с походом 992 г. (см. раздел 3).

Наибольшую полемику вызывает определение последней жены св. Владимира языческого периода, Болгарыни, так как она была матерью свв. Бориса и Глеба. Ее старший сын занимал особое положение еще при жизни отца. Вместе с братом Глебом он был сразу после смерти отца убит своим двоюродным братом Святополком Ярополчичем. Болгарыня названа в списке жен последней, и, вероятно, этот брак был заключен после похода на Волгу в 985 г. Волжская Болгария приняла ислам в 920-е гг., но в эпоху св. Владимира это, конечно, еще не была вполне мусульманская страна. Кроме того, мать свв. Бориса и Глеба могла быть пленницей.

Исключительное положение святых братьев в истории Руси вызвало естественное стремление считать их детьми от царского брака, а не сыновьями безвестной болгарки. Ф. Скиацца предположил, что она была дочерью последнего болгарского царя Бориса, сына Петра. По его мнению, этот брак был устроен самим Святославом. Почему первая жена князя, к тому же мать святых, названа последней, он не объясняет.[1] Исследователи, которые полагают, что св. Владимир воевал с Дунайской Болгарией, а не с Волжской, считают мать свв. Бориса и Глеба болгаркой-христианкой, возможно, дочерью царя Самуила Комитопула.[2] Как уже говорилось в Гл. 1. 3, ни один из современников болгаро-византийской войны 986 г. не упоминает о каком-либо участии Руси в дунайских делах.

М. Д. Приселков полагал, что Борис и Глеб были причислены к лику святых потому, что они были сыновьями византийской царевны Анны. При этом он считал, что крестильные имена Романа и Давида они получили от болгарского духовенства. Бориса назвали в честь последнего представителя династии болгарских ханов — Романа, который как раз 985–991 гг. несомненно находился на родине

---

[1] *Sciacca F.* The Kiev Cult of Boris and Gleb: The Bulgarian Connections // Proceedings of Symposium on Slavic Cultures: Bulgarian Contributions to Slavic Cultures. Sofia, 1983. P. 58–70.

[2] Библиографию см.: *Thomson F. J.* Op. cit. P. 232–233, note 110.

и был царем. Имя Давида носил старший брат Самуила Комитопула, принявшего царский титул после смерти царя Романа в византийском плену в 997 г. Давид умер, видимо, в 992 г.[1]

Однако багрянородная жена князя в летописях и житиях именуется либо по имени Анной, либо по происхождению «цѣсарицей» и «цѣсарицей грекиней». Свв. Борис и Глеб названы детьми царевны Анны только в некоторых текстах XVI в. В двух списках Ростовского свода 1534 г. (Тверской сборник) РНБ, ОР, Пог. 1414 и Забелинском (ГИМ, Муз. № 288) они упомянуты как ее дети в статье 980 г. Свв. Борис и Глеб помещены в конце списка языческих жен и детей после Станислава, Судислава и Болеслава. Болеслав вместо Позвизда назван и в статье о крещении Руси, где сказано, что Владимир посадил его «въ Лясѣхъ Великихъ». Судя по тому, что в статье 988 г. Борис и Глеб опять помещены последними, летописец действительно считал их детьми от христианского брака. Из Ростовского свода 1534 г. эта точка зрения перешла во Владимирский летописец. Детьми Анны называет их Особое житие Владимира (см.: Гл. 5. 4). Здесь сохранилось варяжское предание о взятии Херсонеса, но известие о сыновьях Анны свв. Борисе и Глебе связано с ошибочными сообщениями о крещении Владимиро-Суздальской земли.[2]

Компромиссная точка зрения была впервые предложена еще В. Н. Татищевым: царевна Анна была настоящей болгаркой по рождению, дочерью царя Петра и троюродной сестрой Василия и Константина. В последней редакции своей «Истории» В. Н. Татищев как всегда добавил ссылку на Иоакимовскую летопись, где Анна была названа матерью Бориса и Глеба.[3] Против этого предположения говорит единодушное свидетельство современников, Титмара Мерзебургского, Яхъи Антиохийского и Степана Таронского, и византийского историка вто-

[1] *Приселков М. Д.* Очерки... С. 36–39, 56–59.

[2] *Шахматов А. А.* «Корсунская легенда» о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 46–49.

[3] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1996. Т. 2. С. 227, прим. 163. О ходе работы историка см.: *Толочко А. П.* «История Российская»... С. 448–454.

рой половины XI в. Иоанна Скилицы о браке Владимира с родной сестрой императоров, а не двоюродной. Скилица указывает не только ее имя, Анна, но даже дату рождения — за два дня до смерти отца в 963 г.[1]

Тезис о тождестве болгарыни и царевны Анны наиболее последовательно защищает А. Поппе. Он объясняет имя «Болгарыня» сознательным замалчиванием византийского происхождения первых русских святых. Только намеки на него сохранились в похвале святым из «Сказания страсти» (Анонимного) и в «Чтении» Нестора. В первом памятнике сказано, что они были «украшены цѣсарскими венцами с юности», а преп. Нестор пишет, что Борис женился «не похоти ради... а закона ради цѣсарьскаго». Борис, по мнению исследователя, был крещен Романом в честь отца Анны, императора Романа II. Глеб тоже получил «царское» имя — Давид. Багрянородная принцесса добивалась киевского княжения для своих двух сыновей, и приоритетное признание их прав привело к убийству Святополком именно этих двух братьев.[2] С мнением А. Поппе согласился и В. Я. Петрухин.[3] Если бы не летописное имя матери Бориса и Глеба, «Болгарыня», эта гипотеза выглядела бы абсолютно убедительной.

Крещение семьи св. Владимира упомянуто летописцем мимоходом, но на самом деле все проходило не так гладко, как это следует из рассказа летописца. В Ростовском своде 1534 г. (Тверской сборник) сохранился рассказ о Рогнед и исцелении от хромоты Ярослава. Летописец пишет, что он долго не ходил и выздоровел после крещения Владимира. По возвращении в Киев из Корсуня Владимир объявил Рогнед, что он женился, и предложил ей тоже заключить новый брак по своему выбору. Княгиня ответила, что она желает спасения души и станет монахиней. Ярослав не ходил от рождения, но когда он услышал ответ своей матери, то, восхитившись ее ответом, впервые встал на ноги. Рогнед постриглась под именем Анастасии. Этот рассказ имеет все признаки агиографического вымысла, но патологоанатомическое исследование остан-

[1] *Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / Rec. Thurn. I. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 254. Перевод: *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 114; *Шрайнер П.* Miscelanea Byzantino-russica / / ВВ. 1991. Т. 52. С. 157.

[2] *Поппэ А.* Феофана Новгородская / / НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 102–120.

[3] *Петрухин В. Я.* Древняя Русь... С. 175–179.

ков Ярослава показало, что он действительно в детстве перенес серьезное заболевание. Он долго не ходил, и одна нога у него так и осталась короче другой. К числу преувеличений можно отнести только утверждение, что он не ходил от рождения до 10 лет. На самом деле Ярослав должен был поправиться и встать на ноги гораздо раньше.[1] Возможно, к моменту получения известия о новом браке Владимира и о разводе с Рогнед он просто был в очередной раз тяжело болен. Замечательно, что летописец отнес исцеление Ярослава не к крещению, как следовало ожидать, а к пострижению его матери в монахини. Это отражает реальную последовательность событий, когда крещение семьи св. Владимира и его женитьба на Анне были разделены двухлетним промежутком.

В «Польской истории» Яна Длугоша († 1480) Анна названа матерью Марии — Доброгневы, жены польского князя Казимира Мниха (1038–1058).[2] В «Повести временных лет» известие о замужестве сестры Ярослава помещено под 1043 г., но кто была мать Владимировны, она не сообщает. Польский хронист Галл Аноним (1107–1113) пишет о «знатной жене с большим богатством из Руси». Славянское имя королевы, Добронега (но не Доброгнева!), есть в записи о ее смерти в 1087 г. из Рочника Краковского капитула (памятник XI в. в копии XIII в.). В «Великой хронике» XIII в. ее отцом назван фантастический «Роман, князь Руси, сын Одона».[3] Все польские князья и короли из рода Пястов происходят от Доброгневы, и сведения о ней вошли в позднейшие польские исторические сочинения, а из них в «Синопсис» Иннокентия Гизеля (1600–1683). В Тверском сборнике, который окончательно сложился как летописный памятник на Украине в середине XVII в., по списку РНБ, ОР, F. IV. 214 есть выписка из «Синопсиса» с этими сведениями. Если Доброгнева и не была дочерью Анны, то в любом случае родилась от последнего христианского брака, заключенного после ее смерти.

---

[1] *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М., 1963. С. 50–56.

[2] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С. 104–105, 253.

[3] Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 45, 53, 148; «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987. С. 70; Kronika Boguchwała i Godysłaua Paska // Monumenta Polonia historica. Lwów, 1872. T. 4. P. 485.

В «Повести временных лет» кончина Анны упомянута под 6519 (1011) г. У Иоанна Скилицы в рассказе о некоем родственнике русского князя Хрисохире сказано, что он появился в Империи после смерти сначала Владимира, а потом его супруги Анны.[1] Но Скилицу интересовали прежде всего византийские дела, и он мог случайно переписать русские известия в обратном порядке. В «Хронике» Титмара Мерзебургского сказано, что в 1018 г. Святополка и Болеслава встречали в Киеве девять сестер Ярослава и его мачеха, вдова Владимира. Все исследователи согласны, что после смерти Анны в 1011 г. князь заключил новый брак. М. Б. Свердлов полагает, что его женой была дочь Куно (швабского герцога Конрада). А. В. Назаренко считает ее невестой Ярополка, а супругу св. Владимира, по его мнению, идентифицировать невозможно.[2] Кто-то из последних троих сыновей мог быть от этого второго христианского супружества.

Судислав упоминается в «Повести временных лет» под 1036 г. Его оклеветали перед Ярославом, он был лишен старшим братом своего Псковского княжения и посажен в заключение. После смерти Ярослава племянники выпустили Судислава из заключения, и он скончался монахом в 1063 г. Станислав в качестве смоленского князя упоминается впервые в чтении свв. Борису и Глебу под 24 июля из Пролога 2-й редакции (конец XII в.), а затем в Первой подборке Новгородской Карамзинской летописи под 988 г. (окончена в 1411 г.). Обычно известие цитируется по Софийской 1.[3] Возможно, смерть Станислава упоминал Иоанн Скилица. Он пишет, что около 1036 г. умерли «архонты Руси Несислав и Иерослав, и на Росское княжение был избран родственник умерших Зинислав». Как указал А. А. Шахматов, Скилица по ошибке поставил вместо Ярослава имя Зинислава-Станислава. Несислав — это Мстислав, который действительно

---

[1] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 367; *Шрайнер П.* Указ. соч. С. 157; *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. С. 223–224, там же перевод известия.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 54; *Он же.* Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 300; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 361–363.

[3] О. М. Рапов почему-то ссылается только на Никоновскую: *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 31.

скончался в 1036 г. без наследников, и его Черниговское княжество отошло к Ярославу.[1] Таким образом, добавленным «для ровного счета», чтобы получилось число 12, можно считать только Позвизда.

В летописи не указаны христианские имена детей Владимира, даже свв. Бориса и Глеба. В житиях написано, что они были крещены во имя Романа Сладкопевца и Давида-пророка. По надписям и изображениям на монетах и печатях известно, что крестильное имя Святополка было Петр, а Ярослава — Георгий. Кроме того, по крестильным именам Ярослава и его супругу Ингигерд (Георгий и Ирина) называет митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати».

В «Повести временных лет» под 6508 (1000) г. отмечено, что умерли «Малъфридъ» и «Рогнѣдъ, мати Ярославля». Кто такая Малфрид, неизвестно. У нее явно скандинавское имя (Malmfriðr), которое и в XII в. было известно среди туровских князей, потомков Изяслава Ярославича. Иногда Малфрид пытаются отождествить с Малушей, матерью св. Владимира. Но если уж летописец указал, кто такая была Рогнед, то и Малфрид он бы определил, если бы у него были хоть какие-то сведения. Эти записи были вставлены в летопись задним числом, когда надо было заполнить лакуну, образовавшуюся в известиях после наложения погодной сетки. Общий источник Иакова Мниха и летописца времен Ярослава Мудрого кончался известиями об освящении Десятинной церкви и учреждении десятины, помещенными в статью 6508 (996) г. Рассказ о Ярославе начинался с 6522 (1014) г. Никаких данных о событиях пропущенных лет у летописца, писавшего не раньше середины 1070-х гг., уже не было. Не знал он и кто такая Малфрид.[2] Сообщение о ее смерти он почерпнул, вероятно, не из княжеского помянника, как считали вслед за А. А. Шахматовым,[3] а из поминальных надписей на стенах Десятинной церкви.

---

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 89–90, прим. 2; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 167.

[2] Б. А. Рыбаков предположил, вслед за В. Н. Татищевым, что это была мать Святослава, вторая чехиня, см.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 185.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 162–163; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 378–379, 405–407.

Их можно представить по аналогии с хорошо изученными граффити XI в. уцелевших Софийских соборов в Киеве и Новгороде и других храмов более позднего времени.[1]

Во времена св. Владимира еще могли действовать какие-то члены рода Рюриковичей помимо потомков Святослава. Например, Чернигов не был назначен в удел ни одному из Владимировичей. Там вполне могла сохраняться местная династия или потомки кого-то из многочисленных родичей Игоря, известных по договору Руси с Греками в 944 г.[2] Выше мы упоминали сведения Скилицы о родичах Владимира: Хрисохире и неком Сфенге, участнике подавления мятежа Георгия Цулы в Крыму в 1016 г. Его имя напоминает скандинавское Swen, и Скилица называет его братом Владимира. Родных братьев у князя к тому времени уже не было, почему и полагали, что это кто-то из его сыновей. Как полагает Г. Г. Литаврин, это — прозвище Мстислава Тмутороканского.[3] Но Сфенг вполне мог быть троюродным братом князя или его племянником. Племянник св. Ольги упоминается Константином Багрянородным в описании ее приемов при Константинопольском дворе, его сын был бы кузеном св. Владимира.

В скандинавских сагах упоминаются конунги Гардов, современники св. Владимира. В сагах об Олаве Святом рассказывается, как его отец конунг Харальд Гренландец хотел развестись с матерью

---

[1] *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985; *Висоцький С. О.* Давньоруські надписи Софії Київської XI–XIX ст. Київ, 1968; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978; *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

[2] *Soloviev A.* L'organisation de l'État russe au Xe siécle // *Idem.* Byzance et la formation de l'Etat russe. Variorum reprints. London, 1979. P. 251–252.

[3] *Ioannis Scylitzae* Op. cit. P. 354; *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне... С. 214–222, перевод известия: С. 215–216; *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века. М., 1991. С. 118–119.

Олава, чтобы жениться на вдове конунга шведов Эйрика Победоносного, Сигрид Гордой. Свататься к Сигрид приехал и конунг Виссавальд (или Виссивальд) из Гардарики, но королева сожгла своих женихов в доме. Эти события произошли незадолго до 995 г., и поэтому возможное отождествление со Всеволодом Владимировичем всегда вызывало возражения.[1]

Другим столь же неудачливым женихом был безымянный «конунг фюлька с востока из Гардарики». Согласно прологу «Саги об Ингваре Путешественнике», Эйрик Победоносный выдал за него свою дочь. Хевдинг Аки, который давно сватал девушку, но не получил ее, так как Эйрик посчитал его недостаточно знатным, напал и убил конунга из Гардарики, а его жену увез к себе. Так родился Эймунд, отец Ингвара Путешественника. Потом Эйрик все-таки убил Аки, но «конунгу с востока» это уже не помогло. Г. В. Глазырина, опубликовавшая перевод саги, считает, что дочь Эйрика могла быть первой женой св. Владимира,[2] но здесь все несопоставимо с ним. Он правил в Новгороде, Хольмгарде саг, который считался лучшим владением в Гардах. Конунг Вальдемар — одно из главных действующих лиц саг об Олаве сыне Трюггви, его приемный отец (см.: Гл. 7. 2). Если бы жена просто сбежала от него или он с ней развелся, то едва ли бы исландский автор так извратил историю хорошо известного героя.

Все русские князья Рюриковичи происходили от двух сыновей Рогнед, старшего Изяслава и второго — Ярослава. Изяслав скончался в 1001 г., следовательно, был женат при жизни отца. Титмар Мерзебургский упоминает в 1018 г. жену Ярослава, захваченную в Киеве Болеславом и Святополком. От этого брака у князя был сын

---

[1] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. Л., 1980. 2-е изд. М., 1995. С. 126; *Рыдзевская Е. А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Она же.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 197–198; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993. С. 132/141, 157/164, 234–236, 239/240, обзор точек зрения: С. 210–211. Ср.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь... С. 178, прим. 34.

[2] *Глазырина Г. В.* Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002. С. 74–76, текст: С. 250–251 и прим. к ним.

Илья, новгородский князь в 1016–1019 гг.[1] Все остальные дети Ярослава родились от его брака с шведской принцессой Ингигерд-Ириной, заключенного в 1019 г.

У Мстислава был сын Евстафий, но неизвестно, когда был заключен его брак. Нестор пишет в «Чтении», что Борис по требованию отца женился, но детей у него не было. М. Б. Свердлов предположил, что в 1014 г. русским мужем Эстрид, сестры датского конунга Канута Великого и дочери Свена Вилобородого, стал князь Глеб.[2] В пользу последнего предположения может свидетельствовать найденная в древней столице Швеции Сигтуне, где правил ее единоутробный брат Олав, русская княжеская печать первой половины XI в. с изображением св. Давида. В. Л. Янин отнес ее к Глебу. А. В. Назаренко, наоборот, полагает, что Эстрид была невесткой Ярослава, женой его сына Ильи.[3] В Никоновской летописи под 1002 г. упомянуто рождение у Святослава сына Яна, но неизвестно, откуда заимствована эта информация. Титмар пишет, что Болеслав, захватив Киев в 1018 г., «незаконно женился» на сестре Ярослава. Согласно Первой подборке Новгородской Карамдинской летописи, это была Предслава (дочь Рогнед).

Из «Хроники» Титмара Мерзебургского известно, что Святополк был женат на дочери того же польского князя — короля Болеслава. Это единственный достоверно известный политический брак, заключенный во времена св. Владимира. Он был на редкость неудачен и привел к результатам, прямо противоположным ожидаемым.

Для Европы того времени было характерно представление о земле как наследии всего рода. Братья продолжали претендовать на равные части в наследии отцовской власти даже тогда, когда эта система в целом была разрушена благодаря венчанию старшего сына соправителем отца. А. В. Назаренко рассматривает ситуацию на Руси во времена Владимира и его сына Ярослава по аналогии с разделами

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 484–489.

[2] *Свердлов М. Б.* Немецкие латиноязычные... С. 151, прим. 3.

[3] *Янин В. Л.* Древнерусские печати из раскопок в Сигтуне // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 270–274; *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 484–489.

Франкского королевства при Карле Великом в 806 г. и его сыне императоре Людовике Благочестивом в 817 г.[1] Но не только сыновья Людовика воевали с ним и друг с другом еще при жизни отца. Такая же ситуация сложилась полтора века спустя в последние десятилетия жизни короля Англии Генриха II (1154–1189), владевшего и значительными землями во Франции. Ричард Львиное Сердце воевал с коронованным соправителем отца братом Генрихом, а после его смерти вступил в открытую борьбу с Генрихом-старшим. Последние годы правления св. Владимира также характеризовались династическим кризисом, вызванным его попыткой изменить систему престолонаследия.

3. Военно-политическая ситуация Руси после крещения

После крещения в НС и «Повести временных лет» упомянуто только одно военное предприятие св. Владимира: поход на хорватов. В. С. Демин пишет, что в изображении летописца «Владимир после принятия христианства стал вялым в воинских и государственных делах».[2] На самом деле эта мнимая бездеятельность связана с отсутствием у средневекового историка источников: прижизненный рассказ о князе, которым пользовались и летописцы, и Иаков Мних, заканчивался 995 г.

Как и все события после крещения, поход на хорватов во всех редакциях «Повести временных лет» датирован по-разному. В Радзивиловской указан 6499 (991) г., в Лаврентьевско-Троицкой — 6500 (992) г., в Ипатьевской и НС (Н1 мл.) — 6501 (993) г. В «Памяти и похвале» Владимиру Иакова Мниха этот поход не упоминается вообще. Тем не менее это сообщение не вызывает сомнений. В Хиль-

[1] *Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв. //Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. Древняя Русь. С. 500–518.

[2] *Демин В. С.* О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет» //Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 31.

дескеймских анналах указано, что в 992 г. польский князь Болеслав, в этом году наследовавший своему отцу Мешко, не оказал помощь императору Оттону III в войне с лютичами. Он объяснил это своему сюзерену угрожавшей войной с Русью.[1]

В. Н. Татищев первым изобразил поход на хорватов в 992 г. как миссионерский. Так же считает и О. М. Рапов, хотя даже Никоновская летопись молчит о крещении этих земель. М. К. Юрасов полагает, что св. Владимиру не удалось полностью подчинить себе хорватов в первом походе на Перемышль и Червен в 979 г., что и вызвало поход 992 г. Второй целью князя было крещение язычников.[2]

В. В. Седов локализует хорватов на Днестре.[3] Вопрос, можно ли относить к их племенной территории Перемышль и Червен, захваченные св. Владимиром сразу после вокняжения в 979 г., является дискуссионным. Часть исследователей полагают, что и после миграции хорватов на Балканы в Прикарпатье и Закарпатье оставалась значительная часть племени.[4] В летописи о походе на Перемышль и Червен сказано: «Иде Володимиръ къ Ляхомъ». Малая Польша и Краковская земля, с которыми граничили эти волости, принадлежали князьям Чехии. Великопольский князь Мешко Старый отнял их у брата своей покойной жены чешского князя Болеслава II неза-

---

[1] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 110–115 (Хильдесхеймские анналы).

[2] *Рапов О. М.* Русская церковь... С. 349–366; *Юрасов М. К.* Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв.//Rossica antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 307–308. О. М. Рапов связал поход с византийской угрозой на основании Записки готского топарха, хотя то, что это — подделка, было доказано в 1971 г: Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Goticus//Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 111–188.

[3] *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 74–100; *Седов В. В.* Восточные славяне в VIII–XIII вв. М., 1982. С. 90–94, 123–129.

[4] *Майоров А. В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006; *Войтович Л. В.* Восточное Прикарпатье во второй половине 1 тыс. н. э.//Rossica antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 6–39.

долго до своей смерти в 992 г. Только после этого Польское государство стало непосредственно граничить с областью Червенских городов.[1] Дальнейшее развитие событий показывает, что великопольские князья всегда считали эти земли своей целью. Незадолго до 979 г., когда Перемышль и Червен были завоеваны св. Владимиром, Мешко мог сам попытаться захватить их.[2] При его сыне Болеславе Храбром соперничество за эти территории определяло враждебные отношения с Русью и во времена св. Владимира, и при его сыне Ярославе. То, что поход на хорватов в 992 г. был воспринят Болеславом как непосредственная угроза Польше, не вызывает никаких сомнений.

В первом десятилетии XI в. с Болеславом Польским был заключен мир. По свидетельству хрониста Титмара Мерзебургского, Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава. Титмар не интересовался специально ни самим Болеславом, ни тем более русско-польскими отношениями. Все это было для него важно постольку, поскольку было связано с делами Империи. О браке не названных по именам дочери Болеслава и сына Владимира говорится в главке 58-й книги IV. Она была написана в конце 1013 г. и, как и предыдущие, рассказывала о польской княжеской семье. Обещанный там же рассказ об обстоятельствах русско-польского брачного союза дан только в 72-й главке VII книги, написанной уже в конце 1017 — начале 1018 гг. Бóльшая часть главы посвящена не Святополку, опять не названному по имени, а истории принятия христианства Владимиром. Вместе с Болеславной приехал и епископ Рейнберн, вероятно, вынужденный покинуть свой Колобжег. Его просветительская деятельность в Польском Поморье подробно описана Титмаром.[3]

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 393–411; *Головко А. Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 10–13. Там же исчерпывающая библиография вопроса.

[2] *Войтович Л. В.* Указ. соч. С. 17–18, 25–26.

[3] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 468–470; *Он же.* Немецкие латиноязычные... С. 131–132, 139–141 и комм. к ним.

Дата женитьбы у Титмара не указана, а в русских источниках не упомянут сам брак. То, почему в войнах с Ярославом, последовавших за смертью св. Владимира и убийством по приказу Святополка свв. Бориса и Глеба, его неизменно поддерживал Болеслав Польский, в летописи никак не объясняется. А. Поппе отнес брак к периоду около 1011 г.[1] В 1008 г. в Киеве побывал немецкий миссионер св. Бруно Кверфуртский, который направлялся к печенегам.[2] Он, как известно, очень хорошо относился к Болеславу Польскому и осуждал императора Генриха II за союзы со славянами-язычниками против христианского государя Польши. Иногда заключение брака связывают с поездкой св. Бруно, и тогда датируют 1009 г.[3]

В 91-й главке VI книги Титмар Мерзебургский сообщает, что летом 1013 г., после Троицы (24 мая) Болеслав напал на Русь. Сообщение записано Титмаром в первой половине 1014 г., и хронист не пишет о причинах войны. Он не сообщает ни о каких особых успехах, зато отмечает, что союзниками польского князя были печенеги. Поход ограничился разорением «большей части» Руси и остановился, когда возник конфликт со степняками. Болеслав приказал перебить бывших союзников. Заключение союза польского князя с печенегами тоже иногда приписывают св. Бруно, хотя он сам пишет как раз об обратном: о заключении им мира для св. Владимира. В качестве заложника в степь был отправлен один из сыновей князя, как полагают, Святополк.[4]

Продолжая в 72-й главке VII книги рассказ о неудачном русско-польском супружестве, Титмар пишет, что Владимир узнал, «что его сын по наущению Болеславову намерен тайно против него выступить». Тогда и он, и его жена и епископ Рейнберн были схвачены. В 73-й главке хронист сообщает, что «Болеслав же, узнав обо всем

---

[1] *Poppe A.* Spuścizna po Wiodziemirerzu Wielikim. Walka o tron kijowski 1015–1019//Kwartalnik Historyczny. 102. Warszawa, 1995. № 3/4. S. 3–22.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 45–56.

[3] Обзор литературы и точек зрения см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 167–179, прим. 52.

[4] Там же. С. 132, 135–136, 139, прим. 30–31; *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 49, 51, прим. к с. 56.

этом, не переставал мстить, чем только мог». С этой местью обычно связывают войну 1013 г.[1] Существует версия, что женитьба Святополка на Болеславне была следствием заключения русско-польского мира в конце 1013 г.,[2] но она противоречит русским источникам. В этом случае свадьба Святополка, его заговор и заключение под стражу должны относиться к одному и тому же 1014 г., так как 15 июля 1015 г. св. Владимир уже умер. Согласно НС и «Повести временных лет», в 1014 г. выступил против отца сам Ярослав. Вопрос, с чем это было связано, мы рассмотрим в следующем разделе. Если выступление Святополка действительно относилось к 1014 г., то молчание в летописании Ярослава о заговоре его будущего главного врага странно. Если же эти события произошли до 1013 г., а источник, описывавший правление св. Владимира, заканчивался 996 г., то отсутствие этих сведений в русском летописании понятно.

Выбор супруга для дочери Болеслава был определен тем, что Святополк сидел в Туровском княжестве. Дреговичи, непосредственно граничившие с польскими мазовшанами, подчинялись ему. Город Берестье (Брест), расположенный в земле дреговичей, будет последним оплотом Святополка в его борьбе с Ярославом за верховную власть в Руси. Титмар не знал, что он был не сыном, а племянником Владимира. Судя по тому, что в главке 32-й VIII книги, где хронист впервые называет Святополка своим именем, он не указывает, что его союзник Болеслав — его тесть, Титмар так и не разобрался в этих запутанных отношениях. Эта главка писалась последней в конце 1018 г., вскоре после захвата Киева войсками Болеслава и Святополка и незадолго до смерти хрониста. Но польский король, несомненно, знал, с кем он имеет дело. Возможно, он с самого начала предполагал уговорить зятя отложиться от отчима и перейти под его юрисдикцию. Цель Болеслава была понятна — Червенские города, отделенные от Туровского княжества одной Волынью. В ходе войны 1018 г. польский князь добился их присоединения, но после его смерти и начавшейся затем междоусобицы Ярослав в 1030 г. вернул их.

---

[1] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные... С. 139, прим. 30.

[2] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 308–310.

Отношения Руси с печенегами резко обострились уже в 990-е гг. В летописной статье 988 г. говорится о строительстве городов (т. е. укреплений) на южных рубежах Руси. Этот оборонительный пояс должен был защищать от печенегов. В него были включены и древние Змиевы валы, относящиеся частично еще к скифскому времени.[1] Сообщение об этих укреплениях есть у св. Бруно Кверфуртского, который ездил к печенегам в 1008 г. через Киев.[2]

Известие о строительстве городов в НС и «Повести временных лет» завершается словами: «Бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воююся съ ними и одоляя имъ». Однако никаких рассказов об одержанных победах в летописях нет. В статье 996 г. об освящении Десятинной церкви рассказывается о поставлении в память спасения князя от печенегов храма св. Спаса в Василеве. Св. Владимир был разбит кочевниками, спасался бегством и спрятался от них под мостом. Он взмолился Богу о спасении и получил его. Это произошло в день Преображения Господня, почему и храм был посвящен св. Спасу. Это подлинный рассказ, а не легенда, так как храм упоминается как получающий десятину вместе с церковью Богородицы в Уставе Владимира.[3] Св. Бруно Кверфуртский, ездивший с миссией к печенегам в 1008 г., рассказывает в письме к императору Генриху II, что ему удалось крестить очень немногих язычников. Тем не менее он сумел заключить для Владимира выгодный мир,[4] но продержался он только до русско-польской войны 1013 г.

В «Повесть временных лет» летописец вставил два более оптимистичных предания, которых не было в НС. В 992 г. юноша-кожемяка победил в единоборстве печенежского богатыря, в честь чего был поставлен Переяславль Русский. Основание Переяславля отсутствует в НС (Н1 мл.), зато в нем говорится об основании Белгорода в эти

---

[1] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. М., 1961. С. 169–170.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники ... С. 48, 50.

[3] Древнерусские княжеские уставы ... С. 15, 18–19, 23, 30, 37, 43, 46, 54, 70, 73, 76.

[4] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники... С. 49, 51, прим. к с. 56.

же годы. Иаков Мних сообщает только о Переяславле. А. А. Шахматов предположил, что он самостоятельно переправил Белгород на Переяславль.[1] Но вероятно, в разных списках упоминались разные города. Белгород и Переяславль известны до 990-х гг. Переяславль впервые упомянут как город, на который взял дань с греков Олег в 907 г. В Белгороде еще до крещения жили наложницы Владимира. Видимо, князь устраивал и укреплял уже существовавшие поселения.[2] С Белгородом связано другое предание о печенегах. Осажденные горожане сумели обмануть наивных степняков, показав им колодцы, откуда они якобы черпают сыту и мучную болтушку.

В Никоновской летописи, составленной в 1520-х гг. под руководством митрополита Даниила (см.: Гл. 1.1), нарисована картина блистательных побед над печенегами. Постоянно приезжают печенежские князья, которые «бьют челом в службу», хотя из источников XI в. вырисовывается совсем другая ситуация. Само выражение «бити челом» в значении «обращаться с просьбой» фиксируется только с XIV в. Первое известие о победе над печенегами и приходе на службу князя Илдея отнесено в Никоновской летописи еще ко временам Ярополка (6486 и 6487 гг.). В конце статьи 988 г., после сообщения о приходе митрополита Михаила от патриарха Фотия, послов от греческих царей и от папы римского, сообщается о приходе к Владимиру и крещении печенежского князя Метигая. Под 6498 (990) г. перенесено известие о строительстве городов на южных рубежах Руси, и оно опять предваряется сообщением о победе над печенегами. Под 6499 (991) г. между сообщениями о приходе «изъ Грекъ камнесѣчцевъ и создателей полатъ каменныхъ» и послов от папы римского помещено известие о приходе и крещении печенежского князя Кучюга. Под 6500 (992) г. перед сообщением о приходе послов от Болеслава Польского говорится о победе над печенегами. Под 6502 (994) г. перед сообщением о возвращении послов Владимира от папы римского

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 27–28.

[2] В Переяславле не обнаружено археологических слоев раньше конце X в., но город времен Олега мог, как и ранние Смоленск и Новгород, располагаться на другом месте.

стоит известие о походе князя на неких болгар, а в статье 6505 (997) г. сообщается о походе на «болгар волжских и камских». Б. М. Клосс полагает, что эти известия были вставлены в летопись в период активной борьбы с Казанским ханством.[1]

Источник известий легко выделить в последующих статьях. Под 6508 (1000) г. сообщается о приходе «Володаря с половцами». На самом деле половцы вышли к границам Руси только в середине XI в. Помимо этого явного анахронизма в Никоновской летописи рассказано о победе над половцами былинного героя Александра Поповича. В статье 6509 г. он действует против печенегов уже вместе с Яном Усмошвецом. Здесь летописец замечает, что так звали отрока, победившего печенега на месте Переяславля. Так как в основе Никоновской летописи лежит Троицкая, где имя победителя печенежского богатыря не было упомянуто, то составитель мог дать волю фантазии. Под 6512 (1004) г. опять сообщается о победе Александра Поповича и Яна Усмошвеца над печенегами. Летописец использовал в качестве исторического источника былины и исторические песни.

Известия о победах над печенегами и волжскими болгарами всегда встречаются в составе комплекса дополнений к статьям НС и «Повести временных лет». В него обязательно входят сообщения о связях с папским Римом, византийскими императорами или западными славянскими князьями. Под 6496 (988) г. сказано о приходе послов от византийских императоров и папы римского; под 6498 (990) г. — послов от императоров; под 6499 (991) г. — о приходе греческих зодчих и папских послов; под 6500 (992) г. — о посольстве из Польши и Чехии; под 6502 (994) — о возвращении послов из Рима; под 6508 (1000) — о приходе посольств из Рима, Чехии и Венгрии; под 6509 (1001) — о посольствах в Рим, Иерусалим, Египет и Вавилон. Исключениями являются только статьи 6505 г. (только поход на волжских и камских болгар) и 6512 (1004) г., где нет известий о посольствах, зато сообщается об отравлении своим слугами загадочного «Андриха Добрянкова храброго».

---

[1] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 44, 100–101, 166–177.

Сведения Никоновской летописи о связях с Чехией, Польшей и Венгрией основаны на статье 996 г. из НС и «Повести временных лет», где перечислены правители, с которыми Владимир жил в мире. Это Болеслав Польский (992–1025), король Венгрии св. Стефан (997–1038) и князь Андрих Чешский (Олдржих), правивший с 1012 г. по 1034 г. Его упоминание показывает, когда было составлено это известие. После смерти Болеслава II Чешского в 999 г. князем стал его старший сын Болеслав III. В 1002 г. он был изгнан, и после усобицы, в которую вмешался и польский король Болеслав, на престоле в 1003 г. сел Яромир. В 1012 г. его сверг Олдржих (Андрих). Из четырех чешских князей, современников св. Владимира, в НС и «Повести временных лет» упомянут только последний. Это свидетельствует о том, что запись происходит из летописания Ярослава Мудрого, заставшего именно этого современника своего отца в начале собственного правления.

В четырех случаях из шести, когда говорится о посольствах, упоминается папа римский. Как справедливо отметила София Сеник, не ясно, зачем было добавлять в летопись, в целом настроенную против латинян, известия о постоянных контактах с папским Римом.[1] Остальные дополнения были скомпонованы на основе отрывочных сведений летописи и современных митрополиту Даниилу былин (известия о епископах, рассказы о печенегах). Почему же митрополит выбрал столь странную тему? Предположение Б. М. Клосса, что известия о папских послах были введены для возвеличивания международного престижа Руси,[2] представляется маловероятным. Во времена Ивана III и Василия III отношения поддерживались в основном с императорами Священной Римской империи. Как известно, Иван III даже не пустил в Москву папского легата, сопровождавшего его невесту Софию Палеолог — «княгиню Римлянку», как ее называют современные летописи. Был какой-то толчок для появления этих со-

[1] *Senyk S.* A History of the Church in Ukraine. Vol. 1. To the End of the Thirteenth Century // Orientalia Christiana Analecta. 243. Roma, 1993. P. 303–305.

[2] *Клосс Б. М.* Указ. соч. С. 187–188.

общений в Никоновской летописи. Бóльшая их часть (пять из восьми) относится ко временам Ярополка и Владимира, т. е. непосредственно связаны с крещением Руси.

Единственным временем, когда отношения с папским Римом могли вызывать повышенное внимание на Руси, была эпоха митрополита Исидора (1436–1441), сторонника Флорентийской унии Западной и Восточной церкви. При всем отрицательном отношении к ней Даниил должен был заинтересоваться этими сведениями. Можно очень осторожно предположить, что Исидор в Риме ознакомился с какими-то материалами папского архива, откуда почерпнул сведения об обмене посольствами при Ярополке и Владимире, а также при Всеволоде в 1091 г., при Андрее Боголюбском в 1169 г. и при Дмитрии Донском в 1388 г. Так как Исидор вернулся на Русь из Флоренции и какое-то время признавался митрополитом, эти выписки могли остаться в Москве в митрополичьем архиве и послужить источником для митрополита Даниила.

В сагах об Олаве сыне Трюггви упоминается, что он был воспитанником св. Владимира. Об этом конунге и его роли в истории Руси мы подробно поговорим в Гл. 7. 2. Эта связь имела и отрицательные последствия. В 995 г. Олав вернулся в Норвегию, и бонды убили правившего там до этого от имени датского короля ярла Хакона. Олав изгнал его сыновей, и тогда Эйрик сын Хакона в отместку напал на Альдейгьюборг (Ладогу) и сжег ее. Следы пожара, который можно связать с этими событиями, выявлены на посаде за рекой Ладожкой.[1]

4. Государство в последние десятилетия правления св. Владимира

Св. Владимир был первым князем, чеканившим свою монету. После его смерти это делали лишь Святополк и Ярослав очень непродол-

[1] *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 153; *Джаксон Т. Н.* Указ. соч. С. 107/108, 152–154, 158/163, 173–184, комм. на с. 211–212; *Петренко В. П.* Указ. соч. С. 91–92, 115.

жительное время, а затем чеканку возобновили только в XIV в. Все исследователи согласны, что монеты св. Владимира носили прежде всего парадный характер и выпускались не для обыкновенного денежного обращения.[1] В этих целях на Руси ходила арабская монета и весовое серебро.

Известны златник и четыре типа сребреников св. Владимира.[2] На всех на них обязательно присутствует изображение самого князя, образцом для которого послужили византийские монеты и императорские печати. Изображения явно демонстрируют нам стремление князя приравнять свою власть к императорской. На обороте златников и сребреников I типа изображен Иисус Христос, на всех остальных монетах — княжеский знак св. Владимира. На всех монетах на его голове не княжеская шапка (как полагает М. П. Сотникова для I типа), а императорский венец. Ясно видны подвески, которых никогда не бывает на княжеских шапках. На сребрениках II и IV типов князь изображен с нимбом, что полностью копирует императорские изображения.

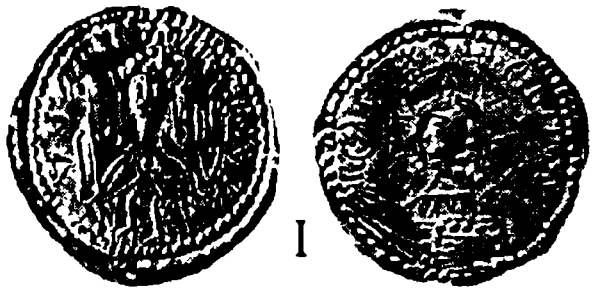
Большую роль играет престол и сапоги, у которых подчеркнуты каблуки. Сапоги в ущерб изображению подчеркнуты на всех монетах, так как это символ императорской власти. В чеканке невозможно воспроизвести их церемониальный красный цвет, и эту символическую роль играют каблуки.[3] Это самая загадочная деталь изображения, так как каблуки не известны ни по каким византийским источникам. На всех миниатюрах и фресках ясно видно их отсутствие. Археологических материалов по Византии нет, зато коллекция обуви X–XI вв. из Руси достаточно представительна, и все сапоги имеют исключительно мягкую подметку. Можно предположить, что каблук задержался в сценической обуви, но не известно, сохранялись ли еще в Византии X в. старые традиции мима или уже окончательно

---

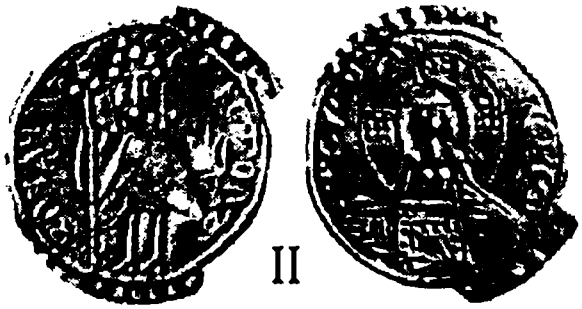
[1] *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси... С. 103–105.

[2] *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983; *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995.

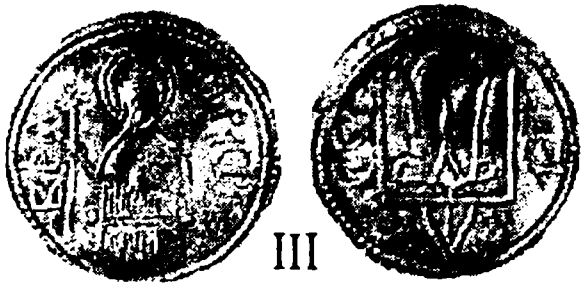
[3] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 254–255.



I

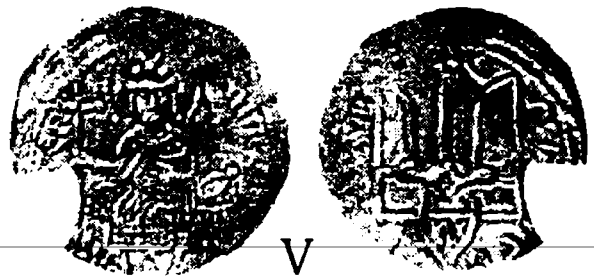


II



III

IV



V

I. Златник св. Владимира; II. Сребреник I типа; III. Сребреник II типа; IV. Сребреник III типа; V. Сребреник IV типа.

ушли в прошлое, побежденные церковными запретами. Несомненно одно: для монет св. Владимира необычные сапоги — символ императорской власти.

Престол особо тщательно изображен на сребрениках III и IV типов. Менее выражен он во II типе, где князь изображен, как полагает М. П. Сотникова, в кольчуге. Именно здесь хорошо видны подвески венца, каблуки на сапогах и нимб вокруг головы. И. И. Толстой указал, что на сребрениках II и IV типов трон не похож на византийские аналоги, и, вероятно, резчик штемпеля изобразил реальный престол св. Владимира.[1] На I и II типах в надписи прямо сказано: «**Владимиръ на столѣ**» (в орфографических вариантах встречается и «**столе**» и «**столу**»). Это не просто церемониальное изображение, а символ единовластия князя. На златнике и сребрениках I, II и IV типов князь держит в правой руке скипетр. Возможно, корона, скипетр и престол были даны св. Владимиру братьями его жены .[2]

На всех монетах в надписи дано не христианское, а языческое имя князя: **Владиміръ**. Только на сребрениках IV типа, где он изображен на престоле и с нимбом, на реверсе вокруг княжеского знака помещена надпись «**сѧтаго Василѧ**». Именно эту монету копировал первый самостоятельный чекан Святополка Ярополчича.[3] На монетах и печатях Святополка и Ярослава, наследников св. Владимира, появятся изображения соименных им святых, ап. Петра и св. Георгия. На монетах изображение святого поместят на аверсах вместо изображения самого князя, отныне представленного только своим личным родовым знаком, а на двух известных печатях Святополка и Ярослава есть портреты, но нет знаков. При портретах этих князей, как и при изображении Владимира, указаны их языческие имена.[4]

---

[1] *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты. СПб., 1893. С. 14–22.

[2] *Свердлов М. Б.* Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича//ВИД. Л., 1972. Вып. 4. С. 159; *Он же.* Домонгольская Русь... С. 255.

[3] *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты... С. 190. №№ 159–170.

[4] *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 18–19. Табл. 1, № 2 б.

Использование княжеского имени, а не крестильного демонстрирует самостоятельность св. Владимира, воспринимавшего, но не копировавшего византийский образец. Видимо, он никогда не претендовал на императорскую власть в буквальном «ромейском» смысле. Именование князя «единодержцем» и «самодержцем» у Илариона и в Анонимном сказании о свв. Борисе и Глебе отражает притязания не на самостоятельность по отношению к Византии, как иногда полагают.[1] Независимость Руси и так была очевидна. Для св. Владимира, его пасынка Святополка и его сына Ярослава речь шла об укреплении личной власти внутри страны. В литературе встречается мнение, что использование императорских регалий должно было возмутить Византию, но никогда не дискутировался вопрос, а как на это отреагировали соотечественники св. Владимира. Между тем есть явные свидетельства, что это не вызывало одобрения прежде всего в самой Руси.

В той же статье 996 г. следом за церковной похвалой милосердию св. Владимира следует дружинный рассказ о том, как воины заставили князя исковать для себя серебряные ложки. За внешне забавной фабулой немудрящего рассказа стоит воспоминание о реальном недовольстве дружины, считавшей, что князь стал мало о ней заботиться. В традиции, описанной сагами, серебро раздавалось дружине в виде колец, браслетов и шейных гривен. Теперь оно шло на чеканку монеты, где князь представал в образе византийского императора. Безусловно, на пирах он восседал на пресловутом престоле, и это также вызвало обиду дружины.

В статье 996 г. рассказывается и о неудачной попытке ввести гражданское византийское законодательство с его членовредительскими наказаниями и смертной казнью. Здесь противниками изменений, отвергавших традиционные денежные штрафы — виры, представлены старцы и епископы. При всей условности первого термина,[2] ясно, что под старцами летописец подразумевал представителей общины.

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне. С. 470–475; о представлениях Византии см.: *Оболенский Д. Д.* Византийское содружество наций. Шесть портретов. М., 1998. С. 214, 354–355.

[2] *Завадская С. В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // ДГ за 1985 г. М., 1985. С. 36–42.

Но поверить в то, что епископы-греки были противниками реформы по византийскому образцу, невозможно. Они явно здесь добавлены для придания законности всеобщему сопротивлению нововведениям князя. Судя по всему, князь пытался ввести Эклогу, но был вынужден отказаться от ее применения в светском законодательстве. В Церковном уставе Владимира влияние этого памятника византийской юриспруденции прослеживается.[1]

Еще четче неприятие нововведений св. Владимира выразилось в его отношениях с сыновьями. Мы уже говорили, что первый раздел, согласно «Повести временных лет» и НС, был осуществлен после похода на Корсунь и крещения Руси. Сначала по своим уделам отправились четверо старших. Первенец Вышеслав сидел в первом после Киева городе Руси — Новгороде; сын Рогнед Изяслав правил в восстановленном специально для него Полоцком княжестве; Святополк владел Туровским княжеством, непосредственно граничившим с Киевской землей; четвертый сын, Ярослав, сидел в Ростове.

Смерть Вышеслава вызвала новый передел княжений, о котором рассказано в той же статье 6496 (988) г. Тогда младшие сыновья впервые получили уделы, но св. Борис в отличие от них отправился на свое первое княжение еще при жизни Вышеслава Новгородского. Об этом свидетельствует Нестор в своем «Чтении» о свв. Борисе и Глебе. Тогда же, по его словам, возник первый конфликт Святополка и Бориса.[2] Он зашел так далеко, что св. Владимир, опасаясь за жизнь сына, вывел его с княжения. В этом сообщении не нужно видеть выдумку пристрастного агиографа. Святополк действительно не мог быть доволен новым соседством. Первоначально в Туровское княжество кроме земли дреговичей и Погорынья несомненно входила Древлянская земля.[3] По реке Горыни, южному притоку Припяти,

[1] О возможных юридических источниках см.: *Милов Л. В.* Легенда или реальность (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава)// Древнее право. 1996. № 1. С. 208–218; *Он же.* К вопросу об источниках Церковного устава Владимира// Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244–246; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 291

[2] *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные ... С. 169.

[3] *Милютенко Н. И.* Древлянская земля... С. 44–45.

Волынь граничила с Туровской землей, плохо различимые археологические культуры волынян и дреговичей накладываются друг на друга и в Побужье, округе Берестья. Видимо, первоначально Святополк управлял и Волынью. Поместив там Бориса, св. Владимир урезал владения пасынка.[1] Кроме того, была нарушена очередность княжений. Всеволод, Мстислав и Святослав были старше св. Бориса, и отец их явно обошел. Возможно, именно наделение его волостью в обход прав старших братьев спровоцировало Святополка на заговор, о котором пишет Титмар Мерзебургский.

После смерти Вышеслава в Новгород на его место перешел следующий по старшинству Ярослав. Святополк среди участников нового раздела не упомянут, видимо потому, что уже был в заключении. Теперь его удел оказывается поделенным на Древлянскую землю (древлян) и Владимиро-Волынское княжество, которые получили соответственно Святослав и Всеволод. Борис получил Ростов, обогнав одного из старших братьев, Мстислава, отправленного в Тмуторокань. Глеб был помещен рядом с Борисом в Муроме. В 1030-е гг. Судислав обнаруживается в Пскове, Станислав, согласно чтению свв. Борису и Глебу из Пролога 2-й редакции, сидел в Смоленске. Вероятнее всего, эти владения они получили также от отца, а не от старших братьев.

Под 6522 (1014) г. «Повесть временных лет» и НС (Н1 мл.) содержат одно и то же сообщение об отказе Ярослава платить дань от Новгорода Киеву. Это часть цельного рассказа, впоследствии разделенного вставкой даты 6523 (1015) г. на две части. Он начинался с сообщения о том, что новгородские посадники собирали дань в сумме 3000 гривен, из которых две трети отправляли в Киев, а одну треть оставляли в Новгороде на содержание дружины. Почему именно Ярослав отказался платить «урочное», в летописях не говорится. Осложнение ситуации в Новгороде было вызвано прежде всего резким

[1] В. Я. Петрухин предположил, что передел был вызван гибелью в 995 г. Всеволода Волынского в Швеции (*Петрухин В. Я.* Древняя Русь... С. 178, прим. 34), но выше уже говорилось, что неудачливый жених Сигрид Гордой едва ли мог быть сыном Владимира. Ему тогда было не больше 15 лет.

сокращением поступления серебряной монеты из Средней Азии.[1] Как указывает М. Б. Свердлов, теперь уже стало невозможно выплачивать те огромные дани, которые раньше шли в Киев. Эта сумма составляла из расчета гривны в 200 гр. 4 ц. серебра, из расчета 100 гр. — 2 ц. Можно предположить, что киевская дань не была уменьшена, хотя общий объем таможенных сборов в Новгороде сократился.[2]

Очевидно, летописная датировка верна: речь шла о дани, собранной осенью 6522 (1014) г. и не отправленной в Киев. Владимир распорядился готовиться к походу на мятежного сына, но заболел. Продолжение рассказа помещено уже под следующим 6523 (1015) г.: Ярослав послал «за море» и нанял для войны с отцом варягов. В разгар подготовки к походу князь умер. А. А. Шахматов полагал, что это новгородская запись 1017 г. Через Новгородский свод 1050–1078 гг. она попала в НС 1093 г., а в летописании Ярослава вообще не говорилось о его столкновении с отцом.[3] В НС первоначальный текст был отредактирован и в таком виде сохранился в Новгородском своде XII в. (Н1 мл.) и «Повести временных лет».

Подстегнуть выступление братьев, поддержанное их дружинами и горожанами, должно было и предполагаемое наделение властью младших сыновей в обход прав старших. А. В. Назаренко полагает, что св. Владимир явно нарушил традицию разделения государства на равные уделы, назначив своим наследником св. Бориса.[4] Титмар Мерзебургский утверждает в 73-й главке книги VII, что Владимир «умер в преклонных летах, оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице».[5] Так как главы

---

[1] *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в.//Археология, история, нумизматика и этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

[2] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 300–309. Ср.: *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы. СПб., 2003. С. 96–108.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 176–177, 497–500, 506–511; реконструкция Древнейшего свода: С. 570–571.

[4] *Назаренко А. В.* Порядок престолонаследия... С. 513–515.

[5] *Он же.* Немецкие латиноязычные... С. 136, 141 и прим. 64–66.

72–73 книги VII писались в течение конца 1017 — начала 1018 г., то, говоря только о трех сыновьях, Титмар мог иметь в виду основных участников междоусобицы, последовавшей за смертью Владимира.[1] Их было действительно трое, Святополк, Борис и Ярослав, но последний никак не мог быть одним из двоих наследников, так как осенью 1014 г. сам выступил против отца.

Двумя наследниками всей власти Владимира, как предположил А. Поппе, были свв. Борис и Глеб.[2] А. В. Назаренко согласен с ним в отношении Бориса, но не ясно, был ли самостоятельным князем Глеб. Нестор в «Чтении» утверждал, что он находился постоянно в Киеве при отце. Из летописного сказания «О убиении Борисове» и «Сказания страсти» (Анонимного) известно, что во время смертельной болезни св. Владимира при нем находился Борис. Князь действительно мог, выделив уделы свв. Борису и Глебу, оставить их при себе, и это должно было серьезно обеспокоить старших братьев. Возможно, Владимир изначально не хотел следовать традиции перехода уделов по наследству от брата к брату (corpus fratrum). Например, после смерти Изяслава в 1001 г. Полоцк никогда больше не шел в переделы. Сначала он отошел к его сыну Всеславу, а после смерти нового князя в 1003 г. к его брату Брячеславу. Ярослав оставался в эти годы в Ростове. Передел 1010 г. мог быть вызван тем, что у Вышеслава в отличие от Изяслава не осталось сыновей. При этом наследование Киевского стола не обязательно связывалось Владимиром с правлением в Новгороде.

Третий сын, по Титмару, — это Святополк Ярополчич. Хронист полагал, что он так и остался в заключении, а после смерти Владимира бежал к тестю, бросив в темнице жену. Как доказал А. В. Назаренко, Святополк появился в Польше только после проигранной осенью 1016 г. Любечской битвы. Установлено, что было две эмиссии монет этого князя, что указывает на два княжения.[3] Следовательно,

---

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 452, 467–469.

[2] *Poppe A.* La naissance du culte de Boris et Gleb // Cachiers de civilisation medievale. 1981. XXIV année. № 1. P. 29–53; *Idem.* Spuścizna... S. 4–5.

[3] *Назаренко А. В.* О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 13–19; *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты... С. 102–201.

он никуда не бежал в 1015 г., а оставался в Киеве. Ни один русский источник не сообщает, что в момент смерти отчима Святополк был в заключении. В «Повести временных» лет» и в НС написано, что когда Владимир умер, «потаиша и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ». В «Сказании страсти» (Анонимном), наоборот, сказано, что он сам пытался скрыть смерть отчима от киевлян. Нестор сообщает в «Чтении»: «Таче увѣдѣвъ, оканьныи сынъ Святополкъ, и акы радуяся отнѣ смерти, всѣде на коня и скоро доиде Кыева града, и сѣде на столѣ отца своего». Для того чтобы примирить версии Титмара и летописную, выдвигалось предположение, что Святополк жил под наблюдением в городе Вышгороде близ Киева.[1]

В действительности примирение дяди и племянника состоялось к концу 1014 г. В «Сказании страсти» (Анонимном) в рассказе о детях Владимира написано, что Святополк сидел в Пинске. Так как княжения остальных сыновей названы по второму разделу (Ярослав в Новгороде, Святослав в Древлянах, Всеволод во Владимире, Борис в Ростове, Глеб в Муроме), то и Святополк, очевидно, княжил в Пинске в 1015 г. Следовательно, после освобождения он получил во владение часть своего бывшего удела: землю дреговичей с центром в Пинске. Берестье (современный Брест), пограничный с Польшей город этого княжества, будет последним оплотом Святополка в его борьбе с Ярославом.

Святополк, как установил С. В. Белецкий, чеканил свою монету еще при жизни Владимира. Сохранился экземпляр, на аверсе которого изображен он сам на престоле, а на реверсе — трезубец его отчима. Исследователь определил этот тип монеты как вассальный чекан: после нападения Болеслава Владимир выпустил пасынка-племянника на свободу и даже признал за ним право наследования великокняжеской власти.[2] Вероятнее, что причиной примирения св. Владимира

[1] *Назаренко А. В.* Древняя Русь.... С. 452–453, там же библиография вопроса.

[2] *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв.//Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. СПб., 2000. С. 20–22, 31–34.

с мятежным родичем были враждебные действия не свата, а его собственного сына. Согласно Яну Длугошу, именно Святополк и Борис воевали с мятежным Ярославом и разбили его. В русских летописях о военных действиях не рассказывается.[1]

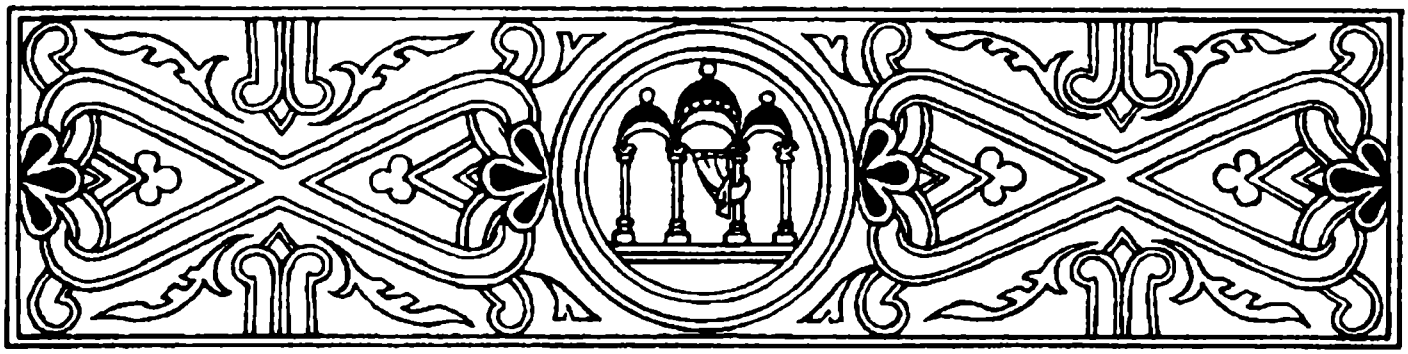
Судя по вассальной эмиссии монет Святополка, незадолго до смерти св. Владимир предполагал его соправительство с Борисом, а возможно, и Глебом по византийскому образцу. Едва ли с таким решением мог согласиться его усыновленный племянник. В Восточной Римской империи разделения власти между соимператорами не было, она оставалась неограниченной и осуществлялась юридически всеми в равной степени. Фактически это приводило к правлению одного из них, а на долю остальных оставались только представительские функции. Если св. Владимир думал удовлетворить хотя бы Святополка таким решением, то оно полностью не оправдало себя. Сразу после его смерти Святополк избавился от навязанного ему соправителя, а затем и от его родного брата св. Глеба. Даже жития святых братьев не отрицают, что это было сделано с молчаливого согласия дружины св. Владимира.

К концу правления св. Владимира Русь оказалась в состоянии кризиса.[2] Недовольные его реформами и укреплением власти с перспективой передачи ее одному из братьев, сыновья начали воевать друг с другом и с отцом. Фактически каждый из них стремился к тому же, чего хотел добиться св. Владимир — единодержавию. В последние годы его жизни уже было ясно, что междоусобица после его смерти неизбежна, и он принимал меры, чтобы избежать ее. Они оказались недостаточны. В том же аспекте можно вслед за А. В. Назаренко рассматривать и завещание Ярослава. Он был несколько удачливее своего отца, так как сумел отсрочить войну между сыновьями с 1054 г. до 1073 г.

---

[1] *Щавелева Н. И.* Древняя Русь... С. 88–89, перевод: С. 235–236; *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 84–88.

[2] *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 308–309.



Глава 7

Скандинавы и крещение Руси

1. Дохристианские связи Руси и Скандинавии в сагах и русских летописях

Достоверные известия о русских князьях появляются в скандинавских сагах только с эпохи утверждения христианства на Севере. Можно найти немало параллелей в преданиях о крещении Руси, Дании, Швеции и Норвегии. В скандинавских сагах нет упоминаний о деятельности христианских миссионеров IX в.: Эббона, архиепископа Реймсского и папского легата, и архиепископа Гамбургского и Бременского св. Ансгара, просветителей Дании и Швеции. В русских источниках не говорится о попытках крещения Руси, предпринимавшихся при их младших современниках, патриархах Константинопольских свв. Фотии и Игнатии.

В Швеции христианство угасло после смерти св. Ансгара и его преемника и автора его жития, св. Римберта. В скандинавских сагах признается, что окончательное крещение Дании при Харальде Синезубом (около 960 г.) было насильственным и осуществлялось германским императором Оттоном I. Когда Харальд был побежден своим сыном Свеном Вилобородым и изгнан около 985 г., в Дании одно время опять укрепилось язычество. Но конунг шведов Эйрик Победоносный, захватив Данию, был вынужден все же признать христианство и даже креститься. Хотя согласно всем источникам, он был плохим христианином, с этого времени начинается новое становление христианства как все-

общей религии в Швеции, завершившееся при его сыне Олаве Шётконунге, ровеснике и тесте Ярослава Владимировича. Согласно Адаму Бременскому, даже тогда часть шведов оставалась официально язычниками.[1] Крещение Норвегии в сагах представлено деянием двух конунгов: Олава сына Трюггви воспитанника св. Владимира, и Олава Святого, современника Ярослава. В русских источниках заслуга крещения Руси отнесена исключительно к деятельности св. Владимира.

Едва ли появление точных сведений о Руси в сагах продиктовано исключительно совпадением времени повсеместного принятия христианства здесь и в Скандинавии. Такое отношение диктуется происхождением источников. Археология свидетельствует, что скандинавы появились на Руси задолго до Рюрика,[2] еще раньше проникли они на Восточное побережье Балтийского моря и в Финский залив. И житие св. Ансгара,[3] и данные археологии говорят, что первоначально это были шведы и жители Готланда. О шведских королях V–VII вв., совершавших походы по Восточному пути (Аустрвег) на территорию современной Эстонии и Латвии, рассказывается в скандинавских сагах, записанных в конце XII — начале XIII в. В шведской Саге об Инлингах, пересказанной исландцем Снорри Стурлусоном в его знаменитом «Круге земном», и в некоторых других говорится, что владения шведско-датского конунга Ивара Широкие Объятия доходили до границ Гардарики (Руси).[4] А. Смит выдвинул, как представляется, совершенно справедливую гипотезу: Ивар и его потомки владели только землями по обоим берегам датских проливов Каттегат и Скагеррак.[5]

---

[1] *Adami* Gesta Hamburgensis ecclesiae // MGH. Hannoverae, 1846. T. 7.

[2] *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2000. С. 12–37, 100–102.

[3] Vita Anskarii auctore *Rimberto*. Accedit Vita Rimberti. Ed. G. Waitz. Hannover, 1884.

[4] Текст, комментарии и библиографию см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993 (Далее: *Джаксон* 1993). С. 44–72.

[5] *Smyth A. P.* Scandinavian Kings in the British Isles. 850–880. Oxford, 1977. P. 17–25; *Милютенко Н. И.* «Гардская» версия происхождения Рагнара Кожаные Штаны (Сага о Скъёльдунгах) // Ладога и эпоха викингов. СПб., 1998. С. 30–33.

Это совсем не так много, как говорится в сагах, но каждый, кто хотел пройти из Норвегии и Дании в Восточную Прибалтику, неминуемо попадал в «широкие объятия» Ивара.

Материалы раскопок в Старой Ладоге под Петербургом и в Бирке близ современного Стокгольма показали, что эти два протогородских поселения в IX–X вв. связывали интенсивные торговые отношения.[1] Одними из постоянных торговых контрагентов протогородских поселений внутренних областей Восточной Европы, судя по кладам арабских монет, были не только жители скандинавских виков (торговых поселений), но и, как отмечает Т. Нунан, поморские славяне южного берега Балтики.[2] Это неудивительно, так как основным предметом экспорта в Арабский халифат в VIII–X вв. был живой товар — рабы и рабыни, а пиратством на Балтийском море промышляли все, в том числе славяне и эсты. Согласно Саге о Хёрвар и Хейдреке, короли Бирки принадлежали к потомкам Ивара Широкие Объятия.[3] Они успешно контролировали восточную торговлю вплоть до IX в. Датчанам приходилось довольствоваться тем серебром, которое поступало к ним через Бирку и западных славян.

С таким положением дел можно было мириться до 830-х гг., когда начался кризис в поступлении серебряной монеты из стран Арабского халифата. В житии св. Ансгара рассказывается о разгоревшейся в середине IX в. борьбе за Аустрвег (Восточный путь). Шведский король Анунд, лишившись власти, заключил союз с датчанами и повел их походом на Бирку. В житии рассказывается, как после обращения язычников-шведов за помощью к Христу, по Божьей воле Анунд не только помирился со своими соотечественниками, но и даже вернул полученный с горожан, надо сказать, весьма скромный, выкуп.

---

[1] *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 25–75; Смоленск и Гнездово. М., 1991; *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Древняя столица Руси. Изд. 2-е. СПб., 2003; *Рябинин Е. А.* У истоков Северной Руси. СПб., 2003.

[2] *Noonan T. S.* Why the Vikings First Came to Russia//Jahrbüher für Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. P. 340–343.

[3] *Шаровольский И.* Сказание о мече Тюрфинге. Киев, 1906. Т. 1. С. 75–76.

Божья воля направила датских викингов, жаждавших удачным грабежом поправить свои дела, на некий далекий город в земле славян. Поход был удачен: «город их силой оружия взяли, и с захваченными у них военной добычей и сокровищами возвратились к себе». Относительно направления похода здесь предполагается Волин или Новгород.[1] Первое маловероятно, второе — неверно. Волин (устье Одера) характеризуется смешанной славяно-скандинавской культурой, почему его и отождествляют с Йомсборгом саг — славянской Юмой, описанной у Адама Бременского (XI в.). Но йомсвикинги были самыми отчаянными воинами и пиратами на Балтике, и едва ли их можно назвать «спокойными и безопасными». Новгородское (Рюриково) городище над Ильменем, предшествующее Новгороду, возникает только в 860-е гг.[2] Кроме того, чтобы добраться до него, нужно было пройти мимо Ладоги. Лишенная укреплений, она представляла собой самую легкую и богатую добычу.[3] А. Н. Кирпичников датировал поход 852 г. (в житии нет дат). В современных шведских исследованиях нападение на Бирку относят к 840 г.,[4] тогда же должно было состояться и нападение на Ладогу.

С середины IX в. в урочище Плакун напротив Ладожской крепости начинает формироваться скандинавский курганный могильник. Хотя среди обитателей Ладоги VIII — первой половины IX в. было немало этнических скандинавов (это видно по находкам в жилищах, по строительной традиции ряда домов), в погребальном обряде это не проявлялось. Впрочем, в Ладоге не было и специфически славянских или финских погребений: сопочная традиция, распространенная в Приладожье, не имеет конкретных этнических аналогий. Особенность Плакуна — появление этнически определенных захоронений,

---

[1] Vita Anskarii. Cap. XIX; Boken om Ansgar. Stockholm, 1986. S. 96, not. 250; S. 95, not. 231.

[2] *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 191–199.

[3] *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв.//Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 48.

[4] Boken om Ansgar. S. 95, not. 231.

при этом наиболее характерные случаи демонстрируют следование датскому погребальному обряду.[1] Раскопками А. Н. Кирпичникова на ладожской окраине второй половины IX в., на склоне, выходящем к древнему берегу речки Ладожки, были открыты разделенные канавками одинаковые участки земли, похожие на городские наделы в датском вике Рибе.[2] Ученый предположил, что эти факты свидетельствуют о призвании Рюрика с братьями из Дании в 860-е гг., но вероятнее, что это последствия похода 840 г., когда в Ладоге осела группа датских викингов.

В так называемых сагах о древних временах, действие которых, как правило, относится к эпохе Великого переселения народов, упоминаются различные конунги Гардов или Гардарики, как скандинавы называли Русь. Однако их современниками зачастую оказываются Брюнхильд дочь Будли (Брунгильда «Песни о Нибелунгах») или Фроди Миротворец сын Фридлейва,[3] который, по убеждению авторов XIII в., жил во времена Иисуса Христа.[4] Естественно, искать здесь соответствие с какими-то реальными персонажами русской истории бессмысленно.

Исключением, может быть, является тот вариант генеалогии знаменитого датского викинга Рагнара Лодброка, где его прадедом на-

---

[1] *Петренко В. П.* Погребальный обряд населения Северной Руси. СПб., 1994; *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги // КСИА, 1971. Вып. 125. С. 59–64; *Носов Е. Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. С. 147–155; *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Там же. С. 156–169; *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и новгородские земли. Новгород, 1996. С. 52–60.

[2] *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Указ. соч. С. 79–83.

[3] *Глазырина Г. В.* Викингские саги о северной Руси. М., 1996. С. 52–53.

[4] Младшая Эдда. Л., 1970. С. 142; *Saxo Grammaticus*. Gesta Danorum. Strassburg, 1886. Lib. VI (о времени правления Фроде: «В это самое время Податель всеобщего спасения приходит в мир, чтобы спасти смертных, и претерпевает облачение в смертные одеяния, когда страны, потушив пожарища войн, пользуются самым ясным покоем и миром»).

зван конунг Радбард из Гардов (иногда Хольмгарда — Новгорода). Это один из путей, которыми средневековые авторы связывали Рагнара со знаменитым Иваром Широкие Объятия. В этом варианте его дочь Ауд, овдовев, против воли отца вышла замуж за Радбарда. Ивар погнался за дочерью и погиб где-то в «Карельских заливах». Сыном Радбарда и Ауд был Рандвер. От первого мужа конунга Хрёрека Датского у нее был сын Харальд Зуб Битвы. Радбард назван предком Рагнара в «Изборе о древнейших конунгах», он упомянут (без указания на правление в Гардах) в «Песне о Хюндле» из Старшей Эдды, а также в «Обзоре саг о датских конунгах».[1] Сага о Бравельском бое, сохранившаяся в составе «Избора о древнейших конунгах», рассказывает о войне между Харальдом и его племянником Хрингом, сыном Рандвера. Побеждает Хринг, он и становится владетелем Дании и Швеции, а на самом деле — земель по берегам Каттегата.

Последняя сохранившаяся глава Избора уже представляет собой компиляцию рассказа о Бравельском бое, в котором действует конунг Хринг, с рассказом о происхождении Рагнара Лодброка, где действует его отец Сигурд Хринг. «Hringr» (Кольцо) из имени собственного превращается в прозвище Сигурда, отца Рагнара Лодброка. Связь явно искусственная, но Ивар Широкие Объятия, который, как полагают, погиб около 750 г., мог быть прадедом Рагнара. Сам Лодброк не упоминается в исторических источниках, но его сыновья известны по франкским анналам с середины IX в. вплоть до конца 870-х гг. При этом ни разу их отец не назван по имени Рагнаром, что и заставило Р. Мак-Турка предположить, что Рагнар не имеет никакого отношения к Лодброку.[2]

В генеалогии шведских конунгов из Саги о Хёрвар и Хейдреке у дочери Ивара и имя другое (Альвхильд), и муж один (датский конунг

---

[1] Sǫgubrot af nǫccorum Fornkonungum//Islenzk fornit. Reykjavik, 1982. P. 52–53; Песня о Хюндле//Старшая Эдда. М., 1975. С. 305; Обзор саг о датских конунгах см.: *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (сер. XI — сер. XIII в.). М., 2000. С. 247–248.

[2] *Mc Turk R.* Studies in Ragnars Saga Loðbrokar. Oxford, 1991. В его интерпретации это Лодброка, мать конунгов.

Вальдар), а не два.[1] Датский историк Саксон Грамматик (1140–1208) совершенно отделил исторического Рагнара от легендарных предков, хотя и приписал ему все фантастические подвиги. О нем и его сыновьях историк пишет в IX книге, а о событиях, относящихся к эпохе Радбарда, рассказывает в VII–VIII книгах. Сам Радбард Гардский упоминается лишь вскользь, а противники в Бравельском бою — Харальд и его племянник шведский конунг Хринг — не являются потомками Ивара Широкие Объятия. Саксон вовсе игнорирует его существование. Харальд Зуб Битвы и его сестра, мать Хринга, связаны у него с датским королевским домом через свою мать Гюрит. Она дочь Альва, последнего короля Дании, а ее муж Хальвдан вообще не королевского рода.[2] Впрочем, в биографии Хальвдана тоже есть «гардский» эпизод: он участвует в войне шведского короля Альвера с рутенами (русскими) на стороне последних. В изложении Саксона, дочь Хальвдана была выдана своим братом замуж за Ингъяльда, сына Альвера Шведского, от этого брака и родился Хринг. По Саге об Инглингах, так, как ее пересказывает Снорри Стурлусон, Ингъяльд Коварный, сын Энунда, был конунгом шведской Уппсалы и врагом конунгов Сканей (совр. Сконе) Гудрёда и Хальвдана, отца Ивара Широкие Объятия. Вначале он подчинил себе всю Швецию, но в конце концов погиб в войне с Иваром, мстившим за убийство отца и дяди.[3]

Так как все шведские саги, и даже датские (за исключением обширного труда Саксона и Саги о Кнютлингах) дошли до нас в основном в исландской передаче, то естественно, что достоверные сведения о Руси появляются в них только тогда, когда сами норвежцы начинают служить у русских князей. Судя по всему, это происходит только в последние годы правления Святослава, а в основном при его сыновьях.[4]

---

[1] *Шаровольский И.* Указ. соч. С. 75–76.

[2] *Saxo Grammaticus.* Op. cit. Lib. VII.

[3] *Снорри Стурлусон.* Круг земной. Л., 1980. 2-е изд. М., 1995. С. 29–33.

[4] *Мельникова Е. А.* Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX–XIII вв.)/ /ДГ за 1987 г. М., 1989. С. 260–268.

2. Олав сын Трюггви

В русских источниках об участии варягов в распространении христианства на Руси говорится довольно много. Это прежде всего рассказ о варягах-мучениках, помещенный в статье 6491 (983) г. В рассказе о клятве при заключении договора 944 г. также рассказывается о варягах-христианах. Из летописного рассказа следует, что христианство они принимали во время службы в Византии. Возвращаясь на Русь, они по-прежнему исповедовали свою веру, хотя иногда это было связано с трудностями и риском для жизни.

В некоторых редакциях Саги об Олаве сыне Трюггви рассказывается о его участии в крещении Руси. Олав был первым конунгом Норвегии, который пытался христианизировать свою страну. Были попытки причислить его к лику святых, но они так и не увенчались успехом.

Канва жизни Олава (за исключением его участия в крещении Руси) излагается одинаково во всех сагах. Он был сыном мелкого местного конунга Трюггви и родился приблизительно в 969 г. После убийства его отца мать Олава Астрид решила бежать к своему брату Сигурду, который тогда служил конунгу Вальдемару в Гардарики. По дороге они попали в плен к пиратам-эстам и были проданы в рабство. Через некоторое время Сигурд приехал в Эстланд собирать подати для Хольмгарда (Новгорода), увидел Олава и, расспросив, узнал в нем своего племянника. Он привез его в Хольмгард, но никому не рассказывал, кто это. Это выяснилось после того, как он отомстил за воспитателя своей матери Торольва Вшивая Борода — убил эста на торгу в Хольмгарде. Затем он сражался за Вальдемара-конунга и сам пиратствовал на Балтике. Во время одного из походов Олав случайно попал в Виндланд (или Вендланд, землю поморских славян). Там он женился на дочери конунга Буриславa, но после ее смерти отправился в Англию.

По общему мнению всех средневековых историков, Олав крестился на островах Сюллингах (совр. о. Силли к западу от южной оконечности Великобритании). Потом Олав вернулся в Норвегию, захватил власть и начал крещение страны. Но вскоре он столкнулся с датским

конунгом Свеном Вилобородым, так как против его воли женился на его сестре Тюри. В морской битве при Свельде, где с одной стороны был Олав, а с другой конунг Дании Свен Вилобородый со своим пасынком Олавом Шведским, конунг Норвегии был разбит. Его тело не нашли, и ходили слухи, что он остался жив.[1]

Согласно хронологии Исландских анналов, которая считается более или менее точной, так как основывается на выкладках историков XII в., основные даты жизни Олава располагаются между 969 и 1000 гг. Он попал в рабство в 971 г., был привезен ко двору Вальдемара в 977 или 978 г., уехал из Гардарики в 986 или 987 г., а крестился в 993 г. В 995 г. он вернулся в Норвегию, а погиб в 1000 г. Эта дата была установлена Ари Мудрым в его «Книге об исландцах», написанной в 1122–1133 гг.[2] Олав был очень популярным героем и сверх того первым крестителем Норвегии. Это обусловило появление в преданиях о нем христианских мотивов.

Существует несколько саг об Олаве сыне Трюггви, но самые старшие тексты — это латиноязычные «Historia Norvegiae» и «Historia de antiquitate regnum Norwagiensium» монаха Теодорика. Обе были написаны во второй половине XII в. При всей краткости они упоминают о том, что Олав воспитывался на Руси, а потом пиратствовал на Балтике, во Фрисландии и во Фландрии на Северном море, а затем в Англии, где он и крестился на островах Силли. В конце XII в. были написаны на латыни два жизнеописания, включившие богатый материал устных сказаний. Оба появились в Тингейрарской обители бенедиктинцев в Исландии. Сочинение Одда сына Снорри, написанное около 1190 г., сохранилось полностью в исландском переводе (в трех редакциях). Житие Гуннлауга сына Лейва (до 1200 г.) дошло только во фрагментах в составе Большой саги об Олаве сыне Трюггви.[3] Монах Одд единственный сообщает об участии Олава в крещении Руси. В Большую сагу эта история попала из его сочинения. Во всех прочих сагах, в том числе в «Круге земном» Снорри Стурлусона, об этом не говорится.

---

[1] *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 97–167.

[2] *Джаксон* 1993. С. 119

[3] Там же. С. 9–21, 32–43, 117–119, 122–123, 219–223.

Все исследователи в той или иной мере склоняются к мысли, что участие скандинавского конунга в крещении Руси — вымысел, призванный возвеличить Олава.[1] Однако в последнее время Р. Хагланд указал, что в саге монаха Одда соединены две версии просвещения Норвегии, которые реально существовали в его эпоху и отражали политические реалии.[2] Рассмотрим подробнее место рассказа об Олаве-просветителе в саге монаха Одда, а также вопрос, почему Снорри изъял эту линию, но оставил другую — об участии Олава в крещении Дании. Если первая полностью укладывается в хронологию крещения Руси, то вторая противоречит достоверным сведениям о крещении Дании.

Бросается в глаза то, что история участия Олава в крещении Руси противоречит всему остальному повествованию, и чтобы вставить ее в сагу, Одду пришлось прибегнуть к ряду искусственных приемов. Точно так же он поступил и с мотивом крещения Дании. Снорри решил сходную задачу по-другому. Рассмотрим ход повествования монаха Одда от рождения Олава до возвращения в Норвегию христианином.

Саги не знают конунгов Гардов до Вальдемара, и даже он появляется в истории без отчества. У Одда есть рассказ о его матери, которая представлена дряхлой старухой-пророчицей. Одд вводит ее в повествование, чтобы показать исключительность своего героя с самого рождения. Мать Вальдемара предсказывает общее течение жизни некоего «сына конунга в Нореге», не упоминая о его будущей роли крестителя многих стран. Это понятно, так как она язычница.

Все саги, в том числе и латиноязычные авторы, рассказывают, что после убийства своего отца конунга Трюггви Олав вместе с матерью и ее воспитателем бежал из Норвегии, попал в плен к пиратам-эстам и был выкуплен своим родичем (об этом моменте не упоминает только монах Теодорик). Согласно сагам, его звали Сигурд, он был бра-

---

[1] Обзор точек зрения см.: *Джаксон* 1993. С. 206–208.

[2] *Hagland J. R.* The Christianisation of Norway and Possible Influences from the Eastern Churches // Paleobulgarica (Старобългаристика). 1996. Т. 20. С. 3–19; *Хагланд Я. Р.* Христианизация Норвегии и возможные влияния восточных Церквей // ДГ за 2002 г. М., 2004. С. 267–268, 270–271.

том матери Олава и собирал дань с эстов для конунга Вальдемара. При его дворе в Хольмгарде Олав и воспитывался.[1] Изгнаннику покровительствовала конунгова жена Аллогия. В этом образе видят отражение преданий о княгине Ольге или Рогнед, жене Владимира, или вообще литературный мотив.[2] Представляется, что все это одинаково неверно. Имена Ольги и Рогнед скандинавские: Helga и Ragnhildr. В XII в. они просто не могли превратиться в непонятную Allogia. Если верить хронологии Ари Мудрого, то Олав попал из страны эстов на Русь в 977 г. Именно тогда Владимир ушел в поход на Полоцк, и, конечно, его первая жена, «Чехиня» русских летописей, не участвовала в свадьбе со второй женой. У нее был сын Вышеслав, первенец Владимира, который после крещения стал новгородским князем. Вероятно, его мать и после захвата Киева оставалась в Новгороде. Тогда становятся понятными и рассказы саг о том, что у Аллогии была своя дружина. После захвата Киева в Новгород в качестве посадника был отправлен Добрыня, но княгиня, как мать старшего сына, могла пользоваться известной самостоятельностью.

Согласно сагам, Олав, остававшийся в Хольмгарде, во главе своей дружины воевал по разным землям. Однажды во время шторма он попал в Виндланд, как называли скандинавы земли поморских славян. Согласно латиноязычной «Истории Норвегии», центром его пиратских вылазок стал город Jome, Юмна Адама Бременского, Йомсборг скандинавских саг.[3] Все саги говорят, что он женился на Гейре, дочери конунга вендов Буриславa. В нем иногда видят польского князя Мешко († 992 г.), отца Болеслава Храброго (992–1025).[4] Но этот брак был невозможен, если Олав еще был язычником. В сагах рассказывается, что сестра Гейры была замужем за датским конунгом Свеном Вилобородым. О его браке с сестрой Болеслава пишет

[1] *Хагланд Я. Р.* Указ. соч. С. 188–194; публикация текста указана здесь же.

[2] Обзор точек зрения см.: *Джаксон* 1993. С. 185–187, 199, 201–202.

[3] Historia Norvegiae//Monumenta historica Norvegica. Kristiania, 1880. P. 110–119; *Джаксон* 1993. С. 220–221.

[4] *Снорри Стурлусон.* Указ. соч. С. 644, прим. 32. См. также: *Джаксон* 1993. С. 205.

современник Титмар Мерзебургский.[1] Свен отказался от христианства после того, как сверг отца, но вскоре его земли были захвачены шведским конунгом Эйриком Победоносным. Вернуться он смог только после его смерти, и с тех пор оставался христианином.

Согласно монаху Одду и монаху Теодорику, во время набега на Данию Олав чуть не попал в плен. Одд пишет, что ему явилось видение креста, а Теодорик сообщает, что он дал обещание креститься, если спасется.[2] С этого места монах Одд расходится со всеми остальными источниками. У него набег на Данию происходит после смерти Гейры, когда Олав уже принял решение ехать назад на Русь. Счастливо избегнув плена и смерти, он возвращается к Вальдемару. Выше Одд писал, что Олав никогда не приносил жертв и не верил в идолов. По возвращении на Русь ему явился во сне сам Иисус Христос, который велел конунгу ехать в Грикланд (Грецию), где он узнает истинного Бога. Олав это выполнил, познакомился с верующими людьми и принял от одного епископа prima signatio — оглашение в практике Восточной церкви. Затем он вернулся на Русь, проповедовал истинного Бога конунгу и Аллогии, в результате чего все крестились. В редакции Б (S) саги Одда и в Большой саге об Олаве сыне Трюгги, где были использованы произведения и монаха Одда, и монаха Гуннлауга, названо имя епископа — Палл (Павел).[3] Согласно Исландским анналам, Олав покинул Русь в 986 г. Владимир крестился в 987 г., самое позднее, в январе 988 г. Следовательно, Олав вполне мог участвовать в религиозном посольстве в Константинополь, описанном в летописях и в византийском «Точном рассказе, как крестился русский народ» (см.: Гл. 4. 2–3). Существует и другое предположение. Он был в числе варягов, отправленных в помощь Василию II и принимал участие в боевых действиях в Малой Азии в 988–989 гг.[4]

---

[1] *Thietmari* Chronicon. Lib. VII. Cap. 28.

[2] *Theodorici monachi* Historia de antiquitate regnum Norvagiensium // Monumenta... P. 13–24; Det Arnamagnænske Haandskrift 310 quarto. Saga Olafs konungs Tryggvasonar er ritaði Oddr munkr / P. Groth. Christiania, 1895 (Далее: Saga Olafs...). P. 18–19.

[3] *Джаксон* 1993. С. 148, 180–182.

[4] *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Вос-

Читатель ожидает, что и Олав крестится вместе со всей Русью, но нет, о его крещении на Сюллингах Одд сообщает без всякого перехода в следующей главке.[1] Известие о prima signatio было вставлено в рассказ монахом Оддом, исключительно чтобы совместить две взаимоисключающие версии — о крещении Олава в Греции и о крещении Олава на островах Сюллингах в Англии.

На этом история Олава-крестителя у монаха Одда не кончается. Согласно всем сагам, в Англии Олав принял имя Али Гардского (Русского), чтобы до него не добрались враги. Крестившись на Сюллингах, Али Гардский вместе со своим другом Сигурдом-ярлом отправляется помогать императору Оттону I крестить Данию. Здесь он успешно сражается против конунга Харальда Синезубого и его союзника, Хладирского ярла Хакона. Это полностью не соответствует действительности, но винить Одда в сознательном искажении не приходится. Правление Харальда определяли и определяют по его современнику, Бременскому архиепископу Адальдагу (937–988). В его диоцез входили все скандинавские страны. За время его пятидесятилетнего святительства сменились императоры Оттон I (король с 936 г., император в 962–973 гг.), Оттон II (973–983) и Оттон III (983–1002). Конунга Харальда, его жену Гунхильд и сына Свена заставил креститься Оттон I после победы, одержанной над датчанами около 960 г. В 974 г. после его смерти Харальд попытался освободиться от вассальной зависимости, но был разбит Оттоном II. Олав, родившийся около 969 г., физически не мог принять участие ни в одном из этих походов.

Скальд Эйнар Звон Весов, сочинивший о Хаконе, Хладирском ярле, песню «Недостаток золота», описывает его участие в обороне Датского вала от саксов. Судя по всему, это было при Оттоне II. В песне о конунге Олаве сыне Трюггви его придворный скальд Халльфред описывает бои своего конунга на Балтийском и Северном морях и в Дании.[2] Одд, конечно, знал обе знаменитые песни и на их основании сделал Олава участником похода германского императора и креще-

точной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 80–81.

[1] *Джаксон* 1993. С. 138–139; Saga Olafs... P. 19–21.

[2] *Снорри Стурлусон*. Указ. соч. С. 112–115.

ния Дании. Этот рассказ без изменений был перенесен в Сагу о йомсвикингах.[1] Снорри, который постоянно цитирует Эйнара и Халльфреда, также включил датский эпизод в свой текст, но перенес его во времена жизни Олава в Вендланде. Это не исправляет хронологических ошибок, о существовании которых Снорри не подозревал, но сильно ослабляет христианский пафос Одда. Ведь Снорри не отрицает, что Олав в это время еще был язычником.

Несмотря на предосторожности Олава, ярл Хакон, захвативший тогда власть в Норвегии, прослышал о знаменитом Али Гардском. Он стал подозревать, что это не кто иной, как Олав сын Трюггви, в детстве бежавший на Русь и имеющий все права на власть в Норвегии. Он посылает Торира Клакку в Энгланд (Англию), чтобы тот обманом завлек Олава в Норвегию. Торир выполнил поручение, но ничего хорошего из этой затеи для Хакона не получилось: он проиграл битву восставшим бондам, бежал с поля боя и был убит своим собственным рабом.

Изложение Одда отличается от всех остальных саг: Торир прибыл в Энгланд, но Олава не нашел, так как тот уехал на Русь. О том, что он ехал в Норвегию из Англии через Русь, сообщает также исландская Сага о крещении.[2] У Одда это уже второе возвращение Олава к Вальдемару, ничем не мотивированное в тексте. Смысл этого странного маневра становится понятным из дальнейшего изложения, а особенно из редакторских дополнений в первоначальный текст. Одд сообщает, что укрепившись в Норвегии и решив крестить всю страну, Олав поплыл в Англию за священниками и епископом Иоанном. Остальные саги, описывая крещение Норвегии, не говорят, откуда были священники и епископ. Подразумевается, что Олав привез их из Англии или Ирландии. Так как у Одда конунг едет из Руси, то логично думать, что и священники были греческие. Чтобы избежать противоречий с общепринятой точкой зрения, агиографу пришлось отправить Олава в Англию по второму разу. В редакции Б (S) пред-

[1] Saga Olafs... Comm. P. 125–126.

[2] *Джаксон* 1993. С. 140; Saga Olafs... P. 32–35; Kristni-saga//Altnordische Saga-bibliotek. Halle, 1905. Bd. 11. P. 16; рус. перев. фрагмента см.: *Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В.* Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 102–104.

лагается другое объяснение того, почему священники приехавшего из Руси Олава оказываются ирландцами. Там сказано, что он привез их в Гарды для крещения Вальдемара-конунга, и только епископ Палл был из Грикланда (Греции). Тем не менее вторая поездка в Англию сохранена,[1] следовательно, она была в оригинальном тексте Одда.

Рассказ об участии Олава сына Трюггви в крещении Руси не был придуман монахом Оддом. Он знал его в целом виде и вставил в свое житие. В основу своего произведения он положил сагу, которая очень мало отличалась от той, на которую опирался, например, Снорри. Она кардинально расходилась с русским источником Одда, и ему с большим трудом удалось совместить оба рассказа. Два возвращения на Русь, возвращение в Англию из Норвегии появились в результате этих попыток. Для того, чтобы согласовать участие своего героя в крещении Руси с постулируемым во всех сагах крещением на Сюллингах, Одд придумал оглашение Олава в Греции.

Вероятно, в «русской» саге вообще не говорилось о жизни Олава в Англии и Ирландии. Пожив на Руси, попиратствовав на Балтике, он принимал крещение из Византии вместе со всем двором Владимира. Затем он возвращался в Норвегию вместе с греческими клириками и приступал к обращению страны. Этот текст был неудобен, во-первых, тем, что промежуток времени между крещением около 986 г. и возвращением в Норвегию в 995 г. ничем не был занят. Во-вторых, согласно живой традиции Норвежской церкви, священники были привезены из Англии или Ирландии. Это было логично, так как английский язык того времени отличался от прочих скандинавских на уровне диалекта. Но Одд, невзирая на все противоречия, не хотел жертвовать сюжетом, где Олав представал в очередной раз в роли крестителя и просветителя. Видимая искусственность построений агиографа и отсутствие упоминаний об этих событиях в скальдических стихах заставили Снорри вовсе отказаться от этого сюжета. Следует сказать, что о просветительской деятельности Олава скальды вообще не упоминают. Однако строфы Халльфреда о сражениях Олава с саксами и данами показались Снорри достаточным аргументом, чтобы оставить совершенно фантастический датский эпизод из сочинения Одда.

[1] Saga Olafs... P. 45–46, comm. p. 129; *Джаксон* 1993. С. 148.

В исландскую Сагу о крещении упоминание о возвращении Олава в Норвегию через Русь, несомненно, попало из варяжского источника. Сага завершается описанием путешествия одного из активных участников крещения Исландии, Торвальда сына Кодрана, в Иерусалим. Он возвращался через Византию и Русь, умер в Полоцке и был похоронен у церкви Иоанна Крестителя над рекой. В тексте сообщается, что его почитали святым. Так как поблизости и в XII в. жило немало скандинавов, это представляется вполне возможным.[1] Е. А. Рыдзевская полагала, что и в этой саге, и в сочинении Одда, русские эпизоды — плод вымысла исландских авторов, которые знали о том, что христианство пришло на Русь из Византии.[2]

Анализ истории крещения Олава, сына Трюггви, показывает, что существовали разные рассказы о том, как он обратился в христианство. В одном говорилось, что он узнал о нем в Англии или Ирландии и крестился на островах Сюллингах. В наиболее цельном виде он отразился у Снорри, но его знал и хронист Адам Бременский, посетивший в 1070-е гг. датского короля Свена Эстридсена.[3] Монах Одд и монах Теодорик совмещают рассказ о Божественном видении или внушении в Дании с крещением на Сюллингах. В исландской Саге о крещении говорится, что Олаву в Дании проповедовал священник Тангбранд, посланный Бременским архиепископом (его имя названо неверно, Адальберт вместо Адальдага или Либентия). Однако в этой саге, как и в прочих, Олав крестился на Сюллингах.[4]

По другой версии, сохранившейся у Одда в полном виде, а частично и в исландской Саге о крещении, он принял истинную веру от Византии на Руси. При включении в первое повествование, Одд совместил этот рассказ с известием о Сюллингах.

---

[1] *Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В.* Указ. соч. С. 102–104; *Глазырина Г. В.* О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Руси в X в. // ДГ за 2002 г. М., 2004. С. 78–94.

[2] *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне // ТОДРЛ. 1935. Т. 2. С. 5–20; *Она же.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // *Она же.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 198, 210–212.

[3] *Adami Bremensis* Op. cit. Lib. II. Cap. 34–35, 37. P. 319–320.

[4] Kristni-saga. P. 14–15.

Гибель Олава также была окутана тайной: его тело не нашли, и существовало предание, что он спасся и какое-то время жил на Руси. Оно зафиксировано в редакции U саги монаха Одда, но возможно, не принадлежит ему. Сага о крещении знает и это предание. В ней написано, что Олав «пропал» или «исчез», а не погиб.[1] Вероятно, автор Саги о крещении познакомился с «русским» рассказом самостоятельно, а не в составе произведения монаха Одда. Это говорит о том, что у русских варягов и в XII в. были свои предания о знаменитых людях и достославных событиях, часть которых становилась известной в Скандинавии и Исландии.

3. Бьёрн-исландец на службе у князя Владимира

Е. А. Рыдзевская перевела фрагмент Саги о Бьёрне, в котором рассказывается о его службе князю Владимиру.[2] Бьёрн был вынужден уехать из Исландии. Он примкнул к ярлу Эйрику, сыну того Хакона, который погиб в борьбе с Олавом сыном Трюггви. После гибели самого Олава в 1000 г. в битве при Свельде, где Эйрик тоже принимал участие, он с братом Свейном разделил Норвегию и стал править. Дело происходит после 1000 г., а точнее, в 1008–1010 гг. Бьёрн отпросился у ярла Эйрика сына Хакона ехать к Вальдемару.

Во время его пребывания у конунга Гардарики пришла рать, возглавляемая родичем Вальдемара Кальдимаром. Мирные переговоры кончаются ничем, хотя Вальдемар предлагает родичу половину земли. Но Кальдимар хочет получить все и предлагает поединок. Вальдемар не охотник до поединков и решает вести войну против своего родича. Когда они пришли на поле боя, опять встал вопрос о поединке, но желающих среди дружинников князя не нашлось. Тогда вызвался Бьёрн. Он убил Кальдимара, но сам был так тяжело ранен, что

---

[1] *Джаксон* 1993. С. 150–151; *Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В.* Указ. соч. С. 102.

[2] *Рыдзевская Е. А.* «Россика» в исландских сагах // *Она же.* Указ. соч. С. 75–76; текст см.: Bjarnar saga Hitdœlakappa / R. C. Boer. Halle, 1893.

его нельзя было перевозить, и пришлось поставить шатер прямо над тем местом, где он упал раненый.

Бьёрн выздоровел и был щедро награжден Вальдемаром. Ему также досталось все боевое снаряжение Кальдимара и его замечательный меч Меринг. Через три года Бьёрн уехал назад в Норвегию, а оттуда в Исландию.

Исследователи обращали внимание на искусственность имени Кальдимар, явно образованного от «Вальдимар» переменой одной согласной. Обычно эти события сближали с историей борьбы Владимира за власть с Ярополком, но тогда не было никакого поединка.[1] Варяги просто убили его в зале каменного терема.

Е. А. Рыдзевская сопоставляет этот рассказ с былинами и особенно с летописной статьей 6500 (992) г. из «Повести временных лет», где говорится о юноше-кожемяке, одолевшем печенега. Во всех случаях бояре и дружинники князя отказываются идти за него на поединок, а вызывается безвестный человек. Исследовательница отмечает широкое распространение этого мотива в героических преданиях всех народов. Один из первых зафиксированных в мировой литературе случаев — библейский бой Давида с Голиафом. По ее мнению, в Саге о Бьёрне сконтаминированы различные мотивы, приблизительно отражающие междукняжеские усобицы после смерти Святослава и после кончины Владимира. На самом деле в саге за банальным литературным мотивом, нежеланием дружины бороться за своего князя, скрывается воспоминание о серьезных конфликтах в близком окружении Владимира еще при его жизни. В этом отношении рассказ о Бьёрне интересно сопоставить с выступлением против Владимира его племянника Святополка, которое произошло как раз в период около 1010 г.

Об этом событии пишет только немецкий историк Титмар Мерзебургский, да и то вскользь, задним числом (см.: Гл. 6. 4).[2] В его изложении не названный по имени сын Владимира был женат на дочери

---

[1] Обзор точек зрения см.: *Рыдзевская Е. А.* К вопросу... С. 224–228.

[2] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 60–62, 65–66 и комм. к ним; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 131–132, 139–141 и комм. к ним.

польского князя Болеслава. По наущению тестя он устроил заговор против отца, но Владимир, узнав все, схватил сына, сноху и их советчика, Колобжегского епископа Рейнберна. судьба которого интересует Титмара больше всего. Рейнберн в заключении умер, а судьба остальных сложилась иначе. Титмар не называет имени мужа Болеславны, а в русских летописях не говорится ничего о жене Святополка. Но в 1018 г. именно Болеслав Польский был его союзником в борьбе с Ярославом Владимировичем, следовательно, именно он стал его зятем. Сам Титмар, рассказывая очень подробно о походе Болеслава на Русь в 1018 г., называет имя Святополка, которого польский князь посадил в Киеве. Однако он никак не ассоциирует его с сыном Владимира и зятем польского князя.

На самом деле Святополк был сыном Ярополка. На вдове старшего брата, убитого по его приказу, Владимир женился, тем самым усыновив неродившегося племянника. В 1015 г. после смерти Владимира Святополк уже открыто провозгласил себя сыном Ярополка, и именно это ввело Титмара в заблуждение. В декабре 1018 г. он умер, не успев довести правку текста до конца.

Эта двойственность происхождения, сын-племянник, отразилась и в Саге о Бьёрне, где загадочный Кальдимар именуется просто «родич». Святополк был туровским князем, владевшим Древлянской землей и дреговичами, а возможно и Волынью. Это была очень большая территория, хотя и не половина княжества. Титмар не объясняет, что было целью зятя Болеслава. В действительности это был сын Ярополка, и он явно хотел вернуть Киевское княжение, отнятое у его убитого отца. Титмар не пишет о военном столкновении. Согласно саге, обошлось без битвы, потому что нашелся боец для поединка. В реальности его, конечно, не было, хотя стычка во время захвата Святополка вполне могла произойти. Можно допустить и то, что и сам Святополк, и один из варягов Владимира были при этом тяжело ранены. Под пером автора саги, писавшего в начале XIII в., этот эпизод превратился в настоящий рыцарский поединок с передачей доспехов и оружия побежденного победителю.

Заключение

Когда князь Владимир был причислен к лику святых

Н. И. Серебрянский первым отметил, что в византийской традиции X–XIII вв. не было такой процедуры канонизации, которая в совершенно развитом виде появляется в эпоху соборов, проведенных митрополитом Макарием в 1547 и 1549 гг.[1] По этому вопросу он полемизировал с М. Д. Приселковым, считавшим, что санкция Константинопольского патриарха была совершенно необходима. Он полагал, что Ярослав готовил канонизацию своего отца, но в ней ему отказали в Византии.[2]

В. Водов указал на ошибочность мнения Е. Е. Голубинского о канонизации Владимира после победы Александра Невского над шведами 15 июля 1240 г.[3] Он также выделил общую особенность «варварской Европы»: ни один из государей-крестителей, начиная с франка Хлодвига (481–511), не был причислен к лику святых. Исклю-

---

[1] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 56–58.

[2] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 68–70, 99–115.

[3] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 63–64; *Толочко П. П.* Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Київ, 1996. С. 99–106.

чение составляют Олав Норвежский (1015–1030) и Стефан (997–1028), первый король Венгрии. Но Олав был еще и королем-мучеником. Стефан же на самом деле был крещен ребенком своим отцом Гейзой и, по преданию, св. Войтехом-Адальбертом. Именно Гейза, в крещении тоже Стефан, окончательно установил христианство в Венгрии. Канонизация его сына была вызвана политическими причинами. Культ святого государя в средневековой Европе до XII в. — это культ государя-мученика.[1] Ситуация, сходная с канонизацией св. Стефана, складывается и в Болгарии в эпоху войн с Русью и с Византией. Нет никаких следов почитания святым Бориса-Михаила, при котором крестилась Болгария. Служба его внуку Петру, последнему независимому царю, появилась вскоре после его смерти, вероятно, при царе Самуиле.[2] Сам Петр — фигура безусловно трагическая, что могло тоже сыграть роль в становлении его почитания.

Во всех странах, кроме Руси и Норвегии (где канонизованы свв. Владимир и Олав), в качестве крестителей почитают известных подвижников или учителей Церкви, даже если они не имеют отношения к просвещению данной страны. В. Водов отметил культ св. Войтеха-Адальберта в Польше. Он был изгнан из Чехии, крещенной еще во времена св. Мефодия, и прибыл ко двору Болеслава Польского, сына первого князя-христианина Мешко и чешской княжны Дубровки. Св. Войтех был убит язычниками пруссами, Болеслав выкупил его останки и поместил их в соборе в Гнезно, превратив изгнанного Пражского епископа в первого польского святого. Впоследствии его мощи были захвачены чехами и возвращены в Прагу. Еще ярче ситуация в Болгарии: благодаря ученикам свв. Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности почитали как покровителей страны. Уже

[1] *Vodoff V.* Pourquoi le prince Volodimer Svjatoclavich n'a-t-il pas été canonisé? // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / HUS. 1988 / 1989. Vol. XII / XIII. P. 446–451.

[2] *Турилов А. А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // Palaeobulgarica. 1999. № 1. С. 18–22; *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 410–416.

в «Повести временных лет» в рассказе о преложении книг в статье 996 г. фиксируется предание о св. Константине-Кирилле как крестителе Болгарии, хотя ни о чем подобном в житиях свв. братьев не говорится. К этому следует добавить, что отсутствие культа государя-крестителя всегда дополняется культом государя-мученика. Если первый для нас понятен и очевиден, то второй представляет определенную сложность для современного восприятия. Ведь в подавляющем большинстве случаев государь-мученик жертва не язычников, а своих единоверцев, родственников или подданных.[1] Такова же ситуация и на Руси. Уже при жизни Ярослава Владимировича всеобщим церковным почитанием пользовались его братья свв. Борис и Глеб, убитые Святополком Ярополчичем.

В «Слове о законе и благодати» Иларион писал о святости крестителя Руси. О том же очень подробно говорил и Иаков Мних. Н. К. Никольский указал, что в известии о смерти и похвале Владимиру, читающейся в Начальном своде (сохранился в Новгородской 1 летописи младшего извода) и «Повести временных лет», видно почитание князя святым.[2] Первоначальный (краткий) вид текста сохранился в чтении свв. Борису и Глебу из Пролога 1-й редакции. Видимо, так он выглядел в летописании Ярослава (Древнейшем своде). Приведем его по «Повести временных лет»: «И въложиша и въ кърсту мраморяну, и съхраниша тѣло его с плачьмь, блаженаго князя. Сь есть новыи Констянтинъ великаго Рима, иже крьстився самъ, и люди своя крьсти, тако и сь сътвори подобьно ему... Сего бо въ память дьржать

[1] *Folz R.* Zur Frage der heiligen Könige: Heiligkeit und Nachlenben in der Geschichte des burgundischen Königtums // Deutsches Archiv für Mittelalters. 1958. Bd. 14; *Ingham N.* The Sovereign as a Martyr. East and West // Slavic and East European Journal. 1973. Vol. 17. P. 1–17; *Idem.* The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural continuity in the Early Middle Ages // Medieval Russian Culture // California Slavic Studies. 1984. Vol. 12. P. 36–37; *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.

[2] *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей. СПб., 1906. С. 232.

русьтии людие, поминающе святое крещение, и прославляють Бога въ молитвахъ...». В этом тексте Владимир прямо назван «блаженным», т. е. святым. После сравнения с Константином в летописи помещена обширная похвала, где, тем не менее, летописец сетует на отсутствие должного почитания князя. Опять возникает, казалось бы, давно объясненный Иларионом и Иаковом вопрос об отсутствии чудес. Летописец не обращается к Владимиру как к святому, а, наоборот, призывает читателей молиться за него Богу: «Да аще быхомъ имѣли потъщание и мольбы приносили Богу за нь в дьнь преставления его, видя бы Богъ наше тъщание къ нему, прославилъ бы и. Намъ бо достоить за нь Бога молити, понеже тѣмь Бога познали». Прежнее завершение краткой похвалы ныне читается в конце статьи от слов «Сего бо въ память дьржать русьтии людие...».

С одной стороны, поклонение Владимиру как крестителю Руси представлено у Илариона и Иакова, и это позволяет исследователям говорить о его канонизации в XI в.[1] С другой, уже Нестор в «Чтении свв. Борису и Глебу» (начало 1080-х гг.), подробно описывая крещение Руси и вспоминая о видении, которое сделало Владимира христианином, не называет его святым. Исходя из «Повести временных лет» и ее предшественника, Начального свода, можно сказать, что узаконенного почитания Владимира в конце XI — начале XII в. не существовало. Предположение Б. А. Успенского об упоминании имени Владимира вместе со свв. Борисом и Глебом в берестяной грамоте № 906 — плод недоразумения.[2] Как указывают публикаторы, она содержит ключевые слова литургического отпуста,[3] и, конечно, «отча Василия» значит: «иже во святыхъ отца нашего Василия Великаго, архиепископа Кесарии Каппадокыискыя». Когда служится Литургия Василия Великого (это бывает всего десять раз в год), его имя произносится вместо имени другого отца Церкви и творца Литургии,

[1] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XIV вв.). М., 1986. С. 48.

[2] *Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич//Palaeoslavica. 2002. Vol. X. № 2. P. 274–278.

[3] *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. С. 97–98.

св. Иоанна Златоуста.[1] Эта грамота остается самым ранним памятником письменности (последняя треть XI в.), где сыновья Владимира Борис и Глеб поминаются как святые.

Самые первые свидетельства сложившегося почитания Владимира святым дает нам Пролог. Появление в нем чтения святому или празднику показывает, что он был признан хотя бы в той епархии, где бытовал данный тип менология. Мы подробно рассматривали уже древнейшие списки Проложного жития св. Владимира, которые датируются XIII в. Оно входит в обе редакции Пролога, которые появились не позже последней четверти XII в. (см.: Гл. 3. 3). Проложное житие св. Владимира обнаруживает большую древность. Князь ищет истинную веру по Божественному вдохновению, целью похода на Корсунь, как и в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, является обретение учителей христианства. И чтение свв. Борису и Глебу, и чтение на освящение Десятинной церкви в Прологе 1-й редакции основаны на летописном тексте, предшествующем и Начальному своду, сохранившемуся в Новгородской 1 летописи младшего извода, и «Повести временных лет». Этого не достаточно, чтобы возводить Проложное житие непосредственно к летописанию времен Ярослава Мудрого (Древнейшему своду) или Печерскому своду 1070-х гг. Агиограф мог написать собственный текст, опираясь на источники первой половины — середины XI в., но произошло это не позже третьей четверти XII в. Призыв прославить память «блаженного» Владимира песнями, литургические возгласы «Радуйся!», которыми заканчивается текст, указывают на существование в это время службы.

Древнейшие списки полной службы св. Владимиру датируются серединой — второй половиной XIV в. (РНБ, ОР, Соф. 382,[2] Соф. 386). К тому же времени относится и первая запись стихиры «Придѣте,

[1] *Георгиевский А. И.* Чинопоследование Божественной Литургии. М., 1951. 2-е изд.: Л., 1991. С. 85.

[2] Ранее датировалась XIII в., см.: СК № 454. Исправление датировки см.: СК-2. Прил. 1. С. 589. Издана: *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира//Странник. 1888. Май–август. С. 225–233; *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 305–311 (частично).

стецѣмъ ся вьси» с распевом (РГБ, ОР, ф. 113 (Волок.), № 3).[1] В службе св. княгине Ольге (стихиры и канон), написанной Кириллом-мнихом и сохранившейся в позднем списке,[2] в светильне поминается и св. Владимир. Кирилл-мних — это не кто иной, как выдающийся древнерусский писатель Кирилл, епископ Туровский. В Гл. 3. 3 уже говорилось о явной связи 2-й редакции Пролога, где впервые появляется память св. Ольги, с Туровской землей. Служба была написана до того, как Кирилл стал епископом Туровским. Точная дата его поставления не известна, впервые он упоминается как епископ в Киевской (Ипатьевской) летописи под 1169 г., а под 1182 г. им был уже Лаврентий. Следовательно, службу Ольге Кирилл написал во всяком случае до 1169 г.

В сборнике Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинский) сохранился более древний вариант: даны две стихиры, три тропаря, в каноне свв. Кирику и Улите после 6-й песни помещены кондак и икос св. Владимиру.[3] Все они не совпадают со службой по спискам XIV в. Первая стихира («Придѣте, стецѣмъ ся вьси»), которая помещена и в Волоколамском стихираре, возможно, относится к XI в. Св. Владимир восхваляется вместе со своими «честными летораслями Романом и Давидом». Гимнограф обращается к присутствующим: «Тѣмь же и мы свѣтьлои нынѣ пѣсньми память ихъ вѣрьно чьтуще, любовию празднуемъ, да молять ся за ны...». Так как здесь нет двойственного числа, то автор явно взывает ко всем троим, и текст мог быть составлен сразу после прославления свв. Бориса и Глеба. Первый тропарь из сборника («Уподобивыи ся купьцу») приписывался к службе 1-й редакции по спискам XV–XVI вв. Обе стихиры вошли во 2-ю редакцию службы. Б. М. Клосс сообщил, что он обнаружил руко-

[1] Факсимиле см.: *Металлов В. М.* Русская семиография. М., 1912. Табл. XXII; Текст и совр. нотация: *Серегина Н. С.* Указ. соч. С. 248–249, 304.

[2] *Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. № 12. Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 88–94.

[3] *Срезневский Вс. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. по копии начала XIX в. СПб., 1893. С. 72–73.

пись службы св. Владимиру XII в., но текст пока не опубликован. Исследователь не указал, к какой редакции он относится.

Разнообразие службы уже в XIV в. противоречит представлению о поздней канонизации св. Владимира. Его культ прошел довольно сложный путь от почитания святым при его сыне Ярославе до полного к нему равнодушия в конце XI в. В середине — конце XII в. намечается явный подъем интереса к памяти и деяниям св. крестителя Руси. Тогда в Прологе появляется его житие. В течение всего XIII в., несмотря на общее тяжелое положение и татаро-монгольское завоевание, поклонение св. Владимиру все больше расширяется географически. Цикл посвященных ему произведений пополняется, видимо, новыми гимнографическими памятниками.

Говоря об отсутствии устоявшегося почитания Владимира святым в XIII в., В. Водов указывает, что волынский князь Владимир Василькович (1240–1288) носил крестильное имя Иоанн. Оно указано в записи о его смерти в Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи. Это тем более важно, что в похвале ему использована похвала Владимиру из «Слова» Илариона. Только под 1254 г. в воспоминании о походах Владимира на западных славян он назван святым в Галицко-Волынской летописи. В житии св. Александра Невского помощь ему в Невской битве 15 июля 1240 г. оказывают свв. Борис и Глеб, а не Владимир.

Тем не менее эти свидетельства не могут считаться решающими в вопросе о том, как развивался культ св. Владимира в XIII в. И после 1254 г., и даже после 1311 г., когда в Новгороде была построена надвратная церковь св. Владимира в Детинце, не видно его всеобщего почитания. В похвале Ивану Калите в Сийском Евангелии 1339 г. цитируется «Слово о законе и благодати» Илариона и Проложное житие Владимира, но с характерным изменением текста: «Хвалить Римьская земля Петра и Павла, Асия Иоана Богословеца, Индийская Фому, Ераполь Филипа, Руская земля первозванаго апостола Андрѣя, Гречьская земля цесаря Костянтина». У Илариона вообще не говорилось о Греческой земле, о ней написал составитель Проложного жития св. Владимира. Иераполь добавили в Сийском Евангелии и приписали крещение греков императору Константину, а не апостолу Андрею, как это сказано в Проложном житии св. Владимира.

В научной литературе уже высказывалось мнение, что почитание св. Владимира как крестителя Руси сменилось версией об апостоле Андрее как начинателе русского христианства. Она впервые появляется в «Повести временных лет», что по времени совпадает с ослаблением почитания Владимира. Это представление основывается на житиях апостола Андрея, где рассказывается о его проповеди в Греции, на берегах Черного моря и у скифов. Жития долго не считались каноническими и не принимались в самой Византии. Митрополит Иларион, который не называет ап. Андрея учителем Греции, следует здесь св. патриарху Фотию (858–867, 877–886).[1] Однако в Студийском монастыре предание о проповеди ап. Андрея было воспринято сразу после создания монахом Епифанием около 820 г. первой авторской редакции жития. Вместе с апокрифическими Деяниями этот текст был помещен в студийском менологии, с которого и был осуществлен славянский перевод этих текстов. В Императорский менологий времен Михаила IV (1034–1041) уже была официально включена переработка жития.[2] Именно Студийский устав был положен в основу устава Печерского монастыря, в котором и создавалась «Повесть временных лет». Не удивительно, что скепсис таких интеллектуалов, как Фотий и его литературный ученик Иларион, был побежден авторитетным монашеским преданием. Была и еще одна причина.

Как мы видели, первые христиане у славян видели своими просветителями не князей, а монахов, подвижников и проповедников. В «Повести временных лет», в новом по отношению к Начальному своду 1090-х гг. рассказе о преложении книг, в статье 996 г. говорится о том, что св. Мефодий был «настольником» апостола Андроника. Эти сведения есть в житии св. Мефодия, где отражено реальное восстановление папой

[1] *Poppe A.* Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings // Proceedings... P. 488–503.

[2] *Васильевский В. Г.* Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // *Он же.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1; Греч. тексты, перев. и исследование см.: Деяния апостола Андрея / Предисловие, перев. и комм. А. Ю. Виноградова. М., 2004; Греческие предания о св. апостоле Андрее / Изд. подг. А. Ю. Виноградов. СПб., 2005. Т. 1. Жития. Особенно: С. 40–45, 54–55.

римским Сирмийской митрополии, куда входили Паннония и Моравия.[1] Но дальше летописец объявляет Иллирию прародиной славян, и апостола Павла, учителя Андроника, соответственно учителем всех славян и самой Руси. Выше он рассказал о том, что апостол Андрей якобы путешествовал из Корсуня в Рим по Днепру и благословил место, где потом появился Киев.[2] Здесь он еще не назван учителем Руси, но до такого отождествления оставалось совсем немного. В этом отношении апостол Андрей оказывался идеальным героем, сравнения с которым князь, конечно, не выдерживал.

Проблему, почему же после творений Илариона и Иакова Мниха Владимир все же не почитался святым, так или иначе затрагивают многие исследователи. Это объясняли и его конфликтами с Византией (М. Д. Приселков), и греховной жизнью князя,[3] и особенностью восприятия правителя в раннесредневековых обществах (В. Водов). Однозначный ответ на этот вопрос дать нельзя. Видимо, представление о том, что русское христианство имело апостольское начало, было основной причиной, почему культ св. Владимира не был популярен даже у книжников. Эта вера жила очень долго и успешно боролась с памятью настоящего крестителя Руси.

Высказывалось предположение, что на роль просветителя Руси выдвигался и «апостольский муж» св. Климент, папа римский, мощи

---

[1] *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004. С. 301–302.

[2] *Чичуров И. С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 3–23; *Мюллер Л.* Древнерусская легенда о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // *Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 183–201.

[3] *Ранчин А. М.* Хроника Георгия Амартола и «Повесть временных лет»: Константин равноапостольный и князь Владимир Святославич // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 52–69; *Петрухин В. Я.* Владимир Святой и Соломон Премудрый: Грехи и добродетели в древнерусской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 72–86.

которого (глава) были привезены в Киев св. Владимиром.[1] М. А. Оболенским был открыт и опубликован впоследствии утерянный текст, который он назвал «Слово на обновление Десятинной церкви». На самом деле он озаглавлен «Мѣсѧца ноемврια въ 25 день. Мучение сватаго священомученика епископа Климента». Копия М. А. Оболенского была найдена А. Ю. Карповым, которому принадлежит исчерпывающее исследование климентовской традиции на Руси и публикация памятника. Он состоит из переводного с греческого Мучения св. Климента и «Слова на обновление» (название условно). По мнению ученого, сохранившееся в нескольких списках русское «Слово объ отрочати» (Чудо св. Климента в Херсонесе) и «Слово на обновление» восходят к одному памятнику, время создания которого колеблется в широком диапазоне от 1093 г. до разрушения Киева монголами в 1240 г.[2]

В заключении «Слова на обновление» говорится о приходе св. Климента из Рима в Херсон, а затем на Русь (т. е. о перенесении мощей) и обновлении его храма неким князем. В тексте нет никаких имен собственных, кроме тех, что были в греческих оригиналах. Сказано о приходе св. Климента «отъ Рима убо въ Херсонъ, отъ Херсоня въ нашю Рускую страну», но при этом не назван ни один город. Киев определен как «митрополия же мати градомъ», Десятинная церковь названа «Владычня Матере церкви божественная». Киевский митрополит и киевский князь названы «старѣиншиствуя во святителѣхъ» и «старѣиншиствуя во князѣхъ». Еще туманнее определение того, кто обновил храм: «Тако прародителскъ добродетели общникъ, церковь твою об-

[1] *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 16–17; *Акентьев К. К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ, Син. 591 // Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 121.

[2] *Карпов А. Ю.* «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М. А. Оболенского // Архив русской истории. М., 1992. № 1. С. 87–95; *Он же.* Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 3–110; *Гладкова О. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви». Общая характеристика. Тексты и комментарии // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 10–34.

новляя, яко же бо сего благороднаго благовѣрныи праотець христолюбивыи сыи, поистине же мучениколюбець, съ многимъ тщаниемъ, пребольшою вѣрою, оттуду до зде любезно и благочестно принесе твоя пречестныя мощи на совещение и спасение себе же и роду своему и стране нашей, яко жь и вѣруемъ». То, что это церковь Богородицы в Киеве, из текста никак не следует. «Церковь твоя» может быть посвящена только св. Клименту, в связи с чем А. Ю. Карпов пишет, что речь может идти об одноименном приделе.

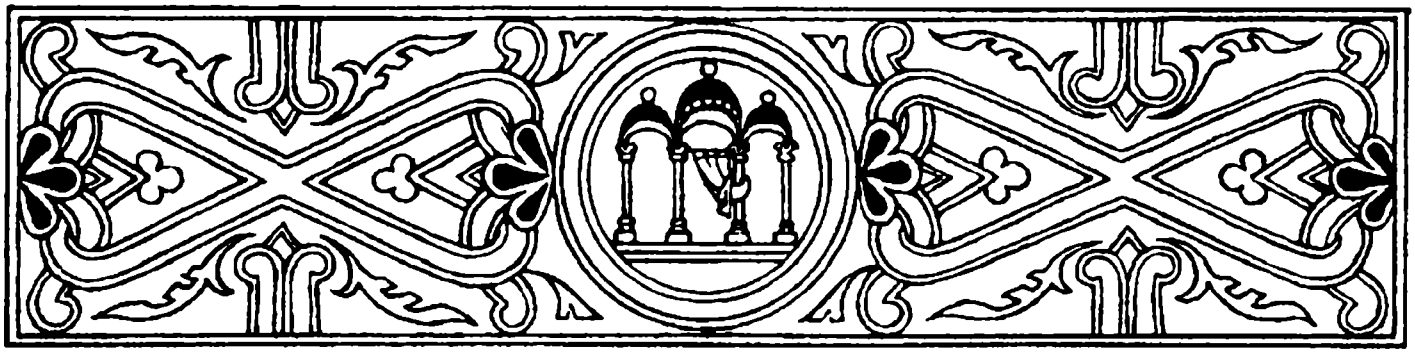
Титмар Мерзебургский действительно называет в 1018 г. храм, где был похоронен Владимир с супругой, церковью не Богородицы, а св. Климента. Он основывался на рассказах саксонцев, побывавших в Киеве с войском Болеслава Польского и Святополка Ярополчича, и отражал местную традицию.[1] Но уже в Церковном уставе Владимира сказано, что десятина была дана церкви Богородицы, и Иларион так же называет храм, построенный св. кн. Владимиром. Известен обычай неофициальных именований храмов. Так, собор Покрова Богородицы в Москве больше известен как храм Василия Блаженного по имени похороненного там московского юродивого. Но мог ли назвать церковь Богородицы храмом св. Климента человек, желавший представить Русь ученицей апостолов? В тексте говорится об особом покровительстве св. Климента Руси, но из этого не следует, что существовал его культ как апостола. Во многих европейских странах, в том числе в России, существует особое почитание св. Георгия и св. Николая, поклонение их мощам, ничем не отличающееся от описанного в «Слове» почитания св. Климента. Но эти святые никогда не считались просветителями. В тексте слишком мало данных, чтобы говорить о восприятии св. Климента как учителя Руси.

В первой половине XIV в. происходит окончательный перелом в восприятии истории крещения Руси.[2] Появляется Краткий вид Обычного жития св. Владимира, а за ним и различные редакции Распростра-

[1] *Свердлов М. Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 62, 66.

[2] *Poppe A.* The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making// *Idem.* Christian Russia in the Making. Variorum Collected Studies. 2007. VIII. P. 21–44.

ненного вида. Создаются все новые и новые варианты службы св. Владимиру в рамках существующих двух основных редакций. Когда в 1353 г. на сороковины князя Андрея Ивановича, дяди Димитрия (будущего Донского), родился посмертный сын, его назвали Владимиром. С тех пор это имя как крестильное, а не только княжое, закрепляется в русской традиции. Возрождение духовной и церковной жизни после долгого упадка времен татаро-монгольского ига, подъем народного сознания оказываются опять связаны с именем св. Владимира. Теперь уже с окончательным осознанием его роли в превращении Руси в христианскую страну.



Тексты

Введение

Цель настоящего издания текстов — прежде всего помочь определить тип жития св. Владимира при описании рукописей и издании памятников. Текстология была сделана А. А. Шахматовым, но его работа осталась неоконченной и неизданной. В настоящее время сохранились две корректуры (Архив РАН. Ф. 154 (А. А. Шахматова). Оп. 1, № 112, 2-я корректура книги «Жития князя Владимира»), которые содержат только тексты. Каждому предпослана, помимо перечня списков и указания разночтений, объединяющих их в группы, краткая характеристика.

Изучение текстов показало, что деление, предложенное А. А. Шахматовым, полностью соответствует рукописной традиции. Его схема была изменена и дополнена только в той степени, в какой это диктовалось новыми данными. Например, цикл на 15 июля из сборника Матвея Кусова 1414 г. («Память и похвала» Иакова Мниха, 3-я редакция «Слова» митрополита Илариона и 4-я редакция Распространенного вида жития) всегда переписывался целиком. А. А. Шахматов это не отметил. Из трех памятников только «Память и похвала» встречается в отдельном виде (РНБ, ОР, Пог. 829; ГИМ, Чуд. 305/3). 3-я (интерполированная) редакция «Слова о Законе и Благодати» отдельно известна только во фрагментах (см.: Гл. 3. 2), а 4-й Распространенный вид Жития самостоятельно вообще не обнаружен. Из этого, конечно, не следует, что такие списки вообще не существуют. Например, Пискаревский (6-й Распространенный) вид жития и Н. И. Серебрянским, и

А. А. Шахматовым был указан в единственном списке, по которому он и был назван. Второй список нашелся в Отделе рукописной и редкой книги БАН (31. 6. 26, втор. пол. XVI в.). Настоящее издание как раз призвано стимулировать и облегчить дальнейшие поиски в хранилищах и рукописных отделах библиотек и музеев.

В будущем предполагается издание с комментариями всего корпуса текстов, подготовленных А. А. Шахматовым. Сюда входят: шесть видов Проложного жития св. Владимира и их редакции, включая Пространное Проложное житие и Печатное Проложное житие XVII в.; реконструкция первоначального вида «Памяти и похвалы» Иакова Мниха; реконструкция Древнего жития; Краткая редакция Древнего жития (реальные списки Краткой редакции «Памяти и похвалы»); Обычное житие, 1-я и 2-я редакции Краткого вида; шесть редакций Распространенного вида. Несмотря на почти исчерпывающую полноту (обе корректуры обрываются на 6-м (Пискаревском) Распространенном виде жития), книга А. А. Шахматова не очень удобна для практической работы с рукописями. «Память и похвала» Иакова Мниха помещена только в исследовательской реконструкции. Многочисленные переработки 1-го вида Проложного жития очень мало отличаются друг от друга. Из-за отсутствия вводной главы довольно сложно разобраться в эволюции Распространенного вида жития. Для настоящей публикации тексты подобраны с таким расчетом, чтобы помочь ориентироваться в рукописной традиции памятников, посвященных св. Владимиру.

В публикации учитываются только лексические и грамматические разночтения, графические и орфографические не указываются, так как даже один писец может одно и то же слово писать двумя способами. Например, в ркп. Сол. 518/537 («Минея новым чудотворцам» 1494 г.) встречается «**діаволъ**» и «**дьѧволъ**»; «**своѧ**» и «**своа**»; «**створиша**» и «**сътвориша**». В подавляющем большинстве рукописей XIV–XV вв. **ѥ** передается либо через якорное **Ꙗ**, либо через увеличенное **Ꙗ**, наклонное вправо или вертикальное, обычно с диакритическим знаком. В публикации в таких случаях стоит **ѥ**, но особенности графики основного списка всегда оговариваются. Что касается прочих диакритических знаков, то их расстановка во всех

публикуемых рукописях бессистемна. Они воспроизводятся, как и сокращения, только в службах св. Владимиру. На этом примере хорошо видно, что в трех рукописях конца XIV — начала XV в., разделенных самое большее пятьюдесятью годами, применяются разные диакритические знаки. В певческой рукописи постановка в одном и том же слове над одними и теми же гласными разных знаков может все же иметь значение, поэтому мы воспроизводим их без изменения. Во всех остальных случаях диакритические знаки не воспроизводятся, сокращения под титлами раскрываются, выносные вносятся в строку. Исправления выделяются курсивом.

«Память и похвала» Иакова Мниха

Текст издается по списку «Минеи новым чудотворцам» 1494 г. РНБ, ОР, Сол. 518/537, л. 340–348 об. (Сол. 1) с разночтениями по спискам: сборник Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинский в Ермолаевской копии нач. XIX в. РНБ, ОР, F. 1. 295, л. 1–13 об. (М-П); РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637 л. 529–538 (1470-е гг., Е); РНБ, ОР, Сол. 830/940, л. 655–665 (втор. пол. XVI в., Сол. 2); РН, ОР, Соф. 1424, лл. 207–212 (кон. XVI в., С); РНБ, ОР, Пог. 829, л. 139–147 об. (нач. XVII в., П). Во всех известных рукописях, кроме Пог. 829, текст содержится в составе цикла на 15 июля, впервые зафиксированном в Сборнике 1414 г. А. М. Молдован указал, что содержащееся там «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона было переписано с дефектного экземпляра, но в двух протографах, давших начало трем группам, представленным Сол. 1 (протограф Ц) и Сол. 2 и С (протограф Ч), текст был правлен по хорошей копии 3-й редакции.[1] Правка текста Иакова прослеживается во всех трех группах, но не всегда ее можно отнести к сверке с протографом, так как она отличается. Особенно показательны отличия Сол. 2 и С, восходящих к протографу Ч. В основу публикации в БЛДР в 1997 г. мной был положен список С с разночтениями по рукописи Краткой редакции РНБ, ОР, Соф. 1419 и списку Е.

---

[1] *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 33–35.

Проложное житие 1-го и 2-го видов

Эти тексты чрезвычайно важны, так как они легли в основу всех позднейших житий. Они очень близки друг другу, что видно, например, из публикации Н. И. Серебрянского, но между ними есть и важные отличия. Самым характерным является наличие в 1-м виде чтений «церкви Турова» (на месте крещения киевлян) и «истерзавъ лестное терние изъ Руси», а во 2-м виде «церкви Петрова» и «растерзавъ лестное терние и разрушив». В Прологах 1-й редакции, за небольшим исключением поздних списков, встречается только 2-й вид. В Прологах 2-й редакции обычно читается Проложное житие 1-го вида, но начиная со списка 1406 г. (ГИМ, Усп. 3) встречается 3-й вид и другие модификации переработки 1-го вида. 3-й вид отличается началом, где к имени Владимира добавлен эпитет «благочестивый», отсутствием упоминания о какой-либо церкви на месте крещения вообще и целым рядом мелких правок.

В основу публикации 1-го вида положен старший список РНБ, ОР, ПДА А 1/264, 2, Прилуцкий Пролог, л. 190–194 (кон. XIV в., мартовская половина) с разночтениями по спискам: РНБ, ОР, Q. п. 1. 63, л. 3–5 об. (болгарская рукопись XIII в., Б); Прологам 2-й редакции БАН, ОР, Арханг. Д. 100, л. 236–237 об. (1450-е гг., Д); Никольск. 263, л. 265–266 об. (сер. XV в., Н). Рукопись XIII в. нельзя было класть в основу издания, так как в ней слишком много среднеболгарских фонетических и орфографических особенностей.

2-й вид Проложного жития издан по списку РНБ, ОР, F. п. 1. 47, л. 78–80 об. (Пролог 1-й редакции архаической традиции, сер. XIV в., А) с разночтениями по Прологам 1-й редакции: РГАДА, Тип. 173 (368), л. 113 об. — 115 (перв. пол. XIV в., Т1); Тип. 171(366), л. 115–118 (архаической традиции, сер. XIV в., Т2); ГИМ, Син. 240 1400 г., л. 139 об. — 140 об. (С).

Обычное житие св. Владимира

Житие св. Владимира существует в двух видах: Обычное житие (Краткий вид) и Распространенный. Наиболее часто в рукописях встречается Обычное житие, которое легло в основу всех последующих переработок, вплоть до таких обширных компиляций, как Жи-

тие из Степенной книги. В основу публикации положен список РНБ, ОР, Пог. 805, л. 157–160 (сер. XV в.) с разночтениями по спискам Пог. 798, л. 162 об. — 165 об. (перв. пол. XVI в., 798), Пог. 800, л. 311–316 об. (сер. XVI в., 800). Деление на разделы в рукописях не делается, в публикации оно отмечает стыки разных источников компилятора.

Распространенное житие

Все редакции Распространенного вида жития представляют небольшой интерес с точки зрения литературы, так как являются более или менее умелыми компиляциями второго порядка по сравнению с Обычным житием. Мы приводим две из них: 3-ю редакцию Распространенного вида — Чудовскую, так как там есть интересные дополнения, и 4-ю редакцию, так как это наиболее часто цитируемый текст.

3-й вид издается по единственному известному списку ГИМ, Чуд. 264/62, XVI в., л. 329 об. — 333 об.

4-й вид издается по списку «Минеи новым чудотворцам» 1494 г. Сол. 518/537, л. 367–371 об. (Сол. 1) с разночтениями по сборнику Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинскому) в копии нач. XIX в. РНБ, ОР, F. 1. 295, л. 45–49 об. (М-П) и рукописи РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637, л. 538–543 (1470-е гг., Е). В отличие от «Памяти и похвалы» Иакова и «Слова о Законе и Благодати» Илариона, деление текста на разделы в рукописях отсутствует. В публикации, так же как и у Обычного жития, оно отражает границы заимствованных фрагментов.

Особое житие

Является самостоятельным памятником (см.: Гл. 5. 2). Текст издан по единственному списку XVII в. БАН 21.5. 20 (л. 431 об. — 434 об.).

Служба св. Владимиру

Служба св. Владимиру издается в двух старших редакциях.

1-ая редакция (по определению М. В. Славнитского) издается по трем старшим спискам: Минея XIV в. РНБ, ОР, Соф. 382, л. 67–71 об. (С1), Трефолой с уставом XIV в. Соф. 386, л. 70 об. — 77 (С2); «Минея новым чудотворцам» 1494 г. Сол. 518/537, л. 144–148 об. (Сол.).

Особая редакция службы представлена в сборнике Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинском) в Ермолаевской копии нач. XIX в. РНБ, ОР, F. 1. 295, л. 40–41 об., 43 об. — 44.

Первая из этих стихир представлена в нотированном Волоколамском стихираре XIV в. РГБ, ОР, ф. 113, (Волок.), № 3, л. 183–184 об.

Стихиры из службы 2-й редакции, стихиры и тропари из службы по Сборнику Матвея Кусова читаются в Кирилло-Белозерском нотированном стихираре РНБ, ОР, КБ 586/843, л. 652 об. — 653 об. (XVII в.), иногда в особой в редакции. Оба нотированных стихираря представляют большой интерес с точки зрения языка, так как там текст дан без сокращений и выносных, так, как он должен был звучать при пении.

Приложения

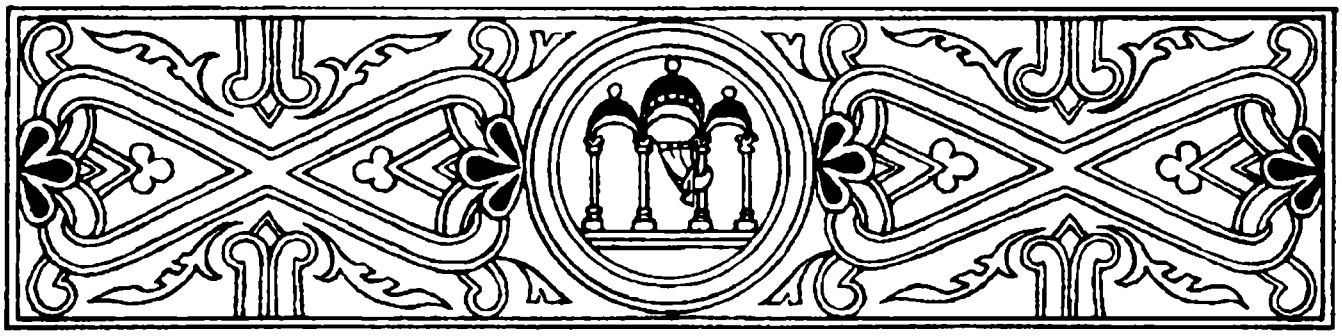
Похвала св. Ольге из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха по списку Сол. 518/537, л. 344 об. — 345 с разночтениями по спискам Ег. 637, л. 532 об. — 534 (Ег.); F. 1. 295, л. 6 об. — 7 об. (М-П).

Проложное чтение на 12 июля мученикам-варягам по спискам РНБ, ОР, ПДА А 1/264, 2, Прилуцкий пролог, л. 186–186 об. с разночтениями по списку: РНБ, ОР, Q. п. 1. 63, л. 3–5 об. (Б).

Сказание о славянской грамоте по спискам Полной Хронографической палеи РНБ, ОР, Пог. 1435 (XV в.) с разночтениями по «Прению с жиды» из Толковой Псалтири Пог. 101 (XVI в.).

Житие св. Владимира из Зеленецкого конволюта РНБ, ОР, Соф. 1504, 1694–1696 гг., составленное по Киево-Печерскому патерику в редакции Иосифа Тризны. Сведения о рукописи, содержание памятника и фрагменты, отличающиеся от Киево-Печерского патерика.

Благодарю сотрудников рукописных отделов Библиотеки Российской Академии наук, Российской Национальной библиотеки и Российской Государственной библиотеки за постоянную помощь.



Память и похвала князю рускому Володимироу,[1] како крести сѧ Володимиръ и дѣти своѧ крести и всю землю Роускую ѿ конца до конца, и како крести сѧ баба Володимерова Ѡлга преже Володимера. Списано Іаковомъ мнихомъ[2]

Паоулъ[3] сватыи апостолъ, церковныи оучитель и свѣтило всего мира, посылаѧ къ Тимофѣю писаніе, глаголаше: «Чадо Тимофѣю, иже слыша ѿ мене многы[4] послоухы, тоже предаи же вѣрнымъ человѣкомъ, иже доволнѣи боудѹт и ины наоучити».[1] И блаженыи апостолъ Лоука евангелистъ къ Феѡфилу писаше, глагола: «Понеже мнози начаша повѣсти дѣѧти ѡ извѣстныхъ вещех,[5] бывшихъ въ нас, изволи сѧ и мнѣ, ходившю исперва и по всѣх писати тебѣ, державныи Феѡфиле, да разоумѣеши, ѡ нихъ же

Текст издается по списку «Минеи новым чудотворцам» 1494 г. Сол. 518/537 (Сол. 1) с разночтениями по спискам: сборник Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинский в копии нач. XIX в. РНБ, ОР, F. 1. 295, М-П); РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637 (1470-е гг., Е); РНБ, ОР, Сол. 830/940 (втор. пол. XVI в., Сол. 2); РН, ОР, Соф. 1424 (кон. XVI в., С); РНБ, ОР, Пог. 829 (нач. XVII в., П). В Сол. 1 йотированное е (ѥ) передается через слегка наклонное вправо или прямое Ꙗ с крышечкой, Ꙗ с точкой сверху или просто Ꙗ большего размера — в издании всегда через ѥ.

[1] По всему тексту: **Володимиръ**, **Володимеръ** М-П, Е, **Владимеръ** Сол. 2, **Владимиръ** П; [2] **Отче, благослови.** С, П; [3] Во всех списках заглавие киноварью, в трех списках XV в. текст начинается с киноварного украшенного инициала; [4] **многыми** С; [5] **вещеи** С.

начатъ Ісоус творити же и оучити».[II] Къ томоу Фешѡилѹ написа Дѣаніа апостольскаа и Ѥвангеліе сватыи апостолъ Лѹка, потомъ многыхъ сватыхъ писати начаша житіа и моученіа. Тако же и азъ худыи мних Іаковъ, слышавъ ѿ многыхъ ѡ благовѣрнемъ князи Володимери всеа Роускіа земла, ѡ сыноу Сватославлѣ,[III] и мало събравъ ѿ многыа, добродѣтели его написах и ѡ сыноу его, рекоу же сватою славноую мученика[1] Бориса и Глѣба;[IV] како просвѣти благодать Божіа сердце князю рѹскомоу Володимероу, сыноу Сватославлю, внѹкѹ Игоревоу, и възлюбивыи[2] человѣколюбивыи Богъ, «хотѧи спасти всякаго человѣка и в разѹмъ истинныи прити»,[V] и вжада сватаго крещеніа. «Ꙗко же жадаеть клень на источникы водныа»,[VI] тако вжада благовѣрныи князь Володимиръ сватаго крещеніа и Богъ сътвори хотѣніе его. Пишеть са[3]: «Волю бомщих са его творить[4] и молитвоу ихъ ѹслышит и спасеть а».[VII] И самъ рече Господь: «Проситє и пріиметє, ищетє и wбрѧщетє, толчетє и ѿверзет са вамъ. Всякъ просѧи приметь, ищаи wбрѧщеть, толкѹщемѹ ѿверзаєт[5] са».[VIII] И паки рече: «Иже вѣроу иметь и крестит са, и спасенъ боудеть, а иже вѣры не имать, не крестит са, оуже wсоуженъ боудеть».[IX] Взиска спасеніа и прия ѡ бабѣ своеи Wлзѣ, како шедши къ Царюгородоу,[6] и пріала бѧше сватоѥ крещеніе, и пожи добрѣ пред[7] Богомъ,[8] всѣми добрыми дѣлы ѹкрасивши са и почи с миромъ ѡ Христѣ Ісоусѣ[9] и въ блазѣ вѣрѣ. То все слышавъ князь Володимеръ ѡ бабѣ своеи Wлзѣ,[X] нареченѣи въ сватомъ крещеніи Ѥлена,[10] тоа и жизни[11] подража, сватыа царица Ѥлены,[XI] блаженыа кнагыни Wлги.

То[12] слышавъ князь Володимеръ, разгарашет са[13] Сватымъ Доухомъ сердце его, хотѧ сватаго крещеніа. Вида же Богъ хотѣ-

[1] мученику С; [2] възлюби и С; [3] Пишеть бо са С, Сол. 2, П; [4] сътворить С, Сол. 2; [5] ѿверзет С; [6] Цесарюгородоу М-П, Е; [7] В Сол. 1 пропущено выносное д; [8] пожи в добрѣ исповѣдании Сол. 2; [9] Нет Сол. 2; [10] Ѥлене С; [11] житіе С, П; [12] В Сол. 1 простой чернильный инициал в строке; с этого места начинаются колебания в написании Ѥ, соответствующего ѥ; [13] тако же и сватыа царици Ѥлены, матере великаго цара Коньстантина житію ревнуа въ всемъ, и разгораше са С.

нїѣ сердца ѥго, провида доброт҃ѹ ѥго и призри[1] съ небесѣ милостью своєю и щедротами, и въ Троици славимыи Богъ ѿц҃ь, и Сынъ, и Сватыи Доухъ на кнѧза Володимера, «испытаѧ сердца и ѹтробы»,[XII] Богъ праведенъ, всѧ прежвѣдыи, и просвѣти сердце кнѧзю Роускыѧ земли[2] Володимероу пріати сватое крещеніе.

Крести же сѧ[3] самъ кнѧзь Володимеръ, и чада своѧ, и весь домъ свои сватымъ крещеніемъ просвѣти, и свободи всѧкоу доушю, мѫжескъ полъ и женескъ, сватаго ради крещенніѧ. И възрадова сѧ, и възвесели сѧ ѡ Бозѣ Давыдьскы[XIII] кнѧзь[4] Володимиръ, и акы сватыи пророкъ дивныи Амвакоумъ[XIV] ѡ «Господѣ весела сѧ и радоуа сѧ»[XV] ѡ Бозѣ Спасѣ своємъ.[5] Ѡ блаженое врема и день добрыи, исполненъ всего[6] блага, в он же крести сѧ Володимеръ кнѧзь[7] и нареченъ бысть въ сватомъ крещеніи Василеи. И даръ[8] Божии ѡсѣні его, благодать Сватаго Доуха ѡсвѣти сердце ѥго, и навыче по заповѣди Божіи ходити и жити добрѣ ѡ Бозѣ и вѣроу твердоу ѹдержа неподвижимоу.[9]

Крести[10] же и всю землю Роускую ѿ конца и до конца, и поганьскыѧ богы, паче же и бѣсы, Пероуна и Хъроса[11] и ины многы[XVI] попра и скруши идолы, и ѿверже[12] всю безбожнѹю лесть. И церковь созда каменноу во има пресватыа Богородица, прибѣжище и спасеніе доушамъ вѣрнымъ, и десатиноу[XVII] еи вда,[13] тѣмъ[14] попы набдѣти, и сироты, и вдовича, и нищаѧ.[15] И потом всю землю Рѹскѹю и грады всѧ оукраси сватыми церквами. И ѿверже сѧ всеѧ діавола лъсти, и приде ѿ тмы діавола[16] на свѣт съ чады своими, приде къ Богѹ, крещеніе приимъ, и всю землю Роускѹю исторже из оустъ дьяволь и къ Богоу приведе, и къ свѣтоу истиньному.[17] Рече бо Господь пророкомъ: «Изводи ѿ нечестіѧ нечестиваго аки оуста моа кси».[XVIII] И бысть кнѧзь Володимиръ

[1] призрѣ С; [2] роускому С, нет Сол. 2; [3] Киноварное **К** в списках XV в., с новой строки в М-П и Е, заголовок **О крещеніи** С, Сол. 2, П; [4] **же** вставлено Сол. 1; [5] **моемъ** С, Сол. 2, П; [6] **всякого** Сол. 2; [7] Нет Сол. 2; [8] **Дѹхъ** Сол. 2; [9] **имѣти** Сол. 2; [10] В Сол. 1 небольшой инициал в строке теми же чернилами; [11] **Хърѹса** П; [12] **и поганыа боги съкруши, и испроверже капища, и вѣру поганую попра и прокла** Сол. 2; [13] **еи дасть** С; [14] **десатину создал, да и** Сол. 2; [15] **насыщаѧ** Сол. 2; [16] **дьявольскіа** Сол. 2; [17] Нет Сол. 2.

аки ѹста Божіа и человѣкы ѿ лести діавола къ Богоу приведе. Ѡ колика радость и веселіе бысть на земли. Ангели възвесилиша сѧ и архангели, и сватыхъ доуси възыграша сѧ. Самъ бо рече Господь: «Колика радость бываєт на небесѣхъ ѡ єдинемъ грѣшници кающим сѧ».[XIX] Толико бещисла[1] доушь по всеи земли Роуской приведены къ Богоу сватымъ крещеніѥм, похвалы всякыѧ дѣло достоино створи и радости доуховныѧ полно.

Ѳ,[2] блаженыи и треблаженыи княже Володимере, благовѣрне, и христолюбиве, и страннолюбче,[3] мъзда твоа многа зѣло предъ Богомъ. То же блаженыи Давыдъ глаголаше: «Блаженъ человѣкъ, кго же Ты[4] накажеши, Господи, и ѿ закона твоего наѹчиші и, да оукротиші и ѿ днїи лютъ».[XX] Блаженыи князь Володимеръ оуклонив сѧ ѿ слѹжбы діавола и пріиде къ Христоу Богоу, владыцѣ своемѹ, и люди своа приведе и наоучи ѧ слоужити Богоу. Самъ бо Господь рече: «Иже створитъ[5] и наоучитъ, се великъ наречет сѧ в Цароствіи небеснѣмъ».[XXI] А ты, ѡ блаженыи[6] княже Володимере, бысть апостолъ въ князѣхъ, всю землю Роускѹю привед къ Богоу сватымъ крещеніемъ и наоучи люди своѧ кланѧти сѧ Богоу, славити и пѣти ѿца и Сына и Сватаго Доуха. И вси людіе Роускыѧ землѧ познаша Бога тобою, божественыи княже Володимире. Възрадоваша же сѧ ангельстіи чини, агнецѣ честніи, нынѣ радуют сѧ вѣрніи, и воспѣша, и въсхвалиша. Аки младенци іѥврейстіи съ вѣтвьми[7] оусрѣтоша Христа, вопіюще: «Ѡсана Христоу Богоу, побѣдителю смерти»,[XXII] тако и новоизбраннїи людіе Роускіѧ землѧ въсхвалиша Владыкѹ Христа съ ѿцемъ и Сватымъ Доухомъ. И къ Богоу приближевше сѧ крещеніемъ[8] и діавола ѿврьгше сѧ и слоужбы его пороугаша сѧ, и поплеваша бѣсы, и познаша Бога истиннаго, Творца и Съдѣтела всеи твари. И поють по всѧ дни живота и на всякъ час пѣснь чюдноую, хвалоу архангельскоую:[9] «Слава в вышних Богоу, и на земли миръ,

[1] бес числа С; [2] Новая строка или знак окончания раздела ҫ; киноварный или чернильный инициал Ѳ по всем спискам; [3] странопримче Сол. 2; [4] аще Сол. 2; [5] сътворить С; [6] ѡ блаженые Сол. 2; [7] съвѣта Сол. 2; [8] сватымъ крещеніемъ С; [9] хвалную архангельскую С, арханьгельскоую воспѣвъ Сол. 2.

въ человѣцѣхъ благоволеніе».[XXIII] И ты, блаженыи княже Володимероу,[1] подобно Костантиноу Великомоу[XXIV] створи, тако же шнъ вѣрою великою и любовью Божіею подвиx са,[2] оутверди всю вселеноую любовію и вѣрою, и святымъ крещеніемь просвѣти весь миръ и законъ Божіи по всеи вселенѣи заповѣда. И раздроуши храмы идольскыа съ лжеименьными богы и святыа же церкви по всеи вселенѣи постави на хвалоу Богоу въ Троици славимомоу, w҃цоу и Сыноу и Святомоу Доухоу, и крестъ шбрѣте, всего мира спасеніе. Съ божественоюю[3] и богомоудроюю матерью своею святою Wленою и съ чады многы приведе къ Богоу святымъ крещеніемъ бещисленое множество, и требища бѣсовьскаа потреби,[4] и храмы идольскыа раздроуши, и церквами оукраси всю вселеноую и грады,[5] и заповѣда въ церквахъ памати святыхъ творити пѣніи и молитвами, и празникы празновати[6] на славоу и на хвалоу Богоу. Тако же и блаженыи князь Володимиръ створи съ бабою своеи Wлгои.[7]

Блаженыи[8] же князь Володимиръ, вноукъ Wлжин, крестив са самъ, и чада своа, и всю землю Роускоую крести w҃ конца и до конца, храмы идольскыа и требища всюдоу раскопа и посѣче,[9] и идолы съкроуши,[XXV] и всю землю Роускоую и грады и честными иконами[10] церкви оукраси, и памати святыхъ въ церквахъ творяще пѣніемъ и молитвами, и празноваше свѣтло празники господьскыа. Три трапезы поставляше: первоую митрополитоу съ епископы, и съ черноризцѣ, и с попы, второюю нищимъ и оубогыимъ,[11] третьюю

---

[1] **Володимире** С, **Владимире** Сол. 2; [2] **подвигъ са** Сол. 2; [3] **блаженою** С; [4] **попра** Сол. 2; [5] Нет Сол. 2; [6] **праздникы праздновати** все остальные; [7] Здесь во всех списках, кроме С и П, начинается вставная Похвала Ольге (см. Приложение 1). В конце Похвалы переходная фраза **Послушанте, възлюбленіи** (в М-П с пометой «новейшей рукой»). В С, где Похвала исключена, переходная фраза выделена как заголовок: **Послушанте, възлюбленіи еже о милостыни святаго князя Владимера**. В П текст выписан отдельно перед сочинением Иакова; [8] Простой киноварный инициал, новая строка во всех списках, отсюда начинается Краткая редакция (Кр. ред.); [9] Нет Сол. 2; [10] Дописано над строкой «новейшей рукой» в М-П, нет во всех списках Кр. ред.; [11] **оубогы** Сол. 1.

собѣ и бояромъ своимъ и всимъ моужемъ своимъ, подоба сѧ царемъ сватымъ блаженыи князь Володимиръ, пророкоу Давыдоу, царю Езекѣю,[XXVI] и трѣблаженому Іюсѣю,[XXVII] и великому Костантиноу, иже избраша и изволиша Божіи законъ боле всего и послоужиша Богоу всимъ сердцемъ, и полоучиша милость Божію, и наслѣдиша Раи, и пріаша Царство небесное, и почиша[1] со всѣми сватыми, оугожьшими Богоу, тако же и блаженыи князь Володимиръ, послоуживъ Богоу всимъ сердцемъ и всею доушею. Не дивим сѧ възлюбленѣи, аще чюдесъ не творитъ по смерти, мнозѣ бо сватіи праведнѣи не створиша[2] чюдесъ, но сваты соуть. Рече бо нѣгдѣ ѡ томъ сватыи Іѡаннъ Златоусты: «ѿ чего познаемъ и разоумѣемъ свата человѣка, ѿ чюдесъ ли или ѿ дѣлъ? — И рече, — ѿ дѣлъ познати, а не ѿ чюдесъ, много бо и влъсви чюдесъ створиша бѣсовьскымъ мечтаніемъ».[XXVIII] И бѧхоу сватѣи апостоли, и бѧхоу лжіи апостоли, бѣша сватѣи пророци, и бѧхоу лжіи пророци, слоугы діавола. Ино чюдо, «И самъ сотона прѣображаѣт сѧ въ ангелъ свѣтелъ».[XXIX] Но ѿ дѣлъ разоумѣти сватаго, тако[3] же апостолъ рече: «Плодъ доуховныи ѥсть любы,[4] терпѣніе, благовѣріе, благость,[5] кротость и въздержаніе, на таковыхъ нѣсть закона».[XXX] Блаженыи[6] же князь Володимеръ всимъ сердцемъ и всею доушею Бога възлюби и заповѣди Ѥго взыска и сохрани. И вса страны боахѫ сѧ ѥго и дары приношахѫ емѫ.[7] И възвесели сѧ и възрадова сѧ[8] ѡ Бозѣ и ѡ сватомъ крещеніи, и хвалѧше и славѧше Бога ѡ всемъ томъ князь Володимеръ. И сице в радости смиреніемъ[9] сердца глаголаше: «Господи Владыко благыи, поманоулъ ма еси и привел ма еси на свѣтъ, и познах Тѧ, всем твари Творца. Слава Ти,[10] Боже всѣхъ, ѿче Господа Бога нашего Іисоуса Христа! Слава Ти съ Сыномъ и Сватымъ Доухомъ, сице ма помиловавъ.[11] Во тмѣ бѧхъ,[12] діаволѫ слоужаи и бѣсомъ, но Ты ма сватымъ крещеніемъ просвѣти.

---

[1] почиста Сол. 2; [2] твориша С; [3] Начинается пропуск в Кр. ред.; [4] радость добавлено в С; [5] Нет С; [6] Простой инициал в Е; [7] и дары... емѫ вставлено на нижнем поле Сол. 1; [8] Нет Сол. 2; [9] и со смиреніемъ Сол. 2; [10] тебѣ Сол. 2; [11] помилова Сол. 2; [12] бѧхѫ С, П, бѣхъ Сол. 2.

Акы звѣрь бѧхъ,[1] многа зла творѧхъ въ поганьствѣ и живѧхъ акы скотина,[2] но Ты мѧ оукроти и наказа своєю благодатью. Слава Ти,[3] Боже въ Троици славимыи, ѿче и Сыне и Сватыи Доуше. Троице Сватаѧ, помилоуи мѧ, настави мѧ на пѫть Твои и наоучи мѧ творити волю Твою, ꙗко Ты єси Богъ мои».

Князь[4] же Володимиръ поревнова сватыхъ мѫжь дѣлоу и житиію ихъ, и възлюби аврамово[XXXI] житіє и подража страннолюбіє ѥго, іаковлю[XXXII] истинѫ, моисѣѡвѫ[XXXIII] кротость, давыдово безлобіє, Костантина царѧ великаго, перваго царѧ кристіаньскаго, того подражаѧ правовѣріє,[5] болє же всего бѣше[6] милостыню творѧ князь Володимеръ.[7] Иже немощѣи и старѣи не можахѫ[8] доити княжа двора и потребѫ взати,[9] то въ дворъ[10] имъ посылаше,[11] немощнымъ и старымъ[12] всякоу потребоу блаженыи *кънязь*[13] Володимиръ даѧше. И не могоу сказати многыѧ ѥго милостыня,[14] не токмо въ домѫ[15] своемъ милостыню твореше, но и по всемѫ градѫ,[16] не въ Киѥви ѥдиномъ, но и по всеи земли Рускои, и въ градѣхъ, и въ селехъ, вездѣ[17] милостыню твореше, нагыѧ wдѣваѧ, и алчныѧ кормѧ, и жадныѧ напаѧ, странныѧ покоѧ милостью,[18] церковникы чтѧ, и любѧ,[19] и милѫѧ, подаваѧ *имъ* требованіє, нищаѧ, и сироты, и вдовица, и слѣпыѧ, и хромыѧ, и троудоватыѧ, всѧ милѫѧ[20] и wдеваа, и накормѧ и напаѧ.[21] Тако же[22] пребывающѫ князю Володимерѫ въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божіа просвѣщаше сердце ѥго и роука Господня помогаше ємѫ, и побѣжаше всѧ врагы своа, и боахѫт сѧ ѥго вси.[23] Идѣже идѧше, wдолѣваше: радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи, вятичи побѣди и дань на нихъ положи на

[1] бѧхѫ С, П, бѣхъ Сол. 2; [2] скотъ заблоуждьшеи Сол. 2; [3] тебѣ Сол. 2; [4] Чернильный инициал **К** в строке в Сол. 1, Е; [5] Заканчивается пропуск в Кр. ред.; [6] всѣхъ цареи Сол. 2; [7] Нет Сол. 2; [8] немощнымъ и страннымъ и не могоущимъ Сол. 2; [9] потребы взати Сол. 2; [10] домы С; [11] Начинается пропуск в Кр. ред.; [12] Нет С; [13] Так в М-П, остальные кнзь; [14] блаженыи... милостыня нет Сол. 2; [15] граде Сол. 2; [16] всѣмъ градомъ Сол. 2, заканчивается пропуск в Кр. ред.; [17] манастырехъ Сол. 2 вместо градѣхъ... вездѣ; [18] покоя везде Сол. 2; [19] Нет Сол. 2; [20] милѫ Сол. 1; [21] нищаѧ... напаа нет Сол. 2; [22] Но Сол. 2; [23] и боахѫ сѧ.. вси нет Сол. 2.

обоих, и матьвагы взя, и сребреныа болгары побѣди, и на козары, шедъ, побѣді и дань на них положи.[XXXIV] Оумысли же и на грѣческыи градъ Корсоунь[XXXV] и сице молаше са князь Володимиръ Богоу: «Господи Боже Владыко всѣх, сего оу Тебе прошю: даси ми град, да приімоу и да приведоу люди кристіаны и попы на свою землю, и да наоучать люди законоу кристіаньскомоу». И послоуша Богъ молитвы его, и приі градъ Корсоунь, и *взя*[1] съсоуды церковныа, и иконы, и мощи сватаго свщеномоученика Климента[2] и иных сватыхъ.[XXXVI] И въ ты дни бѣаста царя[3] два въ Цариградѣ, Костантинъ и Василеи.[XXXVII] И посла къ нимъ Володиміръ, проса оу нихъ сестры wженити са,[4] да са бы болма на кристіаньскыи законъ направилъ. И даста кмоу сестроу свою, и дары многы присласта к немоу, и мощи сватыхъ даста кмоу,[5] и положь.[6] И тако добрѣ поживе благовѣрныи князь Володиміръ и сконча свое житіе въ правовѣрнѣи[7] вѣрѣ w Христѣ Ісоусѣ Господемь нашимъ и съ благовѣрною[8] Wлгою. И та бо шедши Царюградоу[9] пріала баше сватое крещеніе, и много[10] сътворивъ добра в житіи семь предъ Богомъ, и сконча житіе свое въ добрѣи вѣрѣ, и почи с миромъ, в роуцѣ Божіи дшю предавши.[11] И ще живоу соущю Володимироу князю, рать баше[12] w печенѣгъ,[XXXVIII] Володимеръ же баше болестью wдержимъ, въ тои же болѣзни[13] предасть доушю свою въ рцѣ Божіи.

Молитва князя[14] Володимера.[15]

Володиміръ[16] князь, wходя свѣта сего, сице молаше са, глаголя: «Господи Боже мои, не позналъ[17] Тебе бях,[18] но помиловал ма еси и сватымъ крещеніемъ просвѣтил ма еси, и познах Та, Боже всѣхъ,[19] Сватыи Творче всем твари, wче Господа нашего

---

[1] вса Сол. 1; [2] сватыхъ Сол. 2; [3] цесара М-П, Е; [4] хота погати за са Сол. 2; [5] Начинается пропуск в Кр. ред.; [6] В М-П под строкой вставлено другой рукой (в скобках); [7] православнеи Сол. 2; [8] царицею Сол. 2; [9] Цесарюграду М-П, Е; [10] множество Сол. 2; [11] свою предасть Сол. 2; [12] приде Сол. 2; [13] въ болѣзнь впадъ, предасть Сол. 2; [14] сватаго князя С; [15] Заголовок везде киноварью; моленіе в Сол. 2; [16] Киноварный инициал по всем спискам, просто украшенный в Сол. 1; [17] познах Сол. 2; [18] баху С; [19] Нет Сол. 2.

Исуса Христа, слава Ти[1] с Сыномъ и Святымъ Доухомъ. Владыко Боже, не помани моеи злобы, не зналъ есмь Тебе в поганьствѣ, нынѣ же та знаю и видѣ,[2] Господи Боже[3] мои, помилоуи ма. Аще ма хощеши казнити и моучити за грѣхы моа, казни самъ ма, бѣсомъ[4] не предаи же мене». И сице глаголя и моля са Богоу, преда[5] душю свою съ миромъ ангеламъ Господнимъ и оуспе.[6] «Праведныхъ бо доуши въ роукѹ Божию соуть»,[XXXIX] и «мъзда имъ ѿ Господа, и строеніе имъ ѿ вышнаго, того ради приимоуть вѣнець красоты ѿ рѹкоу Господню».[XL] По[7] святомъ крещеніи поживе блаженыи князь Володимиръ 28 лѣтъ.[XLI] На дрѹгое лѣто по крещеніи к порогомъ ходи, на третьеи Корсѹнь городъ взя,[XLII] на четвертое лѣто церковь каменѹ святыа Богородица заложи, а на патое лѣто Переяславль заложи, в деватое лѣто десатинѹ блаженыи и христолюбивыи князь Володимиръ[8] вда[9] церкви святѣи Богородицѣ и ѿ имѣніа своего.[XLIII] Ѡ том бо и самъ Господь рече: «Идѣже ѥсть скровище ваше, тоу и сердце ваше боудеть».[XLIV] Блаженыи князь Володимеръ имаше скровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы, тамо и сердце ѥго бѣ въ царствіи небесѣмъ. И Богъ поможе ѥмѹ, и сѣде въ Кіевѣ на мѣстѣ ѿца своего Святослава и дѣда своего Игоря. А Святослава князя печенѣзи оубиша, а Ярополкъ сѣдяше в Киѣвѣ на мѣстѣ ѿца своего Святослава. И Ѡлегъ идыи с вои оу Вручя града,[10] мостъ са ѡбломи с вои,[11] и оудавиша Ѡлга въ гребли,[12] а Ярополка оубиша въ Киевѣ моужи Володимеровѣ.[XLV] И сѣде въ Кіевѣ князь Володимеръ в ѡсмое лѣто по смерти ѡтца своего Святослава, мѣсяца июня в 11 въ лѣто 6486.[XLVI] Крести же са князь Володимиръ въ 10-е лѣто по ѹбьеніи брата своего Ярополка.[XLVII] Каашет са и плакашет са[13] блаженыи князь Володимир всего того,[14] елико створи в поганьствѣ не зная Бога. Познавъ же Бога истиньнаго, Творца

[1] Тебѣ Сол. 2; [2] вѣдѣ С; [3] Нет Сол. 2; [4] лукавымъ Сол. 2; [5] предастъ Сол. 2; [6] в рѹцѣ твои Сол. 2; [7] Простой инициал в строке, кончился пропуск в Кр. ред.; [8] блаженыи Володимиръ нет Сол. 2; [9] давъ С, дастъ Сол. 2; [10] въ свои град ѵ Вручя Сол. 2; [11] Нет Сол. 2; [12] Нет Сол. 2; [13] каше са и плаче са Сол. 2; [14] Нет Сол. 2.

небесѣ и земли, покаяв сѧ всего и ѿвръже сѧ дьавола и бѣсовъ, и всѣѧ слоужбы его, и послоужи Богоу добрыми дѣлы своими и милостынею. Оуспе с миромъ мѣсяца іюля в 15 день въ лѣто 6523 о Христѣ Іесоусѣ Господемь нашимь.[1]

Память и похвала князю Русскому Владимиру, как крестился Владимир, и как детей своих крестил, и всю землю Русскую от края до края, и как крестилась бабка Владимирова Ольга. Написано Иаковом Мних ом

Павел, святой апостол, церковный учитель и светило всего мира, посылая к Тимофею писание, говорил: «Чадо Тимофей, то, что слышал от меня при многих свидетелях, передай верным людям, которые будут способны и других научить».[I] И блаженный апостол Лука-евангелист к Феофилу писал, говоря: «Так как многие начали повествовать о известных событиях, случившихся с нами, захотелось и мне описать тебе, достопочтенный Феофил, исследовав все от начала и по порядку, чтобы уяснил ты, как начал Иисус творить и учить».[II] Для того же Феофила написал Деяния апостольские и Евангелие святой апостол Лука, а после жития и мучения многих святых начали описывать. Так и я, ничтожный монах Иаков, слышавший от многих о благоверном князе всей Русской земли Владимире, сыне Святослава,[III] и собрав из многого немногое, написал о добродетелях его, а также о двух сыновьях его, святых славных мучениках Борисе и Глебе.[IV] И написал, как благодать Божия просветила сердце князя русского Владимира, сына Святославова, внука Игорева, и как «желающий всякого человека спасти и к познанию истины привести»,[V] возлюбил его человеколюбивый Бог — и возжаждал

[1] **Господемь нашимь** нет М-П, Е.

князь святого крещения. «Как жаждет олень водного источника»,[VI] так возжаждал благоверный князь Владимир святого крещения, и исполнил Бог желание его. Ибо пишется: «Волю боящихся Его исполнит, и молитву их услышит, и спасет их».[VII] И сам Господь сказал: «Просите, и получите; ищите, и найдете; стучите, и откроется вам. Всякий просящий получит, ищущий найдет, стучащему откроется».[VIII] И еще сказал: «Кто уверует и крестится, тот спасен будет, а кто не уверует и не крестится, тот осужден будет».[IX] Он искал спасения и узнал о бабке своей Ольге,[X] как, пойдя в Царьград, приняла она святое крещение и жила, как следует по-божески, всеми добрыми делами украсившись, и почила с миром о Иисусе Христе и в благой вере. То все слышал князь Владимир о бабке своей Ольге, нареченной в святом крещении Еленой, и жизни ее подражала, святой царицы Елены,[XI] блаженная Ольга.

Это услышал князь Владимир, и разгорелось Святым Духом сердце его, желая святого крещения. Видя желание сердца его, Бог, зная о доброте его, снизошел с небес на князя Владимира милостью Своею и щедротами. И Бог Отец, и Сын, и Святой Дух, в Троице славимый, «проникающий в сердце и существо»[XII] Бог праведный, все предвидящий, просветил сердце князю Русской земли Владимиру, чтобы принял он святое крещение.

Крестился сам князь Владимир, и детей своих, и весь дом свой святым крещением просветил, и освободил каждую душу, и мужского пола, и женского, крещением святым. И возвеселился, как Давид,[XIII] и возрадовался Богу князь Владимир, и, как святой пророк дивный Аввакум,[XIV] «веселился, и Господу радовался»,[XV] Богу Спасу своему. О, блаженное время и день добрый, исполненный всякого блага, в который крестился Владимир князь и назван был в святом крещении Василий! И дар Божий осенил его, благодать Святого Духа освятила сердце его, и научился по заповеди Божией поступать и жить добродетельно по-божьи, и веру соблюдал твердо и непоколебимо.

Крестил он всю Русскую землю из конца в конец — и отверг нечестивое наваждение, и языческих богов, а вернее бесов, Перуна и Хорса, и других многих[XVI] попрал, и сокрушил идолов. И церковь построил каменную во имя Пресвятой Богородицы, прибежище и

спасение душам верным, и десятину[XVII] ей дал, чтобы о попах заботиться, и о сиротах, и о вдовицах, и о нищих. И потом всю землю Русскую и города все украсил святыми церквями. И отверг весь диавольский обман, и пришел от тьмы диавольской на свет с детьми своими, пришел к Богу, крещение приняв, и всю землю Русскую вырвал из пасти диавола и Богу привел и к свету истинному. Ведь сказал Господь устами пророка: «Отводящий от нечестия нечестивого, ты — как уста Мои».[XVIII] И был князь Владимир как уста Божии и людей от обмана диавольского к Богу привел. О, сколько радости и веселия было на земле! Ангелы возрадовались и архангелы, и души святых воспряли. Сам Господь сказал: «Какая радость бывает на небесах, если хоть один грешник раскается».[XIX] Бесчисленны души, приведенные к Богу святым крещением по земле Русской, исполнено дело, похвалы всякой достойное и радости духовной полное.

О, блаженный и трижды блаженный князь Владимир, благоверный, и христолюбивый, и гостеприимный, велика награда твоя от Бога! То же блаженный Давид говорил: «Блажен человек, которого Ты наставишь, Господи, и закону Твоему научишь его, и сохранишь его в горькие дни».[XX] Блаженный князь Владимир, отказавшись от службы диаволу, пришел к Христу Богу, своему Владыке, и людей своих привел, и научил их Богу служить. Ибо сам Господь сказал: «Тот, кто совершит и научит, тот великим назван будет в Царствие Небесном».[XXI] А ты, блаженный князь Владимир, был апостолом в князьях, всю землю Русскую приведя к Богу святым крещением, научил людей своих поклоняться Богу и славить и петь Отца, и Сына, и Святого Духа. И все люди Русской земли через тебя познали Бога, божественный князь Владимир. Возрадовались ангельские чины, агнцы славные, теперь радуются верные, и воспели и восхвалили! Как дети еврейские с ветвями встретили Христа, возглашая: «Осанна Христу Богу, Победителю смерти!»[XXII] — так и новоизбранные люди Русской земли восхвалили Владыку Христа с Отцом и Святым Духом. И к Богу святым крещением приблизившись, и диавола отвергнув, и службы его поругав, и бесов оплевав, истинного Бога познали, Творца и Создателя всего сущего. И поют во всякий день и час своей жизни песнь чудную, хвалу архангельскую: «Слава в вышних Богу,

и на земле мир, и в человеках благоволение».[XXIII] И ты, блаженный князь Владимир, подобно Константину Великому[XXIV] дело совершил, как он, верой великой и любовью к Богу подвигся. Утвердил Константин всю вселенную любовью и верою, и святым крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей вселенной заповедал. И разрушил храмы идольские с ложно возвеличенными богами, а церкви святые по всей вселенной поставил во славу Бога, в Троице славимого, Отца, и Сына, и Святого Духа, и крест обрел, всего мира спасение. С блаженной и богомудрой матерью своей святой Еленой и с детьми многими привел к Богу святым крещением людей бесчисленное множество. И жертвенники бесовские истребил, и храмы идольские разрушил, и украсил церквами и города, и всю вселенную, и повелел пением и молитвами в церквах память святым совершать и праздники праздновать во славу и хвалу Богу. То же и блаженный князь Владимир и бабка его Ольга совершили.

Блаженный князь Владимир, внук Ольгин, крестившись сам, и детей своих, и всю землю Русскую крестил из конца в конец, храмы и жертвенники идольские всюду раскопал и посек, и идолов сокрушил,[XXV] города и всю землю Русскую церквями украсил и память святым в церквях совершал пением и молитвами, и праздновал светло праздники Господни. Три стола накрывал: первый митрополиту с епископами и монахами, и с попами; второй нищим и убогим; третий себе и боярам, и мужам всем своим. Подражал царям святым блаженный князь Владимир, пророку Давиду, царю Иезекии,[XXVI] и трижды блаженному Иосии,[XXVII] и великому Константину, которые избрали и предпочли закон Божий всего превыше, и послужили Богу всем сердцем, и получили милость Божию, и наследовали рай, и приняли Царствие Небесное, и почили со всеми святыми, угодившими Богу. Подобен же им блаженный князь Владимир, послуживший Богу всем сердцем и всей душой. Не станем удивляться, возлюбленные, что чудес не творит после смерти, потому что многие святые праведные не сотворили чудес, но святы они. Как сказано об это где-то у Иоанна Златоуста: «Как узнаем и поймем человека святого, по чудесам или по делам? — И сказал: — По делам узнаем, а не по чудесам, потому что и волхвы много чудес сотворили бесовским наважде-

нием».[XXVIII] И были святые апостолы, и были лжеапостолы, и были святые пророки, и были лжепророки, слуги диавола. И еще чудо, «и сам сатана превращается в ангела света». По делам же узнаем святого, как апостол сказал: «Плод духовный — любовь, терпение, благоверие, благость, кротость и воздержание. На таковых нет закона».[XXX] Блаженный князь Владимир, возлюбя всем сердцем и всей душой Бога, заповеди Его познал и соблюдал. И все страны боялись его и дары ему приносили. И возвеселился, и возрадовался Богу и святому крещению, и благодарил, и славил Бога за все то князь Владимир. И так в радости со смирением в сердце говорил: «Господи Владыка благой, помянул Ты меня и привел на свет, и познал я Тебя, Творца всего сущего. Слава Тебе, Боже всех, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Слава тебе с Сыном и Святым Духом за то, что меня помиловал. Во тьме я был, диаволу служа и бесам, но Ты меня святым крещением просветил. Как зверь был, в язычестве много зла творил и жил, как скотина, но Ты меня благодатью Своей укротил и научил. Слава Тебе, Боже, в Троице славимый, Отец, и Сын, и Святой Дух! Троица Святая, помилуй меня, наставь на путь истинный и научи меня исполнять волю Твою, так как Ты — Бог мой!»

Князь Владимир следовал делу святых мужей и жизни их, и восхитился жизнью Авраама[XXXI] и подражал гостеприимству его, возлюбил Иаковлеву[XXXII] истину, Моисееву[XXXIII] кротость, Давидово беззлобие, более же всего Константину, царю великому, первому царю христианскому подражая в правоверии, милостыню творя князь Владимир. Если немощные и старые не могли дойти до княжеского двора и взять необходимое, то блаженный князь Владимир к ним домой посылал и все, что нужно, давал. Не могу описать многие его милости — милосердие проявлял не только в дому своем, но и по всему городу, не только в Киеве одном, но и по всей земле Русской. И в городах, и в селах, везде оказывал милосердие, нагих одевая, голодных кормя, жаждущих поя, странствующим покой давая, церковников чтя и любя, и милуя, подавал им нужное, нищих, и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и страждущих, всех миловал, и одевал, и кормил, и поил. Когда князь добрые дела совершал, то Божия благодать освящала сердце его и рука Господня помогала ему, и побеж-

дал всех врагов своих, и боялись его все. На кого шел, одолевал: радимичей победил и дань на них наложил, вятичей победил и дань на них наложил на обоих, ятвягов взял и серебряных болгар победил. И хазар, пойдя на них, победил и дань на них наложил.[XXXIV] Замыслив поход на греческий город Корсунь,[XXXV] так молился князь Владимир: «Господи Боже, Владыка всех, одно у Тебя прошу: дай мне город, чтобы взял и привел людей-христиан и попов на свою землю, и пусть учат людей закону христианскому». И услышал Бог молитву его, и взял он город Корсунь, и сосуды церковные, и иконы, и мощи священномученика Климента и других святых.[XXXVI] И в те дни было два царя в Царьграде, Константин и Василий.[XXXVII] И послал к ним Владимир, прося у них сестру себе в жены, чтобы укрепиться еще больше в законе христианском. И дали они ему сестру свою, и дары многие прислали ему, и мощи святых дали ему. И так добродетельно прожил благоверный князь Владимир и окончил жизнь свою в православной вере о Христе Иисусе, Господе нашем, как и благоверная Ольга. Она прежде него, пойдя в Царьград, приняла святое крещение, и, много сделав добра в этой жизни пред Богом, кончила жизнь свою в истинной вере и почила с миром, в руки Божии душу предав. И когда была война с печенегами,[XXXVIII] еще был жив князь Владимир, но болен, и от этой болезни предал душу свою в руки Божии.

Молитва князя Владимира.

Владимир князь, отходя от света сего, так молился, говоря: «Господи Боже мой, не познал я Тебя, но помиловал Ты меня и святым крещением просветил меня, и познал я Тебя, Боже всех, Святой Творец всего сущего, Отец Господа нашего Иисуса Христа, слава Тебе с Сыном и Святым Духом! Владыка Боже, не помяни моего зла, не знал я Тебя в язычестве, ныне же знаю Тебя и видел. Господи Боже мой, помилуй меня. Если хочешь меня казнить и мучить за грехи мои, казни Сам, Господи, не предавай же меня бесам». И так, Богу молясь, предал душу свою с миром ангелам Господним и умер. «Праведных души в руках Божиих»,[XXXIX] «и награда им от Вышнего, и примут они венец красоты из руки Господней».[XL]

После святого крещения прожил блаженный князь Владимир двадцать восемь лет.[XLI] На другой год после крещения к порогам хо-

дил, на третий год Корсунь город взял,[XLII] на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил, а на пятый год Переяславль заложил, в десятый год десятину блаженный христолюбивый князь Владимир дал церкви святой Богородицы из достояния своего.[XLIII] Об этом и сам Господь сказал: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».[XLIV] А блаженный князь Владимир сокровище свое на небесах милосердием и добрыми делами скрыл, там и сердце его было в Царствие Небесном. И Бог помог ему, и сел в Киеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. И Святослава князя печенеги убили, а Ярополк сел в Киеве на месте отца своего Святослава. И когда шел Олег с воинами Овруча города, обломился мост с воинами, и задавили Олега во рву, а Ярополка убили в Киеве люди Владимира.[XLV] И сел в Киеве князь Владимир на восьмой год после смерти отца своего Святослава, 11 июня в год 6486 (978).[XLVI] Крестился князь Владимир на десятый год после убийства брата своего Ярополка.[XLVII] Каялся и оплакивал блаженный князь Владимир все то, что совершил в язычестве, не зная Бога. Познав же Бога истинного, Творца неба и земли, покаявшись во всем и отвергнув бесов и диавола и служение ему, послужил Богу добрыми делами своими и милосердием. Преставился с миром 15 числа месяца июля 6523 (1015) г. о Христе Иисусе Господе нашем.

Комментарии

[I] *2 Тим.* 2: 2.

[II] Ср.: *Лк.* 1: 1–4.

[III] О Святославе см.: Гл. 2. 1.

[IV] Свв. Борис и Глеб были убиты сразу после смерти св. Владимира в 1015 г. своим двоюродным братом Святополком Ярополчичем. При Ярославе Владимировиче (до 1054 г.) были прославлены как святые многочисленными чудесами. Сочинение, которое можно было бы с уверенностью приписать Иакову, не известно. Это может быть первоначальная (без интерполяций) редакция «Сказания, и страсти, и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» (Анонимного). Подробнее см.: Гл. 1. 3.

[V] *1 Тим.* 2: 4.

[VI] *Пс.* 41: 2.

[VII] *Пс.* 144: 19.

[VIII] *Мф.* 7: 7–8; *Лк.* 11: 9–10.

[IX] Ср.: *Мк.* 16: 16.

[X] Ольга, св. равноап. († 969) — вдова Игоря, мать Святослава, о ее крещении см.: Гл. 2. 2; 4. 1.

[XI] Елена, св. равноап. († 327) — мать императора св. равноап. Константина Великого. Ее деятельность имела большое значение для распространения христианства.

[XII] *Пс.* 7: 10.

[XIII] Царь Давид, перенесший Ковчег Завета в Иерусалим и написавший бóльшую часть псалмов.

[XIV] Один из малых пророков.

[XV] Ср.: *Пс.* 31: 11.

[XVI] Перун — громовик, верховный бог пантеона, созданного Владимиром-язычником, бог грома; Хорс — солнечное божество.

[XVII] Первый каменный храм на Руси, о десятине см.: Гл. 6. 1.

[XVIII] Ср.: *Иер.* 15: 19.

[XIX] *Лк.* 15: 7, 10.

[XX] *Пс.* 93: 12.

[XXI] *Мф.* 5: 19.

[XXII] Ср.: *Мф.* 21: 9, *Мк.* 11: 9–10, *Ин.* 12: 13.

[XXIII] *Лк.* 2: 14.

[XXIV] Константин, св. равноап. (ок. 274–337) — римский император (306–337). При нем прекратилось преследование христиан (Миланский эдикт 313 г.). В 325 г. в его присутствии и при его участии состоялся Никейский (I Вселенский) собор, принявший православный Символ веры.

[XXV] Многие святилища имели валы и рвы, были огорожены деревянными оградами (см.: *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993), поэтому валы нужно было раскопать, а деревянные сооружения посечь.

[XXVI] Иезекия (715–687 до Р. Х.), иудейский царь, боровшийся с идолопоклонством.

[XXVII] Иосия (627–613 до Р. Х.), благочестивый царь иудейский, восстановивший почитание истинного Бога.

[XXVIII] Происхождение цитаты не выявлено.

[XXIX] 2 *Кор.* 11: 14.

[XXX] *Гал.* 5: 22–23.

[XXXI] Авраам — ветхозаветный патриарх и праведник, родоначальник евреев и арабов. Ему явился Бог в образе трех ангелов у Мамврийского дуба.

[XXXII] Иаков-Израиль — ветхозаветный патриарх, сын Иакова, внук Авраама.

[XXXIII] Моисей — ветхозаветный пророк, вывел еврейский народ из египетского плена, на горе Синай получил от Бога заповеди (т. н. Декалог).

[XXXIV] Далее перечисляются походы языческого времени (978–986 гг.); два похода на вятичей указаны в «Повести временных лет» и Начальном своде (см.: Гл. 2. 3).

[XXXV] Как следует из дальнейшего изложения, поход на Корсунь состоялся на третий год после крещения. Поэтому у Иакова св. князь Владимир молит Бога о даровании ему города, чтобы привести на Русь учителей для своего народа.

[XXXVI] Климент, папа римский (I–II в.). Умер в ссылке в Херсонесе, его мощи были найдены на островке в Херсонесской бухте свв. Константином-Кириллом и Мефодием и перенесены в Рим в 867 г. Глава св. Климента была перенесена св. кн. Владимиром в Киев и хранилась в Десятинной церкви. Титмар Мерзебургский в 1018 г. даже называет ее не церковью Богородицы, а церковью св. Климента.

[XXXVII] Василий II Болгаробойца (958–1025) и его брат Константин VIII (960–1028), императоры с 963 г. См.: Гл. 4. 2.

[XXXVIII] Об этом пишется в летописях и в житиях свв. Бориса и Глеба, так как именно Борис был отправлен во главе войска.

[XXXIX] *Прем.* 3: 1.

[XL] *Прем.* 5: 15–16.

[XLI] Тот же срок жизни указан в «Сказании, и страсти, и похвале святым мученикам Борису и Глебу» (Анонимном). Крещение у Иакова датировано 987 г. О хронологии памятника см.: Гл. 1. 3.

[XLII] Поход к Порогам состоялся в 988 г., а взятие Корсуня в 989 г. (см.: Гл. 4. 2, Табл. 1; Гл. 5. 1).

[XLIII] Закладка Десятинной церкви — в 990 г. (989 или 991 г. в разных редакциях «Повести временных лет»), Переяславля — в 991 г. (992 г. в «Повести временных лет»), освящение Десятинной церкви — в 995 г. (996 г. в «Повести временных лет»).

[XLIV] *Мф.* 6: 21, *Лк.* 12: 34.

[XLV] В отличие от летописца, Иаков не упоминает о битве Ярополка с Олегом (см.: Гл. 1. 3; 2. 2).

[XLVI] О датировках см.: Гл. 1. 3; 2. 2.

[XLVII] 987 г., 6495 (987) г. как год крещения указан также в «Чтении о житии и погублении святых мучеников Бориса и Глеба» преп. Нестора. О дате см.: Гл. 1. 3; 4. 2.

Въ тъ же дьнь оуспенье блаженаго і великаго кнѧза Володимера,[1] крестившаго землю Русьскую[2]

Сь оубо Володимеръ бѣ сынъ Сватославль ѿ племени варѧжьска. Первоє же къ ідоломъ много тщанье твораше[3] по отьчю преданью, да єгда въсхотѣ Богъ ізбрати собѣ люди новы въдохноу[4] в сего[5] благодать Сватаго Духа, възбноу тако[6] ѿ сна ѿ лютаго идолослуженьа, і посла по всѣмъ ѩзыкомъ, іспытаа законы,[7] како[8] вѣроуютъ.[I] И *уведевь*[9] сватую вѣроу гречьскую, тако свѣщю на свѣтилѣ, і рече в себѣ: «Сице да створю,[10] поіду в землю ихъ, и[11] пленю грады ихъ, и обрѧщу ту[12] оучителѧ».[II] Да іже оумысли, то і створи. І шедъ, взѧ Корсунь и посла къ цареви гречьскому:[13] «Даі за мѧ сестроу свою. Ащє ли не даси, то створю граду твоємоу, тако і семоу створихъ». Он же ѿвѣща: «Нѣ[14] сдѣ таковаго обычаа оже[15] крестьѧномъ дагати за поганыа. Ащє ли сѧ крестиши, то се получиши і вѧщьши[16] сего получиши,[17] царство небесноє». І рече Володимеръ: «Тако да створю, пришедъ же[18] ѿ тебє съ царицею да[19] крестать мѧ».[III] І въ то врема Володимеръ въ недоугъ впаде[20] обѣма *очима*.[21] І рече царица, пославши к немоу: «Ащє не крестишисѧ, не ізбудеши болѣзни[22] тоа». Онъ же рече: «Крестите мѧ,

---

Издано по списку РНБ, ОР, ПДА, А 1/264, 2 (Пролог 2-й редакции конца XIV в., мартовская половина) с разночтениями по спискам: РНБ, ОР, Q. п. 1. 63 (болгарская одноеровая рукопись XIII в., Б); Прологам 2-й редакции БАН, ОР, Арханг. Д. 100 (1450-е гг., Д); Никольск. 263 (сер. XV в., Н). В Прологе ПДА по всей рукописи вместо йотированного е (ѥ) пишется якорное Ꙗ, которое передается в издании через обычное ѥ.

[1] **Володимирь** по всему тексту Б, **Владимеръ** Д; [2] **всоу Рускую землю** Б; [3] **творѧше** Д, Н; [4] **и въдохну** Н; [5] **себе** Б; [6] **аки** Д; [7] **законь ихъ** Б; [8] **и како** Д, Н; [9] Б, **оувидѣвъ** ПДА, Д, Н; [10] **сотвори** Н; [11] Нет ПДА; [12] Нет Н; [13] **глаголѧ** Б; [14] **Нѣсть** Б, Н; [15] **оуже** Н; [16] **вѧще** Б, Н; [17] **вѧщь блъ ше** Д, нет Б, Н; [18] **пришедше** Б, Д, Н; [19] **ти да** Д, Н; [20] **впал бѧше Володимеръ въ недоугъ** Д, Н; [21] Б, Д, Н, **окома** ПДА; [22] **моукы** Н.

ібо на[1] то вы кємь призвалъ». Ꙗгда крестиша[2] і, створисѧ чюдо велик:[3] Вьшедшю кмꙋ въ сватꙋю кꙋпѣль, ѿверзостасѧ очи кмꙋ, *и быста,*[4] *тако николи же имѣвши недꙋга.*[5] Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ дшею і тѣломь, радовашесѧ.

И пришедъ *Киквоꙋ*,[6] і изби всѧ идолы, і *Перꙋна, Хорса,*[7] Дажьбога и Мокошь,[IV] и прочаѧ кюмиры.[8] По семь възва[9] все множьство людии, заповѣдавъ[10] імъ крститисѧ, нарекъ имъ дьнь, сице рекъ: «Ащє кто не обращетсѧ[11] оутро[12] на рѣцѣ, то бꙋдетъ противенъ мнѣ». И снидесѧ весь народъ,[13] мужи і жены, на Почаинꙋ рѣкꙋ,[V] і младеньци. *Свершені*[14] во водѣ стоѧхꙋ ови до погаса, овы[15] до выа, дрꙋзіі бродѧхꙋ, а прозвꙋтери по брегꙋ стоѧхꙋ,[16] молитвы глаголюще,[17] иже надъ крестимыми. І ѿтолѣ наречет сѧ мѣсто то сваток, ідеже нынѣ церкви[18] кстъ сватꙋю мученика Тꙋрова.[19] І тъ бысть первыі[20] ходатаі нашемꙋ спасению.[VI] Вълодимеръ же възрѣвъ на небо, помолисѧ за крестьѧны, глаголѧ:[21] «Боже, створивыи небо і землю![VII] Призри на новопросвѣщеныѧ люди си, и даі же[22] імъ, Господі, оувѣдѣти *Тебє*,[23] Бога истиньнаго, і оутверди іхъ въ правꙋю вѣрꙋ,[24] і мнѣ помози, Господи, на сꙋпротивныѧ врагы, *да надѣюсѧ на Твою дрьжавꙋ, попрꙋ кьзни кго*».[25]

І повелѣ людемъ ставити церкви по всѣмъ градомъ, а самъ създа цьрковь въ има[26] сватыѧ[27] Богородица,[VIII] оудививъ.[28] Пребыв же нѣколико лѣтъ нача болѣти. Престависѧ къ Богꙋ мѣсѧца иоꙋлѧ 15.[29] Тѣло же кго положиша въ цьркви сватыѧ Богородица,[30]

---

[1] ис Н; [2] же крестиша Д; [3] велико Д; [4] его, и быша Н; [5] Б, Д, Н, нет ПДА; [6] Б, въ Киквъ ПДА, И радовашесѧ, пришедъ Киевꙋ Д; [7] Б, Н, Перꙋна Хꙋрса ПДА, Хоръса Пог., Хор'са Д; [8] всѧ идолы Б, Д; [9] сьзва Б, съзва Н; [10] заповѣда Н; [11] обращеть ҁ Н; [12] оутрь Н; [13] сниде на Почаинꙋ рѣкꙋ весь вьзрастъ Б, възрастъ Д, въздрастъ людіи, и Н; [14] Б, Д, Н, сверши і ПДА; [15] ини Б, а инии Д; [16] стоѧщи Д; [17] глаголахꙋ Б, Д; [18] цр҃квн Б, Н, цр҃квь ПДА, Д; [19] оꙋ Тꙋрова Н; [20] церкви естъ свата мученикꙋ Тꙋровѣ. И тъ бысть пръвыхъ и Д; [21] Нет Н; [22] дажь Б; [23] Нет ПДА; [24] в нихъ правꙋю вѣрꙋ Б; [25] Б, надѣатисѧ на твою державꙋ, попрꙋ козни іх ПДА, надѣасѧ Д, Н; [26] Нет Б; [27] всесватыа владычица нашеа Н; [28] ꙋдивовъ Б, и оудививъ ю вельми Д; [29] въ 15 день Д, Н; [30] сватѣи Богородици Н.

юже самъ създа.[1] И плакася его все множьство людии: богаре яко отца, люди[2] яко заступніка, сироты яко помощніка, нищи і вдовици яко печалника[3] і кормителя.

Да[4] како тя възможемъ по достоянию[5] похвалити, створшаго дѣло равно апостоломъ. Хвалить бо[6] Римьскаа земля Петра и Павла, Асиа Богословца Іѡана, Ѥѵпетьскаа Марка, Антіохіскаа Луку, Гречьскаа Андрѣа,[IX] вся же Русьскаа земля, тебе, княжь[7] Володимере, яко Господня апостола. Молебными пѣсньми[8] память твою празднующе, похвалныа вѣнца[9] приносим ти, глаголюще:

Радуіся, блаженыі Володимере, пріимыи вѣнець ѿ рукы[10] Вседержителя Бога!

Радуіся, сватаа главо, вожю і оучителю нашь, ім же ізбывше тмы, і свѣтъ познавше!

Радуіся, честное древо самого Раа, иже[11] ізрасти намъ сватыа лѣторасли,[12] сватаа мученика[13] Бориса и Глѣба,[X] ѿ нею же нынѣ сынове русьстіі насыщаются, *пріемлюще*[14] недугомъ ицѣленье!

Радуіся, дѣлателю вѣры Христовы,[15] істерзавъ льстное терньє із Руси, взоравъ[16] крещеньемь всю Русьскую[17] землю і насеавы сватымі книгами, ѿ нихъ же жнють русьстіі сынове полезныа руковати[XI] покаанье.[18]

Друзіі же[19] гадать неоскудную[20] пищю въ царствии небесѣмь, ія же трапезы *сподобимся*[21] и мы, грѣшніі[22] і недостоіни, кающеся о своіхъ сьгрѣшенііх.[23]

---

[1] юже бѣ самъ создалъ Д; [2] людіе Н; [3] помощника Д; [4] Б, Д, нет ПДА; [5] достоино тя Н; [6] убо Б, бо обою Д, шбоа Н; [7] Нет Б, княже Д, Н; [8] псалмы Д; [9] похвалныж вѣнцж Б; [10] Нет Б; [11] имь же Н; [12] Нет Б, Д; [13] сватою мученикоу Н; [14] пріемлющимъ ПДА; [15] крестіанскыа Д; [16] начертавъ Н; [17] Нет Б; [18] рукоати покаанііа Б; [19] оуже Н; [20] нескудную Б; [21] Б, Д, оуподобимся ПДА; [22] Нет Б; [23] грѣсѣхъ Б.

Проложное житие 1-го вида

В тот же день. Успение святого и блаженного князя Владимира, крестившего землю Русскую

Этот Владимир был сын Святослава из рода варяжского. Сначала он истово поклонялся идолам по преданию отцов. Когда Бог пожелал избрать Себе новых людей, вдохнул в него благодать Святого Духа, и очнулся, как от сна, от лютого идолослужения, и послал ко всем народам узнать об их законе, как они веруют.[I] И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал про себя: «Сделаю так, пойду в землю их и пленю города их, и найду учителей».[II] Что задумал, то и сделал: пошел и взял город Корсунь и послал к греческому царю со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если же не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Он же отвечал: «Нет здесь такого обычая, христиан отдавать замуж за язычников. А если крестишься, то и ее получишь, и больше этого — Царствие Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть пришедшие от тебя с царицею крестят меня».[III] В то время у Владимира заболели оба глаза. И сказала, послав к нему, царица: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». Он же сказал: «Крестите меня, потому что для этого призвал вас». И когда его крестили, совершилось великое чудо: когда он вошел в святую купель, его глаза открылись, словно никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил всеобщего Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И придя в Киев, разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Дажбога и Мокошь,[IV] и всех прочих кумиров. Потом созвал весь народ и повелел им всем креститься. Назначил им день, сказав: «Кто утром не окажется на реке, тот мне враг». И пришел на Почайну-реку[V] народ всякого возраста, мужчины, и женщины, и дети. Взрослые стояли

в воде, одни по пояс, иные — по шею, а другие ходили в воде, а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы, как над крестимыми. С того времени называется это место святым, там, где ныне стоит церковь двух святых мучеников Турова. И тот был первым ходатаем нашего спасения.[VI] А Владимир, воззрев на небо, помолился за христиан, говоря: «Боже, сотворивший небо и землю! Взгляни на этих новообращенных людей, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, и утверди в них правую веру, и мне помоги, Господи, против врагов, чтобы, надеясь на Твою державу, одолел козни его (диавола)».[VII]

И приказал людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь святой Богородицы[VIII] на диво. Через несколько лет преставился к Богу 15 числа месяца июля. Тело его положили в церкви святой Богородицы, которую он сам построил. И оплакивал его весь народ: бояре как отца, люди как заступника, сироты как помощника, вдовицы и нищие как покровителя и кормильца.

Как сможем мы по достоинству восхвалить тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Хвалит Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Луку, а Греческая — Андрея,[IX] вся же Русская земля тебя, князь Владимир, как Господня апостола. Песнопениями память твою празднуя, венец похвал приносим тебе, говоря:

Радуйся, блаженный Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога!

Радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с которым освободились от тьмы и узнали свет!

Радуйся, честно́е древо из самого Рая, от которого вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба,[X] от которых ныне питаются сыны Руси, принимая исцеление болезней!

Радуйся, работник веры Христовой, ты вырвал терние лжи из Руси, вспахал крещением всю землю и насеял ее святыми книгами, от которых сыны Руси пожинают полезные снопы[XI] покаяния!»

И другие уже питаются неоскудевающей пищей в Царствие Небесном, да сподобимся этой трапезы и мы, недостойные, кающиеся в согрешениях.

Комментарии

[I] В Проложном житии (далее: ПрЖ), в отличие от летописи, упоминается только об испытании веры.

[II] Мотив завоевания Корсуня для христианского просвещения Руси взят из «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, но там князь отправляется в Крым, будучи уже христианином.

[III] В отличие от летописи, здесь назван только один царь, а не два, реально правившие в то время, Василий II и Константин VIII. Имя их сестры, Анна, также не упоминается. О соотношении с летописью см.: Гл. 3. 3; 4. 3.

[IV] Перечень идолов заимствован из летописной статьи 6496 (988) г.

[V] По летописи, крещение происходило в Днепре, подробнее см.: Гл. 4. 4.

[VI] Это указание есть только в ПрЖ, причем в ПрЖ-2 говорится о церкви Петра, подробнее см.: Гл. 4. 4.

[VII] Молитва св. Владимира взята из летописной статьи 6496 (988) г.

[VIII] О строительстве церкви Богородицы сказано в летописной статье 6499 (991) г., а об освящении и даровании ей десятины говорится в летописной статье 6504 (996) г.

[IX] Перечисление земель, где благовестили апостолы, заимствовано из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Текст был переделан в соответствии с идеей пентархии, т. е. пяти патриархатов — Рима, Александрии Египетской, Антиохии, Константинополя и Иерусалима. Последний заменен Малой Азией и митрополией Ефеса.

[X] Свв. Борис и Глеб, сыновья св. Владимира, после его смерти убитые своим двоюродным братом Святополком Ярополчичем в 1015 г.

[XI] Здесь: снопы. Ср.: *Пс.* 128: 7: «**Ѩ же** (травой) **не іспълъни рѫкы своєѩ жьнѩи, ни лона своєго събирaѩ рѫковѩти**» (по Синайской глаголической Псалтири XI в.).

Въ тъ же дьнь сватаго князя[1] Володимира крьстившаго всю Рускую землю

Сь бысть сынъ Святославль ѿ племени варяжьска князь Володимиръ. Первоѥ къ *идоломъ много*[2] тъщаниѥ *твора по* отъцю преданию, *да ѥгда* Богъ въсхотѣ собѣ *люди* новы избрати, въдъхну въ *сего*[3] благодать Святаго Духа и възбнувъ, акы ѿ сна, ѿ лютаго идослужениа и посла[4] по всѣмъ языком, испытаа законъ ихъ, како вѣрують.[I] И оувѣдѣвъ святую грѣчьскую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече въ себе: «Сице створю, поиду в землю их, и плену грады ихъ, и wбращу оучителя».[II] Да ѥже оумысли, то створи. Шедъ, взя Корсунь и посла къ *цесарю*[5] грѣчьскому, глаголя: «Даи за мя сестру свою. Аще ли не даси, то створю граду твоѥму, якоже и сему створих». Wнъ же ѿвѣща: «Нѣсть сдѣ[6] таковаго обычаа крестьяномъ дагати за поганыа. Аще ли ся крьстишь, то и се получишь, и вяще сего, Царство небесноѥ». И рече Володимиръ: «Тако створю. Пришедше ѿ тебе съ цесарицею, *крьстать*[7] мя». И въ то врема впалъ бяше Володимѣръ в недугъ обѣма очима. И рече послави *цесарица*[8] к нему: «Аще не крьстьшьсѧ, не избудеши болезни сеа». Wн же рече: «Крьстите мя, ибо на то вы ѥсмь призвалъ». И ѥгда крьстиша и, створися чюдо велыѥ: *въшедъшю*[9] оубо ему въ святую купѣль, и ѿверзостася ему очи, и бысть яко николи же имѣвъ[10]

Издано по списку РНБ, ОР, F. п. 1. 47 (Пролог 1-й редакции архаической традиции, сер. XIV в., А) с разночтениями по Прологам 1-й редакции: РГАДА, Тип. 173 (368) (перв. пол. XIV в., Т1); Тип. 171 (366) (архаической традиции, сер. XIV в., Т2); ГИМ, Син. 240 (1400 г., С).

[1] **Оуспениѥ блаженаго князя Володимира** Т1, Т2; [2] Верхние края листов оборваны, текст, выделенный курсивом, восстановлен по Т1, Т2 и С; [3] Т1, Т2, С, **себе** А; [4] **послав по всѣмъ** Т2; [5] Т1, Т2, С и поздние, **царю** А; [6] Нет Т2; [7] Т1, Т2, С и поздние, **царицею, крьститѥ** А; [8] Т1, Т2, С и поздние, **царица** А; [9] Написание испр. по Т1; [10] **имѣа** Т2.

недуга. Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣломь.

И пришедъ къ Кыеву, изби вся идолы: *Перуна*,[1] Хорса,[2] Дажьбога и Мокошь, и прочая вся кумиры.[III] По семь созва все множьство людии и заповѣда имъ крьститися, нарекъ имъ дьнь, рекъ: «Аще кто не обращется оутро на рѣцѣ, тъ будеть противенъ мнѣ». И сниде на Почайну рѣкуIV всь възрастъ, мужы, и жены,[3] и младенци. Свершении же стояхуть въ водѣ wви до пояса, инии до выа, а друзии бродяхуть. А прозвутеры, по брегу стояще, молитвы глаголяхуть, яко надъ крьстимыми. И w҃толѣ наречеся мѣсто святое, идеже нынѣ цьркы есть Петрова,V и тъ бысть 1-и[4] ходатаи нашему спасению. Володимѣрь же възрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвѣщеныа люди сиа,IV и даже[5] имъ, Господи, оувѣдѣти[6] Тебе, истиньнаго Бога, оутверди в нихъ правую вѣру, и мнѣ помози, Господи, на супротивныа врагы,[7] да надѣяся на Твою державу, попру козни его».

Повелѣ же людемъ ставити цьркви[8] по всѣмь градомъ, а самъ созда цьрковь святую Богородицю оудививъ. Пребывъ же нѣколико лѣтъ и[9] преставися к Богу въ 15 мѣсяца июля. Тѣло же его положиша оу церкви святыа Богородица, юже самъ създа. И плакася его все множьство людии: богаре акы w҃ца, людье акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовицѣ яко печалника и кормителя.

Да како тя възможемъ по достоянию похвалити, створшаго дѣло[10] *равно апостоломъ. Хвалитъ оубо Римьскаа земля Петра и* Павла, *Асиа Иоана Богословьца*, Єгупетьскаа *Марка, Антиохиискаа Луку, Грѣчьскаа*[11] Андрѣа,VII *вся же Русьскаа земля тебе, Володимире*, яко Господня апостола. *Молебными* пѣсньми память твою празднующе, похвалныа вѣнца приносимъ ти, глаголюще:

---

[1] T1, T2, C и поздние, Неруна A; [2] Хърса T1, Хорса T2; [3] мужь и женъ T1, T2, C; [4] пьрвыи T1,T2, C; [5] дажь остальные; [6] видити C; [7] супостатныа T1, соупротивнаго врага C; [8] Написано без сокращения в A; [9] нача болѣти и T1, C; [10] Обрыв листа, выделенный курсивом текст восстановлен по T1, T2 и C; [11] нет T2.

Радуися, Володимѣре,[VIII] приимый вѣнець ѿ Вседержителя Бога! Радуися, святаго главо, вожю и оучителю нашь, имь же избывше ѿ тмы, а свѣтъ *познахомъ*![1]

Радуися, честное древо самого Рага, иже възрасти намъ святѣи лѣторосли святаго мученика Бориса и Глѣба,[2] ѿ нею же нынѣ сынове русьстии насыщаютъ ся, приемлюще недутомъ ищѣление!

Радуися, дѣлателю вѣры Христовы, растерзавъ льстное терние и раздрушивъ,[IX] възоравъ крьщениемь всю землю и наставъ святыми книгами, ѿ нихъ же жнютъ русьстии сынове пользныа рукогати[X] покаганиа.[3]

И друзии оуже гадать нескудную пищю въ Царствии небеснѣмь, ка же трапезы сподобимся и мы, недостоинии, *кающеся о*[4] *съгрѣшении.*

Проложное житие 2-го вида

В тот же день. Святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю

Это был сын Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он истово поклонялся идолам по преданию отцов. Когда Бог пожелал избрать Себе новых людей, вдохнул в него благодать Святого Духа, и очнувшись, как от сна, от лютого идолослужения, и послал ко всем народам узнать об их законе, как они веруют.[1] И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал про себя: «Сделаю так, пойду в землю их и пленю города их, и найду учителей».[II] Что задумал, то и сделал: пошел и взял город Корсунь и послал к греческому царю со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если же не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Он же отвечал: «Нет здесь такого обычая, христиан отдавать замуж

[1] Т1, Т2, С, **познавше** А; [2] **святую мученику** Т1, С; [3] Обрыв листа, текст восстановлен по Т1, Т2 и С; [4] **согрѣшенииъ своихъ** Т1.

за язычников. А если крестишься, то и ее получишь, и больше этого — Царствие Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть пришедшие от тебя с царицею крестят меня». В то время у Владимира заболели оба глаза. И сказала, послав к нему, царица: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». Он же сказал: «Крестите меня, потому что для этого призвал вас». И когда его крестили, совершилось великое чудо: когда он вошел в святую купель, его глаза открылись, словно никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил всеобщего Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И придя в Киев, разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Дажбога и Мокошь, и всех прочих кумиров.[III] Потом созвал весь народ и повелел им всем креститься. Назначил им день, сказав: «Кто утром не окажется на реке, тот мне враг». И пришел на Почайну-реку[IV] народ всякого возраста, мужчины, и женщины, и дети. Взрослые стояли в воде, одни по пояс, а иные — по шею, другие ходили в воде, а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы, как над крестимыми. С того времени называется это место святым, там, где ныне стоит церковь Петрова,[V] и тот был первым ходатаем нашего спасения. А Владимир, воззрев на небо, помолился за христиан, говоря: «Взгляни на этих новообращенных людей, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, и утверди в них правую веру, и мне помоги, Господи, против врагов, чтобы, надеясь на Твою державу, одолел козни его (диавола)».[VI]

И приказал людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь святой Богородицы на диво.

Через несколько лет преставился к Богу 15 числа месяца июля. Тело его положили в церкви святой Богородицы, которую он сам построил. И оплакивал его весь народ: бояре как отца, люди как заступника, сироты как помощника, вдовицы и нищие как покровителя и кормильца.

Как сможем мы по достоинству восхвалить тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Хвалит Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Луку, а Греческая — Андрея,[VII] вся же Русская земля тебя, Владимир, как Господня апостола. Песнопениями память твою празднуя, венец похвал приносим тебе, говоря:

Радуйся, Владимир,[VIII] принявший награду от Вседержителя Бога!

Радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с которым освободились от тьмы и узнали свет!

Радуйся, честно́е древо из самого Рая, от которого вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба, от которых ныне питаются сыны Руси, принимая исцеление болезней!

Радуйся, работник веры Христовой, ты разорвал терние лжи и разрушил,[IX] вспахал крещением всю землю и насеял ее святыми книгами, от которых сыны Руси пожинают полезные снопы[X] покаяния!

И другие уже питаются неоскудевающей пищей в Царствие Небесном, да сподобимся этой трапезы и мы, недостойные, кающиеся в согрешениях.

Комментарии

[I] См. прим. к Проложному житию 1-го вида (далее: ПрЖ-1).

[II] См. прим. к ПрЖ-1.

[III] См. прим. к ПрЖ-1.

[IV] См. прим. к ПрЖ-1.

[V] В ПрЖ-1 церковь названа «Турова». О возможном объяснении этой разницы см.: Гл. 4. 4.

[VI] По сравнению с летописной статьей 6496 (988) г., из которой взята эта молитва, и ПрЖ-1 в этом тексте пропущена первая фраза.

[VII] См. прим. к ПрЖ-1.

[VIII] В ПрЖ-1 Владимир здесь назван «блаженным».

[IX] В ПрЖ-1 было «**істєрзавъ лъстнок тєрнък із Руси**».

[X] См. прим. к ПрЖ-1.

Памать благовѣрнаго и великаго князя Володимера, крестившаго Рускую землю[1]

Се сынъ бысть Святославль ѿ племени варязьскаго[2] князь Володимеръ. Первое ко идоломъ много тщание твора по преданию ѿчю, да егда въсхотѣ Богъ собѣ новы люди изъбрати, въдохну благодать в сего Святаго Духа и възбну, аки ѿ сна, ѿ лютаго идолослужениа и посла по всѣмъ языкомъ, испытаа законъ ихъ, како вѣруютъ.[I] Ходиша[3] бо слугыи і в Болгары и в Нѣмци и видѣша скверная дѣла ихъ, и ѿтолѣ идоша въ Царьградъ и видѣша оукрашение церковное и чинъ божественыа службы, ізрадная архиерѣиская лѣпота, пѣныа же и лики и предъстоание дьяконъ. Ту 8 днии пребыша.[II] Царь Василии и Костаньтинъ ѿпусти ѧ с дары велики и съ многою честью. Они же придоша в Роусь.[III]

Володимеръ же съзва боаре своа старыа[4] и рече имъ: «Се пришли послании нами, да слышимъ ѿ них бывшее».[3] И рѣша слугы[IV] ходившии, яко: «Смотрихомъ како покланаютсѧ болгари в ропате, стоаще бес поаса. Поклонивсѧ, сядеть и гладить семо и онамо, яко бешенъ, и нѣсть весельа в нихъ, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ. В Нѣмцехъ же многи видѣхомъ въ храмѣхъ службу творяща, а красоты никакоа же не видѣхомъ в них. Придохом же въ Грекі и ведоша ны, идѣ же служатъ Богу своему. Не свѣмы, на небеси ли есмы были или на земли, и нѣсть никдѣ же такова вида, ни красоты такоа. И не доумѣемъ бо[5] сказати, токмо то вѣмы, яко онде Богъ съ человѣки пребываетъ и есть служба ихъ луче всѣхъ странъ. Мы оубо не можемъ забы-

---

Обычное житие издано по списку РНБ, ОР, Пог. 805 (сер. XV в.) с разночтениями по спискам Пог. 798 (перв. пол. XVI в., 798), Пог. 800 (сер. XVI в., 800). В Пог. 805 ѥ передается через наклонное вправо ҆ с крышечкой.

[1] Памать князь Володимера. Господи, благослови, ѿе. Пог. 805, Слово великаго князя Владимера на оуспенье его самодръжца Роускои земли, нареченънаго въ свято крещеньи Василья 798; [2] варяжьска 800; [3–3] Нет 798, 800; [4] и старіи 798; [5] не оумѣемъ 798, 800.

ти красоты тога. Всякъ бо человѣкъ, аще вкуситъ сладка, послѣ не приметъ горести. Тако и мы, княже, не имамъ сде быти, но идемъ тамо». Богаре же рекоша: «Аще бы лихъ[1] законъ греческыи, то не бы приила его[2] Олга, баба твога». Володимеръ же рече: «Воля Господня да будетъ».[V]

Минувшоу же лѣтоу, иде Володимеръ *с вои*[3] на Корсунь град греческыи. Оумысли бо в собѣ: «Попленю градъ ихъ, и wбращю оучителя».[VI] Коръсунане же борахоу крѣпко. Володимеръ же рече: «Аще ми сѧ не дасте, стогати имамъ за 3 лѣта». Они же не послушаша, и стога Володимеръ 6 мѣсяць.[VII] Бѣ же в Корсуни мужь Анастасъ именемь. Сеи написавъ на стрѣлу и пусти ю: «Кладазю[4] w̃ восточныа града страны въ градъ по трубамъ сведени, копавъ переими га». Володимеръ же, се слышавъ, рече: «Господи Боже, аще ми се сбудеть,[5] то крещюсѧ». Ту абьѥ велѣ копати впреки трубамъ и преграша[6] воду. Людьѥ же изнемогоша водною жажею и предашасѧ.

Володимеръ же посла къ царема Василью и Костантину, глаголя има: «Се градъ славныи ваю взяхъ. Слышю[7] же, тако сестру имата дѣвою, аще ми ю не даста, азъ и ваю граду створю, тако и сему створіхъ». Wна же w̃вѣщаста: «Намъ не достоить, крестьяномъ, за погануа давати. Аще сѧ крестиши, и се получиши и Царство небесноѥ примеши вящь сего, аще ли сего не сътвориши, не дамы и сестры своеа». Володимеръ же посланымъ рече: «Пришедше съ царицею, крестите мѧ».[VIII] И посласта царя сестру свою Аньну и с нею воеводы и прозвутеры. И пришедше въ Корсунь градъ,[8] и въ то врема разболѣсѧ Володимиръ wбѣма wчима. И рече Анна царица, послави к нему: «Аще сѧ не крестиши, не избудеши болѣзни сеа». Wн же рече: «Крестите мѧ». Ѥпископъ же корсуньскы и с попы царицыны, wгласивше, крестиша и въ церкви святого Якова[IX] в Корсунѣ градѣ, има Василии нарекоша ему. Бысть же чюдо преславно: тако възложи рукоу на нь ѥпископъ, абьѥ

[1] не былъ бы добръ 798, 800; [2] 798, 800, нет Пог. 805; [3] Нет 798, 800; [4] Кладази 798, 800; [5] сбудетъ сѧ 798, 800; [6] преграше 798; [7] Слышахъ 798; [8] придоша в Корсунь 798, 800.

прозрѣ. Володимеръ же, просвѣщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣломъ. И мнози ѿ богаръ его крестишася. И постави церковь на горѣ в Корсуни святаго Василья.

И по семь поимъ царицю и Анастаса и попы корсуньскыа[X] с мощьми святаго Климента и Фиѳа[1] оученика его.[XI] Поима же церковныа съсуды, и иконы, и зборныа книгы. А городъ Корсунь вда царема за вено сестры дела ею, а самъ къ Киеву идѣ. Яко приде, идолы повелѣ испроврещи, швы повелѣ иссѣчи,[2] а други исжещи. А Волоса идола, его же скотьа именоваху бога, велѣ[3] в Почаину вовреще.[XII] Перуна же велѣ[3] привязати коневи къ хвосту и влещи и съ горы по Боричеву на Ручаи.[XIII] И слуги пристави бити кумиры жезлыемь. Се же не яко древоу чюющю, но на поругание бѣсу, иже прельщаше симъ швразомъ человѣки. Плакаху же невѣрнии людие, еще бо не бяху приняли святаго крещеньа. И привлекше Перуна кумира, въвѣргоша въ Нѣпръ,[4] и проплы и[5] пороги, изверже и вѣтръ на брегъ, ѿтолѣ[6] прослы Перуна гора.[XIV] И заповѣдь по всему граду положи, да оутро вси швращуть са на рѣцѣ, богатъ или оубогъ, или нищь, или работенъ. Се же людие слышавше, с радостью течаху, глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы князь и боаре сего приняли». Наутриа же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскими на рѣку Почаину,[XV] и снидеся бещисленъ народъ, и влѣзоша въ воду. Стояху швии до шиа,[7] а другии до персии, младии же ѿ брега, а инии младенца держаще, а попове по брегу стояще молитвы творяху. И бысть радость велика, крестившемся людемъ изидоша кождо в домы своа.

Володимиръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и люди его, възрѣвъ на небо, рече: «Боже, створивыи небо и землю и вся, даже в нихъ, призри на новопросвѣщеныа люди своа и даже имъ познати Тебе, истиньнаго Бога, оутверди вѣру в нихъ праву и неблазнену и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да побѣжю его».[8] И повелѣ рубити церкви по тѣмъ мѣстомъ,[9] идѣже кумири стояли,

---

[1] Агаѳагтела 800; [2] Так только Пог. 805, с вставлено над строкой; [3] повелѣ 798, 800; [4] Днѣпръ 798, 800; [5] сквозѣ 798, 800; [6] и ѿтолѣ 798, 800; [7] овы до шеи 800; [8] и 798, 800; [9] ставити Пог. 805.

и постави церковь на холмѣ святаго Василья, идѣже стоялъ кумиръ Перунъ. И повелѣ по градомъ ставити церкви и попы, и людиѥ на крещеньѥ приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. И дѣти нача имати оу нарочитыхъ и дати на оучениѥ книжноѥ.

Минувшю же лѣту, оумысли Володимеръ создати церковь пресватыа Богородица.[XVI]Ославъ, приведе мастеры ѿ Грекъ. Свершенѣи же бывши церкви оукраси ю иконами и пороучи ю Анастасу Корсунянину, и попы корсуньскыа пристави служити в неи, вдавъ[1] ту все, ѥже бѣ взялъ в Корсуни, иконы, книги, съсуды и кресты. И ѿда 10-ю[2] часть церкви святыа Богородица[XVII] и ѿ имѣниа, и ѿ градъ.

Бѣ же вельми милостивъ по Господню словеси, иже рече: «Блажени милостиви, яко ти помиловани будуть».[XVIII] Бѣша бо сироты же и вдовы, и нищіи на всякъ день на дворъ Володимеровъ приходяще, и пріимаху, кто чего требоваше, а недужнымъ и старымъ, иже ходити не можаху, заповѣда слугамъ, да въ храмы тѣмъ потребнаа донашаютъ.

И многи сътворивъ[3] добродѣтели[XIX] *преставися*[4] к Богу мѣсяца июля в 15 день. Тѣло же ѥго положиша въ церкви святыа Богородица, юже самъ създа. И плакася ѥго все множество людии: богаре аки ѿца, людии заступника, сироты аки помощника, нищии и вдовицѣ печалника и кормителя.

Да како *тя*[5] можемъ по достоянию похвалити, створшаго дѣло равно апостоломъ. Хвалить бо Римьскаа земля Петра и Павла, Асіа и Ефесъ Богослова Іоана, Ѥгоупетьскаа страна[6] Марка, Антиохиа Луку, а Греческаа Аньдрѣа,[XX] вся же Русь[7] тобе, Володимире, ко Господня апостола. Молебными пѣсньми память твою празднующе, похвалными вѣнца[8] приносимъ ти, глаголюще:

Радуися, Володимѣре, приимыи вѣнець ѿ Вседержителя Бога!

Радуися, святаа главо, учителю и вожю нашь, тобою бо тмы избывше, свѣтъ познахомъ!

---

[1] и вда 798, 800; [2] десятую 800; [3] сътворь 798, 800; [4] 798, 800, предъставися Пог. 805; [5] Нет Пог. 805; [6] Нет 800; [7] земля Роуская 798; [8] похвалны вѣнци 798, 800.

Радуися, честное древо самого Рая, израсти бо нам святѣи лѣторасли Бориса и Глѣба, ѿ нею же нынѣ русьстии сынове приемлють недугомъ исцѣленига!

Радуися, дѣлателю вѣры Христовы, искоренивъ терние лестное, взоравъ крещеньемь всю землю и насеявъ святыми книгами, ѿ нихъ же нынѣ насыщаютъ ся вѣрнии и приемлютъ царство небесное ѡ Христѣ Іисусѣ ѡ Господѣ нашемъ, емуже слава.[XXI]

Обычное житие св. Владимира

Память благоверного и великого князя Владимира, крестившего Русскую землю

Этот был сын Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он истово поклонялся идолам по преданию отцов. Когда Бог пожелал избрать Себе новых людей, вдохнул в него благодать Святого Духа, и очнувшись, как от сна, от лютого идолослужения, он послал ко всем народам узнать об их законе, как они веруют.[I] Ходили слуги его к болгарам и к немцам и видели скверные дела их, и оттуда пошли в Царьград. Видели церковную красоту и чин божественной литургии, необыкновенное архиерейское великолепие, пение и хоры, и предстояние диаконов. Тут были восемь дней.[II] Царь же Василий и Константин отпустили их с дарами великими и с честью. Они же пришли в Русь.[III]

И созвал Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами, послушаем же, что с ними было». И сказали путешествовавшие слуги:[IV] «Смотрели, как молятся болгары в мечети. Стоит без пояса, поклонившись, сядет и глядит туда и сюда, как безумный. И нет у них веселья, только печаль и смрад великий. Не хорош закон их. И у немцев многих видели, служащих в храмах, а красоты не видели никакой. Пришли к грекам и ввели они нас туда, где служат своему Богу, и не знали, на небесах мы или на земле. И нет нигде ни такого зрелища, ни такой красоты, и не зна-

ем, как рассказать, только то знаем, что там Бог с людьми пребывает, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, потому что всякий человек, если вкусит сладкого, не принимает потом горького, так и мы, княже, не можем здесь жить, но пойдем туда». Бояре же сказали: «Если бы был плох закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга». Владимир же сказал: «Да будет воля Господня».[V]

И когда прошел год, пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, потому что решил: «Пленю город их и найду учителей».[VI] Корсуняне бились крепко, и сказал Владимир: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушали его, и стоял Владимир шесть месяцев.[VII] Был в Корсуне муж по имени Анастас. Он пустил стрелу, написав на ней: «Колодцы на востоке от города в город по трубам пущены. Копай и перекрой их». Владимир же, услышав это, сказал: «Господи Боже, если это сбудется, то крещусь». И тотчас велел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. А Владимир послал к царям Василию и Константину, сказав: «Вот уже взял ваш славный город. Слышал же, что у вас сестра девица. Если же не отдадите ее за меня, то сделаю с вашим городом то же, что и с этим». Они же отвечали: «Нам, христианам, не следует отдавать замуж за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царствие Небесное примешь, что больше этого. Если этого не сделаешь, не отдадим тебе своей сестры». И сказал Владимир посланным: «Пришедшие с царицей пусть крестят меня».[VIII] И послали цари сестру свою Анну и с ней воевод и пресвитеров.

И пришли в Корсунь. В то время у Владимира заболели оба глаза. И сказала царица Анна, послав к нему: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». Он же сказал: «Крестите меня». Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил его в церкви святого Иакова [IX] в городе Корсуне, и дали ему имя Василий. И было преславное чудо: когда возложил руку на него епископ, он тут же прозрел. Владимир же, просветившись, радовался душой и телом. Многие из бояр его крестились, а он поставил в Корсуне на горе церковь св. Василия.

И потом, взяв царицу, и Анастаса, и попов корсунских[X] с мощами святого Климента и Фива,[XI] ученика его, взял и церковные сосуды, и иконы, и разные книги. А город Корсунь отдал царям как вено за их сестру, а сам пошел в Киев. И когда пришел, велел ниспровергнуть идолов, одних велев изрубить, а других сжечь. А идола Волоса, которого называли скотьим богом, велел бросить в Почайну.[XII] Перуна же велел привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью,[XIII] и приставил слуг бить кумиров палками. Делалось же это не потому, что дерево чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе. Плакали же неверные люди, так как не приняли еще святого крещения. И притащив кумир Перуна, бросили его в Днепр, и проплыл через пороги, и выбросило его ветром на берег, и с тех пор зовется Перунова гора.[XIV] И положил заповедь всему городу, чтобы утром все, богатые ли, или убогие, или нищие или рабы, были на реке. Услышав это, с радостью пошли люди, говоря: «Если бы это было нехорошо, не приняли бы этого князь и бояре». Утром же пришел Владимир с попами царицыными и корсунскими на реку Почайну,[XV] и сошлось там людей великое множество, и вошли в воду. Стояли одни по шею, а другие по грудь, помоложе стояли у берега, иные держали детей, а попы, по берегу стоя, творили молитвы. И была великая радость, и крестившись, люди разошлись по домам.

Владимир же, будучи рад, что познал Бога сам и люди его, воззрев на небо, сказал: «Боже, сотворивший небо и землю! Взгляни на этих новообращенных людей, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, и утверди в них правую веру, и мне помоги, Господи, против врагов, чтобы, надеясь на Твою державу, одолел козни его (диавола)». И приказал рубить церкви и ставить на тех местах, где стояли кумиры. И поставил церковь св. Василия на холме, где стоял кумир Перун. И по городам и селам велел ставить церкви и попов, и людей приводить на крещение по всем городам и селам. И детей начал брать у нарочитых людей и отдавать в учение книжное.

И когда прошел год, Владимир задумал создать церковь Пресвятой Богородицы.[XVI] Послав, привел мастеров из Греции. Когда закончена была церковь, украсил ее иконами и поручил ее Анастасу

Корсунянину, и поставил попов корсунских служить в ней, дав ей все, что взял в Корсуне, иконы и книги, сосуды и кресты. И дал церкви десятую часть [XVII] от имения и от города. Был же он очень милостив, по Господню слову: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут».[XVIII] Сироты, и вдовы, и нищие каждый день приходили на двор Владимиров и брали, кому что нужно. А недужным и старым, которые не могли ходить, приказал слугам приносить необходимое домой.

Многие сотворив добрые дела,[XIX] преставился к Богу месяца июля в 15 день. Тело его положили в церкви святой Богородицы, которую он сам построил. И оплакивал его весь народ: бояре как отца, люди как заступника, сироты как помощника, вдовицы и нищие как покровителя и кормильца.

Как сможем мы по достоинству восхвалить тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Хвалит Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Луку, а Греческая — Андрея,[XX] вся же Русская земля тебя, Владимир, как Господня апостола. Песнопениями память твою празднуя, венец похвал приносим тебе, говоря:

Радуйся, Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога!

Радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с которым освободились от тьмы и узнали свет!

Радуйся, честно́е древо из самого Рая, от которого вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба, от которых и ныне сыны Руси принимают исцеление болезней!

Радуйся, работник веры Христовой, ты искоренил терние лжи, вспахал крещением всю землю и насеял святыми книгами, от которых и ныне насыщаются верные и приемлют Царствие Небесное о Христе Иисусе и Господе нашем, Ему же слава.[XXI]

Комментарии

[I] Текст со слов «Сь бысть...» до слов «како вѣрують» взят из ПрЖ-2.

[II] Уникальные сведения.

[III] От этих слов и до слов «Володимеръ же посланнымъ рече...» текст почти дословно совпадает со статьей 6495 (987) г. Начального свода (сохранился в Новгородской 1 летописи младшего извода) и «Повести временных лет».

[IV] В Начальном своде и «Повести временных лет» было «мужи».

[V] В летописной статье князь спрашивал бояр, где следует креститься, и получал ответ: «Где ти любо».

[VI] Эта мотивировка похода заимствована из ПрЖ (См.: Гл. 4. 3).

[VII] Указание на продолжительность осады появляется впервые в житии.

[VIII] Далее агиограф комбинирует отдельные предложения из летописной статьи 6496 (988) г. и из ПрЖ.

[IX] Указание на церковь св. Иакова впервые появляется в житии. В Начальном своде (Новгородская 1 летопись младшего извода) церковь посвящена св. Василиску, в Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет» — св. Василию, в обоих построенный князем храм остается безымянным. В Ипатьевской редакции «Повести временных лет» св. Владимир крестится в церкви Св. Софии, а строит церковь св. Иоанна Предтечи. Во Владимирском своде 1205 г. (Радзивиловской летописи) церковь, где крестился князь, посвящена «святое Бо̀городици». Крещение в церкви св. Иакова упоминается в Первой подборке Но̀вгородской Карамзинской летописи и зависимых от нее Софийской 1 и Новгородской 4 летописях.

[X] От этих слов и до слов «...даяти на учение книжное» текст почти дословно совпадает со статьей 6496 (988) г.

[XI] См. прим. XXXVI к «Памяти и похвале Иакова Мниха».

[XII] Уникальные сведения жития. Идол Волоса не упоминается в летописи среди кумиров, водруженных Владимиром после захвата Киева в 978 г.

[XIII] В летописи речь идет о Боричевом взвозе, который вел с горы на Подол. Внизу он шел через ручей, пересекавший Подол.

[XIV] Заменено слово «рѣнь» из «Повести временных лет».

[XV] Указание на Почайну, впадавшую в Днепр в пределах киевского Подола, вставлено из ПрЖ, в Начальном своде и в «Повести временных лет» говорится о крещении в Днепре.

[XVI] Отсюда и до слов «съсуды и кресты» текст почти дословно совпадает с рассказом о строительстве церкви Богородицы из статьи 6499 (991) г. Начального свода и «Повести временных лет».

[XVII] О даровании десятины говорится в летописной статье 6504 (996) г.

[XVIII] *Мф.* 5: 7. Цитата есть в летописном рассказе о милосердии св. Владимира из статьи 6504 (996) г.

[XIX] Со слов «преставися к Богу» и до конца следует текст ПрЖ с небольшими изменениями.

[XX] В ПрЖ перечисление земель, где благовестили апостолы, заимствовано из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Текст был переделан в соответствии с идеей пентархии (см. прим. IX к ПрЖ-1).

[XXI] Сокращен текст ПрЖ **«жнють русьстии сынове пользныа рукояти покаанига, и друзии уже гадать нескудную пищю въ царствии небеснѣмь, ка же трапезы сподобимся и мы, недостоинии, кающеся о согрѣшении»**.

Житіє благовѣрнаго кнѧзя Владиміра[1]

Блаженыи сеи кнѧзь Владимиръ бысть сынъ Сватославль ѿ племене варѧжска. Сиі бо кнѧзь Владимиръ перъвѣе тъщание імѣѧ ко ідаломъ многа. Сие бо творѧ по преданию ѿчю, да егда восхотѣ Богъ избрати люди новы, вдохнѫвъ ю в на божественѫю благодатъ Сватаго Дѫха и возбнѫвѧ, ако ѿ сна тежка, ѿ ідолослѫженіа посла же по всѣмъ ѧзыкамъ и всѣмъ земламъ, испытовати законы их и вѣры. Ходиша бо посланіи в Болгары і в Нѣмьци и видѣше сквернага дѣла их, и ѿтолѣ ідоша в Царьградъ і видѣша жкрашение церьковное и чинъ божественыя слѫжбы, израдняю архіерѣіскѫю лѣпотѫ, пѣние же и лики і предстояние диаконъ. І тѫ 8 дні пребыша.[I] Царь же Василие і Константинъ почести велиа водаше им і ѿпѫсти ѧ с дары великыми і со многою честью. Они же придоша в Рѫсь.

Владиміръ же созва болгар своих и вса вельможа,[II] рече іма: «Се пришли послании намо, да же слышим ѿ них бывшеѧ». Поставивше же ѧ предъ сабою і вопросише ѧ. И рѣша послании: «Ходивше же и смотрихам како поклонаютсѧ болгари і в ропати, стоще без поеса. Поклонивсѧ, садет і гладит семо і ѡвамо, гако бѣшен, и нѣстъ веселиа в нихъ, но печаль і смрад велик понеже нѣстъ добръ закон сеи. В Нѣмьцех же многи видѣхомъ во храмѣх слѫжбѫ творяще, а красоты никоеѧ же не видѣхам в нихъ. Придохамъ же въ Греки і введоша ны, іде же слѫжатъ Богови своемѫ. Мним, на небесѣхъ били, на земли бо нѣстъ нигде же таковыа красоты видѣхамъ, і не дожмѣем бо сѧ скозати. Токма то вѣмы, гако тамо бѣ Богъ со человѣкы пребываетъ і естъ слѫжба лѣпшае всѣхъ странъ. Мы жбо не можемъ забыти красоты еѧ. Всякъ бо человѣкъ, аще вкѫситъ сладка, послѣди не пріиметъ горести. Тако і мы, кнѧже, не имамъ здѣ быти, но тамо ідемъ». Боларе же рѣша: «Аще бы непотребенъ законъ греческыи, то бы не приала его Ѡлька баба твоа». Владиміръ же рече: «Волѧ Господня да бѫдет».

---

[1] Текст издается по единственному известному списку — ГИМ, Чуд. 264/62, лл. 329 об. — 334.

Минжвъшю же лѣтж, іде Владимиръ с воі на Корсжнь град греческыи. Жмысли бо в себѣ: «Попленю грады ихъ, и обращж оучителѧ».[III] Карсжнене же борахж сѧ крѣпко. Владимиръ же рече: «Аще ми сѧ не вдасте, стоати имамъ за 3 лѣта». Они же не послжшаше, и стоѧ Владимиръ 6 мѣсяць.[IV] Бѣ же в Карсжни мжж іменем Анастасъ, написа на стрѣлж и пжсти ю: «Кладезю отъ восточныѧ града страны въ градъ по тржбамъ вода бѣ сведена, копав, преіми ѧ». Владимир же, слышав сие, рече: «Господи Боже моі, аще сие сбждетсѧ, та пріимж крещение». Тж абие повелѣ копати, обрѣтоша же і тржбы, пренѧше водж. Людем же изнемогоша водною жаждею і предашесѧ.

Владимиръ же посла ко царема Василью і Коньстантинж, рече іма: «Се градъ ваю славныи взяхъ. Слышю же, яко сестрж іматѣ дѣвою, аще ми ея не вдаста, аз і вашемж градж сотворю, яко же и семж сотворихъ». Она же ѿвѣщаста: «Нам христианомъ не достоитъ за поганыхъ вдовати. Аще крестишисѧ, і се полжчиши і вжщьша сего, Царство небесное пріимеши, аще ли сего не сотвориши, не можемь ти сестры своеѧ». Владимиръ же посла к німа, рече: «Пришедша съ царицею, крестите мѧ». Посласта же царѧ сестрж свою Аннж і с нею воеводы, і епископа, і прозвитеры, і дьяконі, весь причет церковныи. Ѳи же пршедшж в Карсжнь, і в то врема разболелись Владимиръ обою очима. Пославше же к немж царица Анна рече: «Аще не крестишисѧ, не мощно ти жгоньзжти болѣзни сеѧ». Ѡнъ же рече: "Крестите мѧ». І епископъ с попы церковными, ѡгласивше, крестиша є въ церкви святого апостола Іакова[V] в градѣ Корсжни і нарекоша има емж в святом крещенії Василеи. Бысть же чюдо преславно: яко возложи ржкж на нь епископъ, абие прозрѣ. ѿпадоша же ѿ ѡчию его яко і чешюя.[VI] Владимиръ же, просвѣщен бывъ, радовашесѧ дшею і тѣломъ. І мнози ѿ вельмож его крестишесѧ. І поставиша в Корсжне святаго Василиѧ.

І по сем погат царицж і взѧ со собою епископа[VII] Анастаса, попы же, і дьяконі і весь причет церьковныи, даже і мощи святого Климента і Ѳіѳа оученика его,[VIII] тако же і сасжды церковныѧ взятъ, мѣстныѧ же ѡбразы и кніги поіма. А городъ Корсжнь за вѣно паки вдаде царема сестры делма ею, а самъ поідѣ ѯ Киевж. І егда пріиде во градъ

свои Киев, і повелѣ же вся идалы испровещи, авии же повелѣ сѣщи, а другам жещи, а Велеса же идола, его же и скотиа именоваху бога, повелѣ в Почаинѣ вовещи.[IX] Пержна же повелѣ привазати коневи ко хвостѣ і вещи его с горы по Боричевѣ на Ржчеі.[X] І слузи приставиша бити кѫмиры жезлием. Се же не тако древо мѧчаще, но на поржание бѣсовом, понеже бо прельщаше симъ wбразомъ человѣкы. Плакахѫ же сѧ невѣрніи людеи, еще бо не бѣхѫ приали сватаго крещениа. И привлекшеѧ кѫмира Пержна, ввѣрьгоша є в Днѣпръ. І проплѫ рогі, извѣржень бысть вѣтрам на брѣг, и w҃толѣ прослы Пержиа гора.[XI] Заповѣдь же положи по всемѫ градѫ, да ѹтре вси wбрѧщѫтсѧ на рецѣ на Днѣпрѣ,[XII] богатъ і жбогъ, рабъ і свободь, мѫжескъ полъ і женьскиі, старині і іниі, юноша и дѣвы, старци со юнотами, паче же і нищиі. Се же людие слышавше, с радостью течехѫ, глаголюще: «Ащеѣ бы сие не добро было, не бы князь і вельможа его приали». Нѫтрии же ізиде Владимиръ со епископомъ і со всимъ клирасом церковным[XIII] на рѣкѫ Почаинѫ. И сниде же сѧ безчислено народа множество, сопроста рещи, весь градъ w҃ мала до велика, виндоше въ водѫ.[XIV] Стомхѫ овиі до помса, а дрѫзіи до персеи, прочии бродахѫ, юніи же ѫ брега, а дрѫзіи же младеньца держахѫ, а попове по брегѫ стомще молитвы творѫхѫ. І бысть радость велиа крестившимсѧ людемъ, изыдоше же кождо в домы своѧ духовне веселѧсѧ.

Владимиръ же радъ бысть, яко позна Господа Бога самъ и людие его. Возрѣвъ на небо, і рече: «Боже, сатѫворивы небо і землю и все, ѫже в нихъ, призри на новопросвѣщенныѧ люди своѧ і даржи им познати Тобѣ, истиннаго Бога, ѫтверди, Господи, вѣрѫ в нихъ правѫ и неблазненѫ і мнѣ, Господи, помози на сопротивнаго врага, да побѣжю его». І повелѣ ржбити церкви і по тѣм мѣстам ставити, ідѣже кѫмиры стомли. Постави церковь сватаго Василиа на горѣ, рекомеи Ликофрос, идѣже бѣ стомлъ кѫмиръ Пержнъ.[XV] Повелѣ же і по всѣмъ своимъ градомъ людем крещение приати і церкви поставлѧти. Папове же і дьіакони поставлѧти, і весь чин церковьіни строіти. По весемь же і по селамъ і по всякым мѣстамъ повелѣ вся люди, мѫжа и жены, старыѧ и юныхъ, спроста рещи всяк возрастъ человѣчьскьіи, ко крещению приводити. Младыѧ же дѣти повелѣ родителем на жченіе книжное вдавати.

Минѫвшѫ же лѣтѫ, оумысли Владимиръ создати церковь во іма сватыа пречистыа владычица наша Богородица і приснодѣвы Мариа, честнаго и славнаго ея жспениа посреде града Киева.[XVI] Посла же въ Грекы и приведе а мастеры, по благословению епископа нача ю здати.[XVII] Помощию же Господа Вседержителя Бога и пречистыа Его Матере, воскоре церковь совершиса. Божиею благодатью совершенеі быша церкви превелицеи же и прекраснеи, паче же ѫкраси ю иконами і прочаа ѫтварью церковною. Постави же в неі Анастаса епископа Корсѫненина, даже і попы, і весь причет церковныи, гаже ѿ Корсѫня с собою приведе. Сим повелѣ во сватѣи се церкви вса дѣиствовати і слѫжбѫ творити. И сие бо им вдаде, гаже бѣ взалъ в Корсѫни, іконы і кресты, книги і съсѫды церковныа, съпроста рещи, і всю ѫтварь церковнѫю. К тамѫ же ѿдав десатѫю часть ѿ градныхъ людем имѣниа, даже и ѿ своего сватѣи церкви на патребѫ,[XVIII] паче же и слѫжащим в неи.

Владимиръ же бѣ вельми милостивъ по Господню словеси, иже рече: «Блажени милостиви, ако ти помиловани бѫдѫт».[XIX] Бѣ бо вдовица, і сирота, і нищіи на всякъ день на дворъ Владимировъ приходяще і без возбранита приемлюще, кто чего требовахѫ. Неджжнымъ же і старымъ, иже ходити не можахѫ, заповѣда приставникамъ, да во храмы ихъ потребнаа им приношаютъ.

І многим добродѣтелем дѣлатель бысть, слѣпымъ казатель, старым и вдовицам застѫпник, нищим питатель, в темницах просвѣтитель, сиротам ако ѿць, сопроста рещи, всѣм во всем помога. І просиа в добродѣтелех ако солнце.[XX] Во старости мастите і в седине даволне[XXI] преставися ко Господѫ мѣсяца июля вь 15 день. Тѣло же его положиша в церкви сватыа Богородица, юже самъ созда. И плакася его всенародное множество: вельможа аки ѿца, все людьское множество аки застѫпника, сирота і вдовица аки помощьника, нищии печалника і кормителя.

І хто бо тако тѫ может по достоянию похвалити тѫ, сатворьша дѣла равна апостоломъ. Хвалит бо Римьскаа земла Петра і Павла, Wсіа[XXII] Богослова Іаwана, а Єгыпетскаа страна Марка, Антиѫхиа Лѫкѫ, а Греческаа Wндреа,[XXIII] вса же страна Ржскаа тебе, Владимире, ако Господна апостола. Молебными пѣсньми память твою празднюще, і похвалныа вѣньца принесемъ ти, глаголюще:

Радуйся, Владимире, иже приимый венець ѿ Вседръжителя всех Бога!

Радуйся, святая глава, жителю і вожю нашь, всѣхъ православныхъ люди твоихъ, тобою бо тмы избавльше, свѣт познахом!

Радуйся, пречестное древо самого Рая, израсти намо святѣи лѣторасли Бориса і Глѣба, ѿ неюже і нынѣ ржстиі сынове приемлютъ неджгамъ исцеление и всенародное множество просвѣщаютсѧ!

Радуйся, дѣлателю православныя вѣры Христовы, іс корене исторгнъвъ льстное терние, възоравъ святым крещением всю землю Ржскую и насѣевъ ю божественными святыми книгами, ѿ нихъ же нынѣ насыщаютьсѧ вѣрнiі і приемлютъ царство небесное ѡ Христе Іисусе ѡ Господѣ нашем, емѫ же подобаетъ слава, честь і покланение с безначалным ѿцем, со Пресвятым благым животворящим дхѹмъ, нынѣ і присно, і во вѣкы вѣком. Аминь.

Комментарии

[I] Сведения Обычного жития.

[II] Вельможа — модернизация слова «бояре».

[III] Эта мотивировка похода присутствует в Обычном житии, а в него вошла из ПрЖ (См.: Гл. 4. 3).

[IV] Указание на продолжительность осады появляется впервые в Обычном житии.

[V] Указание на церковь св. Иакова впервые появляется в Обычном житии (см. прим. IX к Обычному житию).

[VI] В летописном рассказе, во всех видах и редакциях ПрЖ и в Обычном житии св. Владимира говорится об исцелении от слепоты. Об исцелении от язвы впервые сказано в Волынской редакции Устава Владимира из Кормчей 1286 г.

[VII] Анастас назван епископом еще только в Московском Распространенном житии. В статье о даровании десятины церкви Богородицы в Новгородской 1 летописи младшего извода он назван «иереем», но в остальных статьях он называется просто «Анастасъ» или «Анастасъ Корсунянинъ».

[VIII] См. прим. XXXVI к «Памяти и похвале».

[IX] См. прим. XII к Обычному житию.

[X] См. прим. XIII к Обычному житию.

[XI] Слово «рѣнь» из «Повести временных лет» было заменено еще в Обычном житии.

[XII] Чтение соответствует летописному, но противоречит читающемуся дальше указанию Обычного жития на реку Почайну как на место крещения киевлян.

[XIII] В Обычном житии о епископе не сказано, упоминаются, как и в «Повести временных лет», **попы царицины с корсоуньскыми**.

[XIV] Словами **сопроста рѣщи** вводятся дополнения агиографа.

[XV] Уникальные сведения. Греческое слово (Λυκείου θρόνος или ὄρος), с вероятным значением — Ликейская гора, т. е. посвященная Аполлону, где «Ликейский» — эпитет Аполлона, перенесенный на Перуна. Определение Перуна как Аполлона встречается в «Слове о том, како крестися Володимеръ возмя Корсунь» (см.: Гл. 3. 8). В Московском распространенном житии «Аполосъ» вставлено вместо «Велесъ» в рассказе о свержении его идола в Почайну.

[XVI] О строительстве церкви Богородицы говорится в статье 6499 (991) г. Начального свода, в «Повести временных лет» и в Обычном житии. О том, что церковь была посвящена празднику Успения, в домонгольских текстах не сказано.

[XVII] О благословении епископом говорится только в этом тексте.

[XVIII] О даровании десятины говорится в летописной статье 6504 (996) г. В Обычном житии говорилось о десятине **отъ имѣниа и отъ града**.

[XIX] *Мф.* 5: 7. Цитата есть в летописном рассказе о милосердии Владимира из статьи 6504 (996) г.

[XX] Этот пассаж написан составителем этой редакции.

[XXI] Указание на преклонный возраст князя есть еще только в Летописце Переяславля Суздальского (окончен в 1216 г.), где сказано, что ему было 73 года. Но уже на иконах и фресках XIV в. он всегда изображается старцем.

[XXII] Должно быть **Асиа**.

[XXIII] Это взято без изменений из Обычного жития, куда вошло из ПрЖ. См. прим. XX и XXI к Обычному житию.

Житиє блаженаго Въладимера[1]

Сице ѹбо бысть малѡм преже сихъ лѣтъ соущю самодръжцю всеа Рускыа земла Володимерѹ,[I] внѹкѹ же и Ѡлжинѹ, а правнѹкоу Рюриковоу. Ходиша слоугы его в Болгары и в Нѣмци и видѣша скверная дѣла ихъ, и ѿтолѣ идоша въ Царьградъ,[2] видѣша оукрашениа церковная и чинъ божественыа слоужбы, изрядная архиерѣискаа лѣпота, пѣниа же и ликы и предстоаниа дьяконъ. И тѹ пребыша 8 днiи.[II] Царь[3] же Василiи и Константинъ ѿпоустиша а с дары и съ честiю. Ѡни же придоша в Рѹсь.[III]

Володимеръ же съзва богары своа и старци и рече имъ: «Се придоша посланiи нами, да слышимъ ѿ нихъ бывшаа». И рѣкоша слугы, ходившаа, яко: «Смотрихѡмъ како покланаютсѧ болгаре в ропатѣ, стоаще без пояса. Поклонивсѧ, сѧдеть и гладит сѣмо и ѡвамо, аки бешенъ, и нѣсть веселиа в нихъ, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ их. И в Нѣмцехъ же многи видѣхѡмъ во храмѣхъ слоужьбы творѧща, а красоты никоеа же не видѣхомъ в нихъ. Придохомъ же въ Греки въ Царьградъ,[4] и ведоша ны, иде же слѹжать Богѹ своемѹ, и не вѣмы, на небеси ли есми были или на земли, и нѣсть нигде же такова видѣниа, ни красоты такоа. Недоумѣюмъ сказати, токмо то вѣмы, яко тамо Богъ съ человѣкы пребываетъ и ѥсть слѹжба ихъ лѹчши всѣхъ

Текст издается по списку «Минеи новым чудотворцам» 1494 г. Сол. 537/518 с разночтениями по сборнику Матвея Кусова 1414 г. (Ермолаевская копия РНБ, ОР, F. 1. 295, М-П), РНБ, ОР, Сол. 830/940 (XVI в., Сол. 2) и РГБ, ОР, ф. 98 (Ег.), № 637 (1470-е гг., Е). Орфография в «Памяти и похвале» в Сол. отличается от орфографии в «Житии блаж. Владимира», хотя, в отличие от М-П, не менялся писец. В отличие от «Памяти и похвалы» Иакова и «Слова о Законе и Благодати» Илариона, текст 4-й редакции Распространенного вида жития очень стабилен и практически не имеет важных разночтений. Деления текста на разделы в рукописях нет, в публикации отражено соотношение с Обычным житием и его источниками.

[1] **Испытание блаженаго князя Володимера** Соф. 1424; [2] **Цесарьградъ** М-П, Е; [3] **Цесарь** М-П, Е; [4] **Цесарьградъ** М-П, Е.

странъ. Мы оубо не можемъ забыти красоты тоа. Всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣ не приметь горести. Тако и мы, княже, не имамъ здѣ быти, но идемъ тамо». Богаре же рѣкоша: «Аще не бы былъ добръ законъ гречкiи, то не бы пріала Олга баба твоа». Володимеръ же рече: «Воля Господня да будеть». И оумысли в собѣ: «Сице створю».[IV] Минувшю же лѣту, иде с вои на Корсоунь. Корсунане же борахў крѣпко съ града. Володимеръ же рече: «Аще ми са не предасте, стоати имамъ за 3 лѣта». Они же не послушаша, и стоа 6 мѣсяць.[V] Бѣ же в Корсуни моуж Анастасъ именемъ. Сеи написавъ *на*[1] стрѣлу и поусті ю к Володимеру: «Къладазю ѿ восточныа страны града, въ градѣ по трубамъ воды сведены, копавъ, переимі а». Князь же, се слышавъ, рече: «Господи Боже, аще ми са сбудет,[2] крещюся». И повелѣ копати впрекы трубамъ и переташе водў. Людіе же в градѣ изнемогоша водною жажею и предашеся. Он же, вземъ градъ, посла къ царемъ[3] к Василию и к Константину в Царьградъ,[4] глаголга има: «Се градъ ваш славныи взахъ. Слышах[5] же, гако сестру имаета дѣвою, даита за ма. Аще ми еа не даста, азъ и *Цесарюградў*[6] створю тако по семоу». Она же ѿвѣщаста: «Намъ не достоить за некрещеныа давати, но крещеніе пріимеши. Аще ли сего не створиши, не дамы сестры своеа за та». Володимеръ ѿвѣща посланымъ: «Пришедше ѿ васъ, крестат ма». И посласта царя Анну, сестру свою, и с нею воеводы, прозвутеры. И придоша въ Корсунь, а Володимиръ разболѣся. Епископъ же с попы корсунскыми и с попы царицыны, огласивше, крестиша и въ церкви святого Іакова в Корсунѣ градѣ, и нарекоша има ему Василіи. И бысть чюдо дивно и преславно: гако возложи рукў на нь епископъ, и абіе цѣлъ бѣ ѿ газвы.[VI] Взрадовася сердцемъ и мнози ѿ богаръ его томъ часѣ крестишася. И постави церковь в Корсунѣ на горѣ святаго Василіа.

И по семъ поимъ царицю и Анастаса и попы корсунскіа[VII] с мощьми святаго Климента и Фива, ученика его,[VIII] поимав же

[1] М-П, Е, нет Сол; [2] се сбудеть са М-П, Е; [3] цесаремъ М-П, Е; [4] Цесарьградъ М-П, Е; [5] Нет листа в М-П; [6] М-П, Е, Царюградоу Сол.

иконы изборныа и книгы. А градъ Корсунь вдасть царема за вѣно сестры дела ею. А самъ в Кіевъ вшедъ, повелѣ испроврещи и избити коумиры,[1] швы исъсѣщи, а иныа ижжещи. А Волоса идола, его же именоваху скотья бога, повелѣ в Почаинѹ рѣкѹ въврещи.[IX] Перѹна же повелѣ привязати къ коневи ко хвосту и влещи с горы по Боричевѹ на Ручѣи, а слугы пристави бити идолы жезліемъ. Се не тако древу чюющю, но на пороуганіе бѣсѹ, иже прельщаше ны симъ образомъ. Плакахѹ же са невѣрніи людіе, ще бо бяхоу не приали святаго крещеніа. И привлекше кумира Перѹна, въвергоша и в Днѣпръ рѣкѹ, и проплы пороги, извѣрже и вѣтръ на брегъ,[2] и ѿтолѣ просла Перѹна гора. И положи заповѣдь по всемѹ градѹ, да оутро вси шбращѹтся на рѣцѣ, богатъ ли, или оубогъ, или нищь, или работенъ. Се же людіе слышавше, радостно течахоу, глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутріа же изиде Володимиръ с попы царицины с корсуньскыми на Почаинѹ рѣкѹ,[X] и снидеся бещисла народа, и влѣзше въ водѹ до шеа, а иніи до персіи, младіи же по брегоу, а жены младенци держаще, а попы на брезѣ молитвоваху. И бысть радость велика крестившимся людемъ, идоша кождо въ домы своа.

Володимиръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людіе вси, и помолися: «Боже, сотвривыи небо, и землю, и море, и вся, яже в нихъ, призри на люди твоа и даи имъ познати Тебе, *истиннаго Бога*,[3] и оутверди въ нихъ вѣроу неблазненѹ, а мнѣ помози на врагы, да побѣжѹ и». И повелѣ крестьаномъ ставити церкви по тѣмъ мѣстомъ, идеже коумиры стоали. А самъ постави церковь святаго Василіа на холмѣ, идѣже стоалъ Перѹнъ идолъ. И повелѣ попомъ по градом и по селомъ люди къ крещенію приводити и дѣти ѹчити грамотѣ.

Миноувшю же лѣтѹ, оумысли създати церковь святыа Богородица.[XI]Ославъ, приведе мастера ѿ Грекъ. Свершенѣи же ки бывши, оукраси ю иконами, ѹдививъ,[XII] и порѹчі ю Анастасѹ Корсунянинѹ, и попы корсуньскыа пристави служити в неи и

[1] разорити церквища идольскаа и коумиры сокроушити Сол. 2; [2] продолжается М-П; [3] Сол. 2.

вдасть все имъ, иже бѣ взалъ в Корсунѣ, и кресты. И ѿда ѿ всего имѣніа десатую часть тои церкви и ѿ град.

Бѣ бо вельми милостивъ по словеси Господню, иже рече: «Блажени милостиви, яко ти помиловани боудоуть».[XIII] Баху же[1] нищіи приходяще на дворъ его по вса дни, и пріимаху, кто чего требоваше, а недужнымъ, не могоущимъ ходити, повѣле слоугамъ, да в домы приносять имъ. И многи створи добродѣтели.[XIV]

Оумре же на Берестовѣмь, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ в Кіевѣ. Нощью же межи клѣтми проимавше помостъ, в коврѣ шпрятавше, и оужи свѣсиша на землю, и възложьше на санѣ, везше, поставиша и в святѣи Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же оувѣдавше людіе, снидошася бесъ числа,[2] плакашася по немъ болѣре аки застоупника ихъ земли и оубозии яко и кормителя.[XV]

Яле чюдо, яко 2-и Іерусалимъ на земли гависа Кіевъ, и 2-и Моусѣи Володимиръ гависа. Ѩнъ стѣнныи законъ въ Іерусалимѣ ѿлучающе ѿ идолъ, а се чистоую вѣроу и крещение святое, вводящеѥ въ жизнь вѣчноую. Ѩнъ къ ѡдиномоу Богоу веляше в законъ прияти, се же вѣроою и святымъ крещеніѥмъ просвѣти всю Роускоую землю и приведе к Пресвятѣи Троици къ ѿцю, и Сыноу, и Святомоу Дусѣ, и добродѣтелію полоучи жизнь вѣчноую, и люди томоу же наоучивъ, введе въ Царство Небесноѥ. Ѩнамо къ одинѣмъ апостоломъ рече Господь: «Не боися, малое мое стадо»,[XVI] здѣ же ко всѣмъ тоже речено. Ѩнамо 40 днiи и 3 Моусѣи законъ давъ, преставися и на горѣ погребенъ, се же 30 лѣт и 3 бывъ въ святомъ крещеніи,[XVII] вѣроу чистоую соблюдь, заповѣди свершивъ Господня, преставися, в роуцѣ Божіи доушю свою предавъ. И тѣло же его честноѥ вложиша в гробъ мраморянъ и съхраниша с плачемь благовѣрнаго князя.[XVIII] И бысть Костантинъ в Роускои земли Володимиръ.

Се ѥсть новыи Костантинъ великаго Рима, иже крестився сам, и люди своа крести, тако и се створи подобно емоу. Аще бо бѣ и преже в поганьствѣ, на скверньноую похоть желая, но послѣ же поилежа к покаанію, яко же апостолъ вѣщеваѣть: «Идеже оумно-

[1] бо Сол.; [2] бещисла М-П, бещисла Е.

житсѧ грѣхъ, тꙋ изобилꙋетсѧ благодатъ».[XIX] Ащє бо в невѣжьствѣ ѥтера съгрѣшенїа быша, послѣ же расыпашасѧ[1] покаанїемъ и милостынами, ꙗко же глаголеть: «В нем тѧ застанꙋ, в томъ тѧ сꙋжю»;[XX] ꙗко же пророкъ глаголеть: «Живꙋ Азъ, Адонаи Господь, ꙗко не хощю смерти грѣшникѡмъ, но обратїтисѧ имъ ѿ пꙋти вашего злаго».[XXI] Мнози бо праведнїки, творѧще по правдѣ, живоущи, погибаютъ.[XXII] Дивно же ѥсть сє, колико добра створилъ Рꙋсткѣи землі, крестивъ ю, мы же, крестьанє сꙋще, не въздаємъ почестьа противꙋ ѡного възданью. Ащє бо онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхѡмъ в прелести дьаволи, ꙗко и прародителї наши погинꙋша. Да ащє быхомъ имѣли потщанїє и мольбꙋ приносили Богꙋ за нь въ день преставленїа ѥго, видал бы Богъ тщанїє наше к немꙋ, прославилъ бы и. Намъ бо достоитъ за нь Бога молити, понеже тѣмь Бога познахомъ.[XXIII] Но дажь, Господи, по сердцю твоємꙋ и вса прошенїа твоа исполни, иже жалаше царства небеснаго. Дажь ти, Господи, вѣнець с праведными, в пищи раистѣи веселїє и ликъствованїє с Аврамомъ и с прочими патрїархи, ꙗко же Соломонъ рече: «Ѹмершю мꙋжю праведнꙋ не погибаєть ѹпованїє».[XXIV] Сего бо в памать дръжать Рꙋстїи людїє, поминающє сватоѥ[2] крещенїє, и прославлают Бога въ молитвах, и пѣснѣхъ, и псалмѣхъ, поющє Господеви, новїи людїє, просвѣщении Сватымъ Доухомъ, чающє надежи великаго Бога Спаса нашего Ісуса Христа, въздати комꙋждо противоу трꙋдѡмъ, и неизреченноую радость, ю же бꙋди оулꙋчити всѣмъ крестьаном.[XXV]

Ѡ сватаа царѧ[3] Костанинє и Володимере,[XXVI] помогаита на противныа сродникомъ ваю, люди избавлаита ѿ всѧкіа бѣды гречскіа и рꙋскіа и о мнѣ грѣшнемъ помолитасѧ к Богꙋ, ꙗко имꙋще дръзновенїє к Спасꙋ, да спасꙋсѧ ваю молитвами, молюсѧ и милъ сѧ[4] дѣю писанїемь грамотица сеа малыа, юже похвалаа ваю, написахъ недостоинымъ[XXVII] оумомъ и хꙋдымъ и невѣжьствѣ-

[1] раськаявшасѧ E; [2] сє крещенье М-П, в Сол. 1 сто сѠ, причем с стерто, а Ѡ с крышечкой дописано; [3] цесарѧ М-П, E; [4] Так в E, в Сол. исправлено из миловасъ (так в М-П), в РГБ, ОР, ф. 113 (МДА), № 198 милитвоу сѧ, в Соф. 1424 милы васъ, Сол. 2 молим сѧ васъ деѥмъ и мили.

нымъ смыслом. Вы же, сватаа, молящеся ѡ нас, ѡ людех своихъ, приметѣ на молитвѹ Богѹ святоую ваю сынѹ Бориса и Глѣба, да вси вкупѣ възможете Господа ѵмолити с помощію силы Креста честнаго и с молитвами пресватыа Богородица, Госпожа нашем, и съ всѣми святыми.

4-я редакция Распространенного вида жития

Житиє блаженного Владимира

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире,[I] внуке Ольги, а правнуке Рюрика. Ходили слуги его к болгарам и к немцам и видели скверные дела их, и оттуда пошли в Царьград. Видели церковную красоту и чин божественной литургии, необыкновенное архиерейское великолепие, пение и хоры, и предстояние диаконов. Тут были восемь дней.[II] Царь же Василий и Константин отпустили их с дарами великими и с честью. Они же пришли в Русь.[III]

И созвал Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами, послушаем же, что́ с ними было». И сказали путешествовавшие слуги: «Смотрели, как молятся болгары в мечети. Стоит без пояса, поклонившись, сядет и глядит туда и сюда, как безумный. И нет у них веселья, только печаль и смрад великий. Не хорош закон их. И у немцев многих видели, служащих в храмах, а красоты не видели никакой. Пришли к грекам и ввели они нас туда, где служат своему Богу, и не знали, на небесах мы или на земле. И нет нигде ни такого зрелища, ни такой красоты, и не знаем, как рассказать, только то знаем, что там Бог с людьми пребывает, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, потому что всякий человек, если вкусит сладкого, не принимает потом горького, так и мы, княже, не можем здесь жить, но пойдем туда». Бояре же сказали: «Если бы был плох закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга». Владимир же сказал:

«Да будет воля Господня», и решил: «Так сделаю».[IV] И когда прошел год, пошел с войском на Корсунь. Корсуняне бились крепко со стен, и сказал Владимир: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушали его, и стоял Владимир шесть месяцев.[V] Был в Корсуне муж по имени Анастас. Он пустил стрелу, написав на ней: «Колодцы на востоке от города в город по трубам пущены. Копай и перекрой их». Владимир же, услышав это, сказал: «Господи Боже, если это сбудется, то крещусь». И тотчас велел копать поперек трубам, и перекрыли воду. Люди изнемогли от жажды и сдались.

А Владимир послал к царям Василию и Константину, сказав: «Вот уже взял ваш славный город. Слышал же, что у вас сестра девица, отдайте ее за меня. Если же не отдадите, то сделаю с Царьградом то же, что и с этим». Они же отвечали: «Нам, христианам, не следует отдавать замуж за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царствие Небесное примешь, что больше этого. Если этого не сделаешь, не отдадим тебе своей сестры». И сказал Владимир посланным: «Пришедшие от вас пусть крестят меня». И послали цари сестру свою Анну и с ней воевод и пресвитеров. И пришли в Корсунь, а Владимир разболелся. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил его в церкви св. Иакова в городе Корсуне, и дали ему имя Василий. И было чудо дивное и преславное: когда возложил руку на него епископ, он тут же исцелился от язвы[VI] и возрадовался сердцем, и многие из бояр его тогда крестились. И церковь поставил в Корсуне на горе св. Василия.

И потом, взяв царицу, и Анастаса, и попов корсунских[VII] с мощами святого Климента и Фива, ученика его,[VIII] взял и иконы разные и книги. А город Корсунь отдал царям как вено за их сестру, а сам пошел в Киев. И когда пришел, велел ниспровергнуть идолов, одних велев изрубить, а других сжечь. А идола Волоса, которого называли скотьим богом, велел бросить в Почайну.[IX] Перуна же велел привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью, и приставил слуг бить кумиров палками. Делалось же это не потому, что дерево чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе. Плакали же неверные люди, так как не приняли еще святого крещения. И притащив кумир Перуна,

бросили его в Днепр, и проплыл через пороги, и выбросило его ветром на берег, и с тех пор зовется Перунова гора. И положил заповедь всему городу, чтобы утром все, богатые ли, или убогие, или нищие или рабы, были на реке. Услышав это, с радостью пошли люди, говоря: «Если бы это было нехорошо, не приняли бы этого князь и бояре». Утром же пришел Владимир с попами царицыными и корсунскими на реку Почайну,[X] и сошлось там людей великое множество, и вошли в воду. Стояли одни по шею, а другие по грудь, помоложе стояли у берега, а женщины держали младенцев, а попы, по берегу стоя, творили молитвы. И была великая радость, и крестившись, люди разошлись по домам.

Владимир был рад, что познал Бога сам и люди все, и помолился: «Боже, сотворивший небо, и землю, и море, и все, что в них, призри на людей Твоих и дай им познать Тебя, истинного Бога, и утверди в них правую веру, и мне помоги, Господи, против врагов, дабы победить их». И приказал христианам ставить церкви на тех местах, где стояли кумиры. И поставил церковь св. Василия на холме, где стоял идол Перун. И велел попам по городам и селам людей приводить на крещение и детей учить грамоте.

И когда прошел год, задумал создать церковь святой Богородицы.[XI] Послав, привел мастера из Греции. Когда закончена была церковь, украсил ее иконами на диво[XII] и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил попов корсунских служить в ней, дав ей все, что взял в Корсуне, и кресты. И дал церкви десятую часть от имения и от города.

Был же он очень милостив, по слову Господню: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут».[XIII] Нищие каждый день приходили на его двор и брали, кому что нужно, а недужным, которые не могли ходить, приказал слугам приносить домой. И многие сотворил добрые дела.[XIV]

Умер же он на Берестове, и утаили это, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили на веревках на землю. Положив на сани, отвезли его и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа, и плакались по нему бояре как о заступнике страны, убогие — как о кормителе.[XV]

Вот чудо! Как второй Иерусалим на земле явился Киев, и второй Моисей — Владимир явился. Тот закон-тень в Иерусалиме, отлучающий от идолов, а этот чистую веру и крещение, вводящее в жизнь вечную, дал. Тот к единому Богу велел в закон прийти, этот же верою и святым крещением просветил всю Русскую землю и привел к Пресвятой Троице, к Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и добродетелью приобрел жизнь вечную, и людей этому научив, ввел в Царствие Небесное. Когда-то только апостолам сказал Господь: «Не бойся, малое Мое стадо».[XVI] Здесь же всем это сказано. Когда-то через сорок дней и три Моисей, закон дав, преставился и на горе был погребен. Этот же через тридцать лет и три после крещения,[XVII] соблюдая чистую веру, заповедям следуя Господним, преставился, в руки Божии душу предав. И тело его честно́е положили в гроб мраморный и похоронили с плачем благоверного князя.[XVIII] И был Владимир вторым Константином в Русской земле.

То новый Константин великого Рима, который крестил всех людей своих и крестился сам, и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в язычестве, желая скверной похоти, зато впоследствии усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножился грех, там преизобилует благодать».[XIX] Если в прежние годы невежества и были какие согрешения, то впоследствии рассыпаны они покаянием и милостыней, как говорится: «В чем тебя застану, в том и сужу».[XX] Как говорит пророк: «Жив Я, Адонай Господь, и не хочу смерти грешника, пусть он сойдет с пути вашего злого».[XXI] Многие ведь праведники, творившие по правде и жившие, погибают.[XXII] Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему тех почестей, каких достойны его деяния. Если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении диавольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы мы имели усердие и молились за него Богу в день преставления его, то Бог, видя, как мы чтим его, прославил бы его. Нам ведь следует молить за него Бога, так как через него познали мы Бога.[XXIII] Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит о Царствие Небесном, которого ты желал. Пусть даст тебе Господь венец вместе с праведными,

услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и с прочими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».[XXIV] Его память справляют русские люди, поминая святое крещение, и прославляют Бога в молитвах, песнях и псалмах, воспевая Господу, новые люди, просвещенные Святым Духом, ожидая, что надежда наша, великий Бог и Спас наш Иисус Христос, воздаст каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.[XXV]

О, святые цари Константин и Владимир![XXVI] Помогайте против врагов сродникам вашим и людей русских и греческих избавьте от всякой беды, и обо мне, грешном, помолитесь Богу, как имеющие упование на Спаса, да спасусь вашими молитвами. Молюсь вам и прошу милости написанием этой малой грамотки, которую написал, восхваляя вас недостойным[XXVII] и худым умом и невежественным разумом. Вы же, святые, молясь о нас, о людях своих, примите на молитву к Богу святых ваших сыновей Бориса и Глеба, чтобы все вместе умолили Господа силою честно́го креста, и молитвами Пресвятой Богородицы, Госпожи нашей, и всех святых.

Комментарии

[I] Первое предложение взято из Анонимного сказания о свв. Борисе и Глебе. Дальше от слов «Ходиша бо слугы...» до слов «И многи створи добродѣтели» текст взят из Обычного жития Владимира.

[II] Уникальные сведения из Обычного жития св. Владимира.

[III] От этих слов и до слов «Володимеръ же отвѣща посланнымъ ...» житие св. Владимира воспроизводит с небольшими изменениями статью 6495 (987) г. из Начальнаго свода (сохранился в Новгородской 1 летописи младшего извода) и «Повести временных лет».

[IV] Эта фраза относилась в Обычном житии к походу на Корсунь. Мотивировка была заимствована из ПрЖ, где она звучала: «Сице створю, попленю грады ихъ, и обрящу учителя» (См.: Гл. 4. 3). В Обычное житие св. Владимира было заимствовано окончание фразы, а здесь читается только начало.

[V] Указание на продолжительность осады появляется впервые в Обычном житии Владимира.

[VI] См. прим. VI к 3-й редакции Распространенного вида жития.

[VII] От этих слов и до слов «...учити грамоте», как и в Обычном житии Владимира, воспроизведен текст летописной статьи 6496 (988) г.

[VIII] См. прим. XXXVI к «Памяти и похвале».

[IX] См. прим. XII к Обычному житию.

[X] См. прим. XV к Обычному житию.

[XI] См. прим. XVI к Обычному житию.

[XII] «Удививъ» добавлено в 4-ю редакцию Распространенного вида из ПрЖ.

[XIII] *Мф.* 5: 7. Цитата взята в житие св. Владимира из рассказа о милосердии князя из статьи 6504 (996) г.

[XIV] Далее в Обычном житии Владимира до конца следовал текст ПрЖ с небольшими изменениями. В 4-й редакции Распространенного вида жития от слов «Умре же на Берестовѣмь» до слов «яко и кормителя» помещен с небольшими сокращениями фрагмент статьи 6523 (1015) г. Начального свода и «Повести временных лет».

[XV] Со слов «Оле чюдо» до «И бысть вторыи Костянтинъ в Руской земли Володимеръ» следует фрагмент из Сказания о русской грамоте, входящего в состав особой компиляции о славянской грамоте (см.: Гл. 5. 5).

[XVI] *Лк.* 12: 32.

[XVII] Эта ошибка перешла из Сказания о русской грамоте.

[XVIII] В Сказании о русской грамоте эта фраза звучит иначе: «Тѣло же его чьстное положено бысть въ церкви святаа Багородица, юже сам созда». Окончание фразы «вложиша в гробъ мраморянъ и съхраниша с плачемь благовѣрнаго князя» заимствовано из статьи 6523 (1015) г. Начального свода и «Повести временных лет», текст которой приводится далее, начиная со слов «Се есть новыи Костянтинъ...» до слов «...юже буди улучити всѣмъ христьяномъ».

[XIX] *Рим.* 5: 20.

[XX] Ср.: *Прем.* 11:17.

[XXI] *Иез.* 33: 11.

[XXII] Фраза оборвана на середине, но именно здесь оканчивается пассаж в Новгородской 1 летописи младшего извода. Текст, начиная со слов «Аще бо в невежествѣ етера съгрѣшения...», отсутствует в Лаврентьевско-Троицкой редакции «Повести временных лет», но есть в Ипатьевской редакции. Начиная со слов «Дивно есть се...», они обе совпадают, но этого отрывка нет в Новгородской летописи.

[XXIII] Призыв молиться за Владимира был в летописи, в житии он уже неуместен.

[XXIV] *Притч.* 11: 7.

[xxv] В чтении свв. Борису и Глебу из Пролога 1-й редакции, основанном на Древнейшем своде, по мнению Н. К. Никольскаго, сохранился первоначальный летописный рассказ о погребении Владимира, свидетельствующий о его почитании святым при Ярославе: «**И тако чьстьнѣ скуташа тѣло его съ плачьмь, блаженого князя. Се бо есть новыи Констянтинъ великаго Рима, иже крьстивъ сѧ самъ, и люди своя, тако и сии створи подобно ему. Сего бо въ память дьржать князи Русьстии и людие, поминающе святое крьщение, прославляютъ Бога въ молитвахъ, и пѣснѣхъ, и псалмѣхъ, поюще Господеви, новии людие, просвѣщении Святымъ Духомъ, чающе надежѣ великаго Бога Спаса нашего Исуса Христа, въздати комуждо противу дѣломъ, и неиздреченьную радостью, ю же буди улучити всѣмъ крьстьяномъ**». В 4-й редакции Распространенного вида «блаженный», т. е. «святой», был заменен на «благоверный».

[xxvi] Отсюда и до конца следует окончание Сказания о русской грамоте.

[xxvii] Сказание о русской грамоте в составе компиляции из Прибавления к Палее заканчивается на слове «**недостоиныи**». Полностью окончание воспроизводится только в списках компиляции, озаглавленных «Прение съ жиды» (см.: Гл. 5. 5).

Месяца июля въ 15 день. Успение равноапостоломъ великаго князя Владимера самодержца[1]

От Руския земли нареченнаго во святомъ крещении Василия. От Адама до крещения Владимерова лѣт 6096, от крещениа Русския земли поживе 23 лѣта. А иже бѣ не крещенъ имѣя у собя 12 женъ а наложницъ 300 а в Белгороде 300, а въ Берестове селище 200 и всѣхъ 8 сот.[I] И послаше воеводу своего князя Олга[II] хъ Корсуньскому граду князю прошати за собя дщери его. Князь же Корсуньскии велми посмѣявся ему, что поганыя сеи творит. Князь же Владимер вборзе собра воеводы своя варяги и словяны и кривичи и болгары и с черными людьми[III] поиде в Корсунь. И осади град, и стоя 6 месяць.[IV] Из города вѣсть пусти вариженин именем Ижбернъ, и написавъ на стрелѣ и пустив в полкъ варягом и рече: «Донесите стрѣлу сию князю Владимеру». И написано на стрелѣ: «Государю князю Владимеру. Приятель твой Ижбернъ писал к тебѣ, аще стоиши ты с силою под городом годъ или два или 3 не возмешь Корсуня: кораблеицы ж приходят путем земляным с питием и с кормомъ во град». Князь же Владимер, увѣдав пут варяженином и повелѣ копати пут земляныи лодиамъ (sic!), и по трех месяцѣх взял град.[V] Князя Корсуньсково и со княгинею поимал, а дщер ихъ к себѣ взял въ шатер, а князя и княгиню привяза у шатерныя сохи, и съ ихъ дщерию пред ними безаконство сотвори. И по трехъ дьнех повелѣ князя и княгиню убити, а дщер их за боарина Ижберна дал со многим имѣнием, а в Корсуне намѣстникомъ постави его.[VI]

И не разпусти от себя полков, и посла воевод своих Олга да Ижберна въ Царьград къ царю Констянтину да к Василию прошяти за себя сестры их Анны. «Аще, — рече, — не дадите за мя, то сотворю граду вашему, аки и Корсуню». Царь же Констянтин да Василеи собраша патриарси и архиепископы, и епископы, и игумены, и весь священни-

[1] Текст издается по единственному списку БАН, ОР. 21. 5. 20. (лл. 431 об. — 434 об.).

ческии чинъ и вселенскии собор, гадав с ними. И послаша ко князю Владимеру, рекуще: «Аще крестишися во имя Отца и Сына и Святого Духа, то и не сию едину сестру нашу обрящеши, но и царство небесное обрящеши». Князь же Владимер, испытав вѣры многи, избрав греческую свѣтлу и православну вѣру, и рече: «Велми жадает душа моя святого крещения». И посылаше промеж себя скорые послы.

Царь Констянтинъ и Василеи собраша патриарси и вес вселенскии собор, и введоша сестру свою Анну въ церковь святую Богородицу, и едва увѣщавше ея, и начаша молебны пѣти. Царь Констянтин да Василеи молящеся со слезами: «Госпоже святаа Богородиця, яко тобою познахомъ истиннаго Бога нашего Исус Христа, не даи же, Госпоже, рабы своя поганскому сему, нашия сестры, осквернити, но приведи его, Господи, во святое крещение».[VII] И цѣлование с сестрою своею сотвориста съ Анною. И послаша на срѣтение ко князю Владимеру в Корсунь со кресты и с партиархи и со всѣм събором на святую купель.

И прииде въ Корсунь, и встрѣтоша ея архиепископъ со всѣм вселенским собором. Князь же Владимер хотя безвѣрие сотворити, за невѣрие в малѣ чясѣ нападе на него слепота и струпие велицыи. И бысть внегда внити ему во святую купель, погрузися трижды, и отпаде струпие аки рыбия чешуя, и просвѣтися лице его, и бысть чистъ. И повелѣ крестити все войско и помаза миром, а крести в рѣчке.[VIII] Царь же Констянтинъ да Василеи дают сестру свою с великою честию и много святых мощей. И даша ему митрополита Лариона,[IX] и отпустиша его с миром.

И егда прииде во отечество свое въ Киевъ, и раскопа капища идолская, и боги ихъ пожже, и повелѣ по граду клич кликати: «Аще кто не обрящется утрѣ на рекѣ на Днѣпре, да смертию умретъ». Наутрия ж собрася вес народъ, мужи и жены и со младенцы. Иныя стоаще в рецѣ по шею, а иныя стоаху по пазухи, а иныя со младенцы по пояс. И приде митрополит со всѣм вселенским съборомъ, крести вес народ, и заганивая в реку ихъ, аки стада. И бысть радость велиа во граде и по селомъ. И постави церков во имя пресвятыя Богородица соборную, и повелѣ церкви ставити во всем граде. И Залѣскую землю крести, и Владимирескую, и Суждальскую, и Переславль, и

Муром.[X] Князь же Владимер и его боляря и христолюбивые людие его даша святѣи Богородицы десятую часть имѣния своего от жития и от всѣхъ скот своих. И оттолѣ уставися православная вѣра. И от Анны родишася святии чюдотворцы Борис да Глѣбъ.[XI]

Комментарии

[I] В летописях сказано, что у Владимира было в язычестве шесть жен. В летописце РНБ, ОР, Q. Б. о. XVII. 72, который также использовал особую легенду о взятии Корсуня, указано пять жен, сам же рассказ изобилует ошибками: «...а сперва Владимер до святого крещения имѣя три жены словенскаго роду, а четвертую греческаго роду, а пятую древлянску, имя ей Рогнѣда. А преже сестра Рогнѣдина была за братом Владимеровымъ за Изяславом. И Владимер брата своего уби, а Рогнѣдину сестру, брата своего жену, постриже, и после разстриже, и женися на неи Владимер. И родися от неи окаянныи Святополкъ от двою отцов и от двою братов, иже напослѣдок Святополкъ уби братию свою Бориса и Глѣба. И родися от Владимера от пяти женъ его 12 сыновъ: 1 сынъ Ерославъ от греческия жены, 2 сынъ Изославъ (sic!), 3 сынъ Святополкъ, 4 сынъ Вячеславъ, 5 сынъ и 6 от греческия жены Борис и Глѣб, и Всеволод, 8 сынъ Игорь, 9 сынъ Мстиславъ, 10 сынъ Святославъ, 11 Судислав, 12 Позвизд». Рогнед была полоцкой княжной, жена Ярополка была гречанкой, а не сестрой Рогнед, Ярослав был сыном Рогнед, а Святополк был действительно сыном Ярополка и гречанки (см.: Гл. 5. 3).

[II] Нигде больше о сватовстве князя к дочери Корсунского князя ничего не сказано. Об этом сюжете см. подробно в Гл. 5. 3.

[III] Поздний автор правил непонятный ему текст: речь шла о «черных» болгарах, известных по сочинению Константина Багрянородного «Об управлении Империей» и договору князя Игоря с греками 944 г. (см.: Гл. 5. 3).

[IV] Это указание впервые появляется в Обычном житии св. Владимира.

[V] В «Повести временных лет» и в Начальном своде (Новгородская 1 летопись младшего извода) сообщение пересылает грек Анастас, и сообщает он не о земляном пути (дамбе), а о водопроводе. О том, что осада продолжалась еще три месяца, говорится только в Особом житии и в зависимом от него рассказе в летописце РНБ. Имя Ингибьёрн действительно скандинавского происхождения, скорее всего Ingibjorn.

[VI] О происхождении этого мотива в варяжской саге о взятии Корсуня см.: Гл. 5. 3.

[VII] Переговоры с императорами и описание отъезда Анны отличается от летописного только молитвой о ней. Молитва есть в Распространенном (Легендарном) проложном житии.

[VIII] В летописи говорится только о слепоте князя. Об исцелении от язвы сказано в 4-й редакции Распространенного вида жития. Описание болезни и исцеления св. Владимира заимствовано из рассказа о св. царе Константине, который впервые встречается в «Хронике» Георгия Амартола. Во всех других рассказах бояре крестятся в церкви, а не в речке. Эта подробность выдает полное незнание составителем жития топографии Херсона. Храм с баптистерием там существовал, но никаких рек поблизости нет.

[IX] Иларион был митрополитом с 1051 по 1054 г. Он написал «Слово о Законе... и Благодати... и похвалу кагану нашему Владимиру».

[X] Такое сообщение появляется впервые в Общерусском митрополичьем своде, составленном после 1418 г. (Софийская 1 летопись).

[XI] О том, что свв. Борис и Глеб были детьми царевны Анны, сообщает еще Ростовский свод 1534 г., сохранившийся в составе Тверского сборника (см.: Гл. 6. 2).

Служба св. Владимиру

Редакция миней XIV в.[I]

Мцⷰа *июля*[1] въ ѣ. Оуспенне стго и блжнаго.[2] Велнкаго кнзⷭ Володнмнра:

Веч(ерни). Ст(нхн)ра.[3] Глаⷰ н. Поⷭ(обенъ) *О преславное чюдо.*[4]

О преславное чюдо.
велнчавъıн разумъ.
погублаетъ сⷭ[5] дньⷰ.
и рыдаютъ всѧчьскаꙗ лукаваꙗ воннъства.
вндѧще вѣтвь сѣкуща вседнъное.
слою Бнѥю[6] восажаемое и прославлѧемое.
и свѣтло вѣнчаемое ѿ Ба.[7]
велнкаго Васнлнꙗ нашегⷭ.
вѣрѣ[8] начальнпка:~

Днвнаꙗ[9] чюдомъ пучнна.
жесто*сѣр*днн[10] бо разумн.
нже вотще шатахч сѧ.
ѿ лнца дньⷰ Васнлнꙗ *веселахч сѧ.*[11]
въ чтнѣн его цркви.
[12]цртвуетъ Хъ Бгъ.[12]
ѡбрѣтъ[13] его ꙗко Паула преже.[14]
и поставнвъ кнзⷭ вѣрнаго на земли своѥі:~

1-я редакция Службы издается по списку Минеи XIV в. РНБ, ОР, Соф. 382 (С1) с разночтениями по спискам: «Трефолой» с уставом XIV в. РНБ, ОР, Соф. 386 (С2); «Минея новым чудотворцам» 1494 г. РНБ, ОР, Сол. 518/537.

[1] С2, того* С1; [2] Оуспеньѥ стого кнзⷭ Владнмнра • нареⷱнаг въ крщньн Васнльꙗ • крстнвшаг Рускуіѳ зелию ·:· мунка Кюрнка н мтрн его Оулнт· С2; [3] На Гн возвах • Ст(н)х(н)р(ъı) • Володнм • С2; [4] Так С2, Сол., нет С1; [5] Так С2, Сол., нет С1; [6] С1 пауза; [7] Ба.ᵛ С1 знак распева; [8] вѣрнаго С1, Сол.; [9] Днвнаго С2; [10] жестордни С1; [11] веселѧхуть сѧ С1, Сол.; [12] С2 нет; [13] обрѣтѣвъ С1, обратнвъ Сол.; [14] прежѐ С1 знак распева.

Ра^ѵн сѧ рускаꙗ похвало.
радѵн сѧ вѣрьнъıмъ правнтелю.
ра^ѵн сѧ блжєнъın Володнмнре.
ра^ѵн сѧ наѵалннце нашь.
ра^ѵн сѧ вѣрѣ ѯабрало.
ра^ѵн сѧ ѵюдо ѵюдомъ прєславноє.
прнтѣкающнмъ прнстаннце тнхоє.
ра^ѵн сѧ всєстъıн.
ра^ѵн сѧ коренн вѣрѣ.
н молебннце молѧщнм тн сѧ.
н велнѵающнмъ тѧ вѣрно:~

На стнх(овнє). Гла^с н.[1]
Наѵалннка блгоу^стьıю.
н проповѣдннка вѣрѣ.
н кнѯемъ рустнмъ[2] верховьнаго дн^ѣ.
рустнн[3] сборн сшедъше сѧ[4] восхвалнмъ.[5]
велнкаго Володнмнра.
ап^лмъ равна.
хвалами н пѣ^смн дховнъıми.
вѣнѵаємъ глаголюще.[6]
ра^ѵн сѧ Х^сѵ воннє прехрабрън.
ꙗко томнтела врага до конѵа погѵбнвъ.[7]
н насъ ѿ льстн его нѯбавнвъ
прнде[8] къ Х^сѵ ц^рю.
но преблжне н всехвалне.
мнръ н ѯдравнє н тверду мн[9] державу.

---

[1] В С2 славник стихир на хвалитех свв. Кирику и Улите: Гла^в·Гла^с н· Самогла^с(ен); Во 2-й редакции славник стихир на стиховне. Сол. вместо него тропарь: Тре^п(арь). Гла^с н. Ꙗко наѵалнику н коренн вѣрѣ. ндололъ раздрѳшнтела. Васнлнє кнѧже равъне ап^лмъ. непрестанно въпіемъ ті. мн Хе Бге да сп^ть дша нша:~; [2] рускъımъ С2; [3] рустѣй всегда в С2 вместо рустнн, роустнн в С1; [4] съшедъше сѧ С2; [5] Другие паузы С2: н кнѯемъ рускъımъ· верховьнаго дн^ѣ рустѣн сборн съшедъше сѧ восхвалнмъ·; [6] глаголющю С2; [7] погѵбнлъ йєсн С2; [8] н прнвелъ йєсн С2; [9] С2 нет.

молн Гā датн[1] кнзю нашему,
на поганъıа побѣдъı.
а дшамъ нашнмъ
велню млcть:~

Кā(онъ).[2]
Глаc s. Пѣc(нь) ā. Ірмоc. Ꙗко посухү.
Прндите братіе.
пѣc дховьнүю всн вzопнемъ.[3]
н прославнмъ Хcа.
нже свѣтло прославнлъ.
үcтьнаго Володнмнра.
н велнкаго кнzа:~[4]

Иже дарıа семенѣ сѣющему.
тъı н мнѣ дарүн дарнтелю блгıхъ.
разрѣшаı мн съүзү ıзъıкү.
обновн Спсе къ словословленню вѣрно:~[5]

Иже волею ї нүжею.
к себе[6] вснхъ прнzъıваешн.
ıако же древле Монсна Іса.[7]
тако же н нъıнѣ въ сръцн въzгласн.
вѣрьнаго н достохвалного *кънаzа*:~[8]

Үcтнѣншю вѣрховннхъ үнновъ.
тебе всн zнаемъ.
н славнмъ влүце.
славящюю zемнъıх.
средо граду н стѣнү нешборнмү.
съвокупнлъ есть:~

[1] податн C2; [2] Кā(онъ) ·Дрүг· Володнмнрү· C2; [3] воспоймъ C2; [4] үcтьно· Володнмнра велнкого кнzа·:· C2; [5] :~Слав. Сол.; [6] къ собѣ C2, к себѣ Сол.; [7] Мойсѣн Іа C2; [8] кнzа C1 :~ І нн Сол. на поле.

Пѣ(нь) г̑. Ірмо̑.[1] Нѣ̑ сто̀ а̀коже тъı Го̑н Бѐ.
Иже Паоу̑ла[2] просвѣтомь.
нѯбраньствомь сподобн.
н Васнлиа вкупѣ оца̀ рускаго.
оуьнъıи̑ недугъ ӧтърлъ есн Мл̑тве.[II]
Твонмь кр̄щнѥмь:~

Костантина вѣрнаго подобникъ[3] гавн сѧ.
Хр̑а въ ср̾цн въспрнимъ.[4]
н Ѥго ѯаповѣдн.
г̄ако же ӧтц̀ь всеа Русн наѹ̈чнлъ ёсн:~[5]

Бже̑твною волею Твоею.
безбожнаго Перуна.
н куцу бѣсовьскую *съкрушн.*[6]
н къ ӧпашн коньстнн̄[7] прнвѧѯавъ,
і повелѣ бнтн вон̄номъ н̄долъı:~[8]

Сѣнь свт̄ую̈ обрѣтъ.
Марью Двц̀ю бн̄н̄ съсудъ.
Володнмнръ *кънаѯь*[9] у̑тьнъıи̑.
ап̑ла Паоу̑ла ревнитель.
црк̄вь бж̑твенуюю.
Тон во нмѧ въѯдвнглъ есть:~

Сѣ̾(аленъ).[10] Гла̑ д̑.[11]
Скоро варн кн̄же.
вѣрнъımъ наставнице.[12]
враѯн бо хуѧть н̄ претѧть намъ х̑въ уродннце.
н погубн вѣрою твоею.[13]

---

[1] Инъ Ірмо̑· C2; [2] Павла C2; [3] н добавлено C1; [4] сн прнймъ C2, прнимъ Сол.; [5] :~Слава Сол.; [6] скрушнвъ C1; [7] опашѣ коньстѣн C2; [8] :~I н̄нѣ. Сол.; [9] кн̄ѯь C1; [10] Инъ Сѣ̾(аленъ)· Володнмнру C2; [11] По̾(обенъ)· Скоро пре̾варн· Сол.; [12] Так в C2, в C1 паузы: вѣрнъımъ. наставнице; [13] тн C2.

борющихъ сѧ с нами.
да навъıкнутъ славити и утити твою памѧть.[1]
намъ же проповѣдающимъ[2] тѧ.
спⷭаи ѿ всѧкаго гнѣва.

Пѣⷭ(нь) д҃. Ірмоⷭ.[3] Хсъ мнѣ Бъ Гⷭь уⷭт.
Ую҆ѧ преславно и страшно неизглаⷩньно.
свершаетъ Влдка Хⷭъ.
и ѻбновлѧетъ и҃[4] Бжⷭтвнъıмь крщⷩньемь.
всю Рускую землю.
їи просвѣщаетъ кнзѧ Василиа:~

Свѣтло прндете.
и достонно[5] възгласите сⷩнове рустии.[6]
къ вашему оⷰцю Володимиру.
и҃ памѧть его вѣрно всн.
да праздьнуемъ *свѣтло:~*[7]

Оⷭтеⷭ неуⷭтъıе ѿгналъ есн.
и҃ вьсеуⷭтьнуⷸ свою бабу.
на правовѣрную вѣру възздвиглъ есн.[III]
равнеапⷭле[8] Хⷭвъ кнⷩже великъıи Володимере:~[9]

Хвалимъ влⷣце.
великаа чюдеса Твоа и҃ Сⷩна твоего.
Тъı бо уⷭтаа.[10]
молба наша непⷬуваа.[11]
Сⷩнъ бо твои҃ тобою.
їстлаи҃ лъсти, и҃збавилъ нъı есть:~

[1] В С2 пауза после славити·; [2] провѣдаюшим С2; [3] Инъ Ірмоⷭ· С2; [4] С2 нет; [5] достолѣпно С2, Сол.; [6] ·съıновѣ рустѣи С2; [7] вѣрно С1, :~Слава. Сол.; [8] равнеапⷭлъ Сол.; [9] І нне:~ Сол.; [10] С2 нет паузы; [11] непостъıднаа С2.

Пѣ(нь) ѣ. Ірмо.[1] Бнемь свѣтломь тн.
Дн҃ь англн бнн радующе свѣтло на нбсе.[2]
в память твою ст҃ую.[3]
спсл бо нъı есн всн҃.
ѡ всякого лукавьства.
н жертвъ бѣсовьскъıхъ.
людн своıа нзбавн н всь градъ свон:~

Ръıдаетъ бѣсовьское темное зборище.
видящн на земли попираемъı идолъı.
йже на погъıбель въздвигнули сутъ.
Бж҃твнъıмь повеленнемь.
съкрушилъ есн:~[4]

Рад҃уйї са Васнлнїе рабе Х҃въ.[5]
кнже славнъın мудрън.
н молебнице о д҃ша҃ нашн҃.
тобою бо мъı всн нзбавленн есме.[6]
ѡ[7] бѣсовьскъııа льстн.
н радун са вопнемъ тн:~[8]

Подъ кровомъ твонмъ дневнъımь[9] н многъımь.
всн прибѣгаёмъ у҃таıа.
сп҃нне Бо та нмамъ.
опаленн[10] грѣхъı злъımн[11].
аще бо тъı не молншь.
то кто нъı нзбавнть·

Пѣ(нь) s. Ірмо.[12] Жнтнискаго моря:~
Снлою твоею.[13]

---

[1] Инъ Ірмо· C2; [2] нбсѣ C2; [3] стъın Сол.; [4] Сла Сол. на поле; [5] Васнлйе· рабѣ Х҃въ· C2; [6] бъıхомъ ѡ бѣсовьскъııа льстн· C2; [7] C2, нет C1, Сол.; [8] І нн Сол. на поле; [9] C2 пауза после дневнъımъ·; [10] опаленьıе C2; [11] люцьı C2; [12] Инъ Ірмо· C2; [13] C2 нет паузы.

попранъ есть сотона дш҃егубець.
и лестныа жертвы его.
и побѣдника намъ Хъ҃ славлъ та єсть.
Васнлиа вѣрнаго кнз҃а.
скрушити ӣ соврещи[1] того под ногы наша[2]:·

Спс҃аа преже г҃ь.[3]
рукою Моӣсиевою Изл҃а ѿ работы.
тъ же и нынѣ рукою҆ всихъ на҃.[4]
Васнлиа кнз҃а вѣрнаго.
ѿ лести ѝдольскыа ӣзбавлени есме·:·[5]

Достонно ти вз҃ываемъ ӣ вопиемъ ти всн.
раг҃уи са всеу҃тныи и блаж҃ныи.
ӣзбавника бо та ӣмамъ съ Бм҃ь.
Васнлье[6] ӣмуще не презери рабъ свонх҃.
но присно сохрани ны·:·[7]

Бо҃р(одиуенъ).[8]
Обрѣтохомъ пру҃таа.[9]
тобою з҃емииӣ Дв҃це всеп҃ртаа.
Ѥго же желаю҃т анг҃ли на нб҃сѣхъ видити.
и сы̄н видімъ в адрехъ твонхъ и младенець Бъ҃ нашь·

Ко(н)а҃ (акъ). Гла҃. И. Поа҃(обенъ). Въз҃бранни.[10]
Изр҃адному҃ въиеводе ӣ правовѣрному҃.
тако ӣзбави ны есн ѿ лести.
Блг҃одарнмъ та.
въсписаетъ ти[11] вса Русь Васнлие.
и ѝмѣетъ[12] та нападника ӣ заступника.

[1] съкрушити ӣ съврещи· C2; [2] а нет C1; [3] C2 нет паузы; [4] Так C2, Сол., на васъ C1; [5] ѝзбавилъ ны ѐстъ:~ Слава. Сол.; [6] Васнлиа Сол.; [7] :~ I ӣнѣ. Сол.; [8] Нет C2, Сол., C1 на поле выше текста; [9] C2 нет паузы; [10] Инъ · Ко(н)а҃ (акъ)· Гла҃· ӣ· C2; [11] Нет C2; [12] ѝмѣиа C2.

н҃ ѿ всѧкоѩ скверны нзбавлꙗ нꙋ҃ны ѥсн.
тѣм же вопиѥмъ тн.
радꙋй҃ сѧ кнѧже бл҃говѣрнꙋ҃ый:~

Іко[1]
Ѧнг҃лъ плотню ѻдѣнъ на земли ꙗвн сѧ.
посланъ бы[2] ѿ Бг҃а.
ꙋготовнтн Бе҃ственꙋ҃ый правꙋ҃ый пꙋть.[3]
нже свершн снлою Гнею.
дивлѧхꙋ бо тсѧ[4] и радовахꙋтьс[5] нбснѣи ꙋннове.[6]
вопиюще снце.
радꙋн сѧ ѥго же ради вѣра Гнѧ проснꙗ.
радꙋн сѧ ѥ҃го же ра҃.
врагъ скрꙋшенъ бысь.[7]
ра҃ꙋи сѧ правовѣрнꙋ҃ыꙗ вѣры въздвнзателю.
ра҃ꙋн сѧ безаконьнꙋ҃ыꙗ льсти потребнтелю.
ра҃ꙋн сѧ въсото добродѣтелнаꙗ до нбснн досѧзаюшнꙗ.[8]
ра҃ꙋн сѧ преже познавꙋ҃ын и҃стнннꙋю Бцю Мр҃ю.
ра҃ꙋи сѧ ꙗко бꙋваѥши вѣрьнꙋ҃имъ црь.[9]
ра҃ꙋй҃ сѧ ꙗко млстꙋ҃инею Ба ѻдолжнвъ.
ра҃ꙋй҃ сѧ свѣще тмꙋ просвѣшаѥши.
ра҃ꙋй҃ сѧ свѣще[10] ѻсꙋшаꙗ невѣрнѥ.[11]
ра҃ꙋй҃ сѧ и҃мн же ѻбновнхомъ сѧ всн.
ра҃ꙋй҃ сѧ ѥ҃го ра҃ кланѧемъ сѧ Творцю.
Лю҃.
ра҃ꙋи сѧ кнѧже бл҃говѣрнꙋ҃ын[12]:~

Пѣс(нь) з҃: Ірмос.[13] Хладодавцю ꙋбо пе.
Ꙗ҆ленꙋ҃ы тн новꙋ҃ыꙗ.
любовью и҃звестн сѧ внꙋкъ преблжне Олгꙋ҃ы.

---

[1] На поле С1; [2] Нет С2, Сол.; [3] Так С2, нет паузы С1; [4] дивлѧхꙋть бо сѧ С2, дивлѧхꙋ бо сѧ Сол.; [5] радовахꙋ сѧ С2; [6] С1 нет паузы; [7] ѥго же ради врагъ скрꙋшн сѧ С2; [8] добродѣтелнаꙗ· до нбсн досѧзаюшнꙗ· С2; [9] црьмъ С2; [10] слнце Сол.; [11] и ѿсꙋжаꙗ невѣрнѣ С2; [12] Нет С2, Володимере Сол.; [13] Інъ Ірмос· С2.

Константинъ же новыи великыи.
Хс҃у гави сѧ[1] Василие вопиꙗ.
блг҃нъ Бъ Оц҃:~[2]

Люто лестець[3] двизаше сѧ.[4]
на крьстьꙗны воевати.
превелікыи Гс҃ь в Корсуни тѧ въздѣвшаѥть.
и крщенню[5] бж҃твному сподоблѥть тѧ.
и цр҃тво нб҃ное тобѣ Хс҃ъ подалъ есть:~[6]

Обетшануꙋю льсть.[7]
бѣсовскуꙋю[8] прогналъ есн.
ꙗко великыи Хс҃въ оуч҃нікъ.
и[9] обновивъ просвѣтилъ есн всх҃ насъ.
и[10] вопити немолуно Хс҃ви.
блг҃нъ Бъ Оц҃:~[11]

ѿ родъ тѧ[12] всх҃ избралъ есть Бъ превѣчьнъıи.
прежде вѣкъ.[13]
и в последнꙗꙗ дни плоть приимъ ѿ тебе.
и сверешенъ вкупѣ гави сѧ Бъ и улвк҃мъ[14] прісно Дво.

Пѣс҃(нь) и҃.[15] Ис пламенн стмь рос.
От҃ безбожнъıх҃ идолъ[16] всѣхъ нас҃ избавилъ есн.
къ Хс҃у же Бу насъ воздвиглъ есн.
ове вѣрнъıхъ кнзь.
наказателю стадъ своих҃.
тѣмь тѧ поимъ во вѣкъı[17]:~

[1] и Хс҃у ꙗви сѧ вопиꙗ Васильи блг҃нъ·:· C2; [2] ѿц҃ь нашихъ:~ Сол.; [3] льстець C2; [4] C2 нет паузы; [5] ко крщнью C2; [6] Сла҃ Сол. на поле; [7] C2 нет паузы; [8] бѣсовьскую C2; [9] C2 нет; [10] C2 нет; [11] иеси Гс҃н·:· C2, I нъı҃ Сол. на поле; [12] тебе Сол.; [13] избралъ есть· Бъ превѣчьнъıи преже вѣкъ C2, Сол.; [14] улвк҃ъ C2; [15] Інъ Ірмо҃· C2; [16] C2 пауза; [17] всѧ·:· C2.

Костантинъ новъıн тъı нзвѣстилъ сѧ есн.
во всен земли Рустнн.
блжнъıн Васнлнѥ.
тъı бо Хво нмѧ нзъıасннлъ есн.
ѥго же превозносим:~[1]

Црвн вѣчномȣ[2] *нъıнѣ*[3] предстоншн.
н десннцею ѥго вѣчȣалъ сѧ ѥсн.[4]
молн сѧ Ємȣ за недостоннъıѧ сн рабъı.
да тѧ превъзноснмъ *въ вѣкъı всѧ*:[5]

Облакъ Слова[6] тъı ѥсн Прстаѧ.[7]
н свѣща солнцьнаѧ.
колеснница многоцѣньнаѧ.[8]
двцкоѥ възвъıшенню.[9]
н гора тȣчнаѧ.
н оусъıрена пребъıваѥшн прстаѧ Дво[10]:~

Пѣс(нь) ѳ. Ірмос.[11] Ба улѣкмъ неȣдоб.
Сладокъ.[12]
ѧко фюннкъ възокъ *възращаѥмъ*.[13]
н цвѣтъ творн.[14]
масльнаѧ вѣтвь многополоднаѧ.
тъı бъıваѥшн вннъноѥ възращенню.[15]
кнстѣ двѣ созрѣлѣй.[16]
мȣнка прнносѧщн.
Романа н Двда ѵтънаго:~

[1] :~Слав:~ Сол.; [2] С2 нет; [3] С2, Сол., нъıнъı С1; [4] вѣчȣалъ нъı есн Сол.; [5] С2, въ в:~ С1, въ вѣкъı:~ І нъı:~ Сол.; [6] С2 пауза; [7] препѣтаѧ С2, Сол.; [8] С2 нет паузы; [9] възношенню С2; [10] Дво ѥменнтаѧ:· С2, менннта:~ Сол.; [11] Інъ Ірмос· С2; [12] Сладокъ знак распева С1, С2 нет паузы; [13] С2, възвращаѥмъ С1, възвращаѥмъ Сол.; [14] С2 нет паузы; [15] възращаньѥ С2; [16] възрѣлѣй С2.

Лицн.[1]
кнзь нъынѣ предстоѧтъ тн преблагороднъıхъ.[2]
ѡ тебе блгоүестые носѧщнхъ.
н с людьмн вѣрнъımн хвалѧще[3].
науалнице н[4] скорън заступнице.[5]
помнндн всн[х] насъ.
ꙗко в мнрн жнвотъ тобою да обрѧщемъ:~[6]

Лю[д]іе мүдрнн рүсьстнн.
прндете всн снндете сѧ.
къ үстьнѣн црквн Володнмнра стго.
нареүенаго Васнлнѧ преблжнаго.[7]
н[8] велнкаго кнзѧ.
үгодннка Хва преславнаго.
прнінмете блгдть н спнне.
н жнвотъ н велью млт:~[9]

Бо(городнүенъ)[10]
Ба двце.
тъı роднла їесн на землн.[11]
во плотн смѣшенне бъı бесплотное.
въ ednнү оүпостась.
н въ естьствѣ[12] двѣ.
да спсешн всн[х] насъ[13] кланѧюшнхъ сѧ вѣрно.
ꙗко Бцн үстнѣн:~

Свѣт(тнленъ)·:·[14]
Тнхоїе прнстанице·

[1] Лицѣ Сол., Лицн̂ С1 знак распева, С2 нет паузы; [2] С2 другие паузы: Лицн кнзь нъынѣ· предъстоѧтъ тн· преблгороднъıхъ·; [3] тѧ С2, Сол.; [4] Нет С2; [5] С2 другие паузы: н с людьмн вѣрнъımн· хвалѧще тѧ науалнице · скорън заступнице ·; [6] Слаᵃ. Сол.; [7] С2 другие паузы: къ үстьнѣн үркви· стого Володнмнра нарүнаго Васнлнѧ преблжнаго·; [8] С2, Сол., нет С1; [9] :~I нн. Сол.; [10] С1 на поле, нет С2, Сол.; [11] С2 другие паузы: Ба двце тъı роднла їесн· на землн во плотн·; [12] їединьствѣ С2; [13] Пауза С2; [14] Светильна нет в С1.

просвѣщеныи҃ зе҃млн Русте҃и҃·
молн сѧ ко Вла҆ц҃ѣ и҃ Г҃у·
да просвѣтнть мл҃твамн твоимн дш҃а наша·
славнъıи҃ кн҃же Володнмнре·⁘·

Стихира из нотированного Волоколамского стихираря[IV]

Мцa тогѡ· 15· кнзⷭ Володимера· крⷭтивъ·з·[1]
Придѣте стецѣмъ сѧ вьси·
къ чьстьнѣи памѧти·
wтьца рyсьскаго·
и наставника нашего Владимера·
сє бо·
wтъ клинъ[2] рожь сѧ възлюбивъ възлюбившааго и Христа·
къ немy же възиде радyга сѧ с праматерию Wленою·
вьсѧ бо люди своꙗ наоyчи вѣровати·
и покланѧти сѧ въ Троици єдиномy Богy·[3]
и идолы оупразднивъ попра·
и израсти намъ свои чьстьнѣи лѣторасли Романа и Давыда·
тѣмь·
и мы·
свѣтьло нынѣ пѣсньми·
памѧть ихъ вѣрьно чьтyще любовию·
праздьнyємъ·
да молѧть сѧ о насъ къ Господy·
кнzемъ нашимъ подажи побѣдy нà погань҃а врагы·
yмирити всего мира и спасти дyши наша·⁘

[1] з(емлю Русьскyю); [2] Обычный вариант отъ ꙗзыкъ или отъ варѧгъ;
[3] Здесь кончается нотация.

Стихиры и тропари, кондак и икос св. Владимиру из канона свв. Кирику и Улите из службы на 15 июля[V] в сборнике Матвея Кусова 1414 г.

Стнꙑ два. Глас̾ и̑:
Прндѣте стеуем сѧ всн къ ӱ̾тнѣн памѧтн ѻӱ̄ѧ рӱ̾каго.[1]
наставнка нашего спа̾ннꙗ Васнлнꙗ.
се бо ѿ варѧгъ рж̾тво въꙁлюбнвъ̄.
въꙁлюбнвшаго н Х̾а.[2]
к нему же вꙁнде радуꙗ сѧ с праматерью Оленою.
вса бо люді своꙗ наоуун̄.
вѣровати.
н покланѧтн̾ въ Трц̄ѣ єдномоу Бӯ.
а ндолъı оупраꙁннвъ попра.
н нꙁрасти на[м] свон ѹьстьнѣн лѣторасли
Романа н Дав̄да.
тѣмь н мъı нынѣ свѣтьло пѣ̾мн.
памѧ̾т ѹтуще.
любовью праꙁднуемъ.
да молѧть сѧ ѻ насъ къ Г̾у.
кн̄земъ нашнмъ податн побѣду на поганъıꙗ врагъı.
оумнрнтн всего мнра н сп̾тн д̄шн наша·:·

Ап̾лмъ ревнителѧ̄.[VI]
Володнмнра треб̄лжнаго.
ѻц̄а н оуут̄лѧ сшедъше сѧ въсхвалнмъ.

Текст издается по Ермолаевской рукописи РНБ, ОР, F. 1. 295. Здесь ѧ передается через «я», а ꙗ через «а» с хвостиком сверху. В службе, в отличие от «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, ни разу не встретилось ѥ. Смена почерка отмечена Ермолаевым с начала л. 25 (середина «Слова» Илариона).

[1] Ср. выше стихиру по списку Волоколамского стихираря сер. XIV в.;
[2] Должно быть: ѿ варѧгъ рожь сѧ въꙁлюбнвъ. въꙁлюбнвшаго н Х̾а.

ѝм же Хс̑а познахомъ.
ѝ ѿ тмы къ свѣту приближаѧще сѧ.
ѻумъ и ср̑це просвѣщаемъ.
в памт̑ его ликовствующе купно веселимъ сѧ.[1]
ѻбрѣтше вожа правовѣрна въ цр̑твіи Хс̑во·⁘

Тр̑о(пар)ь. Гласъ д̑·⁘
Оуподобивъшасѧ купую нщющю добраго бисера.
славнодержавнъıи Владимире.
на въıсоте стола сѣдѧ.
мт̑ре градово̑ .
бо̑спа̑наго Кıева .
и испъıтаѧ посълаше къ Цс̑рскому граду.
оувѣдѣти православную вѣру.
ѝ ѻбрѣте бесцѣнъıи бисеръ Хс̑а.
ѝзбравшаго тѧ ѧко втораго Павла ѡ̑рѧсша слѣпоту.[II]
въ ст̑ѣи купѣли.
дш̑вную вкупѣ ѝ телесную.
тѣм же празднуѥм ти оуспенıе.
людıи твои суще.
моли спс̑ти сѧ державъı ти Рус̑къıѧ началнıкомъ.
хс̑олюбивъımъ кн̑зем̑ъ.
и множьству владомъıхъ·⁘

Гласъ н̑·⁘[VII]
Новъıи Костѧнтинъ тъı бъıс̑.
Хс̑а въ ср̑ці прıимъ.
просвѣтилъ есı хр̑щıем̑ъ.
землю Рус̑кую.
тѣмь ѧко Гс̑нѧ апс̑ла.
молебнъıми пѣс̑ми
празднующе памт̑ твою.
вѣнуа похвалнъıѧ приносимъ ти глще.
Радуи сѧ дѣлателю вѣръı Хс̑въı.

[1] В Ермолаевской копии нет паузы.

имъ же избывше тмы свѣтъ познахомъ.
Радуи са блажнын Володимере.
приимый вѣнець ѿ руки Вседержителя Бга.
и молитсѧ непрестанно за душа наша·:·

Правовѣрью наставнице.[VIII]
и всеѧ Русн просвѣтителю.
крщеніемь просвѣтилъ єси.
всѣхъ насъ благоустивъı црю Рускын.
и церкви въздвигль єсі.
преславнъıй княже Володимиру.
молн Хса Бга да спсть душа наша·:·

Ко(н)а(акъ). Гласъ г. По(обенъ). Два дньс.[IX]
В Русн днь оуитль гавн са.
Хсву бо вѣру ѿ душа възлюбивъ.
изатъ люд своѧ.
ѿ тмъı невидѣнніѧ.
и приведе ѧ къ свѣту боразумінѧ.
сего рад показа са наученнк.
и наставнк Бгѧ благдатн·:·

Ікос. По(обенъ) Єдема Внфлеѣм.
Похвалнмъ нынѣ новогѡ апла в Русі.
люмъ наставнка и оучтла.
да млтвамн его ѿ всѣхъ бѣдъ избавнм са.
се бо гавнс весь прустъ и ѻсщнъ дхмъ.
приноса молбъı къ Бу.
ѻ людехъ своихъ.
ако Бнй оугодннкъ.
и наслѣдьннкъ цртвнѧ нбсного.
с праматерью Ѻленою.
тѣмь бъс странѣ сей съ сномa своимa застуиннкъ и поворнннкъ ѧ·:·
И люа.
И наставнк Бгѧ блага̀тн·:·

Некоторые стихиры и тропари из службы св. Владимиру в Кирилло-Белозерском стихираре

На стих. Стры. 8.X
О преславеное чюдо величавыи разоумо погоублюте сѧ денесе.
и рыдаютъ весѧческаѧ лоукавааѧ воинества.
видѧще вѣтве соущоую силою Божиию присно насажаемоу.[1]
и прославлѣемоу и свѣтло вѣличаемоу што Бога .
великаго Владимира кнѧземо рускымо началника вѣрнаго:~

Дивна чюдесемо поучина жестосердии Бога не знающе.[2]
иже вотще шатахоу сѧ денесе шт лица Владимира великаго.
просвѣтивше сѧ торжествуют свѣтело.[3]
въ честенѣи церкови егш.
царствоуетъ Христшсо Бого.
шбрѣто гако Павла первие и постави вѣрнаго кнѧзѧ.
земли Роустеи самодержавенаго:~

Радоуи сѧ роускаѧ похвала вѣреныимо правителю.XI
блаженыи Владимире православию началениче.
твердоо забрало вѣрѣ нашеѧ.
притѣкающимо пристанище тихое.
чюдесо истшчениче.
корене вѣры христианескыѧ.
и молебниче молѧщим ти сѧ.
и чтоущимо вѣсемо святоую памать твою:~

Гла̂в. Гла̂с 8.
Началеника благочестию и проповѣденика вѣре.

Рукопись кон. XVI в. с нотацией (РНБ, ОР, КБ 586/843), л. 652 об.
[1] Ср. С1, С2 и Сол.; [2] Ср. С2, С1; [3] Ср. С2, С1.

и кнѧземо роускымо верхѡвенаагѡ.
денесе роустии собѡри сошедошесѧ восхвалимо.
великаго Владимира апостоломо равнаго.
хвалами и пѣснеми доуховеными вѣнчаемоего глагѡлюще.
радоуисѧ Христѡво воине прехрабрыи.
гако томителѧ врага до конеца погоубиво.
и насо ѡто лести его избавиве.
и привеле еси ко Христоу[1] преблаженне и всехвалене.
миро и здравиѥ и твердоу державоу.
моли подати царю нашемоу на поганыѧ побѣды.
и доушам нашимъ велию милость:~

Н҃. Б҃ѡ҃.
Тро҃рь. Гла҃с҃ 4.
Оуподѡбивыи сѧ коупцоу ищоущю добраго бисера.
славнодержавеныи Владимире.
на высотѣ стола сѣдѧ матере градовомъ.
богоспасеннаго Киева.
и испытоуѧ посылаше къ Царескомоу градоу.
оувѣдати православноую вѣроу.
и ѡбрѣте безцѣнныи бисеро Христа.
избравшаго тѧ гако втораго Павла.
ѡтгрѧсшаго слѣпотоу во сватѣи коупѣли.
доушевноую вкоупѣ и телесноую.
тѣмже празденоуемо твое оуспение людие твои соуще.
моли спастисѧ держави ти Роускыѧ началникомо.
христолюбивымъ кнѧземо и множествѹ владомыхъ:~

Г҃. Гла҃с҃. 8.
Вторый ты бысть Константино словомъ и дѣломъ.
наоучило сѧ еси правовѣриѧ.
и просвѣтило еси землю Роускоую сватым крещениемо.
возлюбившаго тѧ Бога.

[1] Певческие указания в строке.

ко немоу же возыде радоуа са,
Егw же моли непрестанено.
w чтоущихо любwвию память твою:~

Інъ. Гла^{с} тои же.
Правовѣрию наставениче.[XII]
и всеа Роуси просвѣтителю.
крещением бо всех насо просвѣтило[1] еси.
благочестивы царю Роускыи.
и церкви оукрасило еси премоудро кнаже Владимире.
наставниче правыа вѣры и равно апwстоломъ.[2]
моли Христа Бога да спасете доуша наша:~

І нѐ. По. 50. Ѱалмѣ. Стра^{х}. Гла^{с} 8.[XIII]
Апwстоломъ ревнителя Владимира.
преблаженнаго wтеца и оучителя.
сошедошеса восхвалимо.
симо же Христа Бога познахомо.[3]
и wто тмы ко свѣтоу приближихомо са.
wчи и сердца просвѣщающа.
во памате егw ликоствоующе.
коупно веселимо са wбрѣтоше вожда.
правовѣрена во цароствие небесное:~.

Комментарии

[1] В Минее втор. пол. XIV в. Соф. 382, как и в «Минее новым чудотворцам» 1494 г. (Сол. 518/537), помещена только служба св. Владимиру. В Трефолое Соф 386. читается полная служба на 15 июля, куда входят все положенные стихиры и канон свв. Кирику и Улите, которые всегда идут первыми. Тропарей в этих двух рукописях XIV в. вообще нет, а в «Минее новым чудотворцам» тропарь новый.

[1] Певческие указания в строке; [2] Этих слов в М-П нет; [3] Строка вставлена на поле.

[II] Св. Владимир постоянно сравнивается в службе с апостолом Павлом, так как он сначала ослеп в Корсуне, а после крещения прозрел, подобно апостолу Павлу на его пути в Дамаск.

[III] Имеется в виду св. Ольга, что совершенно неверно, так как она крестилась в 957 г., когда св. Владимир был еще младенцем.

[IV] В службе 2-й редакции это — славник стихир на «Господи, воззвах» (см. любую современную служебную минею).

[V] В сборнике 1414 г. служба помещена после «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона перед 4-й редакцией Распространенного вида жития св. Владимира. Последним в сборнике читается житие свв. Кирика и Улиты.

[VI] Во 2-й редакции службы это стихира по 50-м Псалме (см. далее Кирилло-Белозерский стихирарь и любую печатную минею).

[VII] Этот тропарь больше нигде не встречается.

[VIII] Этот тропарь, как и кондак и икос канона, не вошли во 2-ю редакцию службы, но они читаются в минее РНБ, ОР, КБ 456/713, указанной М. Славнитским, а также приведены в Кирилло-Белозерском стихираре (см. ниже).

[IX] В сборнике помещен только канон свв. Кирику и Улите, стихир им нет.

[X] В начале помещены стихиры на «Господи, воззвах» из службы 2-й редакции, затем стихиры на стиховне. В 1-й редакции их не было, для 2-й редакции написали новые стихиры на «Господи, воззвах», а старые поместили в качестве стихир на стиховне.

[XI] Текст очень отличается от современного вида тропаря во 2-й редакции службы, принятой в Русской Православной Церкви.

[XII] В рукописи помещен еще один тропарь «Отеческую прелесть идолы...» (Глас 4).

[XIII] Эта стихира есть в Сборнике 1414 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Похвала кнагинѣ Ѡлги, како крести сѧ и добрѣ поживе по заповѣди Господни[1]

Та бо блаженаѧ кнагинѣ роускаѧ Ѡлга по смерти моужа своего Игорѧ, кнаѕѧ роускаго, ѡсвѣщена бывши Божіею благодатію и въ сердци пріимши Божію благодать. Ѡ, како похвалю блаженоую кнагиню Ѡлгоу, братіе? Не *вѣдѣ*.[2] Тѣломъ жена соущи, мѫжескоу моудрость имѣющи, просвѣщена Сватымъ Доухомъ, разоумѣвши Бога истиннаго, творца небоу и земли, въставши иде в землю Грѣчьскоую въ Царьград,[3] иде же цари[4] крестиании и крестьаньство ѹтверди сѧ, и пришедши проси кресщенїѧ.[1] И пріимши сватое кресщеніе, възврати сѧ в землю Роускоую в домъ свои и къ людемъ своимъ съ радостію великою, ѡсвѣщена Доухѡм и тѣломъ, несоущи знеменіе Честнаго Креста.

И потомъ[5] требища бѣсовьскаѧ съкроуши[II] и нача жити ѡ Христѣ Ісоусѣ, възлюбивши Бога всим сердцемъ и всею доу-

---

[1] Киноварное заглавие, аналогичное по написанию заглавию «Памяти и похвалы», украшенный киноварный инициал в списках Сол. 1, М-П и Е, по которым издается текст; [2] М-П, Е, **видѣ** Сол. 1; [3] **Цесарьградъ** М-П, Е; [4] **цесари** М-П, Е; [5] Киноварный простой инициал, новая строка М-П, Е, нет Сол. 1.

шею, и поиде въслѣдъ Господа Бога, всими добрыми дѣлы ѡсвѣтивше сѧ, и милостыне ѹкрашьши сѧ, нагыѧ одѣвающи, жадныѧ напаѧющи и странныѧ покоиваюшти, и нищаа, и вдовица, и сироты всѧ милѹющи и потребоу дающи всякоу с тихостїю и любовью сердца, и молѧщи Бога день и нощь ѡ спасенїи своемъ. И тако пожившти и добрѣ славѧщи Бога в Троици ѿца и Сына и Сватого Доуха, почи въ блазни вѣрѣ, сконча житїе свое с миромъ ѡ Христѣ Ісоусѣ Господѣ нашемъ. И Богъ прослави тѣло своеа си Ѡлены, ки же има въ сватомъ кресщенїи наречено блаженыѧ кнѧгини Ѡлгы. И ѥсть в гробѣ тѣло еа честноѥ и нераздрѹшимоѥ пребываѥ[1] и до сих днїи. Богъ бо своѧ рабы славить, рече бо пророкомъ: «Славѧщаа мѧ прославлю и оукорѧи бе-щести бѹдеть».[III] Блаженаѧ бо кнѧгини Ѡлга прослави Бога всими дѣлы своими добрыми, и Богъ прослави ю. И ино чюдо слышитѥ ѡ неи. Въ гробѣ, идѣ же лежить блаженоѥ и честное тѣло блаженыа кнѧгинѣ Ѡлгы — гробъ каменъ малъ в церкви сватыѧ Богородица, тоу церковь създа блаженыи кнѧзь Володимеръ каменѹю в честь сватѣи Богородици,[IV] и ѥсть гробъ блаженыа Ѡлгы, — и на верхѹ гроба ѡконце сътворено да тоу видѣти тѣло блаженыѧ Ѡлгы лежаще цѣло. Да иже с вѣрою придеть, ѡтворит сѧ ѡконче и видѣть[2] честноѥ тѣло лежаще цѣло и дива сѧ чюдѹ таковомѹ, толико лѣт во гробѣ лежащю тѣлоу не раздроушимоу сѧ. И человѣцѣ же вѣрнѣи, видѣвше чюдо толико, славять Бога, дивѧщесѧ милости Божїи, юже имать на сватыхъ сових. Ѡ, дивноѥ и страшноѥ чюдо, братьѥ, и преславно, достоино и похвалы всякоѧ. Тѣло то честноѥ въ гробѣ цѣло, акы спѧ, почиваѥт. По истинѣ, «Дивенъ Богъ во сватыхъ своих, Богъ Израилевъ».[V] То вида, вѣрнѣи человѣцѣ прославят Бога, прославлѧющаго рабы своѧ. А дрѹгым, иже не с вѣрою приходять, не ѿворит сѧ ѡконче гробноѥ, и не видять тѣла того честнаго, но токмо гробъ. Тако Богъ прослави рабоу свою Ѡлгоу, роускѹю кнѧгиню, нареченѹю въ сватомъ кресщенїи Ѥлена. По сватомъ же кресщенїи си блаженаѧ кнѧгини Ѡлга живе лѣт 15,[VI] и оуго-

[1] нераздрѹшимо пребываѥ М-П, Е; [2] видить М-П, Е.

дивъ Богоу добрыми дѣлы своими, и оуспе мѣсяца июля въ 11 день въ лѣто 6477-е,[VII] доушю свою честнюю предавши в роуцѣ Владыцѣ Христоу Богоу. Послюшайте, възлюбленіи.[VIII]

Комментарии

[I] О поездке княгини в Константинополь и ее крещении рассказывается во всех источниках (см.: Гл. 4. 1).

[II] Нигде больше не говорится об уничтожении св. Ольгой капищ. На самом деле она не сумела убедить креститься даже своего сына Святослава.

[III] *1 Цар.* 2: 30.

[IV] Как следует из Проложного жития св. Ольги, сначала ее тело покоилось в деревянной раке. В каменную оно было переложено впоследствии.

[V] *Пс.* 77: 37.

[VI] О полемике по поводу времени крещения св. Ольги см.: Гл. 2. 2, 4. 1.

[VII] Тот же год смерти указан в «Повести временных лет» и в Начальном своде (в составе Новгородской 1 летописи младшего извода).

[VIII] С помощью этой фразы повествование возвращается к тексту «Памяти и похвалы блаженному Владимиру» Иакова Мниха.

Въ тъ же дьнь памать блаженую[I] мученику варяга і сына его Іwана, убьеною в Киевѣ[I]

Володимеръ великии і еще поганъ сы, побѣди татвары и приде къ Киеву, твораше кюиромь[2] жертвы с болары.[3] И рѣша старци: «Мѣчем жребья на сыны и на дщери наша, да зарѣжемъ богомь нашімь». Бѣше нѣкто человѣкъ Божии именемь,[II] варягъ,[4] пришед из Цараграда с сыномь своімь Иwаномь сѣдяше въ Киевѣ, держа вѣру крестьяньскую.[III] І сего не терпяше дьяволъ, власть *бо имѣяше*[5] над всѣми, а сь ему оружьє[6] въ сердци, не могы ему что створити, наоусти на нь люди. Рѣша послани к нему: «Паде жребии на сынъ твоі, и възлюбиша і бози наши, да его створе[7] требу богомь». Он же рече: «Не суть бози, но древо істесано и безъдушно, и по малѣ съгнѣютъ, не гадятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ. Богъ єдинъ есть на небесѣхъ, Ємуже служать греци. Въ има Исуса[8] Христа Сына Божиа[9] крещена есвѣ. То бо створилъ небо і землю. А ваши бози что створили, но сами вами сдѣлани суть. І не дамь бѣсомь сына своєго». И ти, шедше, повѣдаша людемъ, і вземше оружьє, придоша на нь і рѣша: «Даи намъ сына своєго на потребу богомь». Он же рече: «Аще суть бози, да пришлютъ єдиного себе по сынъ моі, а вы чему перетребуєтъ?» И кликоша[10] кипане, и посѣкоша сѣни, и ту оусѣчена быста, ісповѣдающе сѧ крестьяна. І приаста вѣчную жизнь, за сватую вѣру мучена.[IV]

Текст публикуется по списку Прилуцкого пролога РНБ, ОР, ПДА А 1/264, 2 (кон. XIV в.) с разночтениями по болгарскому списку из сборника РНБ, ОР, Q. п. 1. 63 (сер. XIII в., Б).

[I] **Месяца того же вь 12 Дьнь Прѣблаженоу** Б; [2] **и пришедь в Кыевь, и творѣше жртвоу идоломь** Б; [3] **о побѣди** Б; [4] **варягъ родомь** Б; [5] Б, **власть да над всѣми** ПДА; [6] **бѣше гако оражие** Б; [7] **створимь** Б; [8] **Господа Исоуса** Б; [9] Нет Б; [10] **кликнoуша** Б и большинство списков Пролога 2-й редакции.

Комментарии

[I] О мученичестве варяга и его сына в «Повести временных лет» и в Начальном своде (в составе Новгородской 1 летописи младшего извода) рассказывается в статье 6491 (983) г.

[II] В старших списках Пролога нет имени варяга-отца, в поздних появляется «Феодор». Вероятно, его не было изначально, так как почитался только варяг-сын, Иоанн. А. А. Турилов полагает, что варяг носил редкое имя «Θεάνδρος», буквально, «Божий человек» (см.: Гл. 2. 2).

[III] В летописи здесь указывается, что варяг жил на месте, где потом была построена Десятинная церковь, что неверно, так как на этом месте был курганный могильник (см.: Гл. 2. 2).

[IV] В летописи далее сообщается, что место погребения мучеников неизвестно. Завершает статью рассуждение об апостольском учении, которое, в конце концов, дошло и до Руси, хотя сами апостолы здесь никогда и не были.

Сказание о русской грамоте и крещении Руси из компиляции, посвященной св. Константину-Кириллу

Се[1] же буди вѣдомѣ всѣми языкы и всѣми людьми, яко рускiи языкъ ниѿкудуже прiа вѣры святыа сеа, и грамота рускаа никымь же бавлена, нъ тъкмо самѣмь Богомь Вседръжителемь, и Wцемь, и Сыномь, и Святымь Дyхомь.

Володимерy Дyхъ Святыи вдохнyл вѣрy прiати, а крещенiе ѿ грекъ и прочiи нарадъ церковныи, и грамота Рускаа бавиласа Богомь дана въ Корсyнѣ русинy, ѿ него же наyчиса Философ Костантинъ. ѿтyдy сложивъ и написавъ книгы рyскымь гласомь.[2] И еврѣистѣи грамотѣ тогда же извыче ѿ соморянина[3] въ Корсyнѣ. Тъ же мyжь русинъ баше благовѣренъ[4] постомь и добродѣтелью въ чистѣи вѣрѣ единъ оyединивса. И тъ единъ ѿ рyска зыка бависа преж христiанъ сыи[5] и невѣдомъ никымь же ѿкyдy есть.

Тъ[6] же бысть въ дни Михаила царя и Ирины[1] благовѣрныа, и потомь[7] посланъ бысть Костантинъ[8] въ Моравy Михаиломь

О компиляции, в которую входит рассказ о русской грамоте и крещении Руси, см.: Гл. 5. 5. Текст послужил источником для 4-го Распространенного вида жития св. Владимира. Издается по Прибавлению к Полной Хронографической палее РНБ, ОР, Пог. 1435 (л. 445 об. — 446 об., кон. XV в.) и «Прению Кирилла Философа с жиды» в составе Толковой псалтири РНБ, ОР, Пог. 101 (л. 331–332 об., XVII в.). Оба списка не использованы при публикации первого фрагмента текста: *Живов В. М.* Slavia Christiana и историко-культурный контекст Сказания о русской грамоте // *Он же*. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 154–157.

[1] В Пог. нет инициала, в Полной палее — киноварный; [2] **языком** Пог.; [3] **самарянина** Пог.; [4] **живяше благовѣрно** Пог.; [5] **христианинъ** Пог.; [6] В Пог. нет инициала; [7] Нет Пог.; [8] **Философъ Костантинъ** Пог.

царемь, Моравьскомѹ кнадзю просившю Философа. И тамо шедъ, наоучи Моравѹ, и Лѧхи, и Чехи и прочаа ꙗзыкы[II] и вѣрѹ православнѹю[1] оутверди въ нихъ, и книгы написа имъ[2] рѹскымь гласомь,[3] и добрѣ наоучивъ, и[4] ѿтѹдѹ иде в Римъ и тѹ разболеѧ и облечеѧ въ черныа ризы, и нарекоша има ему Кирилъ. В тои болести преставиѧ.

Потомь[5] многымъ лѣтомъ минѹвшемъ, и пришедъ вои латинскыи[6] в Моравѹ, и в Чехы, и в Лѧхы.[III] Раздрѹшиша вѣрѹ правовѣрнѹю,[7] и рѹскѹю грамотѹ ѿвръже, а латиньскѹю грамотѹ и вѣрѹ постави, а правыа вѣры иконы пожьже, а епископы посѣче,[8] а другыа разгна. И иде въ Рѹскѹю[9] землю, хотѧ и тѣхъ въ свою[10] вѣрѹ привести, и тамо побіенъ бысть вои латиньскыи.[11]

По Михаилѣ же быша цари мнози, и потомь царь бысть Романь.[12] И при того царствѣ крестиѧ рѹскыи царь Володимерь въ градѣ Корсоуни. В лѣто 64.[13] Идѣ же книгы wбрѣтошаѧ,[14] тѹ и крещеніе wбрѣтеѧ. Рѹскымь гласомь писаны быша книгы, сице Рѹси крещеніе wбрѣтеѧ, ꙗко же израильтѧномь на горѣ Синаистѣи законъ и грамота дана бысть Моисіwви, и люди наоучи, но Ісусъ Навгинъ законъ внесе в Ерѹсалимь.

Wлє[15] чюдо, wвамо Моисѣи съ Исѹсwмь законъ и грамотѹ и попы въведоста в землю Іерусалимьскѹю, и люди наоучиста, и скиніню принесе, и прочаа всѧ.[16]

---

[1] **правовѣрнѹю** Пог.; [2] **написавъ** Пог.; [3] **ꙗзыкомъ** Пог.; [4] Инициал чернильный в строке; нет Пог.; [5] Нет инициала Пог., **Потомъ же**; [6] **Вѣхъ** Пог. — Войтех, ср. **Воитѣхъ** ниже в Пог.; [7] **правѹю** Пог.; [8] **а правыа вѣры епископы и попы иссѣче** Пог.; [9] Должно быть **Прѹскѹю**; [10] Нет Пог.; [11] **оубиенъ бысть и Воитѣхъ и латинскіи епископъ**. Пог. Здесь кончается текст выписки, существующий в отдельных списках. Его и называют собственно «Сказанием о русской грамоте»; [12] **И по Михаилѣ цари бысть царь Роман**. Пог.; [13] Нет в Пог. Выше в первом сообщении о крещении Руси при Владимире в Прибавлении к Палее дата пропущена (**въ лѣта**), а в «Прении» стоит **въ лѣто 6405**; [14] Далее в Пог.: **рѹскымъ ꙗзыкомъ писаны, тѹ и крещеніе wбрѣтеѧ, ꙗко же Израиль. И тѣмь на горѣ...**; [15] Нет инициала Пог.; [16] **всѧ** нет Пог.

Се[1] же бысть того чюдѣе и дивѣе, яко единому Володимеру дал Богъ[2] принести в Рускую землю вѣру, и крещеніе, и грамоту, и книгы wбретеныа: Евангеліе, Апостолъ,[3] Псалтирь, и попы, и Климентовы мощи, и вся съсуды церковныа, и иконы, и кресты. И пришедъ в Русь и крести вся люди Рускіа земля.

Wле[4] чюдо, яко вторыи Іерусалимъ на земли явися Кіевъ, и вторыи Моисіи явися Володимер. Wнъ стѣнныи закwн въ Іерусалимѣ wлучающь w̃ идол, а сь чисту вѣру и крещеніе святое, въводящее въ жизнь вѣчную. Wнъ къ единому Богу велѣше пріити в закwн, сь же вѣрою и крещениемь всю землю Рускую приведе къ Пресватѣи Троици, Wцю, и Сыну, и Святому Духу, и добродѣтелью получи жизнь вѣчную, и людие тому же наоучи и въведе въ Царство Небесное. Wнамо къ единѣм апостолом речено Господемь:[5] «Не оубоися, малое стадо[IV]», сдѣ ко всѣмъ тоже речено. Wнамо 40 днии и 3 Моисіи закwнъ давъ, преставися и на горѣ погребенъ,[7] сь же[8] 30 лѣт и 3 бывъ въ святомь крещеніи, и вѣру чисту съблюдь, заповѣди Господня свершивъ, преставися, в руцѣ Божіи предавь душю. Тѣло же его честное положено бысть въ церкви святыа Богородица, юже сам созда. И бысть вторыи Костянтинъ земли Рускои[9] Володимеръ. W, святаа царя[10] Костянине и Володимере, помозита на противныа[11] сродникwмъ ваю, и люди избавлита w̃ всякіа бѣды Грѣчьскіа и Рускіа. W мнѣ грѣшнемъ помолитася к Богу, яко имуще дръзновеніе к Богу, да спасуся ваю молитвами.

Молюся и милъ ся дѣю.

Списаніемь[12] грамотица сея малыа, юже похвалиа ваю написахъ недостоиныи[12] худымъ умомъ и невѣжественым смыслом.

---

[1] Нет инициала Пог.; [2] Нет Пог.; [3] Нет Пог.; [4] Нет инициала Пог. Отсюда и до «Тѣло же его чьстное» текст заимствован в 4-ю редакцию Распространенного жития; [5] рече Господь Пог.; [6] Мое стадо Пог.; [7] погребенъ бысть. Пог.; [8] Здесь же — киноварный инициал в Пог.; [9] в Рускои земли Пог.; [10] От слов «О, святаа царя» и до конца текст заимствован в 4-ю редакцию Распространенного вида жития; [11] помагаита нам на сопротивныа Пог.; [12] Обоих инициалов нет в Пог.; [13] Здесь кончается Палейная редакция. Текст, совпадающий с Житием, приведен по «Прению с жиды» (Пог.).

Вы же, сватаа царя Констянтине и Володимере, молящеся ѡ насъ, ѡ людех своих, пріимѣта на молитвѹ Богѹ свѣтѹю ваю сынѹ Бориса и Глѣба, да вси вкѹпѣ възможете Господа ѹмолити с помощию силы Креста Честнаго и с молитвами пресватыа Богородица, Госпожа нашеа, и со всѣми сватыми.

Комментарии

[I] Ирина ошибочно названа матерью Михаила в Новгородской 1 летописи младшего извода, и, вероятно, эта ошибка была уже в Начальном своде. Ирина была матерью императора Константина VI (780–797), и подобно Феодоре, матери Михаила, восстановила иконопочитание на VII Вселенском соборе 787 г.

[II] Польша была крещена сто лет спустя; в Житии Константина говорится о «русских письменах» (см.: Гл. 5. 5, там же библиография вопроса).

[III] Св. Войтех-Адальберт (983–997), епископ Пражский, погиб мученической смертью у пруссов. О необоснованности обвинения в тексте см.: *Живов В. М.* Указ. соч. С. 127–132.

[IV] *Лк.* 13: 32.

Выдержки из жития св. Владимира, составленного по Патерику Иосифа Тризны

Текст читается в конволюте XVII в. из Троицкого Зеленецкого монастыря. Он составлен из двух печатных изданий («Поучение о сложении трех перст», «Увет духовный» патр. Иоакима) и рукописей, в большинстве имитирующих типографский шрифт. На нижних полях «Увета духовного», изданного в 1682 г., запись о принадлежности Зеленецкому монастырю 23 августа 1696 г. Все сочинения, кроме житий свв. Владимира, Бориса и Глеба, переписанных вместе, представлены отдельными рукописями из одной или нескольких тетрадей, иногда пронумерованных. В каждой рукописи своя нумерация. На л. 320 после окончания «Повести о бесноватой жене Соломонии» киноварная запись о принадлежности «тетради» иродиакону ризничему Троице-Зеленецкого монастыря Киприану в 1694 г. На л. 331 об. запись о принадлежности «крыласному дьячку Власу Ефимову» из Староладожского Ивановского монастыря. Он был приписан к Зеленецкому монастырю в 1687 г., когда назывался еще просто Ладожским, а упразднен в 1764 г.

Житие св. Владимира (л. 184, 163–168, 185–236) вместе со «Сказанием, и страстью, и похвалой» (начинается на л. 236 об) и «Сказанием чудес» свв. Бориса и Глеба составляет одну рукопись, написанную шестью почерками. Тетради пронумерованы с первой по девятую, начиная с л. 248 счет прекращается, появляется новая бумага и новый почерк. При сшивке конволюта листы выписки из «Неба нового» Иоанникия Голятовского (две ненумерованные тетради) были перепутаны с листами жития св. Владимира.

Житие представляет собой почти точную копию рассказа о св. Владимире из Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны (1647–1656) по рукописи РГБ, ф. 304 (Тр.), № 714. Редакция Иосифа Тризны характерна тем, что Патерик наложен на летопись. Основой послужил Ростовский свод 1534 г., сохранившийся в составе

Тверского сборника. Ростовский свод также был источником украинской Густынской летописи, а в 1637 г. Киевский митрополит Петр Могила по нему же правил Хлебниковский список Ипатьевской летописи (выполнен в 1560 г.).[1] Характерные особенности Густынской летописи (см.: Гл. 4. 1) в Патерике Иосифа Тризны не встречаются. Из Ростовского свода в Патерик вошла особая редакция Речи Философа (в житии с сокращениями, читающимися в Тр. 714); рассказ об исцелении Ярослава от хромоты после того, как его мать Рогнед после крещения отказалась снова выйти замуж и постриглась в монахини (полностью в житии).

Список Тр. 714 был изготовлен для келаря Троице-Сергиевой Лавры Симона Азарьина в 1656 г. Он отличается уникальной особенностью: в текст включен комплекс документов, связанных с основанием Туровской епископии в 6513 (1005) г.[2] Он вошел в житие с небольшими сокращениями. В Троицком списке Церковный устав князя Владимира в Туровской редакции помещен после известия об освящении киевской церкви Богородицы и даровании ей десятины. Также он читается и в житии. Выписка из Пространной редакции Русской правды пропущена, но подтверждение Устава Ярославом при освящении Десятинной церкви в 1039 г. читается в житии вместе с датой. Далее переписана из Троицкого списка летописная статья 6504 (996) г., не опубликованная Я. Н. Щаповым: рассказы о приходе печенегов на реку Стугну и строительстве церкви св. Спаса в Василеве; о милосердии к нищим и больным и щедрости к дружине; о неудачной правовой реформе. Летописная статья 6505 г. о том, как белгородцы перехитрили печенегов, пропущена, Уставная грамота об основании Туровской епископии, как и в Троицком списке, помещена под 6513 (1005) г. Запись о десятине пропущена, и за уставной грамотой в по-

[1] *Шахматов А. А.* Предисловие//ПСРЛ. Изд. 2-е. СПб., 1908. Т. 2. С. X; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 1998 г.//ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. С. H, L–M.

[2] *Щапов Я. Н.* Туровские уставы XIV в. о десятине//Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 255–275. Там же публикация текстов.

рядке Троицкого списка следуют статья о смерти Анны и датированная 6520 (1002) г. запись о приходе в Киев преп. Антония Печерского и его поселении в Варяжской пещере. Следующая статья — рассказ о кончине св. Владимира в 6523 г. — полностью совпадает с Патериком Иосифа Тризны по Троицкому списку. Таким образом, Зеленецкий конволют содержит вторую копию Туровских грамот, известных раньше в единственном списке.

«Сказание, и страсть, и похвала» и «Сказание чудес» свв. Бориса и Глеба сближаются с редакцией из сборника украинского Мгарского монастыря 1660-х гг., содержащего также Густынскую летопись и жития св. Ольги и варягов-мучеников (РНБ, ОР, F. XVII. 14). Как следует из владельческой записи, он первоначально принадлежал Киево-Печерской лавре. В «Сказании чудес» помещен подробный рассказ об исцелении в Смоленске в 1177 г. племянников Всеволода Большое Гнездо Мстислава и Ярополка, ослепленных своим дядей. Это событие только упомянуто в Новгородской 1 летописи старшего и младшего изводов, а в Ростовском своде 1534 г. (Тверском сборнике) изложено кратко. В Густынской летописи здесь стоит ссылка на «Сказание чудес» свв. Бориса и Глеба, хотя оно непосредственно помещено только в Мгарском сборнике. Житие и «Сказание чудес» из Мгарского и Зеленецкого сборников не учтены в сводной работе Дж. Ревелли, посвященной житиям свв. Бориса и Глеба.[1]

Житие св. Владимира имеет дополнения по сравнению с Патериком Иосифа Тризны. Это начало, где говорится о рождении св. Владимира, сообщение об убийстве брата Рогнед Полоцкой Давида и сильно переделанный рассказ из статьи 6634 (1128) г. Суздальской летописи (Лаврентьевская, Троицкая, Радзивиловская) о том, как Рогнед пыталась убить Владимира (см.: Гл. 2. 2, 5. 4). Его нет в Ростовском своде 1534 г., Густынской летописи и Киево-Печерском патерике. В текст внесены изменения: Рогнед хочет убить мужа по дьявольскому наваждению, Изяслав назван не ее сыном, а братом. Текст

[1] *Ревелли Д.* Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993; *Милютенко Н. И.* Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни // ТОДРЛ. 1993. Т. 48. С. 121–128. Там же публикация текста чуда.

написан на двух сторонах листа меньшего формата, который вложен между лл. 167 и 168. Здесь переписан рассказ о женах и детях князя в язычестве. Как и в Киево-Печерском патерике и Ростовским своде, царевна Анна названа матерью свв. Бориса и Глеба. Никакого знака вставки в тексте нет.

Фрагменты жития

(л. 184) Месяца июля въ 15 день. Житие святаго благовѣрнаго великаго князя Владимира и о крещении его, како просвѣти Рускую землю святымъ крещениемъ.

Егда благоволи Богъ посѣтити люди своя во тмѣ и сѣни смертнѣй сѣдящия, окованныя нищетою невѣдения истиннаго Бога и алчющия насытити своихъ благъ, израсти стебль доброкласенъ, глаголю великаго во князѣхъ златоточна Владимера. Аще и посреде терния на лядинѣ и при пути потлоченнѣ , обаче благодатию Духа Святаго озаряемъ готовляшеся изобитенъ клас принести своихъ трудовъ Святѣи Троицѣ и многихъ привести к познанию истиннаго Бога. В правду убо нареченъ бысть Владимеръ, хотяше бо владѣти миромъ и вся кумиры истуканныя истлити и жертвы кровми исполненныя, иже воздухъ парами си оскверняху, ихъ же смрад вездѣ разливашеся, и силна благовония приложити. Богу во всемъ ему поспѣшествующу, вмѣсто бо бѣсовскихъ жертв безкровная нынѣ и пренепорочная вездѣ даже доселѣ приносится Богу Вседержителю жертва, а вмѣсто (*в ркп.* в лѣто) злосмрадныхъ дымовъ нынѣ благовоние все вѣрнии облагоухаемъ кадило. Сицевымъ благимъ ходатаи бысть намъ великии Владимеръ О немъ же хощетъ слово представити.

Сей благовѣрный великиии князь Владимеръ рождься от корене царска, отца Святослава Игоревича, матере благородныя и нарочитыя нѣкия, именемъ Малюши,/ *(л. 163)* ключницы олгины, в дому блаженныя великия княгини Олги вся предержащия в лѣто 6478 (970),[1] обоимъ во прелести идолобѣсия тогда сущимъ и кромѣ зако-

[1] Св. Ольга умерла в 969 г. Под 970 г. в Патерике помещен рассказ о распределении княжений Святославом, где и говорилось о матери св. Владимира.

на сочетающимся. Возрастшу же Владимеру, и Святославу великому князю чада своя по княжѣниемъ посаждающу, старѣишаго Ярополка посади в Киевѣ, Олга в Деревѣхъ, во Вручомъ. В то время придоша от великаго Новагорода послании... *От слов «В то время» передается (сначала не дословно) текст статьи 6478 г. из Киево-Печерского патерика.*

В рассказ о взятии Полоцка вставлено имя брата Рогнед Давида, которого нет больше нигде.

(л. 164 об.) И посла к Ро(г)оволоду Полоцкому князю,/ *(л. 165)* глаголя: «Хощу, да ми си даси дщеръ свою в жену». Онъ же вопроси дщери своя: «Хощеши ли за Владимира». Она же рече: «Не хощу разути рабичища, но Ярополка хощу». И приидоша отроцы владимери, повѣдаша ему всю рѣчь Рогнѣдину, дщери Рогволожа, князя Полотскаго. Владимиръ же собра вои многи, варяги, словяне, чюдь и кривичи, поиде на Рогволода. В се же время хотяху Рогнѣда вести за Ярополка, и приде Владимиръ на Полотскъ, и уби Рагволода, и Давыда сына его, а дщерь его Рогнѣдъ поятъ в жену себѣ, и посади в Полотску свои наместники, а самъ поиде к Киеву на брата своего Ярополка со многими вои.

Вставной лист.

и[1] назва ю Горислава. По времени же Владимиръ ляже с нею, плотскаго ради утѣшения, и бывъ с нею, успе. Она же диаволомъ наважена, хотя его зарѣзати. Владимир же очютився, и имъ ю за руку, рече: «Что се твориши, окаянная!» Она же рече: «Сжалих си по отцѣ по моем и матери, и за нелюбление твое ко мнѣ». Владимир же хотя ю убити, но преже повелѣ облецися во свѣтлую одежду и сѣсти на постели. Она же сотвори тако и даде меч брату своему Изяславу, и повелѣ за собою стати и приходяща Владимира убити. Владимир же пришед, хотя ю посѣщи,/ и видѣ Изяслава с мечемъ стояща, рекъ ему: «Кто тя вѣдалъ здѣ». И поверг мечь, отиде. И вскорѣ воздвиже разореную отчину отца ея и отпусти ю от себе.

[1] Текст выписки начинается со строчной буквы с середины фразы (ср. текст статьи ниже).

Отрывок из статьи 6636 (1128) г. по Лаврентьевской летописи.

Потом отца ея уби, а саму поя женѣ и нарекоша еи имя Гориславa, и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многы, и нача еи негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к неи и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемь, и ключи ся ему убудити ся и я ю за руку. Она же рече: «Сжалиласи бяхъ зане отца моего уби и землю его полони мене дѣля, и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемь симь». И повелѣ ею устроити ся во всю утварь цесарьскую, яко же в день посага ея и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ, да пришедъ, потнеть ю. Она же тако створи и, давши мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: «Яко внидеть ти отець, рци, выступя: "Отче, ежа единъ мниши ся ходя"». Володимеръ же рече: «А хто тя мнѣлъ сдѣ», и повергъ мечь свои. И созва боляры, и повѣда им. Они же рекоша: «Уже не убии ея дѣтяти дѣля сего, нъ въздвигни отчину ея и даи еи с сыном своимъ». Володимеръ же устрои городъ и да има, и нарече имя городу тому Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославлим внуком.

Библиография

Источники

Абрамович Д. И. Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916.

Апракос Мстислава Великого. Изд. подг. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983.

Бейлис В. М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель//ДГ за 1982. М., 1984. С. 208–228.

Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру//ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 105–159.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв./Пер. Л. М. Поповой; вступ. статья и коммент. Н. И. Щавелевой. М., 1987.

Воскресенская летопись//ПСРЛ. Т. 7–8. СПб., 1856–1859; 2-е изд., репринт: М., 2001.

Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асохика* по прозванию/Пер. Н. Эмина. М., 1864.

Галицко-Волынская летопись//Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 236–425; 2-е изд.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. XIII век. С. 184–357.

Галицко-Волынская летопись/Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2004. См. также: Ипатьевская летопись.

Галицько-Волинський літопис/За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских/Предисл., перев. и примеч. Л. М. Поповой. М., 1961.

Георгия Амартола Хроника. См.: *Истрин В. М.*

Глазырина Г. В. Викингские саги о северной Руси. М., 1996.

Глазырина Г. В. Сага об Ингваре-путешественнике. М., 2002.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в./Научн. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. Изд. 2-е, испр. и доп.: М., 2003.

Греческие предания о св. апостоле Андрее/Изд. подг. А. Ю. Виноградов. СПб., 2005. Т. 1. Жития.

33 Зак. 3321

Густынская летопись//ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843; 2-е изд.: Т. 40. СПб., 2003.

Два византийских военных трактата конца X в. Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2002.

Деяния апостола Андрея/Предисл., перев. и коммент. А. Ю. Виноградова. М., 2004.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.). М., 2000.

Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987.

Древнерусские княжеские жития/Подг. текстов, перев., коммент. В. В. Кускова. М., 2001.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Жизнь, деяния и подвиги святого отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима//Византийские легенды. М., 1972; 2-е изд., репринт: М., 1994; 3-е изд., репринт: М., 2005. С. 114–139.

Житие Евстафия Плакиды//БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. XI–XII века. С. 10–27.

Житие Константина-Кирилла//БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. XI–XII века. С. 62–65.

Житие Мефодия//БЛДР. СПб., 1999. Т. 2. XI–XII века. С. 66–81.

Житие св. Стефана Сурожского//*Васильевский В. Г.* Труды. Пг., 1915. Т. 3.

Житие Феодосия//Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 304–391; 2-е изд.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 353–433.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1967. Т. 2.

Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку//Краткие сообщения института славяноведения. 1963. Вып. 37. С. 66–75.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/Пер. с араб., коммент. и исслед. Н. Велихановой. Баку, 1986.

Ал-Идриси. См.: *Бейлис В. М.*

Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.

Ипатьевская летопись//ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд.: СПб., 1908; 4-е изд., репринт: М., 1998.

Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола.... Пг., 1920. Т. 1. Текст; Т. 2. Греческий текст «Продолжения Амартола».

Карпов А. Ю. Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском// Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 3–110.

Кекавмен. Советы и рассказы *Кекавмена*/Введ. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1971; 2-е изд.: СПб., 2002.

Киево-Печерский патерик//Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 313–626; 2-е изд.: БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 296–489.

Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира//*Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности /СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 88–94.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Константин Багрянородный. Об управлении империей/Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

Кримський А., Кезма Н. Оповідання арабського историка Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь//Збірка на пошану акад. Д. И. Багалія. Київ, 1927. С. 383–395.

Куев К. М. Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.

Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках//ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 3–160.

Лев Диакон. История/Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988.

Лаврентьевская летопись//ПСРЛ. Т. 1. 2-е изд. Л., 1926; 3-е изд., репринт: М, 2000.

Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999, 2001. Т. 1–2.

Летописец Переяславля Суздальского. 1-е изд. М., 1851; 2-е изд.: ПСРЛ. Т. 41. М., 1995.

Лиутпранд Кремонский. Отчет о посольстве в Константинополь//*Он же.* Антаподосис. М., 2006/Перев. и коммент. И. В. Дьяконова. С. 123–148.

Малое Бытие: *Смирнов А. В.* Юбилеи, или Малое Бытие. Казань, 1895; 2-е изд.: Ветхозаветные апокрифы. СПб., 2001. С. 119–260.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. X–XI вв. М., 1963. Т. 1–2.

Михаил Пселл. Хронография. Изд. подг. Я. Н. Любарский. М., 1978.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Московский свод конца XV в.//ПСРЛ. Т. 25. 1-е изд. М.; Л., 1949; 2-е изд., репринт: М., 2004.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993.

Написание о правой вѣрѣ//*Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности/СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 21–22.

Нестор, преп. Чтение о житии и погублении блаженую страстотерпцю Бориса и Глѣба//*Абрамович Д. И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 1–26; Сказание о Борисе и Глебе. М., 1985. Т. 1 Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника; *Ревелли Д.* Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova. 1993. P. 601–702.

Никифор II Фока. Стратегика/Перев. и коммент. А. К. Нефедкина. СПб., 2005.

Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности//СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4.

(Никоновская летопись) Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью//ПСРЛ. Т. 9. 1-е изд. СПб., 1862; 2-е изд., репринт: М., 2000.

Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950; 2-е изд.: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.

Новгородская IV летопись//ПСРЛ. Т. 4. 2-е изд.: Пг.; Л., 1915–1925; 3-е изд., репринт: М., 2001.

Новгородская Карамзинская летопись//ПСРЛ. Т. 42 СПб., 2002.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Память и похвала Владимиру//БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 316–327.

Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. М.; Л., 1962.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1–2; 2-е изд., доп.: СПб., 1996.

Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992.

Поучение *Владимира Мономаха*//БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 456–475.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950; 2-е изд., репринт: СПб., 2002.

Продолжатель Феофана. СПб., 1992.

Радзивиловская летопись//ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989.

Ревелли Д. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova. 1993.

Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1885.

Русская правда (Пространная редакция)//БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. XII век. С. 490–518.

Рыдзевская Е. А. «Россика» в исландских сагах//*Она же.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 29–88.

Сборник памятников по истории церковного права/Сост. В. Н. Бенешевич. СПб., 1915.

Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

Серегина Н. С. Песнопения русским святым. СПб., 1994.

Сказание, и страсть, и похвала святую мученику Бориса и Глѣба//*Абрамович Д. И.* Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 27–52; *Ревелли Д.* Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova. 1993. P. 112–459.

Сказание о русской грамоте//*Ягич И. В.* Рассуждения славянской и русской старины о церковно-славянском языке//Исследования по русскому языку. Изд. ОРЯС. СПб., 1885–1895. Т. 1. С. 308–310; Отд. отт.: СПб., 1896. С. 20–22.

Слово о законе и благодати митрополита Киевского *Илариона*//БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 26–61.

Слово о том, како крестися Володимиръ возмя Корсунь//*Никольский Н. К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности /СОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 1–24.

Снорри Стурлусон. Круг земной. Л., 1980; 2-е изд., репринт: М., 1995.

Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому//Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси. Под ред. А. И. Соболевского//ЧИОНЛ. Киев, 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 7–68.

Софийская первая летопись старшего извода//ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 5; 3-е изд., репринт: М., 2000. Т. 6. Вып. 1.

Срезневский Вс. И. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. по копии начала XIX в. СПб., 1893.

Старшая Эдда. М., 1975.

(Степенная книга) Книга степенная царского родословия//ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1.

Тверской сборник//ПСРЛ. Т. 15. 1-е изд. СПб., 1863; 2-е изд., репринт: М., 2000.

Усачев А. С. Из истории русской средневековой агиографии//ВЦИ. М., 2006. № 2. С. 5–30.

Успение Кирилла//*Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности/Труды Славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. С. 154–157.

Успенский сборник XII–XIII вв./Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981; 2-е изд. СПб., 2004.

Шаровольский И. Сказание о мече Тюрфинге. Киев, 1906. Т. 1–3.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004.

Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 268–269.

Acta sancti Olavi//Monumenta historica Norvegiae. Kristiania, 1880. P. 125–158.

Adami Gesta Hamburgensis ecclesiae//MGH. Hannoverae, 1846. T. 7. P. 269–389.

Det Arnamagnænske Haandskrift 310 quarto. Saga Olafs konungs Tryggvasonar er ritaði Oddr munch/P. Groth. Christiania, 1895.

Baronio C. Auctore Annales ecclesiastici... Roma, 1587–1607. Vol. I–XII.

Bielsky M. Kronica, tho iesth, Historya... Krakow, 1564.

Bielsky M. Kronika Polska *Marcina Bielskiego* nowo prez J. Bielsiego, syna jego, wydana. Krakow, 1597.

Boken om Ansgar. Stockholm, 1986.

Constantinus Porphyrogenitus. De ceremonii aulae byzantinae. Bonnae, 1829.

Ioannes Geometra//PG. T. 106. Col. 811–1002.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum/Rec. I. Thum//Corpus fontium historiae Byzantinae. Ser. Berolinensis. Berolini; Novi Eboraci, 1973. Vol. 5.

Jomsvikingasagan eller historia om Kamparne... Stocholm, 1815.

Jomsvikingasaga og Knytlinga.../Ed. C. C. Rafn. Kjöbenhavn, 1829.

Historia Norvegiae//Monumenta historica Norvegica. Kristiania, 1880. P. 69–124.

Kristni-saga//Altnordische Saga-bibliotek. Halle, 1905. Bd. 11.

Kromer M. De origene et rebus gestes Polonorum. Libri I–III. Basilea, 1589.

Kromer M. ...Kronika *Marcina Kromera*...przełozona pr. M. Błozowskiego... Krakow, 1611.

Kronika Boguchwała i Godysława Paska//Monumenta Polonia historica. Lwów, 1872. T. 2.

The Correspondence of *Leo, Metropolitan of Synada and Syncellus*/Greek Text, Transl. and Com. by *Vinston M. P*//Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Dumbarton Oaks, Washington (D. C.), 1985. Vol. 22.

Maciej z Miechova. Tractatus de duibus Sarmatiis, Asiana et Europiana. Cracoviae, 1517.

Maciej z Miechova. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.

Monumenta historica Norvegiae. Kristiania, 1880.

Monumenta Polonia historica. Lwów, 1870–1884. T. 1–4.

Die Nestorchronik//Forum Slavicum. München, 2001. Bd. 56.

Nicephorus Callistus Xanthopulus. Ecclesiasticae historia//PG. T. 146.

Regel W. Analecta Byzantino-Rossica. Petropoli, 1891.

Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic Text with English Transl. and Com. by V. Minorsky. London, 1942.

Sǫgubrot af noccorum Fornkonungum//Islenzk fornit. Reykjavik, 1982.

Stryikowsky Maciej. Kronika Polska, Litewska, Żmodska c wszystkiey Rusi... Maciea... Stryikowskiego... Drukowano w Krolewcu...1582.

Le synaxarie arménien de Ter Israel//Patrologia Orientalia. Paris, 1859. Vol. 30.

Theodorici monachi Historia de antiquitate regnum Norvagiensium//Monumenta historica Norvegica. Kristiania, 1880. P. 1–68.

Thietmari Chronicon//MGH. Hannoverae, 1838. T. 3. P. 723–871.

Vita Anskarii auctore *Rimberto*. Accedit Vita Rimberti. Ed. G. Waitz. Hannover. 1884.

Исследования

Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской//Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 520–551.

Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи//НИС. Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 5–20.

Акентьев К. К. Мозаики киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте//Византинороссика. СПб., 1995. Т. 1. С. 76–94.

Акентьев К. К. Слово о законе и благодати Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ, Син. 591 //Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 116–151.

Александров А. А. Во времена княгини Ольги. Псков, 2001

Алексеев А. А. «Невѣгласъ», или Похвала невежеству//ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 82–83.

Алексеев А. А. О времени произнесения Слова о законе и благодати митрополита Илариона//ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 289–291.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966.

Алешковский М. Х. К типологии текстов «Повести временных лет»//Источниковедение отечественной истории. М., 1976. Вып. 2. С. 122–135.

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914; 2-е изд.: М., 2003.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 426–436; 2-е изд.: СПб., 2002.

Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего жития Антония Печерского//Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 5–81.

Архипов А. А. К изучению сюжета о выборе веры «Повести временных лет» и «еврейско-хазарская переписка»//Jews and Slavs. Jerusalem; St. Petersburg, 1993. P. 20–43.

Барац Г. М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнейшей письменности. Париж, 1927.

Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв.//Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. СПб., 2000.

Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуне, построенная Владимиром//Byzantinorussica. М., 1994. № 1. С. 20–37.

Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь. (Его последствия для Херсонеса)//ВВ. 1990. Т. 51. С. 153–164.

Берлинський М. Ф. История міста Київа (1800). Київ. 1991.

Бертье-Делагард А. Как Владимир осаждал Корсунь//ИОРЯС. 1909. Т. 14. С. 285–297.

Бибиков М. В. Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996.

Бибиков М. В. Byzantinorossica: свод византийских источников по истории Древней Руси. М., 2004. Т. 1.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.

Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром//ВВ. 1986. Т. 47. С. 38–48.

Богданова Н. М. О значении точного прочтения источника//ВВ. 1988. Т. 49 С. 190–201.

Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города//Причерноморье в Средние века. М., 1991.

Боровський Я. Дерев'яні храми святого Василія у Києві та Вишгороді//А сє єго срєбро. Київ., 2002. С. 113–115.

Брайчевский М. Ю. Неизвестное письмо патриарха Фотия киевскому кагану Аскольду и митрополиту Михаилу Сирину//ВВ. 1986. Т. 47. С. 31–38.

Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев, 1989. (Перевод).

Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. Київ, 1988.

Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру//ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 105–159.

Буланин Д. М. Окружное послание Константинопольского патриарха Фотия в древнерусских рукописях XVI–XVII вв.//Старобългаристика. София, 1988. Т. 5. Вып. 2. С. 35–54.

Буланина Т. В. Житие Авраамия Ростовского//СККДР XIV–XVI. Ч. 1.

Васильев М. А. Была ли Перынь местом капища Перуна при князе Владимире?//Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 30–52.

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI–XIII вв.//*Он же.* Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–180.

Васильевский В. Г. К истории 976–986 гг.//*Он же.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.

Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования: Жития св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского//*Он же.* Труды. СПб., 1915. Т. 3.

Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908–1915. Т. 1–3.

Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян// *Он же.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Ч. 1.

Ващенко Э. Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. СПб., 2006.

Введение христианства на Руси/Отв. ред. А. Д. Сухов. М., 1987.

Висоцький С. О. Давньоруські надписи Софії Київської XI–XIX ст. Київ, 1968.

Владимир, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

Войтович Л. В. Восточное Прикарпатье во второй половине 1 тыс. н. э.// Rossica antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 6–39.

Войтович Л. В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст). Львів, 2000.

Волжская Булгария и Русь/Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1986.

Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.

Воронин Н. Н. Житие Леонтия Ростовского и русско-византийские отношения второй половины XII в.//ВВ. 1963. Вып. 23.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.

Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985

Высоцкий С. А. Светские фрески Софийского собора в Киеве. Киев, 1989.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.

Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Георгиевский А. И. Чинопоследование Божественной Литургии. М., 1951. 2-е изд.: Л., 1991.

Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет//Вереница литер. Сборник к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 60–69.

Гиппиус А. А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д. филол. н. М., 2006.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи// НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3–72.

Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв.//Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 356–360.

Гиппиус А. А. Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике сер. XIII в.//Инф. бюллетень Международной Ассоциации по изучению и распространению славянских культур. М., 1991. Вып. 25. С. 59–86.

Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореви. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи//Russian Linguistics. № 25. 2001. P. 159–166.

Гиппиус А. А. У истоков древнерусской исторической традиции//Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 30–35.

Гладкова О. В. «Слово на обновление Десятинной церкви». Общая характеристика. Тексты и комментарии//Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI –XIV вв. М., 1996. С. 10–34.

Глазырина Г. В. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Руси в X в.//ДГ за 2002. М., 2004. С. 78–94.

Глазырина Г. В. Сага об Ингваре-путешественнике. М., 2002.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в./Научн. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М.; Иерусалим, 1997. Изд. 2-е, испр. и доп.: М., 2003.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд. М., 1903.

Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1880–1881; 2-е изд.: М., 1900–1904; 3-е изд., факсим.: М., 1997. Т. 1. Ч. 1–2.

Голубовский П. В. Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547–1579 гг.//ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 41. Вып. 3. Отд. 2. С. 125–166.

Греков Б. Д. Волжская Болгария в IX–X вв.//Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 13–14.

Давыдова С. А. Византийский Синаксарь и его судьба на Руси//ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 67–68.

Давыдова С. А. Древнерусский пролог и византийский синаксарь//Византинороссика. СПб., 2005. Т. 3. С. 173–183.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет. М., 2004.

Демин В. С. О типе литературного творчества создателей «Повести временных лет»//Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (сер. XI — сер. XIII в.). М., 2000.

Дикстра Т. Слово о законе и благодати митрополита Илариона как три изначально самостоятельных произведения//Rossica Antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 124–144.

Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменок Ю. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991.

Добродомов И. Г. О названии «серебряные болгары»//ДГ за 1992–1994. М., 1994. С. 149–154.

Добродомов И. Г., Кривко Р. Н. Русские письмена в «Житии Константина-Кирилла»//Восточная Европа в древности и Средневековье. Мнимые реально-

сти в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2002. С. 67–68.

Дорофиенко И. П. О новом исследовании группового портрета семьи Ярослава Мудрого в Софийском соборе в Киеве//Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII вв. М., 1988. С. 135–143.

Дубов И. В. Города, величеством сияющие. Л., 1985.

Дучиц Л. В., Мельникова Е. А. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) //ДГ за 1980. М., 1982. С. 185–216.

Живов В. М. Slavia Christiana//*Он же.* Разыскания в истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

Жоливе-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии (867–1056)//ВВ. 1988. Т. 49. С. 153–158.

Завадская С. В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв.//ДГ за 1984 г. М., 1985. С. 36–42.

Загребин В. М. О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая//Из истории рукописных и старопечатных собраний. Л., 1979. С. 66–72.

Загребин В. М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.; СПб., 2006.

Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей//*Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. XI. С. 233–287.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси//ВЯ. 2001. № 5. С. 3–25.

Зиборов В. К. Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого//Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 11. Л., 1988. С. 80–94.

Зиборов В. К. О летописи Нестора. СПб., 1995.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Иванов С. А. Византийское миссионерство. М., 2003.

Иоаннисян О. М. Древнерусское зодчество и романская архитектура//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Вып. 2. М., 1987. С. 110–115.

Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола.... Пг., 1920–1922. Т. 1–3.

Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана»//ВВ. 1961. Т. 19. С. 76–96.

Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. 2. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия//ВВ. 1962. Т. 20. С. 106–128.

Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета//ВВ. М., 1959. Т. 15. С. 125–143.

Как была крещена Русь. М., 1988.

Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времени Святослава//ДГ за 1975 г. М., 1976. С. 90–101.

Каргер М. К. Древний Киев. М., Л., 1958, 1961. Т. 1–2.

Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2004.

Карпов А. Ю. «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М. А. Оболенского//Архив русской истории. № 1. М., 1992. С. 87–95.

Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя//ВВ. Т. 49. 1988. С. 112–118.

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

Кёстлер А. Тринадцатое колено. СПб., 2001.

Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв.//Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога: Древняя столица Руси. 2-е изд.: СПб., 2003.

Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клосс Б. М. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Клосс Б. М. Жития князя Владимира//Письменные памятники... С. 199–201.

Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая//СККДР. Вып. 1. XI — первая половина XIV вв./Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.

Клосс Б. М. Предисловие к изданию Ипатьевской летописи 1998 г.//ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. С. F–N.

Клосс Б. М. Список Царского Софийской 1 летописи и его отношение к Воскресенской летописи//Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 25–37.

Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.

Конецкий В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации памятников в Перыни под Новгородом//Церковная археология. Вып. 1. СПб.; Псков, 1995. С. 80–85.

Конецкий В. Я., Самойлов К. Г. О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода//НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 3–14.

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги//КСИА. Вып. 125. 1971. С. 59–64.

Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.

Кропоткин В. К. К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе//Древняя Русь и славяне/Отв. ред. Т. В. Николаева. М., 1978. С. 111–117.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996.

Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках//ДГ за 2000 г. М., 2003. С. 3–160.

Кузнецова А. М. Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия// Христианство в странах... С. 35–59.

Кулаковский Ю. А. «Стратегика» императора Никифора//Записки Императ. АН. Историко-филологическое отд. (Сер. 8). 1908. Т. 8. № 9.

Куник А. А. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.

Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.

Ламанский В. И. О некоторых славянорусских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. СПб., 1864.

Ламанский В. И. Славянское Житие Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915.

Лебедев Лев, прот. К вопросу о происхождении «Поучения Философа князю Владимиру» в тексте «Повести временных лет»//Герменевтика древнерусской литературы X–XIV вв. Сб. 3. М., 1991. С. 104–122.

Левченко М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире//ВВ. 1953. Т. 7. С. 194–223.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Лидов А. М. Образ «Христа-архиерея» в иконографической программе Софии Охридской//Византия и Русь. М., 1989 С. 65–82.

Лидов А. М. «Христос-священник» в иконографических программах XI–XII вв.//ВВ. 1994. Т. 55. С. 187–192.

Лившиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV вв. М., 1987.

Литаврин Г. Г. Введение христианств в Болгарии//Принятие христианства... С. 41–56.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000.

Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.

Литаврин Г. Г. Записка греческого топарха (документ о русско-визнатийских отношениях в конце X в.)//Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.). М., 1957. С. 115–130.

Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора//Византийские очерки. М., 1982. С. 81–93.

Литаврин Г. Г. Христианство в Болгарии в 927–1018 гг.//Христианство в странах... С. 133–189.

Лихачев Д. С. Повесть временных лет (историко-литературный очерк)// Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 2; Изд. 2-е, доп.: СПб., 1996.

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947.

Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г.//ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–265.

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001.

Лосева О. В. «Слово от жития святого Феодосия» в составе древнерусского Пролога//Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 33–40.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Летопись Тверская//СККДР XIV–XVI вв. Л., 1989. С. 59–61.

Львов А. С. Исследование Речи Философа//Памятники древнерусской письменности. М., 1968. С. 300–350.

Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана//Продолжатель Феофана. С. 201–265.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945; 2-е изд.: СПб., 2008.

Майоров А. В. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006.

Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. 2-е изд. СПб., 1868. Т. 1; 4-е изд.: научн. ред. и коммент. А. В. Назаренко. М., 1995. Кн. 2.

Макарий (Булгаков). Три памятника русской духовной литературы XI в.// ХЧ. 1849. Ч. 2. С. 302–369.

Малингуди Я. Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики//ВВ. 1995. Т. 56. С. 68–91.

Марков А. В. Как звали первых святых мучеников на Руси?//Сб. Харьковского историко-филологического общества. Т. 18. Харьков, 1909. С. 436–439.

Матвеев А. С. Военное дело арабов//*Никифор II Фока.* Стратегика. СПб., 2005. С. 173–271.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.

Мельникова Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе//ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106.

Мельникова Е. А. Русско-скандинавские взаимосвязи в процессе христианизации (IX–XIII вв.)//ДГ за 1987 г. М., 1989. С. 260–268.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.

Металлов В. М. Русская семиография. М., 1912.

Милов Л. В. К вопросу об источниках Церковного устава Владимира// Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244–246.

Милов Л. В. Легенда или реальность (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава)//Древнее право. 1996. № 1. С. 208–218.

Милов Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси//История СССР. № 5. 1980. С. 105–124.

Милютенко Н. И. Древлянская земля в X–XI вв. (по летописным материалам)//Старожитності Південної Русі. Матеріали III іст.-археологич. семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.». Чернігів, 1993. С. 40–45.

Милютенко Н. И. К вопросу о некоторых источниках Речи Философа// ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 10–17.

Милютенко Н. И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод)// Rossica Antiqua. СПб., 2006. Т. 1. С. 156–169.

Милютенко Н. И. Новгородский свод 1078 г. в составе Первой подборки Новгородской Карамзинской летописи//ТОДРЛ. Т. 58. СПб., 2008. С. 586–606.

Милютенко Н. И. Переяславское сказание о Борисе и Глебе//ТОДРЛ. Т. 47. 1993. С. 66–81.

Милютенко Н. И. Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни// ТОДРЛ. Т. 48. Л., 1993. С. 121–128.

Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. X–XI вв. М., 1963. Т. 1–2.

Михайлов К. А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника//Новгород и новгородские земли. Новгород. 1996. С. 52–60.

Молдован А. М. К истории составления Троицкой Минеи № 678 (значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона)//Записки ОР ГБЛ. Вып. 42. М., 1981. С. 50–75.

Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев: Пути, связи, судьбы. Киев, 1997.

Мусин А. Е. Погребальный обряд Древней Руси. (Письменные источники и археологические реалии)//Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 116–124.

Мюллер Л. Древнерусская легенда о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород//*Он же.* Понять Россию. М., 2000. С. 183–201.

Мюллер Л. Иларион и «Повесть временных лет»//*Он же.* Понять Россию. С. 149–150.

Мюллер Л. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество//*Он же.* Понять Россию. С. 88–124.

Мюллер Л. Понять Россию. Историко-культурные исследования. М., 2000.

Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира//*Он же.* Понять Россию. С. 60–70.

Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» о крещении Ольги//*Он же.* Понять Россию. С. 43–59.

Мюллер Л. «Третья редакция» «Повести временных лет»//*Он же.* Понять Россию. С. 165–182 (впервые опубл. в 1967 г.).

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Назаренко А. В. О датировке Любечской битвы//Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 13–19.

Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.//Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. Древняя Русь. С. 500–518.

Назаренко А. В. Русь и Германия в 70-е гг. X в.//Russia Medieavakis. 1987. Т. 6. Ч. 1. С. 38–89.

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв.//ДГ за 1991 г. М., 1994. С. 99–131.

Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 156–169.

Наливайко Р. А. О русских известиях «Annales Polonicae» Яна Длугоша// Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2003. С. 48–60.

Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVII вв. М., 1969.

Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества//ИАН СССР. 8-я серия. Л., 1930. № 9. С. 709–772.

Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Русского государства. М., 1951.

Никитенко А. В. К иконографической программе однофигурных фресок Софийского собора в Киеве//ВВ. Т. 48. 1987. С. 103–107.

Никитенко А. В. Программа однофигурных фресок Софийского собора в Киеве и ее идейные источники//ВВ. Т. 49. 1988. С. 173–180.

Николаев В. Славяно-българският фактор в християнизацията на Киевская Русия. София, 1949.

Никольский Н. К. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире//ХЧ. 1902. Т. 214. Ч. 1, июль. С. 89–106.

Никольский Н. К. К вопросу о русских письменах//ИАН по русскому языку и словесности. Вып. 1. Л., 1928. Т. 1. С. 1–45.

Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906.

Никольский Н. К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

Никольский С. Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь)//ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 160–168.

Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси//Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 68–70.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. С. 147–155.

Нунан Т. Торговля Волжской Булгарии с Саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть портретов. М., 1998.

Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55. С. 53–61.

Основания регионалистики / Вас. А. Булкин, А. С. Герд, Г. С. Лебедев, В. Н. Седых. СПб., 1999.

Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

Павлова Р. Культ святого великого князя Мстислава у южных славян (Материалы) // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2003. С. 76–94.

Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.

Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. // СОРЯС. 1926. Т. 101. № 2; Отд. изд.: М.; Л., 1962. С. 28–116.

Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 92–112.

Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

Петров Н. И. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897.

Петрухин В. Я. Владимир Святой и Соломон Премудрый: Грехи и добродетели в древнерусской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 72–86.

Петрухин В. Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры (Древняя Русь). Т. 1. М., 2000.

Петрухин В. Я. Как начиналась Начальная летопись // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 33–41.

Петрухин В. Я. Крещение Руси: от язычества к христианству. М., 2006.

Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 127–142.

Петрухин В. Я. Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах... С. 60–172.

Письменные памятники истории Древней Руси: Аннот. каталог-справочник/ Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.

Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q. п. 1. 63)//Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.

Поп Р. Древнейший отрывок послания Симона к Поликарпу//ТОДРЛ. Т. 24. 1969. С. 93–100.

Попов А. Н. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым/Под ред. М. Н. Сперанского. М., 1889. № XIX.

Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875.

Поппе А. Митрополиты Киевские и всея Руси//*Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 191–206.

Поппе А. Митрополиты Киевские и всея Руси//*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 442–471.

Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 гг.)//Как была крещена Русь. М., 1988. С. 240–286.

Поппэ А. Феофана Новгородская//НИС. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 102–120.

Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси/Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940; 2-е изд.: СПб., 1996.

Приселков М. Д. Нестор-летописец. Пг., 1923.

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913; 2-е изд.: СПб., 2003.

Прозоровский Д. И. О родстве св. Владимира по матери//Зап. Императ. АН. 1864. Т. 5. Ч. 1. С. 17–26.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; 2-е изд.: Л., 1986.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М, 1958; 2-е изд.: М., 1999.

Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема общерусского сводного летописания//ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165–198.

Прохоров Г. М. Радзивиловский список Владимирской летописи по 1206 г. и этапы владимирского летописания//ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 53–76.

Пушкарев Л. М. Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства//ТОДРЛ. Т. 13. Л., 1975. С. 543–555.

Пятышева Н. В. Земляной путь рассказа о походе Владимира на Корсунь// СА. № 3. 1964. С. 104–114.

Ранчин А. М. Хроника Георгия Амартола и «Повесть временных лет»: Константин Равноапостольный и князь Владимир Святославич//Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 52–98.

Рапов О. М. Еще раз о датировке взятия Корсуня князем Владимира//ВВ. Т. 49. 1988. С. 187–190.

Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.

Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. М., 1988. 2-е изд.: М., 1998.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.// МИА. № 52. М., 1961.

Рогов А. И. Петр Могила//Славяне и их соседи. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991. С. 110–120.

Рождественская М. В., Рождественская Т. В. «Сеятель» и «строитель»: династическая пара «отец и сын» в памятниках древнеславянской письменности X–XI вв.//О древней и новой русской литературе. Сб. статей в честь проф. Н. С. Демковой. СПб., 2005. С. 34–36.

Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.

Рожнецкий С. Как назывался первый русский святой мученик?//ИОРЯС. Т. 19. Вып. 4. 1914. С. 94–98.

Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати»//ТОДРЛ. Т. 17. 1961. С. 50–52

Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей// ТОДРЛ. Т. 18. Л., 1962. С. 294–304.

Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.//Slavia. Roč. 32. Seš. 2. 1963. S. 141–175.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М., 1963.

Руди Т. Р. Похвальное слово князю Константину Муромскому//ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004. С. 301–336.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб., 2005.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б. А. Запись о смерти Ярослав Мудрого//СА. № 4. 1959. С. 245–249.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987; 2-е изд., испр.: М.; Киев, 2001.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978.

Рыдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи//*Она же.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 197–198.

Рыдзевская Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюгтвасоне// ТОДРЛ. Т. 2. 1935. С. 5–20.

Рыков Ю. Д., Турилов А. А. Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (Киевский писатель Григорий Философ)//ДГ за 1982 г. М., 1984. С. 170–176.

Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 25–75.

Рябинин Е. А. У истоков Северной Руси. СПб., 2003.

Сагайдак М. А. Давньокиївський поділ. Київ, 1991.

Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.

Сборник в память 900-летия со времени крещения Руси/Под ред. А. И. Соболевского//ЧИОНЛ. Кн. 2. Отд. 2. Киев, 1988.

Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира (Издания Императ. Общества любителей древней письменности, № 137). СПб., 1917.

Свердлов М. Б. Дания и Русь в XI в.//Исторические связи Скандинавии и России в XI в. Л., 1970. С. 73–85.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003.

Свердлов М. Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича//ВИД. Вып. 4. Л., 1972. С. 150–160.

Свердлов М. Б. София Киевская как источник информации//ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 121–133.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Семенченко Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского// ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 241–254

Семенченко Г. В. Из истории русской литературы XIV в.//ВВ. Т. 53. 1992. С. 140–152.

Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису//ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 300–313.

Сендерович С. Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и павлианская теология//ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 43–57.

Сергий, архим. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Владимир, 1901.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

Сиренов А. В. Житие князя Владимира и составление Степенной книги//Археографический ежегодник за 2001. М., 2002. С. 83–94.

Славнитский М. Канонизация св. князя Владимира//Странник. 1888. Май-август. С. 197–238.

Смирнов В. Я. Рисунки Киева XVII в. по копиям конца XVIII в.//Труды XIII Археологического съезда. Т. 1. М., 1908.

Смирнова Э. С. Миниатюры XI в. в Кодексе Гертруды (псалтири архиепископа Эгберта из Трира), Чивидале, Национальный археологический музей, cod. CXXXVI//ДРИ. Искусство рукописной книги: Византия — Древняя Русь. СПб., 2004. С. 73–108.

Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Со Сон Джонг. Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи (Пролог как источник произведений Кирилла Туровского): Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2002.

Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир? //ЖМНП. 1888. Июнь. С. 397–398.

Соболевский А. И. Два чуда св. Стефана Сурожского//Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира. СПб., 1917. С. 1–10.

Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру Святому//ЧИОНЛ. Кн. 2. Отд. 2. Киев, 1988.

Соболевский А. И. «Память и похвала святому Владимиру» и «Сказание о святых Борисе и Глебе»//ХЧ. 1890. Ч. 1. С. 791–795.

Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (германо-русские отношения в области эпоса)//Уч. зап. Саратовского гос. университета. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 96–100.

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. М., 1983.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь, 2006.

Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995.

Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.

Сперанский М. Н. Житие преп. Феодосия Печерского//ЧОИДР. 1913. Кн. 1. С. 55–71.

Срезневский Вс. И. Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. по копии начала XIX в. СПб., 1893.

Сюзюмов М. В. Лев Диакон и его время//*Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 137–165.

Талис Д. Л. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX–X вв.//ВВ. Т. 14. М., 1958. С. 170–176.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. Л., 1962; 2-е изд.: Собрание сочинений. История Российская. Часть 2-я. СПб., 1995. Т. 2–4.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф//ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 287–343.

Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод: Текстологический комментарий//ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 3–26.

Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению// ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 100–130.

Творогов О. В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир?// Славяноведение. № 2. 1992. С. 54–59.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»?// In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.

Толочко П. П. Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Київ, 1996.

Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1985.

Толстой Н. И. Язычество древних славян//Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 120–166.

Толстой И. И. Древнейшие русские монеты. СПб., 1893.

Топоров В. Н. Боги древних славян//Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 166–174.

Трендафилов Х. Речта на философ в страроруската Повесть временных лет и полемичните традиции на Кирил-Константин//Старобългарска литература. Т. 22. 1990. С. 34–46.

Турилов А. А. Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в.//Palaeobulgarica. № 1. 1999. С. 18–22.

Турилов А. А. «Человек Божий именем» (О имени старшего варяга-мученика)//Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

Турилов А. А., Флоря Б. Н. Христианская литература у славян в середине X — середине XI в.//Христианство в странах Восточной... С. 398–458.

Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.

Ужанков А. Н. Когда и где было прочитано Иларионом «Слово о законе и благодати»//Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 90–91.

Ульянов О. Г. Рождение царства Русского//Вертикаль власти. М., 2003. Май. С. 52–56.

Усачев А. С. Из истории русской средневековой агиографии//ВЦИ. М., 2006. № 2. С. 5–30.

Усачев А. С. Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси//Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 210–340.

Успенский Б. А. Когда был канонизирован князь Владимир Святославич//Palaeoslavica. 2002. Vol. X. № 2. P. 271–281.

Успенский Ф. Б. Имя и власть. М., 2001.

Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVII вв. М., 2006.

Фет Е. А. О Софийском Прологе конца XII — начала XIII в.//Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 78–92.

Фет Е. А. Пролог//СККДР XI–XIV вв. С. 378–379.

Флоря Б. Н. К вопросу о датировке «Успения Кирилла»//Советское славяноведение. № 6. М., 1986. С. 63–69.

Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. 2-е изд.: СПб., 2004.

Флоря Б. Н. Христианство в Древнепольском и Древнечешском государствах//Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 190–266.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб., 2000.

Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М., 2007.

Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. СПб., 1992.

Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Драма древней семьи. СПб., 1993.

Хагланд Я. Р. Христианизация Норвегии и возможные влияния восточных церквей //ДГ за 2002 г. М., 2004. С. 260–271.

Халанский Г. М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем//ЖМНП. 1902. Август. С. 287–326.

Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь//Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 5–23.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XIV вв.). М., 1986.

Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия/Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002.

Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды//Исторические записки. Вып. 25. М., 1948. С. 293–333.

Чичуров И. С. «Хождение апостола Андрея» в Византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции//Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 3–23.

Членов А. М. Древлянське похождення князя Володіміра//УДЖ. 1970. № 9. С. 5–11.

Чой Ч. Х. О вновь найденном списке «Слова о князьях»//Книжные центры Древней Руси. СПб., 2008. В печати.

Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904.

Шахматов А. А. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. М., 1902.

Шахматов А. А. Как назывался первый русский св. мученик?//ИАН. Сер. 6. 1907. Май. С. 261–264.

Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906; 2-е изд.: *Он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 305–379.

Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном своде. Отд. отт.: М., 1897; 2-е изд.: *Он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 31–70.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; 2-е изд.: *Он же.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 511–876.

Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира//Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1904. С. 68–74; 2-е изд.: *Он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 296–304.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916; 2-е изд.: *Он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 527–977.

Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники//ТОДРЛ. Т. 2. Л., 1940. С. 11–150.

Шахматов А. А. Предисловие к Ипатьевской летописи//ПСРЛ. Изд. 2-е: СПб., 1908. Т. 2. С. I–XI.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2-е изд.: *Он же.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2002.

Шрайнер П. Miscellanea Byzantino-russica//ВВ. Т. 52. 1991. С. 151–160.

Шрамм Г. Роль города Коростеня в ранней истории Руси. Этимологические походы к историческим проблемам//ДГ за 1999 г. М., 2001. С. 255–262.

Щавелев С. П. Клады арабского серебра в Курском Посеймье//Клады. Состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 144–149.

Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004.

Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.

Щапов Я. Н. «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции//Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 332–341.

Щапов Я. Н. Память и похвала Иакова Мниха//Письменные памятники... С. 181–183.

Щапов Я. Н. Туровские уставы XIV в. о десятине//Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 255–275.

Юрасов М. К. Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв.//Rossica antiqua. Т. 1. СПб., 2006. С. 307–308.

Янин В. Л. День десятого века//Знание — сила. 1983. № 3. С. 15–18.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.

Янин В. Л. Древнерусские печати из раскопок в Сигтуне//Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 270–274.

Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской 1 летописи в русском летописании XV в.//Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 175–181.

Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи)//Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 14–56.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

Янин В. Л. Таинственное средневековье//У древних стен, у Ильмень-озера. М., 1980. С. 350–361.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. X–XV вв. Т. 3. М., 1998.

Arranz M. A propos du baptême du prince Vladimir//La Christianisation de la Russie ancienne. 988–1988: un millénaire. UNESCI. 1989. P. 81–98.

Arrignon J-P. La Rus' entre la Bulgarie et l'Empire byzantine: de la fin du Xe au début du XIIe siècle//Proceedings... P. 705–709.

Butler F. The House of Rogvolod//Именослов: Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 189–204.

La Christianisation de la Russie ancienne. 988–1988: un millénaire. UNESCI. 1989.

Čičurov I. Ein antilatinischer Tractat des Kiever Metropooliten Ephraim//Fontes minores. Vol. 10. Frankfurt a. Main, 1998. S. 319–356.

Ficcker G. Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexos Studites. Kiel, 1946.

Folz R. Zur Frage der heiligen Könige: Heiligkeit und Nachlenben in der Geschichte des burgundischen Königtums//Deutsches Archiv für Mittelalters. Bd. 14. 1958.

Franklin S. Some Apocryphal Sources of the Kievan Russian Historiography// Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15. P. 1–27.

Goldblatt H. On «rus'skymi pismeny» in the *Vita Constantini* and Rus'ian Religious Patriotism//Studia Slavica Mediaevalia et Humanistica Ricardo Picchio dedicata. Rome, 1986. Vol. 1. P. 311–328.

Hagland J. R. The Christianisation of Norway and Possible Influences from the Eastern Churches//Paleobulgarica (Старобългаристика). София, 1996. Т. 20. С. 3–19.

Hanak W. H. Vladimir I: The New Solomon//Византинороссика. Т. 3. СПб., 2005. С. 104–114.

Ingham N. The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural continuity in the Early Middle Ages//Medieval Russian Culture/California Slavic Studies. 1984. Vol. 12. P. 36–37.

Ingham N. The Sovereign as a Martyr. East and West//Slavic and East European Journal. Vol. 17. 1973. P. 1–17.

Koestler A. The Thirteenth Tribe. London, 1976.

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century/ Dumbarton Oaks Studies. Vol. 33. Washington, 1995.

Mc Turk R. Studies in Ragnars Saga Loobrokar. Oxford, 1991.

Millennium Russiae Christianae. Köln, 1993.

Müller L. Handbuch zur Nestorchronik//Die Nestorchronik/Forum Slavicum. Bd. 56. München, 2001. IV. S. VII–VIII, XX–XXVI.

Müller L. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir dem Heiligen end Glaubensbekenntnis nach der Erstrausgabe... Wiesbaden, 1962.

Noonan T. S. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. P. 875–900// Hikuin. № 11. 1985. P. 41–50.

Noonan T. Why Dirhams First Reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Early Islamic Trade with Eastern Europe//Archivum Eurasiae Medii Aevi. № 4. 1984. P. 151–282; Repr.: *Idem.* Variorum Collected Series Studies. 1997.

Picchio R. From Boris to Volodimer: Some remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom//Proceedings... P. 200–213.

Poppe A. The Building of the Church of St Sophia in Kiev//Journal of Medieval History. № 7. Amsterdam, 1982. P. 38–42; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Poppe A. Christian Russia in the Making. Variorum Collected Studies. 2007.

Poppe A. Kompozycyja fundacyjna Sofii Kijowskiej//Biuletyn historii sztucki. R. 30. № 1. Warszawa, 1968. S. 3–27.

Poppe A. La naissance du culte de Boris et Gleb//Cachiers de civilisation médiévale. 1981. XXIV année. P. 29–53; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russe aux XI–XII siècles//Byzantion. Vol. 40. 1970. Bruxelles, 1971; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Poppe A. The Political Background of the Baptism of Rus'//Dumbarton Oaks Papers. 1976. Vol. 30. P. 197–244; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Poppe A. The Rise of Christian Russia. Variorum Reprints. London, 1982.

Poppe A. The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making//*Idem.* Christian Russia in the Making. Variorum Collected Studies. VIII. 2007. P. 1–52.

Poppe A. Spuścizna po Włodziemirerzu Wielikim. Walka o tron kijowski 1015–1019//Kwartalnik Historyczny. № 3/4. Warszawa, 1995. S. 3–22.

Poppe A. Le traité des azymes Λέοντος μητροπολίτου τῆς ἐν Ῥωσία Πρεσθλάβας: quand où et par qui a-t-il été écrit//Byzantion. T. 35. 1965. P. 504–527; Repr.: *Idem.* The Rise of Christian Russia. London, 1982.

Poppe A. Two Concepts of the Conversion of Rus' in Kievan Writings//Proceedings of the International Congress. P. 498–499.

Pritsak O. At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West//Proceedings of the International Congress. P. 87–113.

Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine//HUS. 1988/1989. Vol. XII/XIII.

Sciacca F. The Kiev Cult of Boris and Gleb: The Bulgarian Connections//Proceedings of Symposium on Slavic Cultures: Bulgarian Contributions to Slavic Cultures. Sofia, 1983. P. 58–70.

Senyk S. A History of the Church in Ukraine. Vol. 1. To the End of the Thirteenth Century//Orientalia Christiana Analecta. T. 243. Roma, 1993.

Ševčenko I. The Date and the Author of the So-called Fragments of Toparcha Goticus//Dumbarton Oaks Papers. Vol. 25. 1971. P. 115–188.

Smyth A. P. Scandinavian Kings in the British Isles. 850–880. Oxford, 1977.

Soloviev A. L'organisation de l'Etat russe au Xe siècle//L'Europe aus IX–Xe siècles. Aux origens des Etats nationaux. Varsovie, 1968. P. 249–268; Repr.: *Idem.* Byzance et la formation de l'Etat russe. Variorum reprints. London, 1979.

Thomson F. J. The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': the Myths and the Enigma//Proceedings of the International Congress... P. 214–261; Repr.: *Thomson F. J.* The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Variorum Collected series Studies. 1999.

Thomson F. J. The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Variorum Collected series Studies. 1999.

Toločko P. Volodimer Svjatoslavič's Choice of Religion: Fact of Fiction?//Proceedings of the International Congress. P. 825–826.

Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus'//Proceedings... P. 132–144.

Trunte H. «Doctrina Cristiana»: Untersuchungen zu Kompilation und Quellen der sogenannten «Rede des Philosophen» in der Altrussichen Chronic//Millennium Russiae Christianae. Köln, 1993. S. 355–394.

Vodoff V. Naissance de la Chrétienté Russe. Fayard, 1988

Vodoff V. Pourquoi le prince Volodimer Svjatoslavich n'a-t-il pas été canonisé?// Proceedings of the International Congress... P. 446–451.

Wasiliewski T. Bizancjum i słowiane w IX wieku. Warszawa, 1972.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état Russe//Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient/Actes de Colloque International tenu au Collège de France en Octobre 1997. Paris, 2000. P. 106–113.

Именной указатель[1]

Аарон Комитопул, брат царя Болгарии 325
Аббасиды, династия халифов 119
Абрамович Д. И. *29, 91, 169–171, 173, 180*
Абу Шоджа Мухаммед ар-Рудравери 240
Аввакум, пророк 419, 427
Аверинцев С. С. *37*
Авраам, праотец 430, *433*, 466, 470
Авраамий Ростовский св. 336
Агапий, патр. Антиохийский 324
Адальдаг, архиеп. Бременский 392, 395
Адальберт, архиеп. Магдебургский 108, 223, 233, 327, 346
Адам Бременский 127, 381, 383
Адемар Шабанский 259
Адриан II, папа римский 217
Азбелев С. Н. *334*
Акентьев К. К. *36–37, 42, 44–45, 84*, 160, *408*
Аки, шведский хевдинг 358
Александр Невский св., с. Ярослава Всеволодовича, вел. кн. Киевский и Владимирский 399, 405
Александр, имп. Византии 21
Александр Попович 367
Александров А. А. *113*
Алексеев А. А. *37*
Алексеев Л. В. *129*
Алексей I Комнин, имп. Византии 18–19
Алексей III Ангел, имп. Византии 19
Алексей IV Ангел, имп. Византии 19
Алешковский М. Х. *14–16*
Аллогия, жена св. Владимира в сагах 350, 390–391
Альв, кон. Дании 386
Альвер, кон. Швеции 386
Альвхильд, д. Ивара Широкие Объятия 385
Анастас Корсунянин 109, 260, 283, 290–292, 296, 303–304, 332, 334, 447, 449, 451–452, 457, 459–460, 463–464, 468–469, *476*
Андрей, ап. 22, 165, 227, 313, 405–407, 437, 439, 442, 444, 449, 453, 459
Андрей Боголюбский св., с. Юрия Долгорукого, кн. Владимирский 179, 340, 369
Андрей Иванович, в. Даниила Александровича, кн. Серпуховской 410
Андроник, ап. 406, 407
Аничков Е. В. *138*
Анна, д. имп. Византии Романа II, жена св. Владимира 60, 62, 75, 79, 99–101, 192, 196, 200–202, 235, 238, 240, 243–

[1] Сокращения: ап. — апостол; архиеп. — архиепископ; в. — внук; вел. кн. — великий князь; д. — дочь; еп. — епископ; имп. — император, императрица; кн. — князь, княгиня; кон. — конунг; кор. — король, королева; митр. — митрополит; мон. — монах; муч. — мученик; патр. — патриарх; преп. — преподобный; с. — сын; св. — святой; свят. — святитель.

244, 247, 256–258, 267, 282–283, 293–299, 302–306, 321, 326, 346, 349, 351–254, *440*, 447, 451, 457, 462, 468, 474–*477*, 509–510
Ансгар св. 380–382
Антоний Печерский преп. 174–176, 339, 340, 509
Антоний, архиеп. Новгородский 155–157
Анунд, кон. Бирки 382
Ари Мудрый 388, 390
Арранц М. 238–*239*
Арриньон Ж.-П. 238, 348
Артамонов М. И. *72*
Артамонов Ю. А. *339*
Аскольд, кн. Киевский 20, 23, 109, 226
Астрид, д. Олава Шётконунга, жена св. Олава Норвежского 113
Астрид, д. Эйрика, мать Олава, с. Трюгтви 387
Архипов А. А. *6*
Ауд, д. Ивара Широкие Объятия 385
Ашот Багратуни, кн. Тарона 275

Барац Г. М. 48
Бароний Ц. 227, 327, 330
Бейлис В. М. *307*
Белецкий С. В. 119, *138*, 376
Бельский М. 32
Беляев С. А. 75, *289*, 299–*300*
Бенедикт VII, папа Римский 233
Берлинський М. Ф. *293*
Бертье-Делагард А. 282, 290–291
Бибиков М. В. *34, 117, 218, 237*, 252, *269, 301*
Блуд, воевода 25, 121, 133–136
Бобров А. Г. *29–30, 105, 156, 214, 328*
Богданова Н. М. 75, *231*, 280, 281, *294, 300, 357*
Болеслав I, кор. Польши 78–79, 96–98, 100–101, 143, 292, 342–343, 355, 358–359, 361–364, 366, 368, 378, 390, 398, 400, 409
Болеслав II, кн. Чешский 123–124, 346, 350, 362, 368
Болеслав III, кн. Чешский 368
Борис-Роман св., с. св. Владимира 9–10, 16, 52–54, 59, 81, 89, 92, 95–96, 100, 101, 103, 105, 138, 146, 148, 154–155, 168–173, 176, 179–181, 191–192, 200–202, 209, 229, 251, 264, 285, 323, 331–332, 337, 343, 349, 351–353, 356, 359, 363, 374–379, 401–405, 418, 426, *432*, *434*, 437, 439, *440*, 443, 445, 450, 453, 460, 467, 471, *473*, 476–*477*, 487, 490–491, 505, 507, 509–510
Борис-Михаил, кн. Болгарии 6, 48, 217, 247–249, 347, 400
Борис, с. Петра, царь Болгарии 123, 236, 351
Борис Всеславич, в. Брячеслава Изяславича, кн. Полоцкий 129
Боровський Я. *140*
Бравлин, кн. 307–310
Брайчевский М. Ю. *226, 279*
Бруно-Бонифиций Кверфуртский, муч. 47, 135, 229, 259, 363, 365
Брюнхильд (Брунгильда) 384
Брячеслав Изяславич, в. св. Владимира, кн. Полоцкий 377
Бугославский С. А. 81, 86, 93, *151*–153, 158, 195, 198
Булан, каган хазар 6
Буланин Д. М. *226*
Буланина Т. В. *336*
Булкин Вас. А. *226*
Бурислав (Бурислейв), кон. вендов 387, 390
Бьёрн, исландец на службе св. Владимира 396–398

Вальдар, кон. Дании 386
Варлаам преп. 345
Варлаам Хутынский преп. 172
Василий Великий свят. 402
Василий I Македонянин, имп. Византии *23*, 70, 217–219, 221, 224–227, 234, 254, *300*
Василий II Болгаробойца, с. Романа II, имп. Византии 6, 28, 40–41, 60, 67–69, 75–76, 88, 121, 137, 199, 204, 222, 224, 233, 235–244, 255–258, 272–282, 287–288, 293, 303, 317, 324–326, 349, 352, 391, 424, 431, *434, 440,* 446–447, 450–451, 456–457, 462–463, 467–468, 474–475.
Василий Иванович, с. Ивана Васильевича, вел. кн. Московский 368
Василий Ноф, паракимомен 236, 272
Васильев М. А. *138, 140*
Васильевский В. Г. 60, *69, 218, 238,* 241, *274, 282*, 308–311, 313, *406*
Ващенко Э. Д. *72*
Велиханова Н. *308*
Вестерфельд Я. ван 42
Виноградов А. Ю. *406*
Винстон М. *306*, 326
Вирхор, хазарский царь 311
Виссивальд (Всеволод), кн. из Руси 358
Владимир-Василий (Вальдемар) св. равноап., с. Святослава Игоревича 5–13, 16, 18, 26–108, 111–115, 118–119, 121, 123–170, 175–176, 178–215, 222–308, 311–379, 381, 387–391, 394, 396–432, 434–497, 499, 501, 503–512
Владимир Василькович, в. Романа Мстиславича, кн. Волынский 214, 405
Владимир Всеволодович Мономах, в. Ярослава Владимировича, кн. Киевский 112, 131, 274–*275*
Владимир Святославич, в. Всеволода Ольговича 64
Владимир св., с. Ярослава Владимировича, кн. Новгородский 133, 141, 344–345, 347
Владимир, архим. *325*
Владимирова Л. А. *10, 321*
Влас Ефимов, владелец рукописи 507
Водов В. *75, 238*, 349, *360–361*, 399, 398, 405, 407
Войтех-Адальберт, муч., еп. Пражский 316–319, 400, 504, *506*
Войтович Л. В. 142–*143*, 350, *361–362*
Волчий Хвост, воевода 144
Вольфрам Х. *313*
Воронин Н. Н. 340
Всеволод, с. св. Владимира, кн. Волынский 285, 375, 378, *476*
Всеволод Юрьевич, в. Владимира Мономаха, кн. Владимирский 64, 212, 509
Всеволод Ярославич, в. св Владимира, кн. Киевский 14, 77, 173, 369
Всеволод Ярославич, в. Изяслава Мстиславича, кн. Луцкий 178
Всеслав Брячеславич, в. Изяслава Владимировича, кн. Полоцкий 132, 338
Всеслав Изяславич, в. св. Владимира, кн. Полоцкий 79, 377
Вульфилла, еп. Готский 313
Высоцкий С. А. *43, 58, 102, 356*
Вышеслав, с. св. Владимира, кн. Новгородский 123, 271, 285, 338, 349, 375, 377, 390
Вячеслав св., кн. Чешский 348
Вячеслав Ярославич, в. св. Владимира, кн. Смоленский 285

Гагик, царь Армении 243
Гадло А. В. *65, 67, 73, 230*, 283, 288, 307
Гайдуков П. Г. *370*
Гаудерих, еп. Веллетри 312
Гейза (Стефан), правитель Венгрии 400
Гейра, д. Бориславa 390–391

Генрих II, имп. Римский 47, 259, 363, 365
Генрих II, кор. Англии 360
Генрих Младший, его сын 360
Георгий, митр. Киевский 216, 169–170, 323
Георгий Амартол 18–23, *27, 70*, 220, 225, 252
Георгиевский А. И. *403*
Герберштейн С. 140
Герд А. С. *226*
Гертруда, д. Мешка II, кн. Киевская 101
Гиппиус А. А. *7–8*, 16, 19, *22*, 49, *58*, 79, *171, 214*, 252, *331, 402*
Гладкова О. В. *408*
Глазырина Г. В. *66, 128, 295*, 358, *382, 393, 395*
Глеб-Давид св., с. св. Владимира 9–10, 52–54, 59, 81, 89, 92, 95–96, 100–101, 105, 138, 146, 148, 154–155, 168–173, 176, 179–181, 191–192, 200–202, 209, 229, 251, 264, 285, 323, 331–332, 337, 343, 349, 351–353, 356, 359, 363, 374–375, 377–379, 401–405, 418, 426, *432, 434*, 437, 439, *440*, 443, 445, 450, 453, 460, 467, 471, *473*, 476–*477*, 487, 490–491, 505, 507, 509–510
Глеб Юрьевич, в. Владимира Мономаха, кн. Переяславский и Киевский 280
Голб Н. *5, 72*
Голдблатт Х. 318
Голиаф 397
Головко А. Б. *63, 142, 361*
Голубинский Е. Е. *8*, 152, 225, 267, *318, 329*, 399
Голубовский П. В. 53
Греков Б. Д. 67
Григорий Философ 322
Гуго Капет, кор. Франции 238
Гуннлауг, с. Лейва 388, 391
Гурген, царь Грузии 243
Гюрит, д. Альва, кон. Дании 386
Давид, пророк 245–246, 397, 420, 422, 427–430, *433*
Давид, архиеп. Новгородский 156
Давид Багратуни, куропалат Тао (Тайка) 240, 243, 275, 304
Давид Комитопул, брат царя Болгарии 352
Давид, с. Рогволода 509, 511
Давыдова С. А. *169, 173*, 177
Даниил, пророк 45, 98
Даниил, митр. Московский 31, 106, 327, 366, 368–369
Даниил Романович, в. Мстислава Изяславича, кн. Галицкий 143
Данилевский И. Н. *120*
Дворник Ф. 312
Демин В. С. 360
Джаксон Т. Н. *128, 295, 357, 368, 379, 383, 386–394*
Дзиффер Дж. 314
Дикстра Т. *38*
Димитрий Иванович Донской, в. Ивана Калиты, вел. кн. Московский 410
Дир, кн. Киевский 20, 23, 109
Длугош Я. 107–109, 121–122, 126, 378
Дмитрий Донской, вел. кн. Московский 369
Добровольский И. Г. 119
Добродомов И. Г. *66, 312*,
Добрыня, с. Малка Любечанина 26, 71, 122, 130, 132–133, 136, 138, 140, 296, 334, 389
Дорофиенко И. П. *43*
Досифей, Соловецкий игумен 158
Дубов И. В. *119, 336*
Дубровка, д. Болеслава I Чешского, кн. Польская 124, 400
Дучиц Л. В. *128, 297*

Евдокия Ингерина, имп. Византии 219
Евстафий Плакида св. 47

Евстафий Мстиславич, с. Мстислава Владимировича Черниговского 359
Евстафий, патр. Константинопольский 330
Елена св. равноап. 45, 81, 84–87, 421, 429
Епифаний монах, автор Жития ап. Андрея 406
Епифаний Премудрый 157
Ермолаев А. И. 153, 155–156, 158
Ефрем, митр. Киевский 10, 34, 37–38, 171, 215, 226, 270, 322, 332
Ефрем, новгородский учитель 306, 328, 333–334, 346
Ефросин 336

Ждьберн, см. Ижберн
Жеротины 123
Живов В. М. 314, 316, 318, *345, 503, 506*
Жоливе-Леви К. *40*
Жуковская Л. П. *10, 321*

Завадская С. В. *371*
Загребин В. М. *176*
Зализняк А. А. *7–8, 58, 346, 402*
Заходер Б. Н. *117*
Зиборов В. К. *15, 17, 58*
Зимин А. А. *154*, 159, 191
Зубарь В. М. *300*

Иаков, праотец 430
Иаков Мних 9, 10, 35, 38, 46, 48, 51–66, 72–98, 109, 126, 142–144, 148–154, 158–164, 175, 191–192, 195–197, 229, 243, 255, 258–259, 274, 278–281, 283, 285, 297, 306, 321, 256, 360, 401–403, 407, 411–413, 416–418, 426, *432, 434, 440, 462*, 498, *500*
Ибн Фадлан, Ахмед 116, *220*
Ибн Хаукаль, Абу-л-Касим 16, 65, 117
Ибн Хордадбех *308*
Иван Васильевич, в. Василия Дмитриевича, вел. кн. Московский 368
Иван Данилович Калита, в. св. Александра Невского, вел. кн. Московский 405
Иван Юрьевич, в. Ярослава Святополчича, кн. Туровский 178
Иванов В. В. *138*
Иванов С. А. *217*, 225, *234*, 252, *305, 307, 309*, 319, *327, 329*
Ивар Широкие Объятия, с. Хальвдана, кон. Швеции 381–382, 385–386
Игнатий св., патр. Константинопольский 166, 216–223, 379
Игорь св., с. Олега Святославича, кн. Черниговского 292
Игорь Рюрикович, кн. Киевский 17, 20–25, 56, 65, 90, 108–111, 121–122, 136, 140, 174, 219, 224, 286, 288, 302, 315, 346, 356, 418, *476, 498*
Игорь Ярославич, в. св. Владимира, кн. Волынский 285
Ал-Идриси, Абу Абдаллах Мухаммад 148
Иезекия, царь Иудеи 422, 429, *433*
Иеровоам, с. Соломона, царь Израиля 245
Ижьберн (Ждьберн, Ингибьёрн) 200, 283, 284, 286, 290–296, 474, *476*
Изяслав, с. св. Владимира, кн. Полоцкий 62, 79, 285, 349, 358, 374, 377, 509, 511–512
Изяслав Ярославич, в. св. Владимира, кн. Киевский 59, 101, 130–131, 173, 178, 332, 337, 356
Иларион, митр. Киевский 8, 33–51, 81, 83–84, 87, 91, 96–98, 148–151, 153–154, 157–160, 165, 172, 191, 200, 203–206, 216, 229, 250, 255, 259, 322–323, 332, 336, 340, 344, 356, 371, 401–402, 405–407, 411–413, 415, *455, 440*, 455, *462*, 475, *477, 497*
Иларион, еп. Ростовский 340–341

Илдей, хан печенежский 125, 366
Илья Ярославич, в. св. Владимира 359
Илья Муромец 132
Ингвар Путешественник, с. Эймунда 358
Ингигерд, см. Ирина-Ингигерд
Ингъяльд, с. Альвера, кон. Швеции 386
Ингъяльд Коварный, с. Энунда, кон. Уппсалы 386
Инна, Римма и Пинна, свв. муч. готские 313
Иннокентий Гизель, ректор Киево-Могилянской академии, Печерский архимандрит 354
Иоаким Корсунянин, еп. Новгородский 141, 227, 305–306, 321, 327–328, 332–334, 341, 343, 346
Иоаким, патр. Московский и всея Руси 508
Иоанн Богослов, ап. 65, 166, 405, 437, 439, *440*, 442, 444, 449, 453, 459
Иоанн Златоуст, свят. 87, 309, 403, 422, 429
Иоанн-варяг св. 144–146, 262, 501–502
Иоанн, патр. Антиохийский 324
Иоанн XIII, папа римский 346
Иоанн XIV, папа римский 233
Иоанн XV, папа римский 233
Иоанн I, митр. Киевский 215–216, 323, 331–332
Иоанн II, митр. Киевский 102, 216, 270
Иоанн, архиеп. Новгородский 156–157
Иоанн, архиеп. Охридский 322
Иоанн, еп. Владимирский 212, 340
Иоанн Цимисхий, имп. Византии 7, 25, 109, 118, 120–122, 137, 174–175, 233–236, 264–265, 277–278, 302, 347–349
Иоанн Геометр 69, 281–282
Иоанн Зонара 226, 329
Иоанн Малала 18–19, 138
Иоанн Скилица 75–*76*, 121, 222, *234–238*, *272*, *275–277*, 324, 353, 355, 357
Иоаннисян О. М. *140*, 342
Иосия, царь Иудеи 422, 429, *433*
Иосиф Тризна, Киево-Печерский архимандрит 416, 508–509
Ирина, имп. Византии, дочь хазарского кагана, жена имп. Константина V, мать имп. Льва IV 308–310
Ирина, имп. Византии, жена имп. Льва IV, мать имп. Константина VI 20, 317, 503, *508*
Ирина-Ингигерд, д. Олава Шётконунга 36, 42, 92, 101, 356, 359
Исаак II Ангел, имп. Византии 19
Исаак Комнин, брат имп. Алексея I 18–19
Исав 251
Исаия, свят. Ростовский 178
Исидор, митр. Киевский 359
Истрин В. М. *21*, *138*, 193

Каждан А. П. *19*, *218*, *220*, *222*, *277*
Казимир Мних, с. Мешка II, кор. Польши 79, 354
Калинина Т. М. *65*, *73*, 117
Калокир Дельфин 275
Кальдимар, родич св. Владимира в Саге о Бьёрне 396–398
Канут (Кнут) Великий, с. Свена Вилобородого, кор. Дании и Англии 359
Карл Великий, имп. Римский 360
Каргер М. К. *134*, *139*, 141, *146*, *264*, *305*, *341*
Карпов А. Ю. *168*, *183*, *201*, 204, *279*, 408–409
Карпозилос А. 22
Карский Е. Ф. *133*
Катакалон Кекавмен 137
Каштанов С. М. *63*
Кезма Н. *240*

Кёстлер А. *231*
Кий, кн. Киевский 20, 22
Киприан, митр. Киевский и всея Руси 29, 308
Киприан, иеродиакон Троице-Зеленецкого мон., владелец рукописи 507
Кирик св. 154, 158–159, 207–210, 212, 404, *478, 479*, 497
Кирилл св. равноап., см. Константин-Кирилл
Кирилл, свят. Туровский 177–211, 404
Кирилл Дмитриевич, посадник Новгородский 156–157
Кирпичников А. Н. *219, 381*–383
Клейн Л. С. *138*
Климент св., папа римский 98, 197, 289, 312, 341, 407–409, 424, 431, *434*, 448, 452, 457
Климент св., архиеп. Охридский 171
Клосс Б. М. *15, 17*, 31, 106, 157, 179, 185, *191, 210, 226*, 367, *369*, 404, *508*
Ковалевский А. П. *220*
Козьма Пражский 346
Комеч А. И. *38*
Комитопулы, болгарская династия 118, 120, 125
Конецкий В. Я. *140, 335*
Коновалова И. Г. *65, 73, 148, 308*
Конрад (Куно), герц. Швабский 135, 355
Константин св. равноап., имп. Римский 43, 45, 78, 81, 84–88, 193, 200, 205, 401, 405–406, 421–422, 429–430, *433*, 465–466, *472–473, 477*, 481, 505–506
Константин-Кирилл св. равноап. 24, 48, 216, 225, 227, 234, 248–250, 252–254, 289, 312–320, 400–401, *434*, 503–504, *506*
Константин св., кн. Муромский 337
Константин V Копроним, с. Льва III, имп. Византии 309–311
Константин VI, с. Льва IV, имп. Византии 20, *506*
Константин VII Багрянородный, с. Льва VI Мудрого, имп. Византии 21, 65, *69*, 108–109, 113, 148, 175, 217–218, 221–223, 234, 240, 243, *287*–288, *294, 301*, 307, 357, *476*
Константин VIII, с. Романа II, имп. Византии 28, 40, 60, 75–76, 88, 120, 222, 235–236, 241, 257, 272–276, 282, 293, 303, 317, 352, 424, 431, *434, 440*, 446–447, 450–451, 456–457, 462–463, 467–468, 474–475
Константин Преславский 314–315, 317
Корзухина Г. Ф. 382
Королюк В. Д. 142, *361*
Кривко Р. Н. *312*
Кромер М. 32
Кропоткин В. К. *116*
Крымский А. *240*
Куев К. М. 313
Куза А. В. *280*
Кузенков П. В. *23, 216, 218*, 225, *252, 310, 319, 329*
Кузнецова А. М. *234*
Кузьменок Ю. К. *119*
Кулаковский Ю. А. *221*, 242
Куник А. А. 308
Куря, хан печенежский 121
Кучма В. В. *241*–242
Кучюг, хан печенежский 366

Лазарев В. Н. *37–38*
Ламанский В. И. *51, 180*, 313
Лебедев Г. С. *226*
Лебедев Лев, прот. *6, 51*
Лев, митр. Синады 326
Лев Пафлагонянин, архиеп. Охридский 41
Лев V Армянин, имп. Византии 268

Лев VI Мудрый, с. Василия I Македонянина, имп. Византии 21
Лев Диакон *25, 60*, 63, 68–*69, 117*–118, 121, 123, 222, 229, 232, 237, 272–281, 287, *353*
Левченко М. В. *75, 237, 274*
Леон, митр. Киевский 29, 213–216, 227, 259, 306, 327, 330–332, 334, 337
Леон (Лев), митр. Переяславский 216, 270, 330–331
Леонтий, свят. Ростовский 178, 198, 214, 239, 330, 339–340
Либентий, архиеп. Бременский 395
Лидов А. М. 41–*43*
Лаврентий, еп. Туровский 404
Лившиц Л. И. *155*
Литаврин Г. Г. *7, 41, 108, 112, 114, 137, 175, 217, 223, 231, 234, 324, 327*, 348–*349, 354, 357*, 371
Литвина А. Ф. *114, 131*
Лиутпранд, еп. Кремонский *240*
Лихачев Д. С. *16–17, 252*, 267–*268*
Лоран В. 332
Лосева О. В. *37*
Лука, ап. 98, 417–418, 426, 437, 439–*440*, 442, 444, 449, 453, 459
Лука Жидята, еп. Новгородский 215, 291, 306, 322, 328
Лурье В. М. *231*
Лурье Я. С. *15, 30, 32, 105*
Львов А. С. 6, 247
Любарский Я. Н. *218, 222, 237*
Людмила св., кн. Чешская 248
Людовик Благочестивый, имп. Римский 218, 360
Лют, с. воеводы Свенельда 26, 126

Мавродин В. В. 67
Магнус, с. Олава св., кон. Норвегии 102, 113
Маймун, эмир Дербента 72–73, 147, 287
Майоров А. В. *143, 361*
Макарий, митр. Московский 150, 154, 160, 186, 197, 399
Макарий (Булгаков), митр. Московский 12, 151–152, *154*, 159–161, 191–192, *317*
Мак-Турк Р. 384
Мал, кн. Древлянский 111
Малк Любечанин, отец Малуши и Добрыни 111
Малингуди Я. *221*
Малуша, мать св. Владимира 26, 111–114, 356, 510
Малфрид 79, 356
Малфрид Юрьевна, внучка Ярослава Святополчича, кн. Луцкая 178, 356
Мамун Ибн Мухаммед, эмир Хорезма 130, 308
Марков А. В. *146*
ал-Марвази, Шараф аз-Заман Тахир 230
Мария-Доброгнева, д. св. Владимира, кор. Польши 79, 354
Марк ап. 437, 439, *440*, 442, 444, 449, 453
Мартин, мон. 173, 175, 178
Марченко Л. В. *300*
Матвеев А. С. *232*
Матвей Кусов 11, 39, 86, 150, 153–160, 190–191, 194, 207–208, 258, 311, 404, 411, 413, 415–416
Матфей, ап 98
Медынцева А. А. *357*
Мелиссин Лев 238, 272–273, 276
Мельникова Е. А. *102, 128, 296, 335, 386*
Металлов В. М. *206, 402*
Метигай, хан печенежский 366
Мефодий св. равноап. 24, 124, 225, 227, 234, 249–250, 253–254, 289, 312, 316–317, 319, 350, 400, 406–407, *434*

Мефодий, патр. Константинопольский 268
Мефодий, живописец 248
Меховский М. 32
Мешко Старый, кн. Польши 124, 142–143, 361–362, 389, 400
Милов Л. В. *269, 374*
Милютенко Н. И. *29, 49, 59, 166, 220, 251, 306*
Минорский В. Ф. *72, 148, 230, 287*
Мистиша, с. воеводы Свенельда 111, 126
Михаил Синкелл св. 202, 215–216, 268–269, 331
Михаил св., с. Всеволода Святославича Чермного, кн. Черниговский 172
Михаил Керуларий, патр. Константинопольский 34
Михаил, митр. Киевский 213, 216, 227–228, 259–260, 327, 330–332, 334, 366
Михаил I Рангаве, имп. Византии 217
Михаил II Травл, имп. Византии
Михаил III, с. Феофила, имп. Византии 19–23, 71, 216–219, 225, 234, 315, 316, 502, 504, *506*
Михаил IV, имп. Византии 406
Михаил Пселл 222, 237, 272, *275–277*
Михайлов К. А. *384*
Моисей, пророк 39, 317, 320, 430, 465, 470, 480, 504–505
Молдован А. М. *8, 36, 39–40, 43–46*, 154, 157, 159–160, 203, 413
Момина М. А. 208
Моця А. П. *70*
Мстислав, с. св. Владимира, кн. Тмутороканский и Черниговский 53, 100, 124, 143, 285, 349–350, 355, 357, 375, *476*
Мстислав Владимирович Великий, в. Всеволода Ярославича, кн. Киевский 10, 114, 130–131, 171, 180, 189, 322
Мстислав Изяславич, в. Ярослава Владимировича 101
Мстислав Изяславич, в. Мстислава Великого, кн. Волынский 336
Мстислав Ростиславич, в. Юрия Долгорукого 509
Мстислав Святополчич, в. Изяслава Ярославича, кн. Волынский 101
Мусин А. Е. *115*
Мусин-Пушкин А. И., гр 153
Мухаммад, ширваншах 72–73, 147, 231, 300
Мюллер Л. *14–15, 36, 38, 44, 46*, 48–49, 160, 224, 250, *252*, 256–258, 261, 267, *407*

Назаренко А. В. *5–6, 8*, 57, *63, 69–70, 89*, 96–*101*, 108, 114, *123*–124, 128, 137, 142, *146, 175, 223*, 233, *241, 244*, 258, *260*, 262–*263, 327, 340, 343, 346*, 350, 355–*356*, 359–*360, 363, 374*, 376–379, 397, 409
Назаренко В. А. *384*
Наливайко Р. А. *107*
Насонов А. Н. *17, 30*, 54–55, 80, *105, 129, 131*
Нестор преп. 11, 15, 46–48, 74, 91, 148, 160, 169, 173–174, 176, 251, 255, 259, 267, 281, 321, 345, 353, 358, 374, 377, 402, *434*
Неофит, еп. Черниговский 341
Никита Готский св. 341
Никита, свят. Новгородский 343
Никита, еп. Белгородский 336, 341
Никитенко А. В. 99–*100*
Никифор, патр. Константинопольский 19
Никифор II Фока, имп. Византии 40, 69, 118, 120, 137, 232, 234–236, 240–242, 275–277
Никифор Каллист 324

Николаев В. *322*
Николай Мистик, патр. Константинопольский 305, 327
Николай Хрисоверг, патр. Константинопольский 3, 199, 204–205, 222–223, 227–228, 305, 326–327, 329
Николай I, папа римский 217
Никольский Н. К. 12, *80*, 92, 152, 161, 168–*169*, 184–*185*, 189, 191, 193, 195, 201–202, 211, 247, 268–269, *281*, 312, *331*, 401, *404*, *473*
Никольский С. Л. 131, *214*
Никон, игумен Печерский 17, 251, 255, 267
Новикова О. Л. 335
Новосельцев А. П. 66, 72–*73*, 117–118, *146*, *230–231*, *287*, *301*, 308
Ной 251
Носов Е. Н. *140*, *333*, *382–383*
Нунан Т. *66*, *115–116*, *219–220*, *300*, *374*, 381

Оболенский Д. Д. *229*, 238, *281*, *372*
Оболенский М. А. 408
Одд, с. Снорри 388–389, 391–396
Олав св., с. Харальда Гренландца, кон. Норвегии 102, 113, 357, 381, 388, 400
Олав, с. Трюгви, кон. Норвегии 133, 350, 358, 369, 381, 387–396
Олав Шётконунг, с. Эйрика Победоносного, отец Ирины-Ингигерд, кон. Швеции 359, 381, 388
Олдрих (Андрих), с. Болеслава II, кн. Чешский 78, 368
Олег, кн. Киевский 18, 20–25, 107–108, 115, 119, 241, 264, 291, 366,
Олег Святославич, в. Игоря Рюриковича, кн. Древлянский 26, 57–58, 61–63, 111, 115, 118–119, 121, 123–127, 425, 432, *434*, 511
Олег (Хельги), воевода 284, 291–292, 474
Оленин А. Н. 154
Ольга-Елена св. равноап., кн. Киевская 5, 10, 20–21, 24–26, 28, 33, 45, 52, 54–55, 80–82, 84–87, 104, 108–115, 118, 134, 136, 139, 150–151, 153, 159–161, 174–176, 180–181, 195–197, 201, 204, 211, 213, 222–224, 227, 233–234, 246, 251, 255, 264, 294, 315, 327, 339, 342–343, 346–347, 357, 389, 404, 417–418, 421, 424, 426–427, 429, 431, *433*, 447, 451, 456, 462–463, 465, 467, 485, 490, 493, 497–500, 509–510
Оттон I, с. кор. Генриха I, имп. Римский 123, 223, 240, 327, 346, 380, 392
Оттон II, имп. Римский, с. предыдущего 108, 123, 135, 137, 142, 234, 241, 392
Оттон III, имп. Римский, с. предыдущего 143, 233, 240, 361, 392

Павел, ап. 37, 87, 165, 190, 195, 205, 405, 407, 417, 426, 437, 439, *440*, 442, 444, 449, 453, 478, 481, 492, 494–495
Павлов А. С. *215*, *269–270*, 330
Павлова Р. *180*
Панкратова Н. П. *10*, *322*
Парамонова М. Ю. 89, *401*
Перетц В. Н. 198–199
Петр, ап. 165, 372, 405, 437, 439–*440*, 437, 439–*440*, 442, 444, 449, 453, 459
Петр, свят. Московский 309
Петр Могила, митр. Киевский 31, 43, 139, 341, 508
Петр, с. Симеона, царь Болгарии 118, 120, 236, *262*, 349, 351–352, 400
Петр Дамиани 135, 259
Петренко В. П. *335*, *369*
Петров А. В. *374*
Петров Н. И. *146*, 262–*263*

Петрухин В. Я. *5, 18, 22, 70, 117, 138, 231–232, 249, 342, 344–345*, 348, 353, *358, 370, 375, 407*
Пиккио Р. 317, 345
Пичхадзе А. А. *9, 176, 182, 264*
Плетнева С. А. *72*
Подскальски Г. *34, 84, 86, 90*, 153, 166, 185, 191, 200, *269*
Позвизд, с. св. Владимира 100, 285, 349, 352, 356, *476*
Полубояринова М. Д. *70*
Поликарп, мон. 339
Понырко Н. В. *270*
Поп Р. *202*
Попов А. Н. 189, *270, 304, 331*
Поппе А. *34*, 40, *57, 60, 68–69*, 74–76, 166, *215*, 228, 237–*238*, 256, 261, *270, 273, 275*, 283, 304–305, 322–326, *330*, 332, *337, 340–341, 343*, 353, 363, 377, *406*
Предслава, д. св. Владимира 359
Претич, воевода 118
Приселков М. Д. 9, *14–15, 17*, 30, 34–*35, 39, 52*–53, 67, *91*, 130, 228, 284, 304, 323, 351–352, 399, 407
Прицак О. *5, 72, 310*
Прозоровский Д. И. 111
Пропп В. Я. *132–133*
Прохоров Г. М. *29*–30, *104–105, 131, 157, 214*, 313, *328*
Пушкарев Л. М. 159
Пятышева Н. В. *291*

Рагнар Лодброк, кон. Дании 384–386
Радбард, кон. Гардов (Руси) 385–386
Рандвер, с. Радбарда 385
Ранчин А. М. 27, 298, *407*
Рапов О. М. *37*, 57, *110, 126, 135, 141, 216, 229*, 279–281, *330*, 336–337, *355*, 361
Раппопорт П. А. *365*
Ревелли Дж. 509
Регель В. 225, *252, 318, 328*
Рейнберн, еп. Колобжегский 97, 362–363, 398
Римберт св. 380, *381*
Ричард I, с. Генриха II, кор. Англии 360
Роберт, с. Гуго Капета, кор. Франции 238
Ровоам, с. Соломона, царь Иудеи 245
Рогволод, кн. Полоцкий 26, 128–131, 293, 295, 511–512
Рогнед, д. Рогволода 26, 58, 79, 111, 128–131, 138, 199, 285, 289, 293–296, 338, 349, 356, 358, 374, 390, *476*, 508–512
Рогов А. И. *43*
Рождественская М. В. *47*
Рождественская Т. В. *44, 58*, 79, *89*, 347, *357*
Рожер II, кор. Сицилии 148
Рожнецкий С. 146
Розен В. Р. 60, *68, 99, 232*, 237, *238, 272, 274–279, 324*
Розов Н. Н. *36*–37, *39*, 158, 203
Роман I Лакапин, имп. Византии 21–22, 25
Роман II, с. Константина VIII, имп. Византии 40, 222, 234–236, 240, 316, 352, 504
Роман, с. Петра, царь Болгарии 136, 260, 349, 352
Ромодановская В. А. *9, 176, 182, 264*
Ромодановская Е. К. *9, 176, 182, 264*
Ростислав Мстиславич, в. Владимира Мономаха, кн. Смоленский и Киевский 337
Рохлин Д. Г. *353*
Руди Т. Р. *336*
Русанова И. П. *433*
Рыбаков Б. А. *23*, 54, *132, 138, 139, 264, 336*
Рыдзевская Е. А. *122, 131*, 137, *358*, 395–397

Рыков Ю. Д. *322*
Рюрик, кн. Новгородский 18, 20, 23, 109, 119, 140, 218–220, 315, 381, 384, 391, 462, 467
Рюрик Ростиславич, в. Мстислава Великого, кн. Смоленский и Киевский 139, 337
Рябинин Е. А. 219, 382

Савва св. 312
Сагайдак М. А. *136, 146, 263–264*
Саксон Грамматик *384*, 386
Саманиды, династия правителей Средней Азии 119, 301, 308
Самойлов К. Г. *140, 335*
Самуил Комитопул, царь Болгарии 7, 67, *69*, 146, 236, 260, 272, 324–325, 348–349, 351–352, 400
Сарабьянов В. Д. 219, 382
Сахаров А. Н. *63, 117–119, 264, 301*
Свен Вилобородый, с. Харальда Синезубого, кон. Дании 359, 380, 388, 390–392
Свен, с. Эстрид и ярла Ульва, кон. Дании 395
Свенельд, воевода 24, 111–112, 121–122, 125–126
Свердлов М. Б. *5*, 40–*41, 47*, 57–*58, 96–97, 108, 114, 123, 125*–126, *128, 143, 223, 229, 231, 241, 259, 327, 343*, 355, 359, *361, 363–365, 370, 372, 374*, 376, *379, 397, 409*
Святополк Изяславич, в. Ярослава Владимировича, кн. Киевский 11, 101, 178, 338
Святополк Ярополчич, в. Игоря Рюриковича, кн. Киевский 40, 53, 79, 89, 96, 97, 100, 103, 137–138, 144, 173, 185, 192, 342–343, 349, 351, 353, 355, 359, 362–364, 369–374, 376–379, 397–398, 401, 409, *432, 440*, 465, 469, *476*
Святослав, с. св. Владимира, кн. Древлянский 100, 124, 143, 285, 349, 350, 374, 377, *476*
Святослав Всеволодович, в. Олега Святославича, кн. Киевский 139, 337
Святослав Игоревич, в. Рюрика, кн. Киевский 20–21, 25, 27, 56–57, 60–65, 68, 70–72, 80–81, 90, 107–122, 134, 139, 143, 161, 174, 202, 204, 222, 229, 233, 236, 264, 282, 287, 300–302, 315, 347, 356, 386, 418, 426, 425, 432, 438, 443, 447, *500*, 510–511
Святослав Ярославич, в. св. Владимира, кн. Черниговский и Киевский 173, 215, 347
Седов В. В. *140*, 142, 361
Седых В. Н. *226*
Семенченко Г. В. *214, 329, 340*
Сендерович С. *40, 43, 48*, 114
Сениус, кн. Белозерский, брат Рюрика 109
Сеник С. 106, 368
Сергий II, патр. Константинопольский 199, 227, 330, 341
Сергий, архим. 177
Серебрянский Н. И. *12*, 80, 86, *91*, *168–169, 174–175, 180*–184, 188, 190, 192–193, 195–198, 200, *259*, 284, 290, 294, 296, *304, 337*, 399, 412, 414
Серегина Н. С. *11, 92, 179, 206*, 211–212, 403, 406
Сигрид Гордая, кор. Швеции, затем Дании 358, 374
Сигурд Кольцо, норвежский конунг, отец Рагнара Лодброка 385
Сигурд, дядя кон. Олава, с. Трюгви 387, 389
Сигурд-ярл 392
Сидор Киприанов 154–157
Сильвестр, игумен Выдубицкий и еп. Переяславский 13–15

Симеон, с. Бориса-Михаила, царь Болгарии 67, 70, 215, 244, 260–261, 268
Симеон Логофет 19, 23, 217, 220–222
Симон, еп. Владимира-на-Клязьме 339–340
Симон Азарьин, келарь Троице-Сергиевой лавры, владелец рукописи 508
Сиренов А. В. 197
Сисиний, патр. Константинопольский 233, 305, 326
Скиацца Ф. *147*, 351
Склир Варда 60, 69, 222, 236, 238, 240, 272–273, 276, 278, 282
Славнитский М. *11*, 206–208, 210–211, *403*, 416, *497*
Смирнов В. Я. *43*
Смирнова Э. С. *101*
Смит А. 381
Снорри Стурлусон *102, 113, 127, 138, 243, 357, 369*, 381, 386, 388–394
Со Сон Джонг *177*
Соболевский А. И. 12–13, *44*, 54, 81–82, *91*, 150, 152–*154*, 160–*162, 168*, 183–188, 191, 198, 203, 227, *255*, 279–280, 284, *308–309*, 330
Соколов Б. М. *131*
Соколова И. В. *306*
Соломон, пророк 99, 114, 244–245, 466, 470
Сорочан С. Б. *300*
Сотко Сытинич, новгородец 344
Сотникова М. П. *119, 138*, 370–371, *377*
София Палеолог, жена вел. кн. Ивана Васильевича 368
Спасский И. Г. *370*
Сперанский М. Н. *181, 304*
Срезневский Вс. И. 153–154, 157, 191, *404*
Станислав, с. св. Владимира, кн. Смоленский 79, 100, 173, 285, 349, 352, 355, 375
Степанос Таронский (Асохик) 68, 240, 243, 274–275, *278*, 325–326, 352
Стефан Сурожский, свят. 308–311
Стефан св., кор. Венгрии 78, 368, 400
Стефан, еп. Болгарский 217
Стефан, игумен Печерский, еп. Волынский 341
Стрыйковский М. 32
Судислав, с. св. Владимира, кн. Псковский 79, 100, 285, 349, 352, 355, 375, *476*
Сфандр, жена Улеба 291
Сфенг, родич св. Владимира 357
Сюзюмов М. В. 277

Талис Д. Л. 299
Тангбранд, священник 395
Таронит 275
Татищев В. Н. 67, 110–111, 135, 226, 260, 334–335, 352, *356*, 361
Творогов О. В. *18, 20–21, 193, 314*
Теодорик, норвежский хронист 388–389, 391, 395
Тертуллиан 227
Тимофей, ап. 166, 417, 426
Тимофей пономарь, писец 171, 177
Тимощук Б. А. *433*
Титмар, еп. Мерзебургский 79, 96–100, 114, 123, 240, 244, 259, 342–343, 352, 355, 358–359, 362–364, 375–377, 391, 397–398, 409, *434*
Тихомиров М. Н. 54, 80
Толочко А. П. *32, 260, 334, 352*
Толочко П. П. 139, 216, 279, 399
Толстой И. И. *372*
Толстой Н. И. *138*
Топоров В. Н. *138*
Торвальд, с. Кодрана 295, 395
Торир Клакка 393
Торольв Вшивая Борода 133, 387

Трендафилов Х. *51, 248*
Трувор, кн. Изборский, брат Рюрика 109
Трюгтви, с. Олава, норвежский конунг 387
Турилов А. А. *37*, 146–147, 168, *244, 269–270, 322–323, 347*–348, *400, 502*
Тюри, д. Харальда Синезубого, жена кон. Олава, с. Трюгтви 388

Ужанков А. Н. *36*
Улита св. 154, 158–159, 207–210, 212, 404, *478–479*, 497
Ульянов О. Г. *323*
Упырь Лихой, поп и писец 133, 347
Усачев А. С. *32*, 162, 197–198, 203–205, *227, 327*
Успенский Б. А. 402
Успенский Ф. И. *114, 131*

Фатимиды, халифы Египта 232
Феодор-варяг св. 144–146, 262, 501–502
Феодор, митр. Севасты Армянской 324
Феодор, еп. Ефесский 306, 326, 328
Феодор, еп. Иконийский 157
Феодор, еп Ростовский 227, 340–341
Феодора, имп. Византии, жена имп. Феофила 20, 217, *506*
Феодосий Печерский преп. 11, 14, 53, 92, 168–170, 174–176, 178, 181, 340, 345
Феодосий, редактор Патерика 201–203
Феодот Прусанов, заказчик рукописи 172
Феопемпт, митр. Киевский 115, 215–216, 322–323, 332
Феофано, имп. Византии, жена имп. Романа II и Никифора II Фоки 40, 235
Феофано, имп. Римская, жена имп. Оттона II 233
Феофил, адресат ап. Луки 417–418, 426
Феофил, еп. Евхаитский 121
Феофил, с. Михаила II Травла, имп. Византии 218, 268, 300
Феофилакт, митр. Севасты Армянской, затем Киева 304, 324–326, 328
Фет Е. А. *169, 171*, 177
Филипп, ап. 405
Флоря Б. Н. *124, 244, 246, 269, 279, 312, 322, 347, 400, 407*
Фока Варда, с. Льва 60, 69, 75, 222, 236–238, 240, 243, 272–276, 278, 281, 288
Фока Лев, брат имп. Никифора II, отец Варды 236
Фока Лев, с. Варды 276
Фока Никифор, имп., см. Никифор II Фока
Фока Никифор, с. Льва, брат Варды 275
Фока Никифор, с. Варды 275–276
Фома, ап. 405
Фома, еп. Туровский 338
Фома, еп. Ростовский 340
Фотий св., патр. Константинопольский 5, 23, 32, 39, 106, 109, 166, 175, 213–214, 216–228, 234, 305, 326–330, 341, 366, 380, 404
Фотий, митр. Киевский и всея Руси 29
Франклин С. *51, 117, 219*, 247, 251, *381*
Фроди, с. Фридлейва, кон. Дании 384
Фроянов И. Я. *129, 132, 141, 216*

Хагланд Я. Р. 389–*390*
Хакон, с. Сигурда ярл Хладира 369, 392–393
Халанский Г. М. *200*, 284, 291
Халиков А. Х. *70*
Хальвдан, с. Боркара, отец кон. Харальда Зуба Битвы 386
Халльфред Трудный Скальд 392–394
Харальд Гренландец, с. Гудреда, мелкий норвежский конунг 357
Харальд Зуб Битвы, кон. Дании и Норвегии *310*, 385–386
Харальд Синезубый, с. Горма Старого, кон. Дании 380, 392

Хлодвиг Меровинг, кор. франков 399
Хорошев А. С. *10, 402*
Храбр Черноризец 314, 317
Хрёрек, кон. Дании 385
Хринг, кон. Дании *310*, 385–386
Хрисохир, родич св. Владимира 355, 357

Щула Георгий *231*, 357

Черепнин Л. В. 54, 80
Чичуров И. С. *34, 270, 322, 407–408*
Членов А. М. *111*
Чой Ч. Х. *195*

Шаровольский И. *382, 386*
Шахматов А. А. *6, 9*–10, 14–19, 22, 27–31, 50, *52–55*, *57*–58, *63*, 67, *70–71, 76–81, 86*, 93–*101*, *105*–107, 111–112, 121, 126, 128, 130–132, 142, 146, 152, 161–163, 181–191, 195–198, 200–203, 245–*252*, 256, 262, 267, *280*, 284–285, 288, 290, 294, 304, 308, 323, *340*, 356, *366*, 375, 411–412, *508*
Шепард Д. *117, 219*, 381
Шестаков С. П. 190
Шихберн, посол 291
Шрайнер П. *235*, 253, *353*, 355
Шрамм Г. *11*

Щавелев С. П. *116*
Щавелева Н. И. *106, 121, 379*
Щапов Я. Н. *34*, 83, *105*, 153, 214, *223, 269, 304, 322*, 325, 327, *337–338*, 340, *342*, 344–345, 508

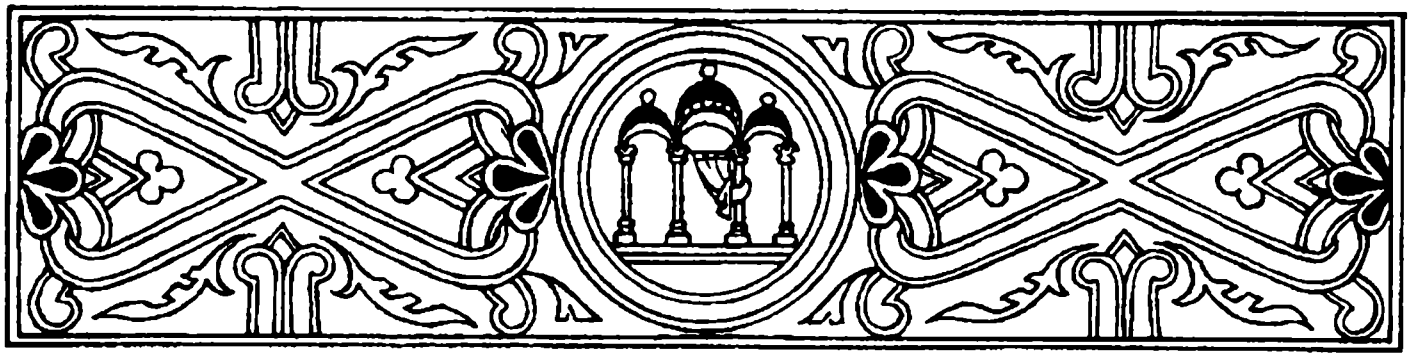
Эббон, архиеп. Реймсский 380
Эймунд, с. Аки 358
Эйнар Звон Весов, скальд 392–393
Эйрик Победоносный, с. Бьёрна, кон. Швеции и Дании 358, 380, 391
Эйрик ярл, с. Хакона, Хладирского ярла 79, 369, 396
Эмин Н. *240*
Эстрид, д. Свена Вилобородого 359

Юдин Ю. А. *132*
Юрасов М. К. *142*, 361
Юрий Ярославич, в. Святополка Изяславича, кн. Туровский 178

Ян Святославич, в. св. Владимира 359
Янин В. Л. *7–8, 58, 66*, 119, *138, 140, 334*–335, *345, 347*, 359, *371*, 402
Яромир, с. Болеслава II, кн. Чешский 78, 368
Ярополк Владимирович, с. Владимира Мономаха, кн. Переяславский 132
Ярополк Изяславич, в. Ярослава Владимировича, кн. Волынский 101, 263
Ярополк Ростиславич, в. Юрия Долгорукого 509
Ярополк Святославич, в. Игоря Рюриковича 26, 31, 57–63, 74, 90, 94, 96, 101, 106, 111, 115, 118, 121–129, 133–137, 144, *146*, 161, 235, 263–264, 274, 281, 285, 350, 366, 368, 398, 425, 432, *434*, 511
Ярослав, с. св. Владимира, кн. Новгородский и Киевский 9, 33–36, 40–42, 46, 52, 58–59, 62, 74, 79, 91–92, 96, 99–103, 112, 115, 126, 128, 131, 137, 144, 149–150, 166, 172–173, 180, 205, 216, 139, 285, 291–293, 322, 331, 333, 336–338, 340, 342, 346, 349–350, 353–359, 362–364, 368–369, 373–379, 398, 401, 403, 405, *432*, 508, 512
Ярослав Изяславич, в. Мстислава Владимировича Великого, кн. Луцкий 178
Ярослав Святополчич, в. Изяслава Ярославича, кн. Туровский 178

Ярослав Юрьевич, в. Ярослава Святополчича, кн. Пинский 178
Яхъя Антиохийский 60, 68, 75–76, 99, 237–239, 244, 260, *261*, 273, 275–279, 352

Arranz M., см. Арранц М.
Arrignon J-P., см. Арриньон Ж.-П.
Ficcker G. *321*
Folz R. *89*
Franklin S., см. Франклин С.
Goldblatt H., см. Голдблатт Х.
Hagland J. R., см. Хагланд Я.
Hanak W. H. *99*
Ingham N. *401*
Koestler A., см. Кёстлер А.
McGeer E. *241*
Mc Turk R., см. Мак-Турк Р.
Müller L., см. Мюллер Л.
Noonan T. S., см. Нунан Т.
Picchio R., см. Пиккио Р.
Poppe A., см. Поппе А.
Pritsak O., см. Прицак О.
Regel W., см. Регель В.
Sciacca F., см. Скиацца Ф.
Senyk S. A., см. Сеник С.
Smyth A. P., см. Смит А.
Ševčenko I. *360*
Soloviev A. *291, 357*
Thomson F. J. *7, 68, 124, 147, 216, 261, 323, 330, 350–351*
Treadgold W. *218*
Trunte H. *51, 248*
Vinston M. P., см. Винстон М.
Vodoff V., см. Водов В.
Wasiliewski T. *20, 23*
Zuckerman C. *23, 220*



Этногеографический указатель

Авидос, г. 273, 276, 278, 281, 288
Азия Малая 165–166, 437, 439, *440*, 442, 444, 449, 453, 459
Азовское море 301, 308
Алания 215
Александрия Египетская, г. 166, 437, 439–*440*
Альта, р. 53
Амастрида, г. 218
Аму-Дарья, р. 116
Англия (Энгланд) 387–388, 392–394
Антиохия, г. 165–166, 232, 238, 240, 272, 277, 324, 437, 439–*440*, 442, 444, 449, 453, 459
Арабский халифат 5, 66, 301, 382
Аральское море 69
Армения 326
Атлантический океан 288

Багдад, г. 116, 236
Балканы 361
Балтийское море 66, 69, 115, 125, 127–128, 275, 288, 350, 381–382
Белгород, г. 61, 76–77, 337, 343, 365–366, 474
Белобережье (Черного моря) 286
Березань, о. 286
Берестье (Брест) , г. 363, 375
Блатенское княжество 250
Бирка, г. 382–383
Болгария Волжская, болгары волжские 5, 27, 55, 61, 64, 67, 69–71, 116–117, 146–147, 186, 220, 229–230, 245, 252, 300–301, 351, 367, 424, 431, 446, 450, 456, 462
Болгария Дунайская, болгары дунайские 7, 9, 26, 60, 64–65, 67–70, 79–80, 117–120, 123, 138, 147, 217, 234–236, 242–243, 249–250, 272, 288, 303, 316, 323, 325, 348, 351, 404
Боспор Киммерийский, см. Керчь
Босфор, пр. 273, 275
Брегальница, р. 249
Буг Западный, р. 142, 341, 373
Бужане (волыняне) 142, 144
Булгария Черная (черные болгары) 65, 72, 288
Бухара, г. 116

Вавилон, г. 367
Василев, г. 28, 78, 95, 214, 281, 307, 343, 365, 508
Венгрия, венгры, угры 10, 142–*143*, 303, 367
Вендланд (Виндланд), венды 387, 390
Венгрия 400
Веррия, г. 278–281
Византий, см. Константинополь

Византия (Восточная Римская империя), греки 6–7, 9, 21–22, 27, 31, 40, 59–63, 65–69, 74, 79, 106, 118–121, 125, 144, 218, 232–236, 244–245, 252–253, 258, 275–278, 286, 301–304, 308, 313, 315, 323, 366, 372, 379, 387, 395, 399, 405–406, 446, 449, 452, 456, 459, 462, 498, 505
Владимир Волынский, г. 335–336, 341, 374, 377
Владимир-на-Клязьме, г. 199, 339, 341, 352, 475
Волга, р. 65–66, 69, 72–73, 115–117, 128, 146–148, 219, 230, 286, 295, 300, 301, 308, 351
Волин, г. 383
Волхов, р. 113, 140–141, 219, 332–333, 344
Волынь 338, 364, 374, 398
Волыняне, см. бужане
Вручий, см. Овруч
Вышгород, г. 53, 173, 342, 378
Вятичи 55, 61, 64, 115–117, 125, 143–144, 423, 431

Галицкая земля 143
Гамбург, г. 218
Гераклея Понтийская, г. 166
Германия 27, 98, 186, 234, 239, 259, 446, 456, 462,
Гнезно, г. 400
Гнездово, с. 219
Горынь, р. 372
Готланд, о. 381
Готы крымские 301
Греки, см. Византия
Греция 166, 437, 439, 442, 444, 449, 453, 459

Дамаск, г. *497*
Дания 127, 380, 384–386, 389, 391–393
Дарданеллы, пр. 273
Двина Западная, р. 128, 129, 295
Дербент, г. 72–73, 147, 287
Десна, р. 115
Джурджан (Ургенч), г. 116, 220
Днепр, р. 53, 65, 69, 118, 128, 164, 199, 203, 261, 264–266, 286, 295, 307, 407, 440, 448, 452, 455, 458, 464, 468
Днестр, р. 65, 69, 118, 142, 219, 307, 310, 361
Дон, р. 69–70, 116, 301, 308
Дорос (Мангуп), г. 301
Доростол, г. 25, 80, 120–122
Древляне, Древлянская земля 24–25, 109, 119, 121–125, 127, 337–338, 374–375, 378, 511
Дреговичи 142, 144, 364, 375
Дулебы 142
Дунай, р. 63, 65, 69, 70, 118–122, 202, 314

Европа 344, 399
Евфрат, р. 275
Египет 165, 232, 267, 437, 439, *440*, 442, 444, 449, 453, 459
Ефес, г. 165–166, 405, *440*, 442, 444, 449, 453

Зихия, г. 301

Иераполь, г. 405
Иерусалим, г. 39, 86, 166, 193, 232–233, 245, 295, 317, 367, 395, *440*, 465, 470, 504–505
Израиль 317, 320, 484
Иллирия 407
Ильмень, оз. 332, 383
Индия 405
Ирландия 394
Искоростень, г. 25
Исландия 295, 388, 395–397
Италия 233
Итиль, г. 117

Йомсборг (Юма), г. 127, 383, 390

Кавказ 301
Казанское ханство 367
Каппадокия 40
«Карельские заливы» 385
Карасу, р. 311
Карпаты 360
Касоги (черкесы) 301
Каспийское море 65–66, 69, 72, 116, 148, 219–220
Каттегат, пр. 381, 384
Керченский пр. 308
Керчь (Корчев, Боспор), г. 118, 120–121, 302, 308–311
Кесария Каппадокийская, г. 402
Киев, г. 5, 7, 13, 18–20, 22–26, 28, 41–42, 46, 53, 56–59, 61–63, 71, 79, 90, 92, 94–97, 113, 115, 117–119, 121–122, 125–129, 133–137, 143–145, 148, 161, 168, 187, 193, 200, 211, 214, 219, 221, 232–233, 237, 244, 254, 256–258, 261–268, 292, 299, 307, 317, 321, 337, 341–344, 347–349, 356, 363–365, 373–377, 390, 393, 398, 407–409, 423, 425, 430, 432, *434*, 436, 438, 454, 456–459, 464–465, 468, 470, 475, 492, 495, 501, 505, 511
Колобжег, г. 362
Константинополь (Византий, Царьград), г. 18–25, 82, 86, 108, 110, 122, 137, 146, 166, 174–175, 186–187, 195, 214–217, 219, 221–223, 225–226, 239, 254, 256, 273–275, 279–280, 283–284, 294, 300, 314, 320, 324, 341, 418, 424, 426, 431, *440*, 446, 450, 456, 462, 492, 495, 498, *500*–501
Корсунь, см. Херсонес
Корсунь на Роси 279, 280
Корчев, см. Керчь
Краков, Краковская земля 124, 360, 361
Кривичи 20, 129, 288
Крит, о. 221, 232, 241
Крым (Таврида), п-ов 8, 56, 256, 268, 283, 286, 289, 294, 300–302, 304, 307, 308, 321

Ладога (Альдейгья, Альдейгьюборг), г. 24, 113, 219, 335, 369, 382–384
Ладожка, р. 335, 384
Лаодикея, г. 379
Латвия 381
Литовцы 144
Любеч, г. 292
Лютичи 144
Ляхи, см. Польша

Мазовшане 144, 364
Македония 348
Малая Азия 379, 391, 405
Масковичи, с. 296
Меря 20
Месопотамия 23
Моравия, мораване (Морава) 225, 227, 234, 249–250, 316, 318, 345, 407, 503–504
Москва, г. 368, 409
Мраморное море 288
Муром, г. 200, 336, 375, 378, 476

Неаполь Скифский, г. 310
Новгород (Хольмгард), г. 7, 16–20, 22, 28, 57–58, 111, 113, 119, 121, 125, 126–128, 135, 138, 140–141, 295, 310, 321, 328, 332–334, 337, 338, 342–344, 346, 356, 358, 374–378, 383, 385, 387, 390, 511
Норвегия 380–382, 387–389, 393–397, 400

Овруч (Вручий), г. 57, 16, 337, 511
Огузы, см. торки
Одер, р. 383
Ока, р. 115–116
Охрид, г. 41, 304, 324, 348

Паннония 250, 316, 407
Париж, г. 218
Перемышль, г. 63, 142, 361, 36 -
Пересечен, г. 24
Переяславль Русский (Южный), г. 28, 56, 62, 76–77, 131, 133, 331, 366–367, 425, 432, *434*
Переславль Залесский, г. 104, 107, 475
Переяславец на Дунае, г. 25
Петербург, г. 334, 380
Печенеги 25, 47, 56, 62, 69–71, 79, 94, 121, 125, 303, 307, 365–368
Пинск, г. 377
Пищанцы 144
Плесков, см. Псков
Поволжье 219
Поволховье 219, 22,
Половцы 367
Полоцк (Палтескья), г. 26, 58, 63, 79, 119, 128–131, 133–134, 200, 294–296, 337, 372, 376, 390, 395, 511
Польша, ляхи 5–6, 63, 73, 107, 124, 142–144, 316, 318–319, 361–363, 367, 400, 504
Польша Малая 142, 361
Поляне 20, 22, 144
Поморье (Балтийское) 362
Помпиуполь, г. 215
Почайна, р. в Киеве 139, 164, 199, 261, 264–266, 288, 436, 438, 442, 444, 448, 452, 455, 457, 461, 464, 469
Псков (Плесков), г. 20, 113, 129, 375
Прага, г. 125, 142, 400
Преслава, г. 120, 122, 323, 345
Припять, р. 142, 374
Пруссы, Пруссия 47, 135, 144, 400
Прут, р. 65

Радимичи 55, 61, 64, 143–144, 423, 431
Рибе, г. 384
Рим, г. 31–32, 106–107, 125, 166, 225, 245, 250, 254, 312, 316, 367–369, 400, 405, 408, *434*, 437, 439–*440*, 442, 444, 449, 453, 459, 465, 470, *473*, 504
Родень, г. 63, 134
Родос, о. 232
Ростов, г. 336, 338–341, 374, 375, 377–378
Рось, р. 279
Русь (росы, Россия), Русская земля (Гардарики) 5–9, 13, 17, 20–27, 30, 33, 35, 43–45, 65, 68, 80, 82–84, 90–91, 107–110, 114, 116, 121, 123, 136, 140–141, 149–150, 154, 165–166, 198, 214–241, 177, 179, 215–244, 247, 251, 254, 259, 280, 303, 307, 310, 314–324, 326–329, 331, 333, 345, 348, 357–358, 361–374, 379–381, 384–385, 387–396, 400–402, 405–410, 417–421, 426–429, *434*–435, 437–438, 444–446, 449, 450, 453, 459, 462, 465–467, 470, 474, 481, 484, 487, 489, 492–493, 495–496, 498, 502–505, 510

Сардика (София), г. 236, 272
Свельд, о. 388, 396
Севаста Армянская, г. 304, 324–326, 328
Севастополь, г. 302
Северное море 388, 390
Северяне 144
Сейм, р. 115
Сербия 316
Сигтуна, г. 359
Синай, гора 316, *434*
Скагеррак, пр. 381, 384
Скандинавы 5
Сканей (Сконе) 386
Словене новгородские 129, 288
Смоленск, г. 129, 173, 219, 335–336, 375, 509
Сож, р. 144
Средиземное море 288

Стрый, р. 142
Стугна, р. 508
Стырь, р. 142
Суздаль, г. (Суздальская земля) 336, 475
Сурож (Сугдея, Судак), г. 308–311
Сюллинги (Силли), о-ва 386–387, 392, 395

Таврида, см. Крым
Таманский п-ов 288, 301–302, 308
Тао (Тайк) 240, 243, 275, 304
Тарон 241, 243, 275
Тиверцы 310
Тимерево, с. 219
Тмуторокань (Таматарха), г. 73–74, 118, 121, 143, 148, 267, 268, 287, 301, 308, 350, 375
Торки (узы, огузы) 69–70, 148
Трапезунд, г. 237, 275
Туров, г., Туровская земля 173, 178, 262–263, 337–338, 364, 374–375, 398, 404, 508

Угры, см. Венгрия, венгры
Узы, см. торки
Уличи 24, 122, 311
Украина 150, 313
Уппсала, г. 386

Финский залив 381
Фландрия 388
Фрисландия 388

Хазария, Хазарский каганат, хазары 5, 22, 27–44, 47, 56, 61, 64–65, 70, 72, 115–118, 121, 146, 230–232, 245, 300–302, 308, 312, 315, 424, 431
Халеб (Алеппо), г. 324
Херсонес (Херсон, Корсунь), г. 27–28, 44, 47, 56, 59–61, 65, 68, 73–76, 88–94, 97–98, 120–121, 148, 151, 161, 164–165, 183, 186–187, 190, 192, 195–196, 198, 200–204, 227, 229, 235, 238–239, 243, 246–247, 255–261, 264, 267–268, 274, 277–312, 316–321, 328, 332, 338, 342, 352, 374, 403, 407–408, 424–425, 431–432, *434*–435, 438, *440*–441, 443, 447–449, 451–453, 457, 459, 461, 463, 465, 468, 469, *471*, 474–477, 486, *497*, 503–504
Хорватия 350
Хорваты (карпатские) 62, 76–77, 124, 143, 350
Хорваты (балканские) 70
Хорезм 73, 147, 220, 230, 239, 308
Хрисополь, г. 236–237, 273, 275–276, 281

Царьград, см. Константинополь

Червен, Червенские города 61, 63–64, 123, 142, 143, 350, 361–362, 364
Чернигов, г. 115, 356–357
Черное море 63, 66, 120–122, 148, 218, 273, 286, 302, 308
Чехия, чехи 120, 123–124, 127–128, 142–143, 316, 318–319, 345, 348, 350, 361, 367, 400, 504
Чорох, р. 275
Чудь 20, 129

Швеция 359, 380, 381, 385–386

Эстония (Эстланд), эсты 381–382, 387, 389–390

Ярославль, г. 219, 336
Ясы (осетины) 118, 301
Ятвяги 55, 61, 64, 144, 424, 431

Перечень рукописей, использованных при подготовке издания[1]

«Память и похвала» Иакова Мниха

В составе цикла

БАН 24. 4. 41 (копия Ермолаевской копии), нач. XIX в.

ГИМ Син. 996, Великие Минеи Четьи, июль, 1546 г.
Син. 182, Великие Минеи Четьи, июль, ок. 1553 г.

РГАДА ф. 187 (рук. ЦГАЛИ), № 41, XVI в.

РГБ ф. 173 (МДА), № 198, XVI в.
ф. 98 (Ег.), № 637, 1470-е гг. (без Илариона)
ф. 209 (Овч.), № 539, XVI в.

РНБ Сол. 518/537, «Минея новымъ чудотворцамъ» 1494 г.
Сол. 830/940, XVI в.
F. 1. 295 (Ермолаевская копия сб. Матвея Кусова (Мусин-Пушкинского) 1414 г.), нач. XIX в.
Соф. 1424, XVI в.
Соф. 1323, Великие Минеи Четьи, июль, 1538 г.

Отдельные списки

ГИМ Чуд. 305/3, Синаксарь, XVI в.[2]

РНБ Пог. 829, Сборник, нач. XVII в.

Краткая редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (Древнее житие)

В составе цикла со 2-й редакцией Проложного жития 2-го вида

РГБ ф. 256 (Рум.), № 434, XVI в.
ф. 304 (Тр.), № 792, 1572 г.

---

[1] Для издания рукописи изучены в оригинале или по фото- и электронным копиям.

[2] *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980.

РНБ F. I. 257, 1530-е гг.
Пог. 949, 1-я пол. XVI в.
Соф. 1419, XVI в.

Отдельные списки

РГБ ф. 138, № 16 (указан А. С. Усачевым)
РНБ Соф. 1529, 1520-е гг. (без конца)

Проложное житие

1-й вид

Прологи 2-й редакции

БАН 21. 6. 1, XVI в.
33. 2. 7, XVI в.
33. 2. 8, XVII в.
33. 13. 12, XVI в.
33. 16. 11, XVI в.
34. 2. 2, втор. пол. XVI в.
34. 7. 7, 1607 г.
(Арханг.) Д 100, 1450-е гг.
Ник. 263, сер. XV в.
РНБ ПДА, А 1/264, 2, 2-я пол. XIV в.
Пог. 603, кон. XV в.
Пог. 607, XVII в.
Пог. 615, 1452–1462 гг.
Пог. 620, 1-я четв. XVI в.
Пог. 624, 1521 г.
Сол. 705/813, XVI в.
Соф. 1344, XVI в.
Соф. 1352, кон. XV в.

Прологи смешанной редакции

Пог. 602, кон. XV — нач. XVI в. (правлен по 1-й ред.)

Минеи, Торжественники, сборники

РНБ Q. п. 1. 63, XIII в.
Анз. 63/1429 (Сол. собр.), XVI в.
Пог. 797, сер. XVI в.
Пог. 947, Златоуст, нач. XVI в.
Соф. 1364, нач. XVI в.

2-й вид, 1-я редакция

Прологи 1-й редакции

БАН 32. 1. 11, кон. XV в.
33. 19. 8, 2-я пол. XV в.
(Арханг.) Д. 2, сер. XV в.

ГИМ Син. 240, 1400 г.

РГАДА
Тип. 169 (364), 2-я пол. XIV в
Тип. 170 (365), 2-я пол. XIV в
Тип. 171 (366), сер. XIV в.
Тип. 172 (367), 1383 г.
Тип. 173 (368), 1-я пол. XIV в.
Тип. 174 (363) 1-я пол. XIV в.
Тип. 176 (371), кон. XIV — нач. XV в.
Тип. 177 (372), нач. XIV в.
Тип. 178 (373), все 2-й пол. XIV в.
Тип. 179 (374), 1-я пол. XIV в.
Тип. 180 (375), 2-я пол. XIV в.

РНБ F. п. 1. 47, 2-я пол. XIV в.
F. 1. 723, сер. XVI в.
Пог. 610, 1505 г.
Пог. 616, 1498 г.
Пог. 619, 1603 г.
Пог. 621, 1489 г.
Пог. 633, XVII в.
Сол. 696/804, сер. XV в.
Соф. 1341, 2-я пол. XV в.
Соф. 1342, сер. XVI в.
Соф. 1346, 1-я пол. XVI в.
Соф. 1347, 2-я пол. XV в.

Прологи смешанной редакции

РНБ Соф. 1343, нач. XVI в
Соф. 1348, кон. XVI в.

Минеи, Торжественники, сборники

РНБ Пог. 802, 1-я пол. XVI в.
Пог. 886,

2-й вид, 2-я редакция

В составе цикла см.: «Память и похвала» Иакова Мниха, Краткая редакция.

3-й вид

Прологи 2-й редакции

БАН 31. 2. 15
33. 2. 8, XVII в.
33. 12. 3, сер. XVI в.
33. 12. 14, 2-я пол. XVI в.
33. 16. 7, нач. XVII в.
33. 19. 1, XV в.
ГИМ, Усп. № 3, 1406 г.
РНБ F. 1. 495, XVI в.
Соф. 1345, 1501 г.

Минеи, Торжественники, сборники

РНБ ОР, Соф. 1323, Великие Минеи Четьи, июль, 1538 г.
ГИМ Син. 182, Великие Минеи Четьи, июль, ок. 1553 г.

Остальные виды и редакции Проложного жития указаны А. А. Шахматовым, см.: Гл. 3. 4.

Обычное житие, Краткий вид

БАН 21. 3. 5, сер. XVI в.
21. 4. 7, XVI в.
33. 9. 9, XVI в.
Арханг. Д. 142.
РГБ ф. 228 (Писк.), № 142 (Рум. муз. 577), кон. XV в.
ф. 256 (Рум.), № 436, нач. XVI в.
РНБ Q. 1. 322, 1529 г.
Пог. 798, 1-я пол. XVI в.
Пог. 800, сер. XVI в.
Пог. 805, сер. XV в.
Пог. 807, 1594–1604 гг.
Пог. 816, 2-я пол. XVI в.
Пог. 831, кон. XVII в.
Пог. 957, нач. XVI в.
Пог. 958, кон. XVII в.
Сол. 805/915

Обычное житие, Распространенный вид
1-й и 2-й Распространенный вид см.: Гл. 3. 6.

3-й Распространенный вид (Чудовский)
ГИМ, Чуд. 264/62, XVI в.

4-й Распространенный вид
В составе цикла см.: «Память и похвала» Иакова Мниха

5-й Распространенный вид см.: Гл. 3. 6.

6-й Распространенный вид (Пискаревский)
БАН 31. 6. 26, Торжественник, сер. XVI в.
РГБ ф. 228 (Писк.), № 124, Торжественник, сер. XVI в.
Милютинская редакция
ГИМ Син. 807, Милютинская минея, июль, XVII в.

Московское и Южнорусское жития см.: Гл. 3. 6.

Особое житие
БАН 21.5. 20, XVII в.
Фрагменты в летописце из сборника
РНБ Q. XVII. 72, XVII в.

Служба св. Владимиру
Отдельные стихиры и тропари
БАН 24. 4. 41 копия Ермолаевской копии, нач. XIX в.
РГБ ф. 113 (Волокол.), № 3, XIV в.
РНБ F. 1. 295 Ермолаевская копия нач. XIX в. сборника Матвея Кусова 1414 г. (Мусин-Пушкинского)

1-я редакция
РГБ ф. 304 (Тр.), № 570, XVI в.
ф. 304 (Тр.), № 571, XVI в.
РНБ Сол. 518/537, «Минея новымъ чудотворцамъ» 1494 г.
Соф. 382, сер. XIV в.
Соф. 386, кон. XIV в.
Соф. 209, XV в.
Соф. 362, XV в.
Соф. 363, XV в.

Соф. 364, XV в.
Соф. 365, XVI в.
Соф. 368, XVI в.
Соф. 414, XVI в.
КБ 354/611, XVI в.
ПДА, А1/8, XVI в.

Дополненная 1-я редакция

вид а

РНБ КБ 456/713, XVI в.

вид б

РНБ КБ 453/710, XVI в.

вид в

РГБ ф. 304 (Тр.), № 577, XV в.
РНБ Соф. 401, XVI в.

вид г

РГБ ф. 304 (Тр.), № 568, 1514 г.
ф. 304 (Тр.), № 569, XVI в.
ф. 304 (Тр.), № 578. (выписки)
ф. 304 (Тр.), № 679, нач. XVI в.
ф. 304 (Тр.), № 583, XVI в.
ф. 304 (Тр.), № 585, XVII в.

вид д

Соф. 410, XVI в.
Соф. 411, XVI в.

Варианты, переходные от 1-й редакции ко 2-й

РГБ ф. 304 (Тр.), № 613, XV в.
ф. 304 (Тр.), № 614, XVI в.
РНБ КБ 442/669, XV в.
КБ 449/706, XVI в.

2-я редакция

РНБ КБ 327/584, XVI в.
КБ 346/603, XVI в.
КБ 359/616, XVI в.
КБ 389/646, XVI в.
КБ 391/648, 1611 г.
КБ 448/705, XVI в.
КБ 463/720, XVII в.

КБ 586/843, XVII в.
КБ 794/1051 XVII в.
ПДА А II/7, XVI в.
Соф. 367, XVI в.
Соф. 407, XVI в.
Соф. 408, XVII в.

3-я редакция

РНБ КБ 375/632, XVI в.

Слово о том, како крестися Владимиръ возмя Корсунь

РНБ Q. XVII. 44, XVII в.
О. XVII. 14, XVII в.
К/Б 53/1130, XVII в.
Пог. 946, XVI в.
Пог. 947, кон. XVI в.
Пог. 1559, XVII в.
Соф. 1365, Киево-Печерский патерик Феодосиевской редакции, XVII в.

Другие списки, указанные Н. К. Никольским и А. А. Шахматовым

Шахматов А. А.
Проложное житие, 1-й вид

ГИМ Арх. собр. 19
Чуд. 304/2, XVI в.

РГАДА
ф. Оболенск., № 79, XVI в.

РГИА
ф. 834 (рук. Синода),[1] № 1269, XVI в.
ф. 834, № 1272, кон. XV — нач. XVI в.
ф. 834, № 1285, XVI в.
ф. 834, № 1286, XVI в.
ф. 834, № 1297, XVI–XVII вв.
ф. 834, № 1285, XVI в.

РНБ F. 1. 357, XVI в.
F. 1. 723, XVI в.

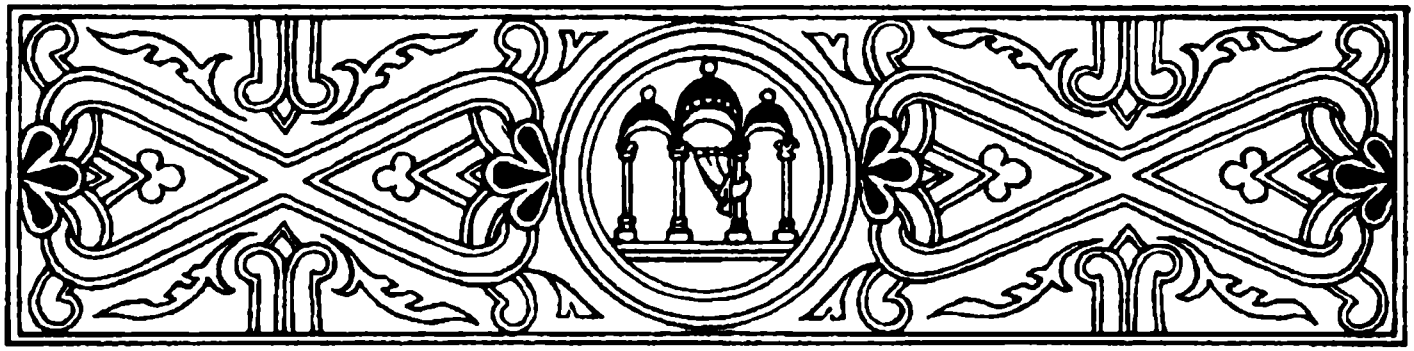
[1] См. также: Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1904–1910. Т. 1–3.

Пог. 947, XVI в.
Тит. 1489, XVII в.

Обычное житие, Краткая редакция
ГИМ Музейск. 505, 1553 г.
РНБ F. 1. 524, XVI в.
F. 1. 691, XVI в.
Q. 1. 788, 2-я пол. XVII в.
Q. 1. 933, 2-я пол. XVI в.
Q. 1. 1000, XVI в.
Пог. 868, XVI в.
Пог. 1935, XVII в.
РГАДА
ф. 187 (МИД), № 451 (919).
Литва, БАН, ОР, 102/158, XV в.

Никольский Н. К.
Краткая редакция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха (Древнее житие)
Костромской Ипатьевский монастырь, № 48, XVI в.
ГИМ, собр. Вахрамеева, № 370, XVI в.

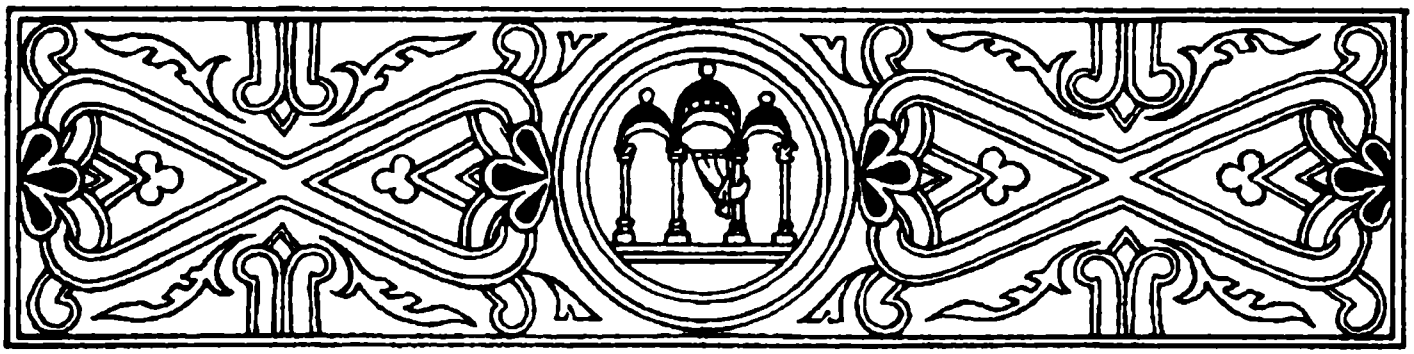
Слово о том, како крестися Володимеръ, возмя Корсунь
ГИМ Чуд. 263 (61), Торжественник, 2-я пол XV в.
РГБ ф. 113 (Волок.), № 229 (652).



Список сокращений

АН	Академия наук.
БАН	Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси.
ВВ	Византийский временник.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины.
ВЦИ	Вестник церковной истории.
ВЯ	Вопросы языкознания.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР (с 1992 г. — на территории Восточной Европы).
ДРИ	Древнерусское искусство.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ИАН	Известия Академии наук.
ИОРЯС	Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.
Кат. Пог.	Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л.-СПб., 1988–2003. Вып. 1–3.
Кат. РГАДА XI–XIV	Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988. Ч. 1–2.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
НИС	Новгородский исторический сборник.
Описание перг. рук. ГИМ	*Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 1. Русские рукописи // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 135–234.
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности Академии наук.
Протасьева	*Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970–1973. Ч. 1–2.

ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РАН	Российская Академия наук.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГИА	Российский (Центральный) государственный исторический архив (С.-Петербург).
РГБ	Российская Государственная библиотека (Москва) (Государственная библиотека им. В. И. Ленина).
РИБ	Русская историческая библиотека.
РНБ	Российская Национальная библиотека (С.-Петербург) — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
СА	Советская археология.
СДЯ XI–XIV	Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. М., 1988 — (продолжающееся издание).
СК	Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1984.
СК-2	Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская) / Редколл.: О. А. Князевская, Н. А. Кобяк, А. Л. Лившиц, Б. Н. Тихомирова, А. А. Турилов, Н. Б. Шеламанова. М., 2002.
СККДР XI–XIV	Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–XIV вв. Л., 1988.
СККДР XIV–XVI. Ч. 1–2.	Словарь книжников и книжности Древней Руси. XIV–XVI вв. Л., 1988–1989. Ч. 1–2.
СОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы.
УТЖ	Український історичний журнал, Київ.
ХЧ	Христианское чтение.
ЧИОНЛ	Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских.
HUS	Harvard Ukranian Studies. Harvard University. Cambridge, Massachusetts.
MGH	Monumenta Germaniae historica.
PG	*Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1850–1887.



Содержание

Введение 5

Глава 1. **Древнейшие произведения о св. Владимире**

1. Этапы сложения летописного рассказа о князе Владимире 13
2. Равноапостольный князь в «Слове о законе и благодати... и похвале кагану нашему Владимиру» митрополита Илариона 33
3. Прижизненное сочинение о князе Владимире — источник летописей и «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха 51
4. Композиция и замысел «Памяти и похвалы» Иакова Мниха 80
5. Возможные фрагменты прижизненного сочинения о Владимире в Древнейшем своде и памятниках XI в. 93

Глава 2. **Биография св. Владимира от рождения до поисков веры**

1. Основные источники 104
2. Св. Владимир от рождения до захвата Киева 107
3. Первые девять лет правления 136

Глава 3. **Развитие житийной традиции о св. Владимире и крещении Руси**

1. Особенности житий святого князя 149
2. Рукописная традиция «Памяти и похвалы» Иакова Мниха и цикла чтений на 15 июля по рукописи 1414 г. (сборник Матвея Кусова) 151
3. Два старших вида Проложного жития св. князя Владимира 162
4. Младшие виды и редакции Проложного жития 181
5. Обычное житие св. Владимира 184

6. Распространенные жития св. Владимира 188
7. Особое (Легендарное) житие 200
8. Похвальные слова 201
9. Службы св. Владимиру 206

Глава 4. **Крещение Руси: летопись, Проложное и Обычное жития св. Владимира**
1. Когда Русь была впервые крещена? 213
2. Исторический контекст крещения Руси св. Владимиром 228
3. Летописный рассказ о выборе веры 245
4. Крещение киевлян 261
5. Состав летописной статьи 6496 (988) г. 267

Глава 5. **Корсунский поход**
1. Хронология восстания Варды Фоки и Корсунской войны 272
2. Письменные источники об осаде Корсуня 283
3. Ход боевых действий 285
4. Цели Корсунского похода 298
5. Сказание о русской грамоте или Корсунская легенда-2? 312

Глава 6. **Церковь и государство при св. Владимире**
1. Распространение христианства: первые десятилетия Русской церкви 321
2. Род Рюриковичей при св. Владимире 349
3. Военно-политическая ситуация на Руси после крещения 360
4. Государство в последние десятилетия правления св. Владимира 369

Глава 7. **Скандинавы и крещение Руси**
1. Дохристианские связи Руси и Скандинавии в сагах и русских летописях 380
2. Олав сын Трюггви 387
3. Бьёрн-исландец на службе у князя Владимира 396

Заключение. **Когда князь Владимир был причислен к лику святых** 399

Тексты

Введение 411
«Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха 417
Проложное житие 1-го вида 435
Проложное житие 2-го вида 441
Обычное житие св. Владимира 446
3-я редакция Распространенного вида жития 456
4-я редакция Распространенного вида жития 462
Особое житие 474
Служба св. Владимиру 478

Приложения

1. Похвала св. Ольге из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха 498
2. Проложное чтение варягам-мученикам 501
3. Сказание о русской грамоте 503
4. Выдержки из жития св. Владимира в Зеленецком конволюте 507

Библиография 513
Именной указатель 540
Этногеографический указатель 556
Перечень рукописей 561
Список сокращений 569

Н. И. Милютенко

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР И КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Древнейшие письменные источники

«Библиотека христианской мысли. Исследования»
«Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях»,
отв. ред. серии Г. М. Прохоров

Директор издательства: *О. Л. Абышко*
Редактор: *Л. А. Абышко*
Корректор: *Н. М. Баталова*
Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

Издательство Олега Абышко,
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37–1–71

По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге
Центр Православной книги «КИФА»
Издательство и склад: тел./факс (812) 232–9274.
E-mail: kifa-kniga@yandex.ru. Сайт: www.kifa-kniga.ru
ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (812) 317–8972; e-mail: ukniga@sp.ru
Торговый Дом «Гуманитарная Академия»
Сестрорецкая ул., д. 8. Тел./факс: (812) 430–7074.
E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

в Москве
Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Тел. (495) 681–2009. E-mail: knigi@blagoslovenie.su
Сайт: http://blagoslovenie.su
ИТД ГК «Гнозис»
Тел. (495) 247–1757; e-mail: gnosis@pochta.ru
ООО «Университетская книга — СПб»
Тел. (495) 915–3284
Торговый Дом «Гуманитарная Академия»
Волоколамское шоссе, д. 3. Тел./факс: (495) 937–6744

Для заказа книг «Издательства Олега Абышко» (СПб.)
по почте пишите по адресу:
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 37, корп. 1, кв. 71.
E-mail: oleg0107@yandex.ru

Подписано в печать 07.07.2008. Формат 60×88 1/16.
36 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ 3321

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография "Наука"»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия В. О., д. 12

В серии «Библиотека христианской мысли» в 2008 г. вышла книга

Св. Ириней Лионский

ПРОТИВ ЕРЕСЕЙ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО АПОСТОЛЬСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Переводы
прот. *П. Преображенского,*
проф. *Н. И. Сагарды*

60×88 1/16. 672 с. Переплет 7БЦ

В настоящем издании представлены все сохранившиеся творения святителя Иринея Лионского (ок. 130–202) — «Обличение и опровержение лжеименного знания» в пяти книгах (по примеру «отца церковной истории» Евсевия и блаж. Иеронима называемое обыкновенно сокращенно «Против ересей») и «Доказательство апостольской проповеди». Св. Ириней, епископ Лионский, был духовным воспитанником св. Поликарпа Смирнского, ученика апостола Иоанна Богослова, и еще сохранял в своих устах живой апостольский голос и дух апостольского учения и Предания. Он пользовался широкой известностью и огромным уважением всей Вселенской Церкви и был миротворцем в споре между Римом и малоазийскими Церквами по обрядовым разногласиям, но особенно прославился своей борьбой против самых опасных еретиков того времени — гностиков. Ревностно опровергая все существовавшие в то время гностические лжеучения, св. Ириней с удивительной ясностью и глубиной излагает апостольское учение о Боге, о спасении, искуплении и воскресении человека, о Евхаристии и последних судьбах мироздания. В его лице мы видим наиболее яркого защитника идеи Церкви, ее значения и необходимости принадлежать к ней. Весьма ценна экзегетическая сторона сочинений св. Иринея, которой в данном издании было уделено особое внимание: были уточнены и дополнены ссылки на Св. Писание и составлен указатель библейских цитат по сочинениям св. Иринея. Прежний русский перевод протоиерея П. Преображенского дается в новой редакции и снабжен, где это необходимо, текстологическими примечаниями.

Для всех желающих иметь твердое основание веры Господней, апостольской, церковной и пить воду спасения из живых источников.

В серии «Библиотека христианской мысли»
в 2008 г. вышла книга

С. Н. Булгаков

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ. СОЗЕРЦАНИЯ И УМОЗРЕНИЯ

60×88 1/16. 640 с. Переплет 7БЦ

«Свет Невечерний» — самая значительная философская работа выдающегося русского мыслителя и богослова о. Сергия Булгакова (1871–1944), род духовной автобиографии или исповеди. По выражению самого автора, «в этом "собранье пестрых глав" мне хотелось выявить в философствовании или воплотить в умозрении религиозные созерцания, связанные с жизнью в Православии... Осознать себя со своей исторической плотью в Православии и чрез Православие, постигнуть его вековечную истину чрез призму современности, а эту последнюю увидать в его свете — такова жгучая, неустранимая.потребность, которая ощутилась явно с XIX века, и чем дальше, тем становится острее». Основные темы настоящей книги — «как возможна религия», «вера и чувство», «религия и философия», «религия и мораль», «грехопадение», «природа зла», «пол в человеке», «власть и теократия», «церковность и общественность», «конец истории» и многие другие.

Для всех интересующихся проблемами философии, религии и культуры.

Монография посвящена истории окончательного утверждения христианства на Руси усилиями св. равноап. князя Владимира. Его деятельность отразилась не только в русских, но и в европейских, византийских и ближневосточных источниках, написанных его младшими современниками. В книге рассмотрена биография св. Владимира и история христианского просвещения Руси, начиная с эпохи Константинопольского патриарха Фотия.

Вокруг крещения и образа святого князя с самого начала складывались легенды, зафиксированные и в русской, и в европейской традициях. История св. Владимира всегда привлекала внимание исследователей, но произведения о крещении Руси и св. Владимире были изучены гораздо хуже циклов житий других русских святых. До сих пор не было издания, включающего все основные произведения о крестителе Руси. В книге собраны наиболее значимые с исторической и литературной точек зрения памятники, в том числе впервые после 1888 г. полностью опубликован текст древнейшей службы.

Для всех интересующихся историей древней Руси и становлением Русской Церкви.

2 000087 610012